

САТПАЕВ

Медеу
Сарсеке

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1067

(867)

72.3Г

С 20

УДК 72.3Г
С 20

Медеу Сарсеке

САТПАЕВ

аб

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2003

УДК 82-94
ББК 72.3г
С 20

*Книга издается по заказу Министерства информации
Республики Казахстан*

*Издание осуществлено при поддержке
МОСККОММЕРЦБАНКА*

Перевод с казахского Сергея Плеханова и автора

Издание второе, дополненное

*Перевод выполнен по изданию:
«Казахтын Канышы».
«Атамұра», Алматы, 1999 г.*

Семейде Абай
Қызылорда облысында
№ 486808

ISBN 5-235-02625-X

© Сарсеке М., 2003
© Плеханов С., перевод, 2003
© Издательство АС «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2003

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К САТПАЕВУ

Если я сказал бы, что с первых своих шагов на тернистом писательском пути сразу решил стать летописцем первого казахского академика К.И. Сатпаева, скорее всего, это вызвало бы у читателей иронические улыбки. Однако бесспорно другое: слава Каныша Сатпаева, вспыхнувшая, как яркая звезда, в зените казахстанской науки еще в сороковые годы, звала всех, в ком билось горячее сердце патриота и гражданина, к дерзаниям; известно, что он был кумиром моих сверстников, юношей, вступающих в жизнь. Прежде всего нас вдохновляли его замечательные дела, ведь он открыл и разведал несметные богатства казахских степей. И молодые, полные энергии и не растроченных сил, страстно стремились получить технические специальности, чтобы, как и он, стать настоящими знаками горно-металлургического дела, а тогда мощные комбинаты поднимались в разных уголках Казахстана...

Я тоже был питомцем того времени, и эта чисто романтическая мечта привела меня в престижный в те годы Казахский горно-металлургический институт. Не думал я тогда, поступая в этот алматинский вуз в 1953 году и окончив его через пять лет, что сама судьба поведет меня по вот уже столет не заростающим травами забвения сатпаевским тропам.

Все началось самым неожиданным образом во второй половине ноября 1958 года. Я уже работал, по воле случая, в редакции молодежной газеты «Лениншил жас». И первое серьезное задание, и первые встречи, опять же по странному совпадению, оказались с рабочими города Жезказгана и поселка Карсакпай, где постигал азы производства молодой инженер Сатпаев и позднее прославился своими удачными изысканиями подземных сокровищ Улутауской земли. Везде и всюду, где мне удалось побывать, я слышал восторженные рассказы бывалых людей об удивительном геологе-первопроходце, сделавшем все

возможное, даже невозможное, чтобы превратить эти полупустынные земли в цветущий край. И на самом деле, как в казахской сказке про Ер Тостика, строившего подземные чудогорода, я наяву увидел среди желтых песков и скалистых гор возникшие точно по мановению волшебной палочки, рудники, фабрики и заводы, водопроводы и сады, иначе говоря, обновленную, кипучую жизнь. Естественно, наряду с другими материалами для газеты, я написал тогда же большой очерк «Так рождался Большой Жезказган». Кстати, именно этой публикацией я начал тему Сатпаева, позднее ставшую главной в моей литературной биографии.

Вторая встреча с этой темой произошла весной следующего года, когда академику, президенту АН Казахской ССР К.И. Сатпаеву исполнилось 60 лет. Я по заданию редактора на много дней засел в архивах академии и Института геологических наук, а потом по крупицам стал собирать живые воспоминания соратников ученого, чтобы полнее раскрыть все грани его таланта, истоки его блестящих успехов, неповторимую притягательную силу его личности. Потрудился я на совесть, написанного мною хватило на три газетные полосы... Но, увы, эти очерки об ученом в день его рождения, 12 апреля, в нашей газете опубликованы не были. Неотвратимый рок помешал осуществить задуманное. Не знаю действительной причины, но будто бы сам юбиляр отказался широко праздновать свое шестидесятилетие, или кто-то из власть имущих распорядился снять все публикации о нем со всех газетных полос. Мне пришлось уже набранные материалы унести домой. Их я бережно хранил до лучших времен, следуя казахской поговорке: «Нужный камень всегда не в тяжесть и когда-нибудь пригодится».

Честно говоря, в то время я не думал заниматься этой темой. Меня, начинающего литератора, тогда увлек жанр научной фантастики, я уже имел изданные книги, по ним был принят в члены Союза писателей СССР.

Но опять в мою судьбу вмешался непредвиденный случай, изменивший все мои прежние планы. Летом 1963 года меня познакомили с известным ученым-археологом, крупнейшим знатоком нашей истории Алькеем Хаканулы Маргуланом, который, как выяснилось, сам меня искал и сразу же предложил заняться изучением жизненного пути Каныша Имантайулы, развернув передо мною замечательные перспективы этой сложной и ответственной темы, не скрыв и трудностей. Восторженная импровизированная речь старейшего академика о Сатпаеве, а он, как известно, был превосходным рассказчи-

ком, умевшим удержать внимание любой аудитории, задела в душе моей самые сокровенные струны. Но я не был уверен в себе, в своих литературных способностях, потому робко возразил, что это не моя тема. Однако Алькей-ага был настойчив: «Ты инженер и одновременно литератор, владеющий пером, сумеешь многое понять в научных делах Канеке, что недоступно для большинства писателей. — Далее он убежденно привел и другие аргументы. — Самое главное, ты — молод, тебе еще нет и тридцати лет. Именно в таком возрасте надо избрать свою заветную тему, а я, каргаш (милый), предлагаю тебе дело всей жизни...»

Признаться, его лестные отзывы о моих первых литературных пробах тешили мое самолюбие, но все же тогда у меня не хватило духу сразу взяться за это дело. Я панически боялся грандиозности задуманного и большой ответственности. Чувствовал себя первоклассником перед исполинской фигурой Каныша-ага. Однако заманчивые слова академика Маргулана не остались втуне. Как семена, брошенные в орошенную дождем почву, они просились на свет. В голове моей одна за другой рождались мысли о будущем произведении и уже не давали мне покоя.

Меня воодушевила высокая цель — запечатлеть для нынешнего и будущих поколений образ легендарного ученого и окружавший его мир — мир, по сути похожий на бушующий, открытый всем ветрам океан, в котором он, Каныш-ага, как бесстрашный и мудрый капитан уверенно вел большой корабль через рифы и штормы к желанному берегу. Если уж сказать точнее, без символических образов, это поистине был путь всего казахского народа в XX веке. Передо мной открывались захватывающие возможности показать этот путь, полный трагизма и героических свершений.

Прошедший век внес неслыханные перемены в старые традиции нашего народа: произошел переход к оседлому укладу жизни; появились новые города, вместе с ними — большие и малые промышленные центры в степи; бывшие кочевники-животноводы потянулись к знаниям, к новым профессиям; открылись тысячи общеобразовательных школ, техникумов, вузов, появились научные учреждения. В итоге все это привело к духовному обновлению бывших степняков, и в гущу этих эпохальных событий как выдающийся ученый и первопроходец стоял Каныш Имантайулы Сатпаев, ставший символом и гордостью возрождающейся нации...

Естественно, я уже загорелся желанием скорее воплотить нахлынувшие на меня мысли в металле книжных строк. И осе-

нию 1963 года я вплотную приступил к сбору материалов о великом нашем современнике. Благо, наш Семипалатинск, где я жил, работая на производстве по своей технической специальности, располагал богатейшими хранилищами старых книг и архивных документов, знай только — где и в каких фондах их искать. Между прочим, я сразу же был вознагражден за свой труд, обнаружив множество свидетельств пребывания юного Каныша Сатпаева в Семипалатинске в годы учебы здесь, в учительской семинарии и в первые годы работы... Потом утомительно долгие, но интересные поиски продолжались в архивах и в других городах, где также были обнаружены ценные для меня материалы, касающиеся участия Каныша-ага в жизненно важных делах. Очень многое я почерпнул в персональном архиве ученого, в те годы находившегося в ведении Института геологических наук АН Казахской ССР.

Вначале я наивно полагал, что на сбор материалов я потрачу два-три года, еще столько же на написание биографического документально-художественного романа, но по мере продвижения вперед и углубления в архивы меня ждали все новые и новые потрясающие факты, и я, как охотник, уже обнаруживший свежие следы, шел по этим следам, не давая себе передышки. За первые десять лет я дважды побывал на родине ученого — в Баянауле, четырежды, притом каждый раз по месяцу, и летом, и зимой, в отрогах Улутау, где целых пятнадцать лет вел беспримерные изыскания геолог Сатпаев. В поездках я был обогащен поистине бесценными находками. Скажу больше, и в Баянауле, и в Жезказгане я застал людей, которые знали и помнили аул Сатпая и маленького Каныша, а во втором городе я застал еще много сослуживцев, проработавших с ним в геологической разведке десятки лет. Я записал их воспоминания, таких записей у меня накопилось более четырехсот. Впоследствии они оказались кстати. В моем архиве и сейчас хранятся рассказы друзей, соратников Каныша Имантайулы, оставивших свои воспоминания о встречах, беседах и совместной работе с ним, общее количество их более сотни, некоторые из них объемом до сотни машинописных страниц.

Таким образом, за десять с лишним лет непрерывного поиска мне удалось собрать огромный материал. Пора было садиться за саму книгу. А я все еще тянул — то ли не хватало дыхания, то ли окончательной решимости. Вернее, писать-то я писал много: документальные новеллы, посвященные наиболее ярким эпизодам из жизни ученого и новые главы давно задуманного исторического романа в двух книгах, условно наз-

ванного «Большой Жезказган». Отдельные куски, отрывки из него, а также и некоторые новеллы изредка публиковал в периодических изданиях. Чуть позже, как бы в качестве пробного шара, выпустил в свет сборник новелл. Но в начале 1972 года директор казахстанского литературного издательства «Жазушы», известный писатель Ильяс Есенберлин, пригласив меня на беседу и не очень церемонясь, внес существенные коррективы в мои творческие планы. Оказывается, они задумали начать издание для детей и юношества новой серии книг «Жайсан жандар», нечто вроде «ЖЗЛ» московского издательства «Молодая гвардия». И «Сатпаев», написание которого он обязал меня ускорить, должен был выйти в этой серии под номером один. «Так нужно для престижа новой серии, и для тебя — честь быть автором такой книги! — сказал директор твердо. — А роман свой закончишь позднее и не торопясь. Выпуская биографическую книгу о Канеке, ты приведешь собранные материалы в порядок, да и свои задумки тоже...»

Разумные слова крупнейшего писателя и человека опытного в издательских делах меня убедили; отложив ранние записи в сторону, я сел за книгу об ученом, основанную строго на документах. Завершил ее довольно быстро, по-видимому, сыграли роль долгая подготовка и знание материала. Готовую рукопись я сдал в конце 1974 года в редакцию детско-юношеской литературы. Пройдя все положенные инстанции проверок, рецензирования и доработок, ровно через год она успешно дошла до типографии. Но, увы, осенью того же года из ЦК КП Казахстана последовал строгий запрет на выпуск почти готовой книги, и она, как «плод, до времени созревший», пролежала, так и не увидев света, на моем столе полных четырнадцать лет, то есть до смены политического руководства в республике. Причины сего казуса были не в литературных недостатках рукописи, а в другом, они известны обществу. Рассказывать о них — слишком долгая и неприятная история. Потому, опуская гнусные подробности этих манипуляций, приведу лишь одно объяснение: всегда так было и будет, если обществом долго вне критики будет править одно и то же лицо, считающее свое мнение истиной в последней инстанции; именно во времена непомерно раздутого культа личности Д.А. Кунаева было совершено это беззаконие, заставившее казахского читателя ждать документальной книги о Сатпаеве столько лет; причем, ради того, чтобы предать забвению великое имя Каныша Сатпаева, на корню подрубили замечательную идею выпуска для молодежи книг серии «Жайсан жандар».

Наконец-то можно сказать, что после долгой творческой жизни мне удалось осуществить без ограничений и грубых вмешательств извне почти все свои замыслы. Что и говорить, я был чрезмерно счастлив. Судьбе было угодно возвести передо мной множество преград, но я проявил настойчивость и терпение в преодолении их, да и твердая вера в высокое предназначение моего героя помогли мне не отступить от однажды выбранной творческой цели. И это, в конце концов, позволило мне успешно закончить задуманное.

По сути настоящим изданием «Сатпаева» я завершаю эту тему, хотя сама тема неисчерпаема по своей глубине, разнообразию и сложности, и всегда будет благодатным материалом для все новых и новых поколений писателей. Лично я, написав и выпустив за сорок лет в свет несколько малых и больших документально-художественных произведений о замечательном сыне своего народа (общий тираж их превысил сейчас более трехсот тысяч экземпляров), все же хочу поставить точку. Ибо сказано все, повторять написанное не желаю...

Медеу САРСЕКЕ

Семипалатинск, Республика Казахстан,
июнь 2003 года

часть первая

ИСТОКИ

* Словосочетание «История».

** Словосочетание «История».

«Дитя человеческое не рождается на свет разумным. Только слушая, созерцая, пробуя все на ощупь и на вкус, оно начинает осознавать разницу между хорошим и плохим.

Чем больше видит и слышит дитя, тем больше узнает. Много можно усвоить, внимая словам разумных людей. Недостаточно обладать разумом, только слушая и запоминая наставления знающих, избегая пороков, можно стать полноценным человеком».

Абай КУНАНБАЕВ,
1893 год

«Одну тридцать шестую часть всего мира занимает свободлюбивый казахский народ. Свободный — вот его поэтическое название. Свобода — вот за что он непрерывно боролся в веках. Священ и велик в его сознании смысл этого слова...»

Каныш САТПАЕВ,
1949 год

МЛАДШИЙ СЫН

I

В начале апреля аулы Аккелинской волости один за другим покидали места зимовок. Некоторые держали путь к берегам озера Караколь, другие отправились к Ниязским горам. Только аулы Сатпая по-прежнему оставались в урочищах Карамурын и Обалы. Арбы стояли возле юрт, задрав оглобли в небо, а верблюды, предназначенные для запряжки, еще паслись на дальних пастбищах.

На первый взгляд могло показаться, что оба эти аула Большой и Малый — не думают нынче откочевывать на джайляу*, намерены провести лето здесь, в голых урочищах, сжатых пологими сопками. Но это была только видимость. Люди исподволь собирались в дорогу. Джигиты давно уже неприметно готовили верховых лошадей к дальнему походу. Женщины тоже то и дело что-то подшивали, по-новому подтягивали бесчисленные тюки.

Младшая жена волостного бия** Имантая Сатпаева тридцатисемилетняя Алима, страдавшая тяжким недугом, была на сносях. Вот почему глава аула не отдавал долгожданного распоряжения об откочевке. Обыкновение кочевников не принимать во внимание такой пустяк, как роды, оказалось нарушено. Нельзя было и думать о перевозке больной. Бию пришлось задержать переход на джайляу, оставив исхудавший скот на скудном корме.

Он распорядился перегнать стада на самые дальние пастбища, дабы как-то поддержать животных в эти трудные дни. А мужчинам приказал поставить утепленные юрты-уранкай, чтоб люди хотя бы дышали свежим воздухом весенней степи. Только Алима по-прежнему оставалась на зимовке. Ее жили-

* Отгонное пастбище.

** Выборный родовый судья.

ще постоянно отапливали. И, конечно, днем и ночью возле нее сидели старухи. Имантай особенно дорожил здоровьем своей младшей жены – слишком много у него было связано с нею...

Ему уже за пятьдесят. С первой своей женой Нурум Тасболаткызы он прожил дружно более четверти века, но детей у них не было. Супруги безутешно горевали. Лишь однажды за все годы супружества они услышали в своем доме желанный плач младенца и то ненадолго – девочка Кунше, родившаяся в 70-е годы, умерла раньше, чем научилась произносить слово «отец».

Тоска по детям постоянно терзала стареющую чету, как недосыгаемая мечта. В 1885 году супруги усыновили малыша Абсаляма, сына родного брата Жамина, в надежде, что на голос младенца в доме отзовется и другой малыш – такая была народная примета. Не помогло и это. Прошли годы, Абсалям вырос любимцем и баловнем бездетных супругов и уже птицей взлетал в седло, поднимая на дыбы резвых скакунов. Он носил фамилию Имантая, а прибавления в доме бия так и не появилось. Он уже отделился от большого аула Сатпая, построив в двух верстах в местечке Карамурын новую зимовку, которую стали называть «Младшим аулом», а ожидаемая радость к нему все еще так и не приходила.

Наверное, непреодолимая тоска по младенцу постоянно угнетала его, и однажды случилось чудо. Имантай возвращался из дальней поездки, и пришлось ему заночевать в степи. Было лето. Заснув, утомленный путник увидел сон: приснился ему белобородый, в белой одежде старец, который ехал на светлом коне, остановившись, он спросил: «Почему, дитя человеческое, спишь один в безлюдной степи?» Имантай ответил, что всю жизнь мыкается в одиночестве, потому что нет у него детей. Растрогали эти слова старца, и он сказал: «Не быть тебе больше одиноким, дарю тебе сразу трех малышей, вот они, бери их и наслаждайся!..» Не успел Имантай вымолвить слова благодарности, как старец исчез так же быстро, как и появился. Растроганный путник долго лежал в полусонной дреме, упиваясь сладкими видениями, и вдруг почувствовал, как к его боку прижались детеныши – барса, волка и лисицы. Вначале он испугался, стал отталкивать их от себя, а они не хотели уходить и жались к нему еще теснее, будто желали согреться его теплом в ночной прохладе.

Проснувшись на заре, Имантай вспомнил свой чудный сон и завернул по дороге к Курмантаю абызу, почтенному старцу родового союза «Тортуул»*. И он разгадал его сон как

* Дословно: союз четырех сыновей Суюндика, родоначальника.

подарок судьбы и сказал: «О, уважаемый Имантай, не быть тебе больше одиноким! Возвращайся в свой аул, передай мои слова почтенному Сатпаю, как верный совет. Жениться тебе следует на молодухе, и она подарит тебе двух славных сыновей, которые будут смелыми орлами и высоко над степью вознесут твое имя. Будет также у тебя и красавица-дочь. Это тебе явился Хызыр-Ата*. Значит, придет в твой дом счастье, остаток лет проведешь ты без горя... Я благославляю тебя на второй брак!..»

Старшие аула, посоветовавшись, одобрили наказ почтенного абыза, пригласили Нурум байбише** на семейный совет, она безоговорочно согласилась, только поставила условие, что, мол, сама выберет соперницу. Выбор ее пал на вдову Канафии — покойного племянника Мусы Чорманова, бывшего старшего султана Баянаульского внешнего округа. Сватам достопочтенного Сатпая не отказали. Добрая и красивая Алима уже два года вдовствовала в господском ауле, вскоре она переехала в дом Имантая, ей шел тридцать первый год, а главе очага уже сорок седьмой. И через год, точнее в 1892 году, родилась девочка, назвали ее Газизой. Еще через два года появился долгожданный сын. Приглашенный по такому случаю Курмантай абыз, открыв святую книгу Коран, дал ему имя Габдул-Газиз, что означает в переводе с арабского «Верный раб Всевышнего», но родители назвали малыша ласкательно — Бокеш. Однако счастье Имантая было зыбким. Алима часто болела, в наследство от первого мужа ей досталась неизлечимая в то время болезнь — туберкулез легких. Недуг, усиливаясь с годами, часто надолго приковывал ее к постели...

С тех пор прошло еще пять лет. А суеверный Имантай, доверившись предсказаниям святого старца, терпеливо ждал появления еще одного младенца — сына. Даже говорил близким, что это будет настоящий барс, который наверняка прославит наш род!

Но вот тягостному ожиданию пришел конец. Двенадцатого апреля на заре в ауле появился новый человек. Мальчик родился большим. Особенно удивляла жителей аула его необычайно крупная голова с густыми волосами. Лицом он пошел в мать — открытым и добродушно улыбчивым, а спокойный характер новорожденный явно унаследовал от отца.

* Святой отец.

** Старшая жена.

В большой юрте бия собралось все взрослое население обоих аулов. После традиционного угощения, когда женщины по знаку Нурум байбише убрали посуду, к старейшему аксакалу рода каржас Курмантаю-абызу поднесли младенца Алимь.

— Почтенный Имеке, — обратился он к хозяину очага. — Я не назову твоего наследника ни беком, ни ханом, ни батыром. Я назову его по священной книге — Корану — именем Габдул, что по-арабски означает раб, ибо все мы рабы Всевышнего. Однако не простым, а Высоким рабом нареку я его! — Взяв младенца на руки, он приоткрыл ему уши и старательно выговорил: — Сын мой, отныне имя твое будет **Габдул-Гани, Габдул-Гани!**..

Прочитав затем молитву, старец вернул безмятежно спящего младенца Нурум байбише.

— Габдул-Гани, Габдул-Гани! — повторяли присутствовавшие на церемонии, словно боясь забыть труднопроизносимое имя.

Это событие было аккуратно зафиксировано на чистой странице переплета Корана, хранимого в доме Имантая: *«В год Доныза (Кабана. — М.С.), по новому календарю в 1899 году в месяц наурыз (март), 31 дня всемилостивый Аллах подарил своему рабу по имени Имантай, повиновавшемуся Ему безропотно, сына. Нарекли его именем из святой книги Габдул-Гани»*. Благодаря чему особо ничем не примечательное сие событие, потом уж ставшее важным, сохранилось в памяти домочадцев аула Сатпая...

Новорожденного перенесли на женскую половину дома.

— Габдул-Гани? Высокий раб? — переспросила Алима, беря сына на руки. — Не бывать ему рабом, даже высоким! Назовем его Гани... Нет, поласковее — *Каныш-тай*, — произнесла мать еле слышным голосом. — Мой **Каныш**, дитя мое, радость моя!..

Алима была настолько ослаблена болезнью, что не могла кормить сына. Уход за ребенком был поручен здоровой и веселой аулчанке Меиз, которая кормила собственного младенца. Простая, трудолюбивая, преданная семье Сатпаевых женщина стала как бы второй матерью младшему сыну Имантая. (Пройдут годы, и благодарный питомец Меиз назовет свою собственную дочь ее именем. А когда у него родится внук, он даст ему имя своего молочного брата, верного товарища всей его жизни Нурлана Касенова.)

Только в мае аулы Сатпая начали откочевку. Двигались не торопясь, стараясь не изнурять исхудавший скот, давали ему возможность нагуливать вес, набирать силу. К тому же бий берег слабую еще Алимую и маленького Каныша.

С каждым днем степь становилась наряднее и богаче. Цветы и сочная зелень радовали глаз и веселили души. На пятом переходе люди Имантая достигли речки Шабакай, которая терялась в сплошных зарослях чилика и тальника.

В долине реки расположились джайляу многих аулов. Имантай распорядился объявить всем сородичам и соседям из иных родов, что в ближайшие дни он будет праздновать рождение сына.

И вскоре в Младший аул почтенного Сатпая отовсюду стали стекаться гости. Приезжали из ближних аулов, приезжали издалека — много друзей было у Имантая, все, кто уважал и ценил его, считали своим долгом поздравить с новорожденным сыном. И, конечно, через «Узун кулак»* добрая весть достигла ушей всех любителей всяких праздников и сборов. Так или иначе, в аул Сатпая отовсюду съехались прославленные баянаульские певцы и акыны, чтобы показать свое искусство и послушать друг друга. Всех — и знатных и простых — радушно встречал аул в то лето. Хлебосольево этого аула было известно, их считали богатыми людьми. Но на сей раз устроитель торжества превзошел будто бы самого себя, восхитив щедрым угощением всех приезжих. Было весело. Дело в том, что и сам Имантай великолепно играл на домбре и неплохо пел...

Вот какие конкретные данные приведены в книге «Павлодарский уезд», изданной в Воронеже в 1903 г., участниками экспедиций ученого-статиста Ф. Щербины, на основе общей переписи, проведенной в 1897 г.: в таблице главой (аксакалом) № 1 аула Аккелинской волости назван Сатпай Шотиков: во владении его было 8 кибиток, людей — 60 душ, они проживали зимою в 9 домах (один деревянный), летом на джайляу выезжали с 11 юртами; общее количество скота составляло 265 лошадей, 119 голов крупного рогатого скота, 30 верблюдов, 611 овец и 95 коз... Для содержания такого довольно значительного хозяйства они держали двух батраков с домочадцами, очевидно, с их помощью заготавливали до 650 копен сена. На зимовках их было два колодца с горьковатой водой, а зимою употребляли снеговую воду.

* Дословно: «длинные уши», иначе говоря, «степной телеграф».

Гости поздравляли хозяина и желали маленькому наследнику всевозможных благ. Чтобы был знатным и справедливым бием, таким же, как его дед и отец. Чтобы вырос сильным и славным представителем своего рода. Чтобы еще приумножил богатства аула. Много чего напророчили гости маленькому Канышу. Но никто не пожелал ребенку, чтобы стал он ученым человеком. Никто не угадал, чем выделится наследник Сатпая...

Первый аул Аккелинской волости, где родился Каныш, находился на расстоянии трехдневного перехода от уездного центра — Павлодара, шестидневного — от областного центра Семипалатинска и примерно на таком же удалении от Омска. В те времена степь еще не считала верст, основной обиходной мерой был путь, который сильный конь мог одолеть за полный световой день. Гордость XIX века — паровозы и стальные рельсы — еще не пришла сюда. Диковинкой были и другие эпохальные изобретения уходящего века: электричество, телеграф, автомобили. Все это казалось коренному степняку сказкой...

Неудивительно поэтому, что среди 165 тысяч казахов Павлодарского уезда в тот последний год уходящего века насчитывалось всего несколько десятков людей, знавших русскую грамоту. Для ведения хозяйства степнякам не нужны были книжные знания. Скотоводство кормило и одевало казаха.

В персональном архиве академика, хранящемся в Государственном архиве РК, есть воспоминания современников, хорошо знавших Каныша в детские годы.

«Он рос, как все дети нашего аула... Играл в асыки — для этого мы взбирались на вершину сопки Карамурын, где была ровная площадка. От нас, особенно от своего брата Бокеша — шумливого мальчика, мастера на всевозможные выдумки, — Каныш отличался тихим нравом, неразговорчивостью», — вспоминает Мукуш Шадетов. «С малых лет у него был недетский характер, — пишет другой очевидец. — В одну игру Каныш не мог долго играть, глядишь — и заскучал раньше всех... Помню его голос, звонкий и мелодичный. Играть на домбре он научился немного раньше всех нас, своих сверстников». «В детстве он был совсем малорослым, а голова у него была необычайно большая: из-за этого до двух лет он не мог без посторонней помощи стоять на ногах — голова перетягивала. Каныш часто хворал, рос хилым, болезненным...» — вспоминает его дядя Мажикен Ержанов.*

* Бабки.

По рассказам сверстников, шумным играм маленький Каныш предпочитал сидение над книжкой с картинками, кем-то из старших завезенной в аул. Весной, с переездом на джайляу мальчик любил бродить по степи, искать яйца диких гусей и уток в зарослях прибрежного камыша у озера, собирать полевую клубнику. Верховая езда приводила его как истого степняка в восторг.

Конечно, жизнь кочевников не была сплошным праздником. Суровая природа испытывала людей холодными сильными ветрами, ливнями и снегопадами. Бесконечные переходы, необходимые для выпаса стад, доставляли детям много невзгод. В холодные дни весенних и осенних кочевок ребята толпились вокруг дымившего посреди юрты очага, чтобы отогреть коченеющие руки и всегда босые ноги. И суровую долгую зиму нелегко бывало проводить в тесных, глинобитных хижинах с их убогим отоплением и освещением.

Но трудные условия жизни, каждодневное соприкосновение с природой закаляли детей. И они вырастали неприхотливыми, мужественными, терпеливыми и стойкими ко всякого рода испытаниям. *«Хотя Каныш был самым младшим в семье, Имантай-ата не делал для него никаких поблажек и исключений, — рассказывает Нурлан Касенов. — Глава нашего аула всегда придерживался в воспитании своих детей, да и всех нас — аульных мальчишек — строгих правил. Все должны трудиться. И малые, и взрослые. «От труда люди не умирают, а становятся крепкими и гордыми» — вот его жизненное правило».*

В возрасте двух лет (по некоторым сведениям, пяти лет) Каныш лишился родной матери. Чахотка погубила Алиму. Из-за давности прошедших лет многое забылось, стерлось в памяти людей, но все же некоторые земляки и близкие сохранили в сердце светлый образ этой женщины: она была на редкость красивой, с молочно-белым лицом, на что люди всегда обращали свое внимание, глаза ее лучились теплотой, как бы притягивая к себе взоры окружающих; и главное, что не забылось — Алима знала множество загадок, песен и стихов... И когда в долгие зимние вечера приходилось коротать время, устраивая состязания по отгадыванию загадок или пению песен — она всегда выходила победительницей. «Ак женеше»*, как ее в ауле называли, зачастую придумывала загадки сама, при этом в стихах. Вот образец одной из них: «Что-то черное видно: не грачи, однако, и не волк грозный, хотя очень большим кажется — не тот хищник, еду себе несет — не курт и не еремчик**, даже не масло и

* Дословно: белолицая сноха.

** Сушеный творог.

не жент* ...А вот остановился черт, устраивает себе гнездышко. Пузатым стал, скоро, наверное, лопнет. Кровью напился. А кто это такой?..» Играющие в недоумении, всякое наговорят, чтобы скорее отгадать, но не могут, и тогда Алима, игриво улыбаясь, показывает на тарантула, ползущего по стене... За добродушный, веселый нрав, еще и за то, что она никому — ни старшим, ни младшим ни в чем не перечила — ее уважали все в ауле Сатпая, и конечно, всем она нравилась тем, что принесла в дом Имантая счастье, родив славных трех детей. Первых двух ей пришлось отдать Нурум байбише, так нужно было — традиция предков, тем более та своих детей не имела. А вот младшенький Каныш был ее любимцем, она баловала его. Впоследствии он вспоминал: *«По рассказам моих аулчан, мать особо оберегала мой покой. Если я засыпал на коленях ее, она могла сидеть часами, не двигаясь, чтобы я не проснулся. Будто знала, что я ее последняя радость, и говорила даже “Моя радость, мой младшенький!..”»*

Старшая жена отца, бабушка Нурум — Нур-апа заменила рано осиротевшему мальчику настоящую мать, и ребенок отвечал ей подлинно сыновней любовью.

Известно, что его дед Сатпай был истинным приверженцем исламской религии. Следуя обязательному для всех мусульман долгу, он в возрасте семидесяти девяти лет, в начале 1902 года с группой сородичей отправился в Мекку. Из далекой Саудовской Аравии он не смог вернуться, заболев на пути к священному черному камню Кааба, умер и был похоронен в Мекке. По канонам мусульманской религии этой участи удостоиваются лишь избранные Аллахом, они являются истинными хаджи. А потомки, близкие их благословляются Всевышним и окружаются особыми почестями среди живых. И баянаульцы с тех пор его родовое зимовье стали называть «Аулом хаджи Сатпая».

По заведенному предками порядку размеренно текли будни в обоих аулах хаджи Сатпая. Ранней весной отправлялись в дальний путь, возвращались на зимовку глубокой осенью. Зимой джигиты часто седлали коней, группами выезжали на охоту, иногда отправлялись погостить в другие аулы. Изредка сами принимали гостей. Уход за скотом, разговоры о пастбищах, о кормах, заботы о том, чтобы выгодно продать лошадей на ярмарке и на вырученные деньги приобрести необходимые утварь и припасы, — все это целиком заполняло дни кочевника, и время бежало незаметно — неделя за неделей, год за годом...

* Блюдо из пшена.

Каныш уже стал лихим наездником. Умел без помощи старших взобраться на коня — правда, ему приходилось забираться на третью ступеньку лестницы, прислоненной к стене дома, чтобы добраться до седла. Мальчик выполнял несложные хозяйственные поручения, пригонял с пастбища дойных кобылиц или отправлялся пригласить родича по делу из Большого аула.

Как и все мальчишки его возраста, Каныш иногда озорничал и шалил. *«Большой радостью для детворы в зимнее время было извечное развлечение — игры и катание на воздухе. Уже будучи взрослым, Каныш Имантаевич вспоминал забавный случай из своего детства, — пишет в своих воспоминаниях* Таисия Алексеевна Сатпаева. — Около их зимовки, в местечке Карамурын, был невысокий холм... Будучи еще малышом, он с товарищами катался на салазках только с этого холма. С возрастом проявились и храбрость, и стремление к более сильным ощущениям. Началось катание с большого камня, лежащего на вершине холма, оттуда сани летели, как стрела, а маленький человек ощущал себя в этом полете, как птица. Однажды плохо управляемые сани врезались прямо в окно зимовки, затянутое пузырем**, и веселая компания мальчишек влетела на санях прямо в помещение, устроив там шумный переполох...»*

К годам отрочества Каныша Имантайулы относится рассказ его молочного брата Нурлана Касенова: *«У Каныша была любимая собака — Алыпсок. Однажды, это было в первый день обратной перекочевки на зимовку, когда все взрослые аула были заняты устройством быта, вдруг слышу крик: «Ой, смотрите, Каныш что-то волочет!» Мальчик шел со стороны холма Карамурын, волоча по земле что-то тяжелое. А рядом с ним — его преданный четвероногий друг Алыпсок. Подбегаю к ним, вижу уже мертвого зайца... Удача, конечно, случайная. Но это нам не помешало подсказать доброй Нур-апа достойно отметить первое боевое крещение нового удачливого охотника в нашем ауле...»*

Земляки Каныша славились как охотники. Многие держали соколов, ястребов. Каныш любил наблюдать соколиную охоту на уток. Поэтому охотники, выезжая на озера

* Рукопись хранится в домашнем архиве К.И. Сатпаева. В дальнейшем мы неоднократно будем ссылаться на эти ценные мемуары.

** Из-за отсутствия стекла кочевники окна зимовки затягивали овечьим пузырем.

неподалеку от аула, частенько брали с собой младшего сына Имантай-ага. Тогда он просил оседлать своего саврасого и с большим достоинством выезжал из аула в толпе всадников.

Однажды во время охоты молодые джигиты, увлеченные погоней за лисой, не заметили, как Каныш исчез из виду. Спустя некоторое время его конь вернулся в аул без хозяина, волоча чембур — повод от уздечки по земле. Перепуганные аульчаны немедленно отправились на поиски. Виновник переполоха вскоре нашелся. Он спокойно шагал в сторону родного кочевья, тихо напевая, словно ничего не случилось. Карманы его бешмета были набиты разноцветными камнями. Оказалось, что, отстав от охотников и потеряв кавалькаду из виду, мальчик набрел на необычную россыпь, искрившуюся под солнцем. Он слез с коня, стал собирать камни и не заметил, как чембур выскользнул из рук. Когда он попытался поймать саврасого, конь ускакал. Пришлось идти пешком. Но разноцветные камни, показавшиеся интересными и загадочными, Каныш не бросил. Вряд ли следует всерьез связывать одно из многих увлечений детства с будущей профессией ученого. Но мальчик и в дальнейшем не забывал о таких камнях...

ПОЧЕМУ ЖЕРЕБЕНКА НЕ СЪЕЛ ВОЛК?

I

В ауле Сатпая было заведено: дети, достигшие семилетнего возраста, в течение последующих трех-четырёх лет должны обучаться грамоте. Обучением детей в Большом ауле занимался мулла. В свое время Имантай тоже прошел эту «школу». Однако он не довольствовался знаниями, полученными от аульного учителя. Семнадцатилетний юноша в 1862 году едет в далекий Омск — и поступает шакиртом* в медресе Абдрахима...

Медресе Абдрахима в то время считалась лучшим мусульманским учебным заведением во всем Степном крае. В Омске Имантай Сатпаев учился три года. Для прилежного и неглупого джигита эти годы стали годами возмужания. Он хорошо усвоил основы арабского и чагатайского языков, здесь же впервые познакомился с образцами классической литера-

* Ученик.

туры Востока. Именно в те годы он сошелся с уже прославившимся знаменитым путешественником по Восточному Туркестану и ставшим кумиром образованной молодежи — Чоканом Валихановым, который служил в те годы адъютантом губернатора по особым поручениям. Их знакомство, по свидетельству академика Национальной АН Республики Казахстан А.Х. Маргулана, знавшего его и неоднократно беседовавшего с ним в молодые годы, было настолько близким, что какое-то время Имантай проживал в квартире Чокана. Думается, не без влияния широко образованного Чокана Чингисулы в эти годы Имантай приобщился к русской культуре, самостоятельно изучив язык. Потому на вопрос в анкете переписи 1897 года он ответил: *«По-русски понимаю и читаю...»*

Близкое знакомство с блистательным молодым ученым казахом, тем более являвшимся внуком близкого им по крови знаменитого Чорман бия (деда Чокана по матери), оставило в душе юного шакирта неизгладимый след: и когда Ч. Валиханов, сверкнув, как «промелькнувший метеор», неожиданно в 1865 году умер вдали от родины, в Семиречье, не дожив даже до тридцати лет, в числе лиц, совершивших многодневную трудную поездку на поклон к праху покойного в Алтын-Эмеле, наряду с его близкими родственниками оказался и двадцатилетний Имантай Сатпаев. Выбирали для поминальной миссии не всех тех, кто очень хотел там быть, исполняли желание убитого горем несчастного отца, султана Чингиса Валиулы Аблайханова. Наверняка было учтено кроме благородного происхождения и положения в обществе, еще и близкое духовное родство с покойным...

К сожалению, житейские обстоятельства не позволили ему продолжить свое образование — он слишком поздно поступил учиться, достигнув возраста зрелого мужчины, должен был заводить семью и иметь свой дом. Так закоренелая старая традиция кочевников прервала путь уже вкусившего плоды знаний молодого человека к более углубленным занятиям науками... Он возвратился на родину. Позднее Имантай чувствовал: ему не хватает знаний, и глубоко сожалел, что не получил смолоду основательного образования. Чтобы этот удел не постиг молодое поколение Сатпаевых, он постоянно держал в своем ауле мусульманскую школу, на свои средства нанимая для нее лучших учителей-мулл. Благодаря этому все дети его аула в обязательном порядке осваивали основы арабской азбуки в течение двух-трех лет. Наиболее даровитые затем отправлялись в города, чтобы продолжить учебу в русских школах.

Первым из молодых Сатпаевых выдвинулся Абиkey Зеинулы (1881—1937), успешно окончивший аульную школу, затем был принят в русский пансионат в Омске, он завершил учебу в 1909 году в Семипалатинской учительской семинарии. Вернувшись на родину, он начал просветительскую деятельность в аульной школе, затем был переведен в Павлодарскую русско-киргизскую*, а перед революцией — в Семипалатинскую учительскую семинарию. Из короткой пятидесятилетней жизни тридцать два года Абиkey Зеинулы Сатпаев посвятил делу просвещения своего народа. По стопам Абиkey пошли и другие Сатпаевы. Назовем лишь имена старших — Абдикарим (Карим) Жаминулы (1897—1937), Газиз Имантайулы (1894—1937), Абсалям (1885—1943) и Магаз Жаминулы (1888—1942)...

Как видно, этот аул с конца XIX века уже превращался в образцовый центр образования и культуры не только в Баянаульском регионе, но и на всей обширной территории Сарыарки. Сатпаевы не были самыми богатыми людьми в степи, но зато они были впереди всех по уровню образованности. Именно этим они были обязаны своему мудрому главе аула Имантаю, который сумел-таки направить своих кровно близких подопечных — молодую поросль на праведную стезю просвещения, по-житейски правильно угадав наиболее верный и доступный путь к будущему.

Приведем еще несколько цифр из переписи 1910 года, проведенной областным переселенческим управлением, которые были опубликованы в книге, изданной в Семипалатинске в 1912 году: в ауле Сатпая, вернее, у его четырех сыновей с потомками имелось 26 зимовок со скотскими дворами (на джайляу они выезжали с 11 юртами и 9 косами — легковесными летними жилищами), братья совместно владели тремя сенокосными и столькими же сеноуборочными машинами на конной тяге, 53 телегами и санями, у них было в том году 474 лошади, 256 голов крупного рогатого скота, 1240 овец, 111 коз и 36 верблюдов.

Богатства за прошедшие годы особенно не прибавилось, поголовье скота осталось почти на том же уровне, как тринадцать лет тому назад... Но зато этот аул, в отличие от соседних, зажиточных, владел другим бесценным богатством — духовным. Вот информация к размышлению: в обоих аулах хаджи Сатпая в 1910 году проживало 69 человек (из них 34 человека мужского пола), старше 55 лет — семеро, между 18—55 годами — 34, а моложе 18 лет — было 28 человек.

* До 1925 года казахов называли киргизами, переноса на них название соседнего народа — собственно киргизов.

Восемь человек, конечно, одни лишь молодые, в том году учились в волостной русско-казахской школе.

По сведениям подсчетчиков переселенческого управления двадцать один человек из потомков Сатпая считали себя грамотными по-мусульмански и по-русски, то есть почти каждый третий мог писать и читать.

Глава аула был строг в выборе учителей. Для преподавания детям мусульманской грамоты он приглашал не случайного муллу-учителя, а подбирал для этого в городе способного выпускника из известных медресе. Например, в 1910-е годы в ауле Сатпая работал учителем молодой джигит Жумаш Жолдыбаев, окончивший Троицкое медресе, в то время притягивавшее взоры представителей казахской общественности, особенно желающих получить приличное мусульманское образование. Он не ограничивался проповедью Корана, занимался с детьми и по другим предметам.

Пришло время братья за ум и маленькому Канышу, и однажды он с сумкой через плечо направился в Большой аул к мулле Жумашу.

По уграм в юрте, выделенной для занятий, собиралась дюжина ребятишек. Сидели смиренно, поджав ноги под себя, разложив на дощечках бумагу и карандаши. Взгляд каждого устремлен в землю — это означает беспрекословное повиновение. Входит мулла, усаживается на возвышении. Одной рукой раскрыв священную книгу, он берет в другую длинную палку и тычет ею в кого-нибудь из учеников: «Читай!» Тот громко, нараспев произносит суру из Корана, остальные подхватывают. И начинается нестройное многочасовое гудение ребячьих голосов.

Каныш, будь его воля, с удовольствием расстался бы с этой нудной зубрежкой. Куда лучше покататься с высокого Карамурына! Или, оседлав саврасого, скакать навстречу ветру по долине между двумя аулами. Или взять книгу Бокеша, обучающегося в русской школе, что в соседнем ауле, часами рассматривать картинки, считать буквы — сколько их! Книги Бокеша особенные, совсем не похожие на те, что читают мальчишки у муллы. И какие интересные картинки! Бегающие жеребята, густой лес, высокие горы, огромные дома, красивые люди в военных мундирах. Даже коровы нарисованы, и все точно, как в жизни. И наставник, по словам брата, у них не строгий, даже палки не имеет.

Два года проучился Каныш у муллы. По свидетельству Тармызи Абсалямұлы, приемного внука отца, воспитывавшегося вместе с будущим академиком, «цепкая память Каны-

ша-ага была замечена сразу, в самом начале обучения. Сложную арабскую грамоту он освоил уже на первом году, опередив всех ребят. Потому Имантай-ата и не стал держать его у муллы в течение обязательных трех лет».

В ту пору он получал и другие уроки. Обычно они проходили дома, а учителем был отец. И в отличие от прочих занятий здесь не было установленных дней и часов. Урок мог состояться в любое время, когда позволяли обстоятельства...

Пройдет много лет. Академик А.Х. Маргулан напишет впоследствии: *«Под влиянием отца Каныш Имантайулы в детские годы с увлечением занимается арабским, персидским языками. Выучивает стихи Хафиза, Саади, Навои. Некоторые вещи он знал настолько хорошо, что иногда в часы досуга, особенно когда отдыхал на курортах, любил подолгу читать наизусть».*

Разумеется, жизнь мальчика, которому не было еще и десяти лет, заполнялась не одними уроками у муллы или наставлениями отца. Однообразие аульных будней нарушали наезды гостей. Вечерами Каныш не давал им покоя своими вопросами и неизменными просьбами «конак каде» — расплаты сказкой за ночлег.

Имантай ценил умную беседу и сам был неплохим рассказчиком. Остроумная фраза, услышанная однажды из его уст, повторялась затем другими, постепенно становясь крылатым выражением. Недаром он неоднократно избирался третьей стороной на межродовых сходах. Ведь от такого посредника, кроме рассудительности, требовалось и умение выражать свои мысли точными, образными словами. Имантай уважал и всегда был рад видеть у себя вольнолюбивых, своенравных детей степи — акынов, сказителей и певцов. Они подолгу гостили в этом ауле.

Его аул, как свидетельствуют старожилы, всегда давал приют беглецам с сибирской каторги, особенно кавказцам — черкесам, кумыкам, чеченцам, дагестанцам. Они подолгу жили под его крышей, набирались сил, некоторым он дарил одежду и даже коней. «Помогать таким обездоленным людям, гонимым тяжелой судьбой, — наш мусульманский долг. Человек без дома — словно птица без крыльев. И от того, что мы поделились с такими горемычными пищей или подарили коня, которого могли растерзать завтра же волки, не обеднем», — говорил он своим домочадцам...

Такие нравственные уроки, подкрепленные личным примером старших, никогда не проходят без следа. И эти черты

характера Имантая — доброта, отзывчивость, стремление жить не ради накопления богатства, а ради блага людей — были присущи в дальнейшем всем Сатпаевым...

Еще в семидесятые годы Имантая Сатпаева выбрали народным судьей Аккелинской волости (частично исполняющим обязанности бия). По рассказам земляков, он никогда не отступал от буквы закона, был всегда справедлив, особенно когда приходилось защищать обездоленных, бедных людей. Его спокойный, уравновешенный характер, очевидно, унаследованный от родителей, и здесь, в ответственные моменты решения спорных дел особенно пригодился: истцы кричали, надеясь взять напором; ответчики тоже повышали голос, оправдываясь по-своему, а судья, подняв руку, выносил приговор тихо и веско, и все слушатели и спорящие стороны видели, что дело уже решено... Обязанности волостного судьи он исполнял исправно в течение многих лет, хотя другие его соплеменники редко удерживались на этой выгодной должности до вторых выборов. («Киргизская степная газета», издававшаяся в Омске, в номере за 2 мая 1899 года, в полосе объявлений поместила приказ генерал-майора Карпова из Генерального штаба о том, что *«по Семипалатинской области увольняется от должности на время производства следствия народный судья № 1 аула Аккелинской волости, Павлодарского уезда Имантай Сатпаев...»* Нам неизвестны подробности этой тяжбы, очевидно, это была очередная кляуза недовольных лиц, но достоверным фактом остается то, что он судьей работал еще несколько лет и в начале двадцатого века).

Имантай постоянно и с увлечением занимался изучением истории своего народа, он был одним из составителей летописей-шежире своего рода, собирал стихотворное наследие знаменитого своего земляка, баянаульца Бухар-жырау Калкаманулы (1685–1777), сочетавшего в себе талант певца, сказителя-импровизатора и поэта. Заметим, что они были из одного рода, каржасцами — ветви генеалогического древа, на которых значатся имена Имантая и Бухара, сходятся к единому стволу в седьмом колене, во времена их прапрадедов — Алтынторы и Кулыке. Многие свои записи он передал русским ученым-филологам. Некоторые из них сохранились в Санкт-Петербурге, в фонде исследователя Н.Н. Березина, который хорошо знал культуру Востока. Среди этих бесценных записей были «Родословная Каржас», историческая поэма-дастан «Олжабай батыр» и другие популярные казахские эпические сказания.

Несомненно, Имантай Сатпайулы был духовно более богатым человеком, чем его современники. *«Нам, молодым, трудно было беседовать с Имеке. Мы чувствовали перед ним себя робко, как студенты, плохо знающие предмет, перед строгим учителем, — пишет А.Х. Маргулан в своих воспоминаниях о юношеских годах К.И. Сатпаева, опубликованных в журнале «Казахстан мектеби» (1969, № 4). — Имеке всегда смотрел на молодую поросль критическим взглядом, будто бы оценивая ее: «Что они знают, молодые, какую принесут пользу своему народу?» ... Вообще, беседовать с ним было интересно и поучительно. Он прекрасно разбирался в исторических событиях, происходивших в XVII—XIX веках в казахской степи, умел о них рассказать красочно и с увлечением. Мы, молодые, после такого рассказа всегда чувствовали себя, будто бы послушали хорошего лектора из храма науки...»*

В первом томе собрания сочинений Ч. Валиханова сказано следующее: *«Этот вариант записан Имантаем Сатпаевым для Г.Н. Потанина из уст известного певца Куреке, потомка Бухар-жырау. К песням Бухар-жырау приложено анонимное письмо, написанное на казахском языке и имеющее вид небольшой программы по сбору песен жырау. Судя по всему оно составлено под диктовку самого Г.Н. Потанина и адресовано Имантаю Сатпаеву. Вот содержание этого письма в русском переводе: «Привет г-ну Имантаю. Прошу записать от Куреке (внука певца) отдельные эпизоды и повествования Бухар-жырау об Аблае, в частности: осуждение Аблая, восхваление его коня, эпизод поездки сына Адиля вместе с Жарылганом в Китай, на какую тему его посланцы вели разговоры с императором Китая? Рассказы о войне с калмыками — сколько они воевали? Как именовали калмыкских ханов? Для записи этих рассказов приехал товарищ Чокана Г.Н. Потанин с супругой». Запись Имантая датируется 1880 г., когда Г.Н. Потанин, возвращаясь из монгольского путешествия, вместе с женой заехал в Баянаульский район. Вариант Имантая записан спустя двадцать пять лет после Чокана, но между их записями нет особых расхождений, язык и основной текст записей совершенно сходен, они лишь некоторыми куплетами и отдельными строками взаимно дополняют друг друга. С точки зрения четкости правописания казахских слов вариант И. Сатпаева лучше и является ключом для расшифровки некоторых неясностей, встречающихся в записи Ч. Валиханова...»*

Маленький Каныш, как все дети, подражавший старшим, не остался в стороне от увлечений отца. Он с малых лет рос под впечатлением песен, сказок, поэтических творений, любимых в аулах хаджи Сатпая...

В конце XIX века в Павлодарском уезде проживали 185 787 человек, из них 91,4 процента составляло коренное казахское население. А в самом уездном центре в то время насчитывалось всего 14 534 человека. Тем не менее здесь были трехклассное городское училище, женская прогимназия, низшая сельскохозяйственная школа, начальное женское училище, церковно-приходская школа, мужское казачье училище. В общей сложности — шесть учебных заведений, в которых учительствовали 24 педагога и обучались около 400 учащихся. В 16 казахских станицах, где имелись церкви, при них обязательными по положению были приходские школы. В них, как и в названных выше учебных заведениях, учились одни русские. Лишь в одну из них — в низшую сельскохозяйственную школу, притом на государственное пособие, принималось около десяти детей казахской бедноты, где их обучали кроме грамоты агротехническим навыкам, чтобы они могли заниматься земледелием. А во всех 21 волостях, где жило в основном коренное население, по-прежнему не было ни одной казенной школы.

Поэтому прогрессивно мыслявшие Садвакас — старший сын Мусы Чорманова, Имантай Сатпаев, Казангаповы, Боштаевы и другие зажиточные люди из Баянаульской степи, не желая далее оставлять в темноте подрастающее поколение, начали на свои средства нанимать учителей-мулл и обучать детей арабской азбуке. Благо, в то время по казахской степи скиталось много грамотных людей из Казани, Бухары, Омска, Уфы, Троицка, желавших заработать на этом поприще кусок хлеба, а также и религиозных фанатиков, проповедовавших исламскую веру.

Известный в этом краю историк и поэт Машхур-Жусуп Копеев (1858—1931), окончивший знаменитую Бухарскую медресе «Кокелташ», на свои средства и с щедрой помощью местной знати под Баянаулом в местечке Айдос открыл мусульманскую школу и мечеть, где стал обучать малолетних детей мусульманской грамоте. Отраднo, что во многих зажиточных аулах стали содержать учителей. Это стало традицией богатых, даже предметом гордости некоторых. Однако четко действующей государственной системы обучения для степняков все еще не существовало.

Между прочим, степная знать, особенно правящая верхушка, не однажды пыталась добиться открытия таких очагов знаний. Известен случай, когда Чингис Валиханулы Аблайханов обратился к генерал-губернатору Западной Сибири с настоятельным прошением открыть начальную школу в своем округе. Аналогичные попытки неоднократно делал и Му-

са Чорманов из Баянаульского округа: он предлагал организовать такие учебные заведения для казахских детей в Баянаульской станице или же в Павлодаре, в крайнем случае, в Омске. Их благие намерения — обучать с малых лет казахских ребятишек в русско-казахских школах имели далеко идущие планы. Это было выгодно и для властей, если бы на местах систематически готовили бы десятки, сотни толмачей-переводчиков, писарей и других мелких чиновников для волостной, окружной канцелярий... Однако и Чорманову, как и восемь лет тому назад Чингису Валиханулы, в 1853 году ответили категорическим отказом.

Государственные мужи, по долгу своей службы призванные опека́ть школы, имели по поводу приобщения степных жителей к культуре, образованию вполне определенную точку зрения. Вот что читаем в письме оренбургскому военному губернатору графу П. П. Сухтелену, отправленному в 1830 году чиновником канцелярии: *«Я не увлекаюсь гиперболическими желаниями филантропов устроить киргизов, просветить их и возвысить на ступень, занимаемую европейскими народами. Я от всей души желаю, чтобы они никогда не сеяли хлеба и не знали не только науки, но и даже ремесла...»* (Е. Бекмаханов. «Казахстан в 20—40-е годы XIX века», с. 117). На следующей странице своей монографии историк Бекмаханов приводит цитату из служебного письма председателя Оренбургской пограничной комиссии полковника Ладыженского, написанного через семнадцать лет после вышеприведенного уже к другому губернатору, где есть такие странные выражения: *«Мнение господина председателя Азиатского Комитета вообще проникнуто одной преобладающей мыслью — о приведении Орды в такое положение, чтобы она не допускалась в общий круг правительственного попечения и, оставаясь недвижимою во мраке своего невежества, — была как бы слепю и безгласною данницей Линии, которая испокон веков привыкла рассчитывать на дикую простоту киргизского народа...»*

Другого и нельзя было ожидать от местных администраторов, если Его Императорское Величество Николай II (годы правления 1894—1917), последний царь из династии Романовых, которого именовали «попечителем всех народов России», на докладе тургайского генерал-губернатора Ломачевского, писавшего о бесцельности широкого просвещения туземцев-киргизов и открытия для них общеобразовательных школ, начертал краткую резолюцию: «Согласен».

Неудивительно поэтому, что стремление редких казахских подвижников, желавших приобщить свой народ к просвещенному обществу, мировому прогрессу, постоянно натывалось на глухую стену непонимания.

Зато в присоединенных к России казахских степях процветало православное миссионерство. Проповедники ходили по аулам, щедро раздавали подарки и обещания, покупали за деньги, иногда за гроши, за скот — детей у бедняков, еле сводивших концы с концами и живущих голодно. Их затем после тщательного обучения русскому языку и определенным навыкам русской жизни, быта обращали в христианскую веру. Один из таких, наиболее оживленных центров миссионерского движения, был основан на правом берегу Иртыша, в 57 верстах от Павлодара, в бывшей крепости Ямышево. Население крепости, построенной еще в 1715 году, к описываемому нами времени превысило тысячу душ. Почти девяносто процентов его составляли казахи, все они после крещения стали иванами, алексеями, николаями. Все же быстротекущее время брало свое. Власть имущие уже понимали, что без активной поддержки самих же инородцев не добиться их поголовного обрусения. И самым эффективным способом осуществления этого было обучение только в русских школах. Именно в это время ученый-просветитель, один из активных проводников идей православного миссионерства Н.И. Ильминский разработал новую систему, которая называлась «Применение русского алфавита к инородческим языкам». Татары, чувашаи, мордва, башкиры, казахи и все другие, вновь присоединенные к империи народы, должны были писать, используя буквы русского алфавита. Таким образом, был закрыт доступ к литературным памятникам и историческим трудам, написанным на арабском языке.

Одна из таких школ в 1864 году была открыта в бывшей крепости Оренбург, переименованной после построения одноименного города в Тургай. Основателем ее был Ибрай Алтынсарин, применивший систему Ильминского на практике. Известно также, что в родовом имени Жангира Букеева, последнего хана Букеевской орды, с 1841 года действовала русская начальная школа. В 1865 году в Омске открыли школу толмачей-переводчиков, которая должна была готовить писарей для волостных управлений.

В свою очередь, острее понимавшие нужды своего народа отдельные правители на местах старались делать все возможное, чтобы любыми способами облегчить его тяжелую участь. Так действовал в последние годы службы и вышеназванный полковник Муса Чорманов. Пользуясь своей султанской властью, он негласно обязывал каждого подчиненного волостного правителя ежегодно отправлять детей в интернаты, так называемые пансионаты, притом одного или двух из них содержал на свои личные средства. Подобная мера принуждения дала свои результаты — эти школы открывали казахским детям окно в мир...

«У Мусы, по-видимому, бродят какие-то замыслы будущего управления Степью: в нынешнем году было уже несколько заявлений о зачислении в гимназию киргизят. Это — предполагаемый противовес грабежу русских уездных начальников», — сообщал некий И. Катанов своему другу Г.Н. Потанину в 1875 году. А сам Муса Чорманов в письме тому же Потанину 7 декабря 1881 года писал: «Просим Вас настолько быть любезными относительно доклада о кочевой гимназии и прислать нам. А то казахский народ без учения окостенеет в грубом невежестве».

XX век, ознаменовавшийся бурным развитием науки и техники, проникновением капитализма и в глубь степи, нарушил феодальную замкнутость аулов. Они уже не могли стоять в стороне от столбовой дороги прогресса. Ускоренное освоение несметных богатств казахской степи требовало хотя бы мало-мальски грамотных служащих. Поэтому там и тут стали создаваться общеобразовательные школы.

Аккелинская школа, находившаяся в ауле волостного правителя Чорманова, была открыта в 1903 году. Тогда же появились в Павлодарском уезде две другие — в Караобинской и Маралдинской волостях. А в следующем году школами обзавелись Баянаульская, Теренкульская и Чакчанская волости. И во всех преподавание велось на русском языке, а учились только дети казахов.

Без всякого сомнения, это был долгожданный луч света в степной глуши. Перед детьми степняков, получившими азы знаний, особенно начальные уроки русского языка, открывался широкий простор в выборе пути.

Все эти четырехгодичные учебные заведения содержались на средства, отпускаемые ведомством народного просвещения. Строго предписывалось, чтобы в школу принимались дети из всех сословий не моложе пятнадцати лет — «добровольно хотящие, иные же паче и с принуждением». Все объяснялось просто: поступив в первый класс подростком, воспитанник заканчивал курс в возрасте 19—20 лет, то есть достаточно зрелым для государственной службы. При этом учитывались психология казахов, нравы, бытовой уклад аула. Ведь обычно в этом возрасте родители женили своих детей. Так что окончившего школу молодого человека ждали немедленная женитьба и служба в какой-нибудь канцелярии, в лучшем случае должность аульного старшины. Поскольку в программе этих школ был курс делопроизводства, некоторые в дальнейшем служили писарями, переводчиками волостных...

Аккелинская школа располагалась в двухкомнатном деревянном доме — в помещении по тем временам неплохом.

В нем было светло и уютно. Хозяева аула Чормановы были людьми образованными, преданными интересам колониального правительства. Все волостные правители из этого клана с вниманием относились к нуждам школы. А глава рода, один из самых образованных и влиятельных людей того времени Садвакас Мусаулы, в молодые годы окончивший Омскую гимназию (он знал три языка и имел славу ученого человека в среде степняков), не мог допустить, чтобы в школе, попечителем которой он был, преподавал случайный человек.

К тому времени, о котором мы ведем речь, в этой школе учительствовал Григорий Васильевич Терентьев, крещеный молодой татарин из Казани — питомец вышеназванной нами миссионерской школы и учительской семинарии, основанной педагогом-реформатором Н.И. Ильминским.

Первым из собственных детей Имантая Сатпаева окончил Аккелинскую школу Газиз, старший из сыновей. Затем, в 1909 году, уже подошел черед младшего, Каныша.

«Мне всегда везло с учителями, они были прилежными, требовательными, разносторонне образованными и интеллигентными людьми. Тем, что получил в молодые годы основательные знания, обязан только этим поистине благородным людям», — напишет впоследствии академик Сатпаев. С полным основанием эти признания можно отнести и к первому учителю его в аульной школе — Терентьеву, человеку любознательному и даровитому. Прирожденный педагог, с покладистым, мягким характером Григорий Васильевич пришелся по душе всем аулчанам, особенно Имантаю Сатпаеву.

В 1949 году Каныш Имантайулы, находясь в родном ауле по случаю своего пятидесятилетнего юбилея, вспоминал*: *«Наш учитель Григорий Васильевич был замечательным человеком. Он хорошо говорил по-казахски, неплохо исполнял наши песни, любил подолгу беседовать со стариками. Но в классе всегда становился строгим, начисто “забыв” наш язык. Он говорил с учениками только по-русски.. В свободные от занятий дни он часто приезжал в наш аул, был дружен с моим отцом и особенно с двоюродными братьями. Наши джигиты увлекались соколиной охотой и держали гончих. Разумеется, были у них хорошие кони. Возможно, и это притягивало его, знаю лишь — он многие дни лета проводил в нашем ауле. Все называли его “Кырышей”, был он большим любителем лошадей, его красивого, крепкого серого коня, купленного на свою зарплату, также прозвали “Кырыша кок”**. Моих аулчан удивляло, каким послушным хозяину был “Кырыша кок”:*

* Эти воспоминания были записаны родным зятем ученого, писателем К. Жармаганбетовым.

** «Гришин серый».

*скажет лечь — ложится, прикажет встать — встает; скажет от-
правляться — падись в степь — исполнит и это... Старшие говорили:
"Истинный учитель-могалим, даже немого животного сделал себе
послушным, а наших ребят он научит многому!.."*»

Может быть, дружба отца с учителем решила судьбу мальчи-ка или сыграла роль поддержка авторитетного попечителя школы, но в 1909 году Каныш вопреки строгому приемному правилу в возрасте десяти лет был принят в подготовитель-ный класс. Небывалый дотоле случай: среди великовозраст-ных рослых парней появился десятилетний малыш с кудря-вым чубчиком, черными, большими глазами и слегка оттопы-ренными ушами. Каныша едва было видно из-за парты, отто-го он казался еще меньше. Однако одноклассники признали и полюбили его. Он охотно и быстро исполнял просьбы и по-ручения старших. А вскоре стал многим помогать в учебе. Не-заурядные способности и усердие мальчика были очевидны, а его любознательность казалась поистине ненасытной.

— Ученик Сатпаев, к доске! — вызывает Григорий Василь-евич.

Перед Канышем изображения различных животных.

— Кто здесь нарисован? — Указка учителя останавливает-ся на одной из картинок.

— Жеребенок.

— Правильно. Какой он масти?

— Саврасой.

— Допустим, этого жеребенка съел волк. Как сказал бы ты об этом по-русски? — Новый вопрос учитель неожиданно произносит по-казахски.

— Не буду! — заявляет ученик, не скрывая своего недо-вольства.

— Почему же?

— Потому что не мог его съесть волк. Наш Касен-ага — смелый табунщик, не дал бы ему..

Смеются ребята: какой решительный этот малыш! Григо-рий Васильевич улыбается. Но вот снова уже строгим голо-сом продолжает:

— Все же попробуй, Каныш. Я ведь для примера говорю. Итак, как ты сообщил бы об этом отцу?

Каныш недоволен настойчивостью учителя. Не нравится ему этот вопрос. Поэтому он с кислым видом, нехотя произ-носит:

— Отец, саврасого жеребенка не съел волк, потому что... потому что он далеко ускакал...

Учитель, дивясь упорству малыша, качает головой.

Пособиями для обучения казахских детей русской грамоте и устной речи в то время были учебники «Азбука для киргизских детей» и «Хрестоматия» (рассказы, сказки и стихотворения), подготовленные директором народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей А.Е. Алекторовым.

Дети из аула Сатпая ездили в Аккелинскую школу обычно верхом, только по большому снегу — в санях. Благо их зимовка находилась недалеко от аула Чормановых — всего в шести верстах. Но в морозный день, а то и в буран проехать двенадцать верст туда и обратно — не большое удовольствие. Особенно для маленького Каныша, физически еще не крепкого. Немало примечательных событий и приключений случалось в пути. Сам академик вспоминал впоследствии один из тех далеких дней детства:

«Тогда, наш волостной управитель, внук Чорман-бия, был очень богатым человеком. Был у него и жесткошерстый, длинноногий могучий верблюд-бура* черной масти. Его горящие глаза, оскаленная пасть и грозный рев могли до смерти напугать любого, не то что уж нас, детей. К весне, когда подходило время случки, черный бура становился еще страшнее. Увидит чужого человека — серые глаза нальются кровью, с губ ручейком течет белая пена, хвост вздернут кверху, остервенело бросается в погоню... Мы, дети, боясь черного буру, в школу всегда ездили не прямой дорогой вдоль реки, а в обход, с незаметной стороны холма Аралтюбе. Однажды один из старших ребят неожиданно закричал: «Ой-бай, бура догоняет!» Мы испугались, ударив камчой своих лошадей, во весь дух помчались. А я, по-видимому, испугался сильно, не удержался и упал с лошади. Ребятам не до меня, благо бура или не заметил, или решил верховых догонять, пробежал мимо. Я тут же сообразил, что надо быстрее уходить с опасного места — бегом спустился к руслу реки и так благополучно добрался до аула... После этого случая черного буру стали держать стреноженным».

По утвержденному министром народного просвещения положению срок обучения в аульной школе составлял четыре года, из них один подготовительный. В первый год обучения преподаватель старался прежде всего обучить своих питомцев навыкам разговорной речи и правильному чтению русских слов. В последующие годы задача его усложнялась. Он должен был научить детей не только читать, писать и говорить по-русски, но еще и дать прочные знания по арифме-

* Верблюд-производитель.

тике, естествознанию, географии, истории, чистописанию, литературному чтению и грамматике.

Каныш в первый же год проходит начальный курс и первую ступень 1-го класса. В подобных школах применялась так называемая система параллельного обучения. Иначе говоря, в одном помещении рядом усаживались ученики всех классов.

Однажды случилось нечто небывалое.

Григорий Васильевич, написав на доске условия контрольной задачи для ребят последнего года обучения, приступил к чтению с учениками низших ступеней. Задание было довольно сложным: он знал, что дети справятся с ним не скоро. И потому увлеченно занимался с младшими. Но вот учитель услышал негромкий спор двух учеников с разных рядов.

— Нет, ты не прав. Задачу можно решить двумя действиями. Вот смотри...

— Ты что? Наши задачи всегда решаются тремя действиями, а то и четырьмя. А ты говоришь, двумя. Это у вас такие легкие...

— Какая разница, лишь бы правильно решить. На, возьми, перепиши лучше.

— Подсказчик нашелся! Лучше вытри свой нос, — пренебрежительно ответил старший.

Спорили сын волостного правителя Зынды и Каныш, занимавшийся в числе ребят второго года обучения. Удивленный услышанным, Григорий Васильевич подошел к спорщикам. Бегло просмотрев записи Каныша, он убедился в его правоте. Ученик четвертого года обучения, восемнадцатилетний джигит, сидел, не зная, как разрешить задачу, которую смысленный Каныш решил просто и вроде бы для забавы.

Может быть, этот случай и сыграл решающую роль, весной 1911 года Терентьев в один из приездов в аул Сатпая обратился к Имантаю:

— Вы сделаете доброе дело, если пошлете своего младшего учиться в город.

— Но пусть он сначала кончит твою школу...

— Считайте, что он уже кончил ее. Ему у меня нечему больше учиться.

— Неужели твои знания иссякли?

— Имеке-абзи*, что я мог дать вашему младшему — все он получил сполна, больше делать в волостной школе ему не-

* По-татарски: вежливое обращение к старшему.

чего... По-русски он говорит неплохо, а кое-какие изъяны легко поправимы в городе — просто здесь в ауле было мало практики. Учится он с горячим желанием, память у мальчика превосходная! У Каныша большое будущее, ему надо учиться обязательно в городе. Одним словом, если не хотите, чтобы он сделался писарем волостного управителя, а взлетел бы повыше, нужно с этой осени отправить его в город. Пока молод, пусть учится.

— Нелегкую задачу ты задал мне... Надо подумать.

III

Нетрудно понять, почему бий отвечал так неопределенно. В тот год Имантаю исполнилось шестьдесят шесть. Старшая дочь давно выдана замуж, она в другом ауле. Оба сына с успехом окончили Аккелинскую школу. Оба просятся в город. Да и братья, которые учились в городе, подбивают их продолжать образование. Но может ли Имантай на старости лет так легко отпустить сыновей в дальнюю сторону, где нет у него ни близких, ни знакомых? Что станет с ними в чужом городе? Кто будет следить за их здоровьем, заниматься их воспитанием? А Канышу в том году исполнилось всего двенадцать лет. И преклонного возраста отцу явно не хотелось долго отпускать младшего сына в столь раннем возрасте далеко от себя, тем более он был подозрительно худым, а в городе без родительского внимания мог чем-нибудь заболеть, всем известно: захворать легко, а вылечиться — всегда трудно. Имантай всячески отгонял от себя даже мысль об отъезде его, не представляя свою жизнь без Каныша...

Но разговор о дальнейшей учебе Каныша возникал не однажды, и главе аула приходилось возвращаться к нему почти все лето. Дело решилось благодаря Абикию Сатпаеву — сыну Зеина, который учительствовал в другой волостной школе. В то лето молодой человек был приглашен в Павлодар, преподавать в двухклассном русско-киргизском училище. И он, однажды приехав в родной аул, обратился к дяде:

— Доверьте мне судьбу Каныша. Пусть с этого дня его дальнейшее воспитание ляжет на мои плечи. Это мой долг перед вами — именно вы когда-то отправили меня в город за знаниями...

Имантай снова призадумался. Судьба старшего сына уже бесповоротно решена: он останется с отцом, обзаведется семьей, ведь и в ауле нужен грамотный человек... А против отъезда Каныша у него нет веских возражений. К тому же Аби-

кей — достойный молодой человек, гордость рода, на него можно положиться.

И вот, в один из погожих дней августа 1911 года с берега реки Шидерти, где летовал большой аул хаджи Сатпая, выехали на арбе, запряженной двумя конями, трое в направлении на восток. Группа всадников, в основном молодых джигитов из обоих аулов — Бокеш, Нурлан и другие близкие, проводила их верст за десять. Прочувствованно попрощавшись, наконец повернули своих коней обратно. А отъезжающие продолжили путь дальше. Лошадьми управлял Бапай Тенизбайулы, надежный спутник в дальней дороге. Позади него, под навесом сидели отец и сын. В последний день глава аула Бий-ата неожиданно для всех решил сам проводить младшего в Павлодар, наверное, подумал, что до следующего лета не увидит сына, поэтому лучше съездить вместе на неделю, да и в незнакомом городе понадежнее устроить его, ведь он впервые и в таком юном возрасте покидает родное гнездо...

А Каныш, кажется, нисколько не горюет, даже рад, что уезжает. Временами поторапливает дядю Бапая, чтобы он подстегивал лошадей. Ясно, что ему не терпится скорее увидеть такой заманчивый город Павлодар. Уже несколько раз он спрашивал отца: «Когда же доедем?»

Лишь на третий день к вечеру они увидели огни Кереку*.

МАЛЬЧИК УЧИТСЯ ТАНЦЕВАТЬ

I

В книге известного краеведа Н.Я. Коншина «От Павлодара до Каркаралинска», изданной в Семипалатинске в 1901 году, уездному городу отведены следующие строки: *«Представьте, читатель, лишенную всякой растительности равнину с желтовато-глинистой почвой; такие же крутые, а местами и совсем отвесные берега Иртыша; несколько улиц с деревянными домами, среди которых каменное здание тюрьмы выглядит настоящим дворцом — таков был Павлодар лет десять тому назад. Конечно, жалкая природа осталась и теперь такой же, но сам город очень разросся за последние десять лет, обустроился, и теперь Павлодар — один из лучших городов Се-*

* Казахское название Павлодара, произошло от названия станицы Коряковская.

мипалатинской области, с блестящим будущим, как говорят сами павлодарцы...» «В чем заключается общественная жизнь Павлодара? — задает вопрос краевед в той же книжке, скромно озаглавленной самим автором, как «Путевые наброски», и отвечает: — ...Все здесь, как почти во всех городах Степного края. Есть неизбежный клуб, где играют в карты и танцуют, есть маленькая общественная библиотека с читальней...»

История Павлодара начинается с первой четверти XVIII века, когда в 1715 году по указу Петра Первого к среднему течению Иртыша отправилась военная экспедиция подполковника Бухгольца. В продолжение последующих пяти лет на берегах реки были заложены крепости Омская, Железинская, Ямышевская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская. А Коряковский форпост как одно из звеньев тысячеверстной Иртышской укрепленной линии был основан в 1720 году. Свое название он получил от имени сотника Корякова, который первым здесь начал разработку поваренной соли на озере, находившемся в 16 верстах от берега реки. Соль этого водоема, а также с близко находящихся друг от друга Таволжанского и Карасукского озер свозилась верблюдами и лошадьми до Иртыша, затем на дощаниках и баржах сплавливалась на север и дальше. Солью с этих мест пользовались не только Западная Сибирь, но и Оренбургская, Пермская губернии, она доставлялась за Урал. Одна лишь Тобольская губерния вывозила более полумиллиона пудов ежегодно! Это обстоятельство и предопределило дальнейшую судьбу форпоста.

Иметь практически неисчерпаемые запасы соли и дешевую рабочую силу из местного населения и не использовать все это для своего блага — было бы большой глупостью! Нет, тогдашние русские купцы обладали и умом, и деловой хваткой. Для придания большего размаха торговле нужно было иметь телеграф, банк, почту... Как гласит народная молва, купцы не пожалели денег на подкуп, подсунули кому надо немало взяток, добиваясь позволения назвать желанный им город именем годовалого царского наследника Павла, в результате 4 апреля 1861 года Коряковский форпост по высочайшему повелению царя Александра II получил статус заштатного города. Тогда в нем числилось всего лишь 602 жителя. Через семь лет Павлодар стал уездным городом. А в год рождения Каныша в нем уже насчитывалось более 400 домов, в них проживали 7623 жителя, в том числе 840 казахов. Телеграфная линия, соединившая Семипалатинск с Омском, пришла в Павлодар в 1872 году. Это стало настоящим событием, однако почтовые «оказии» да вести с проходящих пароходов долго еще служили основным средством связи. А о железной дороге еще и не мечтали.

К началу XX века в Павлодаре было пять низших и средних учебных заведений. Через десять лет их число увеличилось до девяти. А русско-киргизское двухклассное училище,

куда Каныша определяли учиться, было открыто в 1910 году в каменном доме, подаренном городу горнопромышленником Артемием Деровым.

В училище принимали лишь ребяташек из аулов и русских деревень, которые уже имели начальное образование. Поэтому основную массу учащихся составляли выпускники аульных русско-киргизских школ. Каждый предмет в отличие от аульных школ здесь вел отдельный учитель, поэтому уровень преподавания был гораздо выше. Кроме того, вместе с казахскими детьми занимались и русские ребяташки, что способствовало лучшей языковой подготовке учеников.

II

Мальчику, который впервые попал в город из глубинки, уездный центр показался чудом света. Столько домов в одном месте! Да каких: с красиво отделанными карнизами, с высокими крышами, а не плоскими, как на аульных зимовках. Рядом с ними нет обычных хлевов и загонов для скота, зато все усадьбы обнесены высокими заборами. Не только резные ворота, но и окна наглухо закрываются на ночь... А некоторые дома поставлены один на другой, будто земли не хватает. Правда, таких громадин с двумя рядами окон немного, можно по пальцам пересчитать. Пожалуй, самый нарядный из них — особняк купца Гирбасова. Внушительных размеров паровые мельницы Гиссена и Герцена, соляная фабрика миллионера Осипова, товарные склады знатного горнопромышленника Дерова. Самое шумное место в городе — торговая площадь. Сколько там ларьков, магазинчиков! Среди них особо выделяется мануфактурный магазин купца Айтыкова — товары там на выбор. На краю площади ларек скобяных изделий Кошелова. Там всегда многолюдно — степняки, казаки-станичники, мужики из окрестных сел...

Каныш везде побывал в первые же дни пребывания в Павлодаре. Все вокруг казалось ему сказкой, сновидением. Дома, магазины, люди. Даже шумные, громко говорящие приказчики. Все торопятся куда-то, взрослые бегают, как мальчишки, едят и разговаривают на ходу. И казахи, всегда медлительные и степенные в ауле, тут вроде тоже изменились...

Все для него было в диковинку. И телеграфные столбы, что выстроились па берегу Иртыша, — говорят, они будто бы позволяют разговаривать за тысячу верст. И белоснежные па-

роходы — медленно, с протяжными криками, словно лебеди, плывущие по широкому простору реки. Сказочными огнедышащими драконами казались паровые мельницы, день и ночь извергавшие белые клубы пара и черные тучи дыма. Как-то было боязно, когда они временами натужно гудели, что-то чудовищное чувствовалось в их крике. А ведь промышленность уездного города в начале второго десятилетия нового века была не такой уж развитой: мыловаренные, кожевенные, пивоваренные заводи, полукустарные фабрики, маломощные кузницы, приспособленные для нужд сельского хозяйства, и судоремонтные мастерские. Значительно оживилась в захолустном Павлодаре общественная жизнь: работали два кинематографа — «Заря» на бывшей солеплощадке у берега Иртыша и «Фурор»; некто Коромыслов открыл цирк шапито; местные учителя организовали свой театр — «Павлодарское драматическое общество», иногда ставились спектакли и давались концерты.

За несколько дней до начала занятий дядя Абиkey привел Каныша в училище. Овсянников, заведующий училищем, встретил их в своем кабинете. Долго и внимательно рассматривал свидетельство об окончании волостной школы.

— М-м-м... значит, окончил с отличием, — задумчиво начал он, — а ну-ка, голубчик, прочтите какое-нибудь стихотворение. Проверим ваши знания...

Каныш на миг растерялся. Все слова вылетели из головы, густая краска залила щеки.

— Как же так, голубчик... Значит, забыли. Понимаю, лето, бесконечные игры, скачка на лошадях...

— Что прикажете прочесть, ваше превосходительство? — вдруг с вызовом ответил Каныш.

— Зовите меня Яковом Игнатьевичем отныне и навсегда. А что читать, это уж на ваш выбор.

И Каныш, выпрямившись, громко отчеканил:

— Федор Иванович Тютчев, стихотворение «Гроза».

*Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом...*

Читал он хорошо, с выражением, правильно выговаривая слова. На строгом лице заведующего появилась улыбка.

— Неплохо для начала, — сказал он, когда Каныш умолк.

— Могу еще прочесть. Знаю Пушкина, из Тургенева кое-что помню...

— Достаточно. Теперь скажите-ка мне, голубчик, имя нашего государя-батюшки.

— Его императорское величество Николай Александрович!

— Прекрасно, — кивнул довольный Овсянников, затем, помолчав, продолжал: — Помимо прочего, все четыре года вы будете слушать проповеди указного муллы господина Каримова. А по пятницам ходить в мечеть. Все ясно?

— Ясно, — выдохнул Каныш.

— В таком случае идите. Считайте, что вы приняты на подготовительное отделение первого класса. Желаю вам отличных успехов в учебе и поведении...

Хотя Каныш и значился в списке принятых в пансионат при школе, открытый в том же 1911 году, поселился он, однако, на квартире двоюродного брата. Таков оказался наказ отца. Слабому здоровьем мальчику нужен был, по мнению Имантая, строгий домашний уход.

Абикей Зеинулы жил на Владимировской улице, в старом доме. Одну из комнат отвели Канышу; обстановка, правда, была спартанской — кровать и письменный стол. Частенько случалось так, что приходилось спать на полу, — хлебосольный хозяин любил гостей, особенно земляков, вот и приходилось Канышу на денек-другой уступать свою кровать очередному приезжему. А иной раз и к мальчику ввалится веселая ватага однокашников — добросердечные брат и его жена Хамила Султанбайкызы всегда встречали их ласково. Накормят, напоят, да еще и на дорогу дадут...

Из воспоминаний Н.Е. АЛЕКСЕЕВА, заслуженного учителя Казахской ССР: *«Сатпаев Каныш за время своей учебы в первом подготовительном классе в период первого полугодия 1911/12 учебного года показал большие способности в учебе и отличные знания по всем предметам, изучавшимся в данном классе. И при его прилежности и старании учителя считали, что он вполне мог с большим успехом учиться во втором отделении этого класса. Учитывая эти обстоятельства, по решению педагогического совета двухклассного русско-киргизского училища Сатпаев Каныш со второго полугодия был переведен во второе отделение первого класса. Находясь в этом классе, он успешно закончил учебный год и был переведен в следующий класс с отличными оценками по всем предметам...»*

Абикей Зеинулы преподавал в училище русский язык, и Каныш, уже тогда понимая, что без хорошего знания русского ему будет трудно разобраться в прочих науках, относился к этим занятиям с особенным усердием. Его грамотные и со-

держательные сочинения всегда ставились в пример остальным ученикам.

Уроки математики вел Ахметулла Актайулы Барлыбаев, человек незаурядных способностей. Ученики были разделены им на две группы: одни, так называемые «средняки», проходили облегченную программу — они должны были усвоить элементарные правила счета; другие, «сильные», занимались по более сложной программе — желание знать предмет, прилежание, даровитость позволяли им претендовать на более основательные знания.

Историю и географию преподавал Яков Игнатьевич Овсянников. Но, пожалуй, самым интересным из всех учителей был Николай Ермилович Алексеев, натура увлекающаяся, ищущая. Он всегда что-то придумывал, вызывая большой интерес к своим урокам. Особенно его любили казахские дети. И это неудивительно — он прекрасно знал их родной язык...

Николай Ермилович преподавал естествознание. Чего только не приходилось изобретать учителю, чтобы нагляднее преподнести любознательным питомцам свой предмет: то всем классом ходили в лес на берег Иртыша, собирали растения для гербария; то группами поднимались на чердак дома местного астронома-любителя, где у него помещался небольшой телескоп для наблюдения за небесными светилами. Усилиями Алексеева в училище был создан минералогический кабинет — ученики отовсюду приносили туда разноцветные камни... Но самым запоминающимся событием для ребят стала поездка на Коряковское озеро...

«Бабье лето. Степные травы давно пожелтели, кругом признаки глубокой осени. А берега озера казались издали окутанными снегом. Стояли там во множестве казахские юрты и раздетые до пояса люди сушились вокруг них. Что за странность? Все выяснилось вблизи: оказывается, не снега белели на берегу, а кучи выбранной соли; по берегам и в глубину неподвижной, сероватой воды устроены длинные и узкие деревянные мостки; по ним тачками вывозится добытая соль... На промысле работали более тысячи человек, почти все — казахи. Джигиты, голые до пояса, с мостков спускались в воду, кайлами и ломami разбивали соляные пласты, затем лопатами их сгребали в кучу. Собранную на берегу в многочисленные кучи соль вывозили бричками на Черноярскую пристань. С Коряковского промысла в то время ежегодно добывалось до полутора миллионов пудов соли... Сколько человеческого труда стоило это! Не надо было об этом спрашивать — изможденный, усталый вид рабочих, глубокие, незаживающие раны на ногах и руках их говорили о многом. Тогда же я впервые осознал то, почему наш народ соль считает священной!» — писал в своем полевом дневнике академик **К.И. САТПАЕВ**, вспоминая годы учебы в Павлодаре.

— А теперь, ребята, взгляните на этот прутик, — говорил учитель Алексеев, опустив веточку в озеро и тут же вынув ее обратно. — Мы с вами наблюдаем процесс кристаллизации поваренной соли...

Действительно, через минуту прутик покрылся слоем соли. Николай Ермилович продолжал:

— Как образовалось это соляное озеро? Растаявшая снеговая и дождевая вода вымывает соли из почвы, а затем вода улетучивается под воздействием солнечных лучей. Из концентрированного рассола выпадают пласты соли...

В учебной программе училища были предусмотрены также и уроки физического воспитания. Правда, спортивного инвентаря почти не было; училище обратилось за помощью к местным толстосумам, но туда, где не пахло барышами, никто не хотел вкладывать деньги. Мало того, еще и высмеяли: «Нужно ли детям степняков играть в бирюльки, их жизнь и без этого — суровый “спорт”»... Тогда Владимир Никанорович Терентьев, преподаватель физкультуры, неистощимый выдумщик, нашел выход из положения. Школьный двор, обычно пустующий, был сдан под склад для строящегося узла Южно-Сибирской железной дороги, а на деньги, вырученные за аренду, куплено все необходимое не только для занятий спортом, но и для других нужд училища.

Так появились гимнастические снаряды, лыжи, коньки. Зимой на берегу Иртыша устраивали каток. Стараниями того же Владимира Никаноровича воспитанники училища получили разрешение в дневное время бесплатно посещать каток. Каныш ходил туда не только в часы занятий, но и вечером вместе с братом Абикием Зеинулы, заядлым любителем катания на коньках.

С наступлением лета Каныш возвращался в аул. К дню окончания учебы за ним приезжал кто-либо из взрослых, чаще других Бапай Тенизбайулы. Он отличался суровым видом и необыкновенной силой. В ауле говорили о нем: «С Бапаем в любую даль не страшно ехать, он в обиду не даст». Ведь в то далекое время степь была небезопасна для путника. При всей своей силе и внешней неприветливости дядя Бапай слыл человеком незлобивым и интересным собеседником. С ним хорошо коротать время в дороге: то расскажет что-нибудь смешное, то затянет бесконечную песню. И каждый раз обязательно спросит: «Что-то надолго затянулось твое учение в городе, Каныш-жан. Скоро ли конец?» — «Не скоро, дядя. Окончу эту школу, пойду в другую», — отвечает Каныш. «Значит, ты вроде нашего Абикия, и тебя нам не видать, как своих

ушей? — с притворной досадой скажет Бапай. — Выходит, я зря езжу за тобой? Нет, дорогой, уж лучше сразу возвращайся в город. Нам не по пути...» И впрямь придержит на минуту разгоряченную лошадь. «В самом деле, для чего я учусь вот уже столько лет? — задумался Каныш. — Поскорей бы конец! Получу свидетельство народного учителя. И, как Григорий Васильевич, стану жить в родном ауле». И пообещал: «Что вы, дядя Бапай, я обязательно вернусь домой. И буду учить не только ребятишек нашего аула, но вас самого обучу грамоте». — «Куда уж мне...» — усмехнулся провожатый и пришпорил свою гнедую.

А мысли юноши несутся дальше. «Сколько славных дел и начинаний ждут нас в степи. Наш народ сильно отстал в своем развитии. Его надо просвещать, учить ремеслам, в первую очередь оседлому образу жизни, — думал он. — Почему так много несправедливости в жизни, особенно в городе?..»

Училище, в котором он занимался, было самым необеспеченным по сравнению с другими учебными заведениями Павлодара. Жалованье учителей было значительно меньше, чем у преподавателей трехклассного городского училища, что стояло рядом, на одной улице. Гимназистов учили преподаватели с университетскими дипломами, а здесь — выпускники семинарии. В двухклассном училище — дети мужиков и «киргизов», а в привилегированных школах — купеческие сынки и отпрыски городских мещан. Они были одеты в специальную форму, шеголяли во всем блеске. Не то что в училище Каныша — кто во что горазд, у многих длинные шубы, сшитые навыворот. Иные и таких шуб не имели, ходили в рваных куртках или коротких фуфайках. И их внешний вид давал повод гимназистам постоянно глумиться над детьми бедных, называя их «мужиками», или еще хуже, «калбитами»*.

Трудно терпеть эти издевательства, когда ходят за тобой стаями, дергают за полы и длинные рукава шубы, нарочно наступают на пятки, и поэтому между воспитанниками двух училищ иной раз вспыхивали ссоры, случались стычки, а то и настоящие драки...

Каныш не участвовал в таких потасовках, хотя у него в душе кипели обида и злость. Но он знал, что такие споры надо решать не кулаками. Как-то поделился своими раздумьями с братом. «Правильно рассуждаешь, — сказал Абиkey-ага. — Сильные мускулы побеждают лишь одного, а разум — тысячу.

* От казахского слова: «вшивый».

Ничто не нужно степи так, как знания, культура. Но нести ее землякам должен человек, знающий много, гораздо больше того, что ты получишь в этом училище».

На следующий день он повел Каныша в Народный дом, который находился неподалеку — на той же улице, где они снимали квартиру. По воскресеньям здесь выступал хор. Иногда любители сценического искусства разыгрывали какую-нибудь пьесу. Особенное впечатление произвела на юношу библиотека Народного дома. Канышу разрешили брать книги на формуляр брата. Первое, что он выбрал по совету Абиkey Зеинулы, была «Капитанская дочка» А. Пушкина. Затем последовали сочинения Толстого, Лермонтова, Тургенева, Некрасова, Жюль Верна, Сервантеса...

Спустя годы его зять, академик А.Х. МАРГУЛАН вспоминал: *«Наряду с музыкой Канышу Имантайулы нравились бальные танцы. Еще в ранние годы среди интеллигентов Сатпаевы были лучшими танцорами, неизменно всегда получали призы на вечерах отдыха. Настолько это вошло в их традиции, что даже в последние годы жизни, находясь в Кисловодске, Каныш Имантайулы с охотой участвовал в карнавалах... и, конечно, всегда получал первые призы. Я помню, он настолько увлекался этим, что с жаром учился и новым танцам — таким, как фокстрот, танго, хали-гали, ча-ча-ча, даже освоил современный твист...»*

Многое захватывает любознательного юношу. Каныш увлекается фотографией, подолгу засиживается в затемненной камерке Николая Ермиловича, тоже фотолюбителя. Записывается в музыкальный кружок и вскоре становится скрипачом струнного оркестра училища, который в те годы был лучшим среди всех любительских музыкальных коллективов Павлодара.

Время шло. Канышу исполнилось пятнадцать лет. Это был уже не тот мальчишка, который, приехав три года назад в уездный город, растерянно озирался по сторонам. Ростом он — настоящий джигит, худощавый, стройный. Он больше не бреет голову наголо. Волосы у него красивые, волнами. Под стать им брови — густые, черные, они резко подчеркивают белизну его лица. Но большие глаза юноши еще по-детски, наивно смотрят на мир. Одевается он теперь по-городскому — уже не наденет малахай из овчины и длинный чапан из верблюжьей шерсти. На нем пальто с отложным воротником и металлическими пуговицами. И китель у него настоящий, как у семинаристов. Модное галифе, хромовые сапоги. Летом в жаркие дни — шелковая рубашка навывпуск с выши-

тым пояском. Теперь Каныша не увидишь среди резвящейся на джайляу ребятни. Он подолгу засиживается со старшими за дастарханом. Слушает молча, с достоинством. А если приходится самому о чем-то рассказывать, ведет речь неторопливо, обстоятельно, подражая аксакалам, — чувствуется, что это доставляет ему удовольствие. Да, он многому научился, и сказать парню есть о чем. Иногда играет на домбре, неплохо исполняет баянаульские песни. В другой раз берет в руки скрипку двоюродного брата Абдикарима Сатпаева...

В то время в Павлодаре проживало немало казахов. Интеллигентов, как Барлыбаев Ахметолла и Абиkey Сатпаев, было с десяток, да и в различных учреждениях изредка встречались образованные люди, мелкие служащие. А вот рабочего люда среди грузчиков в речном порту, на мельницах и лесозаводе — было много. Некоторые выбились в ряды предпринимателей, купцов, наиболее предприимчивые стали делдалами*. И эти зажиточные казахи имели уже добротные дома, соблюдая народную традицию, они часто приглашали к себе гостей, для прослушивания известных акынов, певцов. В то время в уездном городе гремела слава певца по имени Акедил и его ученицы юной певицы Майры Увалиевой.

К северу, в верстах четырех-пяти от города и недалеко от Омского тракта еще с начала XIX века образовался полуаул-полупоселок — «Кокжатак»**, жители которого работали на соляном причале, мельнице миллионера Осипова и керосиновых складах акционерного общества «Нобель». Несмотря на бедность, они также были гостеприимны, любили погулять, иногда учиняли и бунты. Именно у них очень часто и подолгу останавливались знаменитые баянаульские певцы Жарылгалберды Жумабаев, братья Ержановы, широкоизвестный Жаяу Муса Байжанов. И, конечно, их проживание у кокжатаковцев всегда сопровождалось зажигательными выступлениями певцов, иногда продолжавшимися целые сутки.

Абиkey Зеинулы, как известного представителя здешней казахской интеллигенции, считали за честь пригласить на такие веселые праздники. Но он не очень любил без цели проводить время. И как человек, понимающий толк в музыке и пении, не упускал возможности лишний раз послушать таких мастеров национального песенного искусства, как Майра, Акедил, Естай Беркимбаев, в том числе и баянаульских певцов. Супружеская чета Сатпаевых иной раз брала с собой и

* Перекупщики.

** Пригородное поселение казахской бедноты.

Каныша. Для одаренного, уже неплохо разбирающегося в музыке способного юноши эти посещения не прошли бесследно...

Вместе с Канышем в двухклассном русско-киргизском училище учились и другие баянаульцы. Жагыпар Абдихалыков, Пауан Жусупбаев, Жусупбек Аймауытов, Салемхат Куленбаев, Сулеймен Ержанов, Хабиолла Барлыбаев и другие. Многие из них были намного старше его. Например, Аймауытов на целых десять лет. Каныша они защищали от обидчиков, любили как смышленого малого. Но это не мешало им вовлекать младшего Сатпаева в различные народные игры, где ему приходилось выступать и как музыканту-скрипачу, и как певцу. Эти молодежные концерты, как правило, начинались с выступления Каныша, а завершались игрой на домбре и песней, мастерски исполняемой Жусупбеком.

Всему заводилой был живой, неугомонный Жусупбек Аймауытов, выходец из бедняцкой, многодетной семьи, проживавшей у подножия Кызылтауской горы. Там же он научился языку русских у образованного человека, нанятого баем для подготовки своих бездарных отпрысков к поступлению в городскую школу. Пришлось ему шить сапоги, плотничать, да и еще быть аульным муллой, чтобы не умереть с голода, к тому же помогать родителям. Но неистребимая тяга к учебе привела юношу однажды в Павлодар. Он поступил в низшую сельскохозяйственную школу, потому что там был пансионат для казахских детей, вдобавок платили стипендию. Но через год Жусупбека оттуда выгнали с треском за участие в забастовке казахских учащихся. Он вернулся на родину, пошел служить аульным муллой, учить малышей арабской грамоте. Но не оставил свою мечту когда-нибудь получить основательное образование. И вот, в 1911 году, услышав о приеме казахских детей в русско-киргизскую школу, где учащиеся обеспечивались питанием и жильем, несмотря на свой возраст — в ту пору ему уже стукнуло двадцать два года — он поехал в Павлодар...

III

Наступило лето 1914 года. Каныш закончил еще одно учебное заведение. Что дальше? Возвратиться в аул, поступить на службу к волостному управителю? Нет, ему и думать не хотелось об этом. Продолжать учение? Но где, в каком городе? К какому делу готовить себя?

Эти вопросы волновали не только Каныша, но и Абиkeyя, взявшего на себя заботу о брате.

— Садись, надо поговорить, — сказал он в день расставания.

— Я слушаю вас, Абиkey-ага.

— Меня пригласили в Семипалатинск преподавать в учительской семинарии. Дают квартиру. Да и платить обещают побольше. Я дал согласие. Сообщишь отцу о моем решении. Пусть не осудит, что я выбрал далекий Семипалатинск. Все равно буду часто приезжать на родину.

— А как быть мне? — нерешительно спросил Каныш. — Может, за вами податься?

— У тебя, Каныш-жан, три дороги. Первая в Омск — город большой, и учебные заведения там серьезные. Правда, далеко, да и знакомых почти никого. Думаю, не отпустит тебя Бий-ага в такую даль. Вторая — снова вернуться в Павлодар. Нынче здесь открываются двухгодичные курсы. Если закончишь их, сможешь преподавать в любой аульной школе. Некоторые твои сверстники — Куленов, Аймауытов, Абдыкалыков, Жусупбаев — уже подали заявления. И, наконец, третья — последовать за мной в Семей*...

— Я решил ехать туда, в Семипалатинск, Абиkey-ага.

— Не забывай, что последнее слово все-таки за отцом.

— Раз вы будете рядом со мной, он не побоится отпустить меня.

— Ну что ж, жду тебя, Каныш-жан, в областном центре...

Случилось так, как предполагали братья. Сперва отец вообще не хотел и слышать о дальнейшей учебе. Сторона дальняя — неделю надо, чтобы добраться туда верхом из аула. Неизвестно еще, какой год выдастся нынче. Минувший год коровы был для степняков тяжелым, пришла беда — проклятый джут, поубавилось скота, от бескормицы иные хозяйства совсем обнищали. А теперь вот о войне поговаривают... «Нет, сынок, не могу отпустить на чужбину. Подкрепи здоровье, поживи хоть одну зиму рядом со старым отцом...»

Из воспоминаний А.Х. МАРГУЛАНА:

«Помню разговор с отцом Каныша по поводу его отъезда на учебу в Семипалатинск. "Мне не хотелось в такое тяжелое время далеко отпускать сына, — говорил он. — Но вижу, у Каныша пропал аппетит, совсем мрачным парень стал. Что делать? Отговорить его мог только Абиkey. Но его нет, он отдыхал в то лето в Зайсане, у друзей. Думал-думал, вижу: не удержать его в ауле. Наконец решил. В начале августа, прихватив с собой верных спутников Бапая и Козыбага —

* Казахское название Семипалатинска.

ра, вчетвером отправились на телеге в дорогу. Через неделю добрались до берега Иртыша. Каныш говорит:

— Отец, давайте не поедem в Павлодар. Лучше дожидаться парохода здесь, в Воскресеновке.

Так и сделали. Через несколько дней, во время чаепития, слышим гудок. У меня сердце замерло. Каныш радостно выскакивает на улицу, а у меня сил нет даже с места подняться. "Что станет с ним? Неужели целый год не увижу его? Дождусь ли? Ведь уже седьмой десяток кончаю..." Но пересилил себя, поднялся. Нельзя удерживать сына из-за старческой прихоти. Идем на пристань. Билет куплен заранее. Быстро простившись, Каныш поднимается на палубу, мы стоим на берегу, словно вкопанные. Пароход дает прощальный гудок, отчаливает. Каныш машет рукой, утирает глаза. Все же трудно пятнадцатилетнему мальчугану покидать надолго родные места. А нам какво? Бапай с Козыбагаром насупились, в глазах слезы. На устах моих молитва о скором и благополучном возвращении любимого сына..."

КРЫЛЬЯ КРЕПНУТ В ПОЛЕТЕ

I

Здание, где помещалась учительская семинария, располагалось в то время на северной окраине Семипалатинска. Дальше начиналась голая степь. Оттого и пустынная пыльная улица, по которой в город входили караваны и всадники из аулов, получила свое название — Степная. Ныне она носит имя Чокана Валиханова и давно считается одной из центральных. Здание бывшей семинарии не только хорошо сохранилось — в его стенах, в педагогическом колледже имени М.О. Ауэзова по-прежнему занимаются будущие учителя начальных классов.

В тот год, когда Каныш приехал в Семипалатинск, семинарии исполнилось более десяти лет. Поэтому к 1914 году здесь успели сложиться свои традиции, накопился определенный опыт. Преподавание вели широко образованные, передовые интеллигенты того времени. Вот имена некоторых педагогов, значащихся в ведомостях того времени: Николай и Виктор Белослюдовы, Н.Я. Коншин, супруги Назипа и Нургали Кулжановы, Н.П. Ильинский, В.М. Морозов, Н. Сулима-Грузинский, В.И. Попов, А.З. Сатпаев, Б.Г. Герасимов...

Братьев Белослюдовых было четверо — Николай, Алексей, Виктор, Федор. Собственный двухэтажный дом на Крепостной улице (ныне имени Ф.М. Достоевского) они пре-

вратили в настоящий краеведческий музей. По свидетельствам очевидцев, здесь было собрано свыше четырех тысяч экспонатов, имелись отделы этнографии, геологии, минералогии, палеонтологии, археологии, нумизматики, картин и рисунков, предметов старины – рукописей, книг, редких вещей.

О старшем Белослюдове один из его питомцев Мухтар АУЭЗОВ, вспоминая впоследствии: *«У всех своих учеников Николай Иванович оставил по себе светлую память. Он не ограничивался простым преподаванием. Своими беседами он будил мысль. Прогрессивность и гуманизм его воззрений и отношение к ученикам вызывали искреннее уважение».*

Близким другом классика казахской литературы Абая Кунанбаева был другой преподаватель семинарии – Николай Яковлевич Коншин. Он читал курс права. Коншин учился на юридическом факультете Петербургского университета. В Семипалатинск попал в девяностых годах как политический ссыльный.

Особым почетом среди студентов пользовались супруги Кулжановы. Сами бездетные, они страстно, по-родительски пылко любили своих воспитанников. Юношей, приехавших на учебу из далеких аулов, Кулжановы всегда рады были принять в доме...

Кулжановы работали в Семипалатинской учительской семинарии со дня ее открытия. Нургали Кулжанов был выпускником Тургайской школы, которую основал выдающийся просветитель Ибрай Алтынсарин. А Назипа Сагызбайқызы родилась в 1887 году в Тургае, первоначальное образование получила в той же русско-казахской школе, где учился Нургали и вел преподавательскую работу. После окончания Костанайской прогимназии в числе первых пяти девушек-казашек, притом с отличием, она работала помощницей учителя Тургайской гимназии. Краеведы разыскали удивительный документ в Санкт-Петербургских архивах – заявление Назипы на имя Тургайского губернатора, где она просила Его высокопревосходительство заступиться за нее: оказалось, она еще в детстве была засватана за сына местного богача, а бедные родители, получившие богатый калым, теперь не в состоянии вернуть деньги; к тому же у нее есть любимый человек, с которым она вместе работает.. Губернатор области вверенной ему властью решил помочь молодым людям, вручив собственноручно им документ о бракосочетании. Но все же местные традиции были сильны, и потому молодожены, опасаясь мести, вынуждены были уехать подальше от родных мест..

Священник Борис Георгиевич Герасимов вел в семинарии «Закон божий». Он также был страстным краеведом. Именно поэтому с ним близко общались все казахские интеллигенты и студенты. В 20-х годах он стал преподавателем Казпедтехникума и председателем подотдела географического общества, но и это не спасло его от расстрела в 1937 году..

Срок обучения в учительской семинарии — четыре года. За это время семинарист получал основательную подготовку по литературе, истории, географии, естествознанию, математике, физике, черчению, юридическим дисциплинам.

II

В 1914 году в Семипалатинске насчитывалось более сорока тысяч жителей. Не так уж много по меркам европейской части России, но и немало в сравнении с такими городами, как Усть-Каменогорск, Барнаул, Павлодар, возникшими почти одновременно с ним в начале XVIII столетия.

Семипалатинск был административным центром обширного края, ему подчинялись все прииртышские земли от Китайской границы до Омска, от подножия Алтая до Семиречья на юге. Значение этого города не ограничивалось военно-управленческими функциями. Семипалатинск был средоточием торговых путей, по которым шли бесконечные караваны. Поток этот был настолько велик, что в иной год здешний караван-сарай принимал до одиннадцати тысяч верблюдов. Экономический рост и расцвет торговли потребовали строительства железной дороги, связавшей город с Сибирью. Она пришла на берег Иртыша в 1915 году. Здесь открылось Китайское консульство, действовала таможня, возникшая еще в 1754 году.

«Главная торговля в городе зимой, когда киргизы и крестьяне по зимнему пути приезжают из ближайших аулов и деревень, тогда же по льду Иртыша прибывают в город караваны верблюдов из Аягуза и Каркаралинских степей с бараньими шкурами, сырыми кожами, верблюжьей шерстью, веревками и прочим и взамен этих товаров забирают хлеб в зерне, муку, табак, железо и сундуки, — писал краевед Н.А. Абрамов в своем очерке «Семипалатинск как торговый центр», опубликованном в 1862 году в «Журнале Королевского географического общества», издававшемся в Лондоне. — ...Предметы вывоза: выделанные кожи и черный сафьян местной обработки, бумажные мануфактурные товары ярких цветов, крашенная шерсть, бархат, парча, часы, зеркала, чугуны и кованые железные изделия, железо в необработанном виде, медь в листах и в штыках. Киргизская степь

шлет в обмен тонкие кошмы, бараньи шкуры, скот. Из Ташкента получают бумажные одеяла и другие изделия из хлопка, шелковые халаты, шерстяные ковры, хлопок в необработанном виде и в виде пряжи. Из Кульджи и Чугучака идут чай, фарфоровые изделия, серебро в слитках, шелк, меха, зеркала, гребни. Товар этот продается в Семипалатинске, а потом отправляется дальше — в Тюмень и на Ирбитскую ярмарку, оттуда попадает в Казань и Москву».

Удобное географическое расположение города на берегу большой реки, особенно на стыке казахской степи с Сибирью, делало Семипалатинск как бы главными воротами из Российской империи в Среднюю Азию. Потому он рос быстро. Одно за другим строились шеголеватые здания в европейском стиле: резиденция губернатора, банковский дом, клубы купцов, приказчиков, гимназия и семинария. На главных улицах появились особняки разбогатевших торговцев с затейливыми башенками, лепными украшениями фасадов. А мечети и церкви! Они, словно соперничая друг с другом, старались блеснуть своим убранством. В то лето, когда Каныш впервые сошел здесь на берег с парохода, в городе действовали двенадцать мечетей и шесть православных храмов! И даже синагога!..

Промышленность также получила в Семипалатинске довольно значительное для того времени развитие: много рабочих было занято на кожевенном производстве, дымили трубы десятков кирпичных, мыловаренных, свечных заводиков. Слышался звон наковален, гудело железо под молотками котельщиков и слесарей судоремонтных мастерских пароходного общества «Меркурий».

Разумеется, и в культурном отношении Семипалатинск намного превосходил уездные города. Скоро пятнадцатилетний Каныш понял, что Павлодар в сравнении с Семипалатинском просто захолустный городишко, а его места общественных увеселений, учебные заведения, даже Народный дом жалки по сравнению с теми очагами культуры, что имеет областной центр. Чего стоит одна библиотека! Сколько здесь книг и журналов! Каныш с первых дней становится здесь завсегдатаем. А здешние педагоги! Да это настоящие мудрецы.

Вот улица Крепостная. Сюда, в тихий и еще неблагоустроенный уголок города, влечет юношу один старый дом. На стене этого дома укреплен мемориальная плита из белого мрамора, свидетельствующая, что здесь в 1857—1859 годах жил великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский. Из этой вот калитки он выходил на пустынную, зане-

сенную песком улицу и шел к Иртышу, оттуда на лодке мог переправиться на Полковничий остров. И, конечно, писатель проходил мимо того дома, где он поселился у двоюродного брата Абиkey-ага, снимавшего квартиру на берегу протоки, по улице Большой Владимирской. А возможно, Федор Михайлович шел не один, а вместе со своим молодым другом Чоканом Валихановым.

Мысль юного Каныша уносится еще дальше, в родной аул, ему вспоминаются рассказы отца о Чокане...

...В одно прекрасное утро, в начале знойного лета 1856 года унтер-офицер Достоевский, выходя из казармы, вдруг столкнулся лицом к лицу с молодым, энергичным и гибким казаком в мундире поручика, обаятельный облик которого был не только знаком ему, но стал уже близким и дорогим. Не успел Достоевский вымолвить слово, как поручик бросился к нему и они обнялись крепко, как кровные братья.

— Федор Михайлович! Дорогой мой...

— Вали-хан! Да какими судьбами? Ай, Вали-хан мой!

Они отправились на квартиру писателя и говорили без конца. Чокан рассказал другу, что он находится сейчас в большом и важном походе на Тянь-Шань, на Иссык-Куль. А писатель советовал молодому исследователю использовать его материалы о казаках, собранные здесь в ссылке, затем и в своих письмах к нему писал, что такая статья будет иметь важное значение и вызовет живой отклик у русской общественности и интерес к его народу.

В другой раз, в 1858 году, Чокан Валиханов, по рекомендации П.П. Семенова-Тян-Шанского, был снова послан в военно-научную командировку в Кашгарию, куда европейцы тогда вовсе не допускались. Он опять приехал в Семипалатинск и пробыл здесь довольно долгое время, ожидая попутного купеческого каравана, с которым он под видом купца Алимбая мог бы проехать туда. Разумеется, опять же они, два сердечных друга встретились, теперь уж в том бревенчатом доме по улице Крепостной, что рядом с Больничной (ныне имени академика Павлова). Возможно, тогда же они вместе съездили в казахские аулы в Архат, в Чингисские горы, еще дальше — в Тарбагатай...

Представляя эти поездки и встречи двух великих сынов русского и казахского народов, Каныш будто бы наяву видел и яснее понимал, почему позднее Федор Михайлович признавался в письме к Чокану: *«Вы пишете мне, что меня любите. А я вам объявляю без церемоний, что я в вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к вам, и Бог знает, как это случилось. Чувства и влечение — дело необъяснимое...»*

Семипалатинский краеведческий музей и общественная библиотека были открыты осенью 1883 года. Книжный фонд библиотеки вначале был скромным, но из года в год постепенно увеличивался. Солидную помощь музею оказали Российская Академия наук, прислав в дар 283 тома своих научных изданий, и Петербургское общество естествоиспытателей, также отправившее ряд своих книг и журналов. Именно эти книги положили начало основанию научной библиотеки при музее. Вскоре это место стало особо чтимым культурным центром. Сюда же, как известно, был вхож Абай Кунанбаев, специально приезжавший в город в зимние месяцы.

Летом 1885 года Семипалатинск посетил американский журналист Джордж Кеннан, обследовавший в России каторжные тюрьмы и места политической ссылки. В своей книге «Сибирь» он подробно описал свои впечатления от посещения библиотеки и музея: *«С удивлением я увидел, — пишет он, — сочинения Спенсера, Бокля, Дарвина, Льюиса, Милля, Тэна, Тейлора, Гексли, Тиндаля, Альфреда и сэра Генри Мэна, романы и повести Скотта, Диккенса, Мариэтта, Джорджа Элиота, Джона Мак-Дональда, Антония Троллопа... Подобный подбор книг делает честь интеллигенции. Благодаря книгам мое мнение относительно Семипалатинска улучшилось, по сравнению с тем, что сложилось от увиденного и услышанного ранее».*

Впрочем, это было тридцать лет тому назад. А во втором десятилетии нового века областной центр всего Прииртышья и огромной степи вплоть до Джунгарского Алатау еще больше расцвел в культурном отношении.

И в Семипалатинске Каныш учится прилежно. Каждый класс он оканчивает только с отличными оценками. Его ненасытный ум требовал все новых и новых сведений... В одном из сохранившихся документов архива бывшей семинарии за 1916 год указано, что двадцати лучшим студентам областным земством были назначены специальные стипендии, среди них — имена К. Сатпаева, М. Ауэзова, Ж. Аймауытова, К. Нурмухамедова.

В первый год учебы в Семипалатинске Каныш жил вместе с семьей Абиkeya Зеинулы. А у него уже подрастала дочь Райхан, ждали еще прибавления. Кроме того, дом, где Сатпаевы снимали квартиру, был далековато от семинарии, приходилось проделывать немалый путь: сначала вдоль берега Иртыша вниз, потом пройти через Западные (Ямышевские) ворота старой крепости, затем долго шагать по широкому пустырю до Степной улицы.

Потому ли, что ходить было далеко, или была тому виной тяга к самостоятельности, но со второго класса Каныш решает перебраться на отдельную квартиру. Он снимает ком-

нату в доме татарки Ханисы-ханум вместе со своими друзьями Жекеем и Мухтаром. О первом из них мы ничего, кроме имени, не знаем, и дальнейшая судьба его нам неизвестна. А юноша Мухтар — это будущий академик Национальной АН РК Ауэзов, всемирно известный писатель. Мухтар Омарханулы поступил в семинарию в 1912 году. Так по воле судьбы на пороге жизни встретились два будущих великана казахской культуры, чтобы в течение почти полувека идти вместе.

Дом-музей братьев Белослюдовых, названный современниками «жемчужиной» среди провинциальных музеев России, удостоенный за выдающиеся успехи малой серебряной медали на первой Западно-Сибирской выставке в Омске в 1913 году, привлекал внимание многих интеллигентов тогдашнего Семипалатинска. Особым уважением пользовался он у образованных казахов. *«В Семипалатинске хочу прочитать лекцию о киргизских сказках, познакомить публику с блестящим, как Николай Максимович Ядринцев его называл, Чоканом Чингисовичем. Хочется заронить его яркую искру в юные сердца... С каждым годом их больше и больше прибывает из степей в наши учебные заведения. Среди них много искренних сердец»*, — пишет А.Н. Белослюдов в письме Г.Н. Потанину в ноябре 1915 года. А в другом письме того же года он с радостью сообщает Григорию Николаевичу, что в Семипалатинске организован кружок из казахской молодежи: *«Кружок этот будет работать по сбору киргизского народного творчества — фольклора и этнографии. Решили подыскать хорошего рассказчика сказок — записывать их и переводить на русский язык. На первой очереди стоит также перевод на русский язык произведений Абая Кунанбаева»*.

Абикей Сатпаев был близким другом братьев Белослюдовых. Об их взаимоотношениях мы еще расскажем. А что касается молодых, «искренних сердцем», в душу которых Алексей Николаевич собирался «заронить яркую искру», то, думается, в их числе были и три неразлучных друга — Мухтар, Жекей, Каныш.

Из книги воспоминаний писателя Сапаргалия БЕГАЛИНА «Пережитое»: *«В следующее воскресенье захожу к Кулжановым. К доброму делу пришел, — обрадовалась Назипа Сагызбайкызы. — Будешь помогать. Власти дали разрешение на проведение литературного вечера. Уже ведем репетицию...»* Вскоре пришли два молодых джигита в форме семинаристов. Я их и раньше видел в доме Кулжановых. Один из них высокий, белолицый, застенчивый. Второго знал как домбриста и исполнителя народных песен — ростом низенький, но крепкого телосложения. Хозяева их встретили с радушием. Тетя

Назипа даже воскликнула: «О, Жекей, как подготовка?!» Жекей ответил с достоинством: «Да, мы уже с Канышем занимаемся». Лишь тогда я заметил оставленные ими в комнате музыкальные инструменты...»

Литературный вечер, к которому готовились супруги Кулжановы и их воспитанники, состоялся в феврале 1915 года.

«13 февраля в Семипалатинске в клубе приказчиков состоялся литературный вечер казахов. Исполнителями были казахские учащиеся и образованные казаики. Вечер состоял из четырех отделений: в первом были прочитаны стихи старых акынов и речи знаменитых биев... Затем Нургали Кулжанов разъяснил публике содержание айтыса «Биржан-Сара», и тотчас на сцене появился человек с домброй в руках, одетый в легкий чапан, на голове — нарядная шапка с воткнутыми в нее совиными перьями; слегка ударив по струнам инструмента, он спел первые куплеты известного айтыса — «Где ты, Сара, выходи скорее. Это я, Биржан, вызываю тебя на состязание...» С другой стороны сцены появились в блестящих, расшитых орнаментами национальных костюмах, все как на подбор красивые, восемь девушек, а среди них — Сара, она подхватила вызов своего соперника, ответила ему с ходу сочиненной поэтической импровизацией. Роль Биржана отлично исполнил Жусупбек Аймауытов, а вот Турар-ханум Козыбагарова, которая играла Сару, вовсе оказалась выше всяких похвал», — восторженно описывал увиденное корреспондент журнала «Айкап», издававшегося в Троицке, скрывший свое имя под инициалами М.М.

Как видим из этого сообщения, Жусупбек Аймауытов не остался в Павлодаре на курсах мугалимов, также поехал в Семипалатинск, чтобы здесь получить более основательные знания. В тот же год он поступил в учительскую семинарию. И как разносторонне талантливый человек здесь также проявил инициативу, стал заводилой на творческих вечерах. Загадочный М.М. сообщает, что он виртуозно сыграл кюи на домбре, затем и на мандолине, прочел сатирические стихи, высмеивающие невежество своих сородичей, а под занавес еще мастерски спел замечательную песню «Галия». Словом, он «сделал все, даже больше, чем нужно, чтобы «Первые казахские игры» стали триумфом народной песни и запоминающимся событием для публики».

Впрочем, по содержанию вечер был слишком даже насыщенным. Об этом красноречиво говорит его программа. Например, «во втором отделении Назипа Кулжанова читала стихи Ибрая Алтынсарина о лете. Певец Альмаганбет исполнил мелодию «Ырғакты», «Песню Татьяны» и «Жарык етпес». На двух домбрах и мандолине были исполнены кюи. Затем

Т. Жомартбаев, К. Сатпаев, М. Малдыбаев еще декламировали стихи...»

Подобные литературные вечера в городе были, в сущности, самыми первыми собраниями казахской интеллигенции. Степь еще не знала ни театра, ни постоянно действующих артистических коллективов. Организаторы таких встреч ставили своей целью собрать воедино все немногочисленные творческие силы, чтобы в недалеком будущем создать национальный театр и способствовать развитию письменной литературы.

(Пройдут годы. Участники «Первых казахских игр», повзрослев, изберут свою дорогу в жизни. Один станет инженером, другой — литератором, третий — историком... Им суждено будет увидеть осуществление своей мечты — первый казахский национальный театр. «Енлик-Кебек» — первая казахская пьеса, поставленная на его сцене. Автор ее Мухтар Ауэзов, тот самый юноша, который когда-то звонко декламировал стихи Абая в семипалатинском клубе приказчиков. А рецензентом этой исторической постановки станет тот самый чтец и домбрист Каныш Сатпаев. *«Нам думается, что национальному казахскому театру в будущем следует держаться трех направлений, — напишет он в статье, напечатанной газетой «Енбекши казах» 24 января 1927 года, — первое, театр должен стать зеркалом жизни народа; второе, театр как борец за исправление недостатков нашего национального характера; и третье, театр как организатор и хранитель культурных ценностей, традиций народа. Для осуществления этих направлений театру предстоит еще много работать и приложить максимум сил, воли и творческой энергии.»*)

Ясно, что не одними лишь литературными вечерами, занятиями в кружках и долгим чтением в библиотеке был заполнен досуг молодых семинаристов. Они играли в городки и даже в только что входивший в моду футбол. Например, Мухтар Ауэзов был членом футбольной команды города, запечатленной на сохранившейся групповой фотографии. Он же с Жексем увлеченно занимался под руководством профессионального тренера Н.Н. Куприянова классической борьбой. И, конечно, три друга никогда не пропускали представлений заезжего цирка, на арене которого проходили схватки сильнейших борцов. Почти каждое лето в Семипалатинск приезжал прославленный казахский борец, чемпион мира Кажымукан Мунайтпасов. И его показательные выступления на базарной площади, борьба на арене цирка всегда были настоящим праздником для местной публики.

Каныша также увлекали эти состязания, но больше всего его тянуло на Полковничий остров, где обычно собирались прославленные певцы, домбристы. Здесь же он однажды услышал неповторимый голос молодого джигита Амре Кашаубаева из Дегеленской волости и с тех пор уже не пропускал его публичных выступлений. Можно сказать, он по-юношески был влюблен в чудное пение этого одаренного певца, покорявшего своих слушателей самобытным, ярким и сильным голосом.

Любитель книжных новинок, Каныш однажды наткнулся в областной библиотеке на тоненькую брошюрку под названием «К вопросу о происхождении песчаных заносов в Семипалатинске». Автором ее был профессор Владимир Афанасьевич Обручев, книжка издана в Томске, в 1915 году. Оттуда же семинарист узнал, что до этого не известный ему автор бывал в Семипалатинске, притом не однажды — в 1905, 1906 и 1909 годах, когда ему приходилось отправляться в пограничную Джунгарию в научные экспедиции. Но в брошюрке речь шла не об этом, а о том, что было вечной напастью и неразрешимой проблемой для всех семипалатинцев: песчаные бури здесь — всегда бедствие, и пока никто не знал, как с ними бороться... Профессор Обручев проделал специальное исследование, взяв пробу песка с улиц, в бору, на левом и правом берегах Иртыша, на островах и в степи, простирающейся на юго-запад от Семипалатинска, дальше, уже после тщательного изучения их состава, он сделал вывод: *«Широкая полоса воды значительно увлажняет воздух над рекой, и в этой полосе пыль и песок, приносимые ветром из сухих степей с юго-запада, начинают оседать, часть песка падает в воду реки, остальная, большая часть, осаждается в городе»*. Разгадав причину, ученый предлагал вымостить камнем главные улицы и засыпать речной галькой остальные, и еще постоянно вывозить песок за город, укрепить лесопосадками береговые откосы...

Прочитанное поразило юношу, хотя он был еще далек от понимания этого загадочного явления. Название книжки, имя автора, даже то, что он так просто разрешил сложнейшую задачу, как избавиться от песчаных бурь, навсегда запечатлелись в его памяти, как пример того, какие возможности открывают перед человеком знания, наука.

Так незаметно и буднично проходили дни, месяцы, годы. Хотя жизнь была — не сахар, все же молодость, с присущими ей оптимизмом и верой в будущее брала верх. Долгими, зимними вечерами три друга, жившие на квартире Ханисы-ха-

нум, спорили, ругались и тут же мирились, мечтали. Ясно, им хотелось учиться и дальше, получить высшее образование, овладеть всеми нужными знаниями, чтобы затем участвовать в изменении векового уклада жизни степи. Они уже понимали, что родной народ не может вечно оставаться кочующим номадом, ибо именно в этом была одна из причин его отсталости. Нужны начальные школы, медресе, гимназии и семинарии, даже специальные профессиональные училища, где велось бы обучение разным ремеслам. Нужны театр, цирк и еще многое, в том числе и спортивные залы. И главное, надо просвещать народ. Кому же, если не им, молодым семинаристам, заниматься этим благородным делом?! Потому они, не ожидая чьих-то указаний и наступления благоприятных времен, пишут стихи, пьесы, скетчи, устраивают литературные вечера.

Удивительное было время. Еще удивительнее была горсточка молодых людей, притом живущих в разных уголках степи, которых объединяло одно стремление — приобщиться к общечеловеческой культуре...

III

Баянаул далеко от Семипалатинска, и потому земляки редко наезжают сюда. Обычно это случается зимой, когда привозят на продажу мороженое мясо. И семинарист получает с такими оказиями посылки из дому. Хозяйство отца сильно истощено, оно еще не оправилось после джута тринадцатого года. Поэтому даже незначительная помощь из аула идет с перерывами. Вся надежда на пятнадцатирублевую стипендию, что дает земство.

С началом войны стали расти цены на продовольствие. Бытовые трудности из-за дороговизны, ежедневная суета в течение года настолько докучали семинаристам, что они ни на день не задерживались в городе с началом летних каникул. Мухтару попасть домой было легче, его аул зимовал на расстоянии двухдневного перехода от Семипалатинска. А вот Канышу, чтобы добраться до своих Аккелинских гор, приходилось ехать много дней. Потому-то он заранее сообщал отцу день окончания экзаменов, чтобы провожатый успевал вовремя приехать за ним. В первый раз за Канышем прибыл старый знакомый Бапай. А в последующие годы вместе с ним приезжал Нурлан Касенов — озорной крепыш, любимец всего аула. Обычно ехали домой на двух, иногда на трех повозках. В одной из них Каныш с друзьями. Багаж у него бывал

немалый — два коржуна, доверху наполненных книгами. Немало баянаульцев училось в то время в Семипалатинске.

Аулы Сатпая по-прежнему летом отправлялись на джайлю на берега реки Шидерты. И когда основательно располагались на привычном месте, на берегу живописного степного озера, когда хозяйственные хлопоты на время прекращались, в вечерние часы все Сатпаевы, приехавшие — одни из Омска, другие — из Семипалатинска, устраивали на поляне, перед юртами семейные концерты: старший из них Абиkey Зеинулы играл на гармонии, Абдикарим Жаминулы — на скрипке, Бокеш и Каныш, сыновья Имантая, поочередно — на домбре и мандолине; бывало, все хором пели новые и старые песни... И тогда весь аул — и молодые, и старые сходились послушать их. Кто-то в эти незабываемые и чудные мгновенья, не сдержав восторга, обязательно выкрикивал: «Ай да соловьи Сатпаевы, молодцы! Дай вам Аллах долголетия!.. Жить вам до ста лет!»

Встречи с акынами и сказителями превратились для Каныша в настоящую потребность. В каждый свой приезд на родину он обязательно навещал знаменитого певца Жаяу Мусу Байжанова. Его аул находился в сорока верстах от зимовки Сатпая, в урочище Акшоkey. По рассказу Нурлана Касенова, летом 1916 года Каныш отправился к старику уже на третий день по приезде из города. Певец был болен и поэтому постоянно жил в зимовке, не откочевывал на джайлю даже в жаркие месяцы. Он всегда жил скромно, но в тот приезд быт певца, его жилище показались молодым гостям еще более бедными и жалкими, чем прежде. Жаяу Муса лежал на железной кровати, застеленной тощим тюфяком. На полу спальни не было даже обычной в казахском обиходе кошмы.

После взаимных приветствий юноши спросили старика о его здоровье.

— Об этом узнайте вон у той птахи, моего синего сокола, — сказал певец, указав на птицу, сидевшую в углу на стояке.

Каныш подошел к ней, погладил крылья, пощупал зоб, затем, обернувшись к Муса-ата, произнес:

— Не доволен я хозяином — так говорит ваш сокол. Весна минувла, проходит и лето, а я ни разу не вылетел на охоту. Разве это жизнь — сидеть на привязи?

Певец рассмеялся:

— Вот как! Чует птица, что сын почтенного Имеке страстный охотник... Вижу, весь в отца уродился, даже его страсти перенял. Ладно, Каныш-жан... садись, будь гостем и рассказывай, какие новости в городе. Что-то затянулась эта война...

Услышав, что ожидается призыв казахов на тыловые работы, аксакал горестно покачал головой.

— Эхе, это уже худо! Значит, врут писаки о наших побздах на фронте. — Нахмурившись, акын указал на русскую газету, которую читал до прихода гостей. — Выходит, у нашего царя-батюшки не очень-то дело ладится, раз уж до казахов очередь дошла...

Джигиты не поддержали этот разговор, слушали молча.

— Подойди ближе, сынок, — вдруг сказал Жаяу Муса.

Когда Каныш исполнил его просьбу, певец с трудом дотянулся рукой до макушки юноши. Заметил:

— Ростом вышел, вижу. А как умом, тоже есть прибавка?

Каныш, улыбнувшись, ответил:

— Что вам сказать? Кончил еще один класс...

— Молодец, доволен я твоим ответом. Скромность твоя, видать, также от отца... Теперь выбирай: чем тебя одарить?

— Ничем, дедушка. Скорее приезжайте в наш аул погостить. Вот такая наша просьба...

Когда долгая беседа подошла к концу и гости стали прощаться, певец поднялся с постели и, с трудом пройдя в тот угол, где сидел сокол, снял птицу со стояка, сказал:

— Вот сидит без дела мой прославленный синий сокол, которого я никому ни за что не уступал долгие годы. Нет ему равного в нашей степи. Ты сам подобен соколу, сын нашего дорогого Имеке, твоя ученость — твои молодые неокрепшие крылья. Возьми, Каныш-жан, моего боевого сокола и дай ему вволю полетать! Ведь крылья крепнут в полете...

Но Каныш наотрез отказался принять подарок, хотя ему и очень хотелось иметь эту знаменитую птицу. Каково расставаться со старым другом больному старику?

— Когда выздоровеете, привезите его к нам на джайляу. Поохотимся вместе, — сказал он.

Певец недовольно покачал головой. Затем спросил:

— А что, может, и приеду. Чем же ты, сокол молодой, одаришь меня старого?

Каныш верно понял намек старого певца, ответил с вызовом:

— Найдем, дедушка, есть кое-что, для вас припасены... новые песни! Правда, немного.

— Ладно уж. Знаю твое немного... Значит, быть мне в твоём ауле, так и передай почтенному Имеке!

Узнав от Каныша об этом разговоре, отец остался доволен сыном.

— Правильно поступил, что отказался от подарка. Ведь

весь смысл, вся радость его жизни — песни и охота. Между прочим, с этим соколом связана одна известная в округе история...

Однажды приезжает в аул Жаяу Мусы волостной правитель.

Видно, гордыня его обуяла — сам он не пошел к певцу, а отправил к нему своего прислужника просить на время славного сокола. Через некоторое время джигит возвращается с пустыми руками и говорит своему господину: «Он дома. Но не ответил на мое приветствие. Даже с кровати не встал — лежит и почитывает газету...» Пришлось волостному уехать ни с чем.

Поведав эту историю, Имантай заключил:

— Удивительный человек! Волостному, который специально приезжал просить, отказал. А тебе сам предлагает. Если Аллаху будет угодно, старик поднимется, тогда мы еще увидим его синего сокола в деле...

Но в то лето им не пришлось поохотиться. Вскоре, 25 июня, был объявлен указ о мобилизации казахов на тыловые работы. К удивлению царской администрации, безропотная, всегда исполнительная степь неожиданно показала совсем иной нрав.

По всему краю забурлил, широко разливаясь, бунт...

В ГОДЫ БУРНЫЕ И ТРЕВОЖНЫЕ

I

Привычный к необъятным просторам степи, к сложившейся веками кочевой жизни казахский народ больше всего дорожил своей свободой. Но последние, жалкие остатки ее отнимались навязанными ему жестокими колониальными порядками. Административные преобразования 1822 и 1868 годов позволили царской России интенсивно вести строительство городов и казачьих станиц, из глубины империи хлынул бурный поток переселенцев, число которых особенно возросло после известной реформы Столыпина с начала нового века. Теперь уж, действительно, было деваться некуда: народ, имевший около 5 миллионов человек к концу XIX века, невольно превращался в бесправного раба...

Вот почему степняки почти повсеместными бунтами ответили на указ 1916 года о мобилизации всех молодых мужчин на тыловые работы. Но, увы! Неорганизованные вы-

ступления бунтовщиков, вооруженных лишь сайылами и топорами — оружием воинственных предков, были подавлены жестоко. Правительство в конце концов добилось своего: более 400 тысяч молодых казахов были отправлены на запад, в прифронтную полосу.

И тут случилось непредвиденное. Грянувшая, как гром среди ясного неба, Февральская революция 1917 года, отречение от престола царя Николая II, казавшегося могущественным монархом, чуть ли не наместником Всевышнего на земле, — вначале было воспринято угнетенным степным народом как небесное знамение, означавшее конец их мукам, и как воздаяние за пролитые слезы и кровь. А взявшее власть в свои руки Временное правительство сразу же объявило о равноправии всех угнетенных народов России...

Эхо Февральской революции докатилось до Семипалатинска с опозданием на пятнадцать дней — столько времени известие о свержении самодержавия скрывалось местными властями.

В считанные дни в степном захолустье возникли десятки комитетов и союзов, открылись организации всевозможных партий, группировок и фракций, были сняты со своих постов губернатор, полицмейстер, предоставлен отпуск Медведеву — управляющему банком. Одна за другой появлялись новые газеты, словно грибы после обильного дождя. Солнце демократической свободы взошло над Семипалатинском. То и дело по любому поводу проходили митинги. Сколько искусных ораторов появилось, сколько «вождей», сколько превосходных, опьяняющих лозунгов и революционного фразерства! Ведь отныне для всех и во всем свобода!

Питомцы учительской семинарии, конечно, не остались в стороне от этих событий. Сразу же была дана отставка преподавателям духовных дисциплин. Ведь объявлено же: свобода совести! Тихих, смиренных семинаристов словно подменили. Энергия так и клокочет в них. Не нужно их приглашать на митинги. Они успевают за день побывать на нескольких собраниях. Есть среди студентов и такие, которые сами выступают с речами.

В то время малочисленная, к тому же еще не закаленная в политических баталиях Семипалатинская национальная интеллигенция весной того же года неожиданно получила мощное подкрепление. Прервав свои занятия в университете и институте, приехала большая группа студентов-старшекурсников, которые учились в Томске. Их было более сорока человек, все они были уроженцами Прииртышья. Возглавил

группу студент четвертого курса горного факультета технологического института Алимхан Ермеков. Именно он бросил родовой клич, звучавший по традиции предков в крайне редких случаях, только в тревожные дни ради спасения Отечества: «Учеба подождет, нам надо немедленно возвратиться на родину и поднимать народ на борьбу за национальное возрождение!..» Призыв его был подхвачен земляками.

Приехав в областной центр, они окунулись в водоворот бурных событий. Конечно, не дремали и местные образованные казахи — служащие областных организаций, учителя. Тут же к ним зачастили эмиссары из центра Степного края, Оренбурга, где давно сосредоточились наиболее активные и опытные борцы за возрождение казахского народа. Словом, отныне и в Семипалатинске, и в уездных городах области на всех массовые собрания, митингах, любые политические выступления направлялись ими в желаемое русло.

II

Отрадно, что к тому времени у кочевого народа были свои кадры, политические предводители, которые могли вести его через бури и потрясения к желанной свободе. Благо таких отчаянных, смелых патриотов были не единицы и не десятки, а сотни...

Очевидно, здесь следует рассказать о схожести биографий этих степных рыцарей: они были в основном потомками казахской аристократии, первой начавшей преданно служить сто лет тому назад колониальной власти; они получили прекрасное образование в Казани, Томске, Оренбурге, Омске, Москве, Санкт-Петербурге, некоторые кончали университеты Варшавы и Тарту; но в отличие от своих дедов и отцов эти люди не захотели по-рабски слепо служить русской администрации ради чинов и личного благополучия — для них примером были передовые русские интеллигенты, поднявшие знамя борьбы за демократические преобразования в своем Отечестве...

Все они считали, что спасение казахов только во всенародном просвещении. Недаром Абай Кунанбаев писал еще в конце XIX века: *«Лишь знанием жив человек, лишь знанием движется век»*. Это же превозглашал в своем обращении в стихах к народу другой выдающийся просветитель Ахмет Байтурсунов: *«Призываю моих казахов быть патриотами в Отечестве, чтобы достичь побед не на ближних, а на дальних подступах. Ведь говорю: другие народы ушли далеко, а нам ско-*

рее бы их догнать!» Он написал стихотворение «Комар», имевшее широкое хождение среди публики. Комар в нем пытается разбудить уснувший народ. Сподвижник Байтурсунова, поэт Мир-Якуб Дулатов в 1909 году выпустил сборник стихов под названием «Пробудись, казах!», за который автора, как и Байтурсунова, посадили в Семипалатинскую тюрьму, а книгу вовсе запретили. А там в эпиграфе были такие строки:

*Открой глаза, пробудись, казах, подними голову,
Хватит жить в темноте дремучей столетия.
Отобрали землю, заодно и религию, дальше как быть —
Если не желаешь напрасно исчезнуть, скорее пробудись!..*

В двадцатые годы ряды национальных патриотов умножились многократно, и что характерно, они уже действовали более уверенно и наступательно. В Оренбурге, административном центре всего Степного края, вокруг Байтурсунова и Дулатова сплотилось значительное число казахских интеллигентов, их объединяли уже не родовые и не земляческие связи, а общенациональная цель: проложить путь от вековой отсталости в цивилизованный мир, встать вровень с другими нациями... Они же с 1913 года стали издавать первую национальную газету «Казах». Царская цензура неоднократно запрещала ее отдельные номера, редактора А. Байтурсунова власти арестовывали, на редакцию налагались многотысячные денежные штрафы. Но среди населения издатели находили всегда поддержку, были богатые меценаты, и газета, несмотря на репрессии, становилась из года в год все более читаемым печатным органом во всей степи. С 1911 года в Троицке на казахском языке издавался литературно-общественный журнал «Айкап». Редактором этого издания был писатель-демократ Мухаметжан Сералин, в последние годы ответственным секретарем там работал известный поэт Султанмахмут Торайгыров, баянаулец. И, конечно, популярный в народе журнал своими оригинальными и довольно смелыми публикациями, а также газета «Казах» сделали многое. По сути, они подготовили степняков, прежде не имевших и не знавших таких изданий, к историческим, эпохальным переменам.

Вот конкретные факты, красноречиво свидетельствующие об этом: уже с апреля по май 1917 года в Оренбурге, Верном (Алматы), Уральске, Акмоле (Астана) и Семипалатинске состоялись областные съезды казахов, а 21–26 июля в Оренбурге был созван первый общеказахский съезд. Даже теперь, по прошествии многих десятков

лет, поражает многоплановость повестки дня. Вот постановления, принятые этими народными сходами: требования навечно закрепить за казахами исконные национальные земли и их недра; приоттановить поток иноземных переселенцев; реорганизовать суды; организовать начальный всеобуч на казахском языке; обеспечить равноправие женщин с мужчинами; организовать милицию и казахское земство; и главное: *«Россия должна стать демократической федеративной республикой, во главе государства должно быть учредительное собрание, в промежутках — президент, избираемый учредительным собранием и Государственной Думой на известный срок... Автономия киргизов слагается из областей, и все они входят в Российскую федерацию наравне с другими народами»*. Кстати, в те дни было объявлено о создании национальной политической партии «Алаш»...

На этом же съезде избрали делегатов в Российское учредительное собрание от всех областей Степного края. Наряду с ними первый курултай казахов избрал восемь делегатов для участия во Всероссийском съезде мусульман, так называемом Шураи-Исламе. Среди них — известный читателю Абикей Зеинулы Сатпаев. Делегаты сразу же после завершения съезда выехали в Петроград, где началась работа Шураи-Ислама.

Весной занятия в учительской семинарии почти прекратились. Собрания и митинги, демагогические призывы различных «лидеров» делали свое дело. Многие семинаристы не приходят на лекции. Из среды учащихся выдвигались активисты, записные ораторы. Один из них сокурсник Каныша — Кази Нурмухамедов. Автором лозунга «Не только сам учишь — учи еще и других!» стал Жусупбек Аймауытов, смысл лозунга заключался в призыве семинаристов ехать в аулы с просвещенческими целями.

Какие призывы тех дней привлекали восемнадцатилетнего Каныша Сатпаева? Трудно сказать, ибо джигит не бывал на шумных демонстрациях и сборах. В это время он оказался в больнице переселенцев. Каныш поступил туда с высокой температурой, с болями в груди. Это было первое проявление опасного недуга. Но об этом пока не знали ни больной, ни лечившие его врачи. Поставлен диагноз: воспаление легких. Его выписали только перед летними экзаменами. Однако педагогический совет, учитывая его состояние и отличные успехи в учебе, принимает решение о переводе семинариста Сатпаева на четвертый курс без испытаний. К тому же пришел транспорт из аула. И Каныш, не мешкая, отправился в Баянаул.

Свежий воздух степи, кумыс и забота домашних сделали свое дело — юноша заметно окреп. К концу августа он возвращается в Семипалатинск. Ему сразу бросилось в глаза,

что город словно подменили. Почти нет митингов, и пламенные ораторы, которых весной нельзя было силой остановить, куда-то подевались. Комитетов и разных союзов тоже стало меньше. Разношерстные партии, будто бы между ними никогда не было политических разногласий, прекратив борьбу, пребывают в состоянии мира. Какое-то необычное затишье. Вероятнее всего, люди просто устали от болтовни, разуверились в обещаниях разных партийных лидеров...

Занятия в семинарии начались как-то вяло, без прежнего оживления. И учащиеся съехались к началу учебного года не в полном составе. Многие остались в аулах, некоторые успели сделаться чиновниками многочисленных служб Временного правительства. Каныша не привлекала такая перспектива, ему хотелось скорее завершить учебу. Он аккуратно посещал занятия, по-прежнему читал много литературы по изучаемым предметам. Но, к своему удивлению, юноша стал отмечать, что лекции тяготят его, пропало горячее стремление узнать побольше.

Вскоре это необычное состояние находит объяснение. Глубокой осенью Каныш попадает в переселенческую больницу. Поставлен жестокий диагноз: туберкулез в открытой форме. Кровотечение удалось остановить только через месяц. Но больной находился в критическом состоянии. Несмотря на это, доктор С.Н. Разумов, осмотревший юношу по просьбе Абиkey Зеинулы, рекомендовал немедленно уехать из города. «Каждый день пребывания здесь гибелен для молодого организма. Кумыс да степной воздух — спасение для него! Чем скорее переберется в аул, тем лучше...»

Разве это не жестоко? Столько лет мечтать о приобретении истинных знаний и на последнем году прервать учебу. Да еще с таким суровым приговором. Каныш выписывается из больницы. Уже сообщили о случившемся в Баянаул, в ожидании транспорта томительно тянутся дни...

Из воспоминаний Каныша Имантайулы:

«Это было осенью 1917 года. Холодный день. Пронизывающий ветер с песком. Доктора не помогли мне ничем. Тяжело на душе. Я уже подумывал об отъезде.

Время шло к вечеру. Я отправился из семинарии к дому Абиkey-ага с книгами, которые намеревался захватить с собой в аул. На улице встречаю человека с бледным лицом. Ясноглазый, среднего роста, худощав.

— Здравствуй, братишка. Ты не сын Имеке-аксакала? — спросил он неожиданно.

Вроде знакомый, только не знаю, где я его раньше встречал.

— Да, я Каныш, сын Имантая.

— А я Султанмахмут Торайгыров. Если располагаешь временем, зашел бы ко мне вечерком, — и назвал свой адрес.

— Хорошо, Султа-еке. Зайду.

Он жил на квартире у одного татарина. Я зашел к нему поздно вечером. На столе стопки бумаг, книги. Султеке был рад моему приходу.

— Каныш, дорогой, у меня нет основательного образования, я рос без школы. И в русском не особенно силен. Прочти мне некоторые места из этой книги, которые я укажу, и переведи, если не дословно, то хотя бы в общих чертах, — сказал поэт, протянув мне толстую книгу, обернутую желтой бумагой. Я пролистал ее. Некоторые строки подчеркнуты. Начал читать про себя. Вроде на русском языке написано, знакомые слова, но понять смысл их с первого раза оказалось не так-то просто. Пришлось прочесть снова. И только тогда смог кое-что разобрать, и то почти интуитивно. Начинаю пересказывать. Султанмахмут-ага не просто слушает, а записывает. Так мы просидели около двух часов. Вдруг обоих стал душить сухой кашель, должно быть, чад керосиновой лампы подействовал.

Это послужило поводом для того, чтобы излить друг другу скорби свои. Поэт тоже был болен этой страшной болезнью...

После этого мы встречались еще два раза. В последний вечер Султа-еке, зная, что я уже еду в аул, принял меня с хорошим угощением. В один из моментов, когда хозяин вышел в переднюю, я, не в силах удержать свое любопытство, быстро развернул обертку, под которой были и первые страницы книги, столь тщательно изучаемой поэтом, широко известным в степи. На титульном листе стояло: «Капитал. Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса. Том первый, С.-Петербург, 1872 год».

В тот же вечер Султа-еке меня благословил на дорогу домой.

— Не забывай мечту свою, — сказал он мне на прощание. — Она не только твоя, это давнее стремление всего нашего народа. Только через просвещение, только через него лежит путь к нашему благополучию в будущем. Но для того, чтобы учиться, нужно хорошее здоровье. На что годен сокол без крыльев?..»

Наконец прибыл долгожданный провожатый из аула. В середине октября Каныш снова держит путь к родной зимовке.

Состояние его в ту зиму по-прежнему оставалось критическим. Болезнь долго и цепко держала его. Нурлан Касенов рассказывает об этом периоде жизни своего молочного брата: «Каждый вечер, когда я или мой отец седлали коня, чтобы сторожить табун нашего аула, мы привязывали к седлу торсук* с кумысом, туда же опускали казы** и кусочек лекарст-

* Кожаный сосуд для кумыса.

** Конское ребро с жиром.

венного снадобья величиной с воробьиное яйцо. И целую ночь, пока мы сторожили табун, кумыс взбалтывался в торсуке. Бывало, утром Иматай-ата сам отвяжет его и несет Канышу. Поверьте, от казы оставалась одна кость. А снадобье вовсе растворялось. И знаете, лекарство подействовало. Через два месяца наш больной не только встал с постели, но мог даже ездить верхом...»

До полной победы над недугом было еще далеко. Но настроение юноши намного улучшилось, он вновь ощутил жажду жизни, знаний. По свидетельству двоюродного младшего брата Тармызи Абсалямұлы, Каныш усердно принялся штудировать книги, привезенные из библиотеки, чтобы сдать экстерном экзамен за четвертый класс семинарии.

III

Перемены во внутривнутриполитической жизни страны не заставили себя долго ждать. Временное правительство 7 ноября (25 октября) 1917 года пало в результате победы вооруженного восстания петроградских рабочих, действовавших совместно с солдатскими и матросскими комитетами, руководимыми партией большевиков. Но восставшие победили только в столице империи. Даже в Москве им пришлось устанавливать свой контроль в ходе кровопролитных боев. Ожесточенные сражения предстояли и в других городах, губерниях. А что будет в далекой Сибири, Средней Азии и в казахской степи, пока трудно было представить...

Хотя в конце ноября и в начале декабря в Ташкенте, Чимкенте, Аулие-Ате (нынешний Тараз), Туркестане, Перовске (Кызылорда), Акмолинске (Астана), чуть позднее в Костанайе, Тургае и еще в ряде мест установилась советская власть, но она не успела укрепиться: в Оренбурге поднял контрреволюционный мятеж атаман Дугов, в Семиречье — бывший «Войсковой совет», третий очаг казачьего сопротивления образовался в Уральске. Можно сказать, вся степь полыхала пожаром. Кому подчиняться, белым или красным, чьей стороне держаться — стало для всех вопросом жизни.

В те тревожные ноябрьские дни оргкомитет национального движения, находившийся в Оренбурге, опубликовал в газете «Казах» два обращения ко всем степнякам, разъясняя суть происходящих событий. В одном из них говорилось: *«Россия на корню загнила, одна нога ее — в могиле, другая — на земле. Никто не знает, чем это кончится: некому за народ заступиться и руководить, каждый волен по-*

ступать по-своему, одни спасаются бегством, другие выжидают, чтобы не влипнуть в эту неразбериху... А нам, киргиз-кайсакам, надо немедленно объединиться, иначе нас ждет гибель. В этой неразберихе не действуют законы, нет верных путей выхода из тупика, да и нас защищать некому. Каждый должен сам себя защитить. Первое, надо стараться выжить; второе, не растерять нажитое добро; и третье, не давать впутывать себя в эту смуту. Всем разумным деятелям, кто считает себя патриотом Родины, следует немедленно подключиться к спасению нации, ведь предстоит тяжелая и долгая борьба...» А в другом обращении, оргкомитет просил всех, «кто стоит за постановление первого всекиргизского съезда», вновь собраться в первых числах декабря в Оренбурге...

Обсудив текущие, самые насущные, в том числе и политические, вопросы, второй курултай принял соответствующие резолюции. Приведем наиболее важные: «Образовать территориально-национальную автономию областей Букеевской орды, Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Сырдарьинской, киргизских уездов Ферганской, Самаркандской, Амударьинского отдела Закаспийской области, смежных киргизских волостей Алтайской губернии, представляющих сплошную территорию с господствующим населением казахского единого происхождения, единой культуры, истории и единого языка; автономии казах-киргизских областей присвоить название «Алаш»; территория автономных областей Алаш со всеми богатствами, находящимися на поверхности земли, водами, их богатствами, а также недрами составляет собственность Алаш; в целях спасения области Алаш от общего развала и анархии организовать Временный Народный Совет «Алаш-Орда», состоящий из 25 членов, 10 мест из которых предоставить русским и другим народам, живущим среди казах-киргизов; местом пребывания Алаш-Орды временно избрать Семипалатинск; Алаш-Орда должна немедленно взять в свои руки всю исполнительную власть над казах-киргизским населением».

Наступила весна. Солнце греет все сильнее. Пастбища покрылись нежно-зеленым ковром. Над озерами шум бесчисленных крыльев — возвращаются перелетные птицы. Лулы отправляются на джайляу.

И у Каныша на сердце светло. Словно солнечный луч играет внутри. Забыты осенние невзгоды, долгие дни болезни. Душа рвется в новые, неведомые дали. Ему девятнадцать лет.

Отец говорит: «Возраст, чтобы возглавить караван аула. Время пожинать плоды стольких лет учебы». А сам он считает себя еще негодным к большому делу. Он подобен путешественнику, остановившемуся на середине пути. Хотя бы семинарию надо окончить. Но отца ничто не убеждает: «Не до учебы тебе, сынок. Хворь эта нешуточная; она и мать твою подкосила смолоду. Пока не окрепнешь, не отпущу в город. Да и жениться пора. Ждет тебя невеста, давно сосватанная мною. Выедем на джайляу, сыграем свадьбу. И я спокойно могу уходить на покой...» — «В таком случае, отец, разрешите съездить в Семипалатинск, пока не разъехались соклассники, может быть, удастся сдать экзамены вместе с ними».

На этом договорились. Когда аулы тронулись на джайляу, Каныш с Нурланом выехали в Семипалатинск. Успели как раз к сроку. Сдачу экзаменов экстерном Сатпаеву разрешили. И он, хорошо подготовившийся за зиму, успешно выдерживает испытания по всем предметам.

И вот у него в руках аттестат об окончании учительской семинарии. Нурлана удалось уговорить отправиться назад в одиночку. Пообещав не задерживаться надолго в городе, Каныш сознавал в душе, что вернется в аул не скоро.

Пока он поправлял здоровье в Баянауле, здесь, в областном центре произошли существенные перемены. Ход событий стал подобен Иртышу, размеренно текущему после бурного и шумного весеннего паводка. Многие активисты путихли, самые неугомонные и непримиримые находились в бегах, некоторые из лидеров разных крайних движений сидели уже в тюрьмах. Дело в том, что в городе власть в ночь со 2 на 3 февраля 1918 года перешла в руки большевиков, сумевших тайно подготовить мятеж затонских рабочих с участием отряда Красной гвардии. На протяжении февраля советы были провозглашены в Усть-Каменогорске, Павлодаре, Каркаралинске, словом, на всей территории Семипалатинской области. Председатель исполкома областного совета Я. Шугаев в телеграмме в адрес Всероссийского ЦИК сообщал, что к 20 апреля 1918 года уже состоялись перевыборы в 262 аульных и сельских населенных пунктах, и все они полностью советизированы.

Характерно, что лозунги большевиков о мире, о земле овладели сердцами миллионов, успели стать «яблоком раздора» в казахском обществе: ряды поддерживающих коммунистов уже исчислялись сотнями — в основном это были выходцы из бедных слоев и малообразованные люди, потому им импонировал лозунг большевиков: «Власть — рабочим,

землю — крестьянам!»; на другой стороне баррикады оказались алашордынцы, где были в основном представители аристократии. И, конечно, обе стороны, хотя не дошли пока до кровопролитных стычек, все же теряли своих активистов. Например, в Семипалатинске во время проведения учебной тренировки с бойцами милиции Алаш-Орды от пули, выпущенной красногвардейцем из отряда Звездовского, прибывшего из Омска на подмогу местному совету, погиб студент четвертого курса учительской семинарии, отличник учебы Кази Нурмухаметов. Похороны семинариста лидеры национального движения превратили в большую манифестацию. В городе Алаш (ныне Жана-Семей, левобережная часть Семипалатинска, где в основном в то время жили одни казахи) состоялся траурный митинг. В числе выступающих были известный поэт и философ Шакарим Кудайбердиев, преподаватель учительской семинарии Нургали Кулжанов и студенты. Притом Шакарим ратовал за дело Алаш-Орды, а Нургали — за советы.

Разумеется, Каныш, находясь в аудиториях семинарии, не мог не видеть все, происходящее в областном центре. Многое было ему непонятно, особенно ситуация, сложившаяся вокруг лидеров Алашской партии, где не последнюю роль играл его любимый брат Абикей-ага.

— Канеке-жан, через год тебе будет двадцать лет, во всяком случае, ты уже взрослый человек. Пора определить свое место в жизни. Кем быть, куда знания приложить? Главное, не ошибиться, ведь время неопределеяное и тревожное. Вот мы, поверив нашим предводителям, активно включились в борьбу за национальное возрождение своего народа, — говорил Абикей Зеинулы однажды своему любимцу. — Но, кажется, уже уперлись в глухую стену, и пока не видно никакого просвета. Новая власть нас не жалует, хотя и старая тоже не баловала. Ясно, что мы сильно обманулись, поверив громким обещаниям. Куда теперь деваться?! Я абсолютно уверен, что наш выбор — через просвещение вести свой народ к цивилизованному обществу духовно свободных людей — был правильным, но увы!.. История нас в будущем оправдает, но когда? Одно могу сказать: как бы быстро ни летел камень, рано или поздно он упадет. Очевидно, теперь остается лишь, склонив свои ни в чем не повинные головы, рассчитывать на милость советской власти, а там посмотрим — что уготовано нам судьбой... А тебе, Канеке-жан, советую подальше быть от политики. Вот закончил семинарию, это хорошо, но ведь она не предел твоих возможностей, наверное, следует продол-

жить учение. У тебя большие склонности к математике и вообще к точным наукам! Получить высшее образование, специальность, пока молод — это сегодня важнее чиновничьей карьеры. Так что, браток, подумай крепко...

Разумные советы Абиkeya Зеинулы помогли молодому джигиту, раздумывающему о своем будущем, сделать окончательный выбор. Он решил учиться и дальше, получить высшее образование. Но ни в Семипалатинске, ни поблизости в степи пока не было ни институтов, ни университетов. Значит, оставалось ехать в другие, дальние города. Знающие люди хвалят томские вузы, прежде всего технологический институт.

Однако, наведя справки, Каныш обнаружил неожиданную преграду: оказалось, что по аттестату семинарии в вузы не принимают... Что оставалось делать? Ехать обратно в степь, жениться и преподавать в одной из аульных школ? Не об этом ли он мечтал в юные годы?..

IV

К весне обстановка в России снова круто переменялась. Войска Германии оккупировали Прибалтику, Украину, Белоруссию и Крым, проникли на Северный Кавказ. Одновременно англичане вторглись через Мурманск на Север страны, а японцы — на Дальний Восток. Видя, каким плотным кольцом войска Антанты обложили центр России, можно было предположить, что дни советской власти сочтены, белогвардейцы и казачьи атаманы снова зашевелились, толчком всем послужил мятеж чехословацкого корпуса, начавшийся в конце мая. К концу первой половины 1918 года белогвардейцы захватили не только Сибирь, но и Урал, часть Поволжья. А в Омске уже правил адмирал Колчак, объявивший себя спасителем империи.

Советская власть в Семипалатинске пала 11 июня. Сразу же белогвардейские и казачьи бунты эхом отозвались во всех уездах степи. Вскоре все Семиречье находилось в руках белоказаков. В результате за каких-нибудь два месяца Казахстан полностью оказался отрезанным от России.

И степняки, казалось, были обречены: повсеместно началась резня большевиков, не жалели и сочувствующих им; аресты простых людей, расстрелы без суда, заточение в каменные казематы или в «вагоны смерти», угон скота, садизм и насилие стали обыденным явлением... Случилось то, о чем предупреждали лидеры Алашского движения еще в начале

прошлого года. Теперь действительно стало первой жизненной проблемой – выжить, сохранить нажитое добро, уцелеть в этой неразберихе. Но не втянуться в смуту, остаться безучастным тоже стало архисложным делом. Ведь вопрос ставился в упор: или с нами, или принимай смерть!..

Хотя и с перерывами, в Семипалатинске выходила газета «Сарыарка», которая издавалась с 1918 года. С первого номера активным автором ее стал Жусупбек Аймауытов. Выступал он в основном на темы просвещения, начинающий публицист обладал бойким пером, писал просто и доходчиво. Статьи талантливого семинариста читались повсюду. Многие тогда уже замечали в нем задатки будущего выдающегося писателя.

С февраля по октябрь 1918 года в Семипалатинске издавался общественно-литературный журнал «АБАЙ». За девять неполных месяцев вышли в свет 12 номеров! Кстати, редактором всех двенадцати номеров журнала «АБАЙ» стал тот же неугомонный семинарист Жусупбек Аймауытов. В передовице первого номера, подписанной лишь именем Жусупбек, редактор извещал читателей: *«Наука обогащает знание, ясно же, без нее не сдвинуться ни на шаг вперед, да еще следует знать, как ее применить. Потому мы решили в нашем журнале почаще писать обо всех этих жизненно важных вопросах, и не только о литературных и научных, но и хозяйственных и общественных проблемах. По сути это общечеловеческие проблемы жизни... Мы, пять-шесть джигитов, начавшие это дело, не очень сильные в финансовом отношении и знаниями, но мы верим в будущее... Мы взяли на вооружение добрую цель, крепкую волю в подмогу себе, а учение Абая – за духовную основу...»*

В число джигитов, выпускавших журнал «АБАЙ», входил и Мухтар Ауэзов, к тому времени уже закончивший учебу в учительской семинарии. В первом же номере, в частности, была опубликована статья «Поэты после Абая», подписанная псевдонимом «Екеу» («Двое»). Как стало известно позднее, авторами ее были – Жусупбек и Мухтар.

Все еще находившемуся в Семипалатинске Канышу Сатпаеву тоже нашлось занятие. К концу лета здесь, в городе Алаш, на средства земской управы открылись двухгодичные курсы учителей для национальных школ. Заведующим курсами назначили учителя Маннана Турганбаева, окончившего медресе в Троицке, а учебной частью ведал опять же везде успевающий Жусупбек Аймауытов. Без сомнения, именно он привлек к преподаванию на курсах Каныша...

Из воспоминаний Дуйсебая ЕСЕНЖОЛОВА, слушателя курсов мугалимов: *«Естествознание нам преподавал Каныш Сатпаев. В то время еще не существовало учебников, а те, что имелись на русском*

языке, были не по зубам нам. Поэтому мы ловили каждое слово преподавателя. В аудиториях холодно, поэтому на занятиях мы сидели в верхней одежде — одевались, конечно, кто во что мог. Как сегодня помню: Каныш в своей кожаной тужурке, волнистые волосы зачесаны на пробор, широкий лоб, пронизательный взгляд. Он выглядел едва ли не моложе всех нас, курсистов. Ведь мы были собраны со всех концов губернии, без ограничения возраста, лишь бы немного разумели грамоту. Помню, как нерешительно он заходил в аудиторию, вежливо здоровался. Когда он улыбался, становились видны ровные крупные зубы. В аудитории воцаряется тишина. Лектор наш искусный, объясняет свой предмет с увлечением, будто сказку слушаешь...»

Калиакбар ТОРЕБАЕВ, выпускник тех же курсов: «Знаю, Каныша Имантайулы и в то время отличали широкие познания. Судите сами: заходил он в аудиторию с единственной книгой, да и то при объяснении не открывал ее — целый час без запинки рассказывал нам очередную тему. Мы были в то время настоящими неучами, думаем: “Как ков этот Сатпаев, целый учебник наизусть знает!..”»

Слушатели курсов не подозревали, что их «всеведущий» наставник сам прилежно учился в ту зиму. Каныш, не откладывая, принялся готовиться к поступлению в вуз. Ему необходимо было основательно пополнить свои знания по математике, а также изучить один из иностранных языков. При условии успешной сдачи этих экзаменов он мог с аттестатом семинарии поступить в любое учебное заведение Томска.

По математике с ним занимался Гарифолла Нигматуллин. Он был одним из тех, кто следуя призыву Алимхана Ермекова, прервав учебу в технологическом институте, возвратился в Семипалатинск, чтобы принять участие в демократических преобразованиях родной степи. Естественно, такой человек с охотой откликнулся на просьбу Каныша. В течение почти полутора лет бывший отличник учебы бескорыстно делился с ним своими знаниями. Он же помог ему найти преподавателя английского языка.

В непрерывных занятиях прошли зима и затяжная весна. Знойное лето девятнадцатого Каныш также провел в Семипалатинске. Курсанты разъехались по аулам на летние каникулы. И он, свободный от занятий на курсах, все свое время отдавал подготовке к экзаменам. Ни увещевания отца, ни уговоры близких не подействовали: он решил во что бы то ни стало штурмовать врата Томского технологического. Уже избрана специальность. Он будет поступать на горный факультет. Раньше Канышу казалось, что он больше тяготеет к математике. Теперь, после годичного пребывания на курсах, он

не без удивления осознал, что гораздо больше его привлекают естественные науки. Особенно интересовали тайны происхождения жизни на земле, образования полезных ископаемых...

Но судьбе опять было угодно изменить эти планы. Когда Каныш уже собрался в дорогу, его вновь свалила болезнь. Не прошли даром ночные бдения и дни, проведенные без отдыха. Диагноз плачевный: снова открытый процесс; если удастся остановить кровотечение, надо немедленно ехать в Баянаул и больше не выезжать оттуда. Никаких занятий, об учебе забыть!

Ничего не поделаешь. Снова томительные дни и ночи на больничной койке. Только через два месяца закрылась каверна в легких. И вот земляки, давно прибывшие из аула и уже уставшие от ожидания, везут больного на родину...

«Никогда не забуду ту поездку из Семипалатинска в Баянаул, — вспоминает Нурлан КАСЕНОВ. — Время было смутное. В степи разгуливал всякий сброд, пешие и конные отряды белых уходили после разгрома в сторону Китая. Встретятся в степи, не станут спрашивать, кто таков, огреют нагайкой и заберут лошадей. Потому я был снаряжен в город не один, а с джигитами, и мы сделали кое-какие приготовления на случай встречи с одинокими разбойниками. Из города выехали в середине октября. Было еще не холодно, но больному трудно пришлось. В первые дни он еще мог сидеть. Но затем слег. К тому же его донимал сухой кашель — наверное, Каныш простудился. Поэтому нам пришлось ехать медленно, с остановками. Но в одном отношении нам везло — мы не встретили на пути ничего опасного и где-то на десятый день добрались до зимовки. Видно, неважкому было ждать бедному отцу — Имантай-ата встретил нас с людьми в двух днях перехода от аула. Так, в окружении множества джигитов, мы и въехали наконец в Айрык. Но состояние Каныша было совсем плохим. Посудите сами — он не мог самостоятельно сойти с телеги. Пришлось нам нести его на руках...»

ЧЛЕН РЕВКОМА

I

Пожар гражданской войны, начавшийся с лета прошлого года, наконец, стал утихать. Большевистскому руководству удалось мобилизовать крупные силы из центра, и Красная армия с помощью местных ополченцев с осени 1919 года стала одерживать победу за победой на всех фронтах. Уже в октябре был освобожден Петропавловск, а к концу ноября бы-

ли взяты Кокчетау и Акмолинск. После чего остатки Белой армии стали поспешно откатываться на территорию Семипалатинской области.

Для населения, находившегося на пути отхода этих ожесточенных вооруженных людей, фактически уже ставших бандитами и мародерами, настали трудные дни. Потерявшие человеческий облик белогвардейцы безжалостно грабили, издевались над незащитными степняками, насиловали женщин, захватывали заложников, используя их в качестве проводников. Кровавый след оставили дутовские головорезы во многих местах Сарыарки. Всенародная беда не обошла стороной и аул хаджи Сатпая.

Тревожные эти дни, впрочем, отчетливо запечатлелись в памяти смышленного мальчонки Галимтая Газизулы САТПАЕВА. *«Однажды нас, маленьких детей и всех женщин нашего аула, ночью подняли с постелей. Быстро и тепло одевшись, сели в телеги, поехали куда-то очень далеко. Помню, земля была сплошь покрыта снегом. Дедушка Имантай, мой отец Бокеш, Агатай (Каныш. — М.С.) и другие мужчины остались сторожить зимовку и скот. В тот же день приехали в один из аулов Чормановых, в местечко Керегетас, где проживала наша замужняя сестра Газиза Имантайкызы. Мы были в том ауле дней десять, вернулись лишь тогда, когда сообщили, что опасность уже миновала, — писал он позднее в воспоминаниях о своем ауле. — Оказывается, мы уехали кстати. Белые солдаты ворвались в наш аул ночью, зарезали много баранов, отобрали теплую одежду, угнали хороших лошадей. Наши мужчины не могли ничего сделать. Нам было очень больно. Потеряли много скота...»*

В воспоминаниях Галимтая Газизулы очень много подробностей. Например, таких: *«Агатай, притворившись тяжело больным, все время лежал в постели, потому его не трогали, отчасти это было и правдой».* А Бокеш Имантайулы вынужден был играть роль простого, вдобавок немного пастуха. Зато ему пришлось исполнять все прихоти бесчинствующей солдатни. Потому что так велел глава аула, считавший, что тут важнее всего не спасти добро свое, а сберечь близких людей. Не повезло лишь Абдикариму Жаминулы Сатпаеву, беляки каким-то образом вывели, что он отлично владеет русским языком, возможно, его выдали вежливая манера обращения, городская шегольская одежда. Словом, начальник того отряда насильно забрал его с собой. Вернулся он через неделю целый и невредимый, оказывается, отпустили, выехав за пределы уезда, потому что далее он вовсе не знал дороги и путался в ориентировке на местности. Родные были рады, что он отделался лишь легким испугом...

Об этом же периоде упоминается и в воспоминаниях Шайбая Айманова, он, так же как и отец Аббас, в то время служил фельдшером в Баянаульской больнице под руковод-

ством местного врача Асылбека Жуманулы Сеитова, окончившего лечебный факультет Томского университета в 1916 году.

«Баянаульская больница была построена врачом Желнорочем Александром Васильевичем и была богато оснащена: достаточно было в ней всевозможного инструментария, медикаментов и мягкого инвентаря. Среди 10 волостей в радиусе 200 километров это была единственная больница на 10--15 коек с медпунктом... В разгар гражданской войны положение ухудшилось и в ней — не стало никаких поступлений медикаментов, оборудования, продуктов питания, и не приходилось рассчитывать на получение чего-либо — кругом была разруха. Мы обходились только тем, что имели тогда, порою без зарплаты. Работа была поставлена так: мы работали в больнице — Асылбек, я и военный фельдшер Бельденинов, больные в больнице питались как могли, так как купить нигде ничего было нельзя... Через наш район, грабя все по пути, отступали думовцы. Предварительно все, что было в больнице, мы спрятали в горах, они заезжали в больницу, требовали спирт, белье, медикаменты, но уезжали с пустыми руками...»

Степняки, надо сказать, немало хлебнули горя за годы революции, войны, устали от тягот жизни, от неопределенности, от постоянных наездов военных отрядов разных мастей, ведь всех приходилось кормить. Хозяйства кочевников пришли в упадок, даже самые богатые держались на пределе, не говоря о таких аулах-середняках, как два аула хаджи Сатпая, которые немало пострадали после неоднократных нашествий и поборов.

А положение алашордынцев становилось все больше запутанным. Не ясно было, какие меры против них примет советская власть, когда установит здесь окончательно свою диктатуру. С другой стороны, колчаковцы, принявшие вначале их в свои объятия, вскоре же после некоторых удачных сражений на фронте, уверовав в свою победу над большевиками, перестали играть с ними в дипломатию. Сибирская белогвардейская директория 4 ноября 1918 года издала приказ о запрете «Алашской автономии», решив покончить с «инородческими вольностями», в основном «зарывающейся киргизии». При случае их лидеры могли отведать вкус казачьих плетей, их могли посадить в тюрьму, были случаи расстрелов.

Однако и алашордынцы не всегда и не везде вели себя смиренно, тем более они имели явную поддержку среди насе-

ления степи, откуда черпали свои силы. Во многих населенных пунктах они держали хоть и малочисленные, все же вооруженные отряды. Например, в Семипалатинске находились целых два полка алашской милиции. Потому атаман Борис Анненков, державший почти год областной центр и всю юго-восточную окраину Казахстана в своих руках, расположивший здесь свою ставку и комендатуру, вынужден был терпеть до поры до времени их присутствие в городе на Иртыше. Белогвардейцы в основном хозяйничали в правобережной части Семипалатинска, а алашордынцы со своими учреждениями — на левом берегу, в Алаше.

Так что у приверженцев национальной автономии было достаточно поводов для отмежевания от белогвардейских генералов и казачьих атаманов. И они предприняли решительные шаги к сближению с советской властью. Дальновидный стратег и тактик В.И. Ленин также ясно осознавал, что без помощи коренного населения обширной степи трудно будет уничтожить Колчака и его многочисленных приспешников. Без промедления по его инициативе 4 апреля 1919 года ВЦИК РСФСР принимает постановление о созыве съезда Советов Киргизского края, в котором гарантируется *«личная неприкосновенность всем киргизам, не исключая группы Букейханова (председателя Совета алашордынского правительства. — М.С.)»*. Председатель Всероссийского Совета Народных Комиссаров 10 июля лично подписал «Временное положение о революционном комитете по управлению Киргизским краем». Согласно этому положению вся полнота власти по военно-гражданскому управлению Степным краем передавалась Кирревкому. В его состав вошли: Алиби Жангельдин, Мухамедияр Тунгачин, Ахмет Байтурсунов, Бакытжан Каратаев, Сейткали Мендешов, С.С. Пестковский и большевик старой закалки Вадим Лукашев. Преобладание в составе ревкома казахов показывало, что советская власть не на словах, а на деле была намерена создать автономию на этой территории. В первых числах августа Кирревком, как его именовали в официальных документах того времени, обосновался в Оренбурге.

Эти конкретные действия новой власти, конечно, ускорили и обеспечили массовый переход на ее сторону прежде колебавшихся степняков: на западе казахские кавалерийские части ударили в спину белоказачьих войск генерала Толстова и захватили штаб Илецкого корпуса; а на Восточном фронте фактически все алашские милицейские отряды примкнули к Красной армии, возглавляемой командармом М.В. Фрунзе. К концу года вся Средняя Азия и Казахстан были полностью очищены от белых.

В Семипалатинске советская власть окончательно закрепилась в декабре 1919 года. В изгнании остатков Оренбург-

ской армии Дутова, 2-го Степного корпуса и деморализованных частей дивизии Анненкова участвовали объединенные силы эсеров, большевиков, босвые отряды крестьянской и алашской милиции. Потому Сибревком, созданный еще в августе и обосновавшийся в Омске, должен был ввести в состав управленческого аппарата представителей всех этих подразделений, в том числе и казахского: членом губревкома стали А. Ермеков, Ж. Аймауытов; двадцатидвухлетний учитель Мухтар Ауэзов получил назначение в киргизский подотдел исполкома; Абиkey Сатпаев стал заведующим ГубОНО, а Ахметулла Барлыбаев – членом Павлодарского уездного ревкома. Тогда же Семипалатинская область получила статус губернии. И она со всеми пятью уездами – Павлодарским, Каркаралинским, Аягузским, Зайсанским и Усть-Каменогорским подчинялась пока Сибревкому, что в дальнейшем вызвало ожесточенные споры и конфликтную ситуацию среди населения. Напомним, что на этой территории с давних времен проживало около полутора миллиона казахов. Так что прием бывших активистов движения национального возрождения в советские учреждения новой губернии не решал национально-территориальные проблемы, возникавшие вследствие странного постановления правительства, необдуманно принятого в Москве, почти одновременно организовав на одной и той же территории два параллельно действующих ревкома – Киргизский и Сибирский.

«Я прибыл в г. Семипалатинск 28 января с.г. До моего прибытия при отделе управления Губревкома была уже организована секция тюркских народов. Во главе секции стоит некто Мухтар Ауэзов. Членами Губревкома из киргиз были от интеллигенции Ермеков Алимхан и от рабочих Туленов. Так как эти три лица являются главными воротилами от киргиз, то я считаю необходимым сказать... Ермеков после знаменитого Букейханова является одним из влиятельнейших предводителей партии Алаш-Орда. Ауэзов, семинарист последнего класса(?), всецело преданный Ермекову – юный коммунист. Вместе с тем, находясь целиком под влиянием Ермекова, действует во всем по его указанию. Об этом свидетельствуют все его дела. Туленов из рабочих, умеющий только лишь немного читать и писать, но нисколько не способный по своему характеру и общему развитию к активной деятельности и революционной работе...» – докладывал 6 марта 1920 года заведующий татаро-киргизским отделом Сибревкома Самат **ШАРАФУТДИНОВ**, посланный из Омска в Семипалатинск «налаживать работу» на местах. А доклад его назывался «О политическом положении в Семипалатинской губернии и засоренности советского аппарата Сибири враждебными элементами».

Разумеется, в дни бурных революционных преобразований перегибов и ошибок было много. Благо и в верхах, и на местах они быстро исправлялись: кстати, все алашордынцы и сочувствующие им люди по декрету Совнаркома, приуроченному ко второй годовщине Октябрьской революции, получили политическую амнистию. Сразу же они привлекались к руководящей работе в советских учреждениях, и что отрадно, их давний, заветный лозунг «За просвещение всего народа» стал постепенно осуществляться.

II

Пока Кирревком, обосновавшийся очень неудачно на далекой западной окраине казахских степей — в Оренбурге, медленно развертывал трудную работу по «собираанию всех казахских земель в единый край», Сибревком, руководимый энергичным и деятельным революционером И.Н. Смирновым, занимавшим еще пост первого секретаря Сиббюро ЦК РКП(б), как его еще называли товарищи по работе, «Сибирский Ленин», вел целенаправленную, активную деятельность по укреплению советской власти на всей вверенной ему обширной территории.

Пришли перемены и в далекий Баянаул.

Уже в первых числах марта, оправившись от болезни, Каныш приезжает в станицу. Хотя ранней весной недуг этот особенно опасен, у молодого человека не было мочи без дела слоняться по аулу в такое горячее время. К тому же до него дошла весть, что в Баянаул прибыли люди из уезда.

18 марта в Семипалатинске была получена телеграмма, подписанная особоуполномоченным Каркаралинского уезда Керейбаевым: *«По поручению уездного ревкома зпт а также на основании телеграммы губернского ревкома мною организован Баянаульский ревком тчк Председателем ревкома избран Богаченко зпт членами стали товарищи Каныш Сатпаев зпт Зарембо зпт Кааланчин зпт Айтбакин тчк Прошу срочно утвердить данный состав ревкома».*

На первом же заседании Баянаульский ревком постановил организовать так называемые культпросветы — отделы по проведению культурной и просветительной работы среди трудящихся. Молодой Сатпаев был назначен председателем казкультпросвета, а также членом правления русского отдела.

Значение станицы росло день ото дня — вскоре она становится центром крупного района, соответственно расширяется поле деятельности ревкома. По инициативе казкультпро-

света им отдано распоряжение по всем волостям об открытии начальных школ. Вот строки из приказов того времени: «В каждом ауле должны работать курсы “саужой” — “Долой неграмотность”, “Женщины наравне с мужчинами пользуются свободой», «Конокрады и барымтачи объявляются преступниками, укравателям их — нет пощады!”, “Бедняки, слуги равны со своими хозяевами”»... Для проведения в жизнь этих указаний нужны были кадры — активисты из бедноты, нужны агитаторы, которые могли бы разъяснять приказы ревкома трудовому люду. Много грамотных людей требовалось для открываемых школ. А именно их-то и не хватало. И члены станичного ревкома, в том числе Каныш Сатпаев, работали, не зная отдыха. Дни целиком заняты решением дел, разъездами по аулам. По нескольку раз в неделю митинги и собрания.

«Агитаторы тех дней не походили на нынешних, — вспоминает Маликаждар ЕСМАГАМБЕТОВ, деливший с Канышем комнату в доме станичного казака Бельденинова. — Сегодня рассказываем о земельном декрете, а завтра, прискакав в тот же аул, говорим о мерах предохранения от тифа. Собрания проходят часто, в отдельные дни даже по нескольку раз. Иногда становимся агентами, инспекторами по сбору продовольствия для голодающих центра России».

Кстати, некоторые сведения, характеризующие обстановку того времени, приводит в своих воспоминаниях Галимтай САТПАЕВ: *«В конце июня в наш район приехали представители уездного правительства из Павлодара. Назначили общий сход жителей всей волости, где обсуждали кандидатов на пост председателя волисполкома. На этом собрании аулов был избран председателем Бокеш Имантайулы Сатпаев (мой отец), а секретарем волисполкома Мухтар Аубакиров. Таким образом, волостная канцелярия впервые за сто лет из аула Чормановых перешла в наш Карамурун, о чем много судачили старшие. Но главной новостью для нас было сообщение о том, что Агатая по телеграфу срочно вызвали в Семипалатинск, а он в то время работал в Баянаульской станице учителем школы для взрослых и был занят еще какой-то важной работой. В конце августа Каныш-ага вернулся домой и доложил нашему дедушке о своем назначении на должность нарсудьи...»*

После всех потрясений жизнь понемногу налаживалась, хотя трудностей еще хватало, сказывались разрушительные последствия гражданской войны.

«Началась эпидемия тифа — возвратного, сыпного, отчасти и брюшного. Больных возили возами. Когда начался тиф, Асылбек Сеитов развернул свою медицинскую деятельность. — вспоминал очевидец этих событий фельдшер Шайбай АЙМАНОВ. — При помощи и активном участии местной советской власти, партичейки начали

действенную борьбу против тифа. Асылбек сумел сколотить кадры, организовали в 5—6 местах больницы, пекарню, баню, вошебойку, проводили беседы, посещали больных на дому. Словом, пришлось работать день и ночь, оставляя немного времени на «перекуры». Число больных росло, мест в больнице не хватало — все переполнено. Больных стали размещать по домам, работал один врач Асылбек, четыре фельдшера, остальные — сестры и санитары. Работать было очень трудно и тяжело. Нигде и ничего нельзя купить, время разрухи. Деньги менялись каждый день, сегодня 100 рублей, завтра их цена — 1 копейка. Требовались большое умение, энергия, усилия, чтобы обеспечить больницу дровами, питанием, постелями, и все-таки Асылбек Жуманулы создавал хоть мало-мальские условия для своих больных.

В самый разгар работы сыпняком заразился и я. Я находился на своей квартире, ежедневно посещал меня Асылбек. Когда я его спрашивал: «Как дела, как эпидемия?», выражая сожаление, что в такое неподходящее время заболел, он всегда отвечал: «Все благополучно, все живы, эпидемия начала утихать. Лежи спокойно, скоро встанешь и снова начнем работать вместе...» — и торопливо уезжал от меня к больным... Я болел очень тяжело, перелом наступил на 18-й день болезни. Когда после кризиса открыл глаза, около меня сидел Асылбек в халате, весь в поту, шприц в руках, на полу валяются какие-то сломанные ампулы. Дав мне глотнуть воды, он сказал: «Боялся я за тебя, что помрешь. Теперь прошло, отдыхай, завтра заеду». Я потихоньку начал поправляться, когда встал на ноги, Асылбек рассказал, что фельдшеры — Бельденинов, Размазин, четыре медсестры умерли от тифа и он остался один. Требовать работников было неоткуда, так как и в Павлодаре и Акмолинске бушевала эпидемия, медработников не хватало. Сравнительно с этими городами смертность в нашем районе была гораздо ниже. Тиф прошел. Но вдруг весной вспыхнула холера. Два смертельных случая. Оба трупа с имуществом кремировали — сожгли, началась проверка водосточников, лекции, беседы, прививки. Асылбек организовал противозидемический отряд. Из Павлодара привез 500 комплектов мягкого инвентаря, палатки... С первого апреля по первое сентября объехали все 10 волостей, заезжая в каждый аул, поселок, селение, делали прививки, оказывали населению лечебную помощь. После трех случаев вспышки холеры прекратились...»

В степи, где прежде признавались лишь суд аскакалов и решения биев, отныне вершили дела народные судьи, назначаемые уездными ревкомками. Трудовой люд, веками угнетавшийся богачами и их ставленниками, наконец получил равноправие по закону.

Появились иски, касающиеся от века бесправных женщин. Вдову из аула Бейсенбая увезли, не уплатив калым, — пусть аул жениха выплатит его вместе со штрафом. Посыпались и извечные тяжбы о земле и пастбищах. Соседние селения оспаривают друг у друга не только какой-нибудь родник, но и безводный такыр, где совершенно отсутствует расти-

тельность. Что уж говорить после этого о жестоких спорах из-за пресных озер или просторных пастбищ? Горячатся порой не из-за того, что земли не хватает, а лишь потому, что ни в чем не хотят уступить соперничающему роду, часто из-за старых обид и мести.

Но вот бедняки требуют через суд у своих хозяев достойную плату за многолетний труд. Шестнадцатилетняя девушка желает освободиться от шестидесятилетнего старика, купившего ее за богатый калым...

Собственно говоря, судья являлся не столько блюстителем закона, сколько глашатаем равноправия. Какими же кодексами, юридическими документами должен был он руководствоваться в своих решениях? Ведь за три года, прошедшие после победы революции, еще не был разработан упорядоченный свод законов.

— Будете судить по революционному праву, молодой человек, — оказал Канышу при первой встрече в Павлодаре председатель уездного ревкома Поздняк. — Вы образованны, умеете отличать черное от белого. Держитесь не тех законов, что раньше господствовали в степи, а тех принципов, которыми руководствуется революционный пролетариат. Станете судить справедливо, по совести, никогда не допустите ошибки. Будьте защитником угнетенных, это укрепит не только ваше положение в аулах, но и поможет упрочению советской власти, усилит доверие к ней.

И вот одно из первых разбирательств с участием молодой судьи, которое привлекло тогда всеобщее внимание.

Красавица Фатима была просватана еще маленькой, и к тому же ее продали за богатый калым. Девушка любила джигита из родного аула. Но «законный» жених, согласно шариату, известив о своем намерении родителей невесты, однажды ночью насильно увозит ее. Решительная Фатима осталась верна своему возлюбленному и, преодолев все препятствия, презрев пересуды, обратилась в народный суд. Заявление свое она написала в стихах.

Я словно птица в клетке,
Плененная зимой врасплох.
Помогите — нет больше сил
Томиться в неволе,
Спасите от коршунов — мольба моя...

Каныш срочно снарядил милиционеров в аул обидчика Фатимы. Через несколько дней там открылся показательный процесс. Фатима получила желанную свободу, а обидчики ее понесли суровую кару, определенную судом. *«После этого процесса сразу увеличился по-*

ток обращений в нарсуд, — рассказывает Маликаждар ЕСМАГАНБЕТОВ. — В основном это были заявления женщин и бедняков. Просители приходили не только в контору суда, но также к нам на дом, где мы, четверо холостяков, квартировали... Каныш был справедливым судьей. Никому не давал поблажки, даже своим сородичам. А нам, которые были еще моложе его и куда меньше образованны, он говорил: «Никогда не поступайте своей совестью. Будешь честным, советская власть всегда поддержит тебя и возвысит...» Правду он говорил. Я знавал людей, которые, воспользовавшись доверенной им властью, начинали заботиться лишь о собственном благополучии. И что же? Все они забыты, как кости, выброшенные на свалку...»

Конокрадство среди степняков издавна считалось делом сильных, ловких и отважных. Незаметно пробраться в чужие табуны, в темную, безлунную ночь угнать десяток лошадей, затем скрытно переправить их в другие волости, кружными путями, заматавая следы, уходить от погони — разве не нужны для этого сметливость и удаль?! Конокрадов в степи в то время развелось множество. И нарсудье десятого участка не раз приходилось заниматься жалобами на их разбой. Много лет спустя академик Сатпаев вспоминал забавный случай из своей судебной практики, происшедший в ауле Мусты.

...Приезжает Сатпаев проводить очередной процесс, а милиционер, охраняющий арестантскую юрту, сидит один и дремлет. «Товарищ, где твои арестанты?» — спрашивает судья. «Ушли чай пить к Муста-мурзе». — «А ты остался охранять пустую юрту? — смеется судья. — Ну-ка, быстро приведи их». Через некоторое время милиционер понуро возвращается один: «Муста-мурза сказал, что они придут сами, когда напьются кумыса...» Пришлось Канышу послать незадачливого джигита снова, наказав ему на этот раз привести не только арестованных, но и их нахального покровителя. Разумеется, все получили по заслугам...

На Каныша степняки смотрели как на образованного, справедливого представителя новой власти. Они верили ему, поэтому обращались к нему за помощью и советом. Да и сам он всегда был готов помочь землякам. Его то и дело видели верхом. Вечно он бывал в разъездах. Имя молодого судьи быстро сделалось широко известным.

Но выпадали и дни, когда на душе у него становилось тревожно. Его влекли иные просторы, другие дела: «Смею донести, что положение дел в десятом участке катастрофическое, — писал он в губернский совнарсуд 16 декабря 1920 года. — Сейчас в канцелярии дел больше 300, не считая законченных. Канцелярские силы очень слабы. Это люди, большей частью не знакомые с азбукой делопроизводства...

Здесь, в районе, вообще нет подходящего лица для замещения должности секретаря. Все заботы по канцелярии до сих пор всецело лежали на нарсуде 10-го участка, т.е. на мне. Но я больше не могу, не в силах... дальше нести обязанности секретаря...»

III

Работа в суде не освобождала Каныша от обязанностей члена ревкома. По-прежнему активно участвовал он в культурно-просветительной работе.

Свидетельствует **Токен ОРАЗОВ** («Юность Каныша»):

«Тихий стук в дверь. В класс входит высокий белолицый джигит. Мы поднимаемся с мест, хором здороваемся. Гость снимает черную шапку, с жалостью вглядывается в посиневшие от холода лица учеников.

— Добрый день, дети! — отвечает он на наше приветствие, затем за руку здоровается с Рахымжаном-ага, учителем Баянаульской начальной школы.

— Садитесь, дети, — и он опускается на крайнюю парту. Не спеша расстегивает пуговицы дохи, опускает воротник, затем с улыбкой начинает осматривать класс. Увидев разбитые окна, невольно ежится, на лице его снова появляется жалость.

Все мы тепло, по-зимнему одеты. У всех лисьи тымаки на голове, на ногах зимние сапоги-саптама, на плечах купы, вязанные из верблюжьей шерсти, или шубы, сшитые на степной манер. Но в классе так холодно, что и эти одеяния не помогают — едва осмеливаемся чуть-чуть высунуть руки из длинных рукавов.

— Не очень-то здесь уютно, — говорит гость, вдруг вставая с места. — Недолго и заболеть... Сегодня же направлю сюда мастера, чтобы он навел здесь порядок. А пока расходитесь по домам...

Едва дверь за посетителем закрывается, мы наперебой расспрашиваем Рахымжана-ага о личности обаятельного джигита.

— Разве вы его не знаете? Это член нашего ревкома Каныш Саптаев. Открытие школы — его личная заслуга. Очень образованный человек...»

Конец благодатного августа. В кронах деревьев уже появилась желтизна. Но далеко еще до долгих осенних дождей. Учителя, родители, старшие ребята дружно работают во дворе школы, разместившейся в доме раскулаченного казака: одни работают на лесопилке, заготавливая доски; другие подносят их плотникам; третьи рубят дрова на зиму; женщины заняты штукатурными работами. Еще два дня такой дружной работы, и школа будет готова к приему детей. Пора дать людям отдых. В нескольких местах горят костры, в боль-

ших котлах варится свежее мясо. Вдруг во дворе слышится веселый возглас Каныша:

— Дорогие мои земляки! Сегодня мы совершили доброе дело! Через несколько дней ваши дети придут сюда. Теперь они будут учиться в теплой и светлой школе. Давайте устроим час отдыха в честь этого славного события!

Все оживляются. На середину выходит популярный в районе певец Балабек Ержанов. Он искусно исполняет народную песню «Сыргакты».

Во время поездок по аулам Канышу Имантайулы часто приходилось становиться инициатором импровизированных концертов — по давней традиции всякий большой сбор народа оканчивался в степи выступлениями певцов и акынов. Случалось, что судья и сам брал в руки домбру. Зная любовь степняков к песне, Сатпаев в помощники приглашал с собой тех, кто был неравнодушен к музыке. Может быть, поэтому в аулах всегда с охотой отзывались на его приглашение идти на собрание.

«Помню, как-то более двадцати джигитов сопровождали Каныша в поездке по окрестностям Баянаула, — пишет Иген БАЯЗИТОВ. — На нас возлагались не только задачи по проведению советской работы в аулах, но и культурно-агитационная деятельность. Из тех спектаклей, которые мы имели в своем репертуаре, мне особенно памятливы «Енлик-Кебек» — трагическая история двух влюбленных, автора мы тогда не знали, а им был ныне широко известный Мухтар Ауэзов; чаще всего играли «Волостной-взяточник», эту пьеску сочинил наш земляк Жусупбек Аймауытов, он-то был хорошо знаком всем баянаульцам... Абдикарим Сатпаев возглавил нашу художественную часть. Играли в этих спектаклях Сармен Кариев, Амиржан Адилбеков, Кабен и его жена Токен, которая исполняла все женские роли. Были с нами и певцы Есмагамбет и Балабек Ержановы. Зрители особенно хорошо принимали короткие импровизации Есмагамбета; он был нашим конферансье, если говорить сегодняшним языком...»

А ведь все эти музыканты, чтецы и актеры были в служебное время людьми сугубо прозаических профессий. Один — секретарь суда, другой — финагент, третий — милиционер.

Вечерами на просторах джайляу, где аулы располагались поблизости друг от друга, джигиты Каныша, засучив рукава, проворно ставили вплотную две большие юрты, одна из которых служила им раздевалкой и примерной, а другая — сценой. Начиналось представление. Зрители рассаживались прямо на земле перед полураскрытой юртой, некоторые смотрели пьесу, сидя верхом на лошадях.

Разумеется, круг задач члена ревкома не ограничивался содействием школе или организацией художественной самодеятельности. Жизнь постоянно выдвигала десятки новых задач.

В начале 1921 года Баянаульский ревком принимает решение об организации среди казахской бедноты коллективных хозяйств. Непросто было выполнить его. Как уговорить бедняка передать единственную лошадь или корову в общее пользование, а другого убедить, чтобы он впряг свою лошадь в соху? И вот созывается общее собрание нескольких аулов. Людей пришло немало. Народный дом станицы полон.

— Я спрошу вас, вчерашние батраки, — начинает Сатпаев. — Кому принадлежали прежде богатые травой и лесом земли вокруг Баянаула и лучшие пахотные угодья?

— Чего спрашивать, все знают. Зажиточным казакам.

— А теперь переданы вам. Но вот прошел год, как эти земли отобрали у прежних хозяев. Как вы использовали их за это время? — спрашивает Каныш у собравшихся.

Зал отзывается:

— Как же, вдоволь накопили травы.

— А я засеял сколько мог, неплохой урожай собрал.

— Скажите, Абеке, — обращается Сатпаев к старику с последнего ряда. — Какой урожай у вас был?

— Пудов тридцать взял. На мою семью хватило, излишек даже обменял на теленка.

— А могли больше взять?

— Конечно, мог, если были б силы. Но откуда их взять? Ведь у меня одна лошаденка, и то худая. А соху у соседей пришлось просить, отдал за нее осенью три пуда хлеба.

— Вот видите! Как плохо, не по-хозяйски мы используем наши богатые земли. А можно ведь сделать больше и жить богаче. Например, почему бы не объединиться Абеке с Ореке и Алеке. У них ведь на дворе без дела лежат хорошая соха и сенокосилка. А у Садыка и Сагына есть добротные телеги.

— Но они ведь из другого рода! — выкрикнул кто-то.

— Какое это имеет значение, когда речь идет о деле, — продолжал Каныш. — Представьте себе, что эти пять или шесть хозяев объединились. Тогда они смогут обработать хотя бы половину тех угодий, что лежат нынче без пользы. И получить не тридцать пудов хлеба, как Абеке, а десять раз по столько. Всем семьям хватит, да и излишек вышел бы немалый.

— Да, здорово получается.

— Конечно, выгодно.

— Стоит подумать об этом.

Каныш подождал, пока люди вдоволь выскажутся, и только тогда сказал главное:

— Баянаульский ревком предлагает вам объединиться в несколько кооперативов. Кто с кем — это вы сами должны решить. И обрабатывать землю сообща. А мы, со своей стороны, готовы выделить вам в кредит семена, технику и даже несколько лошадей... Но зато весь излишек, который останется у вас осенью, вы будете обязаны продать государству...

Пикантную историю, относящуюся к молодым годам Каныша Имантайулы, поведал мне старожил их аула Нурлан Касенов. Беседа наша происходила летом 1966 года в Баянаульском районе в отделении «Первое мая» совхоза имени 30-летия Октября.

«А случилось это в те годы, — начал он, — когда Каныш-жан был народным судьей, на дворе, помню, стояла осень. Точнее, поздняя осень, наш аул уже вернулся к своим зимовкам. В одно из моих посещения господского аула я повстречал Оспана, слугу из дома Зынды, внука бия Чормана, который мне и шепнул: «Тебя разыскивает дочь нашего хозяина, причем просит прийти незаметно от посторонних глаз». А с тем Оспаном, надо заметить, мы были давние приятели по забавам молодости. Когда я явился к дому Зынды, уже поджидавшая меня избалованная и капризная красотка незаметно опустила в мой карман заранее приготовленную, обернутую в платок записку и быстро прошептала: «Ответ своего господина судьи передашь Оспану, сам же сюда возвращаться не думай». Возрастом та чертовка была совсем молоденькая, уж красивая какая — не выразишь словами, прямо как нынешние симпатичные артистки на сцене, глаза, как черные смородины, талия будто бы гибкая тростиночка...

— А как было имя той красавицы?

— Какое тебе дело до ее имени, не упрасивай, все равно не скажу! — заупрямился смешливый аксакал Нурлан. — Та бойкая девчушка и сейчас здравствует, в Алматы живет. Теперь-то, конечно, лицо у нее все в морщинах, как у всех старушек... Ну, ладно, доскажу ту историю... Прочитав ее послание, Каныш-жан мне сказал: «Вернись туда, разузнай, куда выходят окна спальной комнаты девушки, и быстро возвращайся. Поскачем туда, как только луна взойдет...» Молодым усталость неведома, короче говоря, были мы в условленное время в ауле Чормана. Оставили коней в зарослях на берегу речки Ащыли, а сами пешком направились к дому бывшего волостного. Показал я Каныш-жану нужное окно и собрался было уйти, как вдруг вижу: машет он руками. Подошел поближе: окна-то огромного дома-сруба были такие высокие, что самому Канышу до них не добраться. Что делать, под-

ставил свою спину, помог взобраться наверх и, когда он исчез в отверстии для него же проеме окна, вернулся к коням. Только под утро, как рассветать стало, появился на берегу речки Каныш...»

Между прочим, невесту Канышу выбрали, не спрашивая его, когда он еще ходил в аульную школу. Старшие поступили так, как считали нужным, соблюдая давнюю традицию предков...

Имантаю-аксакалу как-то пришлось ехать по спорным делам в аулы рода каракесек, которые жили с суюндиковцами по соседству. Там-то, в месточке Карагайды-булак ему приглянулась маленькая девочка, не то добрым взглядом, не то тихим нравом, скорее всего хорошим поведением, заметно выделявшаяся из кучи детей хозяев. Плана аула Смагул был спокойным человеком, он держался как бы в стороне от суеты жизни и семейных, хозяйственных хлопот, будто охраняя свое достоинство. А жена его Кусжан, приветливая, скромная женщина без лишних слов, незаметно, но со знанием дела распорядилась их довольно большим хозяйством. Ясно, что она была наделена и недюжинным умом. Словом, гостю уже в солидных летах все нравилось в этом доме, особенно хозяйка очага. И он решил положиться на народный опыт, который подсказывал: «Невестку для сына выбирай, сначала понаблюдав за поведением и нравом ее матери...» Предчувствие, что здесь ждет удача, его не обмануло. Уезжая из этого аула, Имантай обратился к хозяйке, как водится в таких случаях, с намеком: «У меня дома имеется отменный алмазный клинок, как говорится, нам великодушным Аллахом подаренный! Но вот беда, мы с женой Нурум пока не разыскали ему достойные ножны. Эту-то вещицу, наверное, к счастью, я присмотрел в нашем доме, Кусжан-байбише. Как вы посмотрите на то, что я по приезду в аул снаряжу сюда свою хозяйку. Не будет ли ее поездка напрасной?..» Умная женщина поняла, куда клонит гость, и шутиливо ответила, не теряя своего достоинства: «Это будет зависеть от того, с чем ваша хозяйка пожелает к нам».

Через некоторое время Нурум-байбише в сопровождении близких людей, конечно, с соответствующими подарками — каргыбау* побывала в том ауле. В результате младшая дочь Смагула по имени Шарипа была сосватана за Каныша. С тех пор связь между двумя аулами сватов, несмотря на приличное расстояние — более сотни верст, не прерывалась.

Однако затянувшаяся на долгие годы учеба Каныша, а потом неожиданно разгулявшаяся революционная буря не давали возможностей родителям исполнить свои обязательства. Но вот вроде бы никаких препятствий не стало: степь вер-

* Предварительная доля калыма.

нулась к привычному укладу жизни; и сокол Младшего аула Сатная завершил многолетнюю учебу, поправил свое пошатнувшееся здоровье; и невеста его не сидела без дела в родном ауле — она также закончила начальную школу в Каркаралинске...

И тогда, в начале 1920 года, Имантай и Нурум, напомнив сыну о своих сокровенных желаниях, настоятельно потребовали от него далее этого лета не откладывать женитьбу. А у Каныша к этому времени возникли другие соображения, это было связано с дальнейшей учебой, естественно, он не хотел пока жениться, чтобы не связывать себя семейными обязанностями. Все же у него не хватило смелости огорчить престарелых родителей категорическим отказом. Потому он тактично попросил отложить это дело до окончательного выяснения вопроса с работой. Вскоре и эта проблема также благополучно разрешилась. Но джигит, хотя ему было уже за двадцать, не очень-то торопился обзаводиться семейством. Вечно занятый на работе, он стал редко бывать в своем ауле. И у старших сложилось мнение, что Каныш нарочно избегает встреч с ними...

Пришлось Имантаю однажды посадить перед собой отбившегося от рук любимого сына-последыша и твердо напомнить ему о сговоре, о своих преклонных годах, даже сказать и о том, что хочет умереть с чувством исполненного долга перед сватами, ведь желание родителей, пока они в здравии, — скорее отпраздновать свадьбу Каныша и Шарипы и увидеть их, молодых, счастливыми. Не зная, что сказать сердитому отцу, Каныш опять попросил отсрочку до осени. Но на сей раз отец был более настойчив и заметил сыну: «Если хочешь совсем отказаться, то сначала съездил бы туда, в аул Смагула, один раз хоть краешком глаза посмотрел на свою суженую — потом уж, если не по душе, — искал бы причину отказа, как подобает серьезному мужчине...» Поневоле пришлось джигиту найти подходящий повод и как бы ненароком съездить за Каркаралинские горы.

В конце концов получилось так, как и предполагал патриархально настроенный и упрямый отец. Увидев Шарипу во всем очаровании юности, стройную, с длинными иссиня-черными косами, доходящими до пят, нежную, миловидную девятнадцатилетнюю красавицу, встретив взгляд ее ясных карих глаз, молодой судья по-настоящему влюбился в нее. В душе даже пожалел, что раньше не приехал сюда и зря долгие годы отчужденно, холодно думал об этой Богом сотворенной для него, притом безвинно страдающей девушке.

Вернувшись в родной аул, он обрадовал своих родителей, сказав: «Поступайте так, как вам заблагорассудится, я готов исполнить ваше желание...»

Давно ждавшие этого согласия старейшины двух аулов хаджи Сатпая, быстро сделав необходимые приготовления, сразу же после первой откочевки на джайляу снарядили в аул Смагула группу молодых за невесткой.

В воспоминаниях **Жумаша ШАДЕТОВА**, одного из джигитов, сопровождавших жениха, подробно и восторженно описано это событие: прием в ауле невесты, наряд и приданое, веселое возвращение обратно в красивой, специально по этому случаю разукрашенной карете. Правда, поскольку Каныш стал советским работником, во избежание всяких пересудов, не стали устраивать шумный пир-той на всю волость, но все же, соблюдая древний свадебный ритуал, пригласили лишь самых близких сородичей.

В первый же день после ритуальной торжественной встречи невесты завели ее в отдельную белоснежную новую юрту, давно уж заказанную для молодых. Ее поставили чуть в стороне от основных юрт аула, и Каныш с Шарипой стали жить в ней. До позднего вечера не прекращались в их юрте песни, громкий смех. Естественно, молодые спали после таких веселых вечеров до полудня, во всяком случае поднимались с постели позже всех аулчан. *«А мы, джигиты, утром оберегали их покой, приглядывая за юртой, чтобы сладкий сон молодых не был нарушен никем. Однажды заметили, что одна певчая голосистая птаха каждый день с восходом солнца прилетает откуда-то сюда и начинает прямо над их юртой выводить свои рулады, — рассказывает Жумаш Шадетов. — Поставили чучело, привязав его на длинном шесте-курыке — не помогло, тогда решили пугнуть ее выстрелом из ружья. Но Каныш, когда ему рассказали об этом, строго-настрого запретил отпугивать певчую птицу. «Может быть, она и есть птица счастья! Возможно, она не случайно выбрала нашу юрту. Правда, Шырли, это она нам поет, желая счастливой и долгой жизни», — заметил он, обнимая молодую жену за плечи. Ласковое слово, будто бы случайно слетевшее с его уст, с того дня стало постоянным обращением мужа к Шарипе. А мы, аулчане, с того дня стали звать ее «Шырли», что означает певчая птица...»* Что характерно, это ласкательное имя навсегда пристало к ней, и до самой смерти в 1987 году, все аулчане, и старые, и молодые, и все поздние Сатпаяевы называли ее Шырли, чуть переиначив ее настоящее имя...»

Пожалуй, можно сказать, что после всего пережитого 1920 год для обоих аулов хаджи Сатпая оказался наиболее спокойным и счастливым. В середине лета на джайляу приехал Аби-кей Зеинулы со своими домочадцами, которого в родном ауле не видели с начала революционной смуты. Оказалось, в числе всех алашордынцев и он получил желанную политиче-

скую амнистию. Мало того, теперь он просвещал родной народ, притом на всей обширной территории губернии. Прекратились бесконечные гонения и на Абдикарима Сатпаева, временно покинув Акмолинск, он устроился работать в Баянауле.

Так что все Сатпаевы, с приездом их старшего брата Абиkey Зеинулы, могли хотя несколько дней пожить без хлопот и забот в родном ауле, приятно и весело провести время на благодатном джайляу. Бывало, что все они, как и раньше, в кругу близких дружно и с увлечением пели старые и новые песни, играли на домбрах. Да и поводов для приподнятого, радостного настроения было немало, как рассказывает в своих воспоминаниях **Галимтай САТПАЕВ**: *«За хорошую работу в волисполкоме и активное участие в наведении порядка в аулах руководство Баянаульского района наградило Бокеша Имантайулы скакуном Акишолоком, который занял первое место в состязаниях. Эту премию Сатпаевы также отметили скромным тоем, пригласив гостей из ближних аулов».*

Ко всему этому 26 августа того же года наконец-то состоялось решение правительства об организации Казахской АССР, по которому Тургайская область, до этого находившаяся в подчинении Оренбургской губернии, а также обширные земли на юге — Семиреченская, Сырдарьинская области и все западные уезды, где компактно проживали в основном казахи, были переданы в состав вновь образованной Киргизской (Казахской) автономной республики. По тому же декрету бывшие Семипалатинская и Акмолинская области со всеми уездами вошли в ее состав. По сути, это была та самая государственность, хотя и с несколько ограниченными правами и статусом, о которой мечтал казахский народ и которую его все выдающиеся сыны видели во сне и наяву, за которую они сражались с оружием в руках, во имя которой несли неисчислимые жертвы в течение последних двух столетий.

Но, увы, как оказалось, объявление одного лишь декрета не означало моментального создания автономии, возникло много проблем, разрешением которых пришлось заниматься и Баянаульскому ревкому, в том числе и самому молодому его члену Канышу Сатпаеву...

IV

Процесс «собираания всей казахской земли в одну автономию» Кирревкомом затянул почти на год. И винить его в явной медлительности тоже нет смысла, на то были веские причи-

ны. Ведь «растаскивание» бескрайних степных просторов по разным губерниям и областям шло веками, а в последнем столетии это делалось Российской державой более быстрыми темпами. В результате в обиходе появились надуманные термины «сибирские», «туркестанские», «бухарские», «астраханские» или «кокандские» казахи, что указывало лишь на место проживания этнически однородных общин на этих территориях, а ведь это был единый народ с едиными верой, языком и культурой. И теперь, после объявления власти о равноправии всех народов, входивших в РСФСР, каждая сторона старалась оставить себе побольше из прежней казахской земли, притом более плодородной и богатой ископаемыми. Отсюда все трудности и проблемы.

Например, вышеназванный «Сибирский Ленин» И.Н. Смирнов самовольно обозначил границы Сибкрая от Уральских гор до Дальнего Востока. Он согласен был передать Кирреспублике бывшие Акмолинскую, Тургайскую и Семипалатинскую области, но намерен оставить в составе Сибкрая целиком Петропавловский, Омский и Кокчетауские уезды, частично Костанайский, Павлодарский и восточную часть Усть-Каменогорского уездов. Его главный аргумент: эти земли давно и густо заселены русскими людьми, казахское население в них составляет не более тридцати-сорока процентов, а передача этих земель Кирреспублике может вызвать столкновения народов. Кроме того с экономической точки зрения также целесообразней отдать эти регионы Сибири.

Над исполнением этих тезисов работали его кадры, расставленные на руководящие должности на местах. Вот тому наглядный пример: в январе 1920 года в Омск поступила из Павлодара «просьба» передать уезд из Семипалатинской губернии в Омскую. И. Смирнов считает такую «просьбу» справедливой, но, учитывая резкий протест руководства Киркрая, дает задание своим работникам решить вопрос с передачей «хотя бы северной части уезда». Лето проходит в жарких, порою ожесточенных спорах. Тем не менее накануне обсуждения этого вопроса в Москве, 4 августа 1920 года, Сибревком издает постановление «О районировании Сибири». По нему 10 волостей Павлодарского уезда, находящихся на севере, оказались включенными в состав Омского уезда. А аппетит сибиряков все больше разгорался: только по Павлодарскому уезду они уже претендовали на 12 соляных озер: Карабаш, Жаксы-туз, Шакшан-туз, Большой Калкаман, Малый Калкаман, Тайконур, Бестуз, Карасук, Вишневое, Большой Товолжан, Малый Товолжан, Коряковское; из Павлодарского уезда должны были отойти в Омский уезд Черлаковский и Иртышский районы, а в Славгородский уезд — Павлодарский район (разумеется, с уездным центром вместе). Таким образом, было предложено границу размежевания провести: «Павлодарский уезд — озеро Канды-коль — станица Сары-коль — озеро Ал-

грей-сор (15 верст южнее Экибастузских угольных копей) — прямо на восток, к старой границе Павлодарского уезда в место пересечения его с р. Иртыш... далее до Ямышево».

Но в руководстве Кирревкома также сидели принципиальные люди, настоящие патриоты казахской земли, кстати, по тому времени высокообразованные, знавшие толк в экономике и разбиравшиеся в географии, тем более они неплохо знали историю заселения родных земель. Можно сказать, они сражались за каждую пядь казахской земли и, разумеется, многое отстояли. Правда, не избежали и значительных потерь. Не смогли удержать большие города с промышленными предприятиями — Астрахань, Саратов, Омск (позднее и административный центр Киркрая — Оренбург) с прилегающими к ним территориями, где было абсолютное большинство русского населения, что и послужило основной причиной отторжения от края этих древних казахских земель. Но все же ради исторической справедливости надо сказать, что был дан жестокий бой всем, кто, прикрываясь демагогическими, якобы революционными лозунгами, хотел растащить и расчленить истинно казахские территории. Так обстояло дело с берегами седого Каспия и Мангыстауским полуостровом, такие же жаркие сражения шли за берега рек Иртыш, Ишим, Тобол, нынешний Рудный Алтай до китайских границ.

В строго научной книге «Национально-территориальное размежевание Сибири и Казахстана (1919—1922 гг.)» доктора исторических наук, новосибирского ученого М.П. Малышевой приведены отрывки из десятков стенограмм, воспроизводящих эти споры. Каждая сторона, по-своему аргументируя, доказывала свою правоту. И потому казахстанская делегация вынуждена была обратиться наверх с жалобой на ущемление национальных прав. Притом не один раз. В жалобе указывалось, что *«постоянно идет процесс растаскивания казахских земель в ущерб жизненным интересам кочевого, ранее бесправного народа, что явно противоречит Декрету Совнаркома "об управлении Киргизским краем"»*.

Вот один из характерных эпизодов, который произошел в дни итоговых заседаний с участием самого председателя Совнаркома 9—10 августа 1920 года.

Из воспоминаний **В.Н. СОКОЛОВА**, заместителя председателя Сибревкома («Сибирские огни», 1960, № 4. Надо изворачиваться):

«**ЛЕНИН:** Вы — против нашего проекта. Почему вы хотите обидеть этот хороший народ?»

СОКОЛОВ: Обидеть? Нет, Владимир Ильич. Мы хотим предупредить возможность острой национальной вражды между киргизскими и сибирскими казаками.

ЛЕНИН: Поэтому предлагаете утвердить между ними шовинистические рогадки? Но ведь это как раз и есть источник острейшей национальной вражды...»

И тут Владимир Ильич демонстративно обращается к присутствующему на заседании казаху, по внешнему виду человеку из простонародья, по возрасту аксакалу, с просьбой открыто высказать свое мнение, кому отдать предпочтение и кого над кем поставить — «киргиз над казаками или наоборот?». «Кочевник на ломаном русском языке мудро отвечает, что не нужно никакого, ничьего верховенства, можно жить по-братски», — комментирует далее эту полемику М.П. Малышева.

Солидаризуясь с аксакалом, Ленин указывает, что надо «...смотреть на проблему выделения КАССР в составе РСФСР не с сибирской вышки и даже не с колокольни Ивана Великого, но с вершины Гималаев, только не через английские, а советско-коммунистические окуляры. Во торжествовать в данном споре должен принцип высшей доброжелательности русских коммунистов к прежде униженному и эксплуатируемому и царизмом и русским кулачем малому народу, а потому предложение — включить северные и восточные районы бывшего Степного края в состав будущей новой национальной республики...»

Но передача этих земель опять же из-за противоборства тех же лиц из Сибревкома задержалась почти на два года. И тогда казахстанская сторона, явно окрыленная поддержкой главы государства, решает опереться на мнение народа. Притом, как видно из архивных документов, не очень выбирает средства воздействия на власть ради достижения высшей цели...

Вот хроника бурных событий, происходивших с начала 1921 года: в конце марта и в начале апреля на заседаниях Сибирско-Киргизской согласительной комиссии ожесточенные споры достигли наивысшего напряжения. В непримиримую полемику вступили сопредседатели комиссии — С.Е. Чуцкаев и С. Мендешев; сибиряки за то, чтобы Павлодарский уезд разделить, уездный центр с десятью волостями и соляными озерами передать в Омскую губернию, а на оставшейся территории организовать новый уезд с центром в Баянауле. А казахстанцы твердо стоят на своих прежних позициях — за целостность территории Семипалатинской губернии, за передачу ее с 20 апреля целиком в ведение Киргизской республики... Сибиряков такой вариант не устраивал. Но они согласились перенести дебаты в ВЦИК.

Однако и в Москве затянули рассмотрение спорного вопроса. Передача территорий заведомо откладывалась. И тогда руководство Кирреспублики с участием нацинтеллигенции организовало «хождения в народ». Были созваны собрания в волостях, опросы среди населения, развернута агитация за неделимую землю предков. В результате этой работы жители четырех волостей, в основном заселенных казахами, — Майкольской, Теренкольской, Муздыкольской и Кызыл-Агачской 22 мая телеграфировали непосредственно В.И. Ленину о творящейся в Павлодарском уезде несправедливости: «Крайне обидно и прискорбно, что мы, природные сыны степи, должны остаться за флагом так долго ожидаемой всем населением свободной Киргизской республики...»

«Исключительную значимость приобретало волеизъявление населения спорного Павлодарского уезда», — подчеркивает новосибирский ученый в названной нами выше монографии.

Корень вопроса здесь был в позиции Павлодарского ревкома. Возглавлял его ставленник Сибревкома, бывший железнодорожный рабочий, большевик П. Поздняк. А киргизско-татарской секцией заведовал молодой коммунист из омских казахов Аскар Сыздыков. Новое руководство Семипалатинского губревкома не очень доверяло этим ретивым администраторам, подчинявшимся Омску. Тем более дело они вели к присоединению уезда к Омской губернии. Очевидно, поэтому туда направили на подмогу с соответствующими инструкциями и полномочиями пользовавшегося авторитетом среди павлодарцев, бывшего баянаульца Ахметулла Барлыбаева и известного общественного деятеля, выходца из Каркаралинского уезда Ныгмета Нурмакова.

А в Баянауле, в соответствии с постановлением Сибревкома «О районировании Сибири» уже был создан административный центр, которому подчинили десять волостей с казахским населением, находившихся вблизи бывшей станицы, в радиусе двух сотен верст. И, конечно, этому центру и в Омске, и в Семипалатинске придавали важное политическое значение. Кроме того, с марта 1920 года действовал местный ревком. Председателем его к тому времени был Искакбай Балпангеров, человек, твердо стоявший на национальных позициях. Под стать ему были и остальные члены ревкома. И не без оснований Семипалатинское губернское руководство надеялось, что они не подкачают и не переметнутся на сторону своих прямых начальников — сибиряков.

Как раз к этому времени в Баянауле решено было широко отметить годовщину образования автономной Кирреспублики, притом по политическим соображениям на два месяца раньше официальной даты.

Ревком создал комиссию по проведению праздника. Председателем ее стал Каныш Сатпаев, а секретарем назначили учителя Пауана Жусупбаева, в то лето еще возглавлявшего районную комсомольскую организацию. И они с энтузиазмом взялись за подготовку этого праздника, по сути первого после многолетних бурных и трагических событий...

Наконец настал этот волнующий день. В живописном урочище Кобей-Шилик, неподалеку от станицы, поднялись более трехсот юрт. Они были привезены со всех волостей Баянаульского района. У каждой юрты — свой обслуживающий персонал с кухней... На торжество были приглашены гости из Павлодарского, Каркаралинского, Акмолинского и Кокчетавского уездов. Среди них — руководящие работники партийно-советского аппарата, знатные люди Стени — прославленные акыны, певцы. Многие аулы явились сюда со своими скаковыми лошадьми, борцами-палуанами, ловкими джигитами — наездниками. Словом, по программе, подготовленной комиссией, праздник должен был вылиться в интересное, незабываемое зрелище, какого степняки давно не видели.

И вот глашатаи, одетые в красную униформу, все, как на подбор, на белых лошадях понесли по всему полю, громко созывая людей. Участники праздника собрались на митинг. На высокий помост поднялись члены комиссии, почетные гости. Митинг открыл председатель подготовительной комиссии Сатпаев:

— Дорогие земляки, трудовые люди Баянаульского района! — воскликнул он. — Сегодня мы празднуем свою первую в истории нашего народа годовщину Республики. Сегодня мы говорим всем: освобожденный казахский народ счастлив и горд. Он начинает свою новую жизнь...

После митинга начались конные состязания. Двести скакунов, подняв тучи пыли, мигом исчезли из поля зрения. Заезд был устроен не по кругу, а на дальнее расстояние, значит, к финишу кавалькада должна была прийти через 3—4 часа. Однако зрителям не пришлось скучать. Со стороны юрт показался длинный караван бричек, привязанных одна к другой. В каждой — десяток ребятишек. И весь караван тянул за собой прославленный казахский борец, богатырь Кажимукан Мунайтпасов. На всех телегах была натянута красная ма-

терия, на ней лозунг: «Да здравствует Киргизская автономия!» Караван остановился возле помоста, на котором начались состязания борцов. После них перед народом выступили певцы и акыны, возглавляемые Машхур-Жусупом Копеевым и старейшиной Жаяу Мусой Байжановым. Среди них — темпераментный, молодой певец-импровизатор Иса Байзаков, прекрасная певица Майра Увалиева.

Долго в урочище Кобей-Шилик звенели песни, радостный смех. Праздник прошел с успехом. В приветственной телеграмме участников торжеств Семипалатинскому губревкомму, напечатанной в газете «Степная правда» 19 июня 1921 года говорилось: *«Пятитысячное собрание киргизов Баянаульского района по случаю праздника в Кирреспублике выражает свой глубокий восторг и энтузиазм по поводу раскрепощения киргизского народа от векового гнета. Собрание заверяет губернскую власть, что оно всю свою силу и энергию беззаветно направит на служение Кирреспублике. Собрание верит, что вы явитесь стойким проводником заданий Киргизского центра в грядущей работе по строительству молодой киргизской государственности. От имени собрания Сатпаев, Жунусов, Бочтаев, Адимов, Жантемиров».*

Здесь следует отметить еще и то, что в этих исторически важных событиях, наряду с политическими вожаками нации, активно участвовали и представители национальной интеллигенции. В их числе двадцатидвухлетний Каныш Сатпаев.

Долгая и упорная тяжба между сибирским и казахстанским руководством за обладание прииртышскими землями была прекращена после постановления ВЦИК от 26 января 1922 года. Решение было целиком в пользу КАССР.

Больше года прошло, как Сатпаев стал членом ревкома и судьей. Хорошая слава идет о нем в народе. В ревкоме его ценят как искусного оратора. Многое открыл он для себя за это время, научился понимать людей. Прежде Каныш наивно считал, что все степняки живут той же вольной жизнью, какую виделась она ему в родном ауле. Судейская работа в корне изменила его взгляды: сколько еще несправедливости творилось в степи. Царили гнет сильных над слабыми, надругательство богатых над бедными...

А с болезнью как будто покончено. Степной воздух исцелил его, он чувствует себя по-прежнему бодро. Весной по приглашению губернского нарсуда Каныш побывал в Семи-

палатинские и зашел к знакомому доктору. Врач, который два года назад предсказывал ему безвыездное сидение в ауле на весь недолгий остаток жизни, теперь, осмотрев пациента, удивленно произнес:

— Да с такими легкими жить и жить! Просто чудо! Слово ничего и не бывало — такое чистое дыхание! Ваш Баянаул — истинно целительный уголок степи. Настоящий санаторий для легочников! Поздравляю, молодой человек, но все-таки предупреждаю: остерегаться простуды и ослабления организма.

На родину Каныш возвращается в радостном настроении. Он снова задумывается о будущем. Повседневная работа хоть и захватывала его, но все же на душе оставалась какая-то неудовлетворенность. Свой завтрашний день он представлял себе не совсем отчетливо. Беспокоило еще и то, что он теперь не один. С прошлого года он связал свою судьбу с прелестной Шарипой, и наверное, до конца этого года станет уже отцом. Молодая жена по настоянию престарелых родителей жила на старой зимовке у них. А он по-прежнему по-холостяцки снимал с несколькими джигитами комнату в доме станичного казака Бельденинова. Все же семейный вопрос постоянно терзал его неудовлетворенную душу, мешая сосредоточиться на своем, сокровенном, к чему его влекло.

Но счастливый случай, произошедший летом того же года, все решил по-своему. Так угодно было судьбе...

СУДЬЯ И ПРОФЕССОР

I

Приезд в Семипалатинскую губернию летом 1921 года магистра геологических наук М.А. Усова, как отмечал он в своем дневнике, был не случаен. Два года назад ученый заболел туберкулезом легких, и врачи предписали ему проводить лето на свежем воздухе, хорошо питаться и пить кумыс. В минувшем 1920 году ему не удалось в точности исполнить эти рекомендации, он лишь ненадолго смог съездить в родные края — в Барабинские степи. Зима оказалась для томичей тяжелой: не всегда удавалось сытно пообедать, да и холод в квартирах донимал... Усову часто приходилось прибегать к помощи знакомых врачей. **24 мая, во вторник**, как записано в дневнике, Усов вместе с А.А. Ермековым и с его молодой женой выехали в степь. Гостей принял аул Турагула Кунанбаева,

сына Абая. «Хозяин аула образован по-русски, интеллигент, имеет большой авторитет среди своих...» — сделал вывод профессор. В гостеприимном ауле профессор Усов провел более полутора месяцев. Прожил бы еще дольше, но хозяин решил прекратить дальнейшую откочевку за Чингисские горы, купил поблизости от города зимовку. Гостю не хотелось оставаться на старой зимовке, к тому же подошло время встречать семью в Семипалатинске. 7 июля Усов распрощался с аулом Турагула Кунанбаева.

10 июля (воскресенье): «... В Алаш приехали при ясной погоде. Мои поместились в хорошем доме на краю городка вблизи степи, но имели лишь половину комнаты. Ира (дочь М.А. Усова. — М.С.) в конце мая перенесла корь, но выглядит сравнительно хорошо. Они хотели бы съездить в аул или пожить в какой-нибудь станице на берегу Иртыша. В Томск ехать нет смысла, так как там голод».

11 июля (понедельник): «Приехали в город, переправившись через реку Иртыш в лодке, за что взяли 500 руб., переправа между островами, поросшими лесом, очень интересна. Пошел сначала к А.З. Сатпаеву, которого застал при уходе из квартиры. А.З. весьма убедительно стал говорить мне, что для окончательного закрепления здоровья мне нужно пожить в степи, и внезапно предложил отправиться мне и семье вместе с ним в его аул в Павлодарский уезд, за Баянаул; ему удалось получить на полтора месяца отпуск и послезавтра он уезжает... Я еще ранее знал, что с А.З. Сатпаевым собирался ехать в степь Алексей Николаевич Белослюдов, брат В.П. (Виктора Николаевича. — М.С.), знакомого мне по Томску, по землемерным курсам и по обществу изучения Сибири. ... После этого я зашел к тетке И.И. Плещеевой и напился у нее чаю. Она сообщила мне, что в казачьих станицах жить было почти невозможно, ибо и в хорошее время в них можно было наголодаться... Довольно быстро решили ехать по следующим основаниям: 1) надвигается холера, и в Алаше оставаться опасно, не говоря о том, что здесь бывает очень жарко; 2) положение наше в доме геологической базы было очень двусмысленное; 3) просуществовать за счет одного обмена довольно затруднительно. В общем, решили броситься головой в омут: ведь дорога представлялась тяжелой. Но будь что будет!»

Выехали Усовы из Семипалатинска 13 июля. Приехали в Павлодар довольно быстро, потратив на дорогу всего полтора дня. Но невольно задержались в Павлодаре. Выездные лошади на пикетах земского тракта в первую очередь предоставлялись уполномоченным. Прождав напрасно несколько дней в Павлодаре оказии, Сатпаев и его гости вынуждены были разделиться на две группы, и каждая добиралась в Баянаул отдельно.

Пикет Кайдауыл, 19 июля: «Сборы продолжались до 13 часов. Столько же времени готовился самовар, а пить хотелось из-за жары и сухости воздуха страшно. Хорошо еще, что Кате (Екатерина Филимоновна — супруга Усова. — М.С.) накануне удалось получить молоко у одной крестьянки, живущей возле пикета, а у киргизки выменять на иголку тарелку бауырсаков*; наш же хлеб зачерствел, и оставались одни сухари... Наконец поехали на дрянном ходке. Но только тронулись, как дикий коренник понесся на какую-то кучу, круто повернул и повалил наш экипаж на бок, протаскив нас на некоторое расстояние. Хорошо еще, что никто из нас не поломал костей, отделались ушибами да изборожденной кожей: ранки нам покрыл йодом только что приехавший из Бес-Кудыка наш вчерашний спутник...»

К сожалению, злоключения бедных отпускников на этом не кончились. В тот же день: «...в трех верстах от Джамантуза совершенно распадается заднее колесо ходка, и мы очутились среди степи; было очень душно и сухо, хотя день близился к вечеру и на западе появились облака. Меня стало охватывать отчаяние, ибо никогда еще в таких положениях я не бывал». — Усовы кое-как добрались до пикета Жамантуз. Но им здесь повезло. — «Лошадей нам дали без замедления. Расписываясь в книге, я нашел в ней для себя записку от наших спутников. Они проезжали через Джамантуз накануне вечером, а Калкаманку проезжали они (речь идет о Сатпаеве и Белослюдове. — М.С.), оказывается, часа за три до нашего приезда туда. Запоздали они потому, что смогли получить в Ермаке (нынешний Аксу, пристань на Иртыше. — М.С.) обывательских лошадей лишь 18 июня 1921 г...»

21 июля (четверг): «Баянаульский массив стал виден еще с раннего утра; т. е. почти с пикета Кайдаула, а у п. Карасора он вырисовывается целиком и кажется тут рядом. Сатпаев, проезжая через Карасор, оставил нам записку с указанием, куда заехать, и просил одного ящика-киргиза оказать нам содействие... Лошади на обоих подводах оказались плохие, и мы ехали — частью шагом, а перед самым Баян-Аулом, куда приехали совсем вечером, наши кони уже едва шли, и мы могли любоваться открывшимися видами... Согласно записке А.З. Сатпаева мы заехали к его двоюродному брату Канышу Сатпаеву, народному судье Баянаульского района...»

Так впервые встретились профессор геологии М.А. Усов, нашедший приют в тяжелый голодный год в казахской степи, и молодой судья, двадцатидвухлетний Каныш Сатпаев.

II

Профессор Усов сидел на высоком утесе, у подножия которого лежало кристально чистое озеро. На неподвижной глади отчетливо отражались каменистые берега, поросшие

* Блюдо из теста.

соснами, легкие облака, едва заметно плывущие в небесной лазури. Ему вспомнились слова Каныша, сказанные при их первой поездке сюда: «Озеро Жасыбай не просто чудо природы, с ним связана старинная легенда...»

«Когда наши предки сражались за свою землю с джунгарами, особенно много крови было пролито в здешних окрестностях. Эти места не раз переходили из рук в руки. Говорят, озеро когда-то называлось Шойын по имени джунгарского богатыря, которому была доверена охрана этих краев. Но однажды казахский батыр Жасыбай, победив в поединке Шойына, отобрал озеро. Обозленный джунгар замыслил отомстить и, по-воровски пробравшись в стан соперников, злодейски убил во время сна Жасыбая и его преданного друга Кийк-батыра. Совершив это злодеяние, коварный Шойын бежал из наших пределов. А озеро с той поры называется Жасыбай. Так ли это было на самом деле или иначе, трудно сказать. Во всяком случае, старики по сей день показывают могилы Кийка и Жасыбая у тропы между озером и станицей...»

В тот день Каныш повел профессора на перевал и показал место, где, по преданию, были похоронены богатыри. Форма каменной гряды напоминала лежащего великана. «Вот где разгадка легенды... — подумал Усов. — Результат многовековой работы ветра и дождей». Но он не стал вслух говорить о своей догадке. Ему не хотелось разрушать у молодого человека веру в предание. Когда они снова спустились к озеру, профессор рассказал судье Сатпаеву историю, случившуюся в 1906 году в степях Джунгарии, когда Усов еще студентом сопровождал известного ученого-геолога, своего учителя Владимира Афанасьевича Обручева.

— Однажды мы набрали на удивительный город. Трудно было сосчитать, сколько улиц в нем. Дома все разные, ни один не похож на другой. На площадях мы видели множество скульптур. Горбатого медведя, грозного льва, бегущих лошадей, настороженных архаров, верблюдов, лежащих поодиночке или идущих целым караваном, — невозможно все перечислить... Словом, город этот можно назвать зоологическим музеем. Но он оказался мертвым. Мы не встретили ни единой души. Казалось, что в какой-то страшный миг все живое здесь было превращено в камень. Но в том-то и дело, что город этот строили не люди. Ни одной из фигур животных не касалась человеческая рука. Все было здесь сотворено самой природой, миллионы лет над скульптурами мертвого города трудились ветры и дожди...

Каныш внимательно слушал Усова. Хотя профессор ни

словом не обмолвился о происхождении могилы Жасыбая, молодой человек понял истинный смысл его рассказа. И когда гость умолк, Сатпаев проговорил:

— Михаил Антонович, хотя у нас и нет таких мертвых городов, я могу показать вам много скульптурных фигур из камня.

— Только не сегодня, дорогой.

— Хорошо, мы приедем еще раз, — обрадовался Каныш.

Профессор вспомнил его радостный взгляд и улыбнулся. «Интересный молодой человек! Грамотен, свободно говорит по-русски, воспитан. Вдумчив, ни одного слова зря не скажет. И все-таки не укладывается в голове, что он судья. Почти юноша... Даже в Европе, где хорошо поставлено юридическое образование, на такую должность вряд ли назначают столь молодых людей».

Опрометчиво приняв приглашение старшего Сатпаева и пустившись в такую даль, Михаил Антонович, должно быть, не раз пожалел об этом, пока целую неделю тащился по ужасной дороге до Баянаула. Но все тяготы пути были позабыты, когда перед томичами, наконец, предстало озеро неописуемой красоты, словно чудо-оазис посреди необъятной, однообразной, голой степи.

Каким вниманием окружили гостей братья Сатпаевы! Они оказались на редкость добрыми и сердечными людьми, по-настоящему образованными. Он встретил здесь поистине щедрых от природы людей, которые всегда рады поделиться с гостями всем, что у них есть, готовы откликнуться на любую, даже незначительную просьбу. Везде, где бы ни оказался профессор — и в Чингисских отрогах, и в Баянауле, — его принимали с почетом, как желанного гостя; и все это делалось без излишнего подбострастия, просто, с достоинством. Еще в молодые годы, а затем в дни путешествия в Джунгарию ему не раз приходилось пересекать казахскую степь от Иртыша до Тарбагатайских гор. Он считал себя знатоком степи, а на поверку вышло, что знает ее не до конца, особенно населяющих ее людей — приветливых, талантливых, открытых. Разве думал он, что среди бескрайних равнин встретит жемчужину, прекрасный оазис — живописный Баянаул? А если вглубь копнуть, пройти с геологическим молотком по расщелинам? Исходить с исследователями вдоль и поперек эти места?..

Вечерело. Ученый окинул взглядом бескрайнюю гладь озера, дремлющего в раме гористых берегов, и отправился в сторону, где были оставлены верховые лошади.

Баянаул, один из живописнейших уголков степи, давно сделался любимым местом отдыха сибиряков. Каждое лето сюда приезжали из Омска, Томска, Новониколаевска (Новосибирска) и других городов. Близ станицы всегда можно было найти и юрту, и свежее мясо, и отличный кумыс. Местные жители привыкли снабжать приезжих всем необходимым. Но начиная с 1914 года берега Жасыбая становились от лета к лету безлюднее. А во время гражданской войны приток отдыхающих и вовсе прекратился. В год приезда Усовых сибиряки, похоже, вновь вспомнили о Баянауле — с самой весны понемногу прибывали гости.

Во второй приезд Каныш, как обещал, свозил профессора к интересным каменным фигурам, образовавшимся в результате ветровой и водной эрозии. Но, к удивлению его, ученый недолго задерживался возле них. Только раза два обошел каменного «верблюда» да от нескольких «статуй» отбил молотком кусочки камня и, осмотрев сколы, тут же бросил их. Гораздо охотнее он задерживался в ущельях у свежих оползней или на обрывах, где поработали весенние воды. Он поднимал там совсем невзрачные камушки. Некоторые исчезали в его рюкзаке.

И Каныш когда-то любил собирать камни. Найдешь пару белых камней, ударишь их друг о друга ночью или в темной юрте и высечешь целый сноп искр. Но это уже в прошлом. Народному судье не очень-то идет увлекаться подобными безделицами. И теперь его удивляла страсть маститого профессора, его волнение при виде какого-нибудь обломка скалы. «Какая цена этим мертвым камням, почему они так влекут к себе взрослого человека?» — думал он, наблюдая за Михаилом Антоновичем.

Но вскоре он стал понимать смысл увлечения своего спутника. Усов был великолепным рассказчиком. О камнях он говорил так увлеченно, что его интерес к ним передавался и слушателю. Ученый просто и доступно рассказывал об основных проблемах геологии, о строении земной коры и образовании разного рода минералов. Как бы между делом он объяснил и происхождение причудливых скал в окрестностях Баянаула. «Когда-то эти места были морским дном. Длительные геологические процессы преобразили лик земли, ваши края сделались сушей, поднялись горы и сопки. Над утесами поработала сначала вода — вот почему они имеют стертую, словно гладко отполированную поверхность. Остальное довершили ветер и солнце. А возраст их — миллионы лет...» Конечно, Каныш и раньше знал о строении земли, ее возра-

сте. Но то, что он почерпнул в семинарии, до сих пор казалось ему отвлеченной премудростью, хотя ему даже приходилось пересказывать слушателям учительских курсов то, что было написано по этому предмету. Но он никогда не думал, что о таких сложных вопросах, как строение земной коры, можно рассказать так занимательно, как Михаил Антонович. Вот что значит иметь настоящее образование, думал молодой человек. Ведь, казалось бы, и он немало учился. Но на поверку оказалось, что знает очень мало. Что из того, что он грамотен, служит народным судьей? Вот если бы знать хоть сотую долю того, что ведомо этому магистру геологии!

— Сколько нового открыли вы мне в эти дни! Никогда прежде я не узнавал за один раз так много! — неожиданно для себя самого признался Каныш, подсаживая профессора на лошадь после очередного привала...

Каныш при всем желании не мог постоянно находиться возле Михаила Антоновича. Он отправился по неотложным делам в дальние аулы в Кызылтауских и Желтауских горах.

А Алексею Николаевичу Белослюдову, который все еще плохо чувствовал себя после изнурительной дороги, и профессору Усову с семьей нужно было скорее добраться до конечного пункта поездки, где их, по словам Каныша, ждал отдых и целительный кумыс.

До аула Сатпая, давно откочевавшего на летние пастбища, они добрались лишь на третий день.

«Аулы рода Сатпаевых стояли за горами Амантау, у восточного берега озера Батпак. Настоящие летовки их находятся еще в шестидесяти верстах на запад, в горах Ниязских, которые чуть видны отсюда, — читаем в дневнике профессора Усова. — Они нынче кочевали ближе, ввиду отсутствия перевозочных средств: арб, бричек и тарантасов, которые частью отобраны ревкомом на общественные нужды... Около озера стояло пять аулов, из которых лишь два принадлежат собственно семье Сатпаевых... Нам поставили маленькую сборную юрточку, украшенную, правда, внутри коврами. Позднее выяснилось, что часть принадлежностей юрты была взята из другого аула у брата жены Сатпаева. В день приезда мы ели баранов в двух аулах...»

Не очень-то сытно было у них в то лето: станичные казаки стали мало сеять хлеба, опасаясь жесткой продрозверстки, поэтому в прошлом году совсем не продавали муку казахским аулам. А кооперативы и товарищества маломощных крестьян, что организовал Баянаульский ревком, еще не на-

брались опыта и сил. И аулы Сатпая, как и все казахское население здешних мест, не занимавшееся до этого хлебопашеством, оказались в большой нужде. Да и стада после перенесенной суровой зимы и чрезмерных поборов со стороны властей нуждались в значительном пополнении...

Но разве расскажешь об этом гостям, не положено сетовать на свое бедственное положение. Лучше незаметно найти выход из создавшейся ситуации. И аул, по настоянию Аби-кея, снаряжает в станицу и в соседние зажиточные аулы подводы с джигитами. Все это, как ни старались утаить, не укрылось от наблюдательного профессора:

«Нам было неприятно, что поставили их в неловкое положение. А что касается свежего мяса и кумыса, очень густого в этих местах... хватало вдоволь, — читаем в записях Усова. — По распоряжению главы рода, Имантая, отца Каныша, аулы Сатпаевых перекочевали на новую стоянку по соседству, где трава была еще не вытоптана и окрестность выглядела свежо. Нашу юрту поставили в стороне от остальных жилищ, чтобы оградить ее от дыма и людского шума...»

Аулы Сатпая всегда умели принимать гостей. А они здесь бывали часто. Но на этот раз аулчане были удивлены поведением высокого гостя: он совсем не походил на «большого чиновника» из города; здоровается за руку со всеми — от малышей до аксакалов, даже с женщинами; мало того, всегда уступает им дорогу. Профессор вставал очень рано и сразу отправлялся на прогулку. Обычно он проходил каждое утро по пять-шесть верст по берегу озера. Предложили ему смирную лошаденку для прогулок, Усов отказался, чем немало удивил аулчан, привыкших по любому поводу седлать коня. Возвратившись с прогулки, он раздевался до пояса и шел умываться. А потом садился за чай. Пил он его, по казахскому обычаю, много и со сливками. После этого он уединялся в своей гостевой юрте и работал по несколько часов подряд. Обычно в это время ему приносили кумыс. Он не любил, чтобы кто-то ухаживал за ним, и все делал сам. А вот обедать ученый предпочитал в компании, за дастарханом он становился разговорчивым. После обеда к его юрте подвели оседланного коня. И несколько всадников — как правило, это были Белослюдов, Каныш и его брат Бокеш — сопровождали профессора на прогулке. Возвращались вечером с дичью или с образцами различных минералов.

Но иногда Михаил Антонович сам нарушал сложившийся распорядок. Обычно это случалось в те вечера, когда молодежь затевала игру на алтыбакане-качелях или когда в ауле

появлялся заезжий певец-жыршы. Хотя профессор и не понимал слов, он любил слушать песни, подолгу сидел вместе со всеми на таких импровизированных концертах.

Ему нравились чистый воздух джайляу, напоенный ароматом трав, целительный кумыс и мирная тишина аула. Охота, протяжные задушевные песни, обстоятельные беседы на лугу — все это поднимало настроение. Здоровье заметноправлялось, стихали боли в груди. День ото дня Усов чувствовал себя лучше.

«День, как вчера. Впрочем, ездили на охоту за зайцами с гончими (борзыми) собаками на горы Большого Амантау, поймали семь зайцев», — написано в дневнике М.А. Усова за 28 июля. «Ездили по ягоды на высокие холмы выше по речке, сложенные порфиритами и фильзитами, — сказано в записях, датированных вторым числом августа. — Женщины и дети ехали в тарантасах, а мужчины — верхом. Полевой клубники нашли мало, но прокатились хорошо...» А в четверг, 4 августа случилось непредвиденное, наверное, потому запись совсем короткая: «Вечером приехал начальник Баян-Аульской районной милиции, осмотрел наши документы и заявил, что он уполномочен препроводить А.З. Сатпаева по не известному ему делу, но разрешил ему выехать самостоятельно...» На следующий день случилась непогода: «К вечеру собрались кочевать дальше... Ехали в горах, сложенных преимущественно порфиритами. По середине пути нас застал проливной дождь с крупным градом, после чего стало довольно холодно. Нас спасли брезент и брезентовое пальто, хотя кое-что подмочили... Нам поставили итарку (ит — собака, арка — спина), которая составляется из двух прислоненных друг к другу верхней стороной кереге; последние вверху связываются и перекрываются кошмами. В холодную погоду в ней тепло, но тесно...» Далее идет вот такая довольно откровенная запись от 6 августа: «К полудню все, кроме А.З., который собрался, наконец, уезжать в Баян-Аул, отправились верхом (были только мужчины) в гости к Зенды Чурманову (правильно: Зында Чорманов. — М.С.), аул которого стоял в 3—4 верстах на мокрой и болотистой восточной стороне озера Саумалкуль. Это — самый богатый кириз Прииртышской части степи: он имеет до 1500 лошадей и до 1000 баранов. Живет, впрочем, посредственно и, как говорят, очень скуп. Однако нас он угостил нормально: сперва кумысом, затем чаем со свежими бауырсаками (других блюд не было) и обедом из старого жесткого барана...»*

Так буднично и незаметно проходят дни. Постоянно ездят в гости или сами принимают гостей. Оба аула хаджи Сатпая между тем, как обычно, занимались хозяйственными делами. К семье Усова, простой и непривередливой, все привыкли, она стала как бы своей. От нее ничего не скрывали.

* Сборная стена-каркас юрты.

9 августа (вторник): «Погода приличная. К вечеру приехал Каныш, ночевавший у Зенды Чорманова...» С приездом молодого Сатпаева в распорядке гостей кое-что изменилось. Кроме того, 11 августа вечером вернулся из Баянаула Абиkey Зеинулы, которого бдительные органы ОГПУ вызывали зря, обвиняя в том, что будто он рекомендовал землякам не исполнять задание на разверстку. В записях дневника за 12 августа кратко отмечено: «Были признаки грозы. Вечером Каныш устроил импровизированный киргизский концерт и хор, продолжавшиеся до ужина».

13 августа (суббота): «Большой компанией ездили в гости к Садвакасу Чорманову, единственному наследнику бывшего старшего султана Мусы Чорманова. В противоположность Зенды он гораздо общительнее, у него хорошая обстановка, и угостил он нас прилично. Интересно, что у него стараются придерживаться некоторых европейских привычек, например, угощение подавали сначала дамам...»

15 августа (понедельник): «Первый день трехдневного праздника*. Ходили по юртам пить кумыс оживленнее, чем прежде. Богатые молодые мужчины нарядились в цветные кафтаны и шапки. Нарядили и нас. Перед обедом был кокпар, погоня друг за другом с перехватыванием какого-нибудь предмета».

17 августа (среда): «Ненастье продолжалось до полудня. К вечеру Каныш в нашем ауле устроил спектакль в одном действии при участии местных людей и двух членов районной группы, а вечером угостили нас обедом по-европейски. А.Н. Белослюдов после поездки к Чорманову совсем расклеился и лежит, кумыса не пьет и горячего не ест, ибо у него появилась даже кровь».

18 августа (четверг): «Было достаточно пасмурно. Приезжал в гости Садвакас Чорманов и зять его, врач — Сеитов (Асылбек Жуманулы. — М.С.), окончивший Томский университет...»

Обычно Каныш приезжал в родной аул на несколько дней, а затем подолгу не появлялся. В это лето он изменил своему обыкновению. Уезжал на два-три дня. А вернувшись, старался остаться лишний день у своих. Его тянуло к ученому гостю, постоянно хотелось быть возле него. Беседы с профессором на любую тему были интересны для него, расширяли круг его познаний и обогащали представления молодого человека о природе. Чего только он не узнал во время совместных прогулок с Усовым о рельефе степи, о происхождении гор и равнин, о камнях, которые встречались им на пути. Лишенный возможности жить в большом городе, Каныш давно тосковал по общению с образованными людьми. С приездом Усова и Белослюдова у него появилась возможность удовлетворить эту потребность.

* Курбан-айт — мусульманский праздник с жертвоприношением.

Как-то раз в один из приездов Каныша он и профессор отправились на прогулку вдвоем. В тот день они добрались до гор Сарымсакты. Канышу давно хотелось показать Усову этот краж, своеобразный по рельефу. Верхом они поднялись на несколько сопок, затем Михаил Антонович пешком прошел вдоль самых крупных каменистых обнажений. Образцы рассматривал, нахмурившись. Видно, ничего особенного не попадалось, и он не взял с собой ни одного образца. Канышу казалось неудобным задавать вопросы, и он молча следовал за Усовым на некотором отдалении.

Время обеда давно прошло. Солнце клонилось к западу. И только когда оно коснулось вершины ближайшей сопки, они повернули коней назад. Ехали не спеша, думая каждый о своем. Неожиданно профессор заговорил:

— Много я слышал о ваших краях. «Киргизские степи, киргизские степи...» Это сделалось своеобразным геологическим термином. Но, не бывав здесь, я представлял степь совершенно иной. Знаете, что я думал? Что это голая равнина — ну, растет ковыль и еще кое-какие травы, воды почти нет. Приехал нынче к вам и что же вижу? В Баянауле настоящий оазис, более дивного места не придумаешь! Рядом солончаки и соленые озера. А здесь буйное разнотравье, речек и ручейков не счесть, горы какие! А раньше бывал я в Тарбагатае, Чингисских горах. И ни одна из этих местностей не похожа на другую, но каждая по-своему интересна и богата. Правда, в глубь степи не приходилось ездить. Но и моих немногих впечатлений достаточно, чтобы иметь кое-какое представление о ней...

Выслушав ученого, Каныш сказал:

— Нашу степь я сравнил бы со скатертью, уставленной всякого рода яствами, но не повсюду одинаково густо, неравномерно. Скажем, в одном месте всякие сладости — урюк, изюм и тому подобное, а в другом — соль да несколько кусочков курта*, в третьем — хлеб, в четвертом — вода, а в пятом и этого нет, совершенно пусто...

— Что-то не совсем понимаю, дорогой.

— Яснее этого не скажу, Михаил Антонович, — рассмеялся Каныш. — Где урюк, изюм лежит — это те самые оазисы, о которых вы упоминали сейчас. Баянаул, Каркаралинск, Кокчетау.. И совсем другие края — Тарбагатай, Чингисские горы, Шидерты. А большие сосуды с водой — это Балхаш, Зайсан и другие озера. А где пусто — пески и такры.

* Сушеный творог.

— Теперь ясно. Образно выражено! Но я как геолог смотрю на вашу степь по-другому и скажу совершенно иное, дорогой Каныш. Я назвал бы ее — уверяю тебя, что так оно и есть, — настоящей классической школой для геологов. Сколько здесь разломов, трещин! Сколько открытых, совершенно обнаженных мест! Широчайший простор для геологической деятельности! Горы старые, а в них не счесть рудных сокровищ! Причем лежат они близко к поверхности, почти на открытых площадях. И потому неграмотные кочевники без всяких разведок, не затрудняя себя проходкой скважин и шурфов, а просто разворошив сурковые норы, находят Караганду, Экибастуз. А если прийти сюда хорошо оснащенным современной техникой да начать бурение, что произойдет тогда, даже не представляю. Сколько будет феноменальных открытий! Ведь, по сути дела, в этих краях, кроме наезжавших ненадолго разного рода летунов, нанятых купцами, не было настоящего геолога-исследователя.

Захваченный картиной будущего, нарисованной профессором, Каныш порывисто повернулся к спутнику, отчего лошадь под ним настороженно встрепенулась.

— Михаил Антонович, а как мне выучиться на геолога?

— Так приезжайте ко мне в Томск! — с горячностью заявил Усов.

— А может быть, поздновато мне учиться? — вдруг вспомнив о семье, в раздумье спросил молодой человек.

— Учиться никогда не поздно, дорогой мой.

— Вы в моем возрасте уже окончили институт...

— Ну и что же из того?.. — Усов в сердцах прищипорил коня. — Окончил институт, а все равно продолжаю учиться. До сих пор. Хоть я и профессор, а все равно, как говорят, грызу гранит науки. И буду учиться всю жизнь. Остановлюсь — пропал. Тогда конец моей учености. *«Бестолково учась, я жизнь прозевал. Спихватился, да поздно. Вот он, привал!»* — продекламировал профессор стихи Абая, недавно услышанные им в ауле Турагула. — А ведь он — большой поэт, мудро сказал. И многое, должен заметить, лучше вас, сегодняшних людей, предвидел...

Каныш уже знал, как пришел в науку Михаил Антонович: гимназия в Омске, Томский технологический институт, аспирантура в Петербурге, с 1913 года профессор...

— Вот нынче мы с вашим братом Абикием Зеиновичем сблизилась, о разных вещах ведем подолгу разговор, между прочим, он тоже человек дальновидный, причем с умом... Он как-то сказал, что казахские юноши, ваши одноклассники, повально пошли в просвещение, это его очень радует! Я тоже

говорю ему: «Хороший фактор!» Буквально через десять-пятнадцать лет это даст надлежащие плоды. Все же, дорогой Каныш, я думаю, надо бы вам, казахским юношам, еще и технические специальности скорее осваивать. Ведь скоро здесь наладится другая жизнь, и сколько в вашей степи подземного добра без пользы лежит. А кто будет это открывать? Вы надеетесь на заезжих специалистов? Но надо иметь свои рудники, заводы, поселки, новые города. Да и пора вашему народу переходить к оседлому образу жизни, извините за прямоту, вы уже и так намного отстали от цивилизованных народов... Это же единственный путь. Так что думайте и решайтесь.

— Да, вы правы, учиться надо, — произнес Каныш после некоторого молчания. — Но отец, семья, конечно, будут против. Здоровье у меня неважное, потому они и будут возражать. Если бы не болезнь, давно бы я был студентом.

— Если дело в этом, то давайте я поговорю с Имантай-аксакалом, — предложил Усов. — Томский климат при нашей с вами болезни вполне терпим. Даже хорош. Ведь кругом хвойные леса. Правда, там нет чудодейственного кумыса.

— Нет, с отцом лучше поговорю я сам. Он образован и лучше многих понимает дух времени. Думаю, он все-таки даст согласие. А вас я прошу уговорить уездный ревком, нет, лучше губернский нарсуд, ведь там могут возражать, удерживать меня. Слишком мало еще у нас образованных людей, и не так легко найти замену.

— Отпустят! — уверенно и твердо сказал профессор. — Конечно, и судья необходим в степи, но инженеры нужнее. Если этого кто-то не может понять, я сумею убедить.

Разговор их вновь надолго прервался. Всадники ехали некоторое время молча. Перед ними лежала бескрайняя степь. Тихо, едва заметно колыхались сухие стебельки ковыля. Временами из-под копыт коней вылетали воробьи, отовсюду раздавался нескончаемый стрекот кузнечиков.

— Михаил Антонович, скажите откровенно, выйдет из меня геолог?

— Не понимаю, что за вопрос.

— Новое это дело для нас, степняков. Никто никогда здесь им не занимался.

— Вот те на! — рассмеялся профессор. Затем, резко обрвав смех, внимательно посмотрел в лицо спутника и серьезно заговорил: — Друг мой, если хотите знать, никто не является на свет готовым геологом и вообще ученым. Родился человек, растет, учится. Учится в школе, в институте и у жизни. Много надо повидать, многое пережить, на ус побольше на-

мотать. И риск нужен, и дерзость мысли, и знание дела. «*With mind and hammer*» — так говорят англичане про геологов, но если по-русски — «*Умом и молотком*». Коротко и ясно. А у вас, Каныш, как кажется мне, и опыт жизни есть, и пытли-вость...

— Итак, стоит попробовать?

— Вы выбираете себе дело не на один год, а на всю жизнь. Хорошенько обдумайте все наедине с самим собой. А когда решитесь на какой-то шаг, дайте мне знать...

III

Через некоторое время в Семипалатинск было отправлено письмо из Баянаульского нарсуда вот такого содержания:

«В коллегияу Семгубсовнарсуда.

В связи с отъездом на учебу прошу коллегияу губнарсуда освободить меня от занимаемой должности в судебных органах до начала учебного года, т. е. не позднее 1 сентября 1921 года. Прошу сообщить ваш ответ.

Народный судья К. Сатпаев.

12 августа 1921 года»

На благодатном джайляу по-прежнему размеренно проходили дни. Вот дневник ученого гостя:

25 августа (четверг): «*В ауле праздник, той, т. е. обрезание мальчи-ков, совершаемое муллоу. Имантай по этому случаю заколол жере-бенка и двух баранов... Обрезание было произведено к вечеру. Байга-люль Сатпаев (сын Абиkey Зеинулы. — М.С.) немного покричал и дол-жен был потом лежать без движения...»*

26 августа (пятница): «*К вечеру неудачная охота на тех же сопках. Ездил верхом наша Ира и довольно удачно...»*

30 августа (вторник): «*Проездом из Оренбурга был в ауле Жанайда-ров, член КирЦИК. Говорит, что в России и, в частности, в Оренбур-ге голод и сильная холера...»*

3 сентября (суббота): «*Погода становится лучше, ветер стих, но испарений много. А.Н. Белослюдов решил съехать. Пребывание в ауле едва ли послужило ему на пользу... Отправляется он на Каркара-лы и затем Майлигаринским трактором на Семипалатинск.»*

6 сентября (вторник): «*Ясно. Западный ветер. Каныш написал из Баян-Аула, что он окончательно решил ехать в Томский технологи-ческий институт, и просил подготовить все для его отъезда. Закололи двухлетнего быка для копчения мяса (сюр).»*

8 сентября (четверг): «*Ясно, тихо и тепло. К вечеру я, Абиkey и Бо-кеш ездили на юг от Сарымсакты за зайцами. Имея 5 собак и одну ительге (пустельга) — взяли 3 зайцев...»*

13 сентября (вторник): «Каныш Сатпаев предполагал ехать с нами в Томск, чтобы учиться в институте. Он уехал в конце августа в Баян-Аул, чтобы ликвидировать дела, хотел вернуться к 7–10 сентября. Но до сих пор его нет. Вчера со всей семьей выехал в Семипалатинск Абиkey Зеинович. И мы решили ехать — тем более что началась приличная погода... Выехали мы на лошадях Имантая в 11 часов...»

Должно быть, местные старожилы недоумили томского гостя ехать по Майлигаринскому тракту, тем более он уже два месяца тому назад испытал тяжкий путь по тракту Баянаул-Павлодар. Потому они с А.З. Сатпаевым и его семьей на сей раз разошлись в выборе обратной дороги в Семипалатинск. Однако и этот путь оказался для Усовых не менее легким...

Лишь в четверг, **22 сентября**, Усовы попали в город Алаш, на геологическую базу. Регулярного пассажирского движения по-прежнему не было. Пришлось целую неделю мыкаться по Семипалатинску в ожидании беспересадочного вагона, следующего в Сибирь. Такой вагон, притом товарный, был снаряжен по указанию губернских властей только **30 сентября** и то специально для отъезжающих на учебу студентов. Выехали утром **1 октября**, в субботу. Ночью уже были в Барнауле. И только 5 октября, в среду, как отмечено в дневнике профессора М.А. Усова, когда выпал первый снег, в три часа дня они благополучно приехали в Томск.

Между прочим, в числе тех самых отъезжающих студентов был и Каныш Сатпаев, который, не дождавшись ответа из Губнарсуда на свое заявление и самовольно покинув службу в Баянауле, в конце сентября все-таки догнал чету Усовых в Семипалатинске. Документ, хранящийся в музее академика К.И. Сатпаева в Алматы, кстати, полностью подтверждает нашу версию: на обороте заявления нарсудьи, приведенного нами выше, секретарем суда Бекжановым от руки приписано: «Семипалатинск, совнарсуду. Народный судья Сатпаев, оставив все дела мне, уехал на учебу. Прошу указать, как мне поступить в дальнейшем...»

В СИБИРСКИХ АФИНАХ

I

Технологический институт стоит на пересечении улиц Почтамтной и Бульварной на склоне круглой сопки, возвышающейся почти в центре города. По соседству расположены здания университета. В то время это были единственные

высшие учебные заведения Сибири. Поэтому Томск издавна сравнивали с научной столицей древнего мира, именуя город Сибирскими Афинами.

Не только университет, открытый еще в девятнадцатом веке, и технологический институт, существующий с 1900 года, составляли славу Томска. Здесь находилась единственная в Сибири типография, печатавшая книги, было много культурно-просветительных учреждений. Богатством и красотой отличалась архитектура города. И улицы спланированы иначе, чем в других старых поселениях края. Главные из них были вымощены, а по сторонам проезжей части устроены деревянные мостки.

Учебные корпуса университета выстроены в стиле классицизма, высокие фасады и карнизы пышно отделаны. Все эти прекрасные здания окружены разросшимся лесопарком — при закладке университета здесь был оставлен нетронутым участок тайги.

Строения технологического института не уступают в красоте университетским и выглядят даже величественнее их. Они возведены позже и еще более продуманно спланированы. Здания строились по индивидуальным проектам самих преподавателей института. Хорошо, по-хозяйски продуманы размеры, расположение учебных аудиторий и даже их акустика: в общих лекционных залах голос лектора хорошо слышен с любого места. Лаборатории оснащены новейшими приборами. А чертежный зал со специальными столами и идеальным освещением не имел равных.

Разумеется, Каныш был в восторге от всего увиденного. В учебной части института приняли молодого человека приветливо. По-видимому, ходатайство профессора Усова возымело действие, ибо Каныш был без труда освобожден от экзамена по иностранному языку. Ему оставалось лишь сдать математику.

В назначенное время Сатпаев явился к профессору В. И. Шумилову. Молодой человек уже был наслышан от студентов о его странностях. Ему ничего не стоило выставить экзаменуемого за дверь из-за какого-либо пустяка или поставить отличную оценку за удачное решение всего одной задачи.

— Ну-ка, степняк, садись поближе, посмотрим, на что ты годен: овец пасти или гранит науки грызть?

И профессор математики дал ему для решения алгебраическое уравнение с двумя неизвестными. Каныш без затрудне-

ния справился с заданием. Ведь недаром он несколько лет готовился к этому испытанию. Профессор предложил еще несколько задач, они были уже посложнее, требовали определенной смекалки. И с ними абитуриент справился лучше, чем ожидал экзаменатор. Шумилов, недолго думая, подкинул еще одну. А эта была, на первый взгляд, попроще. Взявшись, Каныш не мог одолеть ее с ходу: что-то подспудное мешало ему подобрать ключ к задачке. Бившись так и этак, минут через пятнадцать он обратился к экзаменатору с вопросом:

— Василий Иванович, эта задача неразрешимая. Очевидно, что-то в условии ее не так, — несмело произнес абитуриент, зная каверзный характер профессора.

— Ишь ты, выдумщик. Тебе бы барымтачей судить в своей степи, а не алгебраическую задачку здесь решать?! — усмехнулся Шумилов, поглаживая окладистую бороду. — Не мямли под нос, что там неправильно?

— Да вот, здесь не плюс должен стоять, а минус. Тогда она разрешима, и уравнение нормальным получится...

— А ты не объясняй мне, реши и докажи!

Каныш тут же переменял плюс на минус, решив задачу, через минуты три-четыре показал придирчивому экзаменатору. Лишь взглянув на решение, профессор математики понял, что неуклюжий на вид, явившийся на экзамен в шубе и тымаке* молодой казах, до этого, как говорили, работавший народным судьей, не попался на заготовленный им крючок, на который обычно накалывались многие абитуриенты. И, довольный его отличными знаниями, воскликнул:

— Bravo, bravo, голубчик! Выходит, ты в своей степи даром времени не терял. Я рад, что ты оправдываешь похвалу почтенного Михаила Антоновича. Учиться тебе в нашем храме науки!

Итак, он стал студентом горного факультета Томского технологического института. Наконец-то он достиг того, к чему страстно стремился все последние годы...

Жизнь в городе только начала налаживаться после разрухи военного времени. Нехватало продовольствия, топлива, одежды. Особенно тяжело приходилось студентам. На весь университет и институт имелось лишь одно общежитие. Получить место в нем удавалось лишь учащимся старших курсов. Студенты жили или на частных квартирах, или, ког-

* Казахский зимний головной убор на лисьем меху.

да не хватало средств, вели настоящую бродячую жизнь. Многие ночевали в вестибюлях учебных зданий, на столах в аудиториях. Руководство вузов знало об этом, но делало вид, что не замечает. Корпуса в ту зиму не отапливались — не было топлива, и в лекционных залах стоял такой холод, что студентам и преподавателям приходилось заниматься в верхней одежде. Лекции слушатели записывали карандашами. Питались плохо. В институтском ларьке в день на каждого выдавалось 400 граммов черного хлеба, но для того чтобы получить хотя бы это, приходилось выстаивать в очереди на морозе несколько часов подряд. Студенческая столовая из-за отсутствия продуктов была закрыта. Одетая молодежь была очень плохо. Преобладали затасканные полушубки, подшитые и стоптанные валенки, потрепанные шапки. В этой толпе Каныш заметно выделялся: на нем была шуба, смахивающая своим необычным фасоном на чапан, на голове тымак, а обут он был в длинные национальные сапоги — саптама, обшитые изнутри кошмой выше колен.

Канышу повезло, его пригласил к себе Михаил Антонович. Зная о нехватке мест в общежитии, Усовы сразу заявили ему:

— Не пытайся даже, все равно не отпустим. Неужто ты думаешь, что мы можем жить у твоих родичей целой ватагой месяцами, а тебе позволим ютиться где-то по чужим углам?..

Усовы жили в большом профессорском доме, отстроенном во дворе института. В своей квартире они выделили Канышу отдельную комнату. Кроме своей семьи в ту зиму Михаил Антонович содержал на своем иждивении старую мать и младшую сестру. Зарплату вузовским преподавателям еще не платили, взамен выдавались продукты, а их было, разумеется, недостаточно. Так что с поселением Каныша забот в семье Усовых прибавилось. Но что делать? Пришлось, как писал позднее в своих воспоминаниях академик АН Казахской ССР И.И. Бок, в то время тоже студент горного факультета Томского технологического института, «потуже затянуть ремни и с упоением грызть гранит науки...».

«По жесткому плану снабжения отпущено для томских вузов 700 студенческих пайков... — сообщалось в Томской губернской газете «Красное знамя» за 7 февраля 1922 года. — Удалось также благодаря любезному содействию Сибпродкомиссара тов. Калмановича доставить 420 пайков для рабочих и служащих, обслуживающих вузы, и 300 дополнительных пайков студентам-стипендиатам... И госстипендии на 60 процентов наличного числа студентов...»

А только лишь на горном факультете Томского технологического института в 1921–1922 учебном году обучались 589 студентов. Добавим сюда еще и университет, где раза в три было больше студентов. Кроме того, в городе функционировали Тимирязевский политехникум, педтехникум и медицинское училище. Словом, 700 пайков, выделенных для студентов, спасали лишь горсточку вечно голодных молодых людей, приехавших в Сибирские Афины. Госпособие учащимся тогда еще не платили, а спецпайки, о которых с гордостью сообщала газета, выделялись особо отличившимся студентам лишь с третьего курса...

Одним из таких бессребреников-первокурсников, жаждавших учиться во что бы ни стало, был и Каныш Сатпаев.

Горный факультет готовил инженеров по четырем специальностям: геология, горное дело, металлургия и маркшейдерия. В продолжение пяти лет студенты изучали все эти предметы, разумеется, с преобладанием какого-либо из них в соответствии с основной специализацией. Инженеров не хватало, и вузы выпускали специалистов широкого профиля. В дипломе окончившего Томский технологический значилось просто: горный инженер...

Факультет был открыт в 1901 году. Его организатором и основателем считался Владимир Афанасьевич Обручев. К тому времени он уже прославился основательными трудами по изучению природы и ресурсов Сибири, Средней Азии как неутомимый исследователь-путешественник. Владимир Афанасьевич составил такую программу, какой не было в то время ни в одном из подобных учебных заведений: до минимума оказались сокращены теоретические курсы, зато до предела увеличена доля практических дисциплин; и все они должны были подкрепляться работой студента в поле и на разрабатываемых месторождениях; существенно изменился и порядок изучения многих предметов. Например, в Петербургском горном институте, выпускником которого был сам Обручев, геологию проходили лишь на четвертом году, а в Томске этот курс начинался в первом же семестре. Едва ли не самым важным считал Обручев качество преподавания. Поэтому для ведения основных курсов Владимир Афанасьевич пригласил в Томск самых крупных специалистов. Благодаря его старанию и настоянию в Томском технологическом оказались такие известные инженеры — практики горного дела, как Янышевский, Лаврский, Казанский, Тове.

Сам Обручев был геологом, поэтому наиболее богато оснащенной на факультете оказалась кафедра геологии, по совместительству возглавлявшаяся Владимиром Афанасьевичем. Собственная

многолетняя практика, длительные путешествия в глубины Азии давали ему богатый материал для лекций. Он отказался от установившегося годами обыкновения изучать геологию как единый курс. Обручев делит ее на разделы «Общая и полевая геология», «Петрография», «Курс полезных ископаемых» и некоторые другие, каждый из которых по отдельности включает в учебную программу. Были организованы кабинеты петрографии, геологии. Создана специальная библиотека по геологическим наукам, в ней насчитывалось тогда более трех тысяч книг. Практическая работа будущих геологов обязательно проходила в полевых условиях, чаще всего в поисковых партиях. Таким образом, студент, решивший стать геологом, с первого года учебы начинал жить беспокойной, неустроенной жизнью разведчика недр.

Такая продуманная подготовка неизбежно должна была дать практические результаты. Так и случилось. В считанные годы в глубине Сибири выросла новая школа геологов, которая начала выявлять на востоке страны одно за другим крупные месторождения полезных ископаемых.

Тем не менее своенравный и принципиальный основатель горного факультета в условиях политической реакции не смог удержаться на своем посту. В 1912 году министр просвещения, известный консерватор Л.А. Кассо издает приказ об увольнении профессора В.А. Обручева со службы за неуместные политические высказывания. Через год на эту должность был назначен молодой магистр геологии М.А. Усов, который был выпускником Томского технологического института и считался одним из лучших и талантливых учеников Обручева. Это его, тогда еще студента Мишу Усова, профессор приглашал в качестве помощника в свои путешествия по Джунгарии. Разумеется, приват-доцент Усов не стал ломать установившиеся традиции горного факультета и кафедры геологии. Напротив, он еще больше увеличил количество часов практической работы студентов, следуя и в этом завету основателя школы сибирских геологов.

— Землю, как планету, изучают астрономы. Как физическим телом ею интересуются и физики. А у геологической науки задача иная... Она исследует земные толщи, глубинные пласты и процессы, совершающиеся в них. Это наука о строении Земли и ее вещественном составе, о законах развития, а также о размещении в ней полезных ископаемых и их происхождении... — начинает профессор Усов свою вступительную лекцию первокурсникам.

То и дело поправляя поднятый воротник полушубка, посиневший от холода, царящего в аудитории, Каныш записывает в тетрадь слова лектора. Воспользовавшись малейшей паузой, он начинает быстро и энергично тереть ладони одну о другую.

— Геолог должен хорошо разбираться во всех процессах, по сей день идущих в глубинах земли, и читать эти скрытые процессы, как открытую книгу. Иначе грош цена ему как специалисту! — говорил Михаил Антонович.

Больше всего Каныш любил лекции Усова. Их он записывал почти слово в слово, настолько ценным казалось ему все, что говорил учитель.

Из статьи К.И. Сатпаева и И.И. Бока «Деятельность М.А. Усова, его прогрессивные идеи и теории в геологии»:

«Как лектор М.А. Усов буквально покорял аудиторию. Его лекции, продолжавшиеся обычно с небольшими перерывами два или четыре часа, было легко записывать, они очень хорошо воспринимались слушателями. Все в них было прекрасно: и чудесный дар красноречия, и способность увлекательно и просто излагать сущность самых сложных научных истин, и неумолимая логика, и филигранная чеканность научных формулировок и выводов, и изумительная собранность мысли, и железная самодисциплина. Ни одного лишнего слова, ни одной потерянной минуты — таков был стиль его лекции. Так же строго и предельно экономно был запланирован и распорядок всей его жизни».

Студенты технологического заслушивались не только лекциями Усова. В ту пору в Томске работала целая плеяда замечательных ученых. Металлургию преподавал известный стране специалист В.Я. Мостович, курс физики читал страстно влюбленный в свой предмет В.Д. Кузнецов, ставший позднее академиком, прославившийся замечательными открытиями. Кафедрой физиологии в университете заведовал знаменитый А.А. Кулябко. Это он в своей клинике впервые в мире заставил биться сердце умершего. Ботанику вел профессор В.В. Сапожников, ставший знаменитым благодаря своим путешествиям по Южному Алтаю. «При существовавшем тогда свободном посещении лекций, — вспоминала Таисия Алексеевна КОШКИНА, — студенты-технологи считали для себя обязательным слушать в университете таких профессоров, как А.А. Кулябко и В.В. Сапожников, а медики приходили послушать изумительного лектора — профессора М.А. Усова».

Как видим, у молодого человека была возможность получить обширные познания по различным отраслям науки. А Каныш не уступал своим товарищам по части любознательности.

«Это был тихий, скромный студент, горевший желанием учиться, — скажет много лет спустя доктор геолого-минералогических наук, профессор В.А. ХАХЛОВ о своем любимом питомце. — С радостью вспоминаю, что он с интересом слушал и мои лекции. Одних лекций для него уже недостаточно, и у студента появляется тяга к научной и популярной литературе. Так случилось и с Канышем Имантаевичем, который всерьез увлекся чтением специальной литературы, отдавая этому занятию все вечера. Однажды я... ему порекомендовал почитать книгу Вальтера «Законы образования пустыни». Возвращая эту книгу, он отозвался о ней с восторгом и задал мне множество вопросов. Он говорил, что книга помогла ему понять происхождение рельефа некоторых хорошо известных ему территорий Казахстана».

Так в ежедневных занятиях проходили недели, месяцы. Первую свою экзаменационную сессию Каныш сдал успешно — не зря он засиживался в читальном зале института до глубокой ночи.

«С лабораториями, кабинетами и прочим... дело обстоит благополучно, — сказано в одном докладе М.А. УСОВА, уже работавшего проректором института. — С обеспечением учебно-вспомогательными принадлежностями плохо. Выписаны гетовальни, но где-то они задержались в пути. Чертежная бумага израсходована, а новой нет. В химические лаборатории студенты должны являться со своей посудой...»

Бытовые трудности, очевидно, и напряженные занятия все-таки даром не прошли: молодой человек заметно осунулся, пропал захвативший его всецело интерес к учебе. Временами Каныш задумывался об этом — его тревожила вероятность повторения болезни. В аудиториях постоянный холод, да и с питанием неважно. И то, чего он так опасался, вскоре произошло. В конце зимы Каныш слег. По просьбе Усова его осматривает профессор университета, специалист по грудным болезням Курлов. И ставит диагноз: снова открылась каверна в легких...

— Единственное спасение — чистый воздух, полноценное питание и кумыс. И чем скорее, тем лучше...

Снова, в который раз уже, стоит перед ним вопрос: что де-

лать? Неимоверно трудно решиться на отъезд, когда ты наконец-то достиг желаемого. Бросить все, признать свое поражение, отправиться восвояси...

Но и уехать в это предвесеннее время из Томска оказалось нелегко. Пассажирские поезда не ходили. Приходилось добираться на товарняках, причем по пути два раза делать пересадку — сначала на станции Тайга, затем в Новосибирске. Состояние Каныша не позволяло даже думать о таком путешествии на перекладных, поэтому он после долгих раздумий решил дожидаться лета и по возможности продолжать учебу.

Однако Михаил Антонович решительно запротестовал против этого. Он верил в выздоровление Каныша и сделал все, чтобы немедленно отправить его в Баянаул. Однокурсникам было поручено во что бы то ни стало разыскать прямой вагон до Семипалатинска. После недели поисков Омар Толыбаев, однокашник Сатпаева, явился в дом Усовых с известием: вагон есть. Михаилу Антоновичу удалось договориться с железнодорожным начальством об устройстве больного в пульмане, наполовину заполненном разного рода грузами. Студенты, переместив к краям вагона часть мешков, в центре его установили печь «буржуйку», а рядом с ней устроили ложе для больного товарища. Но, осмотрев эти приготовления, профессор не решился в таких условиях отправлять Каныша одного. И сказал решительно: «Найдите провожатого. Дорожные расходы беру на себя!..» Каныш был общим любимцем, поэтому желающих помочь ему оказалось много. Стали тянуть жребий. Ехать выпало Володе Домбровскому.

И вот в начале марта поезд, к которому был подцеплен товарный вагон с больным, отправился из Томска. Через неделю, испытав в пути немало трудностей, два товарища прибыли в Семипалатинск.

II

На этот раз Каныш безвыездно прожил в ауле довольно долго. Ради здоровья приходилось отречься от всего, что он любил с детства: от скачек и состязаний в ловкости в о время откочевок на джайляу, даже от страстно любимой охоты... Его помыслы полностью сосредоточились на лечении — он строго соблюдал режим, иногда через силу заставлял себя принимать снадобья, которые предлагал отец. Уже

к маю ему стало лучше. Болезнь начала отступать. Это придало сил Канышу, появилась надежда на возвращение в Томск.

Молодой человек понемногу, стараясь не перегружать ослабевший организм, начинает самостоятельно готовиться по всем институтским предметам. Благо товарищи, откликнувшиеся на его просьбу, прислали необходимые пособия. Ведь еще кое-что он захватил с собою, уезжая из Томска.

А вскоре у студента Сатпаева появилась возможность на месте проконсультироваться у крупных специалистов по всем трудным вопросам...

«Однажды Каныш-ага попросил меня с Нурланом отправиться в Баянаул с подводами и встретить гостей, приезжающих к нему из Томска, — рассказывает Тармызи ИМАНТАЕВ. — Мы ждали их целую неделю. И, наконец, в первых числах июля встретили Михаила Антоновича с Екатериной Филимоновной, а также еще двух его институтских коллег с женами...»

«Интересным, удивительным человеком был Усов. Аллах свидетель — не знал он усталости во время поездок по степи, — вспоминает Нурлан КАСЕНОВ лето 1922 года. — Все лазит по сопкам, да и товарищи его — забыл имена их — не отстают от профессора. Обычно выезжали до восхода солнца — их трое, Каныш и я в качестве сопровождающего. Женщины оставались в ауле, они проводили время за чтением книг, собирали цветы на лугах. А мы до наступления жары бродим в горах. Мне-то что — я верхом да их лошадей сторожу. А ученье мои с лопатами и молотками все время на своих двоих... Ни одной горы не осталось в окрестностях, которую они не обследовали бы в то лето».

Наконец настала пора уезжать. Каныш тоже стал собираться в путь. Здоровье его поправилось, на щеках появился румянец. Но отец думал иначе. Не однажды он видел эти обманчивые признаки выздоровления. Ему уже почти восемьдесят, и он не хочет на старости лет потерять сына. Имантай слышать не желает об отъезде. Не сумев уговорить Каныша, он со слезами на глазах обращается к Михаилу Антоновичу с просьбой подействовать на него. Усов без нажима убеждает Каныша остаться в родном ауле еще на год. Договорились, что это будет не просто период отдыха и лечения, а время напряженной самоподготовки. К осени Михаил Антонович подберет необходимую литературу и задания и вышлет все это в Семипалатинск. А оттуда уж получить их — задача самого студента... Если Каныш сумеет достаточно хорошо подго-

товиться, он выхлопочет у ректора института, профессора Н.В. Гутовского для него допуск к экзаменам за второй курс. А по практическим занятиям отчитается как-нибудь позже. Таким образом, он не отстанет от своего курса, нужно лишь основательно работать весь год и, главное, укрепить здоровье...

Советская держава, на ходу залечивая глубокие раны, нанесенные Первой мировой войной и последовавшими за нею бурными событиями, быстро и решительно восстанавливала свои производственные мощности. Новая экономическая политика, объявленная правительством, фактически стала тем рычагом, который позволял поднять из руин заводы, фабрики, рудники и приступить к электрификации страны.

Молодая Казахская республика, разумеется, не осталась в стороне от столбовой дороги прогресса. Народ потянулся к знаниям. В нескольких городах были открыты учительские институты, техникумы, а в аулах — начальные школы, краткосрочные курсы «Саужой». Казалось, что разбуженная от векового сна древняя казахская степь, попав на стремнину времени, теперь вовсю старается не отстать от всеобщего движения вперед. Происходившие в жизни глубокие и существенные перемены не могли пройти мимо и джигита, прикованного по независящим от него обстоятельствам к своему аулу. Он не мог оставаться простым наблюдателем.

Из рукописи **Каныша САТПАЕВА:**

«Предлагаемый вам учебник был начат в 1919 году. С тех пор различными причинам не раз приходилось приостанавливать работу, и закончить его удалось только в 1924 году. Много трудностей встретилось автору в части систематизации математических действий, а также при введении новых терминов...

Эта книга писалась не от безделья. Я писал ее в годы подготовки к вузу, затем в трудную студенческую пору, борясь с разными невзгодами жизни и быта. Поэтому мог допустить в своей работе много ошибок. Заранее благодарю всех, кто укажет на такого рода огрехи».

Рукопись названа «Учебник алгебры для казахских школ на родном языке». В ней 1642 страницы. Один экземпляр ее написан латинским шрифтом, притом позднее переписан

чужой рукой. Первоначальный же вариант рукописи написан по-арабски, в нем чуть больше сотни страниц. Оба варианта сохранились в личном архиве К.И. Сатпаева. Бесспорно, что это самый первый научный труд будущего академика, но почему-то до сих пор оставшийся вне поля зрения всех исследователей его научного наследия. Хотя, на наш взгляд, «Учебник алгебры» мог бы и в настоящее время использоваться в школах и колледжах...

Но почему все-таки только что окончивший семинарию двадцатилетний учитель взялся за эту огромную работу? На этот вопрос автор отвечает в предисловии: *«Рассмотрим теперь положение казахских школ: ни учебная программа их, ни уровень подготовки учителей не удовлетворительны; причин этому несколько. Нехватает учительских кадров, а самое главное, совершенно нет учебников... Эти недостатки нельзя изжить в один день или в один год. На это нужны годы, самое малое — десять, двадцать. Но значит ли это, что надо ждать того дня, когда люди науки подготовят нам соответствующие учебные пособия?..»*

Как только болезнь отступила, Каныш взялся за исполнение своего замысла — дать казахской школе столь необходимый учебник. Основой для него служил учебник, применявшийся в то время в русских школах. Однако рукопись Сатпаева — не дословный перевод алгебры А.П. Киселева. Он целиком переделывает задачи: упрощает их, вводит бытовые, хозяйственные детали из жизни кочевников. Интересна его система образования терминов. Рядом со своим он в скобках указывает русское значение. За немногими исключениями впоследствии все введенные им термины вошли в математический обиход. В конце рукописи автор дал словарь новых понятий, употребленных в учебнике; всего их — 220.

И еще одно достоинство этого рукописного учебника: в нем автор применил так называемый «международный язык математиков» — латинские буквы, а не арабские, которые в то время употребляли многие учителя. Одним лишь этим нововведением молодой Сатпаев предугадал правильное направление казахской математической мысли на много лет вперед. Однако его предложение тогда же было оставлено без внимания, лишь в сороковых годах национальная математическая наука стала повсеместно применять латинские буквы, как это принято в школах во всем мире. Поразительно, что еще с 1919 по 1924 год, в период зарождения

казахской научной мысли, в первой же своей самостоятельной исследовательской работе двадцатилетний Каныш Сатпаев, в то время еще не имевший высшего образования, показал глубокие знания и серьезный подход к задуманному делу. Разве не видны в этом задатки будущего большого ученого?..

К сожалению, по не известным нам причинам, первый труд К.И. Сатпаева не был издан, сохранился лишь в рукописи. И в архивах, и в воспоминаниях современников есть данные о том, что молодой автор сделал все, чтобы увидеть свою «Алгебру» изданной. Сохранилось письмо председателя Академического центра при Комиссариате просвещения КАССР М. Жолдыбаева, датированное 11 октября 1923 года, где сообщается, что *«студент Томского технологического института товарищ Сатпаев сдал свою законченную рукопись учебника алгебры для школы второй ступени»*. И научный совет отозвался о ней положительно: *«...сделана вполне на научном и с методологической точки зрения тоже приемлемом уровне. Все научные термины, введенные автором, одобрены. — В конце этого письма указывалось: — Товарищ Сатпаев должен в ближайшее время переписать свою рукопись с исправлением некоторых стилистических ошибок...»*

Из пометки, сделанной автором на последней странице рукописи, мы узнаем, что последнюю точку на многолетней работе он поставил 6 июня 1924 года. Притом это было сделано в Томске. Значит, он наряду с учебой в институте, без перерыва занимался учебником алгебры. В архиве ученого также сохранилась справка, выданная К.Сатпаеву 19 июня того же года Кирнаркомпросом, в ней говорится: *«Учебник алгебры на казахском языке одобрен, и принято постановление о немедленной сдаче его в типографию»*. Там же подчеркивалось, что *«Рукопись гражданина Сатпаева... написана простым, понятным языком. А расположение материалов и разделов алгебры полностью соответствует утвержденной программе трудовой школы второй ступени...»* Кстати, тогда же рукопись Сатпаева была отправлена в Ташкент, где была типография Туркиздата. Мы обнаружили и приказ Наркома просвещения от 3 августа 1926 года об издании *«Учебника алгебры Сатпаева тиражом 3 тысячи экземпляров»*. К сожалению, дальнейшая судьба книги окутана туманом. Что нам доподлинно известно, так это последняя запись автора, сделанная 6 марта 1928 года собственной рукой на 1642-й странице: *«Переписчику по-латыни! Все исправления, внесенные красными или черными чернилами в настоящую рукопись, сделаны мною, считаю их правильными. Потому прошу их внести в чистый текст...»* Как видим, попытки издания «Первого учебника алгебры на казахском языке», несмотря на прошедшие долгие четыре года со дня одобрения, были безуспешными.

Каныш провел в родном ауле зиму, ежедневно усиленно занимаясь по всем предметам учебной программы. Пришла, наконец, долгожданная весна. В начале мая 1923 года он отправляется в путь, сопровождаемый несколькими джигитами своего аула. *«Вернувшись через полтора года в Томск, он блестяще сдал задолженности по всем предметам за два курса, — напишет позднее в своих воспоминаниях Таисия Алексеевна. — Осмотревший его профессор М.Г. Курлов оценил этот случай в своей медицинской практике как какое-то чудо, когда организму удалось побороть столь жесткую и острую форму туберкулеза».*

Итак, в третий раз был побежден тяжелый недуг. Победен в ту пору, когда медицина еще не располагала эффективными средствами лечения. Еще удивительнее, что после этого случая Каныш Имантайулы больше не болел туберкулезом. Даже в самые тяжелые времена, когда он месяцами в жару и холод работал с разведочными партиями, его организм выдержал все испытания.

К моменту возвращения Сатпаева в Томск жизнь в городе стала постепенно налаживаться. Работала студенческая столовая, полегче стало и с жильем.

На этот раз Каныш снял квартиру неподалеку от Усовых на улице Белинского, в доме № 5. И сразу же всецело отдался занятиям. Месяца через полтора после приезда он успешно сдает все экзамены. Однако студент Сатпаев еще ни разу не был на практике, и на этот раз деканат горного факультета пошел ему навстречу, разрешив одновременно пройти практику за два курса — для этого необходимо было поработать остаток полевого сезона с опытным руководителем в одной из геологических партий.

— Я рекомендовал бы тебе Русакова, — сказал профессор Усов, когда Каныш пришел к нему за советом. — Во-первых, это бывалый геолог, во-вторых, он вот уже несколько лет подряд работает у вас в Казахстане. Следовательно, опыт пребывания в его партии в будущем придется тебе очень кстати. И еще: если не ошибаюсь, в этом году он расположился где-то близ Караганды в долинах рек Нура и Сарысу. Значит, ты сможешь по пути заехать к себе домой, успокоить своим цветущим видом почтенного Имантая Сатпаевича — он, небось, не спит, бедный...

Михаил Петрович Русаков попал в Томск после оконча-

ния Петербургского горного института. Он был направлен сюда для работы в Сибирском отделении Геологического комитета. Каждый год с ранней весны до глубокой осени он пропадал в поисковых партиях и неизменно выбирал маршруты на просторах Центрального Казахстана. Скоро Русаков стал среди геологов этого региона признанным авторитетом. Зимой он жил в Томске, занимаясь обработкой материалов, собранных за летний сезон. Часто Михаил Петрович приходил в технологический институт послушать замечательные лекции профессора Усова. Именно здесь он впервые встретил бывалого геолога, имя которого хорошо было известно студентам. Их познакомил его сокурсник М.И. Ваганов.

Из воспоминаний академика АН Казахской ССР М.П. РУСАКОВА:

«В 1923 году, в один из солнечных дней июля, к лагерю моей геологической партии в урочище Бес-Шоки подъехали два всадника на белых лошадях, и один из них спросил, здесь ли работает геолог Русаков. Оказывается, это Каныш Имантаевич... Из далекого Баянаула, за 400 километров от Бес-Шоки, пробыравшись два путника, напрямик, без дорог, через горы и долины, чтобы найти ту геологическую партию и геолога, которых рекомендовал молодому студенту его любимый учитель.

Месяц совместной работы по геологической съемке, по осмотру целого ряда медных и других месторождений быстро промчался. Здесь, в поле, в геологически интереснейшей части главного Кызылташского водораздела, в истоках рек Нура-Шерубай, Жамга, Сарысу, принадлежащих к трем разным бассейнам, молодой геолог с утра до ночи изучал горные породы и руды на месте их залегания, в коренных выходах и в древних чудских выработках. Здесь практически Каныш Имантаевич... познакомился со сложным и разнообразным комплексом изверженных осадочных и метаморфических пород, участвующих в геологическом строении Центрального Казахстана. Больше всего его интересовали руды, их минералогия, условия залегания: и в рудничных выработках Каныш Имантаевич засиживался дотемна...

Расстались мы в августе 1923 года с лучшими чувствами и интересом друг к другу, даже не догадываясь, что в будущем жизнь столкнет нас на совместной работе».

Осенью Каныш снова вернулся в аудитории технологического. Друзья окружили его с радостью, шумно делились летними впечатлениями. Работа во время каникул многих выручала — давала возможность подработать и дотянуть до следующего лета.

«Ежедневно, кроме праздничных дней, с 2-х часов до 5-ти тянутся в одиночку и группами студенты-госстипендиаты в столовку. Весело гуторят, толяясь: «Все дороги ведут в Рим...», у дверей двухэтажного здания на Черепичной, 24... Поднимаются по лестнице вверх. Небольшое помещение, ряд столов, скамеек, стульев, у дверей за перегородкой «хлеборезка». Порция ржаного хлеба на полочке, не много и не мало – фунт на брата, лопай на здоровье! – написано в заметке, помещенной в газете «Красное знамя», озаглавленной «Как живет красное студенчество», за 12 декабря 1923 года. – Не раздеваясь, не снимая шапок (вешалки нет, да и прохладно) торопливо едят «блюда» – первое суп или щи, второе – каша с «проблеском» масла... Столуется до 860 студентов, уплачивая за обед из 6 рублей госстипендии – половину. По 10–15 человек по очередному списку ежедневно дежурят: моют посуду, чистят картошку, режут хлеб и т.д. Зав. столовой каждый день сообщает норму довольствия на человека: мяса 40 зол., овощей полфунта, масла 3 зол.»

Сатпаева выручали многочисленные родственники. Да и отец, несмотря на отдаленность Томска, всегда старался переслать сыну деньги, продукты. Правда, иной раз с посылками, отправленными с родины, случались курьезы. Так, однажды Каныш с удивлением обнаружил в ящике вместо вяленого мяса одни опилки, что послужило поводом для шуточного письма: «У нас в Томске дров вдоволь, а продуктов по-прежнему маловато». Обеспокоенные родители, хоть это было и хлопотно, сами стали доставлять продукты. Сколько усилий стоило добраться из далекого Баянаула до Семипалатинска на подводах, затем с пересадками на поезде до Томска?!..

Однако это продолжалось недолго. В 1925 году Семипалатинский губисполком принял постановление об оказании материальной помощи студентам и выделил для этой цели значительные средства. В списке студентов, приложенном к этому решению, имя Сатпаева стоит пятым, размер стипендии – 420 рублей в год, по тем временам сумма немалая. Кроме того, Каныш закончил учебник алгебры, Наркомпрос КазАССР выдал автору солидный аванс.

Время шло. Молодой степняк давно свыкся со студенческим бытом. И с учебой у него все хорошо, так что, помимо изучения программных дисциплин, он может посвятить часть времени чтению новинок литературы. Едва ли не каждый день часок-другой он проводит в университетской библиотеке. Недаром она славится на всю Сибирь. В читательском формуляре Каныша одно за другим появляются назва-

ния трудов по этнографии, культуре и истории казахов. Он знакомится с произведениями европейских и русских классиков. Здесь же находит труды своего знаменитого земляка — Чокана Валиханова, с интересом читает записки исследователей Казахстана — П.С. Палласа, В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, И.И. Веселовского, Г.Н. Потанина.

Из воспоминаний А.Х. МАРГУЛАНА:

«В свободные от занятий часы Каныш посвящал себя одному лишь делу — обогащению своих знаний. Потому он засиживался в читальном зале Томского университета, с увлечением перечитывая материалы по истории казахов. ...О некоторых из них он пишет статьи для газет, а иные готовит для издания. По инициативе Каныша при Томском университете организуется научный кружок по изучению культуры восточных народов, в него записываются почти все студенты-инородцы, обучавшиеся в то время в Томске... Сам Каныш несколько раз делает доклады о песенном и литературном творчестве казахского народа. Наряду с этим кружковцы несколько раз организуют вечера, где исполняются песни народов Востока...»

Об одном из таких этнографических вечеров рассказано в заметке самого Каныша Сатпаева, опубликованной 28 мая 1926 года в губернской газете «Казах тили», вышедшей в Семипалатинске. В ней сообщалось, что *«10 апреля в Томске состоялся музыкальный вечер, посвященный песням, музыке, нравам и обычаям народов Сибири... Вечер состоял из трех отделений, в первых двух исполнялись песни и мелодии казахского, бурятского, якутского, ойратского, шор, хакасского, башкирского народов и других национальностей... Из казахских песен исполнялись: "Еки жирен", "Бир кун кошп дуние" (исполнитель Галимтай Сатпаев), "Кара торгай", "Еркем" (исполнитель Омар Толбайулы). Декламировал стихотворение Магжана (Жумабаева. — М.С.). "Приеду скоро" Газали Сатпаев... Перед тем как спеть ту или иную песню, мне пришлось объяснять их содержание на русском языке, а также и декламацию... В третьем отделении вечера показывались на сцене фрагменты казахского обычая встречи невесты "шашу", "беташар"... Так как в Томске впервые организовывался такой вечер, народу собралось много, впечатления остались самые наилучшие, было весело...»*

Газетная заметка выдает нам еще одну важную информацию: в Томске учились в те годы из аула хаджи и другие Сатпаевы; тут уже налицо явное влияние, скорее инициатива самого Каныша Имантайулы.

Это находит подтверждение в воспоминаниях Галимтая САТПАЕВА: *«Осенью 1923 года Агатай меня, девятилетнего мальчика, забрал с собой в Томск... На квартире Агатай кроме меня жил Омар Толбаев, его сокурсник. Меня сразу же отдали в девятилетнюю рус-*

скую школу. А я по-русски ни одного слова не знал. Но со мной усиленно занимались и дома, и в школе. Агатай с дядей Омаром перестали со мной объясняться по-казахски, заставляя отвечать только на русском языке. Было трудно и скучно, так как впервые расстался со своими любимыми собаками и жеребьями. Да и по бабушке и бабушке здорово скучал. Но они были далеки от меня, пришлось слушаться старших, короче говоря, через месяц я втянулся в учебу, стал быстро тараторить на русском языке.

Через год в Томск приехали и другие мои братья — Тармызи, Газали, Абдрахман. Последние двое учились в торговом техникуме. А Тармызи в учетно-кредитном...»

IV

Студенческие годы Каныша удачно совпали с тем периодом, когда геологическая служба страны приобретала невиданное ранее значение в народном хозяйстве. Для осуществления планов индустриализации Советское государство нуждалось в мощных сырьевых ресурсах. Ежегодно с наступлением весны во все концы Сибири из Томска отправлялись многочисленные партии поисковиков. Многими из них руководили ученые-педагоги технологического. А рабочими зачастую были студенты — будущие разведчики недр. Профессор же Усов являлся руководителем и главным научным консультантом всех геологических изысканий Сибирского отделения Геолкома. Без его участия не решался ни один спор в комитете, не утверждались маршруты научных экспедиций. К тому же он постоянно приглашался экспертом на многие рудники. Разумеется, Усов выезжал и по геологическим маршрутам, но обычно это были поездки для решения спорных вопросов, ревизии разведанных запасов работающих рудников, посещение уже выявленных месторождений... У Михаила Антоновича существовало правило: брать в такие поездки студентов: молодые люди участвовали в проверке спорных выводов, помогали профессору в расчетах, некоторым он даже позволял выступать со своим мнением в прениях. Он считал такую практику полезной для них.

Каныш несколько раз участвовал в подобных поездках. Практику по руднично-геологической службе он провел под руководством М.А. Усова в Анжеро-Судженских копиях Кузнецкого бассейна. *«Ему посчастливилось глубже познать богатство природы своего учителя, его железную самодисциплину, его наблюдательность в поле, исключительную способность*

в простой форме излагать глубокую сущность явлений природы», — свидетельствует профессор В.А. ХАХЛОВ.

Еще одно доброе начинание Михаила Антоновича принесло немалую пользу его ученикам. Зимой, когда все поисковики возвращались в Томск, Сибирское отделение Геолкома по инициативе своего руководителя проводило так называемые «воскресные собрания геологов». На этих встречах все разведчики без исключения делали сообщения о своих летних работах, делились мнениями и планами на будущее. То был своеобразный отчет специалистов с последующим открытым обсуждением. Профессор Усов не делил участников собраний на ранги, единственным условием для желающего выступить была научная ценность материала, с которым он хотел познакомить коллег. Вот почему нередко доклад доверялся кому-нибудь из студентов. Раза два такие поручения выпали и на долю Каныша Сатпаева.

С третьего курса практические занятия по основам общей геологии у студентов горного факультета проходили на берегу реки Томи, возле запущенного, полувытоптанного парка, который назывался Лагерным садом. С высокого берега открывалось на противоположной стороне безбрежное море темно-зеленой тайги, а разрез пород, обнажившийся на береговом обрыве, как будто самой природой был уготован для изучения геологии. Все на виду: слои осадочных образований, пласты пород, складки, нарушенные на отдельных участках вклиниваниями и разрывами.

В те годы в Томском технологическом институте работали замечательные ученые. Палеонтологию и историческую геологию вел доцент М.К. Коровин, впоследствии профессор и член-корреспондент АН СССР. Когда он читал теоретический курс, многим казалось, что эту сложную науку можно одолеть одной лишь зубрежкой. Но вот наступила пора практических занятий, и предмет стал неожиданно интересным, даже латинские названия древних окаменевших животных студенты стали усваивать без особого напряжения. Один из разделов геологической науки — петрографию с большим мастерством преподавал доцент, впоследствии также профессор, Н.Н. Горностаев. Он же во время практических занятий обучил своих студентов работать на «столике академика Е.С. Федорова». Увлекательными были лекции профессора кристаллографии и минералогии В.А. Лаврского, а полевую геологию читал большой специалист своего дела профессор Б.Л. Степанов. Все они были людьми высокообразованны-

ми, влюбленными в свою науку, умели прививать своим питомцам тягу к знаниям.

Именно в студенческие годы формировалось мировоззрение молодого Сатпаева. Впоследствии сам Каныш Имантайулы с большой теплотой говорил об этом времени: *«Годы студенчества, проведенные мною в Томске в постоянном общении с академиком М.А. Усовым, с его глубокими и свежими геологическими идеями, с его любовью к геологии и природе родной Сибири, с его обаятельными качествами как человека, так и ученого, оставили у меня глубокое впечатление и чувство бесконечной благодарности к этому поистине благородному человеку, достойному сыну великого русского народа».*

Летом 1924 года он второй раз выезжает на практику в родные края и участвует в геологических съемках, проводившихся под руководством доцента Н.Н. Горностаева вблизи Семипалатинска, в гористой местности Семейтау. Затем он работает в угольных коях Экибастуза под руководством самого Михаила Антоновича. Это было уже в 1925 году. И, наконец, наступила решающая пора. Он уж на пятом курсе. Позади тревожные годы — борьба с тяжелой болезнью, учеба, экспедиции, трудности быта. Одновременно это были радостные годы — время приобщения к истинной науке, обретения глубоких знаний...

Подошло время сдачи последних экзаменов, пора избрать тему дипломной работы...

— Каныш, дорогой, советую тебе взять для диплома тему за пределами Казахстана. Ведь в ваших краях пока нет ни одного основательно разведанного, полностью оснащенного технической документацией месторождения. А без этого трудно написать хорошую работу. Так что подумай, — сказал Михаил Антонович.

Через несколько дней Каныш снова пришел к учителю и объявил о своем выборе: Маинское месторождение в Минусинском округе.

— Решил я, Михаил Антонович, специализироваться по меди. Думаю, придется мне в будущем порыться у нас в степи в поисках этого добра. Может, повезет и найду что-нибудь дельное.

— Чую влияние Михаила Петровича! Столько лет Русаков ищет медь в Центральном Казахстане.

— А что вы думаете по поводу Маинска?

— Это стоящее месторождение. Поезжай, посмотри, что к чему. Побольше на ус мотай, пригодится.

Через пять месяцев Каныш возвратился в Томск, возмужавший, уверенный в своих силах. Вскоре был готов его дипломный проект на тему «Разведка меди в Маинском месторождении и геологическое исследование его».

14 мая 1926 года Сатпаев защитил свою работу перед Государственной комиссией. В дипломе, выданном ему, говорилось о присвоении квалификации горного инженера.

По этому поводу в Семипалатинской газете «Кызыл дала» вскоре появилось следующее сообщение: *«Среди казахов очень немногие на сегодня получили сколько-нибудь солидное образование, а инженеров почти не было... И вот наконец наша казахстанская промышленность впервые получила в лице товарища Каныша своего специалиста... Верим, что Каныш Сатпаев оправдает наше доверие и будет неустанно трудиться, отдаст все свои знания для процветания молодой, растущей индустрии Казахстана. Доброго пути молодому инженеру...»* Над статьей помещен портрет обаятельного молодого человека. Густые волосы лежат волнами. На Каныше темный костюм, белоснежная рубашка, затянутый в тугой узел галстук...

И еще одно важное событие произошло тем летом в его жизни. После долгих раздумий он решается связать свою жизнь с избранницей сердца — Таисией Алексеевной Кошкиной. Он знал ее еще по Семипалатинску, когда Тася работала в учительской семинарии лаборанткой. Потом они встретились в Томске, в аудиториях технологического. Учились вместе, даже специальность у них оказалась одна и та же. Долго Каныш не решался на этот шаг. И не без причины: в ауле отца его ждала милая Шарипа.

Из первого письма* **К.И. САТПАЕВА** к **Т.А. КОШКИНОЙ**:

«Дорогая Тася!

...Я верю, что в Вашем лице нахожу достойнейшего друга жизни и поэтому с полной радостью и удовлетворением смотрю на будущее... Я убежден, как раньше, так и теперь, что в основе действительно взаимной любви... должны лежать чувства взаимного уважения и симпатии, которые в свою очередь возникают на тождестве темпераментов, характеров, интеллектов и нравственных идеалов...

Еще при первом знакомстве я был удивлен простотой и непринужденностью Ваших манер, а удивление, говоря, есть мать познания.

* До 1944 года Таисия Алексеевна носила свою девичью фамилию. Эти письма и воспоминания были представлены мне дочерью К.И. Сатпаева — Меиз Канышкызы Сатпаевой. Все отрывки этих подлинных и весьма ценных эпистолярных материалов использованы с ее разрешения, за что выражаю искреннюю признательность и благодарность.

Удивившись, я решил познать Вас поближе. Познавая же Вас близко, я убедился, что объекты моего удивления действительно были врожденными в Вашей натуре... Понявший таким образом Вас как человека, я не мог не отдать должной оценки, что и выразилось в принятом мною решении. Я думаю, что выставленное мною единственное условие, которое, вероятно, помните, для Вас особенной трудности не представит.

Итак, Тася, жребий брошен, Рубикон перейден. Пусть это будет к счастью.

Целую. Ваш Каныш.

29 июня 1925 г., Семипалатинск».

Выпускники вузов в то время сами выбирали место работы. Каныш изъявил желание работать только в родном Казахстане, в этом и заключалось то «единственное условие», о котором он писал в своем письме Таисии Кошкиной. Романтически настроенная, впечатлительная от природы девушка не возражала против работы на просторах его родной степи.

Перед ними открывалась бесконечная дорога жизни. Они были счастливы. Они были готовы без остатка посвятить себя борьбе за воплощение своих идеалов, за процветание Родины.

БОЛЬШОЙ
ЖЕЗКАЗГАН

«Когда в недрах Улутау впервые пронесется гудок заводской сирены, то он, несомненно, найдет свой мощный отклик далеко во всех уголках Казахстана. Усилителем же этого эха будут:

- 1) историческая популярность Улутау;
- 2) его центральное местоположение;
- 3) любознательность казахского народа и
- 4) даже природная склонность к песнетворчеству, причем в новых песнях, несомненно, будут звучать уже не бывшие ноты тоски и отчаяния, а другие, более бодрые ноты, полные мощи и отваги. То будут песни нового, нарождающегося индустриального Казахстана».

К.И. САТПАЕВ,

«Народное хозяйство Казахстана», 1928, № 1

*Вся жизнь его — исканье и борьба.
Тепла улыбка, и упали кудри
На выпуклость сократовского лба.
Как в жизни, — ни усов и ни бородки.
Глаза похожи на миндаль слегка,
И ямки доброты на подбородке,
И чуть косые скулы степняка.
...Я мысленно всегда Сатпаевградом
Зову тебя, любимый Жезказган.*

Константин АЛТАЙСКИЙ,
1949 год

ПЕРВЫЕ ТРОПЫ

I

К.И. САТПАЕВ — Алтай, поселок Зырянск, **Т.А. КОШКИНОЙ**.
*«Жаным Тауса-тай!»**

*Это письмо я пишу, сидя в каюте парохода «8 февраля». После Вашего отъезда я в два дня закончил все свои дела и делишки в Семипалатинске, и, как видите, уже сижу на пароходе, с тем чтобы завтра в 4 часа утра умчаться вниз по Иртышу до Павлодара, а затем — в объятия безбрежной, родной, дорогой степи. Как хорошо все на свете: впереди — родина с ее кумысом, бешеными верховыми скачками, соколиной охотой и свежей, сочной бараниной. То-то будет отдых! Одно-го не будет хватать для завершения полного счастья: Вас, милая, славная, Саулем!**». Тауса-тай, зачем Вы не со мной?.. Но я утешаю себя тем, что нас отделяет всего-то два с половиной месяца, а потом, не на два часа, может быть, на всю жизнь я буду с Вами, и Вы — со мною и успеем мы и сможем мы найти свое счастье. Дело не за горами!*

Итак, до свидания, моя дорогая Жан-Саулем!

Ваш К И С . 18 июня 26 г. 11 часов ночи, каюта № 8».

«Саулем Тауса-тай!»

... Вот уже 8 дней, как я в ауле, в объятиях родной степи. Аул наш стоит в одном из самых глухих мест этой степи, на берегу озера Шыбынды-Коль... Кругом на сто верст — дикий простор, кочевья аулов и мелкосопочник... Пастушеская жизнь и простота нравов...

Озеро Шыбынды является одним из крупных внутренних бассейнов казахской степи, имеет площадь не менее 8×10 кв. верст и лежит на широкой равнине площадью в 20×30 кв. верст, заполненной внизу... глиной, и наверху — лёссовидными, почвенными наносами. Сопки, окаймляющие эту долину, представляют продольные грядки, вытяну-

* Милая — так в оригинале, каждый раз эти прямые обращения к ней будут написаны на казахском языке, притом латиницей, значит, можно предположить, что в Казахстане уже вводился этот алфавит.

** Солнышко мое.

тые в северо-западном направлении, характерном, вообще, для складок казахской степи, и сложены то типичными энтузивами девона в виде диагенетизированных порфиритов и туфов, то железистыми, глинистыми сланцами той же системы, переходящими в поверхностных частях в охры и бурые железняки... Схема событий, очевидно, такова: сильно складчатый, сложный палеозой; депрессия в третичную эпоху, заполненная осадками... мирея; пустынный режим в дальнейшем, приведший к отложению лёсса; и, наконец, озеро, как результат позднейшей дефляции. По словам стариков, лет 50 назад озеро имело незначительную площадь и представляло собой сплошную заросль камыша, приближаясь по типу к «озеро-болотам»... В данное время озеро опять начинает «уходить», а впадающие в него же речки — развивают новый цикл эрозии...»

Прервем на этом месте письмо Каныша Имантайулы. И приведем рассказ о событии, произошедшем в тот год на джайляу, записанном мною со слов двоюродного брата его — **Тармызи ИМАНТАЕВА**, летом 1966 года на родине ученого.

— Способность Каныша-ага распознавать глубинные тайны земли проявилась очень рано. Примером тому — история, которая случилась в нашем ауле, на джайляу, — рассказывал аксакал. — Раньше наш аул редко останавливался на берегах Шыбынды-Коля, потому что вода в окрестностях озера была такой горькой, будто бы в нее специально добавляли соли. Ее не пили ни люди, ни скот. Имантай-ата в то лето почему-то дольше обычного задержался со всем аулом на берегах этого озера. В один из дней он собрал мужчин и велел им выкопать поблизости от аула колодец, надеясь, что вода там окажется пригодной для питья. Проснувшись в то утро позже обычного, Каныш, выйдя из своей юрты-отау, направился к группе мужчин, которые с самого восхода солнца без усталости долбили каменистую землю. Он зачерпнул в ладони поднятую со дна ямы серую глину, попробовал ее на вкус и, покачав головой, заметил: «В этом месте пресной воды не будет. Хоть сотню колодцев выройте, все труды пойдут насмарку». Один из мужчин постарше его возрастом, которого задела за живое слова Каныша, возможно, и усталость его сказала, возразил с вызовом и обидой: «Если твои познания чересчур выпирают, то попробуй разыскать нам место, где есть пресная вода. А мы уж тут как-нибудь без тебя справимся». Но в конце концов слова Канеке оказались верными, вода в выкопанном колодце оказалась непригодной для питья, мы вынуждены были в тот день снова везти на верблюдах пресную воду издалека.

— На следующее утро, разбудив пораньше меня, а также теперь уже аксакалов Мукуша и Нурлана, а тогда еще крепких джигитов, Каныш-ага привел нас к подножию горы Сункаркия, разыскал старое русло высохшей уже речки, когда-то впадавшей в озеро, и указал: «Копать надо здесь, думаю, вода находится неглубоко». У нас руки ныли от мозолей, натертых от бесполезной вчерашней работы, мы пытались возражать, но он продолжал настойчиво уговаривать нас... В общем, вода в выкопанном нами колодце оказалась прозрачной и необыкновенно вкусной. Наш аул, тотчас переехав на новое место, ближе к колодцу, беззаботно жил на берегах озера Шыбынды, богатых густым травостоем, еще две-три недели. С тех пор мы стали называть это место «Каныш-кудык»*, — закончил свой рассказ Тармызи.

Об этом же идет речь в письме Каныша Имантайулы к своей возлюбленной:

«...На западном берегу озера, на обрывах, я заметил выходы палеозойских пород и посоветовал землякам тут рыть колодец. Вырыли и нашли пресную воду. Теперь, в связи с этим, марка моя, как «знатока земли», видимо, повышается в глазах окружающих людей. В общем, наша казахская степь, по-видимому, представляет собой весьма интересный объект для геологических исследований. Лишь бы иметь желание и доступ на поиск?!..

Соколиная охота, езда по аулам, традиционные визиты по родственникам и кумысопитие пока что отнимают очень много времени. Из намеченных на лето работ... не начата ни одна. Словом, еще раз подтверждается, что казахская жизнь кочевника — больше подходит для отдыха, но не для работ. Все же намерен выделить часть времени для своих занятий в дальнейшем.

Спокойная, беззаботная жизнь заметно восстанавливает организм. За эту первую неделю поправился весьма заметно... Думаю, что довольно на один раз. Пока крепко жму Вашу руку и крепко целую...

Ваш К... Шыбынды-Коль. 3 июля 1926 г.»

Он чрезмерно доволен тем, что несмотря на, казалось, почти непреодолимые преграды, ему удалось-таки закончить высшее учебное заведение. Впереди — поиски подземных сокровищ. Пока он не знает, где, в каком месте их найдет. Но уверен, найдет!

А вот как отнесутся родичи к его новой любви?.. Попав в знакомую с детства родную обстановку, он уже не смог признать близким, что натворил там, в городе, поддавшись ро-

* Колодец Каныша.

мантическому чувству, оказавшемуся сильнее его. С Шарипой, соединенной с ним по мусульманским законам шарията, он живет в ладу и согласии вот уже шестой год. Фактически никаких претензий к ней нет: она оказалась настоящей верной хранительницей семейного очага, хотя он сам все время со дня женитьбы никогда не жил дома даже и полного месяца. Она родила дочку — милую Ханисушку, ей уже пять лет, а вот нынче жена родила и сына — Малыбая, который ясной, детской улыбкой одаривает всех домашних... И теперь как сказать ей, что он сердцем тянется к другой? Что же делать с собственными детьми? Самое скверное в этой непростой ситуации то, что он никак не мог заявить родителям о своем серьезном намерении. Они его не поняли бы. В степи, в аулах, далеко находившихся от городов, вовсе не допускали и мысли об этом. Ведь в то время казахи редко женились на русских женщинах. И в среде образованной интеллигенции эти случаи резко осуждались. А если такое все же происходило, невестке давали новое имя, казахское, обращая таким образом ее в мусульманку, а потом уж проводили свадебный обряд в мечети. Теперь, когда советская власть объявила равноправие всех народов, входящих в Союз республик, в том числе и раскрепощение женщин, требовать исполнения такого обряда было равносильно самоуничтожению. Да и гордая Таисия не согласилась бы на это, тем более здесь, по признанию самого Каныша Имантайулы, была «полная гармония чувств».

Что делать? Как поступить дальше? Эти вопросы очень волновали Каныша. Однако пока он не находил выхода из тупика. В письмах тех дней явно чувствуется, что он тщательно скрывает свои отношения с Таисией Кошкиной от своих близких, да и перед возлюбленной не раскрывает всю, как есть, обстановку в родном ауле. Так и не решив проблему, он оставляет этот трудный для себя вопрос на будущее, мысленно откладывая на потом, в надежде, что «дальнейшая жизнь расставит все по своим местам...»

К.И. САТПАЕВ — Т.А. КОШКИНОЙ

«Саулем Тауса-тай!

Я знаю, что Вы уже давно вынесли мне обвинение за молчание, ведь последнее мое письмо было от 8 июля. Но я надеюсь, что Вы не осудите окончательно, не выслушав меня... Здесь хромает даже и волостная почта, которая влачит жалкое существование, оживая не больше одного раза в месяц. И вот я второй раз пользуюсь ее оживлением: взамен одного, получил от Вас два письма... Одно лишь могу сообщить, что я сильно, до острой боли, чувствую тоску по Вас...

Кстати, соколиная охота нынче была очень удачной: за один месяц — свыше 100 гусей, не говоря... о прочей дичи. Самочувствие мое сейчас таково, что в данный момент чувствую себя хорошо... За лето, кажется, отдохнул на славу... В Семипалатинск, наверное, выеду числа 25 августа, с тем чтобы 1—5 сентября приехать туда. Нового больше ничего не могу сообщить: связи нет с внешним миром, а внутренний мир, если описать, смахивал бы на излишний романтизм. Итак, до скорого свидания...

Ваш К... 8 августа 1926 г. урочище Жаман-Кылышылы».

Как оказалось, у молодого инженера это был последний благодатный летний отдых, притом затянувшийся на два месяца, когда он, как настоящий сын степи, жил вольготно и праздно, по своему распорядку дня, занимаясь лишь охотой. Эта созерцательная и беззаботная жизнь пролетела, как мгновение, к сожалению, не только для него одного, но и для всего аула и всех кочующих степняков.

Запомним, это было летом 1926 года.

II

Только какой-то месяц в году Улутауская степь может очаровать путника — весной вся она покрывается нежным малахитовым ковром, причудливо вытканным яркими соцветиями. Там и сям темнеют густые кусты кокпека. Блестки шайыра и баялыша то и дело проглядывают в зарослях полыни, и ярче всех горят под жарким степным солнцем разлетевшиеся повсюду брызги алого мака.

Собрав влагу тысяч ручейков, выходят из русла речки, разливаясь все шире. Но как же короток этот праздник! Не успеют отцвести, войти в полный рост буйные травы, как снова степь укрывает бурый, безотрадный для глаз полог. Горячие ветры из Голодной степи и Каракумов иссушают растительность. Степь замирает, так и не покрасовавшись вволю.

Особенно тяжело здесь летом. Голая равнина начисто выжжена. Кажущееся бездонным небо пугает своей прозрачностью и отрешенностью. Как благодати жаждет путник хоть слабого дуновения ветра. Но вот он налетел, пахнув зноем, раскаленным дыханием горячей пустыни, и все живое прячется и замирает. Где речки, через которые весной было не найти брода? Вода темнеет лишь в глубоких лощинах да кое-где по пересохшим руслам. Только там и сохраняется зеленый наряд. Но такие места встретишь очень редко. За долгие месяцы зноя степь успевает так выгореть, что осенью она кажется не только суровой, но и безжизненной...

Таким увидел место своей будущей работы и Сатпаев.

В середине сентября приехал в Кызылорду – тогдашнюю столицу республики. Ему была предложена ответственная должность в аппарате правительства, он должен был курировать промышленные предприятия. Однако молодой специалист решительно отказался, сославшись на то, что ему вначале надо освоить свою профессию. Даже пришлось, к удивлению правительственных чиновников, проявить настойчивость. И тогда Центральный совет народного хозяйства (КазЦСНХ) направил молодого инженера в распоряжение Атбасарского треста цветных металлов, правление которого находилось в Москве.

Атбасарский трест цветных металлов организовался 10 июня 1925 года по специальному постановлению Совета Труда и Оборона СССР. К нему относились два комбината: Спасский, в который входили Карагандинский угольный бассейн, Успенский медный рудник, Спасский медеплавильный завод и Карсакпайский комбинат, который состоял из строящегося медеплавильного завода, Байконурских угольных шахт, медных рудников Жезказгана и свинцового месторождения Кургасын. По сегодняшнему административному делению, это громадная территория примерно в восемьсот километров в окружности.

Руководство треста сразу же назначило Сатпаева начальником геологического отдела. Таким образом, ему была доверена вся разведывательная служба на огромной территории. Мало того, он стал кандидатом в члены правления (через год его избрали членом правления треста). Так неожиданно-негаданно вчерашний студент сделался главным специалистом большого многоотраслевого хозяйства, охватывающего территорию, равную небольшому государству. Почетная, но и трудная миссия, особенно для молодого человека двадцати семи лет, не имеющего и опыта работы по специальности.

«Квартирный вопрос в Москве – сплошной кошмар. Люди годами живут в ожидании хотя бы комнаты. Я по приезде в Москву главным условием и поставил перед Главметаллом ВСНХ вопрос о квартире, – пишет Таисии Алексеевне Каныш Имантайулы в одном из писем в Томск. – До сего времени я жил в здании нашего Постпредства, так что не было никакой возможности определенно ответить телеграммой о Вашем приезде. Сегодня к тому же я выезжаю в составе целой комиссии на осмотр наших предприятий на местах. Поездки эти продлятся, вероятно, до 15 января 1927 года...»

Цель поездки: осмотр подведомственных тресту предприятий. А Таисии назначена встреча в Кызылорде, в промежуток с первого по пятнадцатое января...

О тогдашних связях Жезказгана с внешним миром рассказывают документы Атбасарского треста, хранящиеся в Центральном архиве бывшего ВСНХ СССР: «...Дороги вовсе отсутствуют. Надежная связь — верблюды, но они в руках местного туземного населения, которое не всегда доброжелательно. По нашим расчетам, на руках у киргизов имеется около тысячи бичек и полутора тысяч верблюдов. Если сумеем привлечь половину их в наше дело, то можно считать проблему с транспортом уже решенной. К сожалению, такой уверенности у нас пока нет. Местное население пока считает выгодным заниматься охотой за сусликами. Ведь это ремесло особо поощряется заготовителями».

Из Москвы он выехал поездом. Через несколько дней пересел в другой, курсировавший по дороге Оренбург — Ташкент, и сошел с него на станции Жосалы, ближайшей к Карсакпайскому заводу. Руководство Атбасарского треста выбрало Жосалы как перевалочную базу. Все грузы, прибывавшие для завода, разгружались здесь и доставлялись верблюдами и лошадьми на расстояние 430 километров.

К моменту приезда Сатпаева на станции царило необычное оживление: вдоль построенной недавно километровой ветки с разгрузочной площадкой высились горы все прибывающих грузов — оборудование, лес, строительные материалы... На склонах низких холмов в ожидании поклажи стояли караваны верблюдов. Сотни рабочих сортировали эти груды добра. Всякого рода посулами агенты треста вербовали людей, составляя договоры по найму, отправляли специалистов в Жосалы.

Правление треста старалось до конца использовать погожее время и перебросить как можно больше материалов. На пути от Жосалы к заводу появились 18 пикетов для верблюжьих караванов. На каждом из них имелся достаточный запас воды и фуража. И вдоль всей дороги, прорезающей пустыню, были вырыты глубокие колодцы.

Главный геолог треста не стал выбирать транспорт — с детства привыкший к спине двугорбого, он с удовольствием пустился в путь с верблюжьим караваном.

«Хорошо помню Каныша Сатпаева — молодого, застенчивого, обаятельного, — рассказывал позднее бывший погонщик Шенеу ДАЛАБАЕВ. — Помню потому, что был он первым инженером-казахом, которого я увидел в наших краях... Подходит он ко мне и вежли-

во, будто стесняясь, просится попутчиком. Я, конечно, заинтересовался его внешностью — инженера сразу видно по одежде и манере речи. Спрашиваю: “Что несет тебя в наши края?” Он отвечает: “Еду работать”. — “Надолго ли, месяца на два?” — «Нет, насовсем, отагасы. Возьмете попутчиком?” — “Возьму, конечно, если не убежишь с полдороги. Знаю вас, спецов... Немало я перевидел их. Приедут, поживут, а потом словно ветром сдуло”».*

Караванная дорога до Карсакпая представляла собой скучное зрелище: бесконечная голая степь с однообразными приземистыми сопками. А людей увидишь, если посчастливится встретить на пути караван. От жилья до жилья долгий дневной переход. Пикеты — низенькие саманные домишки, тесные и темные. Вода в колодцах солоноватая, еды в дороге не найдешь даже за плату — если не запасаешься сам, будешь голодным до самого завода. Изредка на отрогах холмов видны стада похожих на овец степных антилоп — сайгаков. Они хозяева этих мест, но настолько пугливы, что взируют на гостей только издали.

Обычно караван до Карсакпая шел семь дней. Канышу повезло — он ехал с лучшим караванщиком. Шенеу сделал все, чтобы показать молодому инженеру свою расторопность, и постарался поскорей доставить своего спутника.

И вот, наконец, вечером шестого дня они увидели на самой вершине сопки высокую трубу Карсакпайского завода.

III

В тот знаменательный год Карсакпай походил на аул, только что откочевавший на новое место. Но в ауле, может быть, чуть более десятка юрт, а здесь их стояли сотни. Будто бы целая волость разом перебралась сюда, в узкую долину речки Кумола. Юрты без особого порядка рассыпались сплошь от старой зимовки бая Карсакпая до подножия сопки Балбыраун, возвышавшейся напротив площадки строящегося завода. Люди селились и по обе стороны Жосалинского тракта. Здесь жили в основном караванщики, они размещались в легких летних косах-палатках. На берегу Кумолы негде было яблоку упасть. Там строили себе жилье рабочие, приехавшие в Карсакпай с семьями. Чем ближе вода, тем удобней держать мелкий скот...

* Дословно: хозяин очага, почтительное обращение к старшему.

Каныш приехал в Карсакапай в год начала работ. По масштабам того времени это была грандиозная стройка, самая крупная в казахской степи. И этот первый медеплавильный завод, который сооружала Советская страна, был первым в жизни инженера Сатпаева. Увиденное поразило молодого геолога: тысячи лопат и тачек. Такое скопление рабочих он видел впервые.

Строительство в Карсакапае в основном велось в двух местах: на площадке завода и вдоль железнодорожной линии. К пуску предприятия должно было завершиться и строительство узкоколейного пути между Байконуром и Жезказганом, протяженностью в несколько десятков километров. В Байконуре имелся уголь, пригодный для плавки меди. Перед уходом англичане затопили построенные шахты. Теперь их надо было возродить к жизни. Жезказган поставлял основное сырье — медную руду. Строить узкоколейную ветку — не значило просто отсыпать насыпь, положить шпалы и рельсы, надо было еще соорудить станции, разъезды, разгрузочные площадки, подъездные пути. Кроме того, в Жезказгане запланировали построить обогатительную фабрику.

Обо всем этом подробно рассказывал Сатпаеву директор комбината Иван Васильевич Деев. Увиденное перевернуло представления молодого специалиста о масштабах стройки. Еще больше удивил его директор комбината — столько энергии и энтузиазма у этого бывалого человека! Работы непочтатый край, нужно успеть на десятки объектов. Условия жизни невыносимые. Ящик гвоздей и тот везут за четыреста километров. А Деев не унывает. Может быть, он не понимает, за что взялся, не осознает масштабов задуманного? В Москве Канышу говорили, что завод строит не инженер-специалист, а фельдшер, что на его кандидатуре настояли казахстанские товарищи.

Деев — старый большевик, участвовал еще в первой революции, сражался на Красной Пресне. А в 1913 году после долголетнего заточения был сослан сюда, на угольные копи Байконура. Работая фельдшером среди шахтеров, Иван Васильевич и здесь организовал партийную ячейку. Для углекопов он становится своим. Рабочие-казахи называли его «справедливым орусом». Потому избрали Ивана Васильевича в состав Карсакапайского ревкома, созданного в 1918 году. Деев хорошо освоил обычаи и традиции местного населения, знал казахский язык. Именно это обстоятельство сыграло главную роль, когда решался вопрос, кому быть директором комбината.

Иван Васильевич оправдал доверие. Он хорошо знал коренных жителей этих мест и умел с ними по-товарищески ладить.

До начала строительства правление треста опасалось, что труднее всего будет организовать транспорт. Но Деев быстро сумел доказать обратное. По первому зову директора степняки пришли на помощь.

Страна нуждалась в меди. Калагинский и Кыштымский заводы на Урале, Баймакские, Карабашские медеплавильные, а также небольшие Аллавердинское и Зангезурское производства на Кавказе были созданы еще до революции. Они давали только половину того количества меди, в котором нуждалось народное хозяйство. Недостающий металл закупали за границей за золото. И Советское правительство решило строить новые заводы.

Первенцем советской цветной металлургии стал Карсакпай. Размах стройки впечатлял. Каныш целыми днями ходил по площадке завода. На глазах вырастали строительные леса — возводились новые цехи, в уже действующих устанавливались механизмы. Поднялась ввысь заводская труба, увенчанная Карсакпайскую сопку. И вид плотины, запрудившей речку Кумола, вызвал приятное волнение.

Шутка ли такую махину развернуть в пустынной, безлюдной глуши! И все это происходит не во сне, а наяву. Канышу вспомнились мечты юных лет, когда его будоражили мысли о больших городах в степи, о паровозе, который своим мощным гудком разбудит долго дремавшую казахскую землю от векового сна. Все это теперь стало реальностью. Вот перед ним новый соцгородок, похожая на муравейник площадка строящегося завода! Он был счастлив, что попал на работу именно сюда.

После первых деловых встреч и знакомств Сатпаев решил осмотреть свои владения. Прежде всего он отправился в Байконур и Жезказган. Следующим пунктом был рудник Кургасын, где добывалось свинцовое сырье; там же примитивным способом из руды выплавлялся металл. В Кургасын приходилось добираться по бездорожью целых двести километров. Но и это считалось сравнительно недалеко. Успенское, Спасское и Карагандинское медные и угольные месторождения располагались еще дальше, до них было верст семьсот, а ведь они тоже находились в ведении Сатпаева, так как принадлежали Атбасарскому тресту цветных металлов. Сегодняшнему геологу преодолеть это расстояние ничего не стоит. На автомобиле — за световой день, а вертолетом и того быстрее. Канышу предстояло добираться до каждого из рудников верхом.

Из воспоминаний проводника Кузеубая ЖИДЕБАЕВА:

«Наш аул уже откочевал к месту осенней стоянки, неподалеку от зимовки в урочище Сымтас. Я был у колодца, когда увидел, что приближается группа всадников. Поглядев на этих гостей, почему-то сразу подумал о землемерах, которые часто брали меня с собой в качестве проводника. Вдруг слышу: «Ассалаумагалейкум! Вы, кажется, Кузеке?» Кто мог подумать, что землемер так хорошо знает наш язык. С удивлением отвечаю на приветствие, разглядываю их лица. Ба, кого вижу! Вон тот в форменной фуражке инженера, худощавый, рослый с приветливым выражением глаз и добрым лицом — это же наш джигит!

— Добрый путь, дорогой! Не обижайся, что не узнал.

— Мы — разведчики руд, — отвечает джигит. — Спутники мои — гости издалека. Сам я из Москвы. Зовут меня Каныш...

— Рад тебя слышать, Каныш-шырак, если уж наш джигит стал землемером, — говорю я (по тогдашним моим понятиям, все инженеры, обшаривающие землю, были только землемерами), — буду считать, что нынешняя власть возвысила нас, казахов! Доброй службы тебе, сын степи!

— Кузеке, мы держим путь на берег реки Сарысу. Приглашаем вас в проводники, если, конечно, сможете в такую пору...

Он знал, о чем говорил: как раз было время готовить жилье к зиме. Но у меня на этот счет были свои соображения. «С англичанами ездил, с русскими тоже приходилось путешествовать. Почему я должен отказать своему казаху?» — подумал я. И ответил:

— Приглашай, Каныш-шырак, своих спутников в дом. Сначала кумыс поьем.

В той поездке мы побывали во многих местах: Тобылгылы, Жаманайбат, Микайнар, Шалкия, Атасу... А потом подались в Манаку, Кызылтас и до самого Кызылжара. Каныш был замечательным наездником. Спутники его не выдержали долгой езды, через несколько дней вернулись в Жезказган. А мы вдвоем поехали дальше.

Когда люди остаются вдвоем в безлюдной степи, при этом целыми днями и ночами вместе, разве могут у них быть тайны друг от друга? Я рассказывал ему старые истории о событиях далеких лет, когда-то происходивших в здешних местах, а он о нашей, кормилице, о ее богатых кладовых, которые еще предстоит открывать... Пересказываю старые легенды, меткие слова биев, героические дастаны древних акынов, а он мне — о новом времени, о том, что будет через десяток лет в этих краях...

— «Геолог-разведчик, как сказочный Саккулак*, который обладает даром предвидения, умением слышать за десятки верст едущего к нему врага или друга, — говорил он, объясняя мне свои поиски. — По едва заметным признакам мы должны найти подземные клады, глубоко спрятанные в недрах земли...»

Каныш искал эти клады как-то по-своему: приехав в безлюдные горы, он влезал на скалу, изучал трещины в камнях и сидел там целы-

* Дословно: чуткие уши.

ми днями; встретится на нашем пути речка — он идет по берегу, прослеживая изломы земли... Однажды я его задел своими ехидными словами: «Почему бродишь по таким дальним местам, когда ценной руды навалом в Жезказгане? Лучше бы копался там, авось нашел бы еще...» Каныш повернулся ко мне и ответил стихами своего знаменитого родича Бухар-жырау: «Камень дивной красоты разве не покоится на дне речки? Разве слово бессмертное ни бродит в мыслях гения? Тот камень отыщется тогда, когда воду взболтают волны. А слово, запрятанное в дебрях мысли, произносится лишь, когда гения подтолкнет к нему случай...» И я понял его намек: не зря мы целый месяц бродим в степи...»

В ту первую поездку по Улутаускому району он побывал у горы Найзатас, что возвышается вблизи Карсакпая, обследовал берега рек Жезды и Кенгира. Особенно много времени проводит он у жезказганских сопок Таскудук и Милыкудук. Это были новые участки разведки. Каныш спускается в шахты, где проводились восстановительные работы. А глубокой осенью геолог едет в далекий Успенск, на Спасский завод, где когда-то купцы Ушаков и Рязанов ставили первые медеплавильные печи. В Карагандинских копиях он знакомится с профессором А.А. Гапеевым — исследователем угольного бассейна. Караганда тогда была еще не известна миру. Вокруг старых шахт стояли десятки полуразвалившихся шахтерских лачуг. Здесь жили разведчики и горняки.

Во многих поездках по окрестностям Карсакпая Сатпаева сопровождали геологи из Ленинграда, специалисты Геолкома, которые по договору с Атбасарским трестом уже два года занимались изысканиями в Улутауском районе. Их руководителем был Иван Степанович Яговкин, открывший несколько месторождений в недрах Сарыарки. Его считали знатоком Центрального Казахстана. Главный геолог треста встретился с Иваном Степановичем в Жезказгане. Маститый спец с улыбкой приветствовал своего коллегу.

— Прекрасно, прекрасно! Добро пожаловать, молодой человек! — говорил он, радушно пожимая руку Канышу. — Казахская степь давно ждет таких исследователей, которые с рождения знают ее вдоль и поперек, любят ее суровую природу. Какой толк от нас, приезжих: словно перелетные птицы, весной съезжаемся, а осенью — на теплые квартиры... — И, раскатисто рассмеявшись, Иван Степанович продолжал уже серьезно. — Десять лет копались здесь англичане, но нашли немного. Пробурили 235 скважин. Наверное, не очень-то верили в землю — глубоко не забирались. А мы за те два года, что торчим здесь, кое-где прорыли разведочные кана-

вы. Руда есть, но вряд ли месторождение стоит серьезного внимания. Хватит на десяток лет для этого заводиска — и все.

— Вы говорите, вероятно, о богатых рудах. А если еще пустить обогатительную фабрику? — несмело возразил Сатпаев.

— Вы, Каныш Имантаевич, специалист молодой, — без церемоний сказал Яговкин. — Скажу вам откровенно: если найти в этой глуши не медь, а золото, его и то дорого будет взять. Сами посудите: до ближайшей станции железной дороги четыреста тридцать верст, воды нет, кругом бескрайняя безжизненная степь, население малочисленное и к тому же полностью неграмотное. Ладно, наладили мы производство. Кто здесь будет работать? Казахи?.. Техника — не отара овец, которую можно криком повернуть куда надо. Делать ставку на рабочих из центральных городов, которые будут трудиться здесь по найму? Нет, они продержатся в Карсакпае от силы несколько месяцев. Когда по-настоящему узнают здешние условия, заводские порядки, сразу сбегут. Да и как их обвинять? Лето знойное — воробей не вынесет, не то что человек. Зимой бураны бушуют месяцами и холода такие, что носа из дому не высунешь. Овощей днем с огнем не найдешь, питьевую воду везем за несколько верст. Но даже если решили мы проблему рабочих рук — как организовать водоснабжение завода и рудников? Для плавки меди нужно много топлива. Где его взять? Может быть, назовете карагандинские угли как надежную топливную базу? Но до них семьсот километров...

— А Байконур?

— Его запасов, дорогой мой, хватит лишь на десяток лет. А потом, это одно название — уголь... Там больше золы, чем горючих веществ. Нет, Каныш Имантаевич! Англичане не дураки, они лучше нас умеют из копейки делать стерлинги. Сами увидите, здесь навалом всякой документации — их разведывательные данные. На глубокое бурение англичане не отважились. Видно, неспроста. Не верили они, будто можно что-то найти поглубже. Поэтому и не стали напрасно тратить деньги. Они все хорошо изучили и строили завод с расчетом на двенадцать лет. Слышите, только на двенадцать!..

— Тогда зачем же столько шума вокруг Карсакпая: разбудим степь от векового сна!

— Молоды вы еще, — усмехнулся Яговкин. — Строим завод потому, что он уже наполовину готов. По расчетам товарища Дыбеца, управляющего вашим трестом, выгоднее было достроить его, чем вывозить отсюда оборудование. А почему

стали вдруг строить с расширением, с перспективой роста? Этого я не знаю. Спросите об этом у руководства. Я был против с самого начала. Да разве это завод? Для связи с рудниками узкоколейка — память девятнадцатого века. Самый надежный транспорт — верблюды, для водоснабжения завода — задержание паводковых вод. Нет, дорогой. Большое дело так не начинают. Большое дело с перспективой на будущее не так ведут...

Через несколько дней геологи отправились в Жосалы. Яговкин еще раз побывал с Сатпаевым на всех точках, где работали специалисты Геолкома, сдал ему все дела.

— Вы намного моложе меня, да и как специалист тоже молоды. Не обессудьте, Каныш Имантаевич, если дам вам пару советов на правах старшего, — проговорил он при прощании.

— Пожалуйста, Иван Степанович. Я буду только благодарен.

— У вашего народа есть пословица: крылья птицы крепнут в полете. Умно сказано. Вот и вам даю совет: скорее взлетайте, дорогой, обретайте крылья. Чем выше подниметесь, тем лучше! Поэтому говорю вам: не засиживайтесь в Жезказгане. Годика два поковыряйтесь здесь, обеспечьте этот заводик запасом еще на десяток лет. И хватит с вас, поищите себе какое-нибудь крупное месторождение с перспективой... В геологическом отношении Казахстан пока еще настоящая целина. Вам, молодому специалисту, работать да работать. И вы непременно сделаете сколько угодно интересных открытий! Лишь бы была удача!

ЗА ПОДЗЕМНЫМИ КЛАДАМИ

I

Когда Каныш уезжал из Улутау, землю уже укрыл снег. Унылая степь из пепельной сразу сделалась белоснежной, как бы разом помолодела. Поубавилось шума и сутолоки, царивших здесь летом. Шло на убыль и движение по караванному пути. Разведочные работы прекратились, люди Геолкома разъехались по домам. И на площадке завода, и на железнодорожной насыпи — всюду темпы строительства замедлились.

В Жосалы он задержался ненадолго. Сдав в отдел перевозок станции все материалы разведок — документацию скважин, образцы горных пород, он сел в пассажирский поезд, следовавший до Кызылорды. Там его ждала Таисия

Кошкина. Пробыв с нею неделю-другую, снова отправился в путь.

Приехав в Москву, Сатпаев сразу же попадает в водоворот кабинетной беготни. Потом потянулись дни, когда он просиживал дотемна в отделе геологии треста — надо было подытожить летние работы: из химлаборатории Геолкома уже поступали первые анализы, их следовало привести в порядок, разобрать кое-какие данные, подсчитать первичные запасы. Что он не успевал сделать в конторе, захватывал на дом. Обещанной квартиры еще не нашли. Он все еще ютился в тесной комнатухе, временно представленной Казпостпредставительством. По этой причине Сатпаев не смог забрать Таисию в Москву. Она осталась работать в Томске, в Сибирском геолого-коме.

Обстановка в комнате была спартанской — не было даже отдельного стола. Но зато все свободное место занимали книги. Никто не мешал Канышу отдаваться своему заветному делу...

— У каждого месторождения своя история, оно имеет своеобразную летопись, — говорил профессор Усов на одной из своих лекций в технологическом институте. — Ее пишет не один человек. Ее авторы — сотни людей, судьбы которых скрестились на этом клочке земли. Пишут не только чернилами, но иной раз даже кровью. Если желаете, молодые люди, стать настоящими геологами, вам обязательно следует прежде всего изучить летопись исследуемого месторождения — что происходило здесь до вас, кто побывал и что делал, что открыли, чего не смогли найти. Словом, надо пройти по следам прежних исследователей, и только тогда, когда вы уже почувствуете себя достаточно осведомленными, приступайте к самостоятельной разведке. Тогда и успех вам обеспечен...

Еще в дни пребывания в Жезказгане Каныш глубоко интересовался историей открытия месторождения. Он исследовал ее не только в разведочных шурфах или подземных выработках рудников, но и расспрашивал бывалых людей, рылся в архивах.

Его особенно заинтересовало то, что местность эта издавна звалась так, словно решение о ее наименовании после долгих дебатов вынес ученый совет современного геологического института: «Жезказган»*. Ведь это название дано не ка-

* По-казахски «копающий медь», «жез» означает латунь, но употребляется также в значении медь. Например, самовар и тазик из латуни казахи называют «жез самауыр» или «жез леген».

ким-то исследователем, а народом. Значит, он знал не только достоинства просторных пастбищ степи, но и ее подземные кладовые.

— Наш Улугау назван Великой горой не за большую высоту, а за свое особое расположение в степи, — доказывали старики Канышу в беседах. — Недаром здесь еще с давних времен собиралась знать трех жузов, бии всех казахских родов, чтобы на общенародном сходе решать спорные вопросы, даже ханов своих избирали.

Свидетельства тех давних сходов инженер видел во время путешествия с проводником Кузеубаеом Жидебаевым по берегам реки Сарысу. Однажды они побывали в урочище Танбалы-Нура, что означает «место с метками». Проводник показал ему небольшую скалу, на поверхности которой было вырублено множество родовых знаков. В здешних степях Сатпаев видел древние, хорошо сохранившиеся мавзолеи — могильные памятники Алашахана, являвшегося, по одной из легенд, первым предводителем племенного объединения казахов, и Жочи, сына Чингисхана. Геолога удивляли каменные фигуры, вырубленные из монолитных гранитных глыб, установленные на берегах многих речек.

«Если считать маршрут Аулие-Ата (нынче Тараз) — Каратау — Жусалы — Карсакпай — Атбасар, то я им меридиально пересекаю почти весь Казахстан. Дорога эта была чрезвычайно важна для меня, — писал Каныш Имантайулы позднее в своем письме к Таисии Алексеевне от 30 августа 1927 года из Атбасара. — На всем этом необозримом расстоянии я имел возможность лично наблюдать перемены рельефа, почвы, климата, растительности и жизни людей. Особенно важным в этом отношении был последний маршрут. Он показал, что Карсакпай расположен как раз на грани двух резко отличающихся миров. В то время как к югу от него имеется область пустынь и песков, к северу от него лежит другой мир, богатый привольными пастбищами, водой и пахотными угодьями. Граница этих двух миров отодвинута несколько на север от Карсакпая, к бассейну реки Жыланды. Именно тут, в ее верховьях, у горы Айыртау мы впервые пересекли переходную зону от полевой растительности к ковыльной, чисто степной. Айыртау в переводе означает «раздваивающаяся гора», очевидно, указывая на наблюдательность казахов... Айыртау почти примыкает к Улугауским горам.

Последние поразили меня своим величием и резкими различиями высот. Улугау — историческая колыбель нашей... Орды. От их резких, голых и суровых вершин так и веет стариной, седой и прекрасной. Я думаю, на казахи Улугау производят такое же сильное впечатление, как Кремль — на русских. За Улугаускими горами начинается граница владений аргынского рода (старшего в составе Средней Орды,

к которому принадлежу и я)... Очевидно, и в смысле влаги Улутау является переломным пунктом. Дальше же отсюда вплоть до Улутау, на протяжении более чем 300 верст расстилаются богатые травой и водой степи, где сейчас живут одни лишь казахи...»

Во время хождений по жезказганским холмам молодой геолог обнаружил в старых рудных канавах и выбросах множество следов, доказывающих, что медные залежи разрабатывались с древних времен. Кресто-Центральный карьер в Жезказгане был для Каныша как бы открытой страницей древней летописи края: на поверхности земли лежало множество окисленных медных руд, из которых легко можно было выплавить металл. При измерении оказалось, что глубина древнего карьера достигала 8, ширина — 20, а длина доходила местами до 750 метров. Определив среднее содержание меди, геолог стал подсчитывать общее количество взятой отсюда руды. Получилась внушительная цифра: около миллиона тонн! Позже здесь, в отвалах пустых пород, находили много орудий труда древних рудокопов. Они были изготовлены из твердых кварцитов. Когда эти орудия оказывались бесильными, рудокопы поступали таким образом: жгли костры над рудным местом и, когда камень раскалялся до красноты, подавали воду, добиваясь резкого охлаждения. В рудных толщах появлялось множество трещин. Взятую руду измельчали, опускали ее в яму с водой. Иначе говоря, проводили так называемое «мокрое обогащение». Следы подобных оригинальных «обогачительных фабрик» Каныш видел в жезказганских сопках — Соркудуке и Милыкудуке, также на берегу Сарысу, в местечке Сымтас.

Пройдет пятнадцать лет. Уже хорошо знакомый с историей этих мест, обобщив множество научных фактов, Каныш Имантайулы напишет в одном из своих трудов: *«Детальное изучение археологических памятников древней культуры, вероятно, позволит в будущем более обоснованно установить время появления и расцвета ее в этом районе. Пока лишь можно говорить об общей возрастной амплитуде в пределах от неолита до медно-бронзовой эпохи развития человечества (2500—3000 лет тому назад)».*

Но сейчас только начало 1927 года, и молодой геолог еще ничего не знает об этом. Он часами просиживает в библиотеках Москвы и Ленинграда. Интерес к историческим книгам вознаграждается удивительными сведениями. Он обнаруживает, что еще греческие авторы Геродот и Страбон указывали: к северу и востоку от Синего моря (древнее название Араль-

ского водного бассейна) обитают кочевые народы «массагеты» и «саки», их страна изобилует медью и золотом. «Все предметы вооружения их — копья, стрелы и секиры изготовлены из меди». Предками каких народов были эти племена? Ясно одно: «земли, лежащие за Синим морем» — это современный Казахстан и, в частности, Улутау-Жезказганский район.

В поисках свидетельств о древних рудокопах Жезказгана Каныш наткнулся однажды в библиотеке на книгу «Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргизкайсацкой степи в 1771 году». Некоторые строки этого своеобразного дневника привлекли внимание геолога.

«Мая 11-го дня, 1771 года.

...От сих мест начинается путь каменистыми горами, возвышающимися час от часу более, и в виду нашем примкнувшими к хребтам горы, Улы-Тау именуемой. Высокие холмы, кои лежат на поверхности сих славных гор и кои были видимы в самом дальнем расстоянии, представляли разное и приятнейшее зрелище глазам. Не столько высоты сих гор, сколько камня, на поверхности их лежащие, делали затруднение путешествующим по ним. Наконец преодолели все трудности, достигли мы речки Тирсакана, текущей из горы Улы-Тау. Там застигшая ночь принудила расположиться лагерем в 43 верстах расстояния от утреннего стана.

...Знатнейшие реки, выходящие из горы Улы-Тау, суть нижеследующие — Улы-Карагай-Еланчик, Кенгир, Сары-Кенгир, Джизлы-Кенгир, на коей великое множество медных руд, копанных древними обитателями той страны, также находят признаки золотой и серебряной руды. Кенгири, хотя текут из разных мест, но потом, сообщившись все вместе, выпадают одиноким устьем в реку Сарысу...»

«Дневные записки» Николая Рычкова подтолкнули Каныша к дальнейшим поискам в библиотеках. Следующей находкой его была «Книга Большому Чертежу», изданная приблизительно в 1599 году в Москве, при царе Феодоре Иоанновиче. В ней говорилось, что «из Улутовой (Улутау. — М.С.) горы протекали три реки одним прозванием Кендерлика. Две из них, соединяясь в одну реку, потекли в Сыр-Дарью, а третья в Сары-Су».

Это свидетельство невольно заставляло задуматься. Упомнутый в книге Кендерлик — это нынешний Кенгир, в этом не было сомнения, но почему говорилось о трех реках? Кара-Кенгир и Жезды, соединяясь между собой, действительно впадают в Сарысу. Но о реках, которые, начавшись в Улутау, текли бы в Сырдарью, никто не слышал. По «Большому

шому чертежу» их было две. Может быть, изменившиеся климатические условия преобразили их русла? А что, если когда-то здесь существовала богатая растительность и множество ручейков, текущих из лесов, давали начало десяткам рек? Раз воды много, то и жизнь другая. Потому здесь мог проходить большой караванный путь. Существовала высокая культура. В многочисленных копиях разрабатывалась медь, и слава мастеров этого края распространялась на тысячи верст, вызвала поток товаров из глубин Азии — от китайского шелка до драгоценностей Багдада. Остатки поселений, развалины дворцов — разве они не свидетельствуют о былом расцвете?.. Прошло много веков. Горячий ветер, постоянно дующий из Голодной степи, и неостановимое движение песков в конце концов сделали свое дело. Растительность выгорела, постепенно исчезли леса. Пересохли ручейки, питавшие реки. И сами реки сначала изменили русло, а затем тоже исчезли. А это привело к оскудению края. Караваны перестали ходить этим путем, и ремесло постепенно зачахло. Но осталось как след, как памятник этому искусству название местности — Жезказган. И имя, не затерявшись в веках, дошло до наших дней. Между прочим, эти сведения, в «Большом Чертеже» заключавшиеся, были собраны в первой половине XVI века по личному Указу царя Иоанна IV...

Вот какие картины рисовались перед молодым геологом, когда он встречал упоминание об Улутаяу и его богатствах в старинных книгах.

Но последние 60–70 лет жезказганской истории казались Канышу грустной сказкой. Из документов он узнал, что первым вновь открыл это месторождение широко известный в казахской степи екатеринбургский купец второй гильдии Никон Ушаков. 10 ноября 1847 года он подал заявку Алтайскому горному правлению о найденной в жезказганских сопках медной руде. Через три года он арендовал эти сопки у казахов Кожас-Ибескинской волости за 400 рублей серебром. Богато окисленные руды стали возить подводами на далекие уральские заводы. В 1854 году к Никону Ушакову в качестве компаньонов присоединились Аникий Рязанов и Тит Зотов. Но троица все-таки не сумела извлечь большую выгоду из этого дела. До Урала было далеко, а на лошадях и верблюдах много не вывезешь. Словом, жезказганская медь оказалась не по зубам тем купцам. Компания вскоре занялась Нилды и Успенскими месторождениями вблизи Караганды и выстроила там Спасский медеплавильный завод. В Жезказгане «Ушаков и К^о» не проводили никаких геолого-разведочных работ, ограничиваясь осмотром лежащих на поверхности кусков руды. Чтобы не потерять право на месторожде-

ние, компаньоны время от времени делали кое-какие разработки для отвода глаз.

Впоследствии купцы, так и не сумев как следует наладить добычу, продали Жезказган иностранным концессионерам за 260 тысяч рублей. Отныне его владельцем стало так называемое «Акционерное общество Атбасарских медных копей», организованное в Лондоне. Наряду с Жезказганом оно получило в аренду Ескульское месторождение железа, известковый карьер в Улутау и угольные копи Байконура. По данным геологического архива Жезказгана, эта сделка состоялась 29 мая 1909 года.

Но англичане появились здесь задолго до этого — они копались в недрах степи целых три года. А еще в 1904—1905 годах специалисты-агенты так называемого «Сибирского синдиката» дважды побывали в Жезказгане и возвратились с обнадеживающими данными. Однако английские дельцы не такой народ, чтобы, подобно русским купцам, очертя голову бросаться в погоню за фантастическими барышами. Эти всегда сначала все разведывают, прощупают со всех сторон, подумают, зато потом вцепляются мертвой хваткой. Так было и здесь. В 1906 году в Улутау прибыли специалисты под руководством Уэста, крупного инженера-геолога.

Уже в самом начале разведочных работ англичане наткнулись на богатые жилы. В первых партиях руды, отправленных на выплавку, содержание меди колебалось от 6 до 32 процентов. Это были неслыханные раньше результаты. Не объявляя о них, иностранные специалисты продолжали разведку месторождения, одновременно занимаясь изучением возможностей выплавки меди здесь, в самом Улутау. Для этой цели в Жезказган направился английский инженер Гарвей. После возвращения в Лондон он выступил перед собранием акционеров с докладом, в котором доказывал, что медь можно получать на месте, не вывозя далеко жезказганскую руду, а в качестве топлива использовать байконурские угли. Английская компания разведала в Жезказгане небольшую площадь, всего 90 десятин, со средней глубиной скважин 60 метров. Найденные запасы руды оценивались всего в 61 тысячу тонн в пересчете на медь. На Байконуре было пробурено 54 скважины. Обнаружив в двух местах угольные пласты, английские инженеры решили сразу же начать строительство шахт.

В декабре 1912 года правлением общества был утвержден проект, по которому предлагалось построить медеплавильный завод и обогатительную фабрику в Карсакпае, две шахты в Байконуре и несколько рудников в Жезказгане. Между собой их должна была соединить узкоколейная железная до-

рога. И в следующем году закипела работа. Надо признать, что по тем временам задача представлялась грандиозной. В глухой степи, вдали от железных дорог построить завод! Прежде всего вставал вопрос о доставке туда тяжелого оборудования. Английские инженеры предложили хитроумное решение...

10 ноября 1914 года со станции Жосалы вышел в степь поезд-гигант, состоявший из 278 вагонов и 5 паровозов. Эшелон был нагружен всем необходимым для постройки завода и шахт. Состав растянулся на два с половиной километра. Необычный поезд прибыл в Карсакпай 8 октября 1917 года, пробыв в пути почти три года и пройдя за это время 430 километров по бездорожью.

Автору этих строк удалось застать в живых одного из участников этого необычного каравана, старого шахтера Байконурских копей **Койшибай СМАГУЛОВА** и записать его рассказ:

«Однажды, помню, это было осенью того тяжелого года, когда началась Первая мировая война. Собрал нас, молодых шахтеров, начальник Байконурских копей в контору и приказал спешно ехать в Жосалы. Всего было отправлено двести джигитов... Сорок человек было постоянно занято на расчистке пути, чтобы он был ровным, как стол. Двенадцать джигитов разгружали рельсы из вагонов с закрепленными на них шпалами. Следующая группа, тоже из 12 человек, подобранных одинакового роста, чтобы нагрузка на них выпала одинаковой, брали эти рельсы на плечи, шатаясь, медленно шли до расчищенной впереди дороги. Я как раз был в числе этих переносчиков, кстати, таких бригад у нас было около десяти... Там, у дороги, другие парни принимали рельсы на себя, укладывали на землю...»

Вот так с зари до темноты работали не разгибая спины. Когда кончались заготовленные рельсы, начальник каравана, англичанин Картоф давал команду разжечь топку паровоза. Пройдя за два часа весь 13-километровый путь, уложенный нами в течение двух-трех месяцев, поезд останавливался. А мы, горемычные, начинали разбирать сзади рельсы уже пройденного пути и снова укладывать их спереди паровоза. Так и трудились в поте лица целых три года, проклиная все на свете — и англичан, придумавших этот караван с грузами, и жезказганские сопки, упрятавшие в своих недрах медные клады. Добрались-таки до Карсакпая! Нынче же, рассказывая своим правнукам об этих мытарствах, иной раз говорю: «Вот так-то дед Койшибай ваш на своей спине перенес весь Карсакпайский завод!» А они не верят, черти! Думают, что я им сказку рассказываю...»

Это был поистине колоссальный и дерзновенный труд! В пути пришлось преодолеть немало препятствий — перевалы, овраги, холмы; пересекли степные речки, буйные в весеннюю пору. Да и тихие, исполнительные, неприхотливые в

быту рабочие-казахи, какими считали их англичане, вдруг стали проявлять бунтарский нрав, не раз разбежались по своим аулам — приходилось арендаторам собирать их с помощью жандармов. Мало того, джигиты Абдигапара, Кейки Кокембайулы и Амангельды Иманова, поднявшиеся против самодержавия из-за мобилизации казахов на тыловые работы, в 1916 году дважды нападали на караван, забирая с собой все кузнечные инструменты, продукты и оружие...

Наконец груз был доставлен к месту назначения. Еще раньше концессионеры арендовали у бая Карсакпая зимовье, обязавшись уплатить четырнадцать тысяч рублей. Там же построили рудничный двор, плавильный цех, стали устанавливать оборудование. Прорыли ходки к медным залежам в Жезказгане, наладив добычу богатых руд. Были также построены угольные шахты в Байконуре. Там, где добывались руда и уголь, строился завод, возникали небольшие поселки. В каждом из них было до десятка кирпичных домов и длинные вереницы саманных бараков с плоскими крышами. В домах жили сами англичане, а также приглашенные ими инженеры и техники, а в бараках — рабочие-казахи с семьями. Основная масса переехавших сюда — так называемые «голяки», самые бедные жители степи. Они брали подряд на перевозку грузов, используя для этого в летний сезон до трех тысяч верблюдов; целыми аулами селились в новых поселках, нанимались работать в шахты, на завод...

Словом, вначале все шло, как было задумано. Но далеко идущие планы английских концессионеров потерпели крах. Они успели лишь установить оборудование на заводе и в шахте. И тут, как гром с ясного неба, грянула Февральская революция. Затем наступила Октябрьская, и любителям добра в чужих закромах поневоле пришлось удирать из Улутауской степи, так и не выплавив ни одного пуда жезказганской меди.

Советская власть решила не демонтировать с таким трудом завезенное тяжелое оборудование, а достроить завод. Был составлен проект, предусматривавший расширение мощностей примерно в два раза против первоначально запланированного англичанами. Для дополнительного монтажа завода и достройки шахт отпустили семь миллионов рублей, назначив срок — выплавить первую тонну меди через два с половиной года.

Чем дальше вчитывался Каныш в летопись Жезказгана, тем больше удивлялся одному обстоятельству. Кто только в разное время не побывал здесь: известные исследователи Центрального Казахстана М.П. Русаков, И.С. Яговкин,

А.И. Тиме, профессор А.А. Гапеев. Заграничные специалисты Уэст, Гарвей, Титкомб, Саймон, инженер Нобель. Итальянский геолог Камило Черути, француз Бауэр, американец Сидней Болл. Но их мнения расходились в оценке запасов руды.

В самом деле, каковы залежи меди, таящиеся в жезказганских недрах? На какой площади расположены они и каковы глубины их залегания? А содержание? Может быть, прав Яговкин с его утверждением о поверхностном расположении рудных пластов? И англичане даже не пытались делать разведку на глубине, лишь кое-где они забирались вглубь до ста метров. Нельзя сказать, что глубокое бурение было им не под силу. Возможности у англичан были, и еще какие! А может быть, они просто скрывали сведения о запасах месторождения? Ведь двух французских инженеров, которые хотели воочию убедиться в результатах разведки, они близко не подпустили к Жезказгану.

Не только эти вопросы волновали Каныша в те дни. Если решиться вести разведку, то какими силами? Ведь своих кадров здесь нет. Яговкин прав: казахи умеют пасти скот, водить караваны. Но они не умеют обращаться с техникой. Значит, вся надежда на приезжих, которых трудно удержать в жезказганских условиях...

II

Отсутствие квартиры, неустроенность быта, нередкие неурядицы по службе порою угнетали молодого инженера. Он рвался в поле, где мог бы принести наибольшую пользу, но служебные обязанности держали его в правлении треста, загружая повседневными канцелярскими делами. Надо было скорее решить задачу перспективной разведки Жезказгана и Спасских месторождений, а они находились в ведении другого ведомства, не проявлявшего интереса к этому делу. И тогда эти и другие заботы и переживания жизни невольно выплескивались в письмах в Томск...

К.И. САТПАЕВ – Т.А. КОШКИНОЙ, Москва, 8 февраля 1927 года.

«Милая Тася!

Ваше последнее письмо получила. Оно навеяло на меня очень тяжелое впечатление. Конечно, я вполне понимаю Вас. Ваше настроение в результате «ожиданий и волокиты» последнего времени, как Вы сами пишете. Но я также... понимаю то бесспорное положение, что жизнь — это школа борьбы, что в жизни нет «сказочных» снов, что в ней, особенно на первых ее моментах, будет немало разных неприят-

ностей, «перебоев». Все это считалось и считается мною как «аксиомы», и если Вы пишете, что «Вы — человек сказочного склада» и что «не имеете никаких надежд на будущее», то разрешите Вам заметить, что это — большая новость для меня. Новость, замечу Вам, ошеломляющая, так как в этом случае наши «психологические установки», выходит, были диаметрально противоположными. Это наводит меня на разного рода тяжелые и грустные размышления. Не скрою их и сообщу...

Эти вопросы вертелись в моем мозгу уже давно, с осени, и Ваше последнее письмо заставляет их выйти «наружу». Я не хочу больше заглушать их по той простой причине, что не «шуточные» цели мы с Вами ставим на будущее. Здесь должна быть полная договоренность и «гармония» чувств и мыслей, ибо в противном случае нас будут ждать в будущем весьма большие разочарования. Так что, Туся, обдумайте, пока еще не поздно, подробно все Ваши планы на будущее. Не вливайте в них излишней дозы «сказочных сновидений», не ждите в жизни только лишь «перманентных радостей», но в то же время будьте далеки от «черного пессимизма». Берите себе жизнь просто, как она есть: с борьбой за лучшее будущее и со связанными с нею «подъемами» и «падениями» и решите вопрос: сумеет ли моя личность разделить с Вами все эти препятствия жизни. Мою же личность, думаю, Вы достаточно знаете: я — казах по натуре, казах же по убеждениям... дальнейшую жизнь свою мыслю только в Казахстане; розовых иллюзий в отношении себя не строю, но также не отчаиваюсь от неизбежных трудностей; благополучие свое мыслю не столько в материальном, сколько в идейном отношении; готов в случае нужды отказаться от жизненных «удобств» и «бродяжничать» по Казахстану и т.д.».

После долгих раздумий и тщательной обработки старых разведочных материалов Сатпаев решил в летнем сезоне 1927 года начать колонковое бурение на рудосодержащих площадях. На первых порах должно работать небольшое число станков, хотя бы два-три. Поэтому он, еще будучи в Ленинграде, предложил руководству Геолкома подписать договор с Атбасарским трестом на выполнение этих изысканий.

В те годы Геолком был руководящим центром геологоразведочной службы Советского Союза. Под стать масштабу деятельности этой организации подбирались и ее специалисты. Здесь работали самые высокие авторитеты геологической науки — академики, профессора, авторы крупных открытий, чьи мнения при решении дел, касающихся разведки полезных ископаемых, в основном не обсуждались, а беспрекословно принимались за истину.

И вот никому еще не известный молодой горный инженер Сатпаев явился в Геолком и обратился к его руководству с предложением о заключении договора на буровые работы в

далекой безводной глуши, хотя два года назад Геолком утвердил перспективный разведочный план, по которому колонковое бурение не предусматривалось. Да знает ли он, сколько стоит такое удовольствие в этих краях?

— Вы знакомы, молодой человек, с Иваном Степановичем Яговкиным? Этот вопрос в его ведении. Ведь Иван Степанович является главным консультантом геологической службы Центрального Казахстана. Пусть он подпишет вашу заявку, согласуйте с ним все детали, тогда и решим, — сказали ему.

Зная предубежденность своего старшего коллеги, Каныш все же пошел к Яговкину.

— Итак, решились на бурение, хотите попробовать? — с добродушной улыбкой встретил его Иван Степанович. — Думаете, что Жезказган — богатое месторождение? Ну что же, попытайтесь. Для молодого геолога, как вы, это всегда поучительно: хороший урок, так сказать, с отрицательным результатом. Чтобы другой раз не лезть на рожон... Я не буду стоять у вас поперек дороги. Если у треста денег навалом, пожалуйста, тратьте их. На много ли вы рассчитываете? На одно лето я добрый, помогу вам.

— Если можно, Иван Степанович, я хотел бы начать сразу с двумя-тремя станками...

— Нет, дорогой. На заведомо сомнительную затею я столько людей выделить не могу. Один станок — извольте, и то из уважения к вашей молодости. Если хотите знать, за два года, проведенных в Жезказгане, я сам себе столько добра не делал...

Пришлось удовлетвориться и этим.

Из Москвы Сатпаев выехал первого мая 1927 года поездом. Ему уже не терпелось начать разведочные работы, и он незамедлительно отправился в далекий путь.

К.И. САТПАЕВ — Т.А. КОШКИНОЙ, Карсакапай, 23 мая 1927 г.

«Приехал в Карсакапай 11-го днем.. Строительный сезон разворачивается вовсю. Темп работы, особенно в части рабочих рук, оказался выше ожидаемого... Есть надежда, что план строительства в этом году будет выполнен полностью и без опозданий. Заграничное оборудование было целиком размещено еще до моего выезда из Москвы. Все это пока дает некоторую уверенность и бодрость на будущее. Судьба Карсакапая, видимо, разрешена положительно. Жезказганские медные рудники сейчас осушены. Установлен водоотлив, и идет укрепление шахт и выработок... Очередной вопрос сейчас — разведка и добыча флюсов. Железнодорожная линия до Жезказгана закончится постройкой к первому октябрю, тогда будет пущен туда первый поезд».

Приехав в Карсакпай, Каныш сразу же распорядился подготовить место для первых скважин. Он выбрал район шахты «Петро», заложенной еще английскими концессионерами. В прошлом году ленинградские специалисты проводили здесь электроразведку на площади 115 квадратных километров. По ее данным были отмечены 34 рудные аномалии.

Бригада Геолкома прибыла в середине лета, и скоро один из оставленных англичанами буровых станков «Крелиус» начал день и ночь мерно постукивать возле старой шахты. Это была 236-я скважина за всю историю месторождения и самая первая в жизни геолога Сатпаева. Может быть, потому он возлагал на нее много надежд. Он ждал от нее добрых «вестей» — встречи с рудным телом хорошей мощности. Это было нужно не только для того, чтобы доказать геолкомовским спецам свою правоту — ему необходимо было обрести веру в свои силы, чтобы смелее идти вперед в дальнейшем.

— У каждого настоящего геолога бывает чувство угадывания, интуиция, которая непонятна случайному человеку, — говорил профессор Усов. — Какие-то внутренние силы толкают его на решительные действия. И он, увлекаемый ими, идет на всякие неожиданные, порою рискованные дела и, случается, совершает такие открытия, которые осторожному специалисту никогда и не снятся. Иногда такие энтузиасты ошибаются. Но чего стоит вера в себя, с этой верой можно идти на штурм небес!

Смелый шаг молодого Сатпаева, выбравшего для разведки слабо изученное место, объясним только этой удачливостью геолога, доверившегося своему чутью. Надежды его оправдались. На тридцатом метре скважина начала выдавать kern с серым песчаником. Он уже знал, об этом писали английские специалисты и русский инженер А.И. Тиме, что для жезказганских руд характерны именно эти серые песчаники, в толще которых вкраплены соединения меди. Еще через несколько метров скважина показала, что бурение идет через слой медесодержащих песчаников. Kern свидетельствовал, что руда хорошего качества. Но для того чтобы установить, сколько в ней меди, требовался тщательный анализ. А химлаборатории в Жезказгане не было, и поневоле приходилось теперь ждать осени, когда коллектор буровиков повезет kern в Ленинград, и только к зиме можно будет сказать что-либо определенное о составе пород. Лишь на 48-м метре изменился состав керна. Далее снова шла пустая порода.

237-ю скважину заложили также в районе шахты «Петро». И она на ожидаемой глубине пересекла рудное тело.

Нелегко было молодому геологу одновременно вести изыскательские работы сразу по двум комбинатам. Они находились далеко друг от друга, и каждый требовал постоянного присутствия главного специалиста треста. Поэтому Сатпаеву постоянно приходилось совершать переезды туда и обратно. *«Теперь со всей остротой должна быть поставлена спасская проблема, — писал Каныш Имантайулы в письме к Таисии Алексеевне. — Отсюда в Москву, наверное, выеду числа 5–10 июня... чтобы не позже первой половины июля выехать на Спасские промыслы. Там предстоит очень много работы...»*

Благо к этому времени у трестовского геолога благополучно разрешился квартирный вопрос. Административный центр Казахской АССР был переведен в Алматы, в связи с этим многие учреждения из Кызылорды выехали в новую столицу, туда же перебрались некоторые ведомства, временно размещенные в Москве, так что в обоих городах высвободились квартиры. В Москве, на Большой Дорогомиловской улице, в доме № 12 молодому специалисту дали большую комнату с общей кухней. Одновременно и Таисии Алексеевне выделили квартиру в Кызылорде. Дело в том, что ее пригласили работать в Центральный совет Казсовнархоза, который за неимением подходящего помещения в новой столице пока оставался в Кызылорде.

Переезд Таисии в Кызылорду давал ей возможность часто видеться с Канышем. После окончания института они фактически не жили вместе даже полных двух месяцев. Служебные дела, всегда срочные и важные обязанности главного геолога большого треста не давали Сатпаеву возможности как следует наладить семейную жизнь. Неустроенность быта, усталость от бесконечного ожидания, редкие встречи, а потом разлука на долгие месяцы — все это отражалось в письмах молодых друг другу.

«Саулем, моя просьба к тебе: не грусти, особенно не расстраивайся из-за нашей разлуки, верь, что скоро начнутся дни, когда мы окажемся вместе и надолго. Твои слезы при прощании до сих пор стоят в моих глазах...» (19 июня 1927 г.) «Время я провожу дома. Выхожу очень редко. «Правила поведения» выполняю на все сто процентов. В этом будь покойна. Нечего и говорить, что «к тебе лишь одной стремлюсь я всей своей душой». Это смахивает немного на стихи, но в них — вся правда...» — сообщал Каныш в другом письме. «Я очень жалел, что не мог еще лишний вечер провести с тобой, — писал он из

Жосалы 15 июля того же года, снова в который раз оправдываясь перед ней за скорый отъезд. — *Уж так они были хороши, эти вечера! Так хороши! Будем утешаться тем, что недалеко время, когда мы окажемся вместе уж не на время, а навсегда. То-то будет жизнь! Несомненно, что она будет, как холодный кумыс в жару, как спелый виноград после обеда. Игр-то будет сколько. Сколько будет плясок впереди: мальчиков и девочек, пьяных от счастья... Все это впереди и для нас. Как хорошо будет нам работать вместе».*

Однако не всегда молодые находят время для душевных излияний. В иных письмах идет речь преимущественно о делах, волновавших в те дни инженера Сатпаева.

К.И. САТПАЕВ — Т.А. КОШКИНОЙ, Москва, июль 1927 года.

«...Список Тиме привезу с собою. Желаю полного успеха в твоих начинаниях по изучению и систематизации наших рудных месторождений. Очень радуюсь за это. Я недавно здесь приобрел, сколько имелось в наличии, 18 планшетов 10-верстной топографической съемки по Казахстану, в пределах Семипалатинской и Акмолинской губерний. Если будет возможно, то было бы очень хорошо: 1) составить систематический список всех рудных месторождений по Казахстану (как у Тиме) и 2) нанести их на 10-верстную карту. Спешить с этой работой, конечно, не следует, но иметь ее в перспективе тебе нужно и сейчас. В этом отношении было бы особенно важным извлечь из архива КЦСНХ решительно все, что можно, ибо другие материалы, как печатные или имеющиеся у меня, всегда могут быть в твоём распоряжении».

У главного геолога Атбасарского треста, в ведении которого почти одна четвертая часть территории Казахстана, конечно, всегда дел хватает. Особенно летом, в сезон разведочных работ он старается использовать каждый день как можно полнее, интенсивнее. Для него не было и никогда не будет определенных часов, отведенных для отдыха: его правило — работать с утра до ночи и стараться всегда быть на месте. По свидетельству Таисии Алексеевны, Сатпаев *«в те годы в разгар полевых работ всегда терял в весе 12–15 килограммов...»* Он казался чрезмерно высоким из-за сильной худобы, лицо чернело от загара, тем сильнее выделялись на нем большие глаза, глядевшие на человека добрым, притягательно-улыбчивым взглядом.

Вот маршруты трестовского геолога за лето 1927 года: первого мая Каныш Имантайулы выезжает из столицы в Кызылорду, а вскоре он уже появляется в Улугауских степях, в июне Сатпаев возвращается в Москву. В двадцатых числах следующего месяца он уже в Южном Казахстане...

«Сижу сейчас в Аулие-Ата, священном городе Востока. День выезда из Кызылорды провел почти на грани смерти: стояла такая ужасная жара, все полки вагона так накалились, что все мы буквально жарились в собственном соку, — сообщал он о своих дорожных мытарствах Таисии. — Никогда в своей жизни я не видел такой невыносимой, сильной жары. Все мы металась в вагоне, не зная куда прислониться, где найти хоть минутный отдых. Особенно тяжелы были порывы накаленного ветра, временами он обдирал нас через раскрытые окна вагона. Результат: на следующее утро все мы проснулись или, вернее, бредили в полусне...» — Но ему некогда болеть, ведь дела ждать не будут. Отдохнув лишь двое суток в Аулие-Ата, чуть придя в себя после вагонной пытки, Сатпаев отправляется на месторождение Сулеймен-Сай, находящееся в 110 верстах. — «Ехать туда в такую жару не хочется, но что делать — так нужно!» — завершает он свое письмо.

Чтобы оценить обстановку тех лет, понять, чем жил молодой геолог, прочитаем еще одно его письмо:

К.И. САТПАЕВ — Т.А. КОШКИНОЙ, 22 августа 1927 г.

«...А я все живу в Карсакпае. Пыль ху же, чем в Кызылорде. Кумыса нет. Суеты хоть отбавляй. Все, в общем, производит довольно неприятное впечатление. Сметы и промфинплан по комбинату уже рассмотрены. Завтра едем на Байконур. 24-го полагаем быть в Жезказгане, а оттуда числа 25-го выехать прямо в Атбасар. Как видишь, дом мне не улыбается раньше последних чисел августа. Несмотря на все, настроение у меня довольно бодрое: впереди все-таки довольно продолжительный отдых, за пазухой — моя Саулем, где же тут особенно унывать...»

Разведка по Жезказгану также пока что дает хорошие результаты: заложено было всего 5 скважин; из них 4 прошли по руде, средней мощностью в 0,67 метра... Две скважины прошли по зоне сбросовых брекчин и дали возможность оконтурить границы рудного тела. Общий метраж пройденных скважин около 300 метров. До осени думают еще пройти 5—6 скважин. Вероятный запас меди во вновь найденном фальбанде около 1 000 000 пудов... С флюсами вопрос все еще довольно затруднителен, нет известняка и пирита...

Жаным, за карту тебе большое спасибо. Желая также успешно завершить и те работы, которые по нашему уговору ты должна закончить к осени, особенно по части золота в Казахстане...»

В то лето вниманием Сатпаева завладело еще одно месторождение цветных металлов. И как натура увлекающаяся, он незамедлительно проявляет интерес и к этому новому, пока не известному для него делу. «Здесь в эти дни разбирали вопросы Турлана, намечали размер капитальных затрат, — отмечал Каныш Имантайулы в письме к Таисии Алексеевне от 15 августа, отправленном из Карсакпая. — Решили запросить

на это дело три с половиной миллиона рублей. Производительность в год 150 000 пудов, плавка на ватержакете. Пуск завода через год. Мнение Тиме о Турлане — прекрасное. Если ВСНХ не согласится на три с половиной миллиона, то, возможно, что Турлан останется в ведении Казахстана... Это дело — с громадными перспективами».

Он снова в пути. Некогда выбирать средства передвижения: автомобиль, который правление треста выделило специально для нужд геологического отдела, всегда под рукой — но он такой малосильный и ветхий, что далеко на нем не уедешь. Вот красноречивые свидетельства тех далеких лет, писавшиеся вовсе не для того, чтобы заставить потомков удивляться безудержной энергии двадцативосьмилетнего геолога.

К.И. САТПАЕВ — Т.А. КОШКИНОЙ, Атбасар, 30 августа 1927 г.

«Выехали из Жезказгана 26-го... Едем шесть человек, считая и шофера. Вещей уйма. Машина нагружена до отказа... Брать большую скорость было нельзя. Поэтому в тот день нам пришлось ночевать в Улутауских горах, в 120 верстах от Жезказгана... В последний день с нами случилось несчастье: при переезде через Ишим сломали заднюю рессору. Поэтому пришлось пробыть шесть часов в поле, отремонтировав кое-как машину, мы еле доползли на ней до Атбасара. Здесь пришлось машину отдать в кузницу на ремонт и задержаться на несколько дней. Сегодня рессоры уже готовы, и мы собираемся часа через два выехать в Акмолинск. Неизвестно — доберемся ли вообще благополучно туда или же опять застрянем где-нибудь на дороге. Во всяком случае приходится быть готовым к худшему...»

«Милая Тусенька!

Пишу 13 числа, в несчастливое число и при стечении несчастных обстоятельств... До Успенского было 110 верст пути. Дорогой нужно было пересечь две большие речки — Шерубай-Нуру и Сарысу. На первом переезде машина наша застряла в воде. Пришлось ее вывезти на быках и потерять пять часов времени. Только к ночи попали на рудник... На следующий день мы отправили машину назад, чтобы привезти одного человека, но тут на дороге, не доезжая до Успенского, она окончательно стала, ввиду поломки шестерни мотора. Запасной шестерни не оказалось, теперь она едет на быках до Спасского. Проживши четыре дня на Успенском, мы были вынуждены выехать на крестьянской бричке. Вообрази себе пару кляч, крестьянский фургон, еле двигающийся по пыльной дороге, и нас, восьмерых, сидящих на нем. Картина, конечно, не из приятных, но забавная. В довершение всего погода выдалась жаркая, что заставляло нас иногда останавливать бричку посреди дороги и идти пешком в аулы, версты за две, чтобы утолить жажду... За день таким образом сделали 30 верст, к вечеру приехали в поселок Бурту. Здесь при выезде мы, к счастью, встретили геолога

Русакова, едущего на своем грузовичке за нами из Каркаралинска. Конечно, все мы пересели на его машину и сегодня под утро приехали в Спасский. Наша машина безнадежна...

Ваш Каныш. 13 сентября 1927 г».

К.И. САТПАЕВ — Т.А. КОШКИНОЙ, 16 сентября 1927 г.

«Милая Тусенька!

Сегодня я окончательно еду в отпуск домой. Со Спасским комбинатом и со всеми друзьями по дороге прощаюсь с легкой душой, потому что все нужные дела по Спасскому комбинату закончены, а впереди — предвидится месячный отпуск в ауле... До нашего аула отсюда 180 верст. Думаю в дороге пробыть два дня, так как еду на лошадах. Машина наша окончательно оказалась непригодной для движения...»

IV

Канышу удалось пробыть в родных местах почти полтора месяца. Но прошлогоднего удовольствия, даже охоты не было. Он приехал, когда аул уже возвратился с летовки на зимовку.

Семья его по-прежнему жила благополучно, находясь на попечении старшего брата и родителей. Старшую Ханису взяли к себе родители, а годовалый Малыбай находился вместе с матерью. Он уже стоял на ногах. Шустрый мальчонка некоторыми повадками напоминал самого Каныша в детские годы. Как и он, не мог держать свою слишком большую голову, и каждый раз за низким круглым столом приходилось его усаживать в подушки. Белое лицо, спокойный нрав показывали, что в Младшем ауле растет достойный наследник Каныша. Кстати, в том, что он так отчужденно жил и постоянно находился вдалеке от Шарипы и своих детей, была и немалая вина престарелых родителей. Как-то в один из приездов он заикнулся, что хотел бы забрать Шарипу с собой в Томск, чтобы там в доме была хозяйка, при этом еще подучилась бы на каких-либо курсах, да и привыкала бы к городскому быту. Но родители в один голос заявили: «Оу, тогда уж вместе с ней забери и нас. У Бокеша с Мухтаримой куча детей, и потому им некогда за нами ухаживать. А за нами присматривает лишь Шырли, любимица наша!.. Наш совет: не разлучай нас с нею, хотя бы до окончания своей учебы. Там уж посмотрим, наверное, к тому времени и с нами придется насовсем попрощаться...» И с тех пор Каныш перестал говорить об этом, все больше привыкая жить холостяком. В итоге эти долгие разлуки привели к отчуждению: он теперь не

очень торопился сюда, а если приезжал на месяц-другой, то и мысленно жил с той, все больше желанной Таисией; и не мог ничего поделаться с собой, разве чувству прикажешь!.. Это то же самое, что стать поперек течения быстрой реки. Однако Каныш так и не смог на сей раз, как и в прошлом году, признаться в своем «грехе» близким. Опять же оставив откровенный разговор на будущее. Да и настроения аулчан, вызванные недобрыми вестями, доходящими сюда, не очень располагали к откровению.

Родной брат нынче не работал председателем аульного совета. Пришлось уступить должность более напористому белсенди, выходцу из бедняков. Труднее стало находить язык с уполномоченными из районного центра, все они вели себя все более нагло, требуя срочно исполнить разные свои поручения, порою и неприличные... Теперь Бокеш Сатпаев работал в кооперации. Он прилежно вел хозяйство двух своих аулов и еще нескольких примкнувших к ним, близко находящихся частников. Жили в ауле более-менее сносно. Конечно, как раньше, приумножать табуны лошадей и другого вида скота — не было смысла. Те времена канули уже в лету. Сатпаевский род, включая и малышей, к этому времени разросся до сотни с лишним душ, обеспечить такую ораву ртов всем необходимым Бокешу Имантайулы было непросто. И все же он справлялся с этой обязанностью. Грамота, которую он сумел получить в начальной Аккелинской школе, природный ум позволяли ему аккуратно и с выгодой вести свое небольшое хозяйство. Однако делать это становилось все труднее.

Через день после приезда он пригласил младшего брата прогуляться вдвоем по степи. Ясно было, что Бокеш хотел бы посоветоваться с более ученым и знающим, чем он сам, родным человеком. По его сугубо личному суждению выходило, что время сильно, и в худшую сторону, изменило его земляков...

— «Красные белсенди», как иначе говорят в народе «кызыл коз активисты»*, не выбирая средств и не считаясь с совестью, доносят на всех начальству, — сказал Бокеш с раздражением. — Например, если наш аул живет более-менее нормально, имея сносную обеспеченность в смысле питания, то это сразу же вызывает зависть рядом живущих. Или то, что из наших рядов вышел десяток по-русски грамотных, образованных людей вроде Абеке и тебя, это тоже красноречивый

* Дословно: человек с красными, как у разъяренного быка, глазами.

факт, подтверждающий наше байское происхождение. Вот так мы дошли до такой презренной жизни. Слово и авторитет старших или более знающих — уже никому не указ. Белсенди ждет, мечтает о том дне, когда я запнусь, оступлюсь, чтобы тут же за ночь съездить к начальству в район или даже в губернский центр и опорочить меня, подвести под суд. Что происходит с нами, куда мы катимся — не знаю и не понимаю. Почему так распоясались бездари и неучи? Почему нынешняя власть поощряет кляузы, разные наговоры на добрых и честных людей? А если заикнешься об этом, тут же тебе в лицо нагло бросают, что ты — байский выродок, а я — бедняк. И время, мол, наше!..

Что мог сказать Каныш об этой заразе, все больше охватывающей казахское общество и в других местах, о чем и он сам с болью в сердце думал. Покачав головой, он лишь сказал брату: «Придется потерпеть, со временем, может быть, все уляжется. Бывало ведь и похуже. Время — великий лекарь...»

— Ладно уж, Канкежан, мы с тобой не остановим эту напасть, это не в наших силах. Но ты скажи мне, что за разговоры ходят в степи, будто в скором времени правительство начнет отбирать скот? Будто бы ожидается конфискация скота степняков? — неожиданно задал Бокеш вопрос. — Отобрать скот у казахов — это же равносильно тому, что уморить их голодом! Только уж не дай бог увидеть такое!... Если отдадим государству все нажитое, чем же мы будем питаться? Воздухом, что ли? Скажи-ка, дорогой, правда это или просто слухи?

В эти два года Канышу некогда было вникать в государственную политику, он весь был поглощен производственными заботами по своевременному вводу в эксплуатацию двух комбинатов — Карсакпайского и Спасского, строившихся в отдаленных районах казахской степи. Потому он откровенно сказал брату, что не в курсе событий, которые волновали всех его земляков.

А Бокеш рассердился, не сдержал обиды:

— Что-то ты не договариваешь или совсем сделался наивным...

Пришлось ему поделиться тем, что смутно знал об этом деле. Недавно он разговаривал наедине с председателем Казсовнаркома Ныгметом Нурмаковым, приезжавшим по долгу службы в Карсакпай, с которым он был знаком еще со времени работы в Баянауле, когда тот был председателем Павлодарского ревкома. Из отрывочных фраз Нурмакова он понял,

что нет еще в правительстве единого мнения по этому вопросу. Но он уже обсуждается. Дело в том, что ответственный секретарь Казкрайкома КП(б) Филипп Исаевич Голощекин на одном из партийных совещаний сказал, что, мол, «в Казахстане надо бы повторить Великий Октябрь, хотя бы и в малом масштабе!..» А Смагул Садвакасов, второе лицо в аппарате Казкрайкома, тут же задал ему вопрос с укором: «Разъясните свое заявление!» Разумеется, постоянно гнуший свою диктаторскую линию, присланный сюда самим генсеком ЦК ВКП(б) И. Сталиным для воплощения в жизнь его жестких директив Голощекин ответил грубо: «В русских деревнях кулакам мы давно надели намордники. Они уже усмирены. А вот казахские баи по-прежнему чувствуют себя вольготно, ни разу не попали они ни под какую чистку! Если мы думаем строить в степи социализм, то надо же уж и здесь повторить Октябрьскую революцию. Для этого придется на корню уничтожить баев как классового врага!..»

Пересказав в общих словах этот разговор брату, Каныш продолжил:

— Не знаю, чем кончится это заявление партийного вожака. По предположению знающих людей, вроде бы готовится конфискация имущества крупных баев, отобранный у них скот, возможно, будет роздан наиболее бедным шаруа, а может быть, его даже заберут в фонд государства... Но в любом случае эти крутые меры касаться вас не будут, это уж точно! — сказал Каныш уверенно. — Мы-то давно уж не баи. А середняков они не касаются..

— Не знаю, уж если начнется такая кампания, то будь уверен, наши баянаульские белсенди не успокоятся, пока не доведут число разоренных баев хотя бы до ста!.. Их-то я знаю лучше, чем ты. Так что будем ждать худшего, как говорят: «Что было суждено пережить быку, то же самое произойдет и с теленком...»

Каныш не стал спорить с братом. Без этого ясно было, что каждый по-своему прав.

— Да, хочу тебя предупредить! — заметил Бокеш, когда они подходили к дому. — О нашей беседе никому ни слова! Знай, что за спиной твоей сидит невидимый стукач, поэтому лучше помалкивать!.. Некоторым нашим баянаульцам не по душе, что ты так высоко забрался, аж в Москву, своих одногодков тем самым оставил, мол, с носом. Не нравятся мне эти разговоры, всякие пересуды. Многие приедут сюда, чтобы тебя поздравить, пожать руку, не верь им: за сладкой их речью может скрываться жало скорпиона...

Словом, о настоящем отдыхе приходилось только мечтать. Все не так было нынче, и не везло ему с самого начала. Прошло чуть больше недели со дня приезда, как «Узун кулак» донес печальную весть о том, что в Семипалатинске будто бы сняли Абиkeyя Зеинулы с поста директора Казпедтехникума, мало того, вроде бы посадили в тюрьму и хотя бы предъявить ему политическое обвинение. Впрочем, достоверных сведений кроме тех, что принесла людская молва, не было.

Пришлось Бокешу Имантайулы с братьями ехать в Баянаул. Но ничего путного там не узнали. Выяснили лишь, что были какие-то телеграммы из Семипалатинска, очевидно, от растерявшихся домочадцев старшего брата, однако они не дошли до адресата, задержаны органами ОГПУ, даже содержание их неизвестно. Потому и пошли разные толки. Отчаявшись, Сатпаевы поехали в Павлодар. Вернулись они через неделю, усталые и озлобленные. Оказывается, и там над ними издевались, даже постоянно следили какие-то темные люди. Им пришлось в уездном городе держать себя скрытно, искать обходные пути. А обратно уехали незаметно, глубокой ночью. Все же расторопному Бокешу удалось связаться по телефону кое с кем в губернском центре, и, конечно, разговор вели на отвлеченные темы. Благо та сторона все понимала с полуслова и старалась ответить тем же: например, на вопрос: *«Какая там погода?»* — оттуда отвечали: *«Туман, не видно даже просвета в ближайшие дни»*. — *«Что нужно, чтобы рассеять туман?»* Оттуда отвечали сердито: *«Вы что, хотите запрудить вышедшую из берегов Шидерты? (А название реки означало — «пути для ног»)*. *Лучше повыше обратитесь, может, и получится...»* Словом, Бокеш, поняв суть разговора, постарался скорее вернуться в Баянаул...

Что делать, как выволить попавшего в беду старшего брата, перед которым все младшие Сатпаевы чувствовали себя в неоплатном долгу за все его добрые дела? Тем более там, в далеком Семипалатинске, страдали его домочадцы — жена Хамила с пятью малолетними детьми. На семейном совете старших обоих аулов хаджи Сатпая порешили срочно собрать средства, снарядить Каныша туда, чтобы он, используя свой авторитет и связи в губернском суде, быстрее выволлил Абеке из неволи. И сам Каныш тоже был не против поехать в губернский центр. Притом ради брата готов был пожертвовать не только отпуском, но и потратить, если нужно, и свое служебное время. Но против этого был Бокеш. «Не нужен этот порыв, напрасно потеряем время и средства. Там за Каны-

шем будут следить, возможно, найдут никчемный повод и арестуют его. Тогда мы вообще провалим все дело и сами пострадаем. Как я верно понял из разговора с Семипалатинском, ему надо ехать в Кызылорду, еще лучше в Москва*. Оттуда действовать ему сподручнее и скорее добьется справедливости! — доказывал он. — А в Семей поеду я, ну еще возьмем пару людей. Надо готовить мясо и средства, чтобы помочь Хамиле-женеше** и детям, надо хотя бы в тяжелые дни поддержать их своим присутствием...»

В конце концов так и сделали. Канышу пришлось готовиться к отъезду. Он отправился из родного аула в последних числах октября. Чтобы не терять столь дорогое время, на этот раз ему пришлось выбрать самый короткий путь в Москву через Омск. Это «путешествие» в то время было тоже не из легких: пришлось взять выносливых лошадей и надежных проводников. Чтобы сократить дальний путь, двигались напрямик по степи, минуя большие дороги. Так добрались до Омска, откуда шел прямой поезд на Москву. В столицу Каныш Имантайулы приехал не один — с ним племянник Галимтай Бокешулы. Теперь они будут жить опять вместе, мальчик продолжит учебу в московской школе, в ауле он не мог учиться — начальную уже прошел в Томске, жить в Павлодаре или Семипалатинске не позволяли материальные трудности. Так что Канышу поневоле пришлось взять на себя заботу о любимом племяннике, чтобы его вывести в люди...

«Дорогая Тусенька!

Полтора месяца молчания с моей стороны уж, наверное, возбудили в тебе всякие грустные размышления и тревожные думы. Однако не буду извиняться перед тобой за это, так как ведь извиняются обычно за какую-нибудь вину. Причина же моего молчания была вынужденная, не зависящая от меня: во-первых, чрезвычайная отдаленность почты от аула; во-вторых, сотни затаенных, любопытных глаз, настороженных и злых; в-третьих, злключения Абиkey Зеиновича и связанные с ними хлопоты...

Трудный, колесный путь позади, в настоящем — ожидание поезда, в будущем — светлые минуты встречи с тобой. Когда же конкретно сбудется это «будущее» — сказать точно не могу. Дело Абиkey, несомненно, в известной степени расстроит мои планы. Теперь я еду в Москву. Если будет нужно для дела Абиkey съездить в Кызылорду, то, думаю, что возможно мы встретимся еще в Кызылорде...

Твой К.И.С... Омский вокзал. 28 октября 1927 г».

* Казахи в то время так называли Москву.

** Сноха.

К. И. САТПАЕВ — Т. А. КОШКИНОЙ, Москва, 10 ноября 1927 г.

«Мое сокровище!»

Три месяца без тебя, что три вечности без жизни. Пишу эти строки полный жгучей тоски по моей милой, славной Жаным, у которой столь обаятельны были ее застенчивые и тихие ласки... Итак, моя Саулем! Я 3-го вечером приехал в Москву. Квартиру нашел в ужасном виде: январский холод, грязь овчарни...

Дело А.З. подвигается несколько. Сегодня отправлена телеграмма в Кызылорду от комиссии по частным амнистиям ВЦИК. Если ответа не последует в скором времени, намерен сам поехать в Кызылорду, хотя бы для этого пришлось расстаться со службой. О себе, то есть о зимнем своем местопребывании еще ничего не решил. Думаю, что это решится после дела А.З. Здесьние товарищи упорно советуют мне остаться в Москве, в тресте...

R.S: Саулем, сейчас у меня насыбай подходит к концу. Будь любезна, купи мне бутылку хорошего насыбая (на базаре, 5-я или 6-я лавочка налево, считая от улицы Энгельса) и вышли мне по почте или с кем-нибудь, например, с тов. Торегожиным, полпредом нашим, который вчера уехал в Кызылорду...»*

И, конечно, по приезде началась привычная с прошлой зимы работа — каждодневное многочасовое сидение в кабинетах и архивах, оформление отчетов за летние поездки, изучение документации и накопленных разведочных материалов. Геолкомовская бригада хорошо поработала в прошлое лето. Всего пробурили 17 скважин средней глубиной 44 метра. Вскоре стали поступать долгожданные результаты анализов из химлабораторий. Они превзошли все ожидания Сатпаева. Он тут же засел за арифмометр. И оказалось: на участке «Петро» найден мощный, доселе неизвестный пласт руды с богатым содержанием меди.

Это было первое найденное им рудное тело. В дальнейшем у него будет много таких открытий. Но это первое запомнится ему на всю жизнь. Запомнится потому, что именно тот рудный пласт, обнаруженный возле старой шахты, послужил ему главным козырем в состоявшемся вскоре принципиальном споре со специалистами Геолкома.

План геологоразведки по Жезказгану на 1928 год он теперь переделывает по-своему: значительно расширен объем буровых работ, вместо ранее предлагавшихся разведочных канав намечается пройти сотни скважин, а для этого нужен не один действующий станок, как в прошлый сезон, а несколько. Притом бурить предполагается не только летом, а

* Смесь золы и табака.

круглый год. И самое главное — хватит ковыряться в верхних слоях, пора идти на большую глубину, на три, четыре сотни метров.

К удаче в разведке жезказганских недр прибавилась еще одна радость — в Москву неожиданно приехала Таисия. Правда, занятая по своей службе в Кызылорде, она не могла долго жить в столице, но неделя, которую они провели вдвоем, придала угнетенному временными обстоятельствами Канышу сил и бодрости, уверенности в его начинаниях...

ТУРЛАН ИЛИ ЖЕЗКАЗГАН?

I

Приехав в начале января в Ленинград, Сатпаев сразу же обращается к Яговкину. Он уверен: если сумеет заручиться согласием Ивана Степановича, успех в задуманном деле обеспечен.

— Эка ведь, как вы замахнулись, Каныш Имантаевич! Не пять, не десять даже, а целых пятнадцать станков?! И на штурм недр! Жезказган, конечно же, шагнет в первую шеренгу медных месторождений Союза, может, даже мировых! Ох-хо-хо, сомнительно... — Пролистав привезенный молодой коллегой проект разведки, Яговкин явно настроился на иронический тон. Изредка поднимая голову от рукописи, маститый геолог внимательно рассматривал Сатпаева, будто бы удивляясь тому, что перед ним сидит тот самый молодой казах, который был его спутником в летних поездках по степи. Тогда он показался Яговкину очень дельным джигитом, ни слова лишнего не скажет, беседовать с ним было приятно и занято. А сейчас вот привез явно фантастический, невыполнимый проект и, прося поддержки, ставит его в неудобное положение.

— Иван Степанович, взгляните на карту Жезказгана. Не буду говорить о данных, полученных англичанами. Вот, смотрите сами: скважины, пробуренные вашими людьми, тоже прошли по руде. В итоге мы за одно лето небольшими усилиями сумели увеличить разведанные запасы месторождения на один миллион пудов по меди! А если пробурием не семнадцать, а сто семнадцать скважин? — говорил Каныш, в упор глядя на собеседника. — Почему мы боимся бурения на глубину? Надо же ведь когда-нибудь забраться и туда. Но для

этого нужна поддержка авторитетных специалистов, таких, как вы. Именно ваша помощь, ваша вера в то, что богатые глубинные пласты...

— Мил человек, вы же не на пятьдесят, даже не на сто метров замахнулись. Как, с какими людьми и с какой техникой вы собираетесь это осуществить? — Яговкин был явно недоволен. — Где возьмете столько специалистов глубокого бурения? А станки?

— Десяток агрегатов соберем в Жезказгане. Они оставлены иностранными концессионерами, лишь бы недостающие запчасти добыть. Это для бурения обычных скважин. А для больших глубин?.. Есть у меня задумка: пригласить свердловчан со своим оборудованием.

— А вы посчитали, сколько рабочих рук потребуется для обслуживания пятнадцати станков? Меньше чем тремя сотнями не обойдетесь. Откуда их набрать?.. Нет, еще раз нет. Каныш Имантаевич, извините меня, при всем уважении к вам скажу прямо: вы составили пока неосуществимый проект. Вижу, что вас все еще влечет юношеская романтика. А она в нашем деле не всегда помощница.

— Подсобных рабочих наберем там же, — уверенно проговорил Сатпаев, все еще надеясь убедить Яговкина. — Пригласим коренных жителей степи, которые сейчас заняты на транспортных работах. Знаю, на первых порах с ними будет трудно. Но если мои сородичи сумели обучить диких степных орлов для охоты, то, думаю, станки как-нибудь освоят...

Яговкин недоверчиво улыбнулся.

— Вы говорите о караванщиках, которые сейчас бродят по Жосалинскому тракту? Не стану зря чернить их, это надежные подрядчики, добрые, исполнительные, выносливые люди. Отлично разбираются в хитросплетениях степных дорог, терпеливо сносят нужду, отлично умеют ухаживать за своими верблюдами. Но научить их работать на буровом станке?! Для того чтобы освоить эту профессию, нужны годы, нужна, наконец, особая сноровка. Как вы обучите их маркировать керны, вести паспортизацию пробуренных скважин? Или поставите специального писаря возле каждого станка? А кто будет обслуживать двигатели? Нет и еще раз нет! Неужели вам невдомек, что замечательное мастерство наших людей — результат многолетнего опыта, закалки, не говоря уже о том, что все они поголовно грамотные! У нас есть кадры, которые работают в разведке десятки лет, есть целые династии буровиков, передающие свой опыт детям и внукам. Да к чему я все это говорю вам? Вы сами хорошо знаете их, видели своими глазами.

Так что не обессудьте, дорогой мой. Вас, Каныш Имантаевич, я считаю грамотным геологом, надсленным определенной интуицией и немалым кругозором. Ценю вас как коллегу, поэтому советую: немедленно откажитесь от своего намерения, на сегодня это неосуществимо, ваш проект далек от жизни, поэтому я буду выступать против него. Жезказганские недра мне известны, они не оправдают таких расходов. К чему тратить столько средств? Лучше вам переключиться на Турлан. За прошедший год, лишь слегка поковырявшись, извините за выражение, вы сумели доказать его перспективность. Поработайте там годика два-три, ей-богу, найдете миллионы тонн хорошего сырья, его хватит на десять жезказганов!

— Спасибо за совет, Иван Степанович. О Турлане я еще подумаю. Однако я пока не очень разуверился в Жезказгане. Если уж придется отказаться от него, то не раньше, думаю, чем прозондирую глубинные пласты, хотя бы для того, чтобы потом вовсе туда не возвращаться...

— Вы, оказывается, упрямец! — проговорил Яговкин и, будто желая смягчить сказанные до этого жесткие слова, неожиданно заключил: — Ладно, предлагаю вам джентльменское соглашение: в Жезказгане будем бурить двумя станками — и то ради того, чтобы не убить разом ваши замыслы, а Турлан будем разведывать вместе, так сказать, поделим по ровну и славу и хулу.

— Иван Степанович, все же последнее слово оставим за экспертами, — был ответ Сатпаева.

* * *

В Геолкоме тоже сочли проект Сатпаева фантастическим. Даже слышать не хотели о пяти или трех буровых станках, а о постоянно действующих агрегатах тем более. Канышу Имантайулы в лицо говорили, что он страдает излишней амбициозностью, за глаза именовали беспочвенным романтиком, парящим в небесах. А он, уверенный в богатстве недр родной земли, надеялся на благоприятное заключение профессора В.К. Котульского, главного консультанта Геолкома.

Дело в том, что все материалы по разведке Жезказгана были переданы Гипрозему, который в том же году должен был представить Карсакпайскому комбинату проект расширения его мощностей. Гипрозем, в свою очередь, за проверочной экспертизой обратился к крупному знатоку казахских степей В.К. Котульскому. За двадцать лет Владимир Клементьевич вдоль и поперек исколесил Прииртышский регион Казахста-

на и прославился как исследователь несметных подземных сокровищ Алтая. Именно с легкой руки профессора Котульского, еще в дореволюционную пору употребившего в одной из своих многочисленных научных статей название «Рудный Алтай» взамен «Российская Калифорния», навечно за замечательным краем закрепилось новое имя. Сатпаев верил, что известный на всю страну ученый поддержит предложения по организации широкой разведки недр Жезказгана.

Однако долгожданное заключение ученого было почти уничтожающим: **«Что касается вопроса о возможных запасах Жезказгана, то они, по-видимому, в лучшем случае, могут превысить вдвое известные сейчас... запасы металла».**

Впрочем, раскроем для читателей причину этой серьезной, но слишком «детской» ошибки знаменитого профессора. В.К. Котульский был питомцем, а к тому времени лидером известной Петербургской геологической школы. Ее последователи считали себя непревзойденными поисковиками, пренебрегая явными открытиями и свысока относясь к идеям других школ. По свидетельству известного писателя А. Бека (документальная повесть «Курако»), Котульский так отзывался об М.А. Усове: *«Мальчишка из бакалейной лавки, а не профессор геологии».* Вот что читаем дальше: *«Когда образовался Сибгеолком, петербургские геологи боролись против этого. Котульский пришел в ярость. Он отказался подчиняться «соплякам» и не подавал руки».* Так что, знакомясь с дерзким проектом мало кому известного инженера Сатпаева, выходца из бывшего кочевого народа, к тому же питомца сибирской школы и любимого ученика профессора М.А. Усова, Котульский, думается, вряд ли мог начисто отрешиться от своих пристрастий...

Хотя это было время ломки старых представлений и предрассудков, даже крупному ученому оказалось нелегко стать выше своих симпатий и антипатий. Не имея представления об истинной причине пренебрежения к его «фантазиям», Сатпаев в будущем переживет еще много трудностей и тревог из-за соперничества двух школ...

Итак, молодому инженеру, всего лишь второй год работающему в геологической разведке, было недвусмысленно указано: знать свое место, не рисковать своей карьерой ради какого-то сомнительного и затерянного в глуши месторождения. Лучше всего — забыть про свои прожекты и последовать советам старших коллег, принять посильное участие в проводимых Геолкомом разведочных работах...

Мы не знаем, как переживал Каныш Имантайулы свою неудачу с проектом. Приведем небольшой отрывок из его письма к Таиси, отправленного из Москвы 22 марта 1928 года, по свежим следам выше описанных событий. Вот как

он представляет разведочные работы на летний сезон: «Перечислю их вкратце: 1) Бурение одним станком на месторождении Кайракты 8 скважин по 50 метров глубины; 2) электро съемка 5 кв. км в Успенском районе; 3) бурение двумя станками 1500 метров в Жезказгане; 4) электро съемка 5 кв. км в Жезказгане; 5) разведка флюсов месторождения Найзатас (красные железняки); 6) геологические поиски в районе месторождений Мальтак (в Голодной степи, куда осенью не доехал Яговкин); 7) разведка Байконура (экспертиза Пригоровского и поиски с возможным бурением); 8) поиски огнеупорной глины в районе Карсакпайского завода; 9) изыскания на воду; 10) топографическая съемка двухверстного масштаба между Карсакпаем и Байконуром...» Как видим, молодой геолог по-прежнему полон энергии, он жаждет значительного расширения объема поисковых работ по всему региону.

Поисковые партии уже начали подготовку для выезда в степь. Первыми должны были отправиться электроразведчики. Да и сам Сатпаев решил ехать туда пораньше, чтобы за летний сезон сделать намного больше, чем в прошлом году. Лето в степи хоть и долгое, однако не успеешь два раза объехать все нужные места, где работают поисковики, и считай — конец разведочному сезону.

II

Нынешнюю зиму он провел без любимой. Со службы в КЦСНХ Таисию не отпустили. Каныш не пытался повлиять на это решение, не стал торопить ее с переездом в Москву. Он уже знал о вмешательстве некоторых недоброжелательных и недалеких земляков в его личную жизнь и служебные дела. Поэтому решил поберечь ее от напрасных переживаний. Жить вместе по-прежнему оставалось их заветной мечтой. Вот отголоски их чувств той поры — 1 января 1928 года, Таисия — Канышу: «Пусть этот Новый год станет последним, который мы встречаем врозь!», Каныш — Таисии: «Пусть следующие Новые годы неизменно будут встречаться нами вместе, за общим кубком!»

Он жил в своей холостяцкой комнате вместе с Галимтаем и, конечно, скучал. Племянник учился в школе. Был прилежен, сметлив. У него была мечта выучиться на разведчика недр, подобно дяде, а потом, овладев этой профессией, навсегда вернуться в родные края... К Галимтаю он питал особенное расположение, и даже тогда, когда племянник стал взрослым человеком, не переставал проявлять о нем заботу.

В письмах к Таисии за тот год часто встречаются упоминания о мальчике: «Галимтай, видимо, не особенно скучал по мне. Чувствует себя хорошо. Вручил твое письмо и тюбетейку. Очень обрадовался. Примеривши несколько раз на своей голове, он бережно сложил ее в ящик и сказал: “Когда она придет сюда, тогда я буду ее носить” (из письма, датированного 18 марта 1928 г.). “Галимтай на той неделе хворал гриппом. Теперь ему лучше, но имеет сильный кашель...” (письмо от 31 марта 1928 г.). “Галимтай с Файзуллой (сосед по квартире. — М.С.) уехали в цирк. Лишь я один сижу дома и тоскую. Хочется пить, но в кухне никого нет, зажигать примус я не умею. Ох, когда же кончится, наконец, эта одинокая жизнь?.. С будущей осени мы обязательно должны быть вместе, иначе я расклеюсь окончательно...”» (из письма от 15 апреля 1928 г.).

Угнетали Каныша не только тоска по любимой женщине, но и долгое отсутствие писем от родных и близких, по-прежнему живших в далеком Баянауле. А там происходили события, не совсем ему понятные. Особенно тревожила судьба двоюродного брата Абиkey Зеинулы, с осени прошлого года он томился в Семипалатинской тюрьме, притом без предъявления обвинения.

Каныш не мог остаться безучастным к судьбе Абиkey. Человека лишили свободы на основании кляуз его противников. Арестовали не кого-нибудь, а одного из активных деятелей казахстанского просвещения, много лет отдавшего воспитанию подрастающего поколения; сотни его питомцев пополнили ряды учителей казахских школ. Речь шла, наконец, о судьбе того, кто помог ему самому в выборе жизненного пути. «Здесь виделся с приехавшими из Кызылорды товарищами. Советуют подавать кассацию в Кызылорду, обещают поддержать. В частности, виделся с тов. Оразом (мы не знаем, кого он имеет в виду — Ораза Жандосова или Ораза Исаева, оба видные деятели, занимавшие в то время высокие должности в Казкрайкоме. — М.С.). Он сказал, что это дело ему известно, полагает, что оно возникло из-за аульной или внутругубернской вражды; если суд не прекратит дела, советует подавать кассацию в Кызылорду, где он обещает сделать указания о необходимости объективного рассмотрения этого дела...» — писал 22 декабря 1927 года он Таисии Алексеевне.

Однако с высоты сегодняшних дней, судя по дополнительно открытым документам, ясно, что здесь корень зла был глубже: жаждавший неограниченной власти и не жалевший крови степняков, малообразованный бывший дантист-техник, возомнивший себя пупом казахской земли, Голошкеин (прозванный партийными колле-

гами «Кужак», что означало дословно — «голощекий», в переносном смысле «голый король»), нацелившись на усмирение местных баев, заранее готовил «идеологическую почву» для решительных действий; он не исключал при этом вероятности яростного сопротивления наиболее образованных слоев казахской интеллигенции, особенно бывших алашордынцев, поэтому спустил надлежащие указания об изоляции слишком известных из них. Ясно, на местах эти «указания» поняли как приказ и, конечно, воспользовались ими для расправы со своими личными «врагами»...

Наконец дело А.З. Сатпаева рассмотрели в Семипалатинском облсуде, и, хотя были сняты некоторые пункты надуманного обвинения, его все же приговорили к трем годам лишения свободы. Но теперь появилась возможность обжаловать несправедливый приговор. И Каныш, отложив все свои служебные дела, в начале февраля съездил в Казахстан и добился отмены приговора Семипалатинского облсуда. Однако не успел он забыть волнения, связанные с этим делом, как на него обрушились новые испытания.

«От А.З. получил... одну телеграмму, писем еще нет. Настроения мои, Саулем, не скрою, сейчас не особенно важные. Начал было немножко покашливать, но сегодня сходил к врачу, и он сказал, что у меня серьезного ничего нет, а есть легкая простуда. Так что ты можешь совсем не беспокоиться... Из дому сведения получаю тревожные: идет джут, кроме того, арестовали моего единственного брата. Я уверен, что он ни в чем не повинен и поэтому его скоро должны освободить, но его отсутствие как раз во время джута может сильно отразиться на хозяйстве...» — писал Сатпаев 11 апреля 1928 года в Кызылорду.

Подавленное настроение, о котором Каныш Имантайулы говорил в письме Таисии Алексеевне, было вполне объяснимо. Приведем еще несколько выдержек из ранних писем к ней: *«Твой призыв «приехать в Кызылорду и навсегда!», написанный синим карандашом в конце письма, заставил меня надолго задуматься. Одно ясно, что в этом призыве чувство побеждает расчеты. Ты сама прекрасно знаешь, что и мне тяжело жить без тебя. Но пока мне нельзя навсегда приехать в Кызылорду. Вероятнее всего, что я приеду «насовсем» не в Кызылорду, а в Турлан».*

Вскоре выяснилось, что он не может приехать не только в Кызылорду, но и в Турлан, даже на жезказганские промыслы. Он и раньше подозревал неладное, отказывая Таисии в ее настойчивых просьбах об окончательном переезде в Казахстан. Случилось самое худшее: ему, инженеру, занимавшемуся геологическими делами, категорически запретили въезд в пределы родной земли...

Наступил апрель — начало поисковых работ. Все отряды, согласно подписанным договорам, давно выехали в степь. А Сатпаев вынужден сидеть в Москве, целыми днями созерцать голые стены служебного кабинета на Рождественке, 8, а ночью без сна ворочаться в постели. Что за напасть? В чем причина этого неожиданного запрета?

Причиной было то, что в республике началась экспроприация скота и имущества крупных баев. Решили провести ее быстро. По сути своей это была неизбежная акция, закономерно венчавшая закрепление советского строя в степи. Но увы! Как всегда бывает при проведении скоропалительных и необдуманных кампаний, в результате наломали много дров! И слишком ретивые активисты на местах стали усердно исполнять принятые «наверху» решения о «Малом Октябре». Так, например, «осудив» Абиkey Зеинулы в Семипалатинске, арестовали в Баянауле и Бокеша Имантайулы, чтобы припугнуть остальных, его срочно отправили в Павлодарскую тюрьму. И этой же «предусмотрительностью» сверхдательных чиновников был вызван запрет на проезд инженера Сатпаева в Казахстан, чтобы он «случайно» не помешал проведению задуманных Голощекиным «преобразований».

В тревожном ожидании томительно тянутся дни и ночи. Руководство треста тоже обеспокоено неопределенным положением своего сотрудника, но никаких решительных действий пока не предпринимает. То ли из-за необычных затяжных весенних холодов, то ли из-за пережитых волнений Каныш всерьез заболевает.

«Я действительно чуточку «изнемогал» в то время, — признается Каныш Имантайулы в письме к Таисии от 15 апреля 1928 года. — Но теперь, к счастью, болезнь, видимо, уже проходит. Во всяком случае, те шарики и облаочки, которые я принимаю сейчас, завоевывают мое уважение. Кашель прошел. В общем, как говорит врач, была простуда, так что ты можешь совсем не беспокоиться. Из дому и из Семипалатинска давно не получаю ничего. Такое молчание серьезно начинает меня беспокоить: тем более что на прямые мои телеграммы нет ответа... Саулем, ты совершенно права, когда пишешь, что мы сейчас льем в пустыне прозрачные воды. Меня особенно тяготит такая жизнь за последний период. Одно могу сказать, что так жить дальше очень тяжело для нас. Нужно нам пойти на многие жертвы во имя любви. В чем они — поговорим лично...»

В полной неопределенности проходит апрель, затем май. Лишь служба, пусть однообразная и утомительная, на время отвлекает от тяжелых мыслей.

«Комбинат, несмотря ни на что, живет все на старый лад с хроническими перерасходами... Импортное оборудование получено целиком и доставлено на Жосалы, так что с этой стороны пока все обстоит благополучно. Оборудование для Турлана тоже размещено...» — сообщает Каныш Имантайулы Таисии Алексеевне. «Тьма совещаний и заседаний. Возвращаюсь со службы обычно в 6—7 часов вечера, — пишет он в другом письме. — ...Разведка уже выехала на место работы, чтобы до весеннего разлива добраться до Карсакпая... Материалы, недостающие части оборудования уже приобретены. Куплен один «форд» специально для обслуживания разведки. Думаю, что буровым партиям... удастся не позже мая приступить к работе...»

К.И. САТПАЕВ — Т.А. КОШКИНОЙ, Москва, 7—10 мая 1928 г.

«...Положение в нашем ауле, судя по всему, создалось тяжелое. Ко всему, о чем писал раньше, присоединилась еще смерть отца и арест одного из двоюродных братьев. Отца я лично очень любил и уважал. Смерть его — для меня тяжелый удар!.. Каково положение пятерых малолетних детей и жены брата, а также моей старой матери — я не знаю, так как вот уже два месяца нет писем от них. Брат сейчас — в Павлодаре... Я принимаю все меры, чтобы его дело было рассмотрено вновь авторитетными государственными органами. Дело о нем настолько нелепо по существу, что я почти не сомневаюсь в успехе. Это дело — специфическое порождение степной глуши, состряпанное еще на основе взяток его личных врагов. Строгий и справедливый советский суд несомненно скоро раскроет все эти темные махинации. Но какие тяжелые переживания выносит его семья сейчас, без средств к существованию, без него, после смерти отца?.. Мне все это переживать тоже тяжело, но я все-таки не падаю духом...»

Наступил июнь. А геолог Сатпаев все еще в Москве. Вспыхнувшая было надежда, что ему вот-вот разрешат выезд на родину, снова угасла, единственным солнечным лучиком за все лето был неожиданный приезд Таисии на неделю. Тучи, собравшиеся над его аулом, все не расходятся. Галимтай вместе с земляками, которые отправились на лето в родные края, уехал в Казахстан. Сразу по приезде в Баянаул он телеграфировал: просвета в деле братьев не видно, весь скот конфискован, положение родных в ауле — хуже некуда...

Большая коммунальная квартира, переполненная зимой, к лету совсем опустела, все жильцы разъехались. И это непривычное одиночество тоже угнетало Каныша Имантайулы, он не знал, куда себя деть вечерами. И работа, прежде казавшаяся интересной, теперь сделалась бессмысленной, — ведь его отстранили от непосредственного участия в изысканиях...

По-видимому, в один из таких невеселых дней, не выдержав пытки одиночеством, он в который раз поехал в Казах-

станское постпредство. Представителем Казахской АССР в то время работал Абульхаир Искакулы Досов, один из активных участников установления советской власти в Прииртышье. С Досовым Каныш Имантайулы был знаком еще по Семипалатинску, где тот возглавлял губисполком. И в Москве они часто встречались как земляки и давние друзья; к тому же они были одногодками. Абульхаир Искакулы знал о причине вынужденной задержки Сатпаева в Москве в разгар поискового сезона, но помочь ему был бессилён. А Каныш снова и снова требовал ответа на свои запросы.

— Не кипятись, курдас*, располагайся поудобней, побалуемся чайком, — говорил Досов, усаживая земляка в кресло напротив себя. — Что изменится, если ты поедешь без разрешения? Прямо на станции Жосалы тебя задержит первый же милиционер, и пойдешь под суд как контрик. Ты — сын бая, это раз! Твои братья арестованы по политическим мотивам — два...

— Я советский инженер, Абе!

— Знаю, курдас. Но в степи объявлена беспощадная борьба с классовыми врагами советского строя. Лучше, друг мой, тебе переждать здесь. Ну, хотя бы до тех пор, пока улягутся страсти. Потерпи немного — все образуется, — успокаивал хозяин кабинета, разливая в чашки густо заваренный чай.

Каныш постоянно тянулся к этому человеку, тот имел крепкую политическую закалку, здраво мыслил, многие сложные вопросы решал по-житейски просто, притом решительно и быстро. И сейчас, когда беседа курдасов проходила с глазу на глаз, Каныш Имантайулы, давно терзаемый тяжелыми думами, проговорил почти со стоном:

— Что же мне делать? Даже на похороны отца не смог выехать! Ведь это родной отец, понимаешь! Нашли классового врага! Восьмидесятилетнего старика не пощадили, понимаете, Абе, его также подвергли оскорбительным допросам. Даже держали в тюрьме. И он не выдержал... А отец мой всю жизнь был защитником обездоленных. Два брата сидят в тюрьме. Абикейя-ага снова таскают по инстанциям... Не могу я, Абе, так бессмысленно сидеть в столице, хотя бы, на худой конец, дело какое-нибудь поручили...

— А ты не сиди, найди себе занятие. Мало, что ли, там у вас проблем в геологии... Какую-нибудь научную статейку сочини. Нельзя же себя убивать бездельем! — повысил голос Досов. — На то ты ученый-инженер у нас, мне бы твои зна-

* Ровесник.

ния, я бы горы сейчас свернул!.. Да, да! А ты уже скис. Э-э, не годится так. Джигита ожидают в жизни всякие невзгоды. Если он силен и мужествен, должен выстоять в любых передрягах!..

Казалось, ничем не утешил его земляк, но он подтолкнул его к действию, помог избавиться от уныния, вселил надежду на лучшее будущее. В те дни Каныш Имантайулы был занят составлением плана геологоразведочных работ треста на пятилетку, стол его был завален разнообразными материалами; и вдруг все это — служебные записки, колонки цифр, отчеты — стало выстраиваться в некое целое и принимать форму обзорной статьи по проблемам освоения полезных ископаемых Жезказган-Улутауского района.

Он пока не знает, во что это выльется, но всецело захвачен новым делом. *«Сейчас занят составлением одного доклада по Карсакпаю, который меня чрезвычайно занимает...»* — сообщает Каныш Имантайулы Таисии Алексеевне. И еще через несколько дней пишет: *«В Кызылорде, видимо, решили меня окончательно снять со службы в Атбасартресте. На днях ожидаю официального извещения. В связи с этим мои поездки в Казахстан отменяются. ... Друзья все мне советуют остаться еще на один год в Москве. Я сам тоже соглашаюсь с этим...»*

«...Живу все время здесь, да и, наверное, еще проживу довольно долго. В Казахстан и домой съездить нынче, по всей вероятности, не смогу. Придется, значит, глотать городскую пыль. В положении моем все еще нет перемен... Трест, видимо, возражает против моего ухода. Это, хоть морально, радует меня. Работал я действительно, что называется, на совесть, — сказано в письме Таисии Алексеевне от 13 июля 1928 года. — ... В случае ухода из треста можно мне поступать или в ВСНХ РСФСР (в Горный директорат), или в ВСЕКОПРОМСОЮЗ (в отдел кустарной добычи полезных ископаемых). Материальные условия в обоих местах хорошие (оклад больше, чем я получаю сейчас), но морально оба меня ничуть не устраивают, ибо поступить в первое, значит, окончательно оторваться от специальности и превратиться в чиновника-бюрократа, а второе — кустарщина. В Ленинграде говорил с Геолкомом: обещают, при моем желании, в любое время принять на службу; Котульский предлагает возглавить открываемое ныне Казахстанское отделение Геолкома... Сегодня отправил тебе телеграмму и просил прислать одну бутылку насыбая. Он у меня весь вышел, что меня заставляет подчас форменно страдать...»

Решение вопроса с выездом все откладывалось. А кампания на его родине, из-за которой Сатпаева удерживали в Москве, между тем набирала темп. За короткий срок была

проведена конфискация скота и имущества баев, а их самих выслали из Казахстана. Отобранный скот в основном распределялся между бедняками. Лишь небольшая его часть была передана только что организованным совхозам и коммунам.

К.И. САТПАЕВ – Т.А. КОШКИНОЙ, Москва, 21 июля 1928 г.
«Милая Тьюзе!

Вчера получил твою посылку. Пришла она весьма кстати, т.к. табак мой уже весь иссяк и я испытывал большие мучения... Положение мое, по существу, все еще остается неопределенным. Я лично бодр, т.к. ведь я ни в чем не виновен, за исключением того, что все свои силы и знания до сих пор беззаветно отдавал Казахстану. Так не может же без конца продолжаться несправедливая травля, которой подвергают меня некоторые мои личные недоброжелатели.

Дела треста идут хорошо: завод пустим в конце текущего лета. Работы по окончательному монтажу оборудования уже близятся к концу. На Жезказгане электрическая разведка и в этом году дала блестящие результаты: обнаружила четыре рудных аномалии между Жезказганом и Таскудыком. Это — принципиально важно, т.к. до сих пор рудоносность формации этих участков оспаривалась многими... От Ваганова (начальник Успенской буровой партии) и от Турланской разведки пока нет сведений. В последнюю поездку в Ленинград договорился с Геолкомом относительно экспертизы проф(ессором) Пригорювским Байконура и о геологопоисковых работах на воду и огнеупорную глину в районе Карсакпая и Байконура. Если эти работы увенчаются успехом, то единственно неприятным останется лишь пирит. Партия Болаттамского пиритоносного угля уже отправлена в Механобр для анализов. Так помаленьку закладываются все кирпичики для Карсакпая, под фундамент индустриализации Казахстана. Пока все идет бодро и стройно».

Любая беда имеет пределы. Иные испытания растягиваются на месяцы и годы. Иные имеют кратковременный характер. Несправедливые обвинения, обрушившиеся на род Сатпаевых, были вскоре сняты, тучи, нависшие над ним, вскоре рассеялись. Пожалуй, это можно назвать везением, ибо другие, не менее известные семьи пострадали больше, понеся невосполнимые потери...

И в один день все запреты и репрессии, направленные против них в последние годы, были отменены: Абиkey Зеинулы в то же лето приехал в Москву, подлечился, а затем уехал в Омск... *«Сегодня получил от него письмо. Поехал за семьей. Оклад — довольно хороший и место учителя одной из городских школ. Я рад за него. Мое положение тоже выясняется в положительную сторону»*, — сообщает Каныш Имантайулы

Таисии в письме от 28 июля того же года. Добрые вести пришли из Павлодара: оба брата Абдикарим и Бокеш были освобождены из тюрьмы. Бокеш, вернувшись в родной аул, стал работать секретарем аулсовета. Мало того, Галимтай сообщил, что треть конфискованного скота возвращена семье (десять лошадей, тридцать овец — пусть читатель сам рассудит, насколько был богат «экспроприированный» Имантай Сатпаев в тот знаменательный год, как крупный богатый человек степи).

«Настроение мое... улучшилось. Дела идут хорошо: разведка на Жезказгане вновь обнаружила руду мощностью в 3,5 метра, средним содержанием меди 6,5 процента; монтаж печи окончен, пуск завода будет не позже 15—16 сентября. Вопрос о моем выезде на предприятия окончательно решен, — сообщает он в своем письме от 4 августа Таисии Алексеевне. — В середине той недели (8—10 августа), наверное, выеду, сперва в Турлан, а затем — на Карсакпай. На Турлане получили нелады между персоналом партии и рудоуправлением: очевидно, «чин наскочил на чин». Только что получили донесение с комбината, что партией обнаружено новое месторождение руд, в 4,5 км от Турлана, в сторону Туркестана. Что это за месторождение, увидим. Успенская партия все еще молчит. Не знаю, удастся ли мне, как просишь, побывать в Кызылорде. Во всяком случае, без нужды по делу я не смогу даже на день-другой остановиться в Кызылорде... Здоровье мое сейчас прекрасное, я вовсе не превратился в «спичку», как думаешь. Насчет зимы все еще пока неясно: вероятнее всего, поеду на службу в Карсакпай, вообще в Казахстан. В Москве едва ли останусь позже декабря-января. Где бы я ни оказался зимою, одно ясно, что мы будем жить вместе...»

III

Чтобы исполнить сыновний долг, Каныш прежде всего должен был поехать в родной аул, поклониться могиле отца, побыть день-другой у старой матери, у родных, которые за последние зиму и лето перенесли столько невзгод и тяжелых испытаний, сколько не было у них за всю долгую жизнь. Но суровое время, заставлявшее Сатпаева рассчитывать каждый свой шаг, не позволяло ему отправиться в далекий Баянаул. Тем более каждый летний день инженера пусковой стройки был предельно загружен.

И он вынужден отдать предпочтение интересам службы: уже 19 августа Каныш Имантайулы в Туркестане, ожидает транспорт, чтобы немедленно выехать на Турланское месторождение. *«Сегодня же собираюсь вместе с директором ехать туда. Очень беспокоюсь... Директор наш здесь — человек новый,*

не привыкший работать в местных условиях. Отсюда и вялый характер работ. Сегодня он тоже едет с неохотой, уже несколько раз предложил выехать завтра. Но здесь мне решительно нечего делать», — сказано в письме к Таисии Алексеевне, отправленном из города Туркестана.

Прибыв на место, Сатпаев принимает меры к тому, чтобы без канители начать буровые работы... Через десять дней он перебирается в Карсакпай. Здесь круглосуточно идут завершающие работы перед пуском. Несколько запоздало строительство обогатительной фабрики, поэтому, чтобы не задержать пуск завода, Сатпаев находит выход: пока вести плавку на сырых рудах, срочно организовав добычу из более богатых пластов. А бурение на Жезказгане по-прежнему идет весьма успешно. Уже ясно, что и в этом году цифра разведанных запасов меди увеличится на 25–30 тысяч тонн.

Успех геологической разведки в Улутауских недрах воодушевил Каныша Имантайулы. Это видно из его очередных писем, своеобразных отчетов Таисии Алексеевне: *«Электро-разведка, поставленная нынче в виде опыта, опять дает благоприятные данные. Пригоровский оставил положительное заключение по Байконуру. По его мнению, угленосная площадь... гораздо шире разведанной до сих пор, — делится он радостью с ней в письме от 3 сентября, написанном из Жезказгана. — Он определенно указывает на правый берег Буланты. Размах грандиозный, но хватит ли на все это средств? Сомнительно. Во всяком случае, отрадно хоть то, что есть что разведывать...»*

Тресту в этом году явно везет в поисковых работах. Яговкин, выехавший на лето в Спасский район, сообщил, что им найдены новые залежи медной руды вблизи месторождений в урочище Кайракты мощностью до пятнадцати метров. По предварительным подсчетам, это даст более двух миллионов пудов меди дополнительно. Тем самым блестяще решалась проблема сырья для Спасского завода. Однако больше всего повезло геологу Михаилу Петровичу Русакову: он открыл в местечке Конырат, недалеко от берегов озера Балхаш, крупное месторождение меди.

Тем временем в Улутау происходили коренные перемены. Считанные дни оставались до завершения строительства завода. Байконурские шахты уже начали выдавать уголь. Жезказганские рудники были восстановлены. Действовала узкоколейная железная дорога. А сколько трудностей пришлось преодолеть покорителям степи!

«...Прервано всякое сообщение с Карсакпаем, и прекращена доставка хлеба, продуктов и оборудования, — сообщалось в телеграмме из Карсакпая правлению треста. — Находящемуся на Жосалах председателю правления К.И. Бронзосу с большим трудом удалось организовать один караван в сто вьючных верблюдов, отправлено 1300 центнеров муки. Бронзос выехал с верблюдами только 18 января. Снежный буран, морозы и гололедица усиливаются. Хлеба хватило до 15 января. По полученным сведениям, навстречу каравану комбинат послал 40 верблюдов. Сегодня мороз дошел до 33 градусов. На Байконуре рабочие-казахи прекратили работу из-за отсутствия продуктов».

Это лишь одна страница суровой героической летописи Жезказгана. Трудности были на каждом шагу, и заключались они не только в сложностях снабжения и неласковом климате. Не хватало специалистов, опытных рабочих. Недоставало жилья и хотя бы минимальных бытовых удобств.

И все же воля людей победила. 16 сентября 1928 года при большом стечении народа, собравшегося со всех рабочих площадок и близлежащих аулов, в торжественной обстановке пустили первую отражательную печь Карсакпайского завода. И та самая высокая труба, которую Сатпаев за много километров увидел с Жосалинского тракта, в тот день впервые начала извергать клубы дыма, тем самым объявив на всю Улутаускую степь о рождении первенца казахстанской социалистической индустрии.

А через месяц, 19 октября, в одиннадцать часов ночи первый конвертер Карсакпайского завода начал выдавать металл.

«Исключительной волей и энергией рабочих и административно-технического персонала большой медеплавильный завод Карсакпайского комбината пущен в назначенный правительством срок... — телеграфировали участники торжественного собрания, посвященного этому событию, председателю ВЦИК М.И. Калинину. — Жезказганские медные рудники, Байконурские каменноугольные копи развернули свою работу по обеспечению сырьем и топливом завода. Карсакпайские горняки, несмотря на исключительно тяжелые условия работы этого района, оторванного от железных дорог, в голодной казахской степи преодолели все препятствия. Три тысячи рабочих и административно-технический персонал поручили нам передать сессии ВЦИК их пролетарский привет и заверения, что возложенная на них правительством задача, несмотря ни на какие трудности, будет выполнена».

Успешно завершив все неотложные дела по Турлану и Жезказгану, да еще приняв участие в триумфальном пуске Карсакпайского медеплавильного завода, Каныш Имантай-

Carroll

Родители — Алма и Имантай Сатпаевы.

Аккелшская волостная школа, где К. Сатпаев учился в 1909—1911 гг.

Каныш — ученик
Павлодарского
русско-киргизского
училища.

Музей
К. И. Сатпаева
на родине —
в Байнауле.

Преподаватели Павлодарского училища.

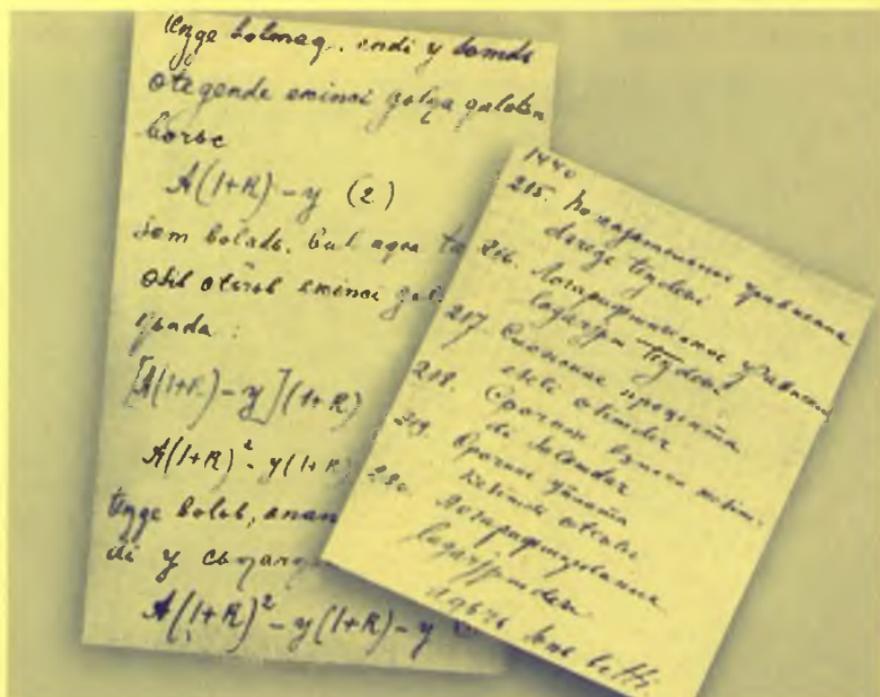
Здание Павлодарского училища, где учился будущий ученый
в 1911—1914 гг.

В здании Семипалатинской учительской семинарии до сих пор учатся будущие педагоги.

Страницы из учебника алгебры — первой научной работы К. Сатпаева.

Лидеры национального движения Алаш — Абкией Сатпаев и Ахмет Байтурсынов.

Сидящие в первом ряду, слева направо: Газиз, Камила, Абкией и Акимтай Сатпаевы.

Академик М. А. Усов.

К. Сатпаев в студенческие годы.

Один из старых учебных корпусов Томского технологического института.

Т. А. Кошкина и К. И. Сатпаев подружились в Томском технологическом институте.

Предгорья Улутау.

Геолог К. И. Сатпаев на Карсакпайском месторождении железистых кварцитов.

Т. А. Кошкина за обработкой экспонатов.

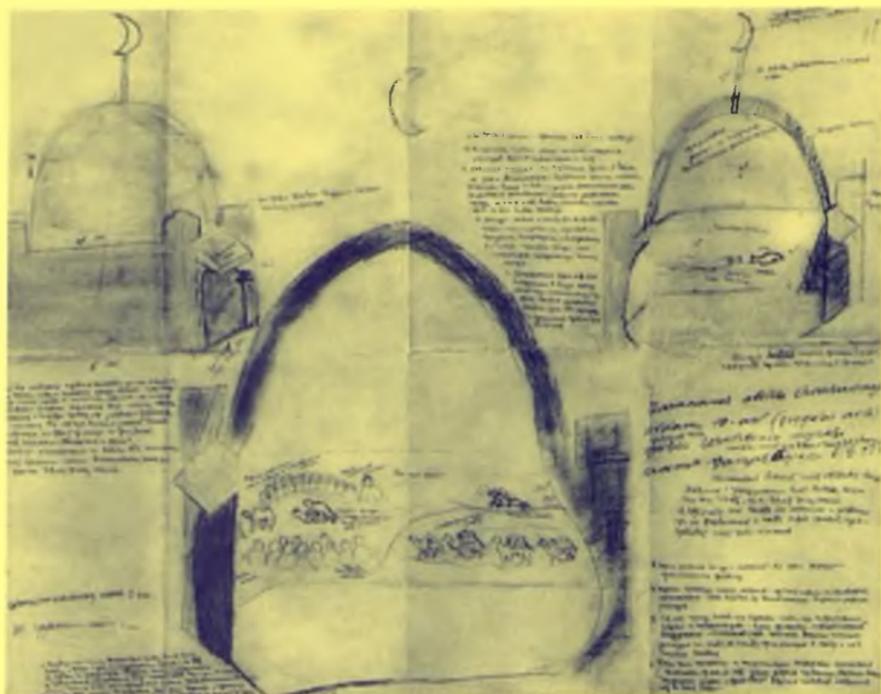
Рабочий поселок Карсакпай. В этом доме жила семья Сатпаевых
в 1929 — 1941 гг.

Геологический отряд в Улутауских стенах.
На фото справа — геолог Сатпаев.

Каменная плита с надписью Тимура, найденная К. И. Сатпаевым на вершине сопки Алтын-Шоки в 1935 г.

Общий вид Крашеного могильника.
 Чертеж выполнен К. И. Сатпаевым в 1938 г.

Жезказганские геологи К. И. Сатпаев и И. Н. Богданчиков.

К. И. Сатпаев у разведочной канавы. 1934 г.

Соратники в борьбе за Большой Жезказган, слева направо:
П. В. Прокопьев, В. И. Штифанов, К. И. Сатпаев, С. Ш. Сейфуллин.

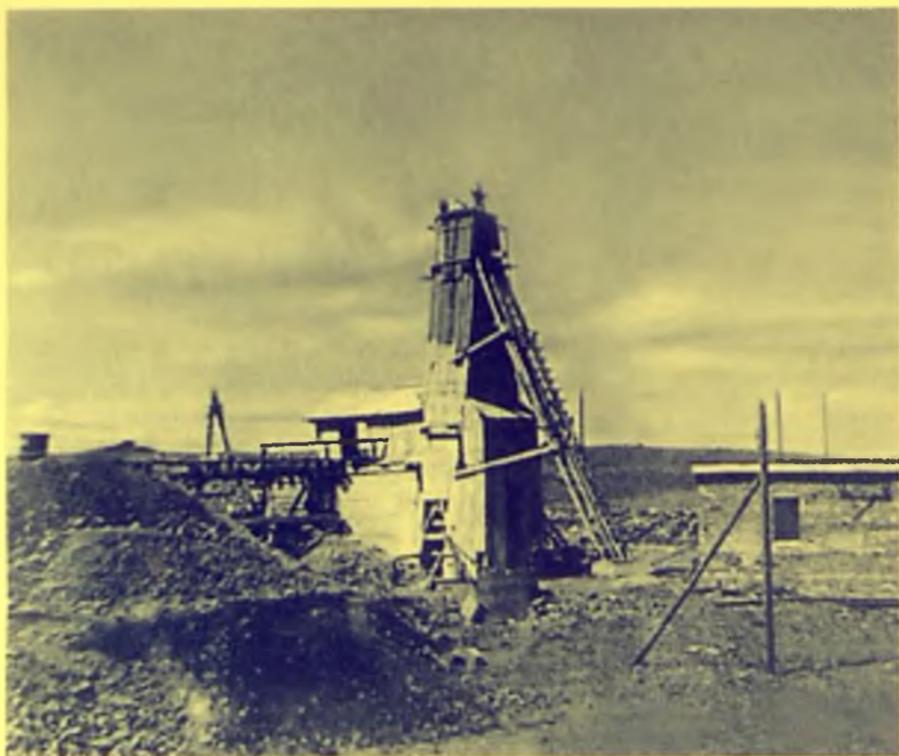

Место в степи, где сейчас располагается город Жезказган. 1928 г.

Таким стало это место в 50-е гг.

Одна из буровых установок.

Рабочий стол К. И. Сатнаева в карсакапайской конторе.

«Большому
Жезказгану
быть!» — заявил
К. И. Сатпаев.

В редкие
минуты отдыха
на маршруте.

улы наконец отправился в отпуск. Теперь-то у него появилась возможность исполнить свой сыновний долг перед памятью отца.

К приезду Каныша его старший брат был уже дома, сняли с него все обвинения. Но он был болен. Скорее душевное состояние было угнетенным после всего пережитого, измывательств. Бокеш стал молчалив и угрюм, прежнего веселого, жизнерадостного человека будто бы подменили. Он старался восстановить свое разгромленное хозяйство, но делал это без явного желания, скорее ради того, чтобы совсем не растащили последнее. Оба аула хаджи Сатпая были в трауре по недавно умершему главе, и это тоже отразилось на настроении не только старшего сына покойного Имантая, но и всех его домочадцев. Запоздалый приезд особо любимого бием Каныша эти печальные настроения только усилил, тем более о постигшем горе вновь напоминали родственники, знакомые из ближних аулов, приехавшие, чтобы выразить соболезнование младшему наследнику уважаемого человека. Конечно, прежнего большого наплыва людей не было. Баянаульская степь, раньше славившаяся многотысячными стадами, той осенью выглядела опустевшей. И аулы, густо располагавшиеся у подножия каждого холма или сопки, тоже поредели. Например, из многолюдного аула Шорман-бия с его разросшимися ветвями почти никого не осталось. Все были сосланы на запад Казахстана, в безводную глушь. А освободившиеся зимовки заняли бедняки, их же пастухи. Но многотысячные табуны и овечьи отары исчезли, как вода в песке, хотя все они нынешней весной были розданы ранее неимущим. Что будет дальше, как проживут эти бедняки, теперешние хозяева обширной и благодатной степи, знал лишь Всевышний...

В первый же день Канышу пересказали трагическую историю смерти отца. Оказывается, его тоже в дни конфискации их скота арестовали и заперли в каталажку в Баянауле. Повидимому, тоже хотели сослать вслед за Чормановыми. Но тут произошло то, чего никак не ожидали желавшие выслужиться местные белсенды. В Аккелинской волости, да и в ближних к станице аулах поднялся бедный люд, к нему присоединились жители «Кокжатака» из Баянаула. Словом, человек двести — верхом и пеших окружили здание тюрьмы, требуя немедленно освободить Имантай-бия. Они горячо доказывали, что он «никогда не был тем баем, за которого теперь его выдают, и всегда стоял за справедливость и оставался защитником обездоленных. Почему же теперь он должен страдать из-за злых наветов нечистоплотных людей?!...».

Шуму защитники старого бия наделали много. Местная власть, давшая распоряжение на его арест, поняв взрывоопасность ситуации, через день-два выпустила глубокого старика на свободу. Но для него потрясение оказалось жестоким, из казенного дома он вышел с сильной головной болью, и вечером, когда на телеге везли его в аул, прямо в дороге скончался. «Желанием почтенного Имеке было умереть под крышей собственного дома, видно, чувствовал близкий конец. Несмотря на поздний час, просил вести его в родной аул, к своим близким. Но, что поделать, так угодно было Аллаху, лишь несколько верст не доездили славного человека до дома», — говорили аульчане Канышу.

Позднее ему передали последнюю волю покойного отца. Старый бий очень скучал по нему, страстным и навязчивым желанием в последний год его стало еще раз увидеть младшего сына, по-отечески обнять. Теперь он глубоко сожалел, что насильно удержал старшего сына в ауле, тем самым не дал ему как следует учиться. Должно быть, понимал, что нынче лишь по-настоящему образованным людям — широкая дорога и почет в жизни. А младшим отец в душе гордился, особенно тем, что Каныш вышел в первые ряды своих соотечественников. «Каныш-жан мой работает в Москау, он вовремя и кстати освоил очень нужное нынче ремесло, и за это его уважают везде и всюду — и в Казахстане, даже там, в правительственных верхах. А кто из наших, кроме Чокана, добивался такого почета и славы в бывшей Росейской империи?! Не было таких лиц, никогда и никто не слышал! А теперь вот мой Каныш, сокол наш выдвинулся! Говорят, сами русские спрашивают у него совета. И как много он знает, рассудителен во многом. Если нынешние дела Каныша моего вперед продвигнутся, пусть сам Аллах поддержит его в этом, чует мое сердце, он сам прославится и наш народ прославит! Думаю, высоко он взлетит. Дай Бог ему здоровья и счастья в жизни и удачи на избранном пути!.. Только вы, близкие, всегда поддерживайте его во всем!» — говаривал глава аула в редкие часы уединения с близкими людьми.

Оказывается, он знал, вернее, догадывался о тайной страсти Каныша, о том, почему он редко заглядывает в родной аул и, приезжая один раз в год, всегда торопится быстрее уехать в город. И последнее пожелание, высказанное как завещание сыну, было по этому поводу: «Я не в состоянии запретить ему жениться на русской девушке, раз это веление времени... Но как отец прошу его, чтобы он никогда не оставлял мою любимую сноху Шарипу. В традициях предков

жить с несколькими женами, не нами они придуманы и не нам их менять. Так что пусть он живет с обеими и детей своих не отлучает от себя. Пока жив будет, дети должны всегда чувствовать отцовскую заботу!» — Передавая эти слова покойного отца, Бокеш не забыл и другой его наказ: «Отец наш был действительно мудр, знал и понимал жизнь лучше нас. Так что придется тебе исполнить и последнюю его волю. И еще он велел нам держаться друг за друга и жить всегда вместе. Нынче надежды на то, что животноводство прокормит наше многочисленное семейство — уже мало. По этой части ты тоже подумай: что нам делать, где жить и как прокормить наших домочадцев, где детей учить? На то ты государственный человек и по уровню знаний стоишь выше всех нас».

Каныш не стал спорить, признав свою вину перед близкими людьми, заверил брата, что постарается не нарушать отцовские заветы. Но заметил, что нынче уже поздно, на носу — зима, а в следующее лето, по-видимому, стоит всем аулом сообща переехать куда-нибудь поближе к городу, где есть школа и работа для взрослых. Было о чем задуматься сыновьям Имантая. Видно, что они уже ощутили на себе груз ответственности за весь аул, как-никак за спиной мудрого отца было им намного легче...

Кстати, отсутствие его чувствовалось везде и во всем. Даже в общении с близкими у Каныша не было прежнего задора и радости. Наверное, потому он, пробыв неполный месяц в родном ауле, уже в конце ноября заторопился в Москву.

Теперь лишь проблемы Жезказганского месторождения занимали трестовского геолога и в Казахстане, и в Москве, куда, закончив все свои дела, он вернулся на зиму...

За лето 1928 года бригада Геолкома, работая с двумя станками, пробурила в Жезказгане 28 скважин средней глубиной 56 метров. Зимняя проработка результатов сезона добавила к запасам месторождения еще три новые залежи.

Жезказган постепенно превращался в перспективное месторождение. Чем шире велась разведка, тем больше увеличивались известные мощности рудных пластов. Это дало возможность его исследователю выступить в печати со смелыми предположениями. В статье «Карсакпайский район и его перспективы», опубликованной в первом номере журнала «Народное хозяйство Казахстана» за 1928 год, Каныш Сатпа-

ев писал: *«Жезказган представляет в потенции одну из богатейших мировых провинций меди, в пользу которой в будущем уступят пальму первенства большинство известных медных провинций Америки...»*

Для того времени это был весьма смелый прогноз. Делать такого рода заявления на основе каких-то трех сотен скважин, и то неглубоких, проводить сравнения с мировыми провинциями меди — это казалось многим специалистам просто несерьезным. Но, несмотря на подобные скептические оценки, Сатпаев продолжал свое дело. Наряду с разведкой он создавал, как мог, славу Жезказгану. По его твердому убеждению, это самое крупное месторождение меди в Союзе. Карсакпайский завод, каким бы большим он ни был, не осилит жезказганскую рудную кладовую. Здесь нужен подлинный индустриальный гигант. Нужна надежная связь с внешним миром, а значит, ширококолейная железная дорога. Надо построить в долине Кенгира крупное водохранилище. А для осуществления всего этого нужны большие средства. Значит, задания по развитию Жезказганского района придется включить в пятилетний план.

Об этом Сатпаев говорил с трибун совещаний, печатал статьи в периодических изданиях. Писал заявки, официальные письма в руководящие плановые органы. Для него уже не существовало вопроса «Где работать — в Турлане или в Жезказгане?». А как смотрело на эти заявления геолога его начальство в главке?

Сохранилось много отписок, справок, экспертных заключений, где опровергались взгляды «молодого, еще неопытного и пока удачливого геолога Сатпаева, который своими лжепатриотическими, псевдонаучными, местническими» заявлениями атакует вышестоящие организации. Кто этот Сатпаев? Какие месторождения открыл до этого, чем он обогатил геологическую науку? Нет, если уж говорить о пятилетке, то в план надо включить Конрадское медное месторождение и строить завод-гигант на берегу Балхаша...

Таково было мнение крупных геологов. Об этом открыто говорили И.С. Яговкин, эксперты Геолкома профессор В.К. Котульский, В.П. Симонов, А.И. Тиме — почти все знатоки казахстанских недр. Словом, чем настойчивее доказывал Сатпаев замечательные перспективы Жезказгана, тем яростнее перечеркивали эксперты его доводы, отказывая в поддержке.

В этом споре справедливым судьей могло стать только время.

А ту свою первую статью Каныш Имантайулы закончил мечтательно и поэтично: *«Когда над Улутау впервые пронесется гудок заводской сирены, то он, несомненно, найдет свой мощный отклик далеко во всех уголках Казахстана. Усилителем же этого «эха» будут: 1) историческая популярность Улутау; 2) его центральное местоположение; 3) любознательность казахского народа и 4) даже его природная склонность к песнетворчеству, причем в новых песнях его, несомненно, будут звучать уже не былые ноты тоски и отчаяния, а другие, более бодрые ноты, полные мощи и отваги. То будут песни нового, нарождающегося индустриального Казахстана...»*

С ВЕРБЛЮДА НА МАШИНУ

I

Несмотря на трудности и преграды, чинимые экспертами, скептически оценивающими перспективы месторождения, геологическая разведка Жезказгана с каждым годом расширялась. Трест, заинтересованный в расширении своей деятельности, добился того, что план разведки на 1929 год был увеличен вдвое. Это значит, недра Жезказгана будут исследовать уже четыре «Крелиуса». Они должны бурить в четырех точках рудного района — на Раймундовском, Петропавловском, Никольском и Анненском участках. Геолком принял все предложения трестовского геологического отдела, без проволочек подписал привезенные им договоры, отказавшись лишь в организации глубокого бурения...

Между прочим, то был важный пункт общего плана разведки, составленного Сатпаевым для всестороннего исследования Жезказганской свиты, чтобы раскрыть всю мощь рудоотложений и узнать границы пределов распространения. Он закладывал в смету на нынешний сезон лишь один станок, но получил отказ. Геолог стремился во что бы то ни стало добиться проверки своей концепции в этом году.

К.И. САТПАЕВ – Т.А. КОШКИНОЙ, 22 марта 1929 г.

«Дорогая Тусенька!

Только что приехал в Свердловск и пишу это письмо в номере. Первое, здесь настоящая зима, буря, ветер, холод. Второе, во всем Свердловске оказалось всего три гостиницы и все заполнены народом. Жить буквально негде. Кое-как устроился в номере одной гостиницы и то только до девяти утра завтрашнего дня... В общем, как-то невесело и мрачно на душе. Во всяком случае, ясно одно, что чем ско-

рее я здесь покончу с делами и приеду обратно к вам, тем будет лучше. Какой уютной, ласковой теперь кажется наша квартира в Москве...

Целую тебя бесконечно и Галимтая. Свердловск».

Ему все-таки удалось осуществить свою затею: в ту поездку он подписал договор с буровым трестом «Уралгорконтора» и получил согласие мастера Александра, прежде занимавшегося глубоким бурением на Апшеронском полуострове, одно лето поработать на Жезказганских сопках.

Зиму 1929 года Сатпаевы наконец-то провели в Москве. Таисия устроилась в управление Атбасарского треста, Галимтай заканчивал среднюю школу. Однако и на этот раз супругам не суждено было долго прожить вместе. Благодаря усилиям самого Каныша буровые партии Геолкома отправились в поле почти на месяц раньше, чем в прошлом году, и главному геологу треста, жаждавшему поскорее приступить к задуманным работам, тоже пришлось спешно следовать в Карсакапай. А Таисия вынуждена была остаться в Москве на все лето. Она ждала ребенка. В начале осени родился сын. По желанию отца малыша назвали Арысланом.

Карсакапайский медеплавильный завод, хорошо обеспеченный минеральным сырьем, набирал силу. Начали выдавать руду две небольшие шахты, строились жилые дома, выросла рабочая поселок. Однако достигнутое не удовлетворяло главного геолога треста «Атбасцветмет». Его не устраивали не только темпы разведочных работ, но и их результаты. Да и поисковые методы оставляли желать лучшего. Обычно только с наступлением весны, когда земля освобождалась от снега, на сопках, где были отмечены рудопроявления, начинались буровые работы. Станки приводились в движение дизельными двигателями, для обслуживания которых требовались опытные мотористы, а их-то в Жезказгане не хватало. Дизелям нужны горюче-смазочные материалы. Их доставляли со станции Жосалы. Воду также приходилось возить издалека. Для этого к каждому станку был прикреплен возчик-казах. Обычно на эти работы нанимались местные жители со своими верблюдами и телегами. Поскольку воды не хватало, даже воду из шахт использовали как питьевую.

Бурением занимались в основном специалисты Геолкома, прибывшие из Свердловска, Подмосковья, с Украины. Это были мастера, мотористы, старшие рабочие. Несмотря на хорошие заработки, приезжие постоянно выражали недовольство. Проклинали палящее солнце, ругали все испепеляю-

щий ветер, днем и ночью дующий из Голодной степи; люди не могли привыкнуть к безмолвной однообразной степи, скучали по родным краям, лесистым, многоводным. Обычно те, кто проработал одно лето в отрогах Улутау, старались вторично не попадать сюда. Поэтому ежегодно состав рабочих обновлялся чуть ли не полностью.

Такую обстановку Каныш наблюдал в течение трех лет. За это время было открыто множество рудных залежей. Но это стоило громадных усилий — из-за любого пустяка приходилось семь потов пролить, а иногда, что греха таить, и на хитрость пускаться.

Для того чтобы изменить такое положение, был только один путь: взять разведку целиком в свои руки, распоряжаться не только средствами, но и всеми кадрами, вести поисковые работы круглогодично, в том объеме и в тех местах, которые определял бы он сам. Для этого требовались прежде всего средства. И немалые. Ведь нужно создать хорошую техническую базу, подготовить свои кадры бурильщиков, то, чего трест пока не имел. К тому же в этот год по решению ВСНХ Атбасарский трест цветных металлов был упразднен, на его базе организовали три самостоятельных комбината — Карсакапайский, Спасский и Турланский (Ачисайский). Всем трестовским специалистам предоставили право выбрать себе место службы. Ясно, что переезд управленческого персонала и технических специалистов из центра на предприятия также требовал значительных затрат, что и отразилось на расходах.

Часть работников, среди них некоторые ведущие инженеры треста, вовсе отказалась покинуть Москву. Их нельзя осуждать: не так-то легко сняться с насиженных мест, отказаться от привычной обстановки; тем более что предстояло жить в пустынной глуши, в плохо оборудованных домах, на значительном удалении от центров цивилизации. К тому же и в самой Москве был велик спрос на инженеров... Как одному из перспективных специалистов треста, показавшему себя за три года работы с лучшей стороны, Канышу Имантайулы главк предложил на выбор две должности: главного специалиста в московском управлении «Бурцветмета» и руководство вновь организованным трестом «Казмедьстрой» в Алматы... Но он решительно отверг оба предложения, административная работа в столичных городах не привлекала пока инженера Сатпаева. По его глубокому убеждению, геологу следовало сначала поработать в поле, казахская степь больше нуждалась в исследователях ее недр, чем в усидчивых чиновниках...

И осенью 1929 года Сатпаевы переехали в Карсакпай. Как раз вовремя: в одном из новых домов, построенных для специалистов, им выделили отдельную двухкомнатную квартиру. Теперь, живя здесь постоянно, они смогут круглый год заниматься тем делом, которому посвятили жизнь. К тому же в 1929 году Советское правительство выделило большие средства для ускоренного развития цветной металлургии. И обязало предприятия освоить львиную долю отпущенных сумм в ближайшие годы. Практичный Каныш не мог упустить благоприятный случай и приложил немало усилий, чтобы взять руководство геологоразведкой в свои руки.

К.И. САТПАЕВ — Т.А. КОШКИНОЙ, Москва, 25 декабря 1929 г.
«Милая Тусик!

Сегодня получил твое письмо. Успокоился хоть немного за Арыслана. Особенно в связи с наступившими при моем отъезде большими морозами и тем, что в квартире холодно, мне рисовались всякие ужасы. Очень рад, что он как-то перенес эти морозы...

Дела мои здесь двигаются постепенно... По-видимому, придется весь излишек буровых работ сдать Бурцветмету, а обработку материалов отдать Институту прикладной минералогии. Геолкому все же придется поручить консультацию ДКР (Джезказганский рудник. — М.С.), электроразведку, детальную геологическую съемку ДКР и поисковые работы на медь. В общем, получается новая перестройка всех работ. Букейханов кончает в ближайшие дни. Кажется, мне удалось окончательно склонить его поехать в Карсакпай... Со станками буровыми дело обстоит неважно. Они, вероятно, будут получены не раньше первых чисел мая. В общем, положение с заказами обстоит далеко не блестяще. Опять, по-видимому, придется порядочно потрепать нервы...

Ты никаких поручений или забот на себя сейчас не принимай... Конечно, я запрещаю тебе все, кроме Арыслана! Целую тебя и Арыслана тысячи раз. Твой Каныш. Сегодня вечером выезжаю в Ленинград...»

Как видим из этой, отнюдь не предназначавшейся для печати переписки, в Москве Сатпаева занимали прежде всего заботы геологоразведочного отдела. Пожалуй, самых больших усилий стоило ему добиться расширения функций отдела. Каныш Имантайулы просил, чтобы Карсакпайскому комбинату, помимо основных работ по добыче и выплавке меди, разрешили также разведку минерального сырья. Усилия инженера наконец увенчались успехом. Тогда же появился приказ Главметалла о передаче работ и всей техники от Геолкома вновь образованному отделу. Начальником и одновременно главным геологом его назначался инженер К.И. Сатпаев. То, что Каныш вынашивал все эти годы, стало

реальностью. Теперь у него в руках и буровая техника, и средства. Он имеет право вести разведку в необходимом объеме, волен затрачивать на это значительные средства. Сам себе хозяин!

Когда он получил приказ о новом назначении, оказалось, что в его подчинении нет ни одного бурового мастера, нет коллектора, нет даже лаборанта. Специалисты Геолкома по сложившейся традиции с окончанием сезона разъехались по домам. Уговоры начальника отдела, пытавшегося задержать их, результатов не дали. Перспектива остаться на постоянное местожительство в безводной, пустынной глуши никого не прельщала. Как же найти выход? Не поехать ли на поиски людей в Москву, Ленинград, Свердловск? Пойти на обман, посулив специалистам райские условия в Жезказгане? Чего он этим добьется? Удержит геологов здесь от силы год. А дальше снова таким же способом набирать новых? Нет, этот путь не годится. Когда Сатпаев мечтал взять разведку в свои руки, он думал иначе. Ему хотелось создать постоянный, спаянный коллектив и по-настоящему разведать недра Жезказгана, добраться до его потаенных глубин.

С.Ш. СЕЙФУЛЛИН, геолог, член-корреспондент НАН РК:

«Я родился и вырос в татарской слободке Атбасара. Это совсем недалеко от Улутау. В 1924 году поступил на рабфак Казанского университета, а оттуда через два года отправился в Московскую горную академию. После третьего курса студенты должны были пройти производственную практику в геологической партии. В мае 1929 года я приехал в Байконур и устроился коллектором в геологоразведочную партию Геолкома. Ее начальником был тогда Дмитрий Назарович Бурцев...

Однажды, к исходу длинного июльского дня, в комнате, служившей для нас жильем и конторой, ввиду отсутствия стола, лежа на полу, на кошке, на листе фанеры, используемой в качестве чертежной доски, я занялся оформлением одного геологического профиля месторождения по линии разведочных буровых скважин. Кроме меня в комнате никого не было. Вдруг слышу, кто-то зашел. У порога стоял рослый, стройный мужчина нерусской национальности, в форменной фуражке горного инженера и молча наблюдал за моей работой. Я догадался, что это и есть геолог Сатпаев, о котором не раз слышал от своих коллег по Байконурской партии. Я быстро поднялся на ноги, сделал встречный шаг и пожал протянутую мне руку. Он спросил, улыбаясь, с кем имеет дело и что я делаю, лежа на пузе. Я назвал свою фамилию... Она выдала мою национальность, и он спросил уже на моем родном языке:

— Вы татарин? Не ошибся ли я?

Я ответил на казахском языке, стараясь подчеркнуть свое безупречное владение местным лексиконом. Между нами завязалась непринужденная беседа, запомнившаяся надолго своей какой-то

теплотой. Разумеется, больше говорил и спрашивал он, а я лишь слушал и отвечал на его вопросы.

Он не скрывал своей, я бы сказал, радости, вызванной тем неожиданным для него фактом, что я, в скором будущем инженер-геолог, являюсь по существу местным жителем... и что я наверняка стану надежным пополнением рядов очень недостающих здесь специалистов. Я тоже не мог не быть откровенным и сказал, что именно услышанные мною в детстве рассказы о Жезказгане, Карсакпае и Байконуре послужили главной причиной выбора мной профессии геолога и поэтому я хотел бы быть полезным человеком в освоении природных богатств именно Жезказган-Улутауского района... Уходя, он сказал:

— Я скажу Бурцеву, чтобы вас назначили старшим коллектором. Не возражайте, студенту лишняя десятка не помешает.

Все лето мы виделись изредка. При каждой встрече он подробно интересовался моими делами. Признаюсь, я с восхищением смотрел на интеллигентного и участливого инженера-казаха и старался как можно лучше выполнять его задания.

Наступила осень, моя практика подходила к концу. Как-то раз Каныш Имантаевич вызвал меня к себе и сказал:

— Саид, у меня к вам просьба. Положение Жезказганской партии тяжелое. Рабочие Геолкома, несмотря на наши настойчивые просьбы, не хотят оставаться на зимние работы, не приживаются. Надежда на вас. Может быть, для родных мест, ради нашего Жезказгана пожертвуете годом учебы?

Он говорил очень горячо, убедительно, и я, недолго поразмыслив, согласился. Вскоре меня назначили временно исполняющим обязанности начальника буровой группы. К тому же я продолжал по совместительству занимать должность старшего коллектора».

Халык ТЕМИРБАЕВ, буровой мастер, старожил Жезказгана:

«Мой аул расположен в долине Кенгира. В 1929 году была засуха, и посеянный нами хлеб сгорел. К осени многим джигитам пришлось податься в Карсакпай, Жезказган. Скитаясь в поисках работы, я попал в Таскудук, где стояла вышка буровиков. В то время я не говорил по-русски, хлеба не мог выпросить. Русские рабочие не поняли меня, но привели к палатке, стоявшей рядом с буровым станком. Из нее ко мне вышел молодой, представительный джигит, приветливо поздоровался. Я изложил свою историю.

— Хорошо, устрою вас младшим рабочим, — сказал он, — но потом долго не отпустим...

Это было мое первое знакомство с Канышем. В дальнейшем мы до того подружились, что Каныш меня называл Хал-ага, а я его Кан-ага.

Обязанности младшего рабочего на буровой — в основном быть на побегушках. Сходи туда-то, принеси то-то. Подвозил на верблюдах воду, горюче-смазочные материалы. Крутил ворот ручных станков, постепенно стал разбираться и в машинах. А поначалу таких названий, как «труба», «стержень», «блок», «вал», «винт», «гайка», просто не существовало для меня. Тогда все это я называл просто железным прутиком или железом с дыркой.

Когда я появился на буровой в Жезказгане, там уже работали несколько наших джигитов. Устроившись, я потянул сюда других парней нашего аула. Всякий раз, когда Каныш приезжал проверить работу станков, он расспрашивал нас о житье-бытье, о детях. Вытащит шапку*, предложит нам насыбая. Улыбнется, скажет:

— Не думайте, что вы подрядились на время. Теперь от этой буровой вам не уйти. Пока не состаритесь, не отпущу вас...

Мы думали, что он шутит. Оказалось, он говорил всерьез. Однажды глубокой осенью приехал невеселый. Собрал нас и говорит:

— Учитесь всему, что делают русские мастера. Вскоре они уедут, тогда вам придется туго. Ведь буровую забрасывать нельзя — сами будем работать.

Не поверили мы ему. Куда нам без русских работать? А он, Кан-ага, говорил правду. С наступлением первых холодов приезжие отправились по домам. Теперь нам действительно пришлось встать за станки. Поначалу было совсем тяжело. Каждый день поломки. Час работаем, два часа чиним. Даже готовую скважину загубили: вдруг теряем колонковую трубу, а как вытаскивать ее, не знаем. Таким образом, многодневный труд целой бригады пропадал из-за нашей оплошности, иной раз приходилось все начинать сначала. Хорошо еще, Каныш не ругался. Сроду не видели мы такого мягкосердечного человека. Придет, улыбнется, если что-то не в порядке, покачает головой. И станет объяснять, как выходить из положения. Меня он назначил сменным мастером. Но какой же из меня тогда был мастер? Я ведь даже цифры не разбирал на измерительных линейках. Пробуренные глубины отмечал карандашом на палке и при пересменке другой, грамотный мастер обмерял их и записывал в карту. Мудреные названия инструментов я также долго не мог освоить и поэтому придумывал им новые имена. Помню, разводной ключ называл «кыркадил».

Но работал я прилежно, как и все мои товарищи. Со временем не считались. Учились со старанием, лишь бы Каныш был доволен. Может, поэтому и Кан-ага любил нас, как родных братьев. Не раз случалось, что он оставался ночевать в нашем бараке, тогда чуть не всю ночь мы проводили за разговорами».

Тимофей ЗВЕРИНЦЕВ, буровой мастер, старожил Жезказгана:

«Я родился и вырос неподалеку от Акмолинска. В 1926 году в газетах появились объявления, что в Карсакпай требуются рабочие. Отец, старший брат и я подались на заработки в Жезказган. Отец и брат устроились крепильщиками на первую шахту, а я, не годившийся по летам для подземных работ, определился конюхом в хозяйств комбината.

В скором времени произошло мое знакомство с Канышем Имантаевичем. Правда, это сказано, пожалуй, слишком сильно — даже заговорить не смел с инженером, ведь я был еще мальчишкой. Видно, Сатпаев заметил мою расторопность. Однажды приходит на конюшню и говорит мне:

* Сосуд для жевательного табака — насыбая.

— Тимоша, хватит тебе ходить за лошадьми. Переходи ко мне. Я набираю людей для разведгруппы. Научись хорошему делу, которое будет кормить тебя всю жизнь.

Я передал его слова отцу. Он сказал: «Сатпаев — человек, верный своему слову. Если он тебя заметил, это твое счастье». Я дал согласие и перешел в геологоразведочную партию. В трудовой книжке эта дата указана точно: 25 мая 1930 года.

В то лето мы работали под началом Александрова. Был у нас такой мастер, виртуоз глубокого бурения. Каныш Имантаевич пригласил его из Свердловска, заранее оговорив, что он, кроме исполнения своих прямых обязанностей, будет еще обучать наших людей своему ремеслу. Сначала я был в его бригаде младшим рабочим, а потом Сатпаев назначил меня старшим над десятью парнями-казахами и всех нас прикрепил к Александрову. Почему меня так быстро «повысили в чине»? Думаю, потому, что я был самым грамотным — закончил несколько классов, а это по тем временам было немало. Да и по-казахски я говорил хорошо. Джигиты, которых Каныш Имантаевич представил ко мне, всегда толпились рядом, когда Александров начинал объяснять, — я для них толмачом был».

В тот год в Казахстане работали считанные предприятия. Риддер, Эмбанефть, Ачисай, Караганда, Спасск, Турксиб — вот те немногие названия, с которыми связывали начало индустриализации обширного края, богатого минеральными ресурсами. Среди них был и Карсакпай. Газеты писали о нем почти ежедневно. Может быть, поэтому сюда стекалось множество людей, особенно из ближних мест — из Атбасара, Акмолы, Петропавловска, Жосалы, Казалинска, Кызылорды, Туркестана, Аулие-Ата, из Ташкента. Таким образом не составляло труда отобрать из этой массы кандидатов для работы на буровых. Но сложность заключалась в том, что все они были не подготовлены для такой деятельности и почти поголовно неграмотны. Значит, инженерам и техникам геологического отдела предстояло не только подыскать джигитов, годных для тяжелой, специфической работы, но и обучить их профессиям буровика, моториста, коллектора, лаборанта...

Чем вскоре и занялся молодой коллектив геологоразведочного отдела, возглавляемого неутомимым энтузиастом этого дела, инженером Сатпаевым.

II

Итак, постоянно действующая геологоразведочная служба Карсакпайского комбината начала свою работу. В то время весь ее административный штат размещался за двумя письменными столами в помещении, занимаемом канцеля-

рией главного механика. Да и то один из них постоянно пустовал — начальника отдела можно было скорее найти на разведочных объектах. В Байконуре велись поиски угля, изыскания руды — на Жезказгане. Увеличение отпущенных средств круто изменило положение. Не использовать такую возможность было бы непростительной ошибкой. Надо немедленно действовать: добиться того, чтобы на бурении постоянно работали 15 станков, причем половина из них не должна останавливаться и в зимнее время; необходимы небольшие отряды под руководством опытных геологов, которые будут вести поисковые работы вокруг месторождения в окружности 100–150 и далее километров; по убеждению Сатпаева, недра Улутау содержат, кроме меди, и другие полезные ископаемые... А в итоге нужно добиться, чтобы в ближайшие годы в отрогах Улутау постоянно работали 25–30 буровых станков.

План разведки, предложенный отделом после обсуждения на техсовете комбината, был утвержден без изменения. Затем Сатпаев повез эти материалы в Москву. Но здесь он встретился с неожиданными преградами. Главметалл не стал сразу рассматривать его планы, а поручил изучить их специалистам Геолкома. А экспертная комиссия Геолкома не спешила соглашаться с выводами инженера Сатпаева: «Когда же этот фантазер спустится с облаков на землю?» В конце концов, отклонив его расчеты (было решено, что представленный проект — это утопия, не стоящая внимания), Геолком «разрешился» встречным документом под названием «Пятилетний план разведки Жезказгана». Теперь жезказганскому геологу было предложено ознакомиться с проектом Геолкома и высказать свое мнение. Убедившись, что специалисты из центра остались при своем прежнем мнении относительно перспектив Жезказгана, Каныш решил и на сей раз бороться до конца. Он напомнил прежде всего о давних заблуждениях экспертов Геолкома. Теперь же, по его мнению, они не желали верить в большие возможности месторождения не потому, что им не доставало данных, а потому, что не хотели признать ошибочными свои ранее сложившиеся воззрения. Но и Сатпаев тоже не тот малоопытный геолог, каким он был три года назад, теперь он вооружен весомыми доказательствами своей правоты.

И тогда авторы нового проекта выдвинули ряд доводов, суть которых состояла в том, что отдел промышленного комбината по своему назначению и возможностям не в состоянии заниматься поиском сырья: ему бы справиться с задачей

надлежащего контроля за технологией добычи уже разведанных руд. А разведка запасов — это испокон веков дело специализированных геологических служб.

Спор разрастался, обе стороны не могли прийти к единому мнению. Для вынесения окончательного решения Главметалл создал особую комиссию, которая должна была принять решение на месте, в Жезказгане. В нее вошли как главный специалист из Геолкома И.С. Яговкин и другие геологи, а с Карсакпайского комбината — его директор Р.А. Дрейман и начальник геологоразведочного отдела К.И. Сатпаев.

В начале года специалисты главка под руководством И.С. Яговкина прибыли на месторождение. Они проверяли разведанные участки, скважины и их паспорта. Однако свое первоначальное мнение приезжие геологи не изменили. На их взгляд, проект Сатпаева — фантазия, далекая от действительности. Для Жезказгана ведение разведочных работ в таком широком масштабе неоправданно, да и выдержать предусмотренные планом темпы невозможно. Здесь вполне достаточно трех-четырёх станков. Обеспечить рабочими хотя бы эти агрегаты и то проблема. В доказательство своей правоты эксперты приводили темп буровых работ истекшего года. Прошлым летом четыре станка сделали всего 44 скважины со средней глубиной по 58 метров. И то их бурили не жезказганцы, а рабочие Геолкома. Теперь усилиями Сатпаева они «отстранены» от работ. А ведь эти люди хорошо знали недра Жезказгана. Потому-то они и были осторожны в своих оценках. Сатпаев специалист молодой. Ему бы надо быстрее отказаться от своих местнических представлений и смотреть на окружающее не глазами фантазера, а как подобает технически грамотному человеку. Это будет полезно и для него самого, и для реалистической оценки месторождения. Наилучшим решением будет скорейшее возвращение сюда геоломовских специалистов... Таковы окончательные выводы комиссии. К подобному же выводу пришел геолог В.П. Симонов, эксперт, дополнительно привлеченный Главметаллом. После возвращения из Жезказгана он открыто заявил: *«Действия Сатпаева — пустая возня. Постановка разведочных работ в Жезказгане в таком широком масштабе — невыполнимое дело».*

Спор как будто окончен. Вынесен суровый приговор: умерить фантазию; месторождение рядовое, здесь что-то есть, но разведку следует вести осторожно. Нет гарантии того, что колоссальные затраты на широкую разведку оправдаются...

Однако специалисты Геолкома и руководители Главметалла еще мало знали Сатпаева, его непреклонный характер. Молодой геолог принадлежал к тем людям, которые не отказываются от дела, в которое однажды поверили, и готовы бороться до конца. Вскоре в этот спор, очевидно, не без участия Сатпаева, вмешалось и правительство республики. Был сделан вывод: «Жезказган — один из тех перспективных районов зарождающегося Казахстана, на будущее которого грудящиеся автономной республикой смотрят с большой надеждой, и, конечно, будет ошибкой решать его судьбу, учитывая лишь одни сугубо тенденциозные мнения малого круга специалистов, объявляя при этом противоположное мнение других местническим; лучше вернуться к этому вопросу еще раз, привлекая к обсуждению более компетентных людей».

Настойчивые ходатайства руководства республики возымели свое действие. И Сатпаев добился, наконец, рассмотрения своих предложений на заседании горно-металлургического сектора ВСНХ. Обсуждение превратилось в горячий спор. Каждая сторона пришла во всеоружии и не хотела сдавать свои позиции.

— На сегодня вопрос состоит не в том, есть ли медная руда в недрах Жезказгана. Это прояснит будущая разведка. Мы не согласны с товарищем Сатпаевым, что необходим столь большой объем поисковых работ. Считая, что руда месторождения недостаточно изучена, неясен ее генезис, мы предлагаем вести разведку Жезказгана без спешки, постепенно. Это позволит нам расходовать средства понемногу и рационально. В условиях отдаленной степи, где совершенно отсутствуют кадры разведчиков, — это единственно правильное решение. А товарищ Сатпаев хочет поступить наоборот. По его мнению: Жезказган — самая настоящая мировая медная провинция. И поэтому он считает, что разведка должна идти здесь широким фронтом и в ускоренном темпе. Ради этого он даже идет на авантюристический шаг. Как иначе назовешь его выступление в партийной печати республики под громким названием «Большой Жезказган»? Спрашивается, где он вычитал об этом или с кем согласовал данный термин? Сатпаев выдумал его сам и рекламирует везде и всюду. И самое пагубное, он свои лженаучные, псевдопатриотические и националистические идеи пытается навязать партийным органам, печати, кое-кому из государственных деятелей. Единственный довод, который он приводит для подтверждения своих убеждений: «Если в Казахстане обнаружены «Рудный Алтай», «Уникальный Конырат», почему бы не быть «Большому

Жезказгану»? На первый взгляд неотразимый факт! Однако это давно известная болезнь всех молодых геологов, она называется гигантоманией: во что бы то ни стало сделать заявку на грандиозное месторождение, прославиться как удачливый и знающий геолог. А масштабы Жезказгана еще требуется доказать — действительно ли большой он или малый... Это во-первых. Во-вторых, какими силами коллега хочет вести широкую разведку, не располагая обученными кадрами? Он хочет за один год кочевника-казаха превратить в бурового мастера. Разве это мыслимо? Нет, и поэтому надо назвать возможные результаты такого эксперимента своим именем. Это называется пустить государственные средства на ветер.

— Что скажете на это, товарищ Сатпаев?

— Сначала я хотел бы выразить свою благодарность специалистам Геолкома. Потому что эти же товарищи всего три года назад заявляли мне: в Жезказгане, мол, нет ничего стоящего и поэтому незачем там проводить буровые работы. Теперь оказывается, там кое-что есть, но разведку нужно вести не спеша.

— Говорите по существу, это не доводы.

— Если говорить по существу, я должен открыто высказать свое удивление детскими рассуждениями некоторых взрослых людей относительно наших степей. Не так давно специалисты, которые даже не видели месторождения, без стеснения сделали вывод, что меди там быть не может. А другие, приезжая в Жезказган на два-три дня, увидев голую заснеженную степь, говорили: «В таких местах невозможно вести разведочные работы». Я тоже хочу назвать некоторые вещи своими именами, как призывали здесь мои оппоненты. Их подход — самый безответственный подход к государственному делу. Нетрудно догадаться, чем продиктованы эти предосторожности: не нажить бы на свою голову неприятностей, ведь если прогнозируемые запасы руд не подтвердятся, кому отвечать придется — Сатпаеву, которого никто не знает в среде геологов, или нам, позволившим ему транжирить большие государственные деньги? Чтобы не продолжать этот спор дальше, я предлагаю: недра Жезказгана нужно разведать широким фронтом на большую глубину. Для этого требуется много средств, техники, необходимы кадры буровиков. Но в первую очередь нужны ваши доверие и поддержка. А мы, карсакпайские геологи, готовы взять на себя всю полноту ответственности.

— Вы, вероятно, понимаете, что просите не сто или двести тысяч, а миллионы?

— Да, я умею считать деньги.

— Как же вы хотите решить вопрос с кадрами?

— Выступавший передо мной товарищ вызвал улыбки слушателей, когда упомянул о кочевнике, который, оставив своего верблюда, пришел на буровую. Мне кажется, это вовсе не смешно. Это явление, которое должно нас радовать, которое мы должны всецело одобрить! Ведь пришел к нам человек, разбуженный нашими социалистическими преобразованиями. Это не следствие духа местничества, а патриотический вклад, вносимый вчерашним кочевником в великие свершения, происходящие на его родной земле. Конечно, я не утверждаю, что кадровый вопрос у нас решится легко. Но, во всяком случае, мы будем стараться не выпрашивать у вас специалистов. Только выделите нам достаточные средства для подготовки буровиков...

Но долгое обсуждение ничего не дало жезказганским разведчикам, ассигнования не были увеличены. Сектор ВСНХ все же предпочел поверить экспертам из Геолкома, и предложенный Сатпаевым пятилетний план широкой разведки Жезказгана провалился. Взамен ему почти насильно сунули мизерную программу Геолкома.

Что оставалось делать? Смириться и, признав свое поражение, вернуться в Улутау? Нет! Он как никогда уверен в себе, в подземных богатствах жезказганских недр. И решает искать новые пути. Весной 1930 года он попал на прием к председателю Госплана СССР академику Г.М. Кржижановскому...

— Глеб Максимилианович, обратите внимание только на одно обстоятельство, — начал Каныш Имантайулы. — Что выгоднее: разведывать месторождение, расположенное в пустынной степи, силами ленинградских специалистов, которые лишь на четыре-пять летних месяцев будут приезжать туда для работы в поле, или, организовав там постоянно действующую геологическую службу, исследовать казахстанские недра круглогодично? Это во-первых. Второе, во что обойдется ежегодно приезд к нам с Урала, Украины или из Ленинграда рабочих-буровиков — подсчитать недолго; не лучше ли набрать такие кадры из местного населения, которое гораздо выносливее и привычнее к испепеляющей жаре летом и адским морозам зимой, характерным для этих широт? Эти люди никуда не уедут, они привыкли к суровому климату Жезказгана и неприхотливы. Проблема лишь в том, что они пока не обучены буровому делу. Но это вопрос времени...

Неизвестно, какие еще доводы он приводил и в какой обстановке проходила беседа, но факт, что после этой встречи

Главметалл вынужден был выделить дополнительные суммы на разведку. Геологическому отделу Карсакпайского завода отпустили не только средства, но и предоставили буровую технику, даже фондовые материалы...

Из воспоминаний эксперта Всесоюзной комиссии по запасам полезных ископаемых Комитета по делам геологии при СНК М.П. РУСАКОВА:

«...Сразу же бросалась в глаза, во-первых, минималистическая тенденция в оценке общих перспектив Жезказгана с учетом лишь богатых руд, как это делали и английские концессионеры; во-вторых, крохоборческий подход работников Геолкома к масштабу проводившихся здесь геологоразведочных работ... И, конечно, нельзя было не согласиться, что... К.И. Сатпаев совершенно правильно и впервые в истории этого рудного поля определил и его масштаб, и масштаб перспективных запасов меди в недрах Жезказгана, которые можно и должно было выявлять не тысячами метров бурения, а многими десятками и сотнями тысяч метров... Не могу забыть, как... Каныш Имантаевич сказал мне: «Я очень ценю и понимаю такие твои крупнейшие достижения, как Конырат и прочие, но поверь мне, Михаил Петрович, не пройдет и 15 лет, как наш геологоразведочный коллектив в Жезказгане сделает здесь несколько Коныратов. Я в этом больше чем уверен». Такова была сила научной интуиции и здорового оптимизма у молодого Каныша Имантаевича, которому тогда чуть перевалило за тридцать лет».

III

В эту зиму должны были работать три станка. Когда Каныш возвратился из Москвы, все они стояли. Оказалось, что отдел снабжения комбината не выделил леса для сооружения навесов. В Жезказгане был настоящий голод на строительные материалы.

Готовый лес есть в Жосалы, лежит штабелями. Но его нужно подвезти. А где взять транспорт для доставки? Из-за общей необеспеченности комбината в Карсакпае то и дело получалось по пословице: «Хвост вытацишь, нос увязнет». И постоянно где-нибудь случались прорывы. Так как станки остались неутепленными, двигатели работали с перебоями, в них замерзала смазка. В итоге в один из морозных дней все три «Крелиуса» совсем смолкли. А раз остановились «кормильцы», как рабочие называли свои станки, то среди обслуживающих их буровиков начались пересуды, недовольство. Некоторые даже уехали в свои аулы.

Если надеяться на подвоз леса, пожалуй, до весны придется сидеть без дела. Надо что-то срочно предпринимать. По-

сле долгих раздумий Каныш решил использовать казахскую юрту для обогрева станков. В персональном архиве академика Сатпаева сохранилась фотография бурового станка, обнесенного юртой.

Такой выход из положения мог показаться примитивным, но он давал и определенные выгоды: юрту легче переносить с места на место в сравнении с деревянными будками, да и срок службы ее намного дольше. Если же отапливать «буржуйкой», то внутри будет куда теплее, чем в дощатом сарае. Походное жилище кочевника привилось на жезказганских буровых, им часто пользовались и в последующие годы. Комбинат приобрел специально для геологов десятков юрт. Таким образом, станки, которые впервые работали в зимних условиях, больше не останавливались и бурили без перебоев.

На обслуживании «Крелиусов» теперь было занято в два-три раза больше рабочих, чем обычно. Приходилось идти на это: бурение шло в непривычной обстановке, люди плохо знали технику. Это приводило к перерасходу заработной платы. Повышалась и стоимость каждой пробуренной скважины. Но были и положительные стороны – Каныш Имантайулы считал зимние буровые школой подготовки кадров.

К летним разведочным работам он начал готовиться сразу после возвращения из Москвы. Группу молодых людей, отобранных еще осенью, направил в Ленинград. Они должны были в течение пяти месяцев обучаться на курсах буровых мастеров. В самом Карсакпае также были открыты школа ликбеза, курсы по подготовке буровиков, коллекторов, лаборантов, токарей, слесарей и шоферов. На некоторых из них преподавал сам Сатпаев, он привлек к обучению новых рабочих, специалистов-геологов, инженеров и даже прибывших на производственную практику студентов. Каждый квалифицированный рабочий обязывался обучить своему ремеслу товарища, который трудится рядом.

Из воспоминаний Т.А. САТПАЕВОЙ:

«Первым организатором механической мастерской и гаража разведки, а также и наставником в подготовке механиков и шоферов был Иван Григорьевич Черехович, пожилой человек и опытный специалист, но с некоторыми еще дореволюционными взглядами... Однажды Иван Григорьевич, приехав из Жезказгана в Карсакпай, остался переночевать у нас. Вечером, за чаем, продолжая деловую беседу, Каныш Имантаевич отметил, что среди его кадров маловато казахов, на что Иван Григорьевич ответил:

– Да, знаете, ведь это такой народ, они и рождаются-то с одной рукой короче другой.

Каныш Имантаевич вытянул руки и сложил ладони:

— А смотрите, Иван Григорьевич, у меня руки как будто одинаковой длины.

Под наш веселый смех Иван Григорьевич, смутившись, долго извинялся за свой промах, говоря, что он не замечает национальности Каныша Имантаевича.

— Ну и хорошо, теперь вы не будете замечать национальности и среди наших молодых кадров.

И действительно, Иван Григорьевич потом всеми силами старался выправить эту сторону...»

Понять тогдашнюю обстановку помогают лозунги, пестревшие на страницах многотиражных газет того времени «Кызыл кенші» и «За медь»: «Неграмотный рабочий не может работать на буровой. Буровая — это не скот, который можно погонять камчой, это техника, которая подчиняется только грамотному человеку», «Безграмотный хуже слепца, овладевай грамотой, рабочий казах!», «Ормантай научился грамоте, и его назначили мастером. Зарплата его стала вдвое больше. Берите пример с Ормантая Елжасулы!», «Проснись, казах, настала пора пересаживаться с верблюда на машину!», «Запись на буровую еще продолжается. Если придешь сегодня, еще не поздно».

Необходимо было ускорить обобщение результатов проведенных ранее разведочных работ и сделать подсчет запасов руды. А комбинат к тому же требовал изыскать воду в районе Карсакпая — с ростом производства и в питьевой воде стал ощущаться недостаток. Пришлось снять один станок с Байконура и перевести его на поиски воды. Зимой, когда Сатпаев был в Москве, он договорился с некоторыми геологическими организациями, что они проведут в районе Улутау топографические и геологические съемки. Подписано соответствующее соглашение с Геолкомом. С наступлением весны прибыли топографы; за ними последовали геофизики. Те и другие требовали людей и подвод. На крайний случай просили местных проводников. И все это лежало на начальнике геологической службы комбината.

В прошлом году, когда Каныш был на месторождении Болаттам, он видел выходы пиритиносного лигнита. Зимой образцы тамошних пород были отправлены в центральную лабораторию в Ленинград. Результаты анализа вышли обнадеживающими. После этого было предложено не возить для Карсакпайского завода пирит с Урала, а использовать в качестве флюсов болаттамскую руду. В выгоде предложения никто не сомневался, однако каковы запасы нового место-

рождения, расположенного в 180 километрах от Карсакпая? Оправдано ли открытие рудника? Этот вопрос также требовал проведения детальной разведки.

Молодой геолог никогда не забывал и о Байконурском месторождении угля. Результаты изысканий были неважные, да и бурение проведено неглубокое и слишком выборочное. Разведанные запасы не смогут обеспечить работу завода на длительное время. Памятуя об этом, геологический отдел развернул поиски угля, и в результате буровики обнаружили угольный пласт в урочище Киякты. По мнению Сатпаева, эти запасы несколько превышали мощности Байконурского месторождения. Здесь тоже была необходима детальная разведка...

Весна 1930 года застала Каныша в больших заботах. Жезказганская партия приступила к работе с семью станками. Однако начальник отдела и на этом не успокоился. Весной он дважды ездил в Свердловск и привез оттуда буровиков. Один из них старый знакомый – мастер Александров. С его прибытием два станка перешли на глубокое бурение, в подмогу свердловчанину были выделены самые расторопные и сообразительные местные парни. Их задачей стало перенять у опытного буровика секреты его ремесла. А в начале июня из Ленинграда возвратилась группа молодых людей, которые обучались там всю зиму и весну. Сразу же по приезде каждый из них получил по станку. Таким образом, еще восемь машин приступили к бурению. Были открыты химическая лаборатория, кернохранилище и мастерская. Чтобы постоянно иметь повсюду свой глаз, нужен был транспорт. После долгих хлопот Канышу удалось организовать собственный конный двор, и нескольких лошадей всегда держали наготове, чтобы любой инженер геологоразведочного отдела мог при первой же надобности выехать в партию. Но и это казалось недостаточным беспокойному начальнику отдела. И вот два старых, потрепанных автомобиля марки АМО заняли свое место рядом с конюшней; они послужили основой для будущей автобазы геологоразведки.

С удлинением светового дня увеличились темпы работ. Росло мастерство рабочих. Егизек Байсалбаев пришел на буровую в числе первых казахов. По природе любознательный, бывший кузнец прилежно изучал новое ремесло. Сметливый джигит приглянулся Канышу Имантайулы, и скоро Сатпаев отправил его в Каратау к знаменитому американскому специалисту, прибывшему для обучения буровиков на Ачисайское месторождение. Пробыв два месяца у заокеанского ма-

стера, Егизек научился чеканке алмазных коронок. Впоследствии это позволило геологам Жезказгана сэкономить много средств, используя алмазную крошку вместо закупки новых дорогостоящих коронок. Под руководством Егизбека начала действовать своя школа чеканщиков.

Разумеется, не всегда получалось, как было задумано. Случались увы, к сожалению, срывы и аварии. Да и нехватка жилья, продуктов, особенно овощей, станочного парка, запчастей и отсутствие надлежащих навыков, опыта у первых буровиков тоже сказались на результатах работы того года. Но у них было огромное желание овладеть не ведомыми им до того машинами.

Из воспоминаний Ахмедии **ТОЛЕКБАЕВА**:

«Первый год работы на буровой. Я — младший рабочий-подносчик, а наставник мой — русский мастер с большой бородой. Однажды, это было в тот момент, когда наставник доверил мне поработать на буровом агрегате, я, как назло, не удержал штангу, зарубил на глубине. Мой бородатый наставник, проклиная во весь голос не то меня, не то железяку, ушел в станочный парк. А я перепугался и думаю: «Сидеть мне в каталажке на погибель свою». Решил скорее удрать подальше от греха... Не успел уйти за сопку, навстречу едет тарактелка начальника, словно он дожидался моего побега. Куда в голой степи денешься, пришлось остановиться и выложить все начистоту. Канеке, человек добрый, только посмеялся над моей бедой и говорит: «Ой, Аха, зря горевал над несчастной железкой, она не стоит твоего мизинца!» Посадил в свою машину и привез обратно на буровую. Так я и застрял там на целых тридцать лет, до самого выхода на пенсию...»

Некоторые из приезжих оставались в Карсакпае совсем. Одним из таких мастеров был Геннадий Ильич Бабаилов. Он и раньше бурил скважины в Жезказгане, в те годы, когда здесь вершили дела английские концессионеры. После их отъезда он вернулся к себе в деревню под Смоленск. Бабаилов был человеком свобододобивым, мастером на все руки, жил одиноко, промышляя по деревням Смоленщины как кузнец. Случайно в газете ему попалась заметка об открытии Карсакпайского завода, и он, недолго думая, снова отправляется в места, памятные ему с молодых лет.

Свидетельствует Ахмедия **ТОЛЕКБАЕВ**:

«Одна из замечательных черт Канеке — знание не только тайн земли, но и умение распознавать людей, их души. Как быстро он распознал доброе сердце Бабаилова!..

Однажды Канеке привел к нам русского с огромной окладистой бородой и сказал: «Друзья, уважайте этого человека как родного отца и

учитесь его ремеслу. С сегодняшнего дня назначаю Геннадия Ильича главным лекарем всех наших станков. Он человек бывалый, хорошо знающий свое дело...» Я проработал на буровой тридцать лет. За все эти годы не встречал другого такого мастера, как Бабаилов. Он был неразговорчивый, но добрый, безотказный. Вы могли прийти к нему в час ночи и попросить отремонтировать станок. В таких случаях он молча вставал, делал один-два глотка из бутылки, которая всегда стояла у его изголовья, и шел налаживать остановившуюся машину. Возится, бывало, подолгу, иногда сутки, но, пока не запустит станок, не уйдет с буровой.

Были у Бабаилова и свои слабости. Когда выпьет — а у него имелаась склонность к этому, — мастер начинал по любому поводу и без повода на чем свет стоит бранить окружающих. Те, кто долго знал умельца, притерпелись к его пороку и не обращали внимания на сквернословие. Но вот один из новых рабочих, только что поступивших, не выдержал ругани Бабаилова и ответил ему той же монетой. Когда в бригаду пришел Каныш Имантайулы, этот новичок, Сейтказы Карсакпаев, пожаловался: «До каких пор этот старик будет оскорблять нас!» Канеке улыбнулся и говорит: «А ты знаешь ягоду долана?» — «Знаю — та, что растет на колючих кустах». — «Так вот, Сейтказы, Геннадий Ильич как тот куст долана: сверху колючки, а за ними доброе сердце. Верно, иногда он перебирает. Но надо прощать человеку его недостатки, особенно пожилым людям. Без таких мастеров нам несдобровать. Так что забудьте, джигиты, ваши мелкие обиды». Бабаилов трудности и невзгоды всегда делил наравне с нами. Геннадий Ильич много труда вложил в наше дело, его нельзя забыть».

В том же году Сатпаев решается проверить принятую здесь рабочую гипотезу о залегании руд в так называемой Жезказганской свите. По данным английских и американских геологов, также по версии активно поддержавшего эту концепцию геолога И.С. Яговкина, выходило, что жезказганские руды залегают в трех, самое большее в пяти горизонтах, составляя общую мощность свиты до 300—360 метров по глубине. Каныш Имантайулы с самого начала знакомства с Жезказганом сомневался в достоверности этой гипотезы. Хотя фактов, способных всецело опровергнуть ее, у него не было. Потому и был подписан договор с «Уралгорконторой» о выезде в степь мастера Александрова. Станок уральского буровика успешно работал и в минувшем году, и нынче на достаточно больших глубинах, постепенно накапливая для Сатпаева интересные, зачастую неожиданные данные. После первого года разведки жезказганский геолог не побоялся прощупать буровыми скважинами самые глубинные пласты, с каждым шагом он все больше убеждался в своей правоте и смело направлял бригаду уральского мастера на новые участ-

ки. План бурения глубоких скважин на 1931 год был им значительно увеличен. Итогом этой работы было рождение совершенно новой теории рудообразования в Жезказганской свите.

Она складывалась в ходе бдений за полночь над геологической картой рудного региона, на ней по многочисленным разрезам синтезировались геологические особенности месторождения — многоярусность и многоэтапность оруднения, приуроченность рудных тел к наиболее крупным швам разрывной и межпластовой тектоники. В результате Сатпаев первым из всех исследователей Жезказгана смог заявить о залегании руд в девяти горизонтах (два из них он скромно называл «подгоризонтами»), мощность свиты, таким образом, увеличивалась вдвое, то есть до 650—700 метров. Что впоследствии и дало основание геологу заявить о наличии таких запасов жезказганской медной руды, которые на сотни миллионов пудов превосходили прогнозы других специалистов. По сути, их уже нельзя было измерять пудами! Для такого месторождения куда больше подходил счет на тонны! Таким образом, оно на самом деле становилось «Большим Жезказганом», войдя в число главных медных месторождений Советского Союза... И это был результат лишь первого года самостоятельной разведки!

Сложившийся и набиравший мастерство коллектив геологоразведчиков с каждым днем добивался все более весомых результатов. План геолого-разведочных работ 1930 года, который был назван специалистами Геолкома чистой фантазией, оказался перевыполненным. В тот год буровики прошли 126 скважин глубиной в среднем 82 погонных метра. Это в два с половиной раза больше, чем было пробурено за предыдущие три сезона. Разведанные запасы руды увеличились в несколько раз.

Если в прошедшую зиму с трудом были укомплектованы рабочими три станка, то зимой 1930/31 года на сопках Жезказгана регулярно работали десять агрегатов, и обеспечить их буровиками не составило труда. В следующую зиму постоянно бурили уже 16 станков. А летом уже работали 27 буровых. Курсы, которые действовали в Карсакпае, постоянно пополняли ряды рабочих мастеров. Неподалеку от Жезказгана, на Таскудуке вырос добротный поселок геологов: механическая мастерская, химическая лаборатория, коллекторская, гараж, конный двор, техсклад, зернохранилище, дом техники для геологоразведчиков; существовало специальное помещение для вновь организованного науч-

ного сектора, где руды и породы подвергались точным петрографическим и минералогическим исследованиям; зарождался геологический музей и постепенно росла научная библиотека.

Каныш Имантайулы, худой и долговязый, носился на автомобиле от одной бригады к другой. А иногда приезжал в сопровождении двух машин, нагруженных запасными частями и горючим, часто с группой инженеров и техников. Ведь к этому времени возросло не только количество станков, но и штат был дополнительно укомплектован инженерами, техническим персоналом. В отделе районным геологом работал горный инженер У.А. Букейханов. Буровые работы возглавил инженер П.М. Никитин. Т.А. Кошкина выполняла обязанности инженера-петрографа. Все они были специалистами с высшим образованием и большим опытом.

Увеличение числа специалистов позволило расширить поле деятельности геологического отдела. Теперь детально разведывались железомарганцевые руды в районе Жезды и Найзатаса, Кургасынское свинцовое месторождение, где стоял давно заброшенный заводик купца Железнова. А в Киякты разворачивалась самостоятельная разведочная партия.

Каныш Имантайулы был прирожденным вожаком, пример которого вдохновлял всех.

Из воспоминаний Т.А. САТПАЕВОЙ:

«Во вторую зиму... нам предоставили несколько более просторную квартиру в только что отстроенном домике на окраине поселка, который оказался доступным всем ветрам. В эту зиму бураны как-то особенно свирепствовали, и одно время заносы узкоколейной железной дороги поставили под угрозу остановки металлургический цех завода. Все рабочие и служащие, кого можно было мобилизовать, расчищали путь.

Дверь нашей квартиры за ночь заносило так, что мы не могли ее открыть и нас откапывали соседи. Жители оставались совсем без топлива. В это время, в связи с подсчетом запасов разведанных углей на Байконуре, у нас жил молодой начальник партии, работавший там уже по стационарной разведке — инженер Владимир Михайлович Журкин. Приходя с работы, мы буквально застывали в неотопляемой квартире. Дошло до того, что не стало топлива и для приготовления пищи: предприимчивый Владимир Михайлович пошел после работы на разведку по окраинам поселка и нашел деревянный заброшенный сарай, уже разбиравшийся жителями на топливо, и принес несколько досок. Уговорив Каныша Имантаевича повторить это предприятие вместе с ним, чтобы побольше захватить досок и сделать запас хотя бы на завтра, они отправились вместе, но к их приходу сарайчик оказался уже разобранным жителями. На изрубленных досках удалось

сварить обед, вскипятить воду для чая и обогреться немного в кухне, где я спала вместе с дочерью Ханисой, у которой к тому же поднялась температура.

Назавтра та же проблема с топливом.

Против нашего дома жил инженер Вильсон. Ему с завода ежедневно привозили тачку угля и я с завистью смотрела на его уголь, сваленный у крыльца.

Наш предприимчивый Владимир Михайлович начал уговаривать Каныша Имантаевича взять два ведра и в сумерках «своровать» уголь у Вильсона, на что Каныш Имантаевич никак не соглашался, так как органически не выносил любую ложь и незаконность. Наконец договорились о том, что Каныш Имантаевич зайдет в квартиру Вильсона и попросит угля. Я смотрела в окно... Не доходя до цели своего похода, они остановились и опять начали разговор. Очевидно, Каныш Имантаевич не соглашался и на роль просителя. Потом все же снова двинулись в свой тяжелый путь. Дошли до крыльца Вильсона, и в это время открылась дверь, вышла его домработница Стюра, частенько забегавшая ко мне по всяким хозяйственным делам, взяв ведра у наших «воришек», она наполнила их углем...

...В то время мы потеряли с Канышем Имантаевичем нашего первенца-сына из-за неопознанной дифтерии. И надо сказать, мое мужество поколебалось. Жить еще в этой глуши вне хорошей медицинской помощи, в этом климате, без овощей, которые иногда снились во сне, казалось невозможным... Настрадавшись от зимнего холода на работе и в квартире, а весной перенеся цингу, я категорически отказалась от заключения договора (речь идет о продлении работы на комбинате с дополнительной оплатой. — М.С.), предложенного как раз в то время, когда Каныш Имантаевич был по делам в Москве. С его возвращением в Карсакпай я рассказала об этом.

Каныш Имантаевич с такой своеобразной улыбочкой успокоил меня: «Ну, не будем заключать никакого договора, зачем он нам? Поработаем, а там видно будет. Если геолог хотя бы два года проработал здесь, то потом и сам не захочет уезжать. А тебя я вывезу в международном вагоне прямого сообщения “Жезказган—Москва”. Да, боюсь, плакать будешь, когда придется уезжать...”»

1931 год — это стало ясно лишь впоследствии — оказался решающим в истории Жезказгана, ибо именно тогда определилась судьба месторождения. Объем буровых работ в том году впервые превысил двадцать тысяч погонных метров — это был грандиозный успех, которого не ожидали в Москве: пришлось Главцветмету (к тому времени Главметалл снова переименовали) присудить геологоразведочному отделу Карсакпайского комбината первое место среди аналогичных служб всего Союза. Темпы изысканий неуклонно возрастали — в конце года работали уже 32 буровых станка, треть из них производила глубокое бурение. А самое главное: гипотеза геоло-

га К.И. Сатпаева о залегании руд в девяти горизонтах получила полное подтверждение...

Теперь никто ни в главке, ни в Геолкоме не сомневался, что масштаб изысканий в этом районе следует увеличить. Три десятка станков — далеко не предел, причем две трети из них должны работать и в зимних условиях. А еще лучше будет, если набравшийся опыта коллектив буровиков увеличит темпы разведки за счет повышения производительности станков...

Такие задачи поставил Сатпаев перед своими людьми в канун встречи 1932 года. Начался новый этап жезказганской эпопеи.

НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

I

Зима была трудная: перебои с дизельным горючим, нехватка шаров для станков, жесткие нормы на продовольствие... и бездорожье, и капризы погоды — все это было против буровиков. Но ничто не могло остановить крепко налаженную работу. Ведь и люди стали более закаленными. Ряды разведчиков Жезказгана не поредели из-за житейских тягот, наоборот, увеличились...

Дело в том, что с конца 1931 года в казахской степи повсеместно начался страшный голод. Жители аулов семьями, а то и большими группами в десятки и сотни человек стекались в Карсакпай, Байконур, Жезказган. Они день и ночь простаивали в конторах предприятий, умоляя предоставить им хоть какую-нибудь работу, дать ломоть хлеба для голодных детей. А многие не смогли добраться до рудников и заводов, навечно остались в степях...

Все это явилось следствием преступной политики руководства Казахской краевой партийной организации во главе с ее первым секретарем Шаем-Ицком Голощекиным. Желая отличиться перед ЦК ВКП(б) и лично генсеком Сталиным, слепо выполняя его директивы, руководители автономной республики еще в 1930—1931 годах объявили о массовом объединении в коллективные хозяйства всех жителей аулов и сел. Кампанию по организации колхозов провели быстро. Вместо трех лет — за год, выполнив задание вождя на 300 процентов! Действовал лозунг, взятый на вооружение всеми проводниками коллективизации «Перегибов не допускать — парнокопытных не оставлять!». Насильно отобранный скот — сотни тысяч лошадей, миллионы овец и коров — сдавался в заготконторы, на маломощные в то время мясокомбинаты или на бойни. Не редки были случаи, когда мясо не успевали довести до больших городов.

Уже к концу 1931 года в степи начался голод...

Карсакпайский комбинат, руководимый деятельным и беспокойным Р. Дрейманом, как и другие промышленные предприятия республики, также не остался в стороне: количество рабочих к лету 1932 года почти удвоилось. Каныш Имантайулы не мог быть равнодушным созерцателем страшной беды родного народа — он считал, что всех, кто смог добраться до буровой, надо спасти, поддержать до лучших времен; число рабочих его отдела в тот год достигло почти тысячи человек...

О том, что пережили его близкие люди в Аккелинских горах и как старался спасти от неминуемой гибели их родич Каныш Сатпаев, человек по своей натуре гуманный и готовый всем всегда оказать посильную помощь, к тому же располагающий кое-какими возможностями, и, наконец, что из этого вышло — у меня в домашнем архиве хранятся воспоминания двух очевидцев. Приведу их в сжатом виде...

Из рассказа Тармызи Абсалямулы ИМАНТАЕВА:

«К осени 1931 года два наших аула хаджи Сатпая подверглись полному уничтожению, иначе говоря, отобрали у нас весь скот, отдали его в колхоз «Тендик». Бокеш-ага тогда же сказал нашим аксакалам: «Теперь уж нечего оглядываться назад. Надо ехать туда, где имеется хоть какое-либо захудалое производство. Иначе всем нам погибель...» Но старшие, да и мы, молодые, не сразу решились покинуть родные места. По-видимому, еще побоялись местных белсенди, что нас объявят «беглецами». А Бокеш-ага, человек решительных действий и более крутой по характеру, сделал кое-какие приготовления, посадив свою семью и сноху Шарипу с двумя детьми (к тому времени она имела вторую дочку, годовалую — Шамшиябану) в телегу, отправился в дальнюю дорогу. Помню: уехали они ночью. Потом узнали: что благополучно добрались до Каржасского аула, что находился под Омском, и это, оказалось, очень кстати. Никто из его домочадцев в последовавшее затем голодное и страшное время не пострадал...*

*А мы, оставшиеся в родных Аккелинских горах, уже к концу 31-го года стали чувствовать приближение голода. Общего колхозного скота уже не было: не знаю, не ведомо было нам — куда он подевался, не то съели белсенди, не то отправили в город... Со скудными запасами кое-как дожили до конца свирепых буранов и небывалой прежде стужи акпана**. Но уже отправиться куда-то не было сил, да потом все мы пешие — далеко не уйдешь, все равно где-нибудь в степи погибнешь. Что делать? Дети голодны, уже нет у них слез, нет сил плакать, а старики — все доходяги. С наступлением наурыза*** погода чуть-*

* Дословно: равенство.

** Февраль.

*** Март.

чуть смилостивилась над нами, и мы на четвереньках выползли искать на сопках жуа*, разные съедобные травы, чтобы хоть чем-нибудь утолить голод. Были уже и умершие...

И однажды, будто бы взошедшая луна в беспросветной темной ночи, неожиданно на зимовке появился наш спаситель Каныш-ага. Это было чудо! Он приехал тогда, когда никто из нас не ждал ниоткуда помощи. Для нас, беспомощных скелетов, это было явлением доброго и святого Хызыр-Ата. Оказывается, за неделю до этого он видел страшный сон: боевой, давно уж потерянный сокол Бокеша, названный им Карашанырак**, почему-то вместо того, чтобы сбивать гусей на озерах нашего джайляу, сидел на могилах его родителей и клевал останки людей... Почувствовав беду в родных местах, он стал готовить автомашину своего отдела в дальнюю дорогу, однако пришлось ждать потепления, чтобы снег растаял в степи... И тут он получил странную по содержанию телеграмму из Омска: «Карашанырак твой остался на родовой зимовке без присмотра. От нас не жди помощи, только ты можешь птицу выволить из беды...» Притом эта депеша была подписана именем давно умершего в Саудовской Аравии деда его, Сатпая. Он догадался, что за этой подписью скрывается кто-то из его близких, скорее брат, Бокеш. И загадочная подпись означала, что сам великий аруах*** каджи-предка призывает его спасти ближних!

Ясно, что, получив эту весть, по сути крик души близкого человека, он не мог далее ждать, даже сон и аппетит у него пропали. Промучившись пару ночей, он решил во что бы то ни стало навестить родной аул.

Каныш-ага сказал нам, что о его приезде здесь, в аулах, никто из чужих не должен знать, потому он уедет сейчас же. Раздав привезенные припасы еды, он строго заметил, что заберет с собой только малышей, притом из каждого очага по одному или по двое, которые в состоянии выдержать дальнюю, утомительную дорогу. Остальных взять не может, да и места в машине нет... Никто не стал ему перечить. Из взрослых решил только взять меня с женой, по-видимому, тут сказало наше близкое родство, недаром же я воспитывался вместе у бабушки нашего и всегда считался младшим братом Канеке. Или я оказался более бодрым и крепким? Не знаю, никогда не спрашивал его об этом. Видно, судьба улыбнулась нам с супругой и суждено было остаться в живых, вырастить кучу детей...

В общем, быстро приготовились — детей набралось более десяти. Через час выехали. Той же ночью по дороге завернули в Керегетас, в Младший аул бия Чормана. Там ведь проживала наша родная сестра Газиза. Остановив машину за бугром, в незаметном месте, Каныш-ага отправил меня туда. Сам не пошел, наверное, чего-то остерегался или не хотел вообще показываться в том ауле. Оказалось, что нашей сест-

* Дикий лук.

** Дословно: родной дом.

*** Дух.

ры уже нет в живых, голод заморил ее. А зять Акыш Аужанулы был где-то в бегах, ведь всем Чормановым уже три года не давали жить в родных местах. Пластом лежали двое ее сыновей, очевидно, дни их были сочтены, так они ослабли... Все это пришлось мне выложить ему, он слушал молча, потом из его глаз потекли слезы, не смог сдержать себя. Поплакал и я: ведь потеряли родную сестру, любимицу нашего аула!..

После долгого молчания Каныш-ага наконец сказал: «Недаром в народе из уст в уста передавалось мрачное пророчество, что когда последний богач умрет от голода, останется непохороненным... И кажется, наступило такое безжалостное время. Вот видишь: прямой отпрыск знатного бия Чормана, когда-то безраздельно правившего в этом крае, чьи стада были неисчислимы — теперь кончает свои дни, не находя глотка молока». Затем он решительно приказал мне: «Ладно, Тармызи, сходи туда снова. Оставить детей покойной сестры мы не вправе, да и аруах нашей родственницы не простит нам такой тяжелый грех! Иди, приведи двух ее малышей». А я, чуя недоброе, воспротивился, сказав: «Не довозем их, они такие слабые». — «Эти малыши — единственная память по нашей сестре. А ее, сам же знаешь, наши родители почти выпросили у Аллаха, проплакав все глаза. Как же теперь их оставить на произвол судьбы? Нет, ты сходи туда и принеси мальчиков сюда хоть на спине». Пришлось мне призвать на подмогу водителя и снова идти за ними. Кое-как приволокли племянников: Кемелу было лет семь-восемь, а младшему Рашату всего лишь три-четыре годика...

Тотчас отправились, помню, рассветать начало. Ехали без остановки, притом выбирая безлюдные места, да и людей в ту пору в степи мало осталось. Благо, с нашей зимовки взяли много юрточной кошмы, и она спасла ребят от холода. Укутали их кругом, оставив лишь небольшую щель, чтобы не задохнулись. Время от времени останавливались, воды дадим, малость покормим. Так и проехали более тысячи верст до Карсакпая. Всех довели, лишь моя годовалая малышка не выдержала дорогу, и то потому, что мы не могли ее кормить, а в груди матери уже не было молока. Пришлось бедного ребенка похоронить по дороге. Остальных, более взрослых ребят довели живыми, и то я считаю это до сих пор счастливым везением и милостью великодушного Аллаха!..»

Рассказывает Мария Алексеевна КОШКИНА:

«Меня подняли с постели. Встревоженная неожиданным вызовом старшей сестры, я примчалась в их дом и, увидев страшную картину, как вкопанная застыла у порога: на полу полулежали больше десятка ребятшек — в основном мальчики, почти все одногодки, в возрасте десяти-двенадцати лет; все они были прикрыты лохмотьями, какими-то тряпками, напоминающими образцы старой одежды; меня сильно испугал их вид — обросшие, грязные, распухшие... Я уже догадалась, что Каныш Имантаевич откуда-то их привез в свою квартиру, и по поводу этого с моей сестрой только что у них состоялся бурный

разговор. Каныш Имантаевич сидел на табуретке, поставленной в углу, низко склонив голову, будто бы дремал. А Тася стояла у печки, отвернувшись, плакала навзрыд.

— Марияша! — слышу вдруг голос Каныша Имантаевича, он всегда меня называл так ласково. — Эти ребяташки — мои племянники. Взрослых не смог довести. А этих воспитать, поставить на ноги, вывести в люди — мой святой долг!.. Марияша, мне нужна твоя помощь!

Наконец-то до меня все дошло, я поняла ситуацию, создавшуюся в семье старшей сестры. Не одного, не двух, а целую дюжину ребяташек она должна взвалить на свои худенькие плечи. К тому же у нее и свои дети — Меизка, родившаяся в прошлом году здесь, в Карсакпае, да и Ханиса, старшая дочь Каныша Имантаевича от первого брака, тоже взятая ею на воспитание. Мне были понятны весь ужас и отчаяние Таси, но также было трудно не ответить на просьбу Каныша Имантаевича. Словом, я растерялась, стояла там, у порога, и угрюмо молчала... Вдруг из другой комнаты послышался грудной голос нашей матери, Фелицаты Васильевны.

— Доченьки, почему вы такие растерянные? — отчитывала она нас, уже входя в переднюю комнату. Оказалось, что она проснулась и весь наш разговор слышала. — Неужели не видели человеческого горя? Не погибли же вы, шестеро маленьких сирот, когда лишились отца. Одна выводила всех вас в люди. А что он должен был делать? Отказаться от близких, когда их настигла беда? Эти ребяташки сейчас больше всего нуждаются в уходе, в помощи, в милосердии вашем. Ну, Тася, хватит тебе слезы лить, раз ты выбрала своего суженого из казахов, должна была знать, что вместе с ним ты приобретаешь целый аул родственников. Так что разжигай огонь и ставь свои большие кастрюли... Ребятами я сама займусь, — заключила мама, тем самым разрядив тяжелую обстановку. — А ты, зять, привези мне ситца!..»

Кстати, об этом же случае вспоминает Меиз Канышкызы: «Он поехал и привез рулон ситца, а Фелицата Васильевна всю ночь мыла, стригла, жгла их одежду и шила на них трусики и рубашки. В общем, они в полном составе жили у нас целую зиму... Один из них, родной племянник папы, Кемел Акишев, потом стал известным археологом, это он нашел «золотого человека» вблизи Алматы...» («Он был признанным лидером науки». Казахстанская правда, 1 июня, 1996 г.).

II

Так, с грехом пополам, преодолев необычайно тяжелый тридцать второй, Карсакпай вступил в новый, тридцать третий год.

Разведанные запасы руды ежегодно росли. Они уже достигли колоссальной цифры. Рубеж, который считался спе-

циалистами Геолкома и Главметалла последним пределом для Жезказгана, был превзойден еще в начале 1929 года. Последующие результаты изысканий оказались поистине сказочными. Если 30-й и 31-й годы были временем подготовки кадров и увеличения площадей разведки, то 32-й стал годом подведения первых итогов. Раньше разведочные работы производились на известных рудных участках Жезказгана — на Соркудуке и Милыкудуке. А в 31-м, несмотря на сомнительные результаты электрозондирования, Каныш Имантайулы перевел буровые работы на северное направление, в район Таскудука. Вначале бурили одновременно на двух участках. В первых скважинах руда не была обнаружена. Но тем не менее главный геолог дал распоряжение начать разведочные работы тридцать второго года опять с этих площадей, притом тремя станками, к тому же на большие глубины. А в Таскудуке по его же проекту уже строились поселок геологов, производственные и складские помещения, Дом техники. И он через два года, изменив первоначальный план разведок, пытается и здесь же найти руду. Не логично, притом это пища для пересудов, подозрений: не найдется рудного тела — легко могут приписать «вредительство» или «растрату государственных средств». Но Сатпаев упрямо велел идти в глубину. В чем же дело?

В статье «Академик», опубликованной после смерти К.И. Сатпаева в журнале «Знание — сила» (1973. № 2), доктор геолого-минералогических наук, москвичка Н.А. Фогельман (соавтор журналист А. Гангнус), разбирая эти же вопросы, отмечала: *«В чем был секрет Каныша Сатпаева? Почему, едва приступив к делу, он сумел поправить англичан — талантливых и дотошных геологов? Как удалось ему чуть не каждый год в течение 12 лет увеличивать цифру разведанных запасов меди и других металлов с таким упорством и обоснованностью, что всплескивали руками даже оптимисты из оптимистов? Конечно, много значил теоретически обоснованный прогноз. Сатпаев сразу увидел то, что искал: многоэтапность тектонических событий и оруднения в жезказганских недрах. Он упорно направлял разведчиков к структурам, на которых «осадочники» ставили крест. И многократно оказывался прав: руда была там, где ей полагалось быть по его теории...»*

Предчувствие в конце концов не обмануло его. Вскоре буры встретились с новым мощным рудным телом в глубинных недрах Таскудука, распространенным на большой площади. Ранее безлюдное, голое урочище быстро стало обрастать буровыми вышками. Начавшуюся стройку через годы при-

шлось перенести на другое место. С увеличением глубины бурения нарастали и запасы руды.

Именно в эти годы геологоразведочная контора (ГРК), которая уже не называлась, как раньше, отделом Карсакпайского комбината, стала вести работы и за пределами Жезказгана. Каныш Имантайулы создавал легкие поисковые отряды, которые каждое лето колесили по обширной территории Улутауского района. Они проводили комплексное изучение минеральных богатств этого края. Результаты не заставили себя долго ждать. Были открыты разнообразные рудопроявления марганца, железа, угля и других полезных ископаемых.

Из воспоминаний Т.А. САТПАЕВОЙ:

«Увлечшись полевой работой, Каныш Имантаевич совершенно забывал о времени и буквально от зари до зари без всякого отдыха мог с неослабевающим вниманием предаваться любимой работе, проделывая пешком за день не один десяток километров и как будто не чувствуя усталости, достаточно утомив при этом своих спутников.

Во время работы в поле он за целый день, даже в самую жаркую погоду, не пил ни глотка воды и останавливал от этого своих спутников. И только лишь вернувшись вечером в лагерь, с наслаждением «упивался» хорошо заваренным крепким чаем, часто при этом приговаривая: «Кто достоин быть героем самой высшей степени, так это тот человек, который первый оценил чай как замечательный напиток».

Отдохнув и освежившись после чая, приступали к обеду, продукты для которого в виде свежей дичи были заготовлены постоянно сопровождавшим Каныша Имантаевича в его маршрутных поездках шофером Петром Киселевым, страстным охотником на дроф и уток. С невиданным аппетитом съедалось в компании целое ведро супа, чудесного, ароматного, пахнущего дымком от костра. Вкусней такого супа, казалось, ничего не могло быть...

Зоркий взгляд геолога по дороге приковывали выходы пород, мелкие проявления какого-либо оруднения. Так, например, в этих поездках Канышем Имантаевичем было открыто месторождение фосфоритов в урочищах Досмагамбет и Карагайлы. На этих же участках были обнаружены глауконитовые пески, которые по рекомендации Каныша Имантаевича вскоре с успехом начали применяться для опреснения технических вод и очистки паровых котлов на Карсакпайском заводе.

Эти поездки, когда приходилось пробираться по бездорожью, полупустынным «кара жолам» (проселочная дорога) в сопровождении местного жителя — проводника-любителя, для Каныша Имантаевича были настоящим счастьем и наслаждением. Зовущие дали степи, насыщенные крепким запахом полыни, звонкие песни жаворонка, первый скромный весенний цветок, чудесные краски вечернего заката — ничто не ускользало от широкой души Каныша Имантаевича... Вдох-

новляясь окружающим, он, сидя в кабине с шофером, пел любимые песни своего народа, отличавшиеся лиричностью и задумчивостью мелодий».

В тридцать втором году изученные запасы Жезказгана были рассмотрены Всесоюзной комиссией по запасам полезных ископаемых (ВКЗ). Необходимые материалы отвозил в Москву сам Каныш Имантайулы. Он прожил в столице более месяца, терпеливо дожидаясь заключения экспертов. Наконец ВКЗ утвердила представленные расчеты почти без изменения, и богатства недр Жезказгана сразу же стали признанным сокровищем, охраняемым специальным государственным актом.

В судьбе месторождения теперь наступил важный этап. По этому акту оно получило право называться самым богатым, самым перспективным меднорудным районом страны. Теперь уж никто не мог упрекнуть геолога Сатпаева за то, что он именовал месторождение «Большим Жезказганом». В тот год московское издательство «Цветметиздат» выпустило книгу Каныша Имантайулы «**Жезказганский меднорудный район и его минеральные ресурсы**». Автор заключал: «...Жезказганский район является на сегодня крупным центром медных руд в Советском Союзе; наряду с медью в этом районе имеются крупнейшие запасы серного колчедана и железомарганцевых руд; кроме того, здесь имеются все объективные возможности для создания цементных, огнеупорных изделий, стекольной, фарфоро-фаянсовой и угольной промышленности... Для скорейшего освоения минеральных ресурсов этого района необходимо: а) срочно связать Жезказган железнодорожной колеей с Карагандой, протянув эту магистраль через Атаусуйский железорудный район; б) окончательно определить производительность Жезказганского медно-металлургического комбината, отнеся строительство этого медного гиганта к числу сверхударных строек Советского Союза; в) максимально усилить темпы геологоразведочных работ в районе, придавая им широкий комплексный характер; г) наметить в качестве рабочей гипотезы второго пятилетия создание в Жезказганском районе комбината по выплавке черных металлов, завода ферромарганца и других производственных центров».

А что касается темпов изысканий, то и в этом жезказганские буровики оказались на высоте. И в 1932 году они вышли на первое место в системе Главцветметразведки, снова обеспечив проходку более двадцати тысяч метров скважин.

Каныш Имантайулы, и раньше не сомневавшийся в исключительных перспективах Жезказганского месторождения, везде и всюду рассказывал о его значении и преимуществах, используя для этого любые возможности. Беседы с приехавшими в Карсакапай известными учеными, руководителями республики, многочисленные выступления в центральной и местной печати — все использовалось для пропаганды Большого Жезказгана. В итоге эти меры достигли цели. В 1931 году ВСНХ принял постановление о проектировании строительства медеплавильного завода на базе Жезказганского месторождения. Весной того же года специалисты московского института «Водоканалпроект» начали изыскательские работы на берегу речки Кенгир.

Все шло, как было задумано. Жезказган уверенно вступил в период бурного развития, пробил, наконец, его час. Казалось, ничто уже не может остановить его богатырскую поступь. Люди окончательно и бесповоротно поверили геологу Сатпаеву и его Большому Жезказгану. И как было не поверить? Ведь уже летом тридцать второго года на будущей стройплощадке комбината началась разработка бутового камня и других материалов.

Вскоре Сатпаеву пришлось заняться вопросами, далекими от геологии. Каныш Имантаевич часто размышлял о будущем Большого Жезказгана: с постройкой здесь гигантских рудников и завода, естественно, возникнет и индустриальный город; каково будет его поселенцам в этой пустыне? На улицах должны расти деревья, цветы, шуметь листвой парки. Здесь должны быть и овощные плантации... Но кто знает, примутся ли эти зеленые насаждения на Турткульской равнине? А она сплошь состоит из мелких мергелей. Как они покажут себя в контакте с влагой и растительностью?.. «Нам не нужно задавать и перечислять себе все эти многочисленные вопросы. Их много, и все трудноразрешимые. Лучше ими заниматься без задержек. Скажем, почему нам, не ожидая утверждения проекта, а затем построения города, нынче же не начать эти опыты? И тогда сразу же отпадут многие наши проблемы...» — говорил он на Казахстанской базе АН СССР в Алматы.

И с весны 1932 года небольшой научный десант ботанического сада из столицы республики начал титаническую работу, — иначе не назовешь свершенного ботаниками и почвоведцами, задумавшими создать в жезказганской пустыне, на голых мергелях зеленый оазис. Спустя три-четыре года на берегу реки Кенгир, вблизи будущего города, поднялись хрупкие

саженцы питомника декоративных, садовых и огородных растений. Оказалось, здесь они могут прекрасно прижиться, ибо мергели насыщены необходимыми для растений солями. Лишь была бы вода!

Тем временем на стройплощадке Большого Жезказгана начались подготовительные работы. Окрыленный этими успехами, Сатпаев вел свои изыскания с еще большим размахом. Именно тогда он выдвигает новую научную концепцию: «Планомерные шаги по изучению недр Жезказгана выявили его как исключительно богатый горнорудный район, который может успешно конкурировать по запасам меди с такими мировыми провинциями, как Северная Родезия в Африке». Далее в этой же статье, озаглавленной «**Жезказганский меднорудный район**», геолог писал: «Успешное развитие Жезказганского района будет во многом зависеть от темпов геологоразведочных работ и от оформления запасов всех горнорудных богатств, таящихся в его недрах». Кстати, сама геологоразведочная служба Жезказгана представляла собой к этому времени уже крупный и своеобразный комбинат.

III

Тягостная весть дошла до Карсакпая в феврале 1933 года. Телеграмма из главка оповещала жезказганцев о прекращении финансирования разведочных работ. Правда, говоря по справедливости, финансирование было закрыто не полностью, оставлено... 0,1 процента из ранее утвержденной сметы на 1933 год. Но если вспомнить, что круглосуточно работали 27 станков, да и другие службы не сидели сложа руки, то отпущенной суммы не хватало даже на выдачу расчета всем семьям рабочим и инженерам за работы, сделанные ими с начала года. Нелепое распоряжение Главцветмета прозвучало как гром среди ясного неба.

Мырзабек ТУНГЫШБАЕВ, бывший буровой мастер:

«Вот как это началось. Однажды всех нас, буровиков, вызвали в Карсакпай. Было велено прибыть всем рабочим буровых без исключения. Нам стало ясно: что-то случилось. Ведь Канеке нас не часто на всякие собрания созывал, зря не беспокоил. Изредка собирал лишь старших буровых мастеров.

Мы думали поначалу, что нас собирают на какой-нибудь митинг, но тяжело было на душе — неизвестность пугала, и в клуб приехали все до единого. Оказывается, прибыли и люди из Байконура, Киякты. Собрались почти все работники геологоразведки. Как сейчас помню, Канеке сказал собравшимся:

— Получен приказ о прекращении разведочных работ. Все вы не позднее завтрашнего дня получите расчет. Почему это случилось, я вам объяснить не могу. Однако у меня нет сомнения, что это ошибочный приказ. Богатства Жезказгана никаким приказом не упразднить...

Сообщение Каныша действовало на всех, как ушат ледяной воды. От растерянности в первый миг мы сидели молча, словно немые. А когда пришли в себя, начали шуметь. Весь зал загудел как улей. Одни кричали, что это вредительство, а другие говорили: «Давайте напишем письмо Сталину». После продолжительного спора обратились к Сатпаеву:

— Дорогой Каныш, укажи выход из тупика. Без тебя нам не обратиться из него. Где мы найдем работу?

Он был всеобщим любимцем и ничего не скрывал от нас, рабочих, не юлил. Всегда говорил открыто и честно. И в этот раз он ответил нам так же прямо:

— Друзья мои! Жезказган в таком неясном положении надолго не останется. В конце концов разведочные работы будут возобновлены. Однако когда это случится, я не могу сказать. Сам я лично никуда отсюда не уеду. Буду работать, если надо, даже бесплатно, даже если бы пришлось продать последнюю рубашку, буду доказывать и добиваться признания правоты своего дела...

Он сказал, что собирается ехать в Москву. И предложил нам: «Те, кто верит мне и в богатства Жезказгана, могут остаться в разведке. У меня нет средств, чтобы платить вам ежемесячную зарплату. Однако все трудности и невзгоды будем делить пополам. Что буду иметь на своем столе я, все ваше. И хлеб и трудности пополам...»

Собрание не смогло прийти ни к какому решению. Разошлись. Несколько дней каждый из нас находился в состоянии неуверенности. Трудно было решиться на что-либо определенное. Канеке знали много лет, верили ему безгранично. И в эти трудные дни покидать его не хотелось, но как жить, как прокормить семью? Так думали многие. Самым решительным, однако, из всех нас оказался Бабашлов. Геннадий Ильич сразу же на следующий день заявил Канеке, что он свою судьбу давно связал с Жезказганом и теперь не собирается отступить, потому, мол, останется с ним, чтобы разделить и невзгоды вместе. Потом дошли до меня вести, что и Халык Темирбаев также решил со своей бригадой поддержать в эти трудные дни борца за Жезказган. Эти примеры повлияли, наверное. Словом, остались многие. Когда я пришел к нему домой, он уже собирался в дорогу. Это было в конце месяца акпана.

Говорю: «Канеке, остаюсь с вами. В дальний путь отправляйтесь, зная об этом. Поделим все трудности и радости поровну, как вы сказали...» Он меня обнял и крепко-крепко пожал руку. Вдруг вижу, слезы на глазах у него показались. Разве утерпишь в такую минуту — я тоже прослезился...»

Мырзабек Тунгышбаев был не один. Тех, кто пожелал до конца остаться с Сатпаевым, чтобы сражаться вместе с ним за Большой Жезказган, было вначале 72 человека. Назовем

некоторых из них: это мастера-буровики, коллекторы и техники — Егизек Байсалбаев, Александр Рожнов, Жагыфар Сеилов, А. Альмаганбетов, Ахмедия Толекбаев, Павел Прокопьев, Сеитказы Карсакпаев, Тимофей Зверинцев, Дузен Унчебаев, Есильбай Бекенесов, Утепберген Битабаров, Геннадий Бабаилов, Халык Темирбаев... Из инженеров — Угэдей Алиханулы Букейханов, Т.А. Кошкина, И.Н. Богданчиков, Д.Н. Бурцев, начальник буровых работ А.Д. Никитин...

Сразу же рассчитали ушедших на сторону рабочих. Выделенных Главцветметом средств (порядка 300 тысяч рублей) хватило лишь на покрытие этих расходов, тем более с начала года уже было сделано немало работ по бурению. Теперь предстояло со своими оставшимися силами продолжать разведку. А кто и каким образом будет рассчитываться за их труд? Ведь им семью надо содержать. На что купить дизельное топливо и дробь для зарядки буровых снарядов? Расходы на это составляют в месяц сотни тысяч рублей. Кто выделит им такую внушительную сумму?..

«Пришлось передать многие цеха разведки: гараж, мастерские, лаборатории — в ведение производственных предприятий комбината, сократить количество действующих буровых станков. Уволить малоопытных людей и предоставить многим отпуска без содержания, — пишет в своих воспоминаниях Таисия Алексеевна, — но надо было любой ценой сохранить высококвалифицированные кадры, выпестованные собственными руками. Эти люди оказались действительно во всех отношениях золотыми. Не желая бросать своей любимой работы, первоклассные мастера переходили на должности младших рабочих...»

Проведя ряд срочных мероприятий на месте, Каныш Имантаевич немедленно выехал на лошадях в лютый мороз и буран в четырехсоткилометровый путь до станции Жосалы, далее в Москву в надежде предотвратить любыми путями угрозу окончательной ликвидации геологоразведочной службы в Жезказгане...»

ПЕРЕД СУДОМ КОРИФЕЕВ

I

В Москве он пробыл долго, почти до самой весны. Пришлось многократно обойти все инстанции в Главцветмете и в Главном геологоразведочном управлении ВСНХ СССР. Главную задачу — возобновление широкой разведки Жезказгана — пока приходилось отставить в сторону, теперь он ду-

мал лишь о том, чтобы любой ценой сохранить кадры разведчиков. Собственно говоря, никто не отвечал ему «нет», просто компетентные люди не хотели больше заниматься решением этого вопроса. Но ни один из руководителей, ни один из специалистов не отрицал наличия в Жезказгане медной руды. Главным доводом их было: «Жезказган находится в отдаленной, необжитой степи, дороги отсутствуют; открывать там крупное производство — дело сомнительное; ведь необходимо построить несколько сотен километров железной дороги; надо искать воду — хорошо, если она найдется, а если нет?.. Топлива нет, почва неплодородная. Хлеба там не посеешь, овощи не вырастишь. И вы хотите, чтобы люди там работали? Другое дело Кобырат: почти у стен его плещется озеро Балхаш, и рудная база там надежная... Разве возможно одновременно строить два огромных аналогичных предприятия в Казахстане? Тем более что у вас уже работает Карсакапский комбинат, хоть и мал он, да удал, как говорится. Так что умерьте свои фантазии, товарищ Сатпаев, спокойно занимайтесь вверенным вам участком работы на комбинате, не сократили же ваш отдел... В ближайшие пятьдесят лет в Жезказгане не предполагается вести крупное строительство. Ведь туда нужно вложить колоссальные суммы, сотни миллионов. Вы сами это не так давно доказывали, стало быть, и разведочные работы необходимо пока прекратить...»

Однако к этому времени Каныш Имантайулы был уже человеком, познавшим жизнь, закаленным в разных передрягах. У него солидный практический опыт и свои принципы. Ему уже тридцать четыре года, из них восемь отданы геологической работе. И самое главное — в тот момент для него не существовало силы, которая могла бы заставить его отказаться от дела, в которое он безгранично верил.

Потому он и жил в Москве месяцами, без усталости добывая своего. Наконец в апреле после долгих мытарств, при помощи союзного Госплана и Совнаркома КазАССР удалось удвоить размер средств, отпущенных Главцветметом для жезказганских геологов. Но и этих дополнительно выделенных сумм могло хватить при самом экономном расходовании только на два-три месяца. Поэтому тогда же, в Москве, Каныш Имантайулы начал искать иные источники финансирования.

Одним из них оказался трест «Золоторазведка». Трест располагал достаточными средствами, только ему нужны были гарантии, что они не пропадут, обернутся новым золо-

тым прииском. Примечательно то, что его не интересовало, где — в тайге или пустыне — будет найдено месторождение. Главное — обнаружить проявления золотосодержащих руд. Каныш Имантайулы, не задумываясь, заключил договор с трестом. «Золоторазведка» обязалась перечислить жезказганской конторе несколько сот тысяч рублей, а он как начальник службы взял на себя ответственность за поиски и последующую разведку этого мнимого месторождения золота. Годы, проведенные в Жезказгане, убеждали Сатпаева, что улутауская земля также богата благородными металлами. Почему же не использовать их в тяжелое время для успеха главного дела?!

Он заключил договор и получил средства также от Института угля для разведки Кияктинского месторождения. Правда, и это казалось несколько сомнительным шагом. Ведь было ясно, что собранные таким способом небольшие средства он не сможет направить на разведку по договорным работам. Все до копейки они будут использованы для нужд Жезказгана. Однако кредитор не окажется в убытке. Выделенные средства будут возвращены с лихвой — не зря же в последние два года три-четыре буровых станка постоянно работали в отдаленном Киякты. После возвращения домой можно будет дать задание инженеру Бурцеву, чтобы он составил надлежащую основательную документацию, использовав для этого материалы разведки прежних лет.

Каныш выяснил, что трест «Лакокрассырье» тоже ищет сырье для производства зеленой краски — «ярь-медянки». Сатпаев не такой барин, чтобы спокойно сидеть и неделями ждать, когда сами явятся к нему просители: «Если гора не идет к Магомету, то сам Магомет идет к горе». В конторе треста он увлеченно рассказывает, что вокруг Улутау можно найти любой из видов медянки. Во время поисковых походов его люди несколько раз встречали проявления этого сырья. «Может быть, направить вам в помощь группу разведчиков?» — «Нет, нет, зачем специально снаряжать в такую даль отряд! Но лучше заключите договор с нашим отделом. Людей у нас не так уж много, но из уважения к вам могу выделить одного-двух инженеров и пару десятков рабочих».

После нескольких деловых встреч и с этим трестом был заключен договор. Понятно, что, подписывая такое соглашение, Каныш Имантайулы шел на большой риск. Ведь он не собирался снаряжать указанную в договоре экспедицию. Однако «Лакокрассырье» также не окажется в убытке. Сырье, которое ищет трест, можно хоть завтра отгружать тоннами.

В Жезказгане его предостаточно. Ведь вся окисленная медная руда, которая лежит в карьерах тысячами тонн, и есть то самое сырье для «ярь-медянки».

Вот строки из работы академика Сатпаева «Минеральные ресурсы Жезказган-Улутауского района»: *«Всесоюзный трест «Лакокрассырье» еще в 1934–1940 гг. широко использовал... руды, вырабатывая из каждой тонны жезказганской окисленной руды краски на сумму более 10 тысяч рублей. Такая сверхприбыльность предприятия позволяла тресту «Лакокрассырье» возить окисленные руды Жезказгана на транспортных самолетах и выделять геологоразведчикам Жезказгана ежегодно свыше одного миллиона рублей, которые использовались для планомерного расширения ресурсов Жезказгана».*

Некоторую сумму удалось получить от Казахстанской базы Академии наук СССР. Здесь Каныш Имантайулы заключил договор на проведение исследовательских работ на тему «Общее геологическое строение Жезказгана».

Итак, не склонив в свою веру никого, но и не побежденный, Сатпаев в конце мая возвратился в Улутау с некоторыми средствами. Прежде всего рассчитался с оставшимися рабочими за прошедшие месяцы, выдав им мизерную зарплату. Постепенно достал необходимые инструменты, горюче-смазочные материалы, дефицитные детали для станков, пустил в дело привезенные из Москвы алмазные коронки, бывшие в употреблении, ведь они были в два-три раза дешевле. Но поскольку средств все-таки было очень мало, он предложил преданным делу людям вообще обходиться без наличных денег. «Зарплату получите натурой – семейные в виде продуктов, а холостяки пусть питаются из общего котла, в столовой. Так удобнее и экономичнее для нас, – объяснял он рабочим. – Придется потерпеть. Иного пути у нас нет...»

И они терпели. Мало того, Сатпаев потребовал от них неукоснительного выполнения пятилетнего плана разведки Жезказгана, принятого три года назад. По тогдашним расчетам, ежегодно должны были работать не менее двадцати буровых станков. А сейчас не было и половины – не хватало рабочих для их обслуживания. Теперь каждый станок должен работать за три, каждый буровик за троих. Бурение некачественных скважин будет считаться вредительством. Каждый грамм горючего для двигателей должен быть взят на учет. Необходимо беречь любой обломок металла, каждый килограмм шаров должен быть использован с наибольшим эффектом.

Трудно сказать, какой из факторов оказался решающим — оптимизм ли и непоколебимая вера «главнокомандующего» жезказганских геологов, удивительная ли самодисциплина его людей, но горстка мужественных энтузиастов, терпя лишения и невзгоды, добилась поразительных результатов.

Вот рассказ некоторых участников этой героической эпопеи.

Мырзабек ТУНГЫШБАЕВ: «Что и говорить, мы были в таком положении, которое сегодня кажется невероятным. В месяц нам выдавали по 50 граммов чая. На каждого члена семьи в день получали 200 граммов черного хлеба. Ну и еще по миске жидкой похлебки. Были случаи, когда из-за отсутствия горючего приходилось бурить скважины ручными станками».

Халык ТЕМИРБАЕВ: «Однажды на участке Таскудук мы нечаянно забили скважину. Колонка застряла и не поддается ни туда ни сюда. Даже Бабаилов ничего не смог сделать. Каныш Имантайулы был в Карсакпае. Услышав об аварии, он сразу же приехал и собрал всех в контору. Вид у нас, конечно, был неважный. Одежда ветхая, сами исхудавшие. Как назло, в тот день расплавился подшипник двигателя еще одного станка. В довершение ко всему один из младших рабочих пожаловался на мастера. В общем, собрание с самого начала пошло кувырком. Неожиданно Кан-ага вскочил: «Что же я доложу партии и правительству, как я посмотрю в глаза руководству?» Произнеся это, он ударил кулаком по столу так, что стоявшая там чернильница слетела на пол. От неожиданности я вздрогнул. Мне пришлось проработать рука об руку с Кан-ага подряд двенадцать лет. И позже он неоднократно приезжал к нам. В общей же сложности я знал его около тридцати лет. И в те годы, и впоследствии я больше не видел его таким разгневанным. Он весь побледнел. Стоит посреди комнаты, дрожит весь, вид изможденный. Огромные глаза запали, скулы заострились, плечи поникли. Что и говорить, переживания последних месяцев и его довели до такого состояния. На его крик в тот момент никто даже рта не раскрыл. Сидели в глубоком молчании.

Через некоторое время он взял себя в руки, почти успокоился и начал говорить уже другим тоном: «Извините, это случайно вышло, не хотел я вас ругать, что поделаешь, нервы подвели...» — и покраснел от смущения. Когда мы расходились, Ахмедия Толекбаев говорит: «Эй, Халык, ведь он ругал не только нас, но и себя. Видно, тяжело ему. Если нам суждено умереть, пусть это случится на буровой. Давай будем спать там в будке, зато еще часок-другой к смене прихватим. Ведь Кан-ага тоже ради нас себя не жалеет». Джигиты у меня были крепкие. Выдюжили, план того месяца, как ни трудно было, перевыполнили».

Павел ПРОКОПЬЕВ: «Меня до сих пор удивляет стойкость тех парней. Ей-богу, ежедневно мы работали по 15–16 часов. Часто не возвращались в общежитие, а оставались ночевать на буровой.

И зарабатывали совсем немного, почти гроши. Таков был энтузиазм людей!.. Я был холостым. Исполнял обязанности старшего коллектора, а зарплату получал за младшего рабочего. Иногда и этого не доставалось. Только я виду не подавал, терпел. Сейчас вот думаю, как же терпели те, кто имел семью, детей. Все видели, как тяжело Каныш Имантаевич переживал неудачи. Кстати, в тот год он больше бывал в Москве, чем в Жезказгане. Как вернется, сразу на буровую — одного угостит куревом, другого насыбаем, расспросит, как дела, внимательно осмотрит сделанную работу. Даст указания о дальнейшем ведении разведки и, попросив: «Потерпите, ребята!» — снова уезжает ходатайствовать за нас. Иногда выезжал в Кокшетау, Ачисай и оттуда привозил инструменты, запчасти. Мы, правда, не сидели сложа руки, если случались поломки, составляли из старых деталей исправные узлы, а чего не было, ухитрялись изготовить сами».

II

Так прошел 1933 год. Разведанные рудные запасы Жезказгана увеличились. Но разведка все же могла вот-вот прекратиться из-за недостатка средств. Вся надежда была на те организации, которые в прошлом году отговаривались: «Средства нынешнего года уже распределены, может быть, сможем что-то выделить в следующем...» Вот и наступил этот следующий, 1934 год. Обстоятельства для Жезказгана несколько не изменились. Стало даже труднее — Главцветмет категорически отказался финансировать геологоразведку даже в прошлогоднем объеме. Если в минувшем году хотя бы приводились какие-то объяснения, то нынче жезказганцы не слышали в главке даже этих слов. Все шло к тому, что они вскоре должны были лишиться всякой надежды на получение помощи.

Трест «Золоторазведка» был доволен прошлогодними результатами. Получены заявки на открытие двух месторождений золота. Результаты анализов их обнадеживающие. Есть наметки еще на две заявки. Если содержание металла и здесь будет удовлетворительным, то трест готов в новом году содержать в Жезказгане специальную партию геологоразведчиков. «Может быть, товарищ Сатпаев временно оставит разведку меди, тем более что его заслугами по этой части пока пренебрегают, и перейдет в наше ведомство? Средства будут выделены большие, можете вести поиск золота на территории всего Казахстана, никто вас ограничивать не будет». Но планы жезказганского геолога были иными. Он хорошо знал, что будущее Улутауских степей не золото и не серебро,

а медь. Он вежливо отклонил предложение «Золоторазведки», но не отказался от сотрудничества с трестом. Заключил договор, в котором обязывался и в будущем году найти новые золотоносные жилы. Подобный договор был заключен и с Институтом угля. «Ведь надо же наконец подытожить результаты разведки угля в Улутауских степях за несколько лет». И с треста «Лакокрассырье» опять же удалось сдернуть изрядную сумму.

В такой маете дожили до лета. Между тем разгром геологической службы Жезказгана продолжался.

В тот год состоялся XVII съезд партии большевиков. Читая отчетный доклад ЦК ВКП(б) и материалы съезда, Каныш Имантайулы обратил внимание на те строки, в которых говорилось о необходимости «упорядочить дело цветной металлургии». Значит, и в Центральном Комитете знали о беспорядках в Главцветмете.

А делегат от Казахстана, председатель Совнаркома республики Ораз Исаев, выступая перед посланцами партии, подчеркнул: *«Запасы Жезказгана установлены с предельной точностью. Мы должны провести ряд подготовительных работ по освоению этого месторождения, чтобы к концу текущей пятилетки начать строить Жезказганский комбинат».*

И это обнадеживало и вселяло уверенность в будущем успехе. Жезказганцы воспряли духом, ожидая, что в скором времени бюрократическому произволу Главцветмета в отношении их будет положен конец.

Но положение их по-прежнему оставалось пока без изменений.

Лишь в июле по ходатайству отдела ресурсов Госплана СССР Главцветмет выделил средства, которые были к тому же намного скромнее прошлогодних, причем предупредил: «Это в последний раз, и больше для Жезказгана не будет выделено ни копейки». Для Каныша Имантайулы теперь было все равно, лишь бы дали деньги. Пусть ругают, пусть закатят выговор. Только бы не оставили без средств. Он предчувствовал, что в выигрыше будет Жезказган, а не его противники. Ведь такую сокровищницу никакими резолюциями не закроешь. Богатства недр Улугау обязательно станут предметом первостепенной заботы металлургов. Но вопрос, когда это случится?..

Конечно, Канышу Имантайулы давно надоело попросишничать. А каково тем, кто работает в поле? В неопределенном положении, без уверенности в завтрашнем дне, не зная, что получат за сегодняшние труды. Долго ли смогут они терпеть?

Летом при встрече в Москве со своим наставником Михаилом Антоновичем Усовым Каныш без утайки рассказал о своих мытарствах и попросил его совета. Через несколько дней они встретились с профессором Московского института цветных металлов В.А. Ванюковым. Тот сказал:

— Мне кажется, что вы правы, и в вашем деле сможет помочь лишь товарищ Серго. Только надо его убедить в этом. — И еще раз с нажимом добавил: — Вы меня поняли? Надо убедить Орджоникидзе в уникальности сокровищ Жезказгана.

— Если б я смог попасть к нему на прием, я бы убедил наркома. Фактов достаточно, больше чем надо. Сколько угодно самых неотразимых доказательств.

— Нет, дорогой, одних ваших материалов еще недостаточно. Не обижайтесь на мои слова. Результаты разведки надо еще довести до кондиции. Скажем, утвердить на каком-либо авторитетном заседании техсовета или коллегии, в общем, надо их провести через обсуждение больших, компетентных специалистов. А вот после такой апробации можно сказать: «Товарищ Серго, не только я так считаю, но и ученый совет такой-то организации...» Понимаете?.. И тогда можно отстаивать свое мнение. А насчет того, чтобы попасть к наркому, не беспокойтесь. Так как за вас просит уважаемый Михаил Антонович, я готов сказать несколько слов Григорию Константиновичу.

— Говорите, авторитетное учреждение?

— На мой взгляд, нужно остановиться на Академии наук. Если б удалось протащить ваш вопрос на ее специальной сессии...

— Мне кажется, дельный совет, — сказал профессор Усов. — На технический совет вашего главка надежды нет, от Геолкома ждать помощи тоже нельзя — ясно, что эти организации настроены против идеи Большого Жезказгана. Они наверняка постараются провалить вашу затею. Зачем тогда напрасно время терять? Поэтому, перешагнув через них, надо идти прямо в академию. Если сессия поддержит Большой Жезказган, против ее постановления не сможет выступить ни одна организация, ни один ученый совет.

— Разумеется, если академия станет говорить с нами, ведь это такое научное учреждение... У меня ведь нет никакого веса в ученом мире... — проговорил Каныш Имантайулы.

— Но если академия станет говорить с вами, вы, судя по всему, не сомневаетесь, что ваше предложение будет поддержано, — с улыбкой заметил профессор Ванюков.

– Не знаю почему, но я уверен в этом. Мне кажется, что ученые люди уж должны безошибочно определить, что к чему.

– Михаил Антонович, кажется, ваш ученик пойдет далеко!..

– Давайте сделаем так: я беру на себя переговоры с Владимиром Афанасьевичем Обручевым. А перетянуть на нашу сторону академика Андрея Дмитриевича Архангельского поручается вам, уважаемый, – сказал Усов, обращаясь к Канышу, – тем более он председатель вашей Казахстанской базы Академии наук. Ну, я еще беру на себя и академика Ивана Михайловича Губкина. А если мы предварительно договоримся с этими тремя китами, то считайте сессию уже открытой. А дальше видно будет...

III

Вторая половина 1934 года была посвящена подготовке задуманного. Шутка ли: выйти с проблемами Жезказгана на сессию АН СССР?.. Жезказганцев будут слушать признанные корифеи науки, известные всему свету! На карту окажутся поставленными судьба месторождения и надежды всех, кто, безгранично веря в своего вожака, вот уже полтора года мужественно сражается вместе с ним. Победа или поражение? Середины не будет. Значит, все помыслы, все силы направит на то, чтобы победить!

Каныш Имантайулы с удвоенной энергией продолжал выступать в прессе. Журнальные и газетные статьи преследовали одну цель – как можно доходчивей рассказать о наболевших проблемах Большого Жезказгана, привлечь к этой идее новых сторонников (когда-то я подсчитал, что за 1928–1935 годы К.И. Сатпаев опубликовал в газетах и журналах о Жезказгане и его подземных сокровищах 46 (!) больших и малых статей).

Одновременно в ускоренном темпе, насколько это было возможно, продолжались разведочные работы. К осени того же года жезказганцы снова произвели генеральный подсчет запасов и представили на утверждение в ВКЗ. В отличие от предыдущих материалов в этом отчете были отдельно учтены запасы свинца, цинка и серебра. К выкладкам приложили записку, составленную самим Сатпаевым. По сути дела, это были предварительные наброски его доклада на сессии. Здесь были обстоятельно изложены основные черты геологического строения и закономерности металлогенеза Жезказганского района.

Медно-свинцовые руды Жезказгана образовались в результате длительных процессов. Они отлагались из среды газо-водных растворов глубинного магматического очага, рассекавших на своем пути куполовидную структуру Жезказганской свиты. Достигнув верхних слоев земной коры, рудные растворы пропитывали пористые песчаники, характерные для Жезказгана, и отлагали в их порах свой металлический «груз». Так возникли «слоенные пироги», иначе говоря, богатые рудные пласты этого месторождения.

Наиболее важным в этой работе явилось установление впервые в геологической науке определяющего значения горизонтальных внутрипластовых зон тектонических нарушений типа пологих надвигов и линз расслаивания, игравших решающую роль в процессах миграции и локализации первичного оруднения в пределах Жезказгана.

И еще один важный вывод следовал из этой работы: геолог-практик впервые выступал как серьезный теоретик. Это было очень существенно, так как Сатпаев собирался выступить перед учеными.

И вот подошло время созыва сессии Академии наук СССР. Она состоялась в Москве, в ноябре 1934 года. Сессия была подготовлена Казахстанской базой Академии. Рассматривался вопрос «Производительные силы Большого Жезказгана и Большого Алтая».

В обсуждении его приняли участие представители 57 геологических и горнодобывающих организаций. Здесь были ученые с мировыми именами, видные инженеры, знаменитые геологи. Среди них признанный корифей Владимир Афанасьевич Обручев. Поговаривали, что вопрос о Большом Алтае был вынесен на рассмотрение сессии вместе с Жезказганом по его инициативе. Впрочем, многие участники сессии слово Жезказган слышали впервые. Никому не знакомо и имя докладчика. Ученой степени у него вовсе нет. И этого безвестного геолога К.И. Сатпаева будут слушать десятки академиков, профессоров с громкими научными биографиями. Знаток нефти Иван Михайлович Губкин, строитель Днепрогэса Борис Евгеньевич Веденеев, ученый-геолог Андрей Дмитриевич Архангельский. Рядом с ними в первом ряду сидели академики, прославившие русскую науку своими открытиями в области горного дела, чьи труды дали жизнь многим промышленным городам и областям: А.А. Байков, Н.С. Курнаков, А.Е. Ферсман, В.П. Волгин, Д.Н. Прянишников...

После утверждения повестки дня председательствующий академик А.Н. Самойлович предоставил слово для основного доклада геологу Сатпаеву. На трибуну поднялся высокий

молодой казах с черными волнистыми волосами. Тот, кто видел его впервые, мог бы дать ему не тридцать пять, а всего двадцать пять лет. Было заметно, что докладчик волнуется, поначалу улавливалась дрожь в голосе.

— Уважаемые ученые, коллеги-геологи! — начал он. — Вопрос о Жезказгане и его проблемах родился не сегодня, о нашей меди говорят уже давно. В этом смысле вопрос уже с бородой. — Люди, сидящие в зале, одобрительно заулыбались. Выступавший приободрился и продолжал далее. — В Жезказгане за последние десятилетия побывало немало специалистов, много геологов видели его рудные залежи. Однако должен с сожалением констатировать, что до сегодняшнего дня Жезказганом с научной точки зрения никто серьезно не интересовался. Он считался отдаленным, следовательно, малоперспективным месторождением. В геологическом отношении он оставался совершенно не изученным, даже загадочным. Только теперь впервые судьба Жезказганского месторождения благодаря заботам и вниманию уважаемых наших академиков, присутствующих в этом зале Архангельского, Обручева, Байкова, Губкина, вынесена на ваше обсуждение. Мы, несколько жезказганских геологов, находящихся здесь, выражаем сердечную благодарность всем вам, уважаемые ученые, за то, что вы уделили нам свое драгоценное время...

За этим вступлением последовал обстоятельный рассказ о полезных ископаемых, содержащихся в жезказганских недрах, о запасах меди, разведанных к тому времени.

Сложное геологическое строение Жезказгана изучено еще слабо. Однако докладчик хотел бы высказать некоторые свои предположения о его генезисе. Это не голословные утверждения, а выводы, сделанные путем сравнения с другими медными месторождениями, результат длительного исследования... Рудное поле Жезказгана возникло, по мнению Сатпаева, не в один миг, а в несколько этапов. В разрезе земных слоев ясно видно, что расположение руд подчиняется характеру напластования осадочных пород. Это очень характерная особенность жезказганской структуры. Существует мнение, что здешние руды откладывались вместе с осадками на дне древних морей, заполненных насыщенными медными рассолами. Этот взгляд сразу же рождает мысль об осадочном происхождении жезказганских медных руд. Но это, по его убеждению, ошибочное впечатление. Докладчик и его коллеги по Жезказгану склоняются к представлению о гидротермальном происхождении руд. Определяющую роль здесь сыграли глубинные процессы. Это подтверждают найденные в осадках «ядовитых» медных морей остатки крупных амфибий. Значит, никаких рассолов не было... В пользу гидротермальной теории убедительно говорят результаты разведки: располо-

жение рудных тел, оно контролируется системой разломов и трещин, служивших рудоподводящими и рудораспределяющими каналами. И потому руду мы находили там, где по «осадочной» теории ей не полагается быть... Слов нет, в генезисе жезказганских руд много еще неясного, спорного. Нужны детальные исследования...

Чем больше он говорил, тем голос его звучал яснее, тем доброжелательнее реагировал зал. На разгоряченном лице докладчика выражалась уже не робость, а уверенность, исчезла дрожь в голосе.

За шесть дней работы сессии **Каныш САТПАЕВ** выступил пять раз. Темы его докладов: *«Основные черты геологии и металлогении Жезказганского меднорудного района: генезис, состав и запасы медных руд района»*, *«Ископаемые угли Жезказганского района»*, *«Месторождения огнеупорных, флюсовых и строительных материалов Большого Жезказгана»*, *«Месторождения полиметаллов в пределах Жезказганского района»*, *«Месторождения рудного золота Жезказган-Улутауского района»*. Их основное содержание сводилось к следующему выводу: **«В этом районе колоссальные возможности — мировая провинция меди, обеспеченность углем, строительными и другими минеральными ресурсами, остается лишь приложить сильные руки...»**

Слово для содоклада было представлено геологу Угэдею (Сергею) Алиханулы Букейханову.

Он родился в 1905 году в Омске, в семье лидера национально-го движения за возрождение казахов Алихана Нурмухаметулы Букейханова. После блестящего окончания Омской гимназии Угэдей Букейханов поступает в Московскую горную академию. Он приехал в Жезказган в начале 1930 года, и его совместная служба с Сатпаевым продолжалась вплоть до 1935 года. Молодой Букейханов работал здесь его заместителем, занимая должность районного геолога.

По отзывам некоторых коллег, он был грамотным специалистом, знал некоторые иностранные языки, но отличался от простого и доступного всем начальника геологического отдела чрезмерным чванством и высокомерием. (Наверное, внутренне гордился своим знатным ханским происхождением, он был по крови чингизид-тюре. Угэдеем звали, между прочим, самого воинственного из трех сыновей великого потрясателя вселенной — Чингисхана)...

Как рассказывали автору этих строк ветераны разведки, рабочие-казахи, неграмотным и не знавшим языка людям он отдавал свои распоряжения только на русском языке. Притом их отдавал грубо, не слезая с лошади. Приезжая на буровую, никогда не здоровался с людьми за руку. И считал, что все должны были ему кланяться. (Кстати, это исходило из традиционного поведения всех чинги-

зидов.) Потому Букейханов, проработав в Жезказгане неполных четыре года, не найдя общего языка с дружным, сплоченным и многочисленным коллективом, вынужден был уехать из Улутауских степей после очередного скандала, произошедшего по его вине... Более он в родной Казахстан не вернулся, по нашим данным, умер в 50-х годах на Урале, в городе Бляве...

Ради исторической справедливости надо сказать, что компетентный в своем деле геолог с высокой и ответственной трибуны сессии Академии наук СССР в тот ответственный день сделал неплохой для того времени доклад. Тема его выступления: *«Структурные и рудные районы Жезказгана»*.

Сенсацией и открытием для участников сессии оказался и содоклад третьего казахстанца, вышедшего на трибуну лишь на четвертый день. «Виновником» этого триумфа был инженер-обогачитель **Жармаганбет ТУЛЕНОВ**. Доклад его назывался: *«Проблемы обогащения жезказганских медесодержащих руд»*.

Здесь следует заметить: именно один за другим, притом каждый с поистине замечательными сообщениями и открытиями, выступили трое из местных, жезказганских производственников, которые, досконально зная свое дело, не побоялись открыто высказать научные идеи, ломавшие все доселе существовавшие представления в отрасли. Сам по себе этот факт красноречиво говорил о том, что в далекой казахской степи рождались свои интеллектуальные силы. И ее лучшие сыновья, такие, как эти инженеры, готовы были на любом форуме двигать вперед научную мысль своей республики. И этот факт был особо отмечен в заключительной речи академика А.Н. Самойловича, как прекрасный успех советского просвещения...

Жармаганбет (в родных местах его ласкательно называли Жармак) Туленулы родился в бедной семье в 1901 году, во втором ауле Абралинской волости Каркаралинского уезда. Жизненные невзгоды заставили его отца Тулена оставить родные места и перебраться с семьей в Южный Алтай, в село Камышинку, что под городом Змеиногорском, где его семья проживала в 1909–1912 годах.

Жармак — самый младший из четырех братьев Туленовых, лишился отца и матери, когда ему не было и девяти лет. Жесткие испытания, выпавшие на долю сироты Жармака, без преувеличения можно сравнить с известными жизненными университетами Максима Горького-Пешкова: батрак, чернорабочий на строительстве Алтайской железной дороги, кочегар курсировавших по Иртышу пароходов, шахтер на Анжерских подземных угольных шахтах Кузбасса, наконец, сапожник в Семипалатинске, куда он перебрался,

став инвалидом из-за непосильной тяжелой работы, выпавшей на его долю в детстве. Здесь Жармак Тулснұлы, чиня изношенную обувь преподавателей педтехникума и слушая их разговоры, страстно загорелся желанием учиться, и хотя никогда не ходил в школу, вдруг взялся восполнять с помощью своих клиентов пробелы в образовании, а через год его усилия были вознаграждены: наблюдавший за ним директор техникума Абиkey Зеинулы Сатпаев распорядился принять взрослого джигита на подготовительные курсы. Он окончил их в 1925 году, притом сумел получить свидетельство об окончании с отличием! Вручая этот документ, Абиkey Зеинулы сказал ему: «Тебе, Жармак, следует учиться и дальше. У тебя хорошие задатки. Пока еще молод, не упускай возможности получить высшее образование...»

В тот же год он отправился в Москву и поступил на рабочий факультет Московского высшего технического училища им. Баумана, который закончил через два года. Осенью этого же года Жармаганбет Туленов был зачислен на химический факультет МВТУ.

— При выборе профессии, видимо, сказались мое неразумение, недооценка будущей жизни или не сумел я вовремя понять насущных требований времени — не знаю, суди сам, Медеу, сынок, только об ошибке своей я догадался, когда в Москве с Канышем Имантайулы случайно встретился да и поговорил по душам, — вспоминал Жармаганбет Туленулы во время нашей беседы в Караганде, происходившей в 1970 году, куда ветеран труда окончательное переселился. — У Канеке был, как известно, с молодых лет проницательный и острый ум, он тоньше чувствовал пульс времени, чем мы. А я его хорошо знал еще по Семипалатинску. Наверное, потому он мне тогда же прямо в лицо сказал: «О, Жаке, ты просчитался, поступив на этот факультет. В предстоящие двадцать-тридцать лет в Казахстане химической промышленности не будет, нет для этого у нас соответствующих условий. Выходит, по своей выбранной уже специальности ты не сможешь принести пользы родному народу, останешься в стороне от магистрального направления экономической, хозяйственной жизни республики...» Его мудрые слова глубоко запали мне в душу, в конце концов после долгих мытарств я сумел перевестись на факультет цветных металлов Московской горной академии. Таким образом, в моей судьбе принял участие и второй Сатпаев, притом повернув ее в нужное направление...

После окончания горной академии, получив специальность обогапителя, Ж. Туленов приехал в Карсакпай. Это было в 1932 году. Директор комбината предложил ему занять должность технического руководителя Жезказганской обогапительной фабрики, тут же откровенно рассказав ему, что там плохо с техниками, знающими технологию специалистами, потому что они не очень там задерживаются из-за житейских и производственных неурядиц. Скорее всего, испугавшись обстановки на фабрике, да и колоссальной ответственности за регулярное снабжение качественным концентратом для выплавки меди, молодой инженер в категорической форме отказался от лестного предложения.

Тотчас же в кабинет был приглашен начальник геологического отдела. Поняв ситуацию, Каныш Имантайулы сказал Ж. Туленову по-казахски: «Э-е, Жаке, если уж великовозрастные джигиты вроде тебя еще зелеными себя считают, то, видно, нашему бедствующему народу придется долго, еще веками ходить за своими стадами животных и оставаться вечно кочующим номадом. Беднеет и оскудевает казахская земля на отважных и гордых джигитов... Ты чего испугался или хочешь вечно в учениках ходить? А ведь за родное дело можно и в горящий костер шагнуть, и в глубокую реку, в самую стремнину броситься?! Не ожидал я, Жаке, от тебя такого поступка!..»

— Я покраснел, как говорится, до ушей, — рассказывал, смеясь, Жармак-ага, вспоминая тот давнишний случай. — Вскочив с места, сказал директору: «Я согласен, пишите хоть сейчас приказ!» Так и стал руководить новой фабрикой в Жезказгане...

Разумеется, к осени 1934 года он уже хорошо знал все технологические «хитрости» и сложности обогащения жезказганских руд.

На пленарных заседаниях также выступили профессор А.А. Гапеев (известный геолог, ведущий поисковик Карагандинского угольного бассейна), вышеназванный нами В.А. Ванюков и И.К. Либина, а в последний день о практических возможностях увеличения выплавки жезказганских руд говорил главный инженер Карсакпайского медеплавильного комбината И.А. Стригин. Однако шести дней заседаний не хватило, чтобы дать слово всем докладчикам. В частности, не повезло жезказганскому минералогу Т.А. Кошкиной и еще нескольким инженерам. Но их доклады были приняты без заслушивания, а затем включены в сборник «Большой Жезказган», изданный в следующем году издательством Академии наук СССР.

Между докладами предоставлялось слово всем желающим. За шесть дней дебатов выступили 250 человек (считая ораторов на секционных заседаниях). Среди них известные ученые Московского и Ленинградского университетов, специалисты Главцветмета, Гипроцветмета, Главзолото, Главредмета, научные сотрудники центральных геолого-минералогических институтов, Водоканалпроекта, представители Украинской Академии наук и другие...

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что замысел казахстанских геологов привлечь к рассмотрению проблем Большого Жезказгана крупных ученых и специалистов удался. И вот Каныш Имантайулы держит в руках постановление третьей сессии АН СССР 1934 года. Там говорилось: «Суше-

ствующий Карсакпайский завод, работающий на базе жезказганских руд, ни в коей мере не разрешает вопроса использования огромных запасов этого уникального месторождения и добыча наиболее богатых руд в дальнейшем может даже затруднить правильное использование всех запасов Жезказганского района. Поэтому сессия считает необходимым для ликвидации общей дефицитности меди в стране и использования громадных запасов построить в течение третьей пятилетки в Жезказгане медеплавильный комбинат...» Сессия поддержала и другое предложение, которое было крайне важно для развития меднорудного района, — о строительстве железнодорожной линии «Жезказган—Караганда—Балхаш». Научный форум ученых обратился в Госплан СССР, Главцветмет, Наркомат путей сообщения и другие инстанции с просьбой рассмотреть результаты работы сессии и предусмотреть ассигнования на проведение соответствующих изысканий.

Из рассказа **Жармаганбета ТУЛЕНОВА:**

«В день окончания сессии мы организовали прием для участников научного форума. В небольшом зале Казпостпредства собрались наши почетные гости. Среди них — академики, руководители, ведущие инженеры проектных и исследовательских институтов, принимавшие самое активное участие в обсуждении докладов. Председательствовал за столом, как глава республиканской науки, академик А.Д. Архангельский. Помню, как, открывая наше застолье, тамада провозгласил тост в честь Большого Жезказгана, заметив, что на обсуждении он в чем-то затмил славу Рудного Алтая. И поздравил всех присутствовавших с успешным завершением научной сессии.

— О, друзья, я протестую. Не надо забывать старый, седой Алтай. А Жезказган ваш, любезный Андрей Дмитриевич, пока выскочка, он слишком молод, чтобы затмить славу древнего Алтая! — вставил реплику академик В.А. Обручев, поднимаясь с места.

Я, тогда еще молодой инженер, с интересом прислушивался к спору маститых ученых. И вдруг из-за нашего стола, а мы, жезказганцы, скромно сидели за крайним столом, чуть в стороне, вскочил наш Канеке. И скороговоркой, но отчетливо произнес:

— Владимир Афанасьевич, вы справедливый человек. Давайте будем говорить, опираясь на факты: Рудный Алтай, бесспорно, велик и издавна прославлен! Вы сами немало труда приложили для его возвышения. По сравнению с ним Жезказган гораздо моложе. Но он растет подобно сказочному богатырю — не по дням, а по часам, на радость всем нам! Разве зазорно отдать сегодня предпочтение такому молодому великану? Я призываю вас поддержать тост Андрея Дмитриевича! Итак, товарищи, за Большой Жезказган! — заключил Сатпаев свое импровизированное выступление.

Все шумно и одобрительно поддерживали Каныша Имантайулы. Понеслись голоса: «Браво, браво! Он прав, Жезказган из молодых дарных!»

Разумеется, и В.А. Обручев, первым из столичных корифеев науки понявший масштабы и значение Жезказгана, одобрительно принял горячую речь молодого инженера-казаха. Улыбаясь, он поднял свой бокал с шампанским. Мы были тогда молоды и, конечно, не остыли еще от победы и признания своего детища на сессии большой науки; помню, поднявшись, дружно аплодируя, громко, во весь голос скандировали: «За Большой Жезказган! За Большой Жезказган!» Знаю, что нетактично получилось, но кто думал тогда об этом? Мы были счастливы и готовы дерзать!»

В один из тех дней Каныша Имантайулы разыскал корреспондент «Правды» Д. Заславский. Первое интервью Сатпаева центральному печатному органу партии также было признанием успеха...

У НАРКОМА

I

Несмотря на поддерживающее постановление сессии АН СССР, положение жезказганской разведки по-прежнему оставалось плачевным. Прошел ноябрь, близок был и конец декабря. А там, в Улугауской степи, сотни людей бедствовали. И здесь, в Москве, никого это не интересовало. Бесконечное хождение по высоким столичным инстанциям пока не приносило результата.

Каныш Имантайулы, проявив завидное упрямство, не захотел уехать из Москвы, пока не добьется субсидий на разведку. Однажды, отчаявшись, снова пришел к профессору Ванюкову, чтобы напомнить ему о его обещании — помочь попасть на прием к товарищу Орджоникидзе.

Член Политбюро ЦК ВКП(б) Григорий Константинович Орджоникидзе в то время считался чуть ли не полубогом или же его наместником на земле по части решения судеб миллионов людей, работавших на всех предприятиях тяжелой промышленности Советского Союза. К солидному зданию на площади Ногина (ныне Старая площадь), где размещался кабинет наркома, шли нити руководства рудниками, заводами, фабриками от западной границы Украины, Белоруссии до берегов Тихого океана. Потому его называли «главным штабом» промышленности. Естественно, попасть на прием к

главному лицу такого штаба было чрезвычайно трудно. Он был постоянно занят, как правило, помощник его за месяц расписывал дни приема, буквально до минуты. И найти время для человека, приехавшего издалека, всегда было сложным делом.

Но заступничество профессора В.А. Ванюкова возымело действие. Главного геолога Карсакпайского медеплавильного комбината нарком тяжелой промышленности согласился принять лишь в последний день уходящего 1934 года, и то вечером, около восьми часов.

К зданию Наркомтяжпрома Каныш Имантайулы пришел задолго до назначенного часа. Перед революцией здесь размещались управления различных акционерных обществ и фирм; всей Москве оно было известно под именем «Делового двора». Громадное здание, нависающее над площадью десятками больших окон, в которых отражалась суeta предновогодней Москвы, показалось Сатпаеву в этот мягкий предпраздничный час торжественным и величественным. Именно таким и представлял он себе этот штаб промышленности.

Каныш пришел раньше, потому что боялся опоздать из-за какой-нибудь непредвиденной случайности. Он тщательно готовился к этой встрече, был уверен в себе и все-таки волновался. Еще бы! От сегодняшней встречи зависел успех дела, которому отдано восемь лет жизни! Если он проиграет сегодня, Жезказган заглохнет на многие годы...

Геолог давно продумал, что и в какой последовательности станет говорить наркому, и, чтобы не сбиться, все записал в блокнот, но все же его не покидали неуверенность и щемящее чувство беспокойства. Предъявив пропуск дежурному охраны, он направился в приемную наркома. Когда он отворил дверь, навстречу из-за стола поднялся невысокий мужчина средних лет.

— Семушкин.

— Сатпаев, геолог из Казахстана.

Помощник наркома кивнул, дружески окинул его внимательным взглядом и улыбнулся:

— Каныш Эмантаевич? Наслышан о вас от металлурга Ванюкова. Наверное, вы его воспитанник?

— Нет, — ответил он и не стал поправлять Семушкина, хотя тот неверно назвал его отчество. — Я воспитанник профессора Михаила Антоновича Усова... Товарищ Орджоникидзе, наверное, хорошо знает профессора Ванюкова? Меня так быстро известили о его согласии принять...

— Вы не ошиблись, — улыбнулся Семушкин. — Как специалист товарищ Ванюков пользуется в нашем наркомате большим авторитетом. Григорий Константинович очень ценит консультации такого рода ученых-практиков. Садитесь, пожалуйста.

Каныш опустился в предложенное ему кресло и стал ждать. Из задумчивости его вывел звонок, прозвучавший над дверью кабинета. Семушкин быстро поднялся, сказал Сатпаеву: «Извините» — и исчез за высокой дверью.

Каныш вспомнил, что пришел рановато, и как-то внутренне засуетился, к нему вновь вернулись томительное беспокойство и неуверенность. Размеренно и мягко тикали настенные часы, но у него было такое ощущение, что они стучат на всю приемную; в голове стоял гул, и геолог, тяжело вздохнув, вдруг понял, как он устал за эти дни непрерывного ожидания.

Помощник задерживался в кабинете. Каныш смотрел на массивную, обитую черной кожей дверь и почти физически ощущал, как медленно тянется время. Потом он рассказывал жене, как принялся про себя повторять то, что собирался сказать наркому.

Неожиданно послышались голоса. Из кабинета, радостно улыбаясь, выходили посетители — несколько кавказцев. Рослые, широкоплечие, шумные, они заполнили собой маленькую приемную, и в ней сразу стало тесно.

— Здравствуй, дорогой товарищ! — приветствовал Сатпаева один, поглаживая густые усы.

— Здравствуйте. — Каныш поднялся.

— К Серго? — говорил другой, оглядывая Сатпаева.

— Не робей, друг! — улыбнулся третий. — Выкладывай все, как есть. Он таких любит.

— Вас ждет Григорий Константинович. Заходите.

Разговаривая с кавказцами, Каныш не заметил, как из кабинета вышел помощник наркома. Семушкин стоял, придерживая рукой отворенную дверь, с улыбкой, ободряюще глядел на него:

— Успехов вам!

II

Он думал, что попадет в огромный кабинет, обставленный дорогой и громоздкой мебелью. Но, едва ступив за порог и в одно мгновение охватив взглядом всю обстановку, понял, что ошибся. Рабочее помещение наркома было просторным,

светлым, с широкими окнами и высоким потолком, но в сравнении с теми кабинетами, в которых Канышу приходилось бывать, оно казалось маленьким. Все было скромно и просто: длинный стол вдоль окон, вокруг него стулья с высокими спинками; в углу, рядом с письменным столом наркома, на высокой тумбочке макет доменной печи и несколько чугунных и стальных отливок. На всем лежала печать какого-то особенного делового уюта и собранности.

Серго сидел за столом, чуть согнувшись, и что-то читал. Он не заметил, что посетитель стоит уже рядом.

— Здравствуйте, Григорий Константинович.

Орджоникидзе вскинул крупную голову, пристально посмотрел на вошедшего, затем вышел из-за стола навстречу и протянул руку. Каныш назвал свою фамилию.

— А-а, здравствуйте! Прошу вас...

Нарком усадил Сатпаева в одно из кресел, стоящих перед столом, сам сел напротив. Коротко расспросив, где геолог остановился, как устроился, Серго удовлетворенно кивнул и потянулся через стол за газетой, которую читал перед появлением гостя.

Каныш узнал знакомый номер «Правды».

— Здесь вас называют Канышем Эмантаевичем, а в докладной вы подписываетесь чуть иначе — Имантаевич. Где правильно?

Нарком говорил о номере «Правды» за 18 ноября, где была помещена статья «Страна цветных металлов». Краем глаза скользнув по странице, Каныш узнал материал, обведенный жирным красным карандашом. Карандаш Серго прошелся и по тому абзацу, где говорилось о нем. Геолог помнил эти слова наизусть: *«Ученый-геолог Каныш Эмантаевич Сатпаев рассказывает с увлечением о Жезказгане. Это не Алтай, это рядом с Алтаем, это имя еще не известно широким кругам, но оно скоро получит популярность Караганды. Здесь богатейшие медные рудники, они находятся в пустыне, где недавно кочевали казахи...»*

Узнал он и бумаги, которые изучал Орджоникидзе перед его приходом. То была докладная, которую он передал в наркомат несколько дней назад...

— Правильно, Имантаевич, — мягко, без нажима ответил Сатпаев и чуть заметно улыбнулся. — Автор корреспонденции допустил незначительную ошибку.

— Досадно, бывает. Но дело поправимо...

Каныш впервые поднял глаза и встретился с дружелюбным взглядом Серго, внимательно изучавшим его.

Знакомое по портретам лицо. Крупная, красивая, гордо посаженная голова с большим широким лбом, орлиный нос, густые усы, нависающие над волевым ртом, живой пронзительный взгляд... Но на своих изображениях он выглядел красивее, моложе, а тут перед ним на расстоянии протянутой руки сидел человек, разительно похожий на свой портрет, с той лишь разницей, что годился тому, на портрете, в отцы; седые поредевшие волосы, лоб изборожден морщинами, бледное лицо выглядит очень усталым. Сердце Каныша сжалось: «Много работает, сколько забот!»

— Откуда родом? Наверное, из степи?

— Вы угадали, Григорий Константинович. Из самой глубины ее. Выходец из кочевников.

— Значит, степную жизнь неплохо знаешь?

Каныш смутился и немного замешкался, но не потому, что не знал, как ответить, а потому, что вспомнил напутственные слова профессора Ванюкова: «Бойся его официального «вы». Если Серго что-то не понравится в собеседнике, он переходит на «вы» и делает это намеренно заметно...» То, что нарком как-то сразу и запросто перешел с ним на дружеский тон, обрадовало его.

— Кажется, знаю немного, товарищ нарком.

— А учился где?

— В ауле, в русско-казахской школе... А потом окончил Томский технологический институт. Диплом получил в двадцать шестом году.

— Выходит, ты разведчик со стажем? — прищурился Серго и побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— Да, уже восемь лет! — Каныш непроизвольно вздохнул.

— Так... И все восемь лет воюешь с Главцветметом?

Каныш промолчал. Орджоникидзе поднялся, обошел стол, взял в руки его докладную.

— В Главцветмете, конечно, хватает всяких спецов, — продолжал нарком и снова, усевшись в глубокое кресло, откинувшись на спинку грузным телом, неторопливо полистал бумаги. Затем, отложив их, испытующе, в упор поглядел на геолога. — Но нельзя думать, что все они ошибаются. Там работает немало сильных, крупных специалистов. Это опытные люди, и мы им доверяем. Чем вы объясните, что Главцветмет все же против широкой разведки Жезказгана?

Прямой вопрос наркома требовал взаимной откровенности, и Сатпаев ответил без утайки. По его мнению, специалисты в главке, при всем его уважении к их знаниям и опыту, пугаются географической отдаленности Жезказгана и опасаются

ются ответственности за всевозможные непредвиденные осложнения.

— ...Все-таки рудники находятся далеко от больших экономических центров, в безводной полупустыне, где нет ни дорог, ни воды... Вот мои соображения, Григорий Константинович, — заключил Каныш.

— Резонно, — ответил нарком, собрав морщины на лбу. Придвинулся к столу и спросил: — Надеюсь, ты понимаешь, дорогой, что эта работа не на один год? Дело пахнет сотнями миллионов рублей. Где гарантии, что они не будут затрачены впустую?

Каныш сказал, заметно волнуясь:

— Я родился в степи и знаю ее, поверьте! Я глубоко убежден, Григорий Константинович, что освоение Большого Жезказгана будет одинаково полезно и для степи, и для всего Союза. В безводную глушь придет новая жизнь! Овчинка стоит выделки, клянусь вам! Если бы я не верил в успех, то не стал бы тратить на это дело лучшие годы своей жизни!

Горячность молодого геолога и его убежденность, с какой он защищал свой далекий Жезказган, вызвали улыбку Серго.

— Похвально. Но, дорогой, одного твоего убеждения нам мало. Нужно, чтобы и другие поверили в вашу степь.

— Что касается коллектива жезказганских разведчиков, они давно верят в нее! — воскликнул Сатпаев нетерпеливо. — Вам нужны факты? Пожалуйста. Когда в прошлом году мы получили от Главцветмета приказ об упразднении разведки, никто не хотел верить, что такое может совершиться. Сложился дружный коллектив, около семисот человек, мы успешно вели изыскания, а приказ выбил почву у нас из-под ног. Когда люди остались без зарплаты, без пайка, буквально без средств к существованию, я вынужден был предложить им искать другую работу. Что еще было делать?! Я думал, все кончено. Но семьдесят человек не ушли и решительно заявили, что верят в Жезказган и останутся со мной, чтобы довести дело до конца! — Каныш разволновался, голос его стал глухим, бледное лицо потемнело; он говорил, не отрывая глаз от наркома, который слушал его с серьезным, уже каким-то озабоченным вниманием, слегка склонив голову набок. — Эти люди, мои товарищи, несколько месяцев работали без оплаты. А вы представляете, Григорий Константинович, что это значит в наших условиях? Может ли убедить что-либо сильнее, чем такая одержимость? А чиновникам Геолкома и главка этого мало. Им нужны только сухие факты, одни доказательства...

— Правильно, — спокойно перебил нарком. — Им нужны факты!

— И мы их представили за эти два года! Они отражены в постановлении сессии и в моей докладной.

Серго повертел в руках карандаш и несколько секунд молчал, опустив голову, как будто раздумывая о чем-то. Потом неожиданно спросил:

— А что ты скажешь об Алмалыке? По сведениям, там тоже много меди. Можно его сравнить, скажем, с Жезказганом? Какому из месторождений ты отдашь предпочтение?

И снова Сатпаев вспомнил напутствие Ванюкова: «Если Серго о чем-либо спросит, отвечай прямо. Не знаешь, признайся честно сразу. А если начнешь крутить, ходить вокруг да около, считай: конец! Сразу почувствует и перестанет слушать...»

— Не могу сказать, что знаю Алмалык хорошо, мало знаком с его разведочными данными, — ответил Каныш, тщательно подбирая слова. — Григорий Константинович, должен заметить, что у нас сильно отстает обмен опытом. Каждый сам по себе — попал на месторождение и копается на одном месте. А нашему брату, геологу, не мешает поехать, поглядеть, как дела у других, поучиться. — Каныш говорил и по глазам наркома видел, что тому нравится его откровенность. — А что касается сравнения... Как специалист скажу: Жезказган нельзя сравнивать ни с Алмалыком, ни с любым другим известным месторождением меди в Союзе. Это было бы ошибкой.

Орджоникидзе вскинул густые брови:

— Что? Вы отдаете отчет своим словам?

Взгляд наркома стал жестким, в выразительных глазах мелькнула досада, и Каныш в эту минуту с обостренной ясностью прочел в них: «Э, да ты хвастун, братец! Куда хватил!» Но именно этот взгляд, недоверчивое и чуть огорченное выражение лица Серго придало Сатпаеву смелости, и он вдруг почувствовал себя раскованно, совсем свободно и уверенно. Вопрос наркома всколыхнул в нем чувства, наполнявшие его жизнь все эти годы, и теперь они словно прорвали сдерживающую их плотину; в голосе Каныша, в его взгляде, во всем облике сквозило вдохновение.

— Да ведь Жезказган — это уникам, Григорий Константинович! — горячо заговорил он.

— А конкретнее?

— Чтобы сказать конкретнее, нужно продолжать разведку. Но уже сейчас многое говорит в пользу Жезказгана. Во-пер-

вых, руду можно добывать без дополнительных средств. Прочность породы такова, что не требуется никаких крепей! Во-вторых, залегание руд позволяет вести разведку из одной шахты, вкруговую. Огромная экономия! Некоторые пласты вообще можно разрабатывать открытым, карьерным способом. И еще одно немаловажное преимущество: подземных вод там почти нет. Значит, не нужно никаких средств на откачку воды. Опять экономия! Далее... Кремниевые соединения в жезказганских рудах исключают возможность пожара в шахтах. А то, что, помимо меди, можно добывать свинец, цинк, серу, молибден и множество других редких, благородных металлов, разве это не существенно?!

Неожиданно Орджоникидзе улыбнулся. Откинувшись на спинку кресла, он слушал геолога с явным интересом.

— ...Технология обогащения жезказганской руды давно разработана, Григорий Константинович, — продолжал Каныш. — Выплавка меди вот уже шесть лет ведется на нашем Карсакпайском заводе. Одна только беда — в захолустье живем. Железная дорога позарез нам нужна, ей-богу, без нее нам трудно!

Наркому явно нравилась увлеченность молодого геолога и как будто даже передалась его влюбленность в дело, в далекий степной край с его богатейшими подземными кладовыми. А Каныш говорил взволнованно и убежденно, и в этом вдохновенном рассказе заключен был смысл его восьмилетней неустроенной, кочевой жизни с ее сомнениями и надеждами, удачами и трудностями, верой товарищей-геологов, друзей и непониманием экспертов из Геолкома, воздвигавших преграды и запреты...

— Обратите внимание, товарищ нарком, на следующие цифры. Для получения тонны меди из коныратской руды требуется 110 тонн руды. В Дегтярке — 74 тонны, в Бозшакуле — 156 тонн, в Алмалыке — 130. А мы у себя вырабатываем эту медь из 68 тонн руды. Почему эксперты не хотят видеть этого? Почему сбрасывают со счетов все эти преимущества?

— Ну, молодец! Хитер! — Серго раскатисто засмеялся. — Сперва говоришь, что твое сокровище нельзя ни с чем сравнивать, вдруг отбарабаниваешь цифрами, как на костяшках. Хват!

Каныш покраснел. Ему показалось, что в пылу речи он увлекся и сказал лишнее...

— Ладно, — Орджоникидзе сверлил гостя пытливым взглядом, — шутки шутками, но твое заявление весьма ответственно, дорогой Каныш. Не ради красного словца ты сравнил

Жезказганское месторождение с мировыми провинциями меди?

— Разумеется, Григорий Константинович! — с прежней живостью ответил Сатпаев. — Верхнее Озеро в Америке, Канта́нга, Северная Родезия в Африке разрабатываются давно, слава о них идет по всему миру. Но и сравнение с ними выгодно отличает наш Жезказган.

— Что? Геолог занимается еще и рекламой?

Каныш опустил голову. Ему нечего было ответить на это.

— Не обижайся, Каныш Имантаевич. Рассуждаешь правильно. Мало быть просто инженером. Надо быть хорошим инженером. Любить дело, гореть им, гордиться им. Иначе нельзя стать командиром социалистической индустрии.

— Вы говорите, реклама, — тихо ответил Сатпаев, и в голосе его прозвучала горечь. — Думаете, я ею от хорошей жизни занимаюсь? Да я просто вынужден это делать! Жизнь не такому научит. Когда твой рабочий шесть месяцев сидит без копейки, а у него семья, дети, не только рекламой, торговлей займешься! Не стану скрывать, Григорий Константинович, и этим пришлось пробавляться... Надо же было эти два года как-то выкручиваться. Когда мы потеряли всякую надежду получить средства на поисковые работы от Главцветмета, пришлось искать деньги в других местах... — Он невесело усмехнулся. — По правде говоря, мы ничего не искали для них. Предложили давно нами найденное, а деньги использовали на разведку Жезказгана.

— Молодец, правильно сделал!

— И на все это мы пошли, чтобы сохранить кадры. Посудите сами, откуда в наших краях взять буровиков? Хороший специалист долго не удерживается... Вот мы и начали еще с двадцать девятого года готовить свои, доморощенные кадры из местных жителей. Потерять их сейчас, когда затрачено столько сил и средств, было бы обидно.

— Верно! — одобрительно кивнул нарком. — Ну-ну.. Значит, переквалифицируешь казахов-скотоводов в геологов? И много у тебя таких кадров?

— Техники и инженеры в основном приехали издалека. Остальные все из местных, от буровых мастеров до водовозов. — Полтыщи наверняка будет!

— Так... — нарком задумчиво поглядел на Сатпаева. — Что еще у тебя ко мне? Выкладывай!

— Пока все, Григорий Константинович. Думаю, нельзя дальше испытывать терпение людей. Как бы закалены они ни были, всему есть предел. Боюсь, если в ближайшее время

нам не окажут помощи, они уйдут от нас. Кроме вас, нам никто не поможет. Я уже везде был, два года только тем и занимаюсь, что обиваю пороги.

Орджоникидзе поднялся из-за стола, прошел по кабинету и стал расхаживать из угла в угол, скрестив руки за спиной и глубоко о чем-то задумавшись. Каныш сидел неподвижно, боясь шелохнуться.

Вдруг нарком остановился возле него, положил руку на плечо и спросил:

— Ты Иванова знаешь? Начальника Балхашстроя?

— Знаком. В прошлом году он был у нас в Карсакпае в командировке. Даровитый человек! Счастлив тот коллектив, который имеет с ним дело.

Серго живо продолжил в тон гостю:

— Мало сказать, даровитый. Золотой человек! Между прочим, пока его не направили в Казахстан, в главке в один голос утверждали, что там работать невыгодно. А Иванов доказал, что выгодно. И еще как доказал!

Каныш кивнул: он знал об успехах Иванова.

— Он не стал, как другие, жаловаться на трудности. Засучив рукава начал бороться с этими трудностями. Сейчас в Балхаше есть и дорога, и вода, и кадры. Настоящий командир производства так и должен работать: по-ивановски!

— Если бы товарищ Иванов работал на нашем комбинате, у нас с вами, Григорий Константинович, был бы совсем другой разговор, — вставил Каныш и с сожалением вздохнул. — Ничего не поделаешь...

— Эге-е! — засмеялся нарком и снова похлопал Сатпаева по плечу. — Вон ты куда метишь! И не думай, Иванова мы никому не отдадим. А вам сейчас, как я понимаю, не руководитель нужен, а деньги. Верно?

— И немалые. В докладной все указано.

Орджоникидзе прошел за стол, оперся руками на покрывающее его стекло и негромко сказал:

— Ладно, Каныш Имантаевич. Убедил. Я тоже верю в твой Жезказган. И средства найдем!

Каныш вскочил с места. Все было так неожиданно, что он не мог подобрать подходящие выражения и только пробормотал, глотая слова от сильного волнения:

— Товарищ Серго... Григорий Константинович! Огромное вам спасибо!

— Ладно, ладно... садись. Потом будешь благодарить. Я ведь тебе сегодня ничего не даю, кроме обещания. Так что

не торопись радоваться. Нам еще нужно уломать начальника главка. Думаю, мне это удастся, и они выделят на первое время некоторые суммы. Ну а потом на себя рассчитывай, на свои силенки. Вижу, хватка у тебя крепкая... — Серго улыбнулся и дружески подмигнул. — Но учти, Каныш Имантаевич, там тоже сидят крепкие мужики. Их голыми руками не возьмешь. Разбрасываться деньгами они не любят...

— Знаем цену народным рублям, товарищ нарком. И потом... на нашей стороне решение сессии Академии наук, признавшей целесообразность строительства Большого Жезказгана.

— Читал, — коротко ответил нарком, кивнув на бумаги, лежащие в папке на краю стола. — Это сильный аргумент! Но его надо уметь использовать. А что, если мы поднимем этот вопрос на высшем уровне? Скажем, войдем с ходатайством в Центральный Комитет? — И продолжал, как бы размышляя сам с собой: — Конечно, первым делом важно начать строительство дороги. Затем подготовительные работы. Да... Несколько сот миллионов рублей потребуется. Но дело того стоит. Мы можем создать самый мощный комбинат в Союзе. Какая перспектива, а? В Балхаше мы планируем сто тысяч тонн меди в год...

— А Жезказган даст в два, а то и в три раза больше, — взволнованно вставил геолог. — Самое меньшее!

— Так... А что, если по этому вопросу посоветоваться с Ивановым? А, Каныш Имантаевич? Мог бы он написать нам?

— Отчего же нет? Безусловно, напишет. Он человек объективный, прямой... Настоящий большевик!

— Давайте так и договоримся. — Нарком хлопнул ладонью по крышке стола. — Все эти твои записи оставь мне. Если понадобится что-либо еще, запросим. Задержись в Москве еще на день-два. Поработай в нашем наркомате. Надо подготовить предложения на Политбюро. Договорились?

— Конечно, Григорий Константинович!

— А коли так, отдыхай теперь. А то ведь и Новый год недолго пропустить! Извини, что принял в такое время. Так уж пришлось.

— Что вы, что вы! Я сегодня такой подарок получил!

— Передай привет своим разведчикам, — тепло попрощался нарком. — Их терпение будет вознаграждено. Обещаю...

Нарком проводил Каныша до дверей. Геолог с волнением ощутил крепкое пожатие широкой, сильной руки.

— В жизни, дорогой мой, немало всяких трудностей. Бывают настоящие. И картонные тоже. Суть в том, чтобы их осилить, победить. Вот так, товарищ Сатпаев. Желаю весело встретить Новый год. Пусть у тебя все будет хорошо и в жизни, и в работе!

III

Автор этих строк в 1969 году обнаружил любопытное письмо, хранящееся в Центральном партийном архиве в фонде Г.К. Орджоникидзе. Вот некоторые выдержки из него:

«В ЦК ВКП(б), И. Сталину
О необходимости форсирования развития
Жезказганского месторождения меди.

...январь, 1935 г.

...Для того чтобы хотя бы в основном удовлетворить потребности нашей страны в меди отечественного производства, в пределах третьей пятилетки нам необходимо наряду с форсированием строительства начатых... приступить к строительству двух мощных медных предприятий — Жезказганского и Алмалыкского. Необходимость строительства этих предприятий диктуется тем обстоятельством, что они будут строиться на огромные мощности и в сравнительно отдаленных районах нашей страны.

Жезказганское месторождение со средним содержанием по меди 1,92%, по всем разведанным категориям является одним из мощнейших медных месторождений мира и самым крупным в Союзе. Разведка последних трех лет позволяет разрешить проблему Жезказгана вполне грамотно. Запасы Жезказгана исчислены на основании 900 с лишним буровых скважин и свыше 1000 горно-разведочных выработок. Технология добычи и переработки жезказганских руд вполне изучена... В случае положительного разрешения этого вопроса необходимо было бы создать сейчас же строительную организацию «Жезказганстрой» и выделить ей для подготовительных работ в 1935 году 3 млн. рублей с тем, чтобы в 1936 году приступить к развернутому строительству.

Единственным затруднением в освоении Жезказганского месторождения является отсутствие железнодорожной связи с внешним миром. Поэтому одновременно с началом подготовительных работ надо было бы приступить уже в 1935 году к строительству железной дороги «Успенский рудник — Жезказган» общим протяжением 414 км, которая соединила бы Карагандинский угольный бассейн с Жезказганом. Без этой железной дороги невысказанно приступить к развернутому строительству Жезказгана, не говоря уже о том, что невысказанно вести столь мощное хозяйство... Общая стоимость всего строительства, включая и железную дорогу, составит около 500 млн. рублей...

С. Орджоникидзе».

К записке Орджоникидзе Центральному Комитету были приложены письмо начальника Главцветмета Шахмурадова и докладная начальника треста «Балхашстрой» Иванова, любимца И.В. Сталина. Они единодушно отмечали значение Жезказганского месторождения, его уникальность и преимущества в эксплуатации. Нетрудно убедиться в изменении отношения руководителей главка к проблеме изучения Жезказгана, разведка и строительство которого тормозились ими в течение двух лет; более того, теперь Главцветмет не только принимал точку зрения Сатпаева, но и настоятельно рекомендовал обратить внимание на важность открытий казахского геолога, а также ходатайствовать о выделении значительных средств для освоения Большого Жезказгана.

О Жезказгане теперь заговорили по всей стране. Задача его строительства стала рассматриваться, не без участия Серго, как важное государственное дело. На сессии ВЦИК (март 1935 г.) он говорил: *«В ближайшее время придется приступить к строительству Большого Жезказганского комбината. Там имеются богатейшие запасы медных руд. Они расположены в глубине Центрального Казахстана, вдали от железной дороги. Необходимо быстрее строить к Жезказгану железную дорогу от Караганды...»*

Активная поддержка наркомтяжпрома, его личное письменное обращение к верховной власти страны, какой в едином лице был в то время И.В. Сталин, и на самом деле возымела решающее значение: той же весной у подножия Улугау специалисты Народного комиссариата путей сообщения начали вести изыскательские работы под будущую железную дорогу «Жезказган – Успенский рудник»; а также организовали строительную организацию «Жезказганстрой»; самое главное – возобновилась детальная и более углубленная разведка месторождения...

ПОСЛАНИЕ ИЗ XIV ВЕКА

I

В лето 793 хиджры (1391 год по новому календарю), в год Овцы, никогда не знавший поражения прославленный Тимур вышел из Самарканда во главе двухсоттысячного войска. На сей раз взор Железного Хромца был обращен к Золотой Орде, властителем которой в то время был Тохтамыш.

Коварный Тимур избрал не кратчайший путь к стану своего врага. То ли он хотел нагряться на Тохтамыша с той стороны, откуда тот меньше всего ждал его, то ли замыслил заодно расширить свои владения захватом новых земель вдоль берегов Сейхуна (Сырдарья), 2 мая достиг реки Сары-Узень (Сарысу).

Перед взором его расстилалась бескрайняя ковыльная степь, древняя колыбель кипчаков. В ту весну эта земля, наслаждавшаяся покоем и тишиной после монгольских походов, снова наполнилась гулом десятков тысяч конских копыт. Тучами вздымалась пыль. Бесчисленные стаи птиц поднялись с озер, звери бежали, напуганные топотом конницы, люди оставили насиженные места и спешили прочь с пути завоевателя вселенной.

Когда властелину надоели тишина и однообразие бескрайних просторов, когда он уже потерял надежду найти что-либо, на чем можно было бы остановить взгляд, дозорные, ушедшие вперед на север, принесли весть: «На расстоянии дневного перехода возвышается гора, вершина которой касается туч. Десятки рек и маленьких речушек берут здесь начало, а еще найдешь зеленые луга для своих коней, долгожданный привал — для войска...»

То была знаменитая гора Улутау, поднимающаяся в центре бескрайней кипчакской степи.

Войско Тимура, разбитое на двадцать туменов (по 10 тысяч воинов в каждом), достигло Улутау и расположилось по берегам малых рек, разбрелось по многочисленным лощинам.

Здесь они простояли три дня. Люди и кони отдохнули. Как утверждает его летописец, утром четвертого дня перед тем, как отдать войскам приказ выступить, Тимур поднялся в сопровождении своих полководцев, визирей и придворного поэта Кермене на холм, где было водружено его боевое знамя, и оглядел окрестность. Взгляд его узких глаз на какое-то время остановился, устремленный в беспредельную даль.

Вдруг властелин резко повернулся и обратился к стихотворцу:

— Эй, Кермене, чем наградить этот холм, удостоившийся прикосновения моих ног? Ведь теперь земля эта принадлежит мне!

Не в обычае поэта медлить с ответом. Кермене молвил с легкой улыбкой:

— Такой чести достоин не этот ничтожный холм, а гордая вершина великих гор — Улутау, что касается облаков. Но ты

не смог подняться на нее и наказываешь гору за неприступность, не так ли, повелитель?

Усмехнулся грозный воитель:

— Нет, ты ошибся, мой акын. Зачем мне недостижимая вершина, на которую не могут ступить ни нога человека, ни копыто коня? Меня вполне устраивает этот холм, доступный и конному, и пешему. Награда моя предназначена ему.

— Если так, мой повелитель, то вели зарыть на том самом месте, где водружено твое знамя, золотую чашу с твоим бессмертным именем, — посоветовал один из визирей.

— Глупец, разве тебе неизвестно, что золото невозможно спрятать? Зарыть золотую чашу, чтобы назавтра какой-нибудь мошенник, подобный тебе, умыкнул ее?

— Мудро говоришь, повелитель правоверных, — сказал Кермене, — долговечны в этом краю одни лишь камни. Если тебе угодно, вели начертать на одном из них твое бесценное имя. Только такого дара достойна земля, на которой ты стоишь.

Тимур остался доволен советом поэта и приказал:

— Кермене, хоть ты и стихоплет, но говоришь вполне разумные вещи. Докажи этим осламу преимущество обыкновенного камня перед золотой чашей!

Кермене послал за мастером-камнерезом и велел воинам найти несколько валунов величиной с большой сундук. Когда камни были доставлены, он вынул из ножен саблю и, подав ее одному из сарбазов, сказал:

— А ну, попробуй, какой из них тверже.

Одна из доставленных глыб вызвала восхищение мастера по камням — ни булат Дамаска, ни меч, кованный кузнецами Багдада, не смогли оставить даже царапины на ее поверхности.

— Никто не позарится на этот камень, — заметил поэт. — А имя повелителя на его поверхности не сотрется и через тысячу лет.

В тот день ученый летописец Шараф-ад-Дин Али Йадзы в своих записях вывел арабской вязью: «Повелитель взшел на вершину Улутауских гор и долго наслаждался видом окружающей степи, которая была покрыта прекрасной зеленью от одного конца до другого... Затем он приказал войскам принести камни и соорудил здесь большую пирамиду, на которой искусные мастера высекли дату этого счастливого события, чтобы сей долговечный памятник мог сохранить память о нем на долгие годы...»

Август 1935 года. В вечном безмолвии, как и сотни лет назад, лежит опаленная солнцем кипчакская степь. Серые ковыльные холмы, окутанные маревом горы, нескончаемый простор — кажется, само время остановилось над этой землей, прошлое и будущее слились в один бесконечно длящийся миг. Но вот поднимается пыль из-за продолговатой возвышенности. Нет, то не случайный вихрь вздымает в воздух невесомый прах — по степи мчится автомобиль.

В машине сидят шестеро. Один из них Григорий Мироненко, водитель быстроходного «фордика». Рядом с ним — минералог Таисия Алексеевна, а остальные четверо расположились в кузове грузовика. Один из них — Каныш Сатпаев, руководитель группы. Он не любитель быстрой езды. Мало того, зачастую Каныш Имантайулы, закинув за плечи рюкзак, взяв в руки геологический молоток и договорившись с водителем о месте встречи, отправляется пешком. Случается, что руководитель отдаляется от своих верст на десять-пятнадцать..

В этот раз они выехали на разведку во всеоружии, взяв с собой все необходимое: инструменты, топливо, еду, посуду, — и исколесили довольно значительную территорию. Пошла вторая неделя, как они в поле.

Сегодня решили сделать привал на берегу реки Жетикыз. Обычно добирались до места ночлега засветло и встречали прохладную осеннюю ночь большим костром. Однако нынче задержал их Каныш Имантайулы, который не минует ни одного холмика, обязательно поднимется на него, все ощупывает, обстукает молотком. А таких возвышенностей встретилось в этот день немало.

После того как прошлой зимой в Москве Сатпаев добился средств на возобновление разведки в широком масштабе, он часто стал удаляться за пределы освоенных территорий. Если в окрестностях Жезказгана ему была знакома каждая сопка и он наизусть помнил все интересные выходы горных пород, то в этих отдаленных местностях, где почти не ступала нога геолога, Каныш Имантайулы осматривал любую приметную возвышенность. Поэтому и в тот день отряд не смог прибыть засветло к намеченному месту ночлега. Пришлось остановиться в первом попавшемся урочище. Ужин готовить не стали, перекусили консервами, запив их водой. В темноте установили на ощупь палатку и легли спать.

Отсутствие своего беспокойного руководителя, который всегда будил их спозаранку нарочито громким кряканьем, участники маршрутного отряда заметили лишь тогда, когда в палатке, стоявшей на самом солнцепеке, стало душно. Видно, сказалась вчерашняя усталость, вот и сковал всех беспробудный сон...

Новый день обещал быть таким же жарким, как все предыдущие, — небо безоблачное, как протертое стекло, вдаль уже играет марево миража... Шарип (один из тех мальчишек, которых Каныш Имантайулы привез в голодном 1932 году из Баянаула) с Сергеем Рожновым стали сооружать камелек из булыжников, Мироненко — готовить чай... Все решили, что руководитель группы, поднявшись раньше, ушел поглядеть на ближние сопки и, наверное, вернется к утреннему чаю. Поэтому Мироненко поставил на огонь самый большой чайник-чугунку литров на десять. Вернулись с утренней прогулки женщины, наспех выпив пару кружек чая, давно приступил к своим коллекторским обязанностям Рожнов. А главного «чаепотребителя» все не было...

А он тем временем спускался по склону холма на правом берегу реки Жетикыз. Невдалеке маячили две сопки. Проходя у их подножия, геолог не смог осилить привычного желания осмотреть выходы горных пород. Взобравшись на первую сопку, он пожалел потраченное время: ни одного камушка, заслуживающего внимания...

Но геолог все же решил завернуть и на вторую, ближайшую к их пристанищу, сопку. К его удивлению, вершина оказалась настолько обширной и ровной, что на ней мог разместиться небольшой аул, в то время как с равнины сопка казалась остроконечной. Все видно отсюда, как на ладони: на севере голубеет низменность Ханшапкан, за ней на горизонте едва маячат хребты Улутау. За миражами смутно белеет долина Кенгира. Удивленный величественной картиной, открывающейся с высоты, путник взглянул на планшет: «Э-э, да я стою на Алтын-Шоки — Золотой сопке». Он ожидал, что это название подразумевает нечто необычное, высочайшее, главное... «Почему же Золотая? Народ редко ошибается, давая названия, часто они прямо указывают на то или иное месторождение... Не подобный ли это случай?»

Его властно захватила эта внезапно возникшая мысль. Увидев издали груды камней на самой середине площадки, он заволновался еще сильнее. Каныш зашагал быстрее, влекомый каким-то радостным предчувствием. Мигом забылась усталость. Ему сразу бросилось в глаза, что эта груды камней

не была похожа на те, которые он в изобилии встречал в горах и степи. Она напоминала основание двенадцатиканатной юрты. Лишь в середине ее зияло черное углубление. Внимательно осмотрев странное образование, геолог обратил внимание еще на одну особенность: камни, сложенные как попало наверху, внутри углубления располагались в определенном порядке, напоминая какое-то строение.

Наклонившись, Каныш поднял пару булыжников. Удивление его было настолько велико, что, быстро присев, достал еще несколько камней с самого дна углубления. Не было сомнения в том, что все они прошли значительную тепловую обработку. «Печь. Обыкновенная печь». Каныш не раз находил развалины их в окрестностях Улутау. Примитивные домы клали прямо в горах, чтобы плавить руду. Но для чего использовалась эта? Если для плавки металла, то должна быть и руда невдалеке...

Забыв о времени, о том, что его ждут внизу, он рылся в камнях, желая во что бы то ни стало понять назначение печи. Пока Каныш установил: топка была глубоко внизу, а дымоход, вытягиваясь отвесно, заканчивался именно в том месте, где он стоит; плавил не металл, а что-то другое; возможно, и не плавил вовсе. Что-то подогревали?.. Но, во всяком случае, это не обыкновенный очаг для приготовления пищи.

Однако пора было возвращаться. Место ночлега осталось где-то левее сопки. Если идти напрямик, можно дойти за полчаса. Он с сожалением спустился с каменной кладки и направился к своим. Но, отойдя на какую-то сотню шагов, резко остановился: прямо перед ним лежал необыкновенной формы камень величиной с сундук...

Несколько лет тому назад, когда он впервые приехал в Улутау, старейшина этих мест Омеке как-то говорил ему: «В молодости, когда искал потерявшихся коней, на какой-то сопке я видел необычной формы камень с меткой на одной стороне...» Указать это место не брался: «Прошло слишком много лет...» Только назвал в качестве ориентира каменную насыпь, занимавшую площадь приблизительно с окружность юрты. И теперь Канышу вспомнились слова аксакала. Только на нем виднелись не пиктограммы, как он ожидал, а обыкновенные арабские письмена. Он хотел тут же прочесть надпись, призвав на помощь затверженную с детства арабскую азбуку. С великим трудом разобрал одну строчку. Это было восхваление Аллаху, всегда сопровождающее начало писем и посланий, принятых у мусульман. Но дальше геолог ничего не смог понять...

Из дневника бывшего коллектора отряда **Сергея РОЖНОВА:**

«Мы с Шарипом нашли Каныша Имантаевича возле огромного камня. Настроение у него было приподнятое. «Давайте, джигиты, попробуем сдвинуть. На Алтын-Шоки мы нашли клад ценнее золота. Это, по-моему, бесценное сокровище!» — говорит он нам. Видимо, действительно оно было бесценное. Мы не смогли нанести царапину на камень даже крепким геологическим молотком. Втроем не смогли сдвинуть его с места. Такой он был тяжелый. Вернулись в палатку, попили чай. Затем снова отправились к камню. Я сфотографировал его «фотокором». Чтобы снимок хорошо получился, набелил зубным порошком надпись на камне. Так родилась фотография, часто сопровождающая статьи об Улутауском камне, которые время от времени появляются в печати».

III

После возвращения из экспедиции Каныш Имантайулы отправил фотографию в Москву, в Академию наук. Через несколько месяцев в центральных газетах появилась статья о замечательной исторической находке геолога Сатпаева в Улутауских горах. Известный ученый-востоковед Поппэ расшифровал надпись на каменной плите. Она гласила: *«В год овцы, 793 прибыл в страну Токмак, в поход на Токтамыш хана. В этом месте воздвиг оба. Да помнят все люди обо мне с молитвой. Аминь. Султан Турана Тимурбек...»*

Осенью 1936 года на имя Сатпаева в Карсакпай пришло письмо от директора Эрмитажа, академика И.А. Орбели. Он извещал о решении академии направить в Улуту специальную научную экспедицию и о постановлении художественного совета сделать достоянием Эрмитажа мемориальную каменную плиту — памятник знаменитого похода Тимура — и просил указать ученым местонахождение камня. Через некоторое время валун с Алтын-Шоки занял то место в Эрмитаже, где он стоит и по сей день.

Камень из Улуту — случайная находка Каныша Имантайулы. Но случаен ли был интерес его к каменному письму Тимура? Такова уж была природа этого неумного человека: постоянное стремление к знанию, интерес ко всему новому, неизведанному. Именно эта жажда исследователя заставила его еще в юности составить учебник алгебры, побудила к собиранию произведений народного искусства и фольклора. Эта любознательность, жажда открытий закономерно приве-

ли Каныша Сатпаева к находке, имеющей большое историческое значение. Между прочим, то был не единственный памятник истории, обнаруженный геологом. На правом берегу реки Буланты он отыскал изображения диких животных на обрывистом утесе из сланцевых пород. Подобные изображения находил он и в долинах рек Тамды, Жетикыз, изображения людей — на пике Едиге в Улутауских горах, на берегах Бала-Жезди и Сарысу. Его занимала и своеобразная архитектура мавзолеев Алашахана, Жочи, Домбаула, хотя все это и не входило в его прямые обязанности...

В некоторых научных статьях по истории и археологии, написанных К. И. Сатпаевым позднее, высказаны уникальные мысли об этнониме «казах». *«В Жезказганском районе, в низовьях реки Сарысу, в 20 км от нее на восток, у ключа Тасбулак урочища Танбалынура, возвышается утес, на камне которого высечены родовые знаки (тамги) почти всех родов и племен, входящих в состав казахского народа. Народное предание гласит, что именно здесь, у ключа Тасбулак, проходил первый сход родов об организации новой народности «казах», решение которого будто бы зафиксировано на утесе родовыми знаками всех племен, участвовавших в совете...»* — писал он в своей статье «Доисторические памятники в Жезказганском районе».

Еще в 1923 году в Семипалатинской губернской газете «Казах тили» за 13 декабря Каныш Сатпаев опубликовал под псевдонимом «Байшуак» (символический перевод имени его деда Сатпая, означающий «Богатый светом») свою запись народной песни «Обаган». Слова и мелодия ее скорбны: в ней рассказывается о любви красавицы Акык, которая безумно влюбилась, поверив ласковым словам молодого офицера Жантурина, приехавшего из Оренбурга в гости к своим родственникам; джигит уехал, обещав красавицу забрать в город, но не вернулся. Разлука, горечь тоски по любимому и позор, пережитый девушкой, — породили печальную песню, естественно, она пошла бродить по степи... Запись текста, пояснительный комментарий к нему, впечатления от исполнения песни, душевные переживания, навеянные ею, — все это отражено в этой, наверное, самой первой публикации студента Томского технологического института.

«Каныш Сатпаев, молодой казах-инженер, получивший образование в Томском технологическом институте. Прекрасный знаток и хороший исполнитель баянаульских песен, давший для настоящего сборника ряд очень ценных сообщений не только в области напевов и мелодий, но и текстов, и снабдивший последние русскими переводами», — писал Александр Викторович Затаевич в предисловии к своей книге «500 казахских песен и кюев», изданной в 1931 году в Алматы.

В этом бесценном этнографическом сборнике помещено 25 песен, спетых К.И. Сатпаевым. Одна из них — «Обаган», в книге она значится под номером 326. В ней же на странице 176 дан отрывок из перевода ее на русский язык, исполненный самим певцом:

*Обаган, круты твои берега и сладки воды.
Душа моя изнывает от тоски по тебе!
Ты была единственной моей любовью в степи,
Не смог я для тебя пожертвовать собой!..*

Позднее исследователи также нашли статьи Каныша Имантайулы: «Казахские загадки и прибаутки», «Прежние казахские игры», опубликованные в литературном альманахе «Сауле», напечатанные в 1924 году (№ 1), в приложении к газете «Ак жол» («Светлый путь»).

Увлечение собирательством духовного наследия своего народа зачастую приводило Каныша к настоящим открытиям, представлявшим большую научную ценность. В 1927 году, находясь в Москве, он издал отдельной книгой народный эпос «Ер Едиге» со своим предисловием и комментариями.

«Причиной, побудившей меня заняться тогда «Сказанием об Едиге», было мое общее увлечение материалами устного народного творчества в 1920—1924 гг., в период моей работы... в Баянаульском районе и в ранние годы студенчества... В эти же годы я урывал время и для ознакомления с некоторыми из выдающихся образцов народного фольклора по материалам, хранящимся в Сибири и богатой библиотеке Томского государственного университета. Среди них своим богатством языка, образностью стихотворных форм и обилием историко-этнографического материала меня особенно поразило «Сказание об Едиге», в варианте, записанном Ч. Валихановым и позже опубликованном профессором П.И. Мелиоранским...» — писал академик К.И. Сатпаев в 1951 году в одном из своих объяснений, написанных для партийных органов.

В предисловии к «Ер Едиге» составитель и издатель, двадцативосьмилетний Каныш Сатпаев отмечал: *«Сказания и другие формы народного творчества, как нам думается, важны для науки в трех отношениях: 1) в них имеется много слов, которые бытовали раньше в казахском языке и стали забываться в жизни последующих поколений. Значение этих слов ценно для изучения словарного фонда и дальнейшего развития языка; 2) стихотворные разделы народных сказаний обычно отличаются мастерством и орнаментальностью... Кроме того, без сбора и внимательного изучения устного народного творчества невозможно полное и правильное решение вопросов формы и путей дальнейшего развития казахской литературы; 3) в произведениях устного народного творчества отображаются быт, сознание и обычаи прошлых периодов, что ценно для истории...»*

Далее он подчеркивал: «Я счел целесообразным его вновь переписать на основе современной казахской орфографии и исправить имеющиеся недостатки в его стихотворных разделах. Сделано это при помощи престарелого народного сказителя по имени Копабай, происходящего из Баян-Аульского района, рода каржас. Дополнительным веским мотивом в пользу необходимости подобного шага явился тот факт, что изданный недавно в Ташкенте, в Туркиздате, вариант сказания об «Едиге-мирза-батыре», по тексту А. Диваева, как мне кажется, является крайне искаженным против народного варианта и носит явные следы подражания арабским сказкам».

В первой части настоящего повествования мы уже вскользь упоминали об увлечении Каныша Сатпаева театром. Он не был простым театралом-любителем. Зрелостью отличается его статья «О национальном театре», опубликованная в газете «Енбекши казах» от 24 января 1927 года. Она родилась в результате постоянных наблюдений и размышлений интеллигента Сатпаева, видевшего в первых спектаклях ростки будущего расцвета искусства родного народа. В ней упомянуты имена почти всех исполнителей-участников представления, таких, как широкоизвестные Амре Кашаубаев, Иса Байзаков, Калибек Куанышбаев, Курманбек Жандарбеков, Жумат Шанин, и других, которые позже стали выдающимися деятелями искусств Казахстана.

БУДУТ И ГОРОД, И МОРЕ

I

Знойный июнь 1936 года. Полдень. Вдруг встрепенулся от неожиданного автомобильного гудка аул Бекболат, расположенный на джайляу вдоль реки Кенгир в урочище Наушабай. Население аула высыпало из юрт. Оказалось, снова приехал Каныш Сатпаев. Не один, с ним еще несколько человек.

Когда машина остановилась, прибывшие, выбравшись из кузова, стали отряхивать пыль с одежды. Затем гости направились к шестистворчатой белой юрте посреди аула. Это было жилище старейшины — Абдрахмана.

- Ассалаумагалеikum!
- Уагалеikumассалам, Каныш-жан!
- Здравствуйте.
- Ыздрости, кунак. Проходи! Гостем будешь.
- Живы-здоровы? Куда путь держите?
- Понравился чудесный кумыс вашего аула, и вот снова пожаловал, да не один, — пошутил Каныш.

— Хорошо поступил, что приехал. Ты всегда для нас человек желанный. Слава Аллаху, который посылает таких гостей!

— Спасибо, Абеке, за доброе слово.

— Проходите в юрту, — Абдрахман приподнял кошму у входа. Затем, обратившись к своей старухе, сказал: — Они, должно быть, с утра под солнцем, испечься можно. Поторопись с кумысом.

Здесь было семь дворов: Абдрахмана, Самета, Алима, Балгимбая, Байсымака, Жандильды и Аубакира. Все главы семей происходили из ветви Бекболат рода найман. Жили скромно. Пасли скот, занимались земледелием.

— Каныш, дорогой, ты в последнее время что-то зачастил в наш Наушабай. Не успеет ветер замести следы твоих ног, и снова ты здесь. Неужели ты нашел что-нибудь в недрах нашего джайляу? — спросил хозяин, пододвигая к себе миску с кумысом.

— Нет, богатство Наушабая не в глубине земли, а на ее поверхности, Абе. Если хотите знать, в чем дело, пригласите всех ваших людей. Послушайте о будущем Наушабая, — говорил Каныш. — А мои спутники приехали из Москвы, чтобы заранее прикинуть, как и что.

Пока гости пили кумыс, вернулся мальчик, посланный за аульчанами, юрта старейшины уже была переполнена сородичами.

— Не знаю, сохранится ли название Наушабай, — сказал Каныш, обращаясь к ним, — знаю только, что на возвышенности, где расположен ваш аул, будет возведен город.

— Какой город?

— Большой, как нынешний Карсакпай? С такими же неуклюжими саманными бараками?

— Эй вы, послушайте, не перебивая! — прикрикнул аксакал.

— Нет, город, который будет возведен здесь, не станет походить ни на один из известных вам. Разве это города? Карсакпай и Рудник* в Жезказгане — это городишки, родившиеся от нашей бедности. А в этом улицы будут прямые, как стрелы. Дома красивые и такие высокие, как пять баракон, поставленных один на другой. В ограде каждого будут разбиты цветники, вырастут тенистые деревья. По величине он будет равен десяти Карсакпаям, сотням таких поселков, как нынешний Рудник. Сюда придет настоящая железная доро-

* Рабочий поселок вблизи рудников.

га, будет построен большой железнодорожный вокзал. И не только город — мы построим здесь завод, который будет в десять раз больше Карсакпайского. Тогда нынешний Жезказган-Рудник превратится лишь в пригород этого нового города. А жители будут ездить на работу отсюда.

— Ой-бой, мы до Рудника и верхом-то добираемся лишь за полдня. Если отсюда будем ездить, то когда же работать? — подал голос кто-то у входа.

Каныш улыбнулся и ответил:

— Между городом и рудником будут постоянно курсировать быстрые поезда или будут ходить большие автобусы. Иначе говоря, пока у твоей хозяйки успеет самовар вскипеть, ты уже будешь на руднике.

— Ладно, дорогой, нельзя тебе не верить, — вздохнул старик Абдрахман. — Но и трудно поверить. Твой рассказ похож на сказку, в которой за ночь успевают построить чудесный город. Пока мы не лишились рассудка, скажи, когда это должно случиться? Мы-то, старики, увидим все это?

— Увидите, — твердо сказал Каныш, — обязательно увидите. Уже в следующем году сюда, где стоит ваша юрта, по железной дороге придет поезд. А там легче, на все остальное потребуется пять-шесть лет.

— Да сбудутся твои слова, дорогой! Стало быть, на следующий год нам не следует располагаться здесь, ведь надо уступить место новому городу.

— Да, вам придется расстаться с джайляу и поискать его где-то подальше. Верховье Кенгира на протяжении тридцати верст будет занято озером.

— Шутишь, дорогой...

— Откуда возьмется озеро, с неба упадет, что ли?

— Не с неба, сами сотворим. Плотиной задержим весеннюю воду Кенгира, как поступили с Кумолой у Карсакпая. Но эта плотина будет намного больше той. Строящимся городу и заводу нужна вода, много воды. Сады и цветники, деревья, о которых я вам говорил сейчас, тоже будут поиться его водой.

— Вот это дело!

— Неужели доживем до такого дня?

— Слышала, байбише, нам никак нельзя умирать, не увидев все это своими глазами.

— А что будем делать мы? Куда вы денете нас, семь дворов?

— Об этом не печальтесь, отагасы. Все вы получите прекрасные квартиры в новом городе. Ведь вы не будете сидеть

сложив руки, а сами будете принимать участие в строительстве. Ну а вон те ваши малыши будут учиться в школах этого города. И, как знать, со временем станут инженерами, хозяевами завода...

Каныш допил кумыс, поблагодарил хозяина и отодвинулся от дастархана. Все молчали. Будто решали, верить или нет только что услышанному. Чуть погодя один из старцев с почтением спросил Каныша:

— Все это, Каныш-жан, ты сам придумал? Как только голова твоя могла вместить столько, а?

Каныш скромно улыбнулся:

— Такое большое дело не придумывается и не решается одним человеком. Много знающих людей изучали этот вопрос, не раз обсуждали, спорили и наконец пришли к единому мнению.

II

Вопрос о Кенгирском водохранилище и месте расположения города Новый Жезказган несколько раз обсуждался специалистами. Одно из таких обсуждений прошло в рамках научной сессии Академии наук по Большому Жезказгану 13 ноября 1934 года. Заседанием руководил академик Веденеев. На повестке дня значился вопрос: «О водоснабжении будущего Жезказганского комбината». Докладчиками были специалисты московского института «Водоканалпроект» И.Е. Суров, М.А. Стекольников и М.А. Руффель*.

— Если внимательно всмотреться в карту района Улутау, — говорили они, — нетрудно заметить множество извилистых линий, идущих во всех направлениях. Это реки... Но от всех их мало пользы для проектируемого комбината, ибо они обильны водой только весной, а летом полностью высыхают. В течение последних двух лет наш институт вел гидрологические исследования в районе. В результате мы убедились в отсутствии там каких-либо подземных вод — в шахтах Жезказгана, например, совершенно сухо. Значит, если мы решимся строить медный комбинат, то вся надежда на весенние паводковые воды местных рек. Предлагается построить для их удержания десять водохранилищ, которые дадут нам две с

* Все сведения о нижеприведенных событиях и спорах взяты из книги «Большой Жезказган» — сборника материалов по проблеме комплексного изучения и освоения природных ресурсов Жезказган-Улутауского района Центрального Казахстана. М.; Л., 1935. С. 533—597.

половиной тысячи литров воды в секунду. Это намного перекроет нужды металлургического комбината, даст возможность разместить в Улутауском районе мощные плодородные и злаковые хозяйства. Из вчерашних обсуждений вам хорошо известно, что этот край считался, да отчасти считается и сегодня бесперспективным, непригодным для развития зернового хозяйства. Проектируемая нашим институтом система водохранилищ, как видите, всецело опровергает ошибочные мнения о бесплодности Жезказгана...

— Можно задать вопрос? — спросил Каныш Имантайулы, поднявшись с места.

Председательствующий кивнул.

— Товарищ Суров, как вы считаете, что к данному моменту важнее: как можно быстрее удовлетворить потребность страны в меди или создать в Улутау изобильный сельскохозяйственный район?

— При плановом ведении хозяйства не должно быть деления на более и менее важные отрасли. Это вы сами, товарищ Сатпаев, хорошо знаете. Меня удивляет лишь то, что, прекрасно зная все это, вы задаете столь нелепый вопрос. Когда мы планировали строительство не одной, а целых десяти плотин в окрестностях Улутау, то, естественно, ставили себе целью одновременно удовлетворить потребности всех отраслей хозяйства.

Веденеев встал:

— Товарищи, прошу выступать ближе к повестке дня. Всем, разумеется, ясно, что речь идет об обводнении пустынных мест, значит, и об оживлении сельскохозяйственной деятельности...

— Отдавая должное смелости проекта, вынесенного на обсуждение, считаю своей профессиональной обязанностью предупредить вот о чем, — сказал Сатпаев, уже поднявшись на трибуну. — По-моему, в разработке института слиты воедино две совершенно разные задачи. Первая — развитие медной промышленности в районе Улутау, вторая — невиданный подъем сельского хозяйства. Товарищи, для чего мы собрались сегодня? По-моему, в повестке дня сказано ясно: «О водоснабжении будущего Жезказганского комбината». Значит, сегодняшний разговор должен вестись вокруг этого вопроса. Стало быть, институт, возглавляемый товарищем Суровым, обязан был к сегодняшнему дню представить нам проект снабжения водой будущего медного комбината. Об этом мы не раз говорили в Жезказгане с проектировщиками «Водоканалпроекта»... К сожалению, сегодня мы видим про-

ект, весьма далекий от интересов промышленности. Пока сельхозпродукты можно завезти в Жезказган посздом. А медь Жезказгана возить в виде руды в отдаленные районы, мотивируя отсутствием воды, — это другое дело. Поэтому мы не разделяем горячего стремления некоторых товарищей сделать Улутау натуральным хозяйством, способным снабжать себя всем необходимым. Наконец, мы живем не в эпоху Средневековья...

Было слышно, как в конце зала кто-то засмеялся. Несколько человек заплодировали. Академик Обручев, сидевший в первом ряду, улыбнулся, шепнул что-то сидевшему рядом молодому инженеру.

— Уважаемый Каныш Имантаевич, сомневаетесь ли вы в том, что Кенгирское водохранилище способно обеспечить ежесекундно два кубометра воды? — спросил инженер-проектировщик Руффель.

— Нет, не спору. Кенгир — самая многоводная река в Улутау.

— Проектируемый объем Кенгирского водохранилища — несколько миллионов кубических метров воды. Чтобы удовлетворить потребности промышленности, достаточно одной трети этого запаса. Куда прикажете девать оставшуюся воду, как не для нужд сельского хозяйства? Испарить ее? Ваш подход удивляет меня, — сказал Руффель.

Высказались еще несколько специалистов. Но ни проектировщики, ни жезказганцы не собирались сдавать свои позиции. Каждый настаивал на своей правоте. Веденеев поступал по графину. Но споры не утихали, поэтому председательствующему пришлось подняться с места:

— Я плохо понимаю выступивших здесь товарищей. Товарищ Сатпаев против развития сельского хозяйства в Улутауском районе? Конечно, при необходимости нетрудно возить продовольствие издалека. Но, думаю, нелишне позаботиться и о людях, которые будут жить в этом промышленном городе.

Каныш Имантайулы снова попросил слова.

— Прошу правильно меня понять, товарищи. Я очень хорошо понимаю значение земледелия. Честно говоря, неплохой аппетит у меня и к овощам. А всестороннее развитие Улутауской степи — моя давняя мечта. Поэтому я не возражаю против скорейшего превращения ее в цветущий край. Но сейчас, думаю, нам полезней заняться конкретными делами, а не мечтаниями и фантастическими проектами. Неплохо, естественно, в одном районе построить не одну, а де-

сять плотин. Но ведь это потребует сотни миллионов рублей! Кто выделит нам столько средств? Это одна сторона дела. Во-вторых, что на сегодня важнее нам получить от Жезказгана: медь или картофель? По-моему, медь! Для строительства Кенгирского водохранилища тоже потребуются миллионы рублей. Допустим, государство выделит нам их. Для чего? Повторяю: только лишь для получения меди Жезказгана! Значит, плотина должна работать только на потребности промышленности! Вы, товарищ Руффель, утверждаете, что для этого потребуется лишь одна треть воды этой плотины. Это неверно. Сидящие в зале жезказганцы думают иначе. Создавая свой проект, вы руководствовались перспективой развития рудного края на два ближайших десятилетия. Сейчас в Карсакпае, Байконуре, Жезказгане живут около тридцати тысяч человек. Когда вы говорили о потребности в воде, вы исходили из этих данных. Ну а я, делая выводы из уроков политпросвещения, данных мне только что товарищем Суровым, смотрю на будущее Жезказгана в перспективе и заявляю, что в ближайшие тридцать-сорок лет в этом районе и его окрестностях будут жить около трехсот тысяч человек. Будут построены гигантские рудники, карьеры, фабрики и заводы. Поэтому «большой воды» Кенгирского водохранилища не хватит даже для удовлетворения потребностей промышленности. Отсюда следует вывод: ни в коем случае нельзя проектировать использование вод этого водохранилища для нужд сельского хозяйства. Иначе мы выбросим на ветер огромные государственные средства. Ибо почва в южной части Улутау, то есть именно в районах проектируемого водохранилища, не отличается особым плодородием. А если мы хотим найти площади, действительно пригодные для земледелия, то надо искать их в северной части района. К сожалению, никто из исследователей до сих пор не удостоил ее вниманием.

— Вы, говорят, возражаете и против утверждений об отсутствии грунтовых вод в недрах Жезказгана? — спросил академик Веденеев.

— Да, я и мои товарищи не разделяют этого мнения, это правда. Думаю, что вопрос требует изучения. Нужно провести поисковые работы. Там, где лежат пласты руд, воды нет, все шахты сухие. Во многих местах, где мы пробурили глубокие скважины, воды тоже не обнаружили.

— Тогда на чем основываются ваши возражения?

— Известковые толщи, а также трещинная структура недр Улутау дают мне основание сделать предположение о способ-

ности их сохранять влагу. Проблема заключается в обнаружении этих хранилищ воды.

— Обратимся к фактам. — Суров, задетый за живое, вскочил с места. — Осадки, выпадающие в долине Улутау, составляют лишь десятую долю влаги, испаряющейся в воздухе. Такова интенсивность солнечных лучей в долине! Каныш Имантаевич, вы хорошо умеете считать, скажите, откуда взяться подземной воде?

Сидящие в зале обратили взоры к трибуне, ожидая, что ответит на это инженер из Жезказгана. Каныш Имантайулы нисколько не смутился.

— Если вы опираетесь на сегодняшние данные, то я сошлюсь на факты давно минувших дней, дорогой товарищ, — сказал он. — В «Книге Большого Чертежа», составленной в XVI веке в Москве, указано, что из Улутауской горы истекают три реки под одним названием! В Сарысу впадает Кенгир, а куда девались две другие, никто не знает. Стало быть, засушливый микроклимат Улутау сложился не сразу. Это происходило медленно. В недрах его, видимо, совершались какие-то процессы, относительно которых мы сегодня в полном неведении. А разве нельзя предположить, что реки, широко разливающиеся весной, не уходят в те самые трещины... Короче говоря, искать грунтовые воды в окрестностях Жезказгана надо. Мое мнение разделяет инженер Моргуnenков, который долгие годы занимался разведкой подземных вод в Средней Азии. Он-то сегодня присутствует здесь и, во всяком случае, гораздо лучше и глубже может ответить на этот вопрос, чем проектировщики «Водоканал-проекта»...

В спор вступил специалист «Гидроэлектропроекта» профессор А.А. Предтеченский.

— Я присоединяюсь к мнению товарища Сатпаева, — сказал он. — Сегодня можно признать следующее положение: предварительная проработка водного баланса действительно является только предварительной... и она также отвергает идею широкого развертывания сельского хозяйства при развитии жезказганской промышленности. Необходимы исследования не только по линии использования поверхностных вод, но и по линии нахождения артезианских вод...

Заседание заключил академик Веденеев:

— Что мы видим на сегодня? Вроде составлен хороший проект. Но он не совсем точно отражает действительное положение вещей. В результате этого нам пришлось обсудить проект, основанный только лишь на кратковремен-

ных наблюдениях. Не учтены исследования прошлых лет об этом крае, проектировщики даже не посчитались с мнениями местных специалистов. Свидетельством той же безответственности является предложение об организации земледелия в районе с неисследованным составом почвы. Возникают сомнения в расчетах водных балансов. А мы сегодня собрались решать вопрос о снабжении водой будущих объектов медной промышленности. Поэтому я предлагаю вашему вниманию такое резюме нашего заседания. Разрешите зачитать его: «Проектируемый Большой Жезказганский медеплавильный комбинат может быть обеспечен технической и питьевой водой путем регулировки стока реки Кенгир... Вопрос развития поливного земледелия требует дальнейшей проработки... Секция отмечает, что рабочая «гипотеза» разработана на основе крайне скудных материалов, а потому подлежит уточнению на основе данных дополнительных изысканий, в число которых обязательно должно быть включено и исследование запасов грунтовых вод этого района».

И после этого вопрос водоснабжения Большого Жезказгана не раз обсуждался специалистами в разных инстанциях. Одно из них состоялось в мае 1936 года в Карсакапае. Слово документам.

Протокол № 1 от 4 мая:

М.А. Руффель, инженер «Водоканалпроекта»: *«На Кенгире, где стоит могила Досмурзы, имеется глубокое место для устройства водохранилища. При длине плотины 622 и высоте 26 метров емкость водохранилища составит 245 миллионов кубических метров. Площадь зеркала — 37,5 квадратных километра, ширина — около километра».*

Протокол № 2 от 7 мая:

Т. Гулин, директор Карсакапайского медеплавильного комбината: *«Лучшим местом для расположения промплощадки будет юго-западная часть от плотины Кенгирского пруда. В отношении города здесь тоже получается удобно... Сточные воды от города пойдут в обратном направлении, а около города везде будет вода».*

Р.И. Шиндельман, проектировщик: *«С точки зрения расположения города мы должны ориентироваться на близость к воде. Ставить комбинат между городом и водой нельзя. Производство надо расположить подальше от города, будет чище, а воду к нему можно всегда подвести, для чего насосы...»*

А.Е. Протасевич, проектировщик: *«Так как водохранилище является основным отправным пунктом проектных предложений по*

всему строительству в урочище Досмурза... Я полагаю, что возможность сдвига или переноса створа плотины не должна быть исключена».

К.И. Сатпаев, начальник ГРК: «Вопрос о плотине на реке Кенгир возник не сегодня. Он имеет семилетнюю давность. Первым его определил в 1929 году инженер Ф.П. Моргуленков. Он обстоятельно исследовал долины рек Кенгир и Жезды почти на всем их протяжении и первым наметил контур плотины в урочище Досмурза. Гидрогеологические исследования в этом районе велись в 1928 и в 1931 годах геологами Гриневым и Зайцевым. Начиная с 1933 года, район Жезказгана исследует «Водоканалпроект», который также в конце концов остановился на варианте закладки плотины у могилы Досмурзы. Стоит ли снова возвращаться к этому вопросу?»

В конце концов решение о строительстве плотины в урочище Досмурза на реке Кенгир, а города и комбината — на берегу водохранилища принято единогласно.

III

25 марта 1936 года нарком тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе подписал приказ о строительстве Большого Жезказганского медеплавильного комбината. Для подготовительных работ и организации треста «Жезказганстрой» было выделено два миллиона рублей. В следующем году эта сумма увеличилась до двадцати пяти миллионов. Первую очередь запроектированного комплекса предполагалось завершить к концу 1940 года, и для этого отпускатся уже полмиллиарда рублей. Летом того же года закипела работа на стройплощадке будущего Жезказгана.

Из воспоминаний бывшего геолога-техника **Федора ПASTУХОВА**:

«В середине июля (1936 г. — М.С.) ко мне на участок «Дальний», расположенный в семи верстах от нынешнего Рудника, на легковой машине приехал Каныш Имантаевич. Спросил, как идут дела, познакомился с зарисовками и описанием пройденных канав. По выработкам проходить не стал. Видно, у него время было ограничено. В отряде работали две студентки. Он посмотрел разложенные образцы глин и сказал им: «Вот эти светло-серые, жирные, эластичные глины должны быть хорошими, огнеупорными, возьмите из них в большем количестве пробы и на обратном пути передайте мне. А мы поедем к реке Кенгир, на место, где должен строиться завод, а также и город...»

Когда стали подъезжать, я увидел несколько сборных домиков на возвышенности, пойму реки осматривали много людей. Это были

представители наркомата, гидростроители, проектировщики, ботаники...

Долго ходили и изучали рельеф местности. Выскизывали свои предложения, спорили и доказывали друг другу, где и в каком месте удобнее расположить завод и город. Каныш Имантаевич мало говорил, больше слушал. Я стоял в стороне, все еще не понимая, для чего приглашен сюда. Затем поднялись на возвышенность, к месту, где должно быть перекрытие реки Кенгир плотиной. И тут вступил в разговор Каныш Имантаевич. Он говорил спокойно и убедительно.

— Вот, смотрите, от подножия сопки до самой реки видны небольшие выработки, сделанные для исследования коренных пород. Они оказались вполне крепкими, а главное, достаточно водонепроницаемыми. Следовательно, спорить нечего, перекрытие реки должно быть именно здесь... Направо и пониже от нас — равнина. Согласен с мнением, что место расположения завода должно быть на этой равнине.

Спустившись туда по углам большой площадки, сделали насыпи, затем на топографических картах очертили места расположения завода, плотины и города... В результате на большой равнине появились вбитые дощечки с надписями «Вокзал», «Парк», «Фабрика», «улица Ленина», «проспект Сталина», по предложению главного инженера Карсакпайского завода И.А. Стригина на одном из возвышенных мест даже отметили «Ресторан Кенгир»... Время уже подходило к вечеру, поздравив друг друга с будущим Новым Жезказганом, многие стали разъезжаться. Каныш Имантаевич уезжать не торопился. Когда мы с ним поднялись на возвышенность, он развернул карту и сказал:

— Вся территория, где будет расположен завод, тебе хорошо известна, сам работал лопатой, делал угловые и промежуточные отметки. Но ее нам необходимо исследовать мелкими буровыми скважинами для определения прочности коренных пород. Эту ответственную работу поручаю тебе... На этой площади будут заложены фундаменты, корпуса цехов, установлено мощное оборудование. Следовательно, тебе нужно быть особенно внимательным. У тебя будут три буровых станка. По возможности я к тебе буду приезжать...

Он был в хорошем настроении и по дороге не переставал повторять: «И все-таки, Федюша, мы многого добились нынче. Наши мечты сбываются! Вот увидишь, лет через пять здесь будут стоять высотные дома, зазеленеет молодой парк с фонтанчиками, где будут играть детишки! А здорово ведь!..»

...Во второй половине августа к нам снова приехал Каныш Имантаевич. Сразу же пошли осматривать скважины, которых было пробурено около ста. Возле каждой скважины аккуратно разложен поднятый керн. Затем зашли в мою времянку, где он посмотрел разрезы, а также составленные профили по линиям буровых скважин.

— Дела складываются неплохо, Федюша, коренные породы прочные и устойчивые, — обрадованно сказал он. — Я теперь спокоен: завод будет заложен на крепком фундаменте...

В середине октября буровые работы по исследованию прочности коренных пород будущей заводской площадки были закончены... И я в первых числах ноября возвратился в Карсакпай. Каныш Имантаевич просмотрел все мои графические материалы и остался доволен. Вечером 6 ноября в конторе состоялось торжественное собрание, на котором многим геологам и буровикам, в том числе и мне, были объявлены благодарности и вручены премии в сумме двухмесячного оклада...»

Жителям аула Бекболат недолго пришлось ждать начала большой стройки на берегу Кенгира. Новый Жезказган стал закладывать фундаменты своих домов уже следующим летом. Летопись Жезказгана пополнялась новыми значительными событиями. Вот некоторые из них: в ноябре 1937 года железнодорожный путь соединил станцию Нильды с Жезказганом; дорога сооружалась быстрыми темпами; многие станции, дома на разъездах сдавались в эксплуатацию не совсем законченными; поезда ходили редко, с большими интервалами... А производственные мощности Жезказгана, растущие с каждым днем, требовали более регулярного сообщения. Поэтому было предложено соединить новую дорогу с ранее построенной линией Караганда—Балхаш. Для этого провести ветку со станции Жарык.

Проектировщики института Гипроцветмет за короткий срок составили проект Большого Жезказгана, согласно которому промышленный комплекс включал рудодобывающие рудники, обогатительную фабрику и медеплавильный завод. Весь этот комплекс, а также рабочие поселки будут получать электроэнергию от мощной ТЭЦ. Кроме всего этого, было намечено строительство ремонтно-механического завода, карьера по добыче флюсов, комплекса по изготовлению стройматериалов, крупного транспортного парка, а также создание плодоовощного хозяйства вблизи города. Учитывая ошибки, допущенные строителями Балхаша, архитекторы наметили в первую очередь возведение основного жилого района. И планировали не систему временных бараков, как в годы первых пятилеток, а настоящий современный город, в котором промышленный комплекс должен находиться за чертой города.

Таким образом, стала осуществляться программа-максимум всестороннего развития Большого Жезказгана, десятью годами ранее намеченная инженером Сатпаевым в журнале «Народное хозяйство Казахстана». Программа, тогда скептически оцененная многими специалистами, как утопическая.

После памятных сражений за Большой Жезказган, окончившихся победой карсакапайских геологов, им предоставили более просторное помещение, состоявшее из трех комнат (это была вторая половина дома, где жил с семьей Каныш Имантайулы).

Самая большая комната называлась камералкой, в ней хозяйничали в основном коллекторы и копировальщицы-чертежницы. В центре стоял большой чертежный стол, за ним работали поочередно, иногда даже в ночное время. Возле стен, вплотную один к другому размещались столы коллекторов и геологов-техников. В камералке одновременно работало восемь-девять человек. В такой тесноте посетителю и присесть негде было. Однако сами геологи на тесноту не обижались. Знали, что с помещениями на комбинате туго. Ободряли себя девизом: «Не место красит человека». Единовластной хозяйкой камералки была старший коллектор Руфа Казанцева.

В смежной комнате работали инженеры-геологи. Камеральщики называли ее кабинетом. Один из трех столов, стоявших здесь, занимал начальник ГРК Сатпаев, другой принадлежал Букейханову, а третий был общим, за ним сидели по принципу «кому нужнее в данный момент» трое геологов, работавших в штате конторы.

В третьей комнате располагались бухгалтеры, плановики, хозяйственники, снабженцы. Здесь всегда было многолюдно и шумно — беспрестанно стучали костяшки счетов, дребезжали арифмометры.

В этой маленькой конторе, со штатом всего в два десятка человек, решалась судьба всего региона, давались прогнозы на десятки лет вперед, оконтуривались залежи ценных руд в миллионы тонн, подводились итоги всех произведенных работ...

Как и следовало ожидать, планы буровых и других разведочных работ на 1935 год, составленные Канышем Имантайулы, оказались обширными. Жезказганским геологам надо было срочно наверстывать упущенное за последние два года. Верный своему принципу, Сатпаев начинает бурение тридцатью двумя станками, а летом доводит их количество до пятидесяти. Благо имелись подготовленные кадры. Для Улутауской степи это был невиданный размах! Легкие отряды поисковиков, руководимые карсакапайскими геологами, отправлялись в дальние маршрутные поездки, некото-

рые из них начали работы на перспективных точках. Между ними постоянно колесил «фордик» начальника разведконторы...

В Киякты работало пять станков, строились жилые дома, ремонтная мастерская. Дело шло к тому, чтобы организовать там постоянно действующую службу. Один из отрядов обнаружил в предгорьях Арганаты поверхностные проявления медных руд. Дополнительная проверка, произведенная самим Сатпаевым, выявила и признаки благородных металлов. Как раз в тот год трест «Цветметразведка» выделил дополнительные средства на детальную разведку Кургасынского месторождения, Каныш Имантайулы решает рационально использовать эти «дармовые деньги» и поручает поисковой партии одновременно перепроверить и Арганатинские проявления меди...

Предстояло по-настоящему разобраться в природе образования и определить мощности железорудных месторождений — ближнего Карсакпайского и Атасу, расположенного на значительном удалении. Внимание Сатпаева привлекал особенно последний, где раньше геологом И.С. Яговкиным (в местечке Улкен Кытай) были обнаружены перспективные залежи богатых железистых руд. В том же году карсакпайскими геологами была завершена детальная разведка Болаттамских месторождений лигнитов (железистых пиритов), удалось доказать их промышленное значение. И комбинат срочно организовал там добычу сырья. Это сулило десятикратную выгоду в сравнении с ввозом таких же флюсов с далекого Урала. Из районов южнее Жезказгана также доходили хорошие вести: один отряд, посланный туда в то лето, вернулся с хорошими пробами железистых кварцитов и гипсовых жил. Эти и другие открытия невольно заставляли начальника конторы думать об организации специальной партии для исследования железорудных месторождений в пределах Улугауского района, чтобы затем поставить перед правительством вопрос о строительстве здесь крупного комбината черной металлургии.

Тщательной проверки требовали признаки меди на Теректы, Аулие-Тасе, Терисаккане, Жаманайбате, а также медные песчаники Атбасара. И Тургайская низина давала обнадеживающие данные на медь. Но самым неожиданным, пожалуй, было открытие в центре Голодной степи, в местечке Таскора медистых песчаников, ведь тот край издавна считался бесплодным на рудные проявления.

Да, удивительно урожайным был сезон 1935 года. Каждый отряд в то лето возвращался обязательно с находками! И в этом была немалая заслуга начальника конторы, ибо именно он определял маршруты, ориентировал поисковиков, где и на что обратить особое внимание. Отряд, возглавляемый самим Сатпаевым, обнаружил в тот год признаки промышленной концентрации меди в урочище Айранбай, у берегов реки Жыланды (теперь здесь действует рудник «Северный». — М.С.), — всего в двадцати пяти верстах от Жезказгана. Чего тут было больше — прозорливости или везучести предводителя карсакпайских геологов? Объяснение этой удачливости будет дано впоследствии, через десятки лет, как мы уже упоминали, ученые-геологи найдут ей точное определение: феномен Сатпаева!

Сам Каныш Имантайулы над этим никогда не задумывался. Он стремился всесторонне изучить разведываемые земли во всех аспектах (через годы ученые назовут это комплексным изучением региона). Сатпаева увлекала мысль о том, что скопление месторождений в Улутауской степи, а также значительные проявления цветных, благородных, редких и черных металлов — не случайность, что они обусловлены какой-то закономерностью. Ему было ясно: концентрация медеобразований и сопутствующих элементов периодической таблицы — результат процесса, происходившего в недрах земли сотни миллионов лет тому назад...

Но такими проблемами должна заниматься наука, а геологу-поисковику надо думать о разведке. Однако Сатпаев, однажды задав себе вопрос, не мог уже успокоиться, искал ответ: увлеченно собирал факты и материалы, пытался по мере их накопления делать обобщения.

Выявленные богатства региона оказались столь разнообразны, что одной конторе было уже не под силу полностью разведать, определить мощность и перспективы месторождения. Необходимо было значительно расширить поиски местной геологической службы, многократно увеличить количество ее работников, организовать постоянно действующие разведывательные партии. Но все требует средств. Та сумма, что отпускалась Главцветметом, предназначалась лишь для Жезказгана. Да и ее было недостаточно. А вновь открытые месторождения требовали новых и новых затрат. Что оставалось делать? Пренебрегая инструкциями, Каныш Имантайулы находил лазейки, чтобы выкроить средства для разведки этих рудных проявлений. Он верил, что сумеет раскрыть и доказать настоящие масштабы Жезказгана.

Каныш Имантайулы был руководителем большого коллектива, коллеги по службе — инженеры и техники-коллекторы беззаветно верили ему. С возвращением поисковых отрядов с далеких маршрутов в конторе становилось шумно, то в одном, то в другом кабинете слышались веселые голоса приехавших, рассказывающих о курьезных случаях, происшедших с ними. Но вскоре все успокаивалось, начиналась обыденная работа. Когда с маршрута возвращался Сатпаев, все знали, что теперь наверняка предстоит какая-нибудь срочная работа, а те вопросы, которые откладывались до приезда начальника, будут решены немедленно.

Пример усердия показывал сотрудникам конторы сам Сатпаев. Если нужно было, он засиживался за своим рабочим столом допоздна, работал по пятнадцать часов кряду. В такие напряженные дни он уже в шесть утра был в кабинете, часа через два делал перерыв для короткого легкого завтрака, потом четыре-пять часов непрерывной работы, после обеда — полчаса сна, а затем вновь изучение материалов и образцов до самой ночи, прерываемое лишь кратковременными чаепитиями. Видя это, все сотрудники в такие дни тоже выкладывались до последнего...

Иной раз из кабинета начальника слышался громкий возглас: «Руфочка!» Руфа Казанцева бодро шла к шефу, а все особо не беспокоились... Но если Каныш Имантайулы нарочито официальным голосом произносил: «Руфина Константиновна, загляните сюда!», сидящие в камералке прекращали работу и, оглядываясь на дверь кабинета, напряженно прислушивались к происходящему за ней разговору. Если вызов старшего коллектора был связан с делом, касающимся непосредственно ее, то разговор велся неслышно для окружающих. А когда выговор начальника касался других, камеральщики отчетливо слышали почти все: «Посмотрите, Руфина Константиновна, что наделал ваш подчиненный. Где были вы сами, почему не проследили? Нет, не могу утвердить явный брак. Так нельзя, пусть переделывает заново!..»

Через некоторое время, покраснев до корней волос, Казанцева выходила из кабинета, молча садилась за свой стол и продолжала работать. В те минуты ее ни о чем нельзя было спрашивать, все равно ответа не дождешься. А вот когда Каныш Имантайулы уходил из конторы, тут-то начиналось: подойдя к проштрафившемуся работнику, Руфа принималась распекавать беднягу.

Никто никогда не жаловался на несправедливость выговора и не обижался. Ибо сам Каныш Имантайулы подавал пример самокритики — выходил в камералку и публично, при всех, признавал свою оплошность, тут же прося переделать тот или иной чертеж. У геологоразведчиков всегда царил дух доброжелательности друг к другу. И никогда у них не было ни скандалов, ни больших споров...

Каждый праздник они отмечали всем коллективом. Первое мая, как правило, встречали на лоне природы, на берегу ближайшей речки. Выезжали туда семьями, с детьми, даже с грудными малышами... На таких «маевках» люди сблизались быстро, завязывались дружеские отношения, а ведь к тому времени в ГРК числились работники десяти национальностей.

После обсуждения на сессии АН СССР слава Жезказгана становилась все громче. Сюда приезжали представители научно-исследовательских и проектных институтов со всей страны, уполномоченные главков и трестов, различных управлений, частыми гостями были и ученые из Академии наук.

Карсакпай посетили такие известные специалисты, как геологи Н.Г. Кассин, М.П. Русаков, И.С. Яговкин, В. Н. Крестовников, А.А. Амирасланов, Ф.В. Чухров, Е.А. Кузнецов, М.М. Пригоровский, академик И.Ф. Григорьев... Приезд каждого из них был настоящим праздником для жезказганцев: молодые геологи старались попасть к ним в экспедицию, знали, что от такого общения они многое получают. Гости никогда не высказывали недовольства, питались из одного котла со всеми. Как правило, перед отъездом они делились своими впечатлениями с геологами, техниками, коллекторами, давали дельные советы.

А Иван Степанович Яговкин в свой последний приезд в 1935 году (через несколько месяцев он скоропостижно скончался), собрав в конторе технический персонал, открыто признался в своем заблуждении относительно запасов и перспектив Жезказганского месторождения и, обращаясь к Сатпаеву, заявил:

— Извините меня, дорогой Каныш Имантаевич! Много навредил я вам, возражая против вашей концепции. Признаюсь, меня настораживал ваш чересчур горячий энтузиазм, думалось, это идет от вашей молодости, потому-то я

долгое время не видел предмета для научного спора. Но ваша упрямая вера в Жезказган взяла верх. От души поздравляю и склоняю перед вами свою седую голову. Еще раз прошу вас: если можете, простите меня за мои тогдашние заблуждения...

А потом, как вспоминают очевидцы, оба геолога, не стыдясь своей слабости, прямо тут же, на глазах всех собравшихся обнялись.

Приезжали в те годы в Жезказган академики А.Н. Заварицкий и А.Д. Архангельский, очень много сделавшие для развития отечественной геологии. И каждый их приезд приносил ощутимую пользу. Так, Андрей Дмитриевич Архангельский – в то время директор Всесоюзного геологического института АН СССР – в частности, многое сделал для укрепления химлабораторий Карсакпайской конторы, сотрудники его института помогали в изучении минералогических особенностей здешних руд, в широкой постановке региональных исследований.

В свою очередь крупнейшие ученые-геологи того времени уже признали Сатпаева авторитетным исследователем и знатоком не только Жезказгана, но всего Центрального Казахстана, и не считали зазорным для себя советоваться с ним по вопросам изучения региона. В личном архиве академика Сатпаева сохранилось письмо А.Д. Архангельского, адресованное ему в 1936 году: *«Обращаюсь к Вам с горячей просьбой помочь нашим работам, прежде всего, указанием ближайших задач изучения, выработкой надлежащего плана исследований. Еще раз позвольте напомнить, что я хотел бы поставить дело таким образом, чтобы в этих работах Вы играли бы самую активную роль и являлись бы одним из видных участников того описания района, которое должно в результате исследований явиться».*

Ясно, прямым результатом сессии АН СССР, состоявшейся в прошлом году было то, что крупнейшие ученые-геологи того времени признали приоритет Сатпаева в изучении огромных территорий.

Если престиж Каныша Имантаевича был высок в научном мире, то что говорить о степи?! В народе ходили легенды о том, что Сатпаев обладает необыкновенным умением видеть на сотни метров в глубь земли... На имя Каныша Имантайулы отовсюду приходили посылки с минералами. Многие сами приезжали в его ГРК с полным коржуном разноцветных минералов. В полевых тетрадях геолог всегда аккуратно записывал имена и местожительство своих добровольных по-

мощников, при этом указывая, что они принесли, на какое место приводел их тот или иной кладоискатель и что там обнаружено.

Сегодня, по прошествии более полувека, уже трудно вспомнить имена всех первооткрывателей. Но фамилии некоторых из них нам известны. Поражает при этом география открытий: их много было во всех регионах Сарыарки; естественно, в отрогах Улутауской горы; в Устюрте и Мангистауской степи, куда, на край Ойкумены, стал также наведываться настойчивый исследователь; немало помощников объявилось в предгорьях Каратауских гор, на юге...

Одним из них был Бекмаганбет Султангазиев, с которым геолог Сатпаев, энергия которого казалась просто неистощимой, начиная с 1929 по 1937 год исколесил сотни верст по Голодной степи, в дельте рек Чу, Сарысу. Имя замечательного рудознатца встречается в записях Каныша Имантайулы, сделанных им во время их хождений по Арганатинским горам. Как считал геолог, у этого человека был особый дар проникновения в тайны природы, что нередко встречается у истинных охотников, каким был Бекмаганбет. Охоту он всегда сочетал с поиском рудных проявлений. Сохранился официальный документ о том, что Казсовнарком даже принял постановление о вручении ему денежной премии в сумме две тысячи рублей за открытие месторождения с богатым содержанием меди, никеля и кобальта. А в сентябре 1945 года Каныш Имантайулы обращается к исполкому Жамбылского областного совета со специальным письмом, где говорится, что *«Б. Султангазиев является одним из неутомимых рудоискателей Казахстана, это ремесло он освоил самостоятельно и в совершенстве, потому им открыто несколько ценных месторождений металлов...»*.

По своей натуре Каныш Имантайулы был добрым и отзывчивым человеком. И кое-кто иной раз злоупотреблял этим...

«Мне запомнилась одна удивительная история. И хочется о ней рассказать, — пишет Федор Пастухов в своих воспоминаниях о Сатпаеве. — Зимой, в феврале, верхом на коне подъехал к конторе довольно пожилой, с белой бородой казах. Слез с коня, зашел в контору и спросил Каныша Имантаевича... Зашел в его кабинет, и там они долго о чем-то беседовали. По окончании беседы посетитель собрался уходить. У дверей несколько задержался и сказал: «Каныш, какой у тебя замечательный полушубок». Каныш Имантаевич в зимнее время ходил в черном полушубке, мы знали, что у него слабые легкие. К нашему удивлению, Каныш Имантаевич снимает с себя полушубок...»

бок и подает старику. Тот взял полушубок, поблагодарил и вышел, сел на коня и уехал... Через некоторое время начальник позвал к себе Таисию Алексеевну и попросил ее сходить домой и принести фуфайку. Она, конечно, удивилась и стала допытываться, но ответ, услышанный нами, был не менее удивительным: «Получилось так, что я не мог ему отказать, ведь очень старый человек и притом совсем незнакомый...»

Но таких просителей были единицы. Добром за добро платили ему люди даже в тех местах, где он бывал всего один раз. Сатпаева принимали как самого дорогого гостя, никогда не отказывали в помощи.

Рассказывает Таисия Алексеевна:

«Памятной осталась одна поездка в верховья реки Терсаккан для осмотра месторождения Копказган, входящего уже в группу Атбасарских медных песчаников... Под вечер добрались до Терсаккана и до знакомого по прежним поездкам особенно уютного аула, памятного приветливой встречей и радушием всех жителей во главе с нашими старыми друзьями. Узнав, что на этот раз мы направляемся к реке Ащилы, в устье которой расположено месторождение, наш хозяин озабоченно заявил, что без проводника туда трудно добраться. Дорога уходит севернее, и далее нам придется пробираться по бездорожью.

— Лучше всего знает эти места наш кузнец, да случилась беда, вчера он нечаянно чуть не отрубил себе половину указательного пальца на левой руке и теперь мучается от боли.

Позвали кузнеца. Правой рукой он поддерживал левую, обмотанную грязноватой тряпкой. Узнав перспективу поездки в качестве проводника, он повеселел и категорически отказался от предложения вначале полечить его руку в Карсакпайской больнице.

— Ради вас руки не жалко, не то что пальца, — заявил он, изрядно удивив нас. — За ночь она еще подживет, и завтра поведу вас в эти места.

Так совершенно незнакомый человек, несмотря на болезнь, услышав имя Каныша Имантаевича, повел нас в безлюдные пески, находившиеся от его аула почти в двухстах верстах...»

И СНОВА В БОЙ

I

18 февраля 1937 года скончался нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Ему только что исполнилось пятьдесят. Трудно было поверить во внезапную смерть жизнерадостного, еще крепкого наркома. Прослушав некролог, многократно переданный по радио, Каныш Имантайулы за-

тужил не на шутку. Он говорил своим домочадцам: «Для нас это действительно невосполнимая утрата, наверняка мы это очень скоро почувствуем!..» И словно в воду глядел. Не прошло и десяти дней, как Главцветмет телеграфировал: «*Средства, отпускаемые на разведку текущего года, сокращаются на пятьдесят процентов*».

Повторялась история 1933 года...

А работа к тому времени развернулась вовсю: в самом Жезказгане, в Киякты, Атасу и Атбасаре, в Кургасыне, Жезды и Найзатасе, на Карсакпайских сопках ритмично работали десятки станков. И вот теперь следовало остановить их. Неужели снова придется сворачивать запланированные исследования по Улутай? Сократить разведку на пятьдесят процентов – ведь это означает уволить половину коллектива, более пятисот человек!

Ну нет, жезказганские геологи никогда не сдавали своих позиций без боя! И на этот раз будет так. Не стало Орджоникидзе – его место наверняка займет кто-то достойный. И разберется, что к чему! В Москве Каныш Имантайулы первым делом побывал в своем главке.

– Вы, товарищ Сатпаев, не очень-то давите на нас, без вас проблем предостаточно. Знаем, что вам нужны средства. Что могли, выделили, а на нет и суда нет, – говорили ему с многозначительными паузами. – Скажите лучше спасибо, что вам оставили хоть половину ранее запланированных сумм, могли дать еще меньше. Средства нам нужны для других, более важных целей. А для Жезказгана? Уважаемый Каныш Имантаевич, дай бог сначала взять то, что вы там разведали за прошлые годы. Лет на тридцать с гаком хватит! Подведем железную дорогу, построим комбинат, а дальше видно будет. Знаем, что запасы Жезказгана огромны, ну, если там осталось, что разведывать – что ж, разведаете потом. Кадры? Никуда они не денутся, ведь не разбежались же в те годы... Понятно вам? Если понятно, не ждите здесь понапрасну, отправляйтесь в свою степь. Тратьте, осваивайте то, что вам оставили, и не мешайте нам работать!..

И Каныш Имантайулы решил, что не стоит в такую смутную пору напрасно терять дорогое время на жалобы. Заключив договоры со старыми «компаньонами» – трестами «Лакорассырье» и «Золоторазведка», он уехал обратно.

Из воспоминаний Федора ПАСТУХОВА:

«Весной 1937 года мы с Канышем Имантаевичем поехали на участок «Шайтантас». Он находился в сорока пяти километрах от Кар-

сакпая. Там имелись кварцевые жилы, в которых было обнаружено золото.

— Федя, будешь работать здесь, — сказал Каныш Имантаевич, показывая мне эти жилы. — Много людей не смогу дать, но рабочих для рытья канавок и шурфов получишь. Твоим друзьям и коллегам, Васе Солодовникову и Павлу Прокопьеву даю такие же поручения. Они тоже будут искать золото. На лето у нас есть деньги, а вот чем будем жить осенью и зимой — зависит от ваших усилий. Так что, ребята, постарайтесь выручить!.. Думайте, выходите из положения своими силами — но чтобы вы осенью мне подготовили три заявки на промышленное золото. Ясно? Судьба Жезказгана, его разведка в ваших руках!..

...В начале июня на наш участок снова приехал Каныш Имантаевич. В первую очередь он познакомился с тем, что было сделано. Я показал ему план расположения кварцевых жил, результаты их апробирования. Он был доволен развернутой работой... Зайдя в палатку, я откинул брезент и показываю ему перевернутый вверх дном большой казан. Каныш Имантаевич хотел на него сесть, но я тут же закричал: «Осторожно, там у меня взрывчатка!» И тут же спокойно перевернул казан. Там у меня была яма, в ней я хранил в деревянном ящике шашки аммонала, начал доставать их. «Почему же ты в жилой юрте, под казаном держишь взрывчатку?» — спрашивает Каныш Имантаевич сердитым голосом. «А где же мне хранить? — отвечаю я. — Капсулу и запальный шнур я держу в другом месте, под замком, а здесь храню лишь аммонал. Сам не курю, значит, огня здесь не бывает. А копать специальный склад — рабочих-то нету. Вот так и выхожу из положения...» — «Это же нарушение, недолго и под суд попасть!» — пробурчал начальник теперь уже не так сердито. «А вот самое подсудное дело, — говорю я и с самого дна ямы вытаскиваю пробирку с намытым золотом с примесью железа и песка. — Гляньте, на сколько здесь потянет». Каныш Имантаевич изменился в лице, тут же схватив пробирку, пошел на свет. В сосуде было немало золотишка, это чувствовалось и по весу. Он снова с удивлением посмотрел на меня и воскликнул: «Где это ты нашел такое богатство?» Я ответил, что кое-где в кварцевых жилах встречаются отдельные места с богатым содержанием золота. Мы с ним тут же прошли по выработкам, и я ему показал эти участки. Он попросил меня намыт побольше металла. Потом пошли искупаться. И тут его словно прорвало, и он начал страстно и с юмором говорить:

— Молодец, Федюша! Ты хорошо поработал. Ты даже не представляешь, какое нам счастье привалило в связи с этой находкой! Увидят трестовские золотари содержимое этой пробирки, сразу же нам отваяют столько средств, что их хватит не только на этот год, даже на будущий. Чую, так и будет. Мы спасены, Федюша! А я уж подумывал к осени половину людей уволить.

Я много раз путешествовал с ним, но таким веселым и говорливым редко его видел.купаемся на речке, загораем, а он все поет и расхваливает меня. Будто бы в ребенка шаловливого превратился...

На следующий день мы с ним поехали в Арганатинский отряд, который располагался в двухстах километрах, там тоже работали «золотоискатели-выручатели», как нас тогда он прозвал в шутку...»

II

Шел 1937 год. Редели ряды служащих комбината, среди рабочих буровиков тоже нашлось немало «врагов народа», осужденных по пресловутой 58-й статье. Каныш Имантайулы по-своему переживал эти «чистки», но был бессилён чем-либо помочь пострадавшим, ибо и сам ходил по острию ножа.

От начальника Карсакпайского ГРК взяли подписку о невыезде за пределы района, отправляясь в дальние маршруты, он должен был регистрироваться у начальника местного отделения НКВД: куда, зачем, на сколько дней едет; и каждый раз, возвращаясь из поездки, первым делом шел к нему, чтобы отметить. Задержка на день, даже из-за поломки автомобиля, стоила ему изрядной нервозности...

И все же Каныш Имантайулы не мог молча мириться с происходящим произволом. Когда арестовали стахановца и победителя Всесоюзного соревнования среди буровиков Сеитказы Карсакпаева, он решил заступиться за рабочего человека и написал жалобу на действия местных чинов НКВД.

Из рассказа водителя ГРК **Григория МИРОНЕНКО:**

«Отправились в Жезказган под вечер. У нас к тому времени был служебный «виллис». Дороги были неважные, и, изрядно намаявшись, мы добрались до Рудника лишь часов в десять вечера. Остановились у дома геологов, но не успели выйти из машины, как подошли двое — будто бы поджидали нас. Один, усатый казах в кожанке, грубовато спросил: «Ты Сатпаев?» Каныш Имантаевич растерялся, промедлил с ответом. Усатый командует: «Если ты действительно Сатпаев, живо забирайся в машину!» Каныш Имантаевич хотел сесть на свое место, но как только взялся за ручку передней двери, тот грубо отстранил его и приказал сесть на заднее сиденье. Усатый сел рядом со мной, а второй сзади с Канышем Имантаевичем. Я до того растерялся, что слова не могу вымолвить. Чувствую: по спине мурашки бегают... Месяц назад я был вызван в одно заведение, долго меня там продержали, все время грозили арестом, добиваясь от меня согласия быть «стучаком» на своего начальника. Я же выходец из рабочей среды: работал трактористом в колхозе, потом окончил курсы шоферов в Карсакпае, бояться их мне нечего. А теперь сижу и думаю, что возьмут не только Сатпаева, но и меня, поскольку я его шофер

и отказывался собирать на него компрометирующие материалы. Вдруг слышу за спиной окрик: «Эй, есть у тебя уши? Кому говорю, трогай!» — «А куда?» — спрашиваю дрожащим голосом. «Туда, откуда приехал!» Поехали обратно. Еще три часа, возможно, и больше намаявшись по плохой степной дороге, в полночь подъехали к Карсакапаю. Въехав в поселок, спрашиваю сидящего рядом усатого казаха: «Дальше куда?» Он говорит: «Остановись!» И, выйдя из машины, оба идут прочь. Каныш Имантаевич не выдержал, крикнул вслед: «Джигиты, что вы нам сделали? Можно было ведь попросить, могли и так отвезти». Тот, с усами, не поленился, вернулся к машине, с издевкой и матерясь, говорит: «Ты, Сатпаев, байский отпрыск, не забыл своего происхождения? Советую тебе больше не заступаться за своих единомышленников и не мешать нам, иначе худо тебе будет! Ясно?»

* * *

Шквальным ураганом пронесся 37-й год над родом Сатпаевых.

Самый старший, Абикей Зеинулы, наиболее известный в обществе на ниве просвещения, остерегаясь злых и завистливых глаз, заблаговременно уехал подальше от родных мест, но, несмотря на эти предосторожности, его взяли первым. В то время он работал преподавателем русского языка в учительском институте в Киргизии, во Фрунзе (Бишкек). Поводов для обвинения было предостаточно: напомнили ему, что он был в первых рядах Алашской партии; якобы всегда преследовал цель отделения Казахстана от России...

А Абдикарим Жаминулы жил в Караганде, по-прежнему самозабвенно предаваясь игре на скрипке, занимаясь культурно-просветительной работой в качестве культмассовика (одновременно выполняя работу бухгалтера) народных клубов. В политику он не лез, чинов, как и раньше, не добивался, женился, завел детей и, кажется, был доволен своей скромной жизнью. Казалось бы, некому и нечему было завидовать. Но, увы! Нашлись злопамятные люди, которые вспомнили, что он в 1919 году по принуждению был проводником отступавшего отряда белых, квалифицировав это как добровольную помощь. И еще, к его несчастью, Абдикарим по любви был женат на красавице Умину, дочери известного акмолинского богатея Матжана... Арестовали и его.

Знающий толк в хозяйственных делах Газиз (Бокеш) Имантайулы неплохо устроил всех своих ближних и тех, кто

последовал за ним в Омскую область из аула хаджи Сатпая. Они жили в Азовском районе, в местечке Каржас ауылы, где в основном обосновалась одна из ветвей их рода — текелинцы еще в XIX веке, всего в сорока километрах южнее Омска. В 30-е годы там организовали колхозы. Газизу Сатпаеву и здесь нашлась служба, не очень стараясь лезть повыше, он занимал скромную должность секретаря Кызыласкерского аульного совета.

Газиз был главой большого семейства: от первой жены, Мухтаримы, умершей в 1931 году, осталось шестеро детей, после переезда под Омск он женился снова, вторую спутницу звали Маруа, через два года она в его семью принесла седьмого ребенка — девочку Зиннат. Всеобщая беда 32-го года взвалила на его брата — Каныша дополнительную ношу: так что им вместе с Таисией Алексеевной, считая и своих малышей, пришлось заботиться ни много ни мало — о девятнадцати молодых Сатпаевых...

«Газиза-ага взяли в Омске, когда он пошел в городскую клинику, чтобы показаться главному врачу... И с тех пор он пропал без вести. Где он кончил свою жизнь — в тюрьме или в ссылке, где он похоронен? Полная неизвестность, — пишет Шамшиябану Канышкызы в своей книге «Свет очага». Ей было тогда семь лет, смысленная от роду девочка, разумеется, запомнила на всю жизнь пережитую в тот злополучный день катастрофу, неожиданно обрушившуюся на их семью. — Когда арестовали Газиза Имантайулы, сотрудники приезжали в его дом, делали обыск, рылись в библиотеке и, сложив много книг и бумаг в ящики, а также упаковав красивые сервизы, вазы, статуэтки в три сундука, увезли с собой...» (Очевидно, тогда же были реквизированы те самые рукописи Имантая Сатпайулы и его детей — записи «Родословная Каржас», стихи Бухар жырау и другие ценные фольклорные материалы, переписка с русскими учеными, а также все редкие книги, которые эта семья собирала со второй половины XIX века. Для грубых и невежественных костоломов ОГПУ они были лишь старым хламом, и, конечно, были тогда же сожжены.)

Теперь стало известно, что все трое Сатпаевых, попавших по ложному доносу в клещи НКВД, были уничтожены в том же 1937 году. К тому времени старшему из них — Абикию Зеинулы исполнилось лишь 56 лет, Газизу Имантайулы было 43 года от роду, а младшему Абдикариму Жаминулы еще меньше — всего 40 лет. Все трое были в расцвете сил, каждый из них по мере сил и способностей честно исполнял свой долг. Разумеется, никто из них никогда ничего не держал в уме против действующей власти, тем более не были они «вра-

гами народа». Через десятки лет все трое были оправданы судом полностью. Но, увы, мертвых уже не вернешь! И страдания их домочадцев также задним числом не сгладить! Что касается большой семьи Газиза Имантайулы Сатпаева, то надо признаться, горькая ей выпала доля: очевидно, очень переживая утрату мужа, в том же году скорострительно скончалась его молодая супруга Маруа; а за ней умерли двое сыновей — Бартай и Майкы; затем и его воспитанник Малыбай — сын Каныша; такая же участь постигла его дочь Ханен в 1941 году, уже вместе с Ханисой Канышкызы поступившую в Алматинский медицинский институт. На память, как бы для утешения близких, осталась лишь фотография, запечатлевшая Газиза и Маруа Сатпаевых в окружении восьмерых детей...

По всей вероятности, четвертой и главной жертвой из рода Сатпаевых, по нашим предположениям, должен был бы стать Каныш Имантайулы Сатпаев. Не мог он быть недостижим для местных палачей из ОГПУ. Разве они не уничтожили Сакена Сейфуллина, Ныгмета Нурмакова или добрую сотню наиболее известных государственных деятелей республики, которые с первых дней установления советской власти самоотверженно трудились для ее укрепления? Что значил бы для них, в основном невежественных и грубых следователей ОГПУ, рядовой инженер, пусть и начальник ГРК, которых уже были десятки в бурно развивающемся Казахстане?

Именно так они поступили с первооткрывателем и ныне действующего Текелинского рудника **Мергали Кадылбековым**, кстати, также баянаульцем, благодаря которому были выявлены известные рудные месторождения в Каратауском предгорье — такие, как Ачисай, Мергалымсай (названо именем его первооткрывателя), Карасай, Хантаги, Байжансай и Шынасылсай.

Трагична судьба другого знатного баянаульца, окончившего Томский технологический институт, притом поступившего туда через рабфак, — **Карткожи Тоганбаева**, чьи жизненные университеты легли в основу сюжета романа выдающегося казахского писателя Жусупбека Аймауытова «**Карткожа**». В середине 30-х годов он становится известным инженером-металлургом, затем — преподавателем в вузах Алматы по техническим дисциплинам. Самобытный талант, замечательные способности этого незаурядного человека были широко известны народу. Особую признательность и восхищение вызывали его талантливые печатные груды, в которых он излагал сугобо технические науки простым и понятным для обучающейся казахской молодежи языком. Именно о них, об авторе

известного романа и его героя, скажет в одной из своих неопубликованных записей Машхур-Жусуп Копеев еще в конце 20-х годов, «что такие слишком заметные личности, как Жусупбек и Карткожа, рано и ярко выдлившиеся из своей среды, — вряд ли долго будут маячить на небосводе Казахстана. Боюсь, не будут, свои же завистники заставят погаснуть!..» Да, так и получилось, вещие слова степного мудреца из Баянаула оказались пророческими! Он тоже был уничтожен, как и писатель Жусупбек, которого расстреляли еще в 1932 году, а Карткожу Тоғанбаева — в 1937-м. Оба перешагнули тогда только сорокалетний рубеж.

Однако вернемся к личности главного персонажа нашего повествования. Начальника Карсакпайского ГРК, как стало известно нам из косвенных источников, вначале не трогали. Они остерегались слишком громкой известности инженера-поисковика из Жезказгана в Москве, ведь его лично знали наркомы, начальники главков СССР. Арестовав К.И. Сатпаева без согласия верхов, можно было наломать дров. Потому не спеша готовили дело, старательно накапливая компрометирующие факты...

Рассказывает писатель **Габит МУСРЕПОВ:**

«Это было в 1936 году, точнее не назову, однако хорошо помню, что в то время я временно подписывал республиканскую газету «Енбекши казах» за главного редактора. Однажды подписал в свет очередной номер, с публикацией указа о награждении передовиков производства. Уже собрался было уходить домой на отдых, время-то было за полночь. И вдруг поступает указание убрать из числа награжденных фамилию Каныша Сатпаева, который значился в списке, как помнится, представленных к ордену Трудового Красного Знамени. Тогда еще лично не знаком был с Канеке, но хорошо знал о его делах по Жезказгану. Почему-то мне обидно стало, что так круто обижаем незаурядного инженера из казахов. А указание-то спустил первый секретарь республиканской партийной организации, сам Мирзоян. Его я знал близко по службе, потому, не очень желая исполнить приказ, позвонил Левону Исаевичу домой. Несмотря на позднее время, трубку поднял сам хозяин. Выражаю свое недоумение по поводу случившегося, дальше говорю, что уже отпечатана половина многотысячного тиража, если сейчас остановить печатную машину, то из-за одного исправления понесем, мол, изрядные производственные убытки. Мирзоян не любил нудных разговоров, всегда был краток. И на этот раз сразу же резко прервал мои возмущенные тирады: «Габит, хоть и весь тираж отпечатан — не выпускай этот номер газеты в свет. Переделай так, как тебе велели!..» А я все гнул свое: отчего, почему?..» Сначала выполни то, что я тебе сказал!.. А потом, уж если распирает тебя возмущение, зайди ко мне. Спать я пока не собираюсь, да и не спится», — заметил он уже более сердечно.

Второй Исаевич приехал в Казахстан после позорного падения первого, Голощекина, тоже Исаевича по отчеству. Но в отличие от него за короткое время работы он успел сделать много хорошего, особенно по исправлению грубых, по сути, нелепых преобразований своего предшественника. В народе его любили, исходя из армянской фамилии — называли «Мырза-жан», что означает по-казахски «и добрый, и милый». Левон Исаевич был простым и доступным человеком без признаков чванства.

...Пройдя в рабочий кабинет, я отдал ему свежую газету. Секретарь аккуратно проверил весь список награжденных, будто бы с увеличительным стеклом отыскивая фамилию инженера, почему-то вдруг попавшего в опалу. А я сидел в предложенном кресле не шелохнувшись и молча ждал обещанного объяснения. Левон Исаевич круто развернулся в мою сторону, затем, подойдя вплотную, сквозь зубы, срываясь на крик, обрушился на меня:

— Вы, несчастные и бедные степняки, когда же перестанете друг другу подставлять подножки? Неужели у вас нет гордости и уважения к своему народу и заодно к своей истории?! — Я молчу, догадываясь, что он не в духе, на кого-то из нас сильно сердится. Сейчас он выговорится, только нельзя раздражать его неумными и неуместными возражениями. — Да вот, двое рабочих казахов из Карсакая дошли до самой Москвы. Они донесли до ушей нашего любимца-вождя, что мы представили к ордену байского сына, значит, доказав ему, что в Казахстане все еще сохранилась и продолжает действовать солидарность бывших эксплуататорских элементов!.. Видишь, как вы, а?! И товарищ Сталин сегодня ночью звонит мне, делает замечание, что у нас сильно хромает политическая бдительность и заметна терпимость к классовым врагам социализма. Ясно? Теперь я должен наказать тех, кто представил Сатпаева к этой блестящей побрякушке...

— Левон Исаевич, как же так, благодаря усилиям инженера Сатпаева уже идет в Жезказган железная дорога, а сколько еще добрых, замечательных дел совершил он. Разве об этом не знает Иосиф Виссарионович? — говорю я в сильном недоумении.

Но Мирзоян, махнув рукой, с досадой сказал:

— Меня удивляет здесь одно: откуда узнали эти рядовые рабочие из далекого Жезказгана, что мы, члены бюро ЦК КП(б) Казахстана, представили замечательного инженера к награде? Откуда, спрашиваю тебя, дорогой Габит?.. Значит, кто-то из нас информировал их, надоумил тех белсенди, чтобы они донесли тому, кому надо? И, наконец, кто же их донос постарался довести до ушей самого вождя?

Теперь и я задумался. Мое прежнее возмущение сменилось вопросами. Первый секретарь знал больше, но не все договаривал. Однако для меня кое-что прояснилось: очевидно, инициатором этого дела был сам Ежов, тогдашний нарком НКВД СССР, который в 20-е годы работал секретарем Семипалатинской партийной организации, хорошо знал многих казахских деятелей того времени, и он теперь с

помощью своих местных службистов явно желает насолить кому-то из этих людей, а возможно, слишком быстро ставшему признанным лидером в Казахстане самому Мирзояну; в таком случае любая осечка в его работе становилась козырем, и Сатпаева, его знатное байское происхождение использовали как компрометирующий факт...»

Каныша Имантайулы все-таки выручали производственные дела, хотя темпы разведки значительно замедлились, но фронт ее понемногу продвигался вперед. В тот тревожный и напряженный год ему пришлось раза два съездить в Москву, чтобы добыть средства для поддержки уже на ладан дышавших буровых станков. И каждый раз начальник ГРК старался пожить там подольше, иной раз месяцы. К своему удивлению, он не раз задумывался о том, что ему не очень-то хочется ехать домой: там — полная неизвестность, ждешь, когда за тобой придут; а здесь — никто тобой вроде бы не интересуется, живи сколько хочешь... Однако интересы дела требовали возвращения и личного присутствия главного разведчика недр в Улутау, и он с тяжелыми думами ехал в Жезказган...

Кроме того, терпевшие бедствие семьи братьев также с надеждой ждали его совета, помощи. У Абикеев Зеинулы было шестеро детей. Благо самая старшая Райхан к тому времени успела закончить медицинский институт и уже училась в ординатуре. Вторая дочь его, Раушан, училась в Ташкенте, тоже в медицинском институте, в то время называвшемся Среднеазиатским. Остальные дети ходили в школу. Семья Абикеев пока продолжала жить во Фрунзе, надеясь на возвращение главы очага. Убеждать их вернуться в Казахстан никто из близких людей не смел, да и некому было туда ехать. От Абдикарима Жаминулы остались двое сыновей, они с матерью Уминой бедствовали в Караганде. После ареста Газиза Имантайулы с кучей детей терпела мытарства под Омском и семья брата. Там же жила и Шарипа с двумя его детьми. Из почти десяти человек семьи брата она лишь одна работала учительницей начальной аульной школы.

Прикинув так и эдак, Каныш отправил Ханену, старшую дочь Газиза, жившую у них в Карсакпае, на Ачисайский рудник, где начал свою производственную службу Галимтай Сатпаев. После окончания средней школы он в 1931 году поступил в Среднеазиатский госуниверситет (САГУ) на геолого-разведочный факультет, но там ему не повезло, кто-то из

сокурсников настучал, что он байского корня, его исключили из комсомола и отчислили из университета. Тогда же Каныш Имантайулы сумел устроить его в Ленинградский горный институт. И он как раз к 37-му году успешно окончил это учебное заведение. Настала пора и Галимтаю Газизулы, представителю третьего поколения образованных Сатпаевых, показать, на что он способен. Так и было написано в письме, которое привезла брату Ханен... Месяца через два он окольными путями отправил весть из Фрунзе, что задание своего любимого Агатая выполнил с честью: перевелся из Ачисая в Кыргызстан, устроившись здесь в геологическое управление по специальности, и взял на себя всю заботу о семье Абикея-ага...

Во Фрунзе Г.Г. Сатпаев работал до 1939 года, пока молодого инженера не призвали в армию. Он принял участие в советско-финской военной кампании, затем с первого дня до последнего — в Великой Отечественной войне, вернувшись, стал работать в геологоразведке, специализируясь на разведке золота. Ему везло в поиске. Открыл несколько месторождений в Кыргызстане. Так что в процветание здешней золотой промышленности, можно сказать, внес свой вклад второй геолог, вышедший из клана Сатпаевых.

А в Караганду, где проживала семья Абдикарима Жаминулы, пришлось ехать самому Канышу Сатпаеву. Повод для поездки не пришлось даже выдумывать: очередная сессия, состоявшаяся осенью того же года, послужила поводом для депутата областного Совета, чтобы побывать в доме бедствующего брата. Оказалось, заботу о его семье целиком взяли на себя родственники Умины. Чтобы было и им легче, Умина со старшим сыном Тлеубеком переехала в Акмолу, а младшего Укибая забрал в Баянаул на воспитание Акимтай Жаминулы, младший брат Абдикарима, который продолжал жить на старом зимовье рода Сатпаевых...

Было труднее с близкими, бедствующими под Омском. Но ему опять повезло: он получил приглашение на открывающийся в Москве XVII геологический конгресс; это и послужило основанием, чтобы местное отделение НКВД дало разрешение на очередную долгую отлучку.. Конечно, он сумел окольными дорогами по пути в Москву заехать в Омск, а там уж глубокой ночью постучаться в окошко дома родичей. Его неожиданный приезд к ним на сей раз оказался так же кстати, как и тот, когда он без предупреждения в 32-м году появился в голодающем ауле в Аккелинских

горах. Он привез им не только деньги, но и утешение! Бедствующие близкие наконец утерли слезы после беспрестанного плача по исчезнувшему отцу. Каныш же жил у них тайно, строго-настрого запретив детям рассказывать о его приезде, и сам не выходил из дома, даже окна в те дни держали закрытыми. Прожив так целую неделю, успокоив своих, опять же ночью Каныш незаметно отправился в дальнюю дорогу.

Подводя итоги, можно сказать, что местному НКВД, явно желавшему пополнить численность «разоблаченных» еще одним Сатпаевым, притом наиболее известным, не удалось осуществить свой кровавый замысел.

III

Терпения Каныша Имантайулы хватило лишь на один год. Ведь страдали интересы Жезказгана! Тем более что в Главмеди, в новом главке ему уже не мекнули, что средства на 1938 год будут урезаны и, возможно, контору вообще прикроют, опять преобразовав ее в маленький отдел при комбинате. К тому же темпы строительства нового Жезказгана опять замедлились, лишь на трассе железной дороги Балхаш—Жезказган шла напряженная работа. Надо было срочно что-то предпринять.

И Каныш Имантайулы решился. В начале января 1938 года он направил письмо на имя первого секретаря ЦК КП(б) Казахстана Н.А. Скворцова (Л.И. Мирзояна, снискавшего всеобщую любовь казахстанцев, отозвали в конце 37-го года в Москву и расстреляли, объявив «врагом народа») и наркома тяжелой промышленности СССР Л.М. Кагановича, где, подробно рассказав о значении Жезказгана для страны, изложил историю его разведки, а также тогдашнее состояние строительства. Разумеется, были остро поставлены все наиболее важные вопросы, накопившиеся за последние годы.

Москва откликнулась на это письмо гораздо быстрее, чем Алматы. В начале февраля директор Карсакпайского завода Гулин и Сатпаев были срочно вызваны в наркомат. Оказалось, что вызваны также руководители Казсовнаркома, Главмеди и Госплана СССР. В ночь на 13 февраля всех приглашенных принял новый нарком. Заседание проходило в кабинете, знакомом Канышу Имантайулы со времени встречи с его прежним хозяином. Может быть, поэтому он чувствовал

себя вполне раскованным, несмотря на то, что успел наслушаться рассказов о тяжелом и нетерпимом характере Кагановича. Заседание проходило на этот раз в необычной обстановке: во-первых, вызванных пригласили в кабинет где-то около часа ночи; во-вторых, Лазарь Моисеевич не посчитал нужным здороваться, быстрыми шагами подойдя к длинному столу, где уже расположились участники ночного заседания, сразу же без всякого вступления начал распекать одного за другим; в-третьих, так, стоя, он заставил отчитаться каждого о проделанной конкретной работе по своему ведомству со дня подписания предыдущего приказа наркома по Жезказганскому комбинату...

Выступавшие москвичи, чувствуя расположение Кагановича к жезказганцам, говорили самокритично, признавая громадное значение нового комбината для народного хозяйства, они обвиняли своих предшественников в волоките и вредительстве. Наверное, боясь окрика жесткого наркома, тут же чуть ли не клятвенно обещали в ближайшее время исправить допущенные предшественниками промахи. Единственным утешением, скорее, соломинкой для утопающих, было выступление начальника управления по строительству железной дороги. Он заявил, что дорожники готовы выполнить свое обещание в срок и даже раньше установленного времени пустить первый поезд по трассе Балхаш—Жезказган, если наркомат финансов выделит необходимые субсидии...

Вслед за ними Каганович заставил подняться председателя Казсовнаркома. И он, признав допущенные казахстанским правительством оплошности, по примеру москвичей, все это объяснил вредительством своего предшественника, который уже разоблачен бдительными органами ОГПУ. Но тут не выдержал хозяин кабинета, резко бросив карандаш, который держал в руке, он ударил кулаком по столу:

— Хватит! Вредители уже наказаны и нечего теперь списывать свои грехи на них! Вы, дорогой товарищ, скажите мне: что конкретно сделано по Жезказгану и что нужно, если знаете?!

Растерявшийся казахстанец, невнятно объяснив в который раз замедленный темп строительства отсутствием внимания со стороны планирующих и вышестоящих организаций, затем с дрожью в голосе признался, что не успел изучить обсуждаемый вопрос, потому что только недавно назначен на эту должность. Потом уж, как бы ожидая подмоги, с на-

деждой взглянул в сторону жезказганцев, которые сидели на самом дальнем краю длинного стола.

Словом, пока никто толком не мог объяснить создавшегося критического положения в Жезказгане; и ничего не было сказано, как помочь большому строительству в далеком, пустынном краю...

Каганович, сняв очки, пристально, с каким-то свирепым ожесточением глянул в сторону пока молчавших жезказганцев, будто бы спрашивая: «Кто из вас смелый, кто мне доложит истинное положение дел?..» Каныш Имантайулы коленом подтолкнул рядом сидевшего директора Карсакпайского комбината. Комбинат вышел в прошлом году крупным должником по черновой меди. И Гулин только и думал, как выкрутиться, если вдруг нарком начнет разносить его за это. Наверное, потому он трусливо опустил голову еще ниже, явно не замечая своего сослуживца.

Вдруг Каныш Имантайулы услышал свою фамилию. Лазарь Моисеевич, водрузив на нос свои очки, взял в руки несколько листков из папки, лежавшей перед ним, и стал про себя бегло читать. Затем карандашом указав в сторону Сатпаева, сказал:

— Что вы здесь написали, не нужно повторять. Доложите свои соображения: почему застопорилось это дело и что надо делать для исправления такого вопиющего провала! И точка!

Участники заседания ждали выступления жезказганского геолога с трепетом, потому что знали, что именно он инициатор необычного ночного заседания. Ждали, что он встанет и назовет поименно всех, кто тормозил, отказывая в средствах для развития уникального месторождения. Ждали и боялись, сами ли выйдут из этого кабинета или под конвоем, как нередко случалось под этими сводами.

— Я понимаю положение руководителей Главмеди: всем надо уделять внимание; в стране строятся десятки заводов цветной металлургии, и всем надо хотя бы по чайной ложке выделять средства; и потому не очень завидую им в этой роли справедливого распределителя «всем сестрам — по серьгам», — начал Сатпаев. — Но я совершенно не разделяю позицию, согласно которой бывший Главцветмет, ныне Главмедь, играет роль доброго дяди, а не хозяина, жаждущего быстрого результата, чтобы встать на ноги и быть истинным распорядителем своего огромного владения. Назову всего несколько пунктов на карте страны: Рудный Алтай, Алмалык, Норильск, в Центральном Казахстане —

Коньрат и Жезказган. В этих местах сосредоточено чуть ли не девяносто процентов всех запасов свинца, меди, никеля, цинка и других цветных металлов, так нужных для развития всей промышленности страны. А в нашем Жезказгане — половина всех запасов меди Советского Союза! Это очевидный факт! Раз так, следовало ожидать, что руководство Главка сосредоточит свое внимание на этих районах, выделяя средства и фонды для быстрого завершения строящихся там объектов. Но этого пока не случилось, их вольно или невольно приравнивали ко всем небольшим рудникам и заводам, где добываются и выплавляются цветные металлы. Ну что вы можете взять с нашего Карсакпайского заводика или со старого Блявы на Урале? Увеличив их производительность даже в два раза — вы увеличите выплавку меди по стране на два процента, а результат, как говорится, что кот наплакал...

Очевидно, беспристрастная критика казахстанского геолога задела за живое начальника Главмеди, тем более коллега бил в больное, уязвимое место.

— Будьте же справедливы, товарищ Сатпаев! В Балхаше мы строим завод-гигант на сто тысяч тонн меди в год! — попытался Захаров парировать (предыдущего начальника Главка Шахмурадова и генерального директора «Балхашстроля», прежнего любимца И. Сталина — Иванова уже не было в живых, их также причислили к «врагам народа»).

— Не мешайте высказаться товарищу! Вы же сами здесь не додумались до этих вещей, он дело говорит! — прервал Каганович того, постучав карандашом по столу.

Всем ясно стало, что нарком явно на стороне Сатпаева. А Каныш Имантайулы, вдохновленный этой неожиданной поддержкой, стал высказываться еще откровеннее:

— Не лучше ли силы и средства вложить в Алмалык и в Жезказган, построив там гиганты, затем быстро перейти к строительству Норильского и других перспективных комбинатов. — Сатпаев завершил свою мысль такими словами: — А причина замедления строительства Большого Жезказганского комбината — в пренебрежительном отношении некоторых товарищей к этому архиважному делу...

— А что конкретно сделано на строительной площадке? — спросил Каганович, в упор глядя ему в глаза.

Каныш Имантайулы не очень хотел касаться этого вопроса, зная, что там фактически ничего не сделано. И теперь под грозным взглядом наркома требовалось признаться во всем откровенно, без утайки.

— На засыпке плотины время от времени работает один трактор, а туда скорее нужен экскаватор, притом не один! Площадка, где должен строиться медеплавильный завод, отмечена флажками, туда завезен камень для фундаментов. Построены четыре жилых домика для рабочих. Вот и все, что там пока сделано, — ответил геолог.

— А здесь в справке указано, что запланированные работы выполнены на пятнадцать процентов. Кому верить — вам или этой бумаге?

— Не знаю, как вам точнее сказать, Лазарь Моисеевич. Не хочу врать, я был там дней десять тому назад, если только за прошедшую неделю не произошло чуда...

— Все ясно, садитесь.

К удивлению присутствующих нарком не стал далее хлестать виновных в волоките, взяв из папки листки, стал читать: *«Мы будем строить Большой Жезказган по очередям: сперва построим его первую секцию на 25 000 тонн меди, затем вторую секцию и т. д., пока не доведем полной мощности комбината до цифры, указанной в приказе товарища Серго. Так осваивать будет и легче, и эффективнее для народного хозяйства СССР. Одновременно со строительством Большого Жезказганского комбината необходимо расширить путем некоторой реконструкции... мощность уже действующего Карсакпайского завода, удвоив ее против современного уровня»**.

О событиях, жизненно важных для жезказганцев, произошедших в те дни, в одном из писем Канышем Имантайулы сказано следующее: *«Нарком поручил новому начальнику Главмеди товарищу П.А. Захарову в недельный срок разработать и представить ему на подпись проект соответствующего приказа по Наркомтяжпрому СССР. Неделя эта прошла в напряженных расчетах и составлении плана работ, причем позиция моя и Гулина по ряду основных вопросов оставалась непримиримой. Начальник Главмеди товарищ Захаров находился в явном колебании и решил передать наш спор на личное рассмотрение наркома. Через неделю, ровно в назначенный час, мы вновь были у наркома. Внимательно выслушав сжатый доклад тов. Захарова, а также мнение мое и Гулина, Лазарь Моисеевич сказал: «Мы верим Сатпаеву, как геологу-энтузиасту Жезказгана. Надо принять его вариант. А тебе, Гулин, ставлю задачу — выполнить без колебания и кивков на*

* Эти слова наркома нами заимствованы из письма К.И. Сатпаева к И.В. Сталину, датированного 20 января 1952 года.

кого-то мой приказ по Жезказгану. Имей в виду, что это у тебя последняя возможность оправдать себя перед партией и народом. Если сорвешь приказ — пеняй на себя». На прощание Лазарь Моисеевич поручил мне со всей интенсивностью продолжать разведку Жезказгана («Деньги, сколько нужно, дадим»)...»

(Очевидно, Гулин не справился с возложенными на него непосильными задачами, осенью того же года Гулин за развал работы и невыполнение приказа наркома был снят с поста директора. С санкции наркомтяжпрома Л.М. Кагановича, наркомвнудела Л.П. Берия и секретаря ЦК КП(б) Казахстана Н.А. Скворцова Виталий Степанович Гулин в декабре 1938 года был арестован. Приговорили его к расстрелу за вредительство, но он чудом остался жив. Отсидел в лагерях ровно 15 лет, освобожден лишь в 1952 году. Позднее реабилитирован. Умер в Магадане в 1965 году.)

Тогда же был подписан новый приказ о Жезказгане, где указывались точные сроки завершения прокладки железной дороги, строительства комбината, теплоэнергетической централи, всех коммунальных хозяйств городской службы и жилых домов... Отдельным пунктом оговаривалось выделение больших сумм для геологоразведки. В мае того же года жезказганцы снова были вызваны в наркомат тяжелой промышленности, в кабинете наркома опять состоялось обсуждение хода строительства Жезказганского комбината. Эти заседания, проведенные лично наркомом, возымели действие.

Геологоразведчики Жезказгана в том же году снова вышли победителями Всесоюзного социалистического соревнования: имена Егизека Байсалбаева, Халыка Темирбаева, Ахмедии Толекбаева, Дузена Унчебаева и многих других гремели на всю страну; именно они оказались первыми, применившими в ударном бурении большие массы дробильных шаров, освоившими новый ускоренный метод в колонковом бурении; к ним стали приезжать мастера издалека — с Кольского полуострова, Урала, Украины — чтобы учиться новым методам...

Городок геологов, выстроенный в местечке Таскудук, все больше приобретал черты современного рабочего поселка. Начала осуществляться и давняя мечта Каныша Имантайулы

о расширении поисковых работ в прилегающих к Улугтау районах.

В 1939 году жезказганские геологи в очередной раз провели подсчет запасов разведанного сырья по Жезказгану. ЦКЗ утвердила эти данные. Более того, председатель ЦКЗ обратился с письмом к народному комиссару цветной металлургии СССР (слишком громоздкий для управления Наркомтяжпром осенью того же года разделили на несколько отраслевых наркоматов) А.И. Самохвалову, в котором говорилось: *«ЦКЗ считает необходимым отметить выдающуюся работу коллектива работников Жезказганской ГРК треста Цветметразведки и ее руководителя, геолога Сатпаева, который, беспрерывно работая в течение 15 лет в ГРК, изучая геологию этого района, сумел организовать работу так, что за 15 лет разведанные запасы увеличились в 457 раз». И далее: «...Всем этим беспримерным в истории нашей геологоразведочной службы достижениям ГРК мы в значительной степени обязаны плодотворной работе в Жезказгане инженера Каныша Имантаевича Сатпаева, сумевшего столь успешно организовать и провести эту работу. ЦКЗ считает необходимым работу геолога К.И. Сатпаева оценить и должным образом отметить, а также популяризировать опыт его работы в Жезказгане, которая может служить образцом для всех геологоразведочных контор Цветметразведки и для всех вообще работников рудничной геологии».*

В бесконечном сражении за Жезказган супругам-геологам недосуг было думать об отдыхе. Все личное, не касающееся работы, они сознательно отодвинули на второй план. Теперь, выиграв главные бои и уже ощущая плоды победы, Сатпаевы могли подумать о передышке...

Впервые за последние шесть лет Каныш Имантайулы взял отпуск, и супруги отправились на южный берег Крыма. Это было летом 1938 года. «Только там он почувствовал, как устал, и мы прожили в Крыму около двух месяцев, наслаждаясь величием и видами моря во всех его проявлениях...» — вспоминала Таисия Алексеевна. Ей удалось позднее еще раз уговорить мужа съездить в дом отдыха «Аксай», вблизи Алматы. Вот и весь отпускной период Сатпаевых за столько лет жизни в Карсакпае. Разумеется, их совместная жизнь не исчерпывалась бесконечными геологическими маршрутами или пятнадцатичасовой изнурительной работой в кабинетах. Случались дни блаженного ничегонеделания. Летом Каныш Имантайулы иной раз устраивал Таисию Алексеевну с детьми на отдых в отрогах Улугтау, в юртах знакомых, где были в

изобилии чудесный кумыс, свежее мясо, удивительной густоты и вкуса айран*. А как запоминались прогулки по окрестностям, во время которых они собирали землянику, впитывали в себя чудесный аромат арчи, растущей на склонах гор. Иногда делала вылазки и на большие расстояния, чтобы попить ключевой воды.

Глава очага не унывал, даже если дни отдыха приходились на плохую погоду. Тогда он облюбовывал старый диван, стоявший в столовой, садился на него со старой домброй, привезенной из родного аула, и часами наигрывал на ней казахские мелодии. Иногда звучали веселые наигрыши, сопровождаемые пением. Притом он исполнял исключительно баынаульские песни.

Если же погода позволяла, он брал дочерей — старшую Ханису и младшую Меиз — и вместе с ними уходил на склон сопки напротив завода кататься на салазках. Детей он очень любил, баловал, из Москвы обязательно привозил полные коробки игрушек. Однажды даже уговорил летчика из Жосалинского авиаотряда, с которым летел в Карсакапай, привезти небольшую елку. Сколько было радости для всех детей рабочего поселка в те новогодние дни!

IV

В начале 1939 года вступила в эксплуатацию железная дорога Жезказган—Жарык, соединившая между собой три промышленных гиганта Центрального Казахстана: Караганду, Балхаш, Жезказган. Караганда давала стране коксующийся уголь, Жезказган — отменную медную руду, а Балхашский комбинат выплавлял медь (из-за войны строительство Жезказганского медеплавильного завода было отсрочено на долгие годы, и только в 1974 году его пустили в эксплуатацию)... Результаты этого дальновидного инженерного решения будут сказываться в грозные годы Великой Отечественной войны, когда потребуется удесятить выпуск меди для изготовления боеприпасов.

В январе 1940 года началось устройство водохранилищ. Надо было во что бы то ни стало закончить до апреля первую очередь плотины, чтобы задержать паводковую воду. Успех всего дела зависел от окончания строительства водохранилища. Передвижная паросиловая установка, доставленная к

* Простокваша.

возводящейся плотине, работала безостановочно круглые сутки. Но землеройной техники не хватало. Тогда в работу включились рабочие руки. Строительство велось в три смены, беспрерывно.

Погода также не баловала людей, как бы испытывая на прочность покорителей пустыни. В тот год весна пришла рано, и снег растаял на месяц раньше обычного. Для жезказганцев наступили самые ответственные дни. Партийная организация бросила клич: «Всем — на строительство плотины!» На площадку у могильного кургана Досмурзы стекались геологи, рудокопы, дорожники. Люди понимали: если не сумеют задержать нынешнюю большую воду, строительство Большого Жезказгана задержится еще на год. Работали, вооружившись кто чем — лопатами, тачками. Никто не считался со временем — дневали и ночевали на дне котлована.

18 марта неожиданно поднявшаяся вода хлынула на строительную площадку. Наступил час испытаний: ежеминутно прибывающая вода билась в тело плотины, угрожая снести ее. Несколько суток сражались жезказганцы со стихией. И самоотверженный труд увенчался победой. Плотина выдержала натиск воды, а вскоре весенняя река успокоилась.

К первому мая 1940 года вода поднялась до намеченного уровня. И теперь можно было сказать: **есть рукотворное Кенгирское море в пустынной жезказганской степи!**

В начале того же года вышло распоряжение советского правительства о передаче строительства Жезказганского комбината в систему Наркомата внутренних дел СССР. Высшие государственные мужи, очевидно, поняли, какое громадное стратегическое и хозяйственное значение имеет уникальное Жезказганское месторождение меди, о котором его неумолимый исследователь К.И. Сатпаев беспрестанно пекся один в течение последних десяти лет.

Тогда же, в начале 1940 года, Каныш Имантайулы был срочно вызван в Москву. Его принял сам нарком цветмета А.И. Самохвалов, который сказал: «Товарищ Берия, нарком внутренних дел, потребовал, чтобы толковый, знающий специалист-жезказганец объяснил им специфические местные условия работы в этих местах...» И его свели с начальником ГУЛАГа Наркомата внутренних дел СССР В.В. Чернышевым. Сатпаева там задержали на несколько дней, пока не был разработан план неотложных и самых нужных, ускоренных технических мероприятий для первоначального разворота

строительства на этом, уже ставшем первоочередным стратегическом объекте...

И вскоре Жезказганская степь заполнилась лагерями печально известного ГУЛАГа. Сюда, в безводную пустыню были согнаны десятки тысяч осужденных. В категорию «врагов народа» зачисляли всякого, кто имел непролетарскую родословную, кто ненароком выразил недовольство сталинской политикой, на кого донес сосед, «имеющий на него зуб». Кого сразу не поставили к стенке, загоняли за колючую проволоку, в забой и рудники, и клочок мерзлой здешней земли для многих стал местом вечного успокоения...

Под красным флагом, ценой неисчислимых жертв выполнялись сталинские планы. Чего скрывать теперь, ныне широкоизвестный Жезказган — и его подземные рудники, корпуса обогатительной фабрики, дороги, вспомогательные помещения, и сам город с его садами в скальном грунте, со всеми службами, и прочие коммунально-хозяйственные объекты были возведены в неимоверно сжатые сроки адским трудом арестантов, фактически превращенных в бесправных рабов.

ПРОВОДЫ

I

В 1940 году исполнилось двадцать лет со дня образования Казахской республики. В октябре были опубликованы Указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении знатных казахстанцев. В числе первых стояло имя геолога Сатпаева. За пятнадцатилетнюю безупречную работу по разведке полезных ископаемых в Улутау-Жезказганском районе Каныш Имантайулы удостоился высокой награды страны — ордена Ленина. К тому времени он стал известен не только как выдающийся геолог-практик, но и как многообещающий ученый. Еще в 1938 году он был избран членом ученого совета Казахского филиала Академии наук СССР.

Юбилейные торжества, посвященные Казахской ССР, по традиции проводились и в Москве. Президиум АН СССР решил отметить это событие специальным заседанием. Были запланированы сообщения «О развитии казахского языка», «Из истории борьбы казахского народа за независимость», «Пути развития казахской литературы». А назначить доклад-

чика по первой и основной теме юбилейного собрания «Развитие науки в Казахстане за двадцать лет» президиум просил правительство республики.

Общее собрание академии пришлось на первое ноября. За несколько дней до намеченной даты совет баз и филиалов Академии наук СССР получил телеграмму из Алматы: «С основным докладом в Москву выезжает инженер К.И. Сатпаев»...

Из воспоминаний ученого секретаря совета баз и филиалов АН СССР **В. А. УЛЬЯНОВСКОЙ** (Известия АН КазССР. 1949. № 4):

«...Хорошо помню этот хмурый ноябрьский вечер 1940 года, потому что я в тот вечер с нетерпением ждала основного докладчика из Казахстана, который почему-то опаздывал... Он пришел в конференц-зал академии буквально за несколько минут до открытия юбилейного заседания. Оказывается, только что сошел с поезда.

— Я геолог и буду говорить в основном о природных богатствах Казахстана и о возможности использования этих богатств на благо народа, — заявил мне Каныш Имантаевич, и мы быстро с ним стали развешивать карты.

— Тезисы доклада есть? — спросила я его. — Вы будете читать? Прошу, не называйте цифр. Разве только в процентах...

Он успокоил меня, что доклад им написан, и показал объемистую папку. Постепенно зал стал заполняться учеными. Мне казалось, что академики за день достаточно устали и, если неинтересно будет построен доклад, большинство из них разойдется. Но вот вечернее заседание общего собрания было объявлено открытым...»

— Прежде всего разрешите мне передать президиуму Академии наук, штабу передовой революционной науки, горячий братский привет от возрожденного казахского народа, — начал свою речь Каныш Имантайулы...

Затем он сошел с трибуны, оставив на ней свою папку, направился к карте и уже около нее продолжал свой доклад.

— По территории Казахская республика занимает второе место, а по населению — пятое в Союзе. Если говорить в сравнениях, площадь Казахстана намного больше площади, занимаемой такими государствами Европы, как, скажем, Германия, Франция, Англия, Италия, вместе взятыми...

Он оглядел зал. Конференц-зал переполнен. В первых рядах сидели самые титулованные. Он узнал Веденева, Бардина, Курнакова. А с Кассиным и Русаковым он успел поздороваться еще перед началом собрания. «Прекрасно, что именно ты, Каныш Имантаевич, приехал с докладом. Пора тебе выходить на большую арену, пора, дружище! Знай, что у тебя

немало сторонников. Мы не подведем, если ты сам хорошо постараться!..» — говорили они, поочередно пожимая ему руку.

— Хочу назвать несколько цифр, которые сразу же дадут вам представление об изменениях, произошедших у нас за двадцать лет, — продолжал докладчик, чуть повысив голос, дабы подчеркнуть важность сообщаемого. — В 1912 году в Казахстане было всего 2000 километров железных дорог, теперь общая протяженность железнодорожной сети достигла огромной цифры — 7106 километров. До революции у нас не было ни одного вуза, а ныне их в республике девятнадцать и обучаются здесь 8400 студентов. Количество учащихся во всех учебных заведениях Казахстана достигло в этом году более полутора миллионов человек. Вместо 8,1 процента до революции грамотность населения республики поднялась в 1939 году до 76,3 процента.

Сделав небольшую паузу, Каныш Имантайулы достал из нагрудного кармана клочок бумаги и назвал еще несколько цифр. Потом не спеша отложил записи в сторону, оглядел зал, как бы спрашивая: «Не много ли сухих цифр, не скучно ли вам?», взял металлическую указку в руку и, снова обратившись к карте, сказал:

— Вглядитесь, товарищи, в карту республики. Общий облик ее весьма убогий, не правда ли? В основном голые степи, равнины, изредка горы, лишь кое-где прорезаемые линиями рек. Словом, судя по этой карте, Казахстан богат лишь равнинными степями; воды и лесов у нас совсем мало, а полезных ископаемых почти нет. Не ради упрека или красного словца скажу вам: такая картина изображена не нами, а весьма авторитетными исследователями дореволюционной поры. Например, один из корифеев русской науки, географ-путешественник Семенов-Тянь-Шанский, считал казахскую степь «богатой лишь солью, весьма бедной на полезные ископаемые». А один из основателей горной науки, автор учебника «Рудные месторождения» профессор Богданович когда-то категорически заявил, что в Казахстане нет железной руды...

Сидевшие в зале заметно задвигались, зашептались.

— Если быть искренним, для Казахстана эта карта, простите за дерзость, на сегодняшний день устарела. Нынче требуется принципиально новая карта казахской земли. Только не беспокойтесь, задача эта не будет возложена на вас. С этой задачей сегодня Казахстан вполне справится сам. Ныне он

располагает квалифицированными кадрами, способными составить новую геологическую карту, дающую исчерпывающие сведения о полезных ископаемых республики. Мы, товарищи, считаем это еще одним свидетельством нашего роста.

Сатпаев сделал шаг вперед и, держа наперевес указку, заговорил неожиданно громко:

— Вы можете удивляться, возможно, даже подвергнете сомнению то, о чем я сейчас хочу сообщить. Как бы то ни было, сегодня я от имени геологов Казахстана впервые считаю нужным сделать это важное заявление. — Затем, широко проведя указкой по карте, продолжал: — Недра этой огромной территории, называемой Казахской степью, таят в себе все без исключения химические элементы таблицы Менделеева!..

В зале воцарилась мертвая тишина.

— Что еще удивительнее, все эти элементы пребывают не в случайном и разбросанном виде, но расположены большими залежами, пригодными для разработки в промышленных масштабах. Отсюда вы сами можете сделать вывод, какой потенциальной мощностью обладает «край, всего более богатый солью». А теперь обратимся к тому, как размещаются в недрах Казахстана главные элементы таблицы Менделеева... Начну свой рассказ с угля — хлеба промышленности. Его месторождения расположены в основном в Центральном Казахстане. Главной кладовой этого топлива является Карагандинский бассейн, третья угольная база страны. Площадь этого огромного угольного очага равна двум тысячам квадратных километров. В течение последних десяти лет на месте небольшого рабочего поселка с сотней полуразвалившихся лачуг вырос цветущий социалистический город. Караганда не единственная в Казахстане кладовая топлива. Ждут освоения такие месторождения, как Тенгиз-Коржунколь и Экибастуз на севере; Кендерлик на востоке, в Улутауском районе Кыякты... О том, что в Доссоре и Макате имеются запасы жидкого топлива, было известно давно, недавно там обнаружены новые запасы нефти и газа. Еще более внушительны аналогичные месторождения в районах Урала и Эмбы!

Оратор далее подробно рассказал о богатейших медных месторождениях Жезказгана, Кобырата, полиметаллах Рудного Алтая, железорудных залежах Каркаралы и Атасу, неисчерпаемых запасах фосфорных солей, найденных на территории Жамбулской области...

По реакции аудитории он видел, что доклад удался, — лица выражали заинтересованность и сосредоточенное внимание. Закончив рассказ о богатствах казахстанских недр, Сатпаев сделал большую паузу и сказал:

— Наши достижения стали возможны благодаря помощи братского русского народа, его выдающихся сынов, многие из которых сегодня сидят в этом зале, а именно: академика Обручева, геологов Кассина, Яговкина, Русакова, Гапеева, Нехорошева, Григорьева и многих других. Этот подъем стал возможен благодаря их огромной помощи, беспримерному героизму, неустанным поискам. Поэтому в сегодняшний торжественный день казахский народ шлет горячий братский привет этим замечательным людям, выражает им искреннюю признательность и благодарность!..

Множество людей — и знакомые, и те, кого он знал понаслышке, — выражали Сатпаеву свое удовлетворение и восхищение. Когда круг поздравлявших геолога несколько поредел, к нему подошли Кассин и Русаков.

— За пятнадцать лет уединения в такой глуши, как Жезказган, можно было сделаться замшелым провинциалом, — с улыбкой сказал Русаков. — Но ты превратил эту дыру в геологическую столицу Казахстана. Ты говорил с такой уверенностью, словно сам исходил всю степь вдоль и поперек, будто сам бил шурфы во всех уголках вашей степи.

Каныш ответил в тон ему:

— Михаил Петрович, Жезказган на самом деле является географическим центром Казахстана — взгляните на карту. Почему бы ему не быть столицей, для начала хотя бы геологической?

Собеседники от души расхохотались. Затем Николай Григорьевич Кассин сказал:

— Да, Каныш Имантаевич, сейчас нужно, не откладывая, решать вопрос о геологическом центре Казахстана...

Он намекал на то предложение, которое было сделано Канышу Сатпаеву накануне юбилейных торжеств. Незадолго перед тем при Казахском филиале АН СССР был организован Институт геологических наук. Правительство республики решило поставить во главе его специалиста с хорошей научной подготовкой, знающего богатства казахских степей. После долгих обсуждений было названо имя Сатпаева. Но у него не было никакой научной степени. Всего лишь рядовой геолог, начальник одной из 38 геологических служб Казахстана. А в новом институте будут работать десятки кандида-

тов, даже доктора наук. Руководство филиала высказывало сомнение в отношении предложенной кандидатуры — поговаривали, что в научном мире имя Сатпаева мало известно... Назначение его основным докладчиком на юбилейном собрании Академии наук было вызвано стремлением упрочить престиж ученого.

Доклад его превзошел все ожидания. Авторитетная и строгая аудитория слушала выступление с напряженным вниманием и высоко оценила его. Спустя некоторое время Сатпаев получил предложение президиума Академии СССР занять должность директора нового геологического института.

II

Ему уже за сорок. Хотя пятнадцать из них посвящены поискам подземных богатств родной земли, не время еще оглядываться назад, рано подводить итоги странствиям или гордиться промышленными гигантами, возведенными на местах его изысканий. Самая пора для научного творчества. И все-таки тянет еще раз мысленно обозреть пройденное...

Он перенес немало трудностей, но, если вдуматься, и достиг многого. Осенью 1926 года, когда он впервые приехал сюда, Жезказган представлял собой небольшой поселок с несколькими десятками саманных домишек, разбросанных там и сям. А теперь это настоящий городок с широкими прямыми улицами, обсаженными зеленью. И геологоразведочная контора, которую он оставляет, уже не та маленькая служба с единственным станком и несколькими техниками. Самостоятельная организация со своим подсобным хозяйством, с многочисленными изыскательскими службами, со штатом в тысячу человек.

Нелегко было расставаться с тем, что создано твоими руками. Но пришлось...

Он решил оставить во главе конторы Василия Ивановича Штифанова, хотя по возрасту и по опыту службы он уступал многим здешним геологам... На ответственной работе он всего третий год. Не худо было бы еще годик-другой присмотреться к нему, показать кое-что. Но ничего, хватка у Штифанова крепкая, дисциплинирован, настойчив в достижении цели. Не знает покоя, пока не доведет начатое дело до конца. Трудолюбив, инициативен.

Решив вопрос о преемнике, Каныш Имантайулы объехал с ним и ближайшими сотрудниками самые важные объекты, на которых работали буровики. Попутно он делился с геологами своими соображениями о дальнейших путях развития Улугау.

Исследование окрестностей Жезказгана необходимо продолжать с тем же размахом. По его мнению, рудное поле района составляет много квадратных километров. За пятнадцать лет разведана лишь треть площадей. Во многих местах не удалось дойти до больших глубин. Значит, нужно снова исследовать ранее разведанные места глубинными скважинами. Западная часть и средние участки рудного поля изучены несколько лучше, полностью очерчены их границы. А вот южная и юго-восточная части остались почти нетронутой целиной. Он советует глубже и тщательнее разведать северное направление — рудоносные участки, относящиеся к Жыландинской группе, ибо расположение рудного поля и состав руды обещают хорошие перспективы. Возможно, не всегда качество руды будет удовлетворять. Но нельзя забывать и о том, что существуют в мире рудники, где добывают руду с очень низким содержанием меди...

— Сейчас в нашей республике развивается преимущественно цветная металлургия. В этом повинны прежде всего мы, геологи. За последние годы очень много внимания и времени ушло на изыскание железных руд. Оставляю вам в наследство Карсакпайское месторождение железа, также и Атасу. Вам предстоит в ближайшие годы завершить их разведку и выступить с предложением о промышленной разработке руд перед проектными организациями.

Хотя мы соединены железной дорогой с карагандинским углем, он очень далек от нас и обходится дорого. А с развитием вашего города, с ростом его производственной базы в десятки, в сотни раз увеличится и потребность в топливе. Стало быть, оно обойдется нам еще дороже. Единственный способ сократить потери — ускорить разведку Киякты. Уголь там есть, и запасы его немалые. Трудность заключается в том, что он лежит в стороне от железной дороги. Выход из этого положения, по-моему, один — сооружение ветки Жезказган—Аральское море. А это, в свою очередь, свяжет Жезказган с центром страны; втрое, вчетверо сократится путь до железной дороги Оренбург—Ташкент. Чтобы начать такое строительство, нужно иметь крепкую сырь-

евую базу. Думаю, в этом направлении вам придется поработать.

Хочу сказать еще: в наследство вам достались золотые кадры. Когда я принимал на работу сегодняшних буровиков, почти все они были неграмотными кочевниками, понимавшими толк разве что в скотоводстве да в ловле сусликов. Но старанием и упорством они добились того, что стали отличными мастерами. Благодаря их самоотверженному труду мы добились и последние два года удерживаем звание лучшей в Союзе геолого-разведочной службы. Эти люди — моя гордость! Их я обрел в тяжелое время, прошел вместе с ними долгий и трудный путь. Они самые дорогие и близкие мне по духу люди! Я давно обещал никого из них никуда не отпускать до достижения ими пенсионного возраста. Теперь прошу вас помочь мне сдержать это слово. Не обижайте их, считайтесь с их мнениями, запросами. Обидев их, вы обидите меня!..

Теперь, пожалуй, можно и отправляться. Истек срок, который он попросил у руководителей филиала, чтобы уладить все дела в Жезказгане.

— Нет, Канеке, так нельзя, — сказали ему в бригаде буровиков, — мы не можем так просто отпустить тебя. Удели нам еще день. Вон сколько лет трудились вместе, побудь еще один день с нами. Не на работе, а на отдыхе...

III

В воскресенье утром весь коллектив геологов на нескольких машинах отправился на отдых. Они выбрали живописное место на берегу Жезды, там, где речка, сжатая горами, делала большой изгиб. Выдался ясный, безветренный день. Халык и Мырзабек — мастера-бурильщики, которые были ответственны за организацию пикника, видимо, рановато приступили к своим обязанностям. К приезду разведчиков в казане уже варилось мясо. Поставлены палатки, юрты. Их отдали женщинам с детьми. Прочие решили расположиться прямо на зеленом лугу, под открытым небом. Чуть погодя был доставлен кумыс в двух бурдюках. Не забыли захватить гармонию и домбру. Звучали казахские, татарские мелодии; они сменялись русскими песнями. Не было конца пожеланиям, просьбам, наказам. Снова и снова люди говорили о своей признательности, любви, о том, что будут скучать, что им трудно расставаться с дорогим Канышем...

И когда гул голосов, возбужденных кумысом и шампанским, достиг предела, табунщик подсобного хозяйства геологоразведки Сарымолла Болманов, по праву старшего сидевший на почетном месте, потянулся к домбре.

*Друзья мои, близкие!
Прислушайтесь к голосу моему.
Вот что я вам скажу:
Когда степной орел —
Опора и крылья наши —
Собрался оставить нас,
Желает в иные края
Перелететь, к подножию
Красавицы Алатау...*

Сидевшие вокруг притихли, услышав речитатив. Слова пожилого певца были как нельзя кстати, отвечали приподнятому настроению людей. Похоже, к сегодняшнему торжеству рабочий-акын пришел не без подготовки. Импровизировал он дольше обычного. Складно и последовательно рассказал он в стихах о жизни Каныша, о его деятельности в Жезказгане.

— Дорогой мой Каныш, сокол ты наш! Даю наказ от имени твоего народа: где бы ты ни был, будь настойчив, верен себе, своей цели. Продолжай искать и находить богатства недр. Пусть знания твои приносят пользу людям. И счастья тебе самому!..

Акын утер пот с лица, выпил кумыса и закончил импровизацию следующим речитативом:

*Взлетев с отрогов Улутау,
Лети, наш сокол, в Алатау,
Расскажи там о кладах Жезкизгана.
И покажи, чему здесь учили.
И еще закалку нашу рабочую,
Твердость нашей породы...*

Едва акын умолк, собравшиеся разом заговорили:

— Верно сказал Сары-ага! Нет ошибки в его словах!

— Точно выразил наше уважение, наши чувства к Канеке!

Каныш слушал молча, с чуть заметной улыбкой на лице. Остановив жестом возгласы одобрения, поднялся с бокалом шампанского.

— Друзья мои! Дорогие братья, геологи! — Он умолк, еле сдерживая волнение, охватившее его. — У нашего на-

рода есть мудрое изречение: «Птица взлетает с помощью крыльев, а приземляется на хвост». Если применить эту мудрость к моей жизни, то моими крыльями являетесь вы... Коллеги иногда называют меня «Счастливым джигитом»... Да, я счастлив! Счастлив не тем, что обнаружил подземные сокровища Жезказгана, а тем, что здесь встретил вас. В 1929 году, когда расформировалась партия Геолкома, я остался здесь один с несколькими техниками. Что бы я делал тогда, если бы вы не явились на мой зов?! И в тридцать третьем, когда сократили финансирование разведки, многие из вас твердо заявили: «Никуда не уйдем. Не оставим тебя!..» Да и потом, в трудные времена, что бы я сделал, если бы не чувствовал вашей постоянной поддержки? Нет, друзья! Вы глубоко ошибаетесь, если разделяете мнение Сары-ага, что я один разыскал ключ к богатствам Улутауской земли. Я был силен вашей помощью, преодолевал трудности, потому что вы всегда были со мной. Поэтому я сегодня с полным основанием говорю: вы — мои крылья, моя опора!..

Некоторые из старых разведчиков уже вытирали слезы, многие готовы были последовать их примеру. Люди почувствовали, что пришла минута расставания.

Сделав паузу, Каныш неожиданно повысил голос:

— Нас, людей разных национальностей, подружил, сроднил Жезказган. Поэтому, друзья, мой прощальный тост — за великую землю Улутау, за тот трудолюбивый народ, что в течение многих веков обитал на этой земле, за светлое будущее Большого Жезказгана, за вас, истинных первооткрывателей его богатств, моих дорогих, самоотверженных друзей-разведчиков! — Сказав это, он пошел по рядам, чокаясь с одними, обнимаясь с другими, целуясь с третьими. Затем плеснул несколько капель шампанского на землю, остальное выпил до дна...

Когда машина, в которой возвращались супруги Сатпаевы, остановилась у крыльца их дома, Каныш увидел тещу — она стояла, прислонившись к стене, взволнованная. Вид у нее был удрученный.

— В чем дело, мать? Почему невесела?

— Беда, беда-то какая! — ответила она неожиданно резко. — Вы что, ничего не слышали? Германия напала на нас. Война!..

Из воспоминаний Т.А. САТПАЕВОЙ:

«Наступил первый день Великой Отечественной войны. Эта новость затушевала все личное.

Через несколько дней, окончательно попрощавшись с Жезказганом, выехали на станцию Жосалы, связывающую Жезказган с большой жизнью страны. Тревожным был этот переезд Каныша Имантаевича на новое место работы. Эти тревоги и заботы складывались, конечно, прежде всего из состояния войны нашей страны и большой ответственности каждого из нас перед своей Родиной в столь грозный для нее час. Эта ответственность призывала к жизни все силы, всю энергию, весь творческий дух на мобилизацию всего возможного, что могло быть полезным в это тяжелое время. В полной мере понимая неотложные задачи, Каныш Имантаевич видел все трудности предстоящей работы, всю ее сложность. Новый, малознакомый коллектив с какими-то своими направлениями, новые организационные задачи, новые неотложные дела.

С переходом на работу в 1941 году в Казахский филиал Академии наук СССР со свойственной ему неутомимой энергией подошел Каныш Имантаевич к открытию новой страницы в своей деятельности — созданию науки в Казахстане».

часть третья

ВЕРШИНЫ

«Республика наша таит в себе природные сокровища под стать ее безбрежным просторам. Богатейшее будущее заложено в ее недрах, и разумное их использование определит материальное благосостояние и культурный уровень народа. Его экономическое и социальное развитие...»

*Академик К.И. САТПАЕВ,
1958 год*

«И с высоты нынешних времен я убежден в том, что казахстанской науке исключительно повезло. Повезло потому, что созданием ее структуры занимался именно САТПАЕВ. Ему было дано видеть далеко, а его добросовестность не позволяла заниматься любыми делами спустя рукава. Так бывает, когда в переломные моменты истории возникает потребность в появлении на авансцене событий выдающихся личностей, которые берут на себя всю полноту ответственности за судьбу Отечества. Таким и был КАНЫШ ИМАНТАЕВИЧ, провидение которому доверило опережать свое время на много лет вперед...»

*Академик НАН РК Ш. ЧОКИН,
1992 год*

«Принципы и методы составления металлогенических карт, а также разработанный Сатпаевым комплексный метод металлогенического анализа опередили геологическую науку на пятьдесят лет и актуальны до настоящего времени...»

*Академик РАН Н.А. ШИЛО,
Москва, 1999 год*

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА

I

В Алматы прибыли в ночь на первое июля. Столичный вокзал, так же как все станции, которые они проезжали, был забит людьми. Прошло лишь десять дней с начала войны. Страна поднималась на бой с ненавистным врагом. День и ночь кипела работа в тылу, день и ночь шла кровавая страда на фронтах...

На следующий день Сатпаева вызвал к себе секретарь ЦК Компартии Казахстана Габдолла Бузурбаев.

— Институт геологических наук ваш, — сказал он, — но руководство Казахским филиалом Академии наук СССР тоже придется осуществлять вам. Не удивляйтесь, Каныш Имантаевич. Время такое. Академик Григорьев по-прежнему остается председателем президиума. Он живет в Москве и вряд ли сможет непосредственно руководить филиалом... Так что без возражений принимайте все дела и приступайте. Нынче все мы работаем за двоих, придется, будем и за четверых.

В другое время Каныш Имантайулы, может быть, возражал бы против такой нагрузки: руководить только что организованным институтом, да еще КазФАНом, который призван направлять всю научную мысль республики! Но сейчас времени на размышления не было. Тот же Бузурбаев еще вчера был заместителем академика Григорьева. А сегодня уже секретарь ЦК вместо отправившегося на фронт идеолога. На войне как на войне!

Он помнил, как год назад проверяла работу Казахского филиала объединенная комиссия президиума АН СССР и ЦК КП Казахстана. Оценка была дана неудовлетворительная: не выполняется план по основным научно-исследовательским темам, слаба связь с промышленными и сельскохозяйственными объектами; не созданы надлежащие условия

для воспитания местных национальных кадров – из 22 аспирантов только два казаха... Словом, филиал не сделался подлинным центром научной мысли республики... И сектор геологии работал куда хуже, чем следовало ожидать. План исследований был выполнен лишь на пятьдесят процентов. Дело дошло даже до обмана: например, исследовательская тема «Использование сланцев как топлива» была представлена начатой; на самом деле к ней даже не приступали, а закупленное оборудование, брошенное под открытым небом, за это время пришло в негодность...

«Впервые я увидел К.И. Сатпаева на заседании СНК Казахской ССР в 1940 г., когда слушался отчетный доклад руководителей Казфилиала АН СССР, в котором я сам начал работу летом 1937 г., – писал позднее казахстанский академик Н.В. ПАВЛОВ. – После неожиданной смерти в 1939 г. председателя президиума КазФАНа, известного геолога, академика А.Д. Архангельского, руководство филиала, дела которого шли из рук вон плохо, все еще не могло стабилизироваться. Из Москвы от Академии наук СССР наезжали бесконечные комиссии, обследовавшие состояние филиала, и без малейшего труда констатировали его печальное положение.

Рядовые сотрудники разбегались, как с тонущего корабля... И вот после пространного доклада ученого секретаря филиала, из всех сил старавшегося представить дела в самом радужном свете, выступил и Сатпаев, содокладчиком. Он говорил жестко, но справедливо, критикуя беспорядки, воцарившиеся в филиале. Будто свежий ветер повеял в нашу затхлую, пропитанную интригами атмосферу, и все присутствовавшие на заседании сотрудники КазФАНа повеселели и ободрились. Сатпаев говорил, что филиал нужен, что он должен быть центром науки в Казахстане, но занять это положение он может только при деловом и разумном руководстве, значительном усилении кадров и четкой, оперативной работе, которой пока что-то не видно».

Тогда же Совнарком республики, приняв рекомендации объединенной комиссии, сменил руководство филиала. Каныш Имантайулы был введен в состав научного совета филиала. Не прошло и года, как он назначен сюда на работу. Новое руководство филиала и его ученый совет, разумеется, не сидели сложа руки. Но в столь тонком деле, как организация науки, много ли можно успеть за такое короткое время? Теперь же необходимо добиться повышения эффективности исследований в кратчайший срок. Этого требуют нужды войны.

Необходимо отрешиться от представлений мирного времени, отказаться от занятий чистой наукой. «Например, –

говорил Сатпаев, — сектор ботаники на время может приостановить свои фундаментальные исследования, временно заняться поисками лекарственных трав. Или найти виды растений, нужные для обороны. Агротехники занялись бы составлением почвенных карт республики. Ведь уже в будущем году предстоит в несколько раз увеличить посевы зерновых. А зоологи должны включиться в это дело в ближайшие дни — дать правительству республики необходимые рекомендации по резкому увеличению фондов мяса и пушнины. Ведь казахские степи богаты этими дарами природы».

«Моя первая встреча с Канышем Имантаевичем была несколько необычной и в обстановке далеко не научной. Мы познакомились в магазине, — вспоминает другой казахстанский академик И.Г. ГАЛУЗО. — Случайно оказавшись рядом, он задал мне какой-то вопрос, из которого было видно, что он не алматинец. Завязался разговор. Я узнал, что мой собеседник геолог и только несколько дней тому назад приехал в Алма-Ату. Когда собеседник, в свою очередь, узнал, что я зоолог, он широко улыбнулся и сказал: «Ну что же, может быть, вместе поедем на охоту». И тут же засыпал меня вопросами из области зоологии: какие промысловые, пушные и вообще хозяйственно полезные животные заселяют территорию Казахстана? Как развит промысел рыбы? И прочее. Я не мог понять, почему геолог вдруг так подробно интересуется зоологической наукой. Когда на следующий день я поделился со своими товарищами по работе впечатлениями от встречи с интересным геологом, кто-то мне сказал: «Так это же, видно, был Сатпаев, который приглашен руководить нашим филиалом». Прошло несколько дней, и я уже был на официальном приеме у нового руководителя нашего филиала. Беседа затянулась, помню, очень надолго. Каныш Имантаевич интересовался всеми тонкостями зоологической науки, а когда он узнал, что я паразитолог, то переключил свои интересы и в эту область... Спустя некоторое время Каныш Имантаевич беседовал с группой зоологов и ботаников, работавших в Казахском филиале АН СССР. Он говорил с каждым из нас в отдельности, знакомился с состоянием науки во всех деталях и затем, сориентировавшись, вносил свои рекомендации. Помню, однажды он нарисовал нам далекую перспективу освоения и реконструкции фауны республики. Он много говорил о рыбных запасах и, так как в то время страна испытывала затруднения в продовольственных ресурсах, ставил перед нами задачу массового изучения рыбных запасов и возможностей использования наземных позвоночных животных. В одной из таких бесед возникла мысль о реконструкции фауны и обогащении ее продуктивными животными, а также водоемов промысловыми видами. К.И. Сатпаеву очень понравились работы сектора зоологии по выведению новой породы овец — архаромериносов. К моменту прихода К.И. Сатпаева в филиал уже были получены ободряющие результаты.

Ознакомившись подробно с состоянием работ по выведению новой породы, он взял их под личное свое наблюдение и до последних дней своей жизни интересовался этим вопросом. По предложению Каныша Имантаевича Сатпаева и его представлению была образована Курмектинская база, где и продолжались работы по выведению новой породы овец».

В кабинет руководителя филиала частенько заходили и ихтиологи.

— Во всем роду Сатпаевых никогда не было рыбаков. И сам я редко держал в руках удочку. А вот теперь приходится заниматься рыбными делами, — шутил он.

Иной раз такие разговоры затягивались до полуночи, так как днем беседовать было некогда. Работы у всех по горло, а больше всех у Каныша Сатпаева. К тому же все без исключения сотрудники должны были заниматься военной подготовкой.

У Сатпаева постоянно возникали новые замыслы — то предложит зоологам снарядить экспедицию на берега Балхаша для разведения ондатры, то загорится идеей химбиологов о выделке и окраске кож с помощью вытяжки из корней местных растений.

II

Разумеется, основным его делом оставалось руководство Институтом геологических наук, который тогда располагался в небольшом двухэтажном особняке на улице Виноградова, в бывшей канцелярии архиерея, там же, где и все отделения филиала. Было тесно, но никто не роптал. Ведь в институте было пока лишь 25 научных сотрудников (только четверо из них были кандидатами наук). Теперь предстояло расширить штат, усилить научные секторы и заново укомплектовать химлабораторию. Для Каныша Имантайулы, прежде руководившего большой разведочной конторой, все это не составляло особого труда. Но здесь, как и в Жезказгане, все надо было начинать почти с нуля. От подбора кадров до строительства здания института...

До 1920 года недра казахской степи изучались разного рода выездными экспедициями. Они разведали немало полезных ископаемых. Однако ни одна из них не могла дать всеобъемлющего геологического описания огромного региона. Не было поэтому и достоверной геологической карты республики. А та, что была составлена

в давние времена, обходилась только тремя цветами. На языке геологов это означало, что данная местность является в отношении полезных ископаемых бедной.

Создание крупных промышленных трестов, таких, как Карагандауголь, Эмбанефть, Алтайполиметалл, Атбасцветмет, и организация при них постоянных геологических отделов открыли новые возможности для детального изучения недр Казахстана. В 1931 году в Алматы был учрежден Казахский геологоразведочный трест. А к началу Великой Отечественной войны в Казахстане планомерной геологической разведкой занимались, кроме республиканского геологического управления, еще тресты Казцветметразведка, Алтайцветметразведка, Казуглеразведка, Казнефтеразведка и геологические отряды или конторы при крупных промышленных комбинатах — всего 38 организаций. В количественном отношении это была самая многочисленная геологическая служба Советского Союза. И в качественном отношении ее кадры не уступали специалистам из центра. В одном лишь Геологическом управлении работали такие известные на всю страну геологи, как Г.Ц. Медоев, Р.А. Борукаев, А.Г. Гакоев, Б.И. Вейц и другие. Многие из рудных залежей, разведанных казахстанскими геологами, стали к тому времени сырьевой базой вновь возведенных крупных промышленных объектов, еще большее число их находилось в стадии детальной разведки. Словом, человек, взглянувший в те годы на карту Казахстана, увидел бы, что она вся испещрена значками, обозначающими буровые вышки и палатки разведчиков недр.

Увеличение числа объектов изысканий, приведшее к резкому росту количества геологических кадров на местах, имело своим следствием и возникновение центров научной мысли на периферии. Какими бы сильными, эрудированными ни были специалисты из центра, они слабо знали недра Казахстана. Поэтому заезжие консультанты нередко выносили ошибочные заключения (вспомним долгий спор о Жезказгане). А геологи с мест старались доказать противоположное. И это постоянно рождало бесконечные споры, разраставшиеся в большие конфликты. В результате страдало дело, разработка некоторых перспективных месторождений задерживалась на много лет. А время требовало оперативных решений.

Словом, давно ощущалась потребность в едином геологическом научном центре в Алматы, который мог бы обобщать результаты практической деятельности разведчиков и направлять ее.

Казахский институт геологических наук (КазИГН) фактически был создан для этих целей. Тогда же сюда пришли видные геологи Р.А. Борукаев, И.И. Бок, Г.Ц. Медоев,

Е.Д. Шлыгин, М.П. Новохатский, Г.Л. Кушев. Они решили совместить практический изыск в геологических трестах и управлениях, а также учебно-педагогическую деятельность в Казахском горно-металлургическом институте с систематической научной работой.

Только что основанному учреждению пришлось с ходу перестраиваться на военный лад, организовывать всю свою исследовательскую работу с учетом нужд обороны страны. По мысли его директора, в эти дни каждая научная работа должна обернуться залпом по врагу, любое открытие, всякая разведка месторождения немедленно должны приносить практическую пользу. На землях, временно занятых врагом, осталось много производственных мощностей, сырьевых баз. Для восполнения этих потерь требуется мобилизация всех ресурсов восточных районов – Урала, Сибири, Средней Азии и Казахстана. Необходимо в кратчайшие сроки открыть и разведать новые месторождения руд. Бросить на это все силы...

В течение недели был пересмотрен исследовательский план института. Было решено приостановить несколько теоретических исследований, которые не обещали ощутимой отдачи в ближайшее время; вместо них утвердили новые, особо важные темы, нацеленные на нужды фронта.

И здесь не обошлось без сопротивления. Нашлись критики, которые тут же заявили протест против начинаний нового руководителя, тем самым открыто выразив пренебрежительное отношение к директору-практику, по их мнению, ничего толком не понимающему в академической специфике. «А чему нас может научить рядовой геолог, хотя и орденоносец?» – таков был смысл писем в вышестоящие органы.

Из воспоминаний Т. А. САТПАЕВОЙ:

«Каныш Имантаевич окунулся в работу. Показавшись дома во время обеда, немного отдохнув, он снова уезжал в институт, возвращаясь за полночь, работал по 12–15 часов в сутки... Уставший, озабоченный и непривычно молчаливый приходил он с работы. Утром с большим запасом времени выходил на работу в институт. Дойдя до бульвара Абая (ныне ул. Тулебаева), он предлагал немного посидеть в тенистой аллее, подышать прохладным воздухом, веявшим с гор. Поглядывая часто на часы, он молча набирался сил для дневных, видно, нелегких забот. Как-то не ладилась наши всегда бесконечные, оживленные разговоры, к которым мы привыкли в Карсакпае...»

По настоянию Каныша Имантайулы новый план исследовательских работ был рассмотрен на заседании Совнаркома республики и утвержден без изменений. Правительство, поддержав предложение заместителя председателя КазФАН СССР, выдало бронь многим ведущим ученым и специалистам, выделило специальный паек, а также дополнительные средства на укрепление исследовательской базы. Это дало новому руководству филиала возможности для осуществления своих замыслов. И заставило хотя бы на время умолкнуть скептиков, свысока смотревших на начинания геолога-практика. Они поняли, что его ценят в правительстве, с ним считаются, а если нужно, и поддержат...

Сатпаев не стал играть роль осторожного тактика, желающего улестить каждого жалобщика, каждого скептика. Он крепко взял бразды правления в свои руки и потребовал неукоснительного исполнения утвержденных планов: тем, кто собирался работать спустя рукава, было предложено уволиться, вместо них пригласили специалистов с производства... Этим Каныш Имантайулы продемонстрировал, что обаятельный и демократичный начальник филиала может, когда требуют обстоятельства, поступать и круто. За каких-то три месяца Сатпаев добился увеличения штата своего института втрое. Филиалу предоставили новое просторное помещение на улице Кирова (ныне Богенбая батыра), а КазИГН остался в бывшей архиерейской канцелярии. Это дало возможность фактически создать новые лаборатории и расширить секторы металлургии цветных и редких металлов, углехимии, химии минеральных удобрений и другие. Были организованы мастерская по изготовлению шлихов, лаборатория спектрального анализа.

...Однажды директор вызвал научного сотрудника института В.А. Соколова.

— Получено задание срочно изыскать ванадиевое месторождение, Владимир Алексеевич, — сказал Сатпаев. — Сроки весьма сжатые, хорошо бы найти поближе к железной дороге и для разработки открытым способом. Видите, какие жесткие условия? Что поделаешь — нужно! Зато в средствах и необходимых специалистах отказа не будет. Лишь бы быстрее это дело проверить...

Разумеется, бывалый геолог, который работал в казахских степях с тридцатых годов и хорошо знал их недра, сразу же понял сложность поставленной задачи, поэтому попросил несколько дней для обдумывания неожиданного зада-

ния. Соколов засел за карты и тщательно проверил ранее накопленные данные по некоторым перспективным районам, где были обнаружены родственные с ванадием металлы. Наконец, отметив ряд пунктов, поспешил к директору института:

— Каныш Имантаевич, пока дайте мне одного коллектора. И то на неделю. Хочу проверить одну-две точки в южном краю...

Вернувшись в Алматы, Соколов явился к руководителю ИГН:

— Разрешите доложить о выполнении вашего задания. Нашли карнотит, предполагаемое содержание ванадия не менее двадцати процентов. Можно снаряжать на станцию Шакпак между Чимкентом и Жамбылом экспедицию для проверки...

Прогноз впоследствии полностью подтвердился. После небольшой разведки начали разработку ванадиевого карнотитового месторождения. А ученый-геолог Владимир Алексеевич Соколов за образцовое выполнение правительственного задания был удостоен Сталинской премии.

Выступая перед коллективом, директор института привел в качестве примера замечательное достижение Соколова:

— Вот что значит научный прогноз. Выходит, многие месторождения можно предсказать, не выезжая на место, изучая карты и заявки. Шакпакское месторождение Владимир Алексеевич открыл, по сути дела, у себя в кабинете. Отсюда вывод: пора взглянуть на разведку по-новому и заниматься научным прогнозированием будущих месторождений в широких масштабах...

В том же году состоялся обстоятельный разговор о работе химической лаборатории института. Накопилось много жалоб из всех отделов, что слишком медленно выполняются анализы и тем самым задерживаются результаты многих исследований. Вызванный в кабинет заведующий лабораторией подтвердил обоснованность жалоб, в очередной раз сославшись на отсутствие нужных реагентов.

— Вы ищете только повод, чтобы оправдаться. А для исправления недостатков ничего не предпринимаете. Неужели не стыдно все время ссылаться на отсутствие реагентов, живя в таком городе, как Алма-Ата, — заметил Каныш Имантайулы и тут же, чтобы как-то расшевелить бездеятельного химика, рассказал об одном из эпизодов

своей службы в Карсакпае. — Однажды оказалось, что у нас кончился спирт для анализов, а время было зимнее, нужно было ждать не меньше недели, пока его доставят из Жосалы. Но работа не терпела отсрочки. Что делать? Обратились к заведующему химлабораторией комбината Иосифу Израилевичу Гехту с просьбой что-то предпринять. И он не стал ссылаться на отсутствие нужного реагента, а пошел на техсклад, взял там ящик технического лака, перегнал его и получил нужное нам количество спирта... Вот видите, что делают специалисты, когда хотят по-настоящему помочь делу. А вы мне уже в третий раз заявляете, что нет реагента...

Реакция заведующего химлабораторией оказалась неожиданной. Он поднялся с места и заявил:

— Я вам не винокур, не шинкарь, а химик и работаю в лаборатории солидного академического института, где должно быть все необходимое. Вызовите вашего хваленного Гехта и работайте с ним, — хлопнув дверью, завлаб вышел из кабинета.

В тот же день он был освобожден от работы. А вместо него действительно приехал из Карсакпая И.И. Гехт. Вскоре специалисты перестали жаловаться на задержку анализов. Химлаборатория КазИГН стала одной из образцовых.

В свой институт Каныш Имантайулы набирал людей в основном с производства, хотя они и не имели необходимых навыков для научной работы и научных степеней. Но зато у них были громадный опыт и практические знания, потому им легче было разобраться в действительных нуждах производства.

Кроме того, в те годы коллектив института еще пополнялся и за счет ученых, которые были эвакуированы в Казахстан. Одним из первых пришел в КазИГН старый приятель Сатпаева Николай Григорьевич Кассин, крупнейший знаток Центрального Казахстана. Как и в предыдущие годы, лето 1941 года он проводил на просторах Сарыарки. И когда пришла пора возвращаться в Ленинград, где он работал в штате Геолкома, оказалось, что дороги туда уже нет. И Кассин застрял на зиму в Караганде. Прослышав об этом, Каныш Имантайулы тут же отправил ему телеграмму с приглашением занять вакансию в новом институте. Так Николай Григорьевич оказался в Алматы, притом надолго. Каныш Имантайулы предложил ленинградцу работать вместе с Георгием Цараевичем Медоевым

над составлением структурной карты Центрального Казахстана. «Это нужно нам, как воздух! Вашим ответом за истерзанный Ленинград будет завершение этой работы в кратчайший срок!» — говорил Сатпаев, вводя маститого ученого в курс ответственной и сложной работы. Все было хорошо, выдающийся геолог получил возможность заниматься нужной работой, удалось обеспечить его квартирой. Одно было плохо: жена ученого Прасковья Степановна осталась в Ленинграде, и ее судьба очень волновала старого человека; порою он не мог сосредоточиться на делах. Видя это, Каныш Имантайулы обратился к члену правительства, и тот каким-то образом смог вызволить из осажденного города больную супругу профессора. Благодарный Кассин вскоре заявил директору, что мог бы взяться за подготовку из местных кадров кандидатов наук для молодого института...

Из воспоминаний Т.А. САТПАЕВОЙ:

«Николай Григорьевич был замечательным человеком в общении с людьми. Его удивительная обаятельность и простота в отношении к каждому, работающему в институте, жизнерадостность, общительность располагали к нему всех, независимо от занимаемой должности, положения.

В то же время на всякого рода геологических заседаниях, ученых советах, на защитах диссертаций он был не только высоко принципиальным, но и горячим и несгибаемым защитником своих геологических идей, где вступал, подчас, в шумный спор, который, казалось, вот-вот перейдет в конфликт. Помнится, однажды так и случилось: в возникшей жаркой дискуссии по чисто геологическому вопросу Центрального Казахстана на одном совещании между Николаем Григорьевичем и Канышем Имантаевичем, по-видимому, разговор завершился на самых высоких нотах. Назавтра Николай Григорьевич вечером пришел к нам и рассказал мне о их споре и о том, что не спал всю ночь и понял, что был не совсем прав, слишком погорячился, и просил примирить его с Канышем Имантаевичем. Я засмеялась, посоветовала ему не огорчаться, успокоиться, выспаться и завтра пойти к Канышу Имантаевичу как ни в чем не бывало, зная, что любой деловой спор никогда не вызывал у него какой-либо неприязни к людям. Через несколько дней, встретив Николая Григорьевича, спросила, как у них с Канышем Имантаевичем произошло примирение. И Николай Григорьевич рассказал:

— А Каныш Имантаевич, оказывается, на меня и не сердился. Я, придя пораньше, ждал его на крыльце института. Подходит он, увидел меня, улыбается, обнял одной рукой за плечи и говорит: «А, Николай Григорьевич, пойдёмте договаривать наши геологические разговоры...»

Вскоре в институте появился еще один видный ленинградский ученый — крупный знаток Центрального Казахстана Михаил Петрович Русаков. Также задержавшись из-за войны на Урале, он написал Канышу Имантайулы о своем желании поработать в Казахстане. И, конечно, незамедлительно получил приглашение работать в Алматы.

III

И четко организованная работа начала давать свои плоды. Вот архивная справка за один лишь 1941 год, притом за его последние шесть месяцев: по теме «Алтайские полиметаллические месторождения» проверено более девяноста рудопроявлений; а по темам: «Пути увеличения выплавки меди в Казахстане» и «Возможности выплавки меди по системе местной промышленности» проверялось более семисот заявок на медь; кроме того, именно в этот период поданы конкретные предложения по изысканию совершенно новых крупных месторождений железа и марганца, по транспортировке богатой жезказганской руды на Балхаш и разработке для этого новых богатых залежей.

А всего за годы войны институт организовал своими силами более 160 научных экспедиций. Большинство из них занимались поисками новых месторождений по заказам военной промышленности. Некоторые способствовали расширению действующих рудников. Было сделано несколько крупных открытий.

Ориентировка теоретических работ на практические нужды вызывала необходимость снова расширить штат института. В 1942 году открылись новые секторы, лаборатории. Туда в основном набирались сотрудники из среды учащейся молодежи.

В результате всех предпринятых усилий, несмотря на трудности военного времени, ИГН быстро становится в ряд солидных научных учреждений академии. Это зафиксировано в постановлении бюро геолого-географического отделения Академии наук СССР от 5 октября 1943 года: «Особо отметить большую действительную работу казахстанского Института геологических наук в период Великой Отечественной войны в скорейшем открытии и разработке множества сырьевых ресурсов стратегических металлов для нужд обороны; за сравнительно короткое время по объему научно-исследовательских работ и в комплектовании науч-

ными кадрами этот институт стал одним из лучших и образцовым научным учреждением в системе филиалов АН СССР».

ЖЕЗДИНСКАЯ БЫЛЬ

I

В первых числах августа сорок первого года 11-я немецкая армия развивала наступление на юге Украины. Линия фронта непрерывно отодвигалась к востоку. Битва за Днепр, развернувшаяся между Херсоном и Никополем, началась 19 августа. На исходе шестых суток в руки врага перешел Никополь — основное месторождение марганца в Советском Союзе.

Это событие, как свидетельствует хроника войны, дало повод министру пропаганды Германии Йозефу Геббельсу выступить по радио со специальным заявлением: «Храбрые солдаты фюрера, господа офицеры, марганцевые сокровища Никополя с сегодняшнего дня перешли в руки немецкой нации. Отныне советские заводы обречены на марганцевый голод! Отныне доблестной нашей армии остается уничтожить последние танки русских! Потому фюрер призывает вас: скорее продвигайтесь вперед, уничтожайте танки коммунистов! Мы победим!..» Оправдалось ли пророчество министра пропаганды — показала история. А как относительно марганцевого голода?..

До войны марганец добывался у нас в основном на двух месторождениях — в Никополе и Чиатуре. По данным Центрального статистического управления за 1940 год, эти месторождения давали 91,6 процента марганца, потребляемого металлургической промышленностью Советского Союза.

В конце ноября немецкие войска, захватив Ростов-на-Дону, перерезали железнодорожную связь с Кавказом. Отныне доступ к Чиатурскому месторождению был затруднен. А фронт требовал новых и новых танков — для этого нужны были миллионы тонн специальной стали. Этот рост был невыносим без марганцевых добавок.

Внеочередное заседание Совнаркома СССР 29 августа 1941 года (через пять дней после потери Никополя) посвящалось этой проблеме. Необходимо было срочно увеличить до возможного предела добычу марганцевого сы-

рья в восточных районах, выделив для этого необходимое количество людей и технических средств. Наряду с тем геологическим службам страны дали задание в кратчайший срок найти и разведать промышленные запасы марганцевых руд.

Большие надежды Наркомата черной металлургии возлагались на месторождение Полуночное, осваивавшееся на севере Свердловской области. Были приняты все меры для досрочной сдачи рудника. По двадцать часов трудились рабочие, строившие железнодорожную ветку от станции Ивдель. Круглосуточно шла работа на месторождении. И в конце 1941 года металлургические заводы Урала стали получать желанный марганец.

Однако Полуночное не могло заменить Никополя, оно не давало даже десятой доли того, что добывала Чиатура. По сути дела, металлургическая промышленность страны встретила сорок второй год с мизерными запасами марганцевого сырья. Потребность в нем оставалась крайне острой.

В тот день, когда началась война, жезказганский геолог Богданчиков находился в Кривом Роге. Его появлению здесь предшествовали следующие события: в конце апреля его вызвал к себе начальник разведочной конторы...

— Иосиф Николаевич, у меня для вас интересная командировка, — сказал Сатпаев. — На два месяца поедете на Украину, будете изучать месторождения Кривого Рога и Никополя. Не торопитесь. Вникайте во все детали. Это пригодится нам — пора основательно взяться за разведку железорудных запасов Улутауского района.

И вот война застала Иосифа Николаевича на берегах Днепра, в тысячах верст от Карсакпая. Перед геологом встал вопрос: прервать ли командировку и возвратиться в Казахстан или продолжать ознакомление с месторождениями? Сомнения его разрешила неожиданная телеграмма Сатпаева: «Предлагаю встретиться 26 июня на станции Жосалы. Постарайтесь не опоздать. предстоит важный разговор».

Немедленно свернув свои дела в Кривом Роге, Богданчиков выехал в Казахстан. Он успел к назначенному сроку. Беседа с Канышем Имантайулы происходила в доме для приезжих станции Жосалы, где семья Сатпаевых остановилась на пути в Алматы. Разложив на столе карту района, Каныш

Имантайулы указал сначала на Карсакпай, затем острое карандаша медленно поползло на север, а дойдя до Сарысай, стало кружить вокруг излучин Большой Жезды. Река в этом месте блуждала между невысокими холмами.

Богданчиков сразу догадался, к чему клонит Сатпаев. В последние годы Жезказганская контора вела здесь разведку на железную руду — работали буровые станки. А там, куда указывал Сатпаев, еще лежала настоящая целина.

— Вы удивлены? — говорил Каныш Имантайулы. — Найзатас подождет. И в Балбырауне, и в Карсакпае, и в Кишитау разведку придется временно прекратить. Железо подождет. Следует быстро перейти на новую площадку. Будете разведывать, Иосиф Николаевич, марганцевую руду! Удалось ли вам как следует познакомиться с украинским месторождением этого сырья?

— Вполне.

— Марганцевые проявления в Жезды я увидел впервые еще в 1928 году, — продолжал Каныш Имантайулы, прохаживаясь вокруг стола. — Тогда я задался целью во что бы то ни стало найти флюсы для Карсакпайского завода. Привозимые с Урала обходились нам слишком дорого. Летом того года я обнаружил поверхностные проявления браунитовых руд*. Но железистых флюсов там, к сожалению, оказалось мало, а потому изыскания прекратились. Лишь в 1936 году, восемь лет спустя, мы вновь добрались до этих мест. Да что я рассказываю об этом: вы сами участвовали в разведке... По-моему, в районе реки Бала-Жезды могут оказаться неплохие запасы марганца. Правда, с тамошней крепкой породой буровикам придется попотеть — это не медь... Поэтому надо взять самые мощные станки и опытных буровиков. И последнее, в Жезды нет жилья. Значит, предварительную разведку следует закончить до первых холодов.

— Ясно, Каныш Имантаевич, буду стараться.

— Нет, Иося, надо сделать невозможное! — хмурясь, заметил Сатпаев. — Вы в этом году должны сделать заявку на новое марганцевое месторождение. Чем скорее — тем лучше!

— Как вам сказать?.. — Богданчиков медлил с ответом. В комнате они сидели вдвоем, Таисия Алексеевна и дети, изрядно уставшие после долгой и ухабистой дороги, давно легли спать.

* Техническое название марганцевой руды.

— Ну, смелее, — ободрил собеседника Каныш Имантай-улы.

— Немало верст намотали на колеса мы с вами по улутауским дорогам, — решился наконец Богданчиков. — Я же воспитанник вашей школы. Если что-то не так сделал, или из-за своей медлительности иногда огорчал вас, то прошу великодушно простить меня, Каныш Имантаевич. Теперь, наверное, редко будем видеться. А что касается вашего задания... Поверьте, все сделаю, что от меня зависит.

— Спасибо, Иосиф Николаевич! Я знал, что вы так и скажете. Теперь я спокоен. Вы человек слова, а это главное. А единственный свой недостаток, — Сатпаев улыбнулся, — вашу медлительность, думаю, вы теперь скоро изживете. Время-то строгое!..

Одновременно поднявшись с места, они подали друг другу для прощания руки и, вдруг расчувствовавшись, неожиданно обнялись.

* * *

Наскоро организованный Жездинский отряд прибыл на берег речки в первых числах июля. В зарослях густой травы виднелась одинокая зимовка колхоза «Кызыл Октябрь». Здесь и расположились геологи. Каныш Имантай-улы с первых дней пристально следил за ходом разведки. В своем письме от 19 июля 1941 года, адресованном главному инженеру конторы С.Ш. Сейфуллину, он писал: *«Договор на разведку Жездинского месторождения, наверное, уже давно получен вами... 1,5 миллиона тонн руды наберем, быть может, даже с изрядными процентами из залежей № 2 и № 10, не считая запаса, подсчитанного раньше в других залежах месторождения...»* Далее в письме следовал еще ряд конкретных указаний, чтобы ускорить темп разведки в Жезды. Даже и то, что все пробы на дополнительный анализ направлялись в ИГН, чтобы здесь их быстрее и точнее исследовать.

Его предупреждение насчет твердости жездинской породы полностью подтвердилось. Поначалу, приехав в Жезды, старший мастер Халык Темирбаев наладил бурение тремя станками. Но выход керна был низким. Что только ни делал опытный бурильщик — ничего не выходило. То керн ломался в скважине, то выходил рыхлым и стертым в порошок. По совету геолога попробовали бурить с глинистым раствором. Не помогло. Наконец, отчаявшись, Халык Темирбаев обратился

к Богданчикову: «Так у нас ничего не выйдет. Доставай, где хочешь, машину, и я пойду что-нибудь дельное...» Вечером Иосиф Николаевич отправился верхом в Жезказган и на следующее утро возвратился на полutorке. Халык исчез на два дня, затем вернулся с полным кузовом жирной глины. На расспросы геолога лишь хитровато пробурчал: «Разве были от нас секреты у Канеке? Пошарился на берегах Кенгира и вот, попробуем...» Запустили станок, выход керна сразу нала-дился. Работа пошла веселее. Однако из-за низких темпов проходки — полтора-два метра в сутки — разведка Жезды продвигалась медленно...

В сентябре Жезказганская контора получила секретное постановление Совнаркома СССР о повсеместном развертывании разведки на марганец. Прозорливость Сатпаева, его неоднократные хлопоты и беспокойство о Жезды были наконец-то поняты и оценены. Теперь уж требовалось наверстывать упущенное время. Число станков в Жезды было удвоено. В конце октября пришло еще одно письмо от Сатпаева. Он отмечал, что первые результаты изысканий неплохие, и призывал поспешить с расчетами, хотя бы приблизительными. «Словом, надо заявить о промышленных запасах Жезды, не ожидая окончания разведки, — указывал он. — Это дало бы повод уже сегодня распланировать разведку месторождения с тем, чтобы в новом, сорок втором году вести здесь систематическую плановую разработку. Это же даст возможность получить необходимые средства для детальной разведки в будущем, но самое главное — черная металлургия страны уже сегодня смогла бы получить сырье, в котором очень и очень нуждается...»

Пришлось приниматься за расчеты. Даже приблизительные выводы геологов говорили о том, что они уже являются обладателями немалого марганцевого богатства.

— Ну, коллеги, что возьмем за основу? — спросил новый начальник конторы Штифанов, с явным сомнением глядя на итоговую цифру только что произведенного подсчета.

— Надо исходить из реальности. Да и Каныш Имантаевич внимательно следил за разведкой в Жезды, а он их возможности в общем-то знает, — заметил Сейфуллин.

— Вы правы, Саид Шагимарданович. Но подписывать заявку нам и, если эти прогнозы не подтвердятся, отвечать тоже нам, всем троим, — осторожно проговорил Штифанов. — А Канышу Имантаевичу, конечно, легко приказывать.

Последние слова молодого начальника взорвали до сих пор молчавшего Богданчикова. Ему вспомнилась маленькая комната в Жосалы, последний вечер, проведенный вместе с Сатпаевым. Только теперь ему стало понятно и то, почему Каныш Имантайулы поручил разведку Жезды именно ему, хотя в конторе работало немало опытных геологов.

— Что вы осторожничаете? Никогда мне не приходилось сталкиваться с такими перестраховщиками... Укажем то, что предварительно подсчитано. Ручаюсь, что здесь выйдет и больше. Не станете подписывать, один отправлю записку! — заявил он.

— Однако, согласитесь, что наш расчет — только прогноз.

Спорили долго. Все же настоял на своем всегда настырный и упрямый в таких случаях Богданчиков. Наконец решили указать общий запас месторождения в миллион тонн, среднее содержание по марганцу — 35 процентов. Из всего количества руды более шестидесяти процентов были годны для отгрузки без предварительного обогащения и лежали близко к поверхности земли. Именно в этом было главное преимущество Жезды.

Вскоре никому доселе не известное месторождение стало предметом обсуждения в различных инстанциях. Через месяц в Алматы прибыла комиссия, образованная по приказу наркома черной металлургии И.Ф. Тевосяна. В ее состав вошли опытные специалисты во главе с профессором Покровским. От Казахстана в комиссию был назначен Сатпаев. Но в день отъезда экспертов из Алматы он неожиданно заболел. Пришлось звонить в Казгеологуправление и просить послать другого специалиста, а самому ложиться на врачебное обследование.

Через несколько дней комиссия вернулась в Алматы. Протокол ее заседания сразу же доставили в больничную палату Сатпаеву: «В Жезды марганец имеется, но его запасы нужно доразведать... Заявленный запас основан на недостаточном материале...»

Прочитав пространные объяснения, с множеством оговорок, Каныш Имантайулы понял, что по такому руслу дело далеко не двинется. Рудник в Жезды, рождение которого казалось ему несколько дней назад делом скорым и реальным, теперь едва вырисовывался за строчками заключения. В сущности, это означало существенную задержку освоения месторождения. И Каныш Имантайулы по-настоящему сердился на себя за то, что заболел, не поехал с комиссией, не убедил

ее в необходимости немедленной интенсивной разработки рудных пластов. Вместе с досадой на себя приходило и недовольство вчерашними соратниками. «Тоже мне! Хороши! Трое солидных геологов не смогли убедить приезжих специалистов?! А может, проявили слабость, испугались ответственности? Поосторожничали?..»

Что придумать теперь? Комиссия уехала в Москву. Быть может, и ему пора успокоиться, его честь не пострадала... Но успокоение не приходило. Всей своей кипучей натурой Сатпаев болел за Жезды. А когда он верил во что-то, уже не мог отступить, готов был на открытую схватку. Решение бороться за марганец Казахстана крепло с каждым часом, каждой минутой.

Доктора, долго обследовавшие его, наконец собрали консилиум и поставили диагноз: кишечный туберкулез; к тому же обнаружилась какая-то опухоль. «Лечение продлится долго, таков характер болезни», — говорили врачи. «А дела?» — с беспокойством спрашивал Сатпаев. — «Подождут!» Но интересы нового месторождения марганца, интересы обороны страны? Разве они могут ждать?.. И вот из больницы отправляется телеграмма главному инженеру Жезказганской геологической конторы Сейфуллину: *«Немедленно выезжайте со всеми имеющимися камеральными материалами по Жезды»*. Сейфуллин вскоре прибыл вместе с коллектором Жездинского отряда Федором Пастуховым.

Когда жезказганцы пришли в больницу проведать Каныша Имантайулы, он попросил их немедленно принести расчеты по Жезды... Через два дня попросил зайти снова. На этот раз он встретил их хмуро, едва ответив на приветствие. Сразу стал отчитывать: «Слишком вы стали осторожничать, куда вы смотрели?.. Есть же марганец в Жезды. И вы знаете, и я знаю! Не надо мне ваших оправданий. Что с вами происходит? Ну, положим, Штифанов молодой еще, а Феде Пастухову знаний не хватает. А где твой опыт бывалого разведчика, скажи-ка, Саид? Почему не поддержал Богданчикова?..»

Не зная, что сказать, жезказганцы молчали, понуриив головы. Отчитав их, больше для того, чтобы настроить на предстоящую трудную работу, Каныш Имантайулы перешел на деловой тон:

— Короче говоря, к делу, товарищи! Снова за расчеты! И вам под моим контролем легче, и мне веселее... Просмотрел я привезенные вами данные. Не та методика подсчета принята, что и привело к многократному занижению запасов

руды в Жезды... Эх вы! Идите в геологический институт, найдите себе кабинет и за работу! Пока не закончите пересчет — не уедете. Ясно?

Жезказганцам выделили два стола в кабинете директора ИГН, и они засели за материалы геологоразведки. Через неделю Сатпаев выписывается из больницы. Ему стало лучше, но врачи пока что не разрешают работать. С трудом удалось вырваться, пообещав соблюдать постельный режим. Оказавшись дома, он вызывает жезказганцев из гостиницы и поселяет их у себя.

Сатпаевы жили в Алматы довольно скромно, на большую семью — трехкомнатная квартира. Старшая дочь Каныша Имантайулы от первого брака — Ханиса училась на втором курсе медицинского института. Младшая Меиз ходила в школу. А вскоре родилась Мариям. К тому же в доме ученого постоянно жили престарелая мать Таисии Алексеевны и племянник Кемел — старший сын Газизы, единственной его родной сестры.

Каныш Имантайулы еще не мог ходить, поэтому по утрам его постель переносили на диван, стоявший в гостиной. Здесь же на большом столе раскладывались камеральные материалы. На стульях лежали паспорта скважин, данные разведочных канав, геологические карты, схемы. На отдельном столике хранились результаты анализов, поступающие из лаборатории ИГН. Посреди всего этого, не разгибаясь, сидели и часами шелкали счетами да крутили ручки арифмометров два жезказганца. Каныш Имантайулы, лежа на диване, руководил работой. То и дело он называл какие-то цифры Пастухову, а тот суммировал их на счетах. Затем записывались результаты. Так они работали целыми днями, иной раз не обмолвившись друг с другом ни единым словом. Лишь изредка о чем-то спорили. Расчеты продолжались до глубокой ночи. Отрывались от бумаг только тогда, когда радио передавало сводку Совинформбюро...

Через несколько дней Каныш Имантайулы вышел на работу, хотя чувствовал себя еще не вполне здоровым, однако лежать долго в постели в эти напряженные дни он был не в состоянии.

После обработки первичных материалов Пастухов уехал в Жезказган. Окончательные расчеты теперь легли на плечи Саида Сейфуллина. Вечерами, вернувшись с работы, ему усердно помогал хозяин дома.

Наконец все было закончено. Составлены геологическая характеристика месторождения, объяснительная записка к

расчетам, обобщены материалы разведок. Все это приведено в систему, описано, пронумеровано. Подытожены разведанные запасы.

— Для Жезды этого мало, — заявил Сатпаев.

— Но ведь и разведка была недостаточной. На следующий год запасы возрастут.

— Значит, так и следует указать в объяснительной. Пусть те, кто будет читать, знают, что это еще далеко не окончательные данные.

И такое уточнение было сделано в записке, поданной в местную комиссию по запасам (ТКЗ). Специалистам предстояло проверить все, после чего могло быть принято решение о строительстве рудника. Саид все еще жил в Алматы, со дня на день ожидая заключения экспертов. Мучительно тянулись дни, недели. Наступил новый, 1942 год. Прошло еще немало времени, а эксперты ТКЗ не торопились. Записка все еще изучалась. Одни держали ее по нескольку дней, другие неделями. И не видно было конца проверкам, придирам, волоките. В конце концов Сейфуллин не выдержал. Обязанности главного инженера крупной разведконторы не позволяли ему подолгу бывать в отъезде. И он возвращается в Карсакпай, так и не дождавшись рассмотрения своих расчетов в ТКЗ.

Все хлопоты по Жезды теперь достались на долю Каныша Имантайулы. Документы из архива Жездинского рудоуправления свидетельствуют, что эта история стоила Сатпаеву многих сил и нервов. Как ни старался директор института, усилия его оставались бесплодны. Не помогали ни аргументированность выводов, ни его высокий авторитет в научных кругах, ни права руководителя филиала Академии наук СССР.

«Начальнику Комитета по делам геологии при СНК СССР
тов. И. И. МАЛЫШЕВУ

...Создавшаяся напряженная обстановка с марганцем диктовала необходимость скорейшей разработки Жездинского и других месторождений марганца в Жезказганском районе, расположенных неподалеку от линии дороги в промышленно обжитом районе и обладающих значительными запасами высокосортных окисленных марганцевых руд. Эти месторождения разведывались Жезказганской ГРК на средства Наркомцветмета за счет экономии тех ассигнований, которые выделялись на медь, а в 1942 году частично на средства Казгеологуправления... Далее оставшиеся комплекты материалов подсчета запасов Жездинского месторождения поступили на рассмотрение ТКЗ. И здесь началась длинная цепь неожиданных недоразумений и оття-

жек. Несмотря на пребывание в Алма-Ате, даже в том же Казгеологоуправлении, целого ряда крупных и авторитетных геологов, в числе рецензентов по Жезды почему-то был выдвинут и геолог Ершов, известный в прошлом бесславными и бессистемными разведками в районе Атасу, но с чрезмерным и ничем не оправданным гонором... Наконец, 23 февраля состоялось заседание ТКЗ, куда, кстати, даже не был приглашен никто из авторитетных геологов. Результатом «келейного» заседания ТКЗ явилось неожиданное его «решение» о возвращении материалов подсчета обратно для новых расчетов. Мотивировки же этого решения, однако, настолько показательны по своей курьезности и несерьезности, что вынужден привести их целиком...»

Нужно ли приводить все девять страниц этого документа, где по всем пяти пунктам выдвинутых экспертами ТКЗ возражений даны обстоятельные ответы специалиста. Стиль письма весьма красноречиво показывает, что автор его не очень-то старался подбирать выражения, хотя оно и адресовалось человеку, стоявшему в то время во главе всего геологического дела Советского Союза. Не то было время, чтобы подбирать выражения. В конце письма Каныш Имантайулы просил рассмотреть разведочные материалы по Жезды на заседании Всесоюзной комиссии по запасам и в возможно кратчайший срок.

II

История не закончилась отправкой этого письма. Вопреки осторожным действиям перестраховщиков из ТКЗ она получила неожиданный поворот.

Об этом рассказ ветерана труда Ахмета АДИЛОВА, работавшего во время войны заведующим отделом цветной металлургии ЦК КП(б) Казахстана (газета «Орталык Казахстан», 1989, 10 марта):

«Было начало 1942 года. Хорошо помню, как, срочно вызвав меня к себе, первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана Н.А. Скворцов сказал озабоченно: «Только что получена шифрованная телеграмма за подписью И.В. Сталина, которая, очевидно, направлена по всем республикам, краям и областям. Короче говоря, требуется незамедлительно найти и заявить солидное месторождение марганца. Иначе есть угроза остановки печей металлургических заводов, что приведет к сокращению производства броневой стали, и тогда не будет ни пушек, ни танков, ни самолетов. Что делать? Подумайте, хорошенько и быстро». Я сказал секретарю: «Надо бы посоветоваться с учеными, геологами-поисковиками». «Тогда приступайте сегодня же!» — был наказ секретаря.

В тот же день к вечеру в ЦК были вызваны все ведущие геологи, металлурги, ученые-технари, находившиеся в Алматы. Я им доложил

критическую обстановку с марганцевым сырьем, просил оказать срочную действенную помощь. Вопреки моему ожиданию никто не поднялся с места, ни одного отклика не услышал... После долгого молчания поднялся Михаил Петрович Русаков, известный ученый-геолог, который и предложил спасительную мысль на тот час: «Дайте нам время подумать, хотя бы просмотреть свои записи». Словом, мы разошлись до утра, чтобы завтра же, в восемь часов снова встретиться в моем кабинете.

На следующий день повторилась почти та же ситуация. Правда, некоторые ученые почему-то ударились в общие рассуждения о том, где могут быть марганцевые проявления, и надо бы снарядить туда экспедицию с особыми привилегиями... Но конкретного предложения никто не внес...» — Далее автор воспоминаний описывает, как он с надеждой на чудо в упор железел на сидевшего перед ним Каныша Имантайулы, почему-то еще не сказавшего своего веского слова. И вот громкое, характерное кряхтение много издевавшего в жизни геолога, медленно поднимающегося с места, наконец, его твердый голос. Оказалось, и тут он проявил скромность, чтобы со своим конкретным сообщением не перебежать дорогу коллегам. — «Сатпаев во всеуслышание заявил, что есть в Казахстане таковое месторождение, притом солидное, стоящее внимания, даже вблизи от железной дороги, где марганцевую руду можно добыть открытым способом. Он подробно остановился на Жездинских сокровищах браунита и привел перед собравшимися исчерпывающие данные об этом новом месторождении: сколько там предполагаемых запасов руды, сколько ее лежит почти на поверхности земли и сколько в глубинных пластах. Естественно, мы были удивлены его заявлением. Отчетливо помню, как тут же Михаил Петрович Русаков его обнял, приговаривая, что он «истинный спаситель Отчества!». Словом, я тотчас же доложил о его заявлении первому секретарю. А Скворцов, в свою очередь, тут же отправил срочную телеграмму на имя председателя Государственного Комитета Оборона (ГКО), где, между прочим, было указано, сколько людских сил и техники нужно, чтобы организовать добычу марганцевого сырья. Кстати, через два дня на нашу депешу отозвался нарком черной металлургии СССР И.Ф. Тевосян...»

Ясно, кое-кому из волокитчиков в Казгеологуправлении пришлось держать ответ. Через день-другой местное ТКЗ, вдруг в спешном порядке отказавшись от своего первоначального опрометчивого постановления, решает утвердить запасы Жезды. Однако комиссия предложила пересчитать их по-другому. Кроме оттяжки времени, подобный пересчет не только не давал ничего принципиально нового, но и являлся менее рациональным, namного уменьшал запасы руд.

Но не таков был характер Сатпаева, чтобы останавливаться на полпути. Он не принимал компромиссов. Его устраи-

ло лишь полное и безоговорочное признание Жезды и разрешение на немедленное открытие рудника. И сама жизнь по-своему решила эти слишком затянувшиеся споры специалистов...

Вскоре стало ясно, что металлургические заводы не справятся с заданием по производству сверхпрочных видов проката, установленным на первое полугодие сорок второго года. Почти все резервы ферромарганца были израсходованы. Вся надежда была на маломощные и без того работавшие с максимальным напряжением «выдыхающиеся» рудники. А спрос на сырье постоянно возрастал.

Поэтому вопрос о марганце стал предметом обсуждения в Государственном Комитете Оборона. Докладывал нарком черной металлургии И.Ф. Тевосян...

— На сегодня единственная возможность полностью удовлетворить потребность в ферромарганце мощных магнитогорских печей — скорейший пуск Жездинского рудника, — заявил нарком.

— А сколько там марганца? — спросил председатель ГКО.

— Около миллиона тонн. Но зато с очень хорошим содержанием.

— Других предложений нет?

— Нет, товарищ Сталин! — ответил Тевосян.

— Если нет другого выхода, о чем разговор... А без марганца и брони не будет! Так что принимайтесь за дело!

Одна фраза Верховного главнокомандующего решила судьбу рудника и подвела итог долгих споров вокруг Жезды.

В начале апреля на берег реки Жезды прибыли специалисты Наркомчермета. Только что начал сходить лед, отовсюду с ущелий и равнин текли в русло реки весенние воды. В степи хозяйничала весенняя распутица. Но директива ГКО не считалась с погодными условиями. Она обязывала в кратчайший срок, за сорок дней не только спроектировать и построить рудник, но и выдать первые тонны руды уральским заводам.

Первое совещание руководителей этого необычного строительства состоялось на берегу Жезды.

— Мы разделили здешние руды на четыре сорта. Правда, такое деление условно, четких границ между рудными слоями в принципе нет, — докладывал Богданчиков. — Первый, самый богатый — с содержанием марганца от 35 до 42 процентов, ко второму сорту мы относим руды, содержащие от

32 до 35 процентов. Это добро лежит близко к поверхности земли, его можно взять открытым способом.

— А сколько такой руды в общей сложности? — перебил геолога один из приезжих.

— Не менее 300 тысяч тонн. Только разбросана она по нескольким сопкам, составляя так называемую верхнюю шапку, иначе говоря, «сливки» каждого рудоносного горизонта, — ответил Иосиф Николаевич и, не обратив внимания на удивленные возгласы членов комиссии, продолжал свой отчет. — Третьим сортом идут руды с 28—32-процентным содержанием марганца. Это основная масса запасов. Их не менее миллиона тонн, но они расположены глубоко под землей, для того, чтобы их добыть, придется построить шахту и подъемные сооружения... А самый последний, четвертый сорт, — это забалансовые руды, которые имеют 28 процентов марганца и ниже. Их тоже немало, по нашим прикидкам, потянет на десятки миллионов тонн. Однако их еще придется доразведывать... Разумеется, если Наркомат черной металлургии раскошелится и отпустит на это необходимые средства...

— А вы знаете, с какой рудой мы работаем на Урале? — перебил геолога один из членов комиссии, представитель Магнитогорского комбината.

— Нет, нам не предоставляют такую информацию. Мы знаем лишь Жезды и все сделали, чтобы и в стране его узнали! — отпарировал Штифанов.

— А надо было поинтересоваться! — засмеялся магнитогорский металлург и, вдруг обняв геолога за плечи, заговорил быстро и сбивчиво. — Наш комбинат еще до войны работал на руде, в которой всего 17 процентов марганца. А сейчас мы вынуждены давать печам руду из Аккаргинского и Полуночного, где марганца кот наплакал — всего-навсего 12 процентов. Печи часто забиваются, футеровка летит, потому что не выдерживает такой бедной добавки. А вы, простите меня, настолько заелись здесь, что руду с содержанием марганца в 28 процентов и ниже числите в «хвостах»... Не поняли вы, дорогие товарищи, какой подарочек нам приготовили. Доставим ваши «сливки» к печам, металлурги наши чудеса покажут!.. Предлагаю отставить это разделение по сортам, выбирать жездинские руды все до донышка и на «зеленый свет» гнать на Урал!..

— Добавлю ко всему сказанному, что жездинский браунит чистый, в нем вовсе нет таких сопутствующих примесей, как

сера и фосфор, — возбужденный услышанным, Богданчиков нервно потер руки.

— Это я уже знаю, — сказал металлург. — Потому-то и вел речь о футеровке печей. Товарищи, я удивлен, что такие чудесные руды так долго держали за пазухой, и решительно не понимаю тех перестраховщиков, что заставили геологов доказывать очевидное.

Проектировщики предложили осуществлять эксплуатацию Жезды в два этапа. На первом предлагалось вести разработку руд открытым способом из пластов, расположенных близко к поверхности. К ней можно было приступить сразу же и вывозить сырье автотранспортом до станции Жезказган. На втором этапе предусматривались строительство шахты для добычи глубинных залежей и одновременная прокладка железной дороги.

Теперь время заработало на Жезды. Не успели еще утвердить эти проекты в высоких инстанциях, а на берег 4 мая уже прибыли первые строители. В основном это были рабочие, мобилизованные из ближайших Карагандинской, Акмолинской, Северо-Казахстанской и Кызылординской областей. Приехали и горные техники, и кадровые рабочие, эвакуированные с Украины и из Липецка. Срочно перевели два лагеря военнопленных и заключенных бендеровцев с Украины. Директором вновь созданного рудоуправления был назначен криворожец Н.Ф. Михайлов.

В течение нескольких дней небольшая, окруженная холмами долина превратилась в строительную площадку. Словно в улье, кипела работа. День и ночь стучали буровые станки, сразу в нескольких карьерах шли вскрышные работы, а в ущелье Нарсай вырос целый городок из юрт и палаток. На берегу Улкен Жезды велось строительство полужемляных барakov... Ни на час не прекращался шум стройки: ревели бульдозеры и автомобили. В темное время суток в карьерах работали при свете автомобильных фар, так как электричества здесь пока еще не было. Но фундамент электростанции ускоренно закладывался.

В мае прибыли двести новых грузовиков, срочно выделенных из фонда ГКО, затем еще сотня. На них требовалось посадить ни много ни мало триста водителей. Причем тотчас, в течение нескольких дней. Улутауская степь могла бы снабдить Жезды чем угодно, но такого количества квалифицированных водителей здесь взять было неоткуда. С грехом пополам набрали два десятка шоферов. Что было де-

лать? И Карсакпайский райком партии бросает клич: *«Всем на марганец!», «Страна требует от нас скорейшего открытия рудника Жезды!», «Если хотите, чтобы вашего сына, мужа, отца защищала броня танка, овладейте профессией шофера!..»*

Учителя школ, колхозники, старшекласники, домохозяйки оставляют дела и садятся за баранку автомобиля. Все, кто может удержать руль и достать ногой до педали, спешат овладеть техникой. Квалифицированные шоферы обучают вождению новичков в течение недели. Создаются колонны из десяти-пятнадцати машин, в каждой из них по одному опытному водителю, он же начальник колонны. Текущий ремонт, уход, заправка проводятся под его присмотром. Это как-то спасает положение.

В начале июня дирекция объявляет аврал. До установленного правительством срока остаются считанные дни, а карьеры к выдаче руды не готовы. Выполнение задания ГКО висит на волоске. И вот остановлены все работы, кроме главной, — путейцы, плотники, каменщики, канцелярские служащие бросают свои участки и становятся на расчистку карьеров. Работают, сколько хватает сил. Четыре часа на сон, остальное время в карьерах. Казалось, течение дней остановилось для них. Общей целью стало: скорее добраться до залежей руды.

И это свершилось 12 июня 1942 года, через 38 дней после начала строительства была отгружена первая партия жездинского марганца. Этот день стал днем рождения рудника. Вначале руда отвозилась на станцию Рудник в Жезказгане. После загрузки вагоны с курьерской скоростью следовали в Магнитогорск, в Кушву. За отправкой их следил специальный уполномоченный ГКО. Вскоре порядок транспортировки изменился. Автомобили стали возить руду навстречу идущим вагонам, которые с каждым днем доставлялись все ближе к руднику по строившейся железнодорожной ветке. Этим достигалась экономия времени и дефицитного по тем временам горючего.

Накануне двадцатипятилетнего юбилея Октябрьской революции горняки услышали гудок первого поезда. На карте стальных магистралей Казахстана появилась новая станция — Жезды.

Высокое качество жездинского марганца сразу же подняло производительность доменных печей. **«Почти в три раза увеличилось производство высококачественного проката на**

Магнитогорском заводе», — свидетельствует «История Великой Отечественной войны», характеризуя организацию выплавки стали «как большую победу, равную по своему значению выигрышу крупного сражения».

Вот некоторые факты, дающие представление о значении нового месторождения: после ввода в строй Жездинского рудника удельный вес восточных районов по добыче марганцевых руд возрос с 8,4 до 84,6 процента. Причем 70,9 процента всех марганцевых руд страны стал давать рудник Жезды. За годы войны здесь было добыто столько марганцевых руд, сколько добывали для военных нужд фашистской Германии — Венгрия, Чехословакия и Румыния вместе взятые. Значит, можно предположить, что из каждых десяти танков и САУ, выпущенных в годы войны, семь были снабжены стальной броней, выплавленной с драгоценной добавкой, добытой из недр Улугауской степи...

О наращивании добычи несметных сокровищ Жезказгана, Карсакпая, Жезды и Атасу по-прежнему с неослабевающей энергией хлопотал все тот же неугомонный Сатпаев. Цель та же: чтобы они стали достоянием народа и приближали победу над ненавистным врагом!

Вот отрывки из его письма к В.И. ШТИФАНОВУ и С.Ш. СЕЙ-ФУЛЛИНУ: «Марганец в современных условиях, можно сказать, является более ценным для страны, чем золото. Несмотря на мрачные пророчества и демагогию господ типа Жилиякова и казгеоуправленцев из группы бывшего начальника Рыбьева, Жезды дает сейчас стране столь нужный для уральских заводов марганец и будет давать его вплоть до освобождения Никопольского бассейна... С Жездами повторяется та же история, что и с Жезказганом, и здесь я уверен, что победа останется за нами. Единственной нашей ошибкой в прошлом было то, что мы недооценили степень козности и бюрократизма аппарата ТКЗ и ВКЗ. Действительно, трудно было предположить, что там найдутся сейчас люди, которые не поймут «как произведена разведка», почему в условиях очень пологого залегания рудных тел «принята шахматная сетка скважин, а не по профилям» и почему в условиях шахматной сетки скважин «подсчет запасов произведен по методу ближайшего района, а не по параллельным сечениям» ...и тому подобных благоглупостей. Но при всем этом, основная наша цель была достигнута — Жезды очень ускоренными темпами пошла на реализацию. Необходимо теперь для окончательного добития паникеров готовить такой подсчет запасов Жезды и так его оформить, чтобы, как говорится, «комар носа не подточил»... Для помощи Вам в этом направляю тов. Каниболоцкого Павла Михайловича, старшего сотрудника ИГН, профессора Днепрпетровского горного института, много работавшего в пределах Криворожского и Никопольского бас-

сейнов. Наряду с Жездами, Каниболоцкий должен ознакомиться и с Карсакпайскими железными месторождениями — с нашим третьим детищем, также переживающим стадию нападения со стороны паникеров... Также необходимо, чтобы Вы своевременно прислали пробы Шайтантаса, района Мык. Все возможности химлаборатории как ИГи, так и других организаций Алма-Аты — я поставлю в первую очередь на пробы из Жезказганского района. Так пришлите пробы поскорее...» (1942, 23 октября).

План добычи 1943 года увеличился по сравнению с минувшим годом в четыре раза. Уже ставился вопрос о снабжении жездинской рудой и Кузнецкого металлургического комбината.

Объем работы был исключительным по своим масштабам. Четыреста тысяч тонн руды необходимо было поднять из карьеров, перевезти на автомашинах, затем отгрузить в вагоны. Все работы выполнялись вручную. Лишь в некоторых местах действовали ленточные транспортеры да имелся единственный бункер-эстакада для выгрузки. Карьеры разрознены и маломощны. Не успеешь в одном установить оборудование, глядишь, пошла бедная руда или он совсем выработан.

Горняки живут в наскоро приспособленных бараках и землянках. В помещениях тесно и холодно. Питание из общего котла. Но, несмотря на невзгоды и лишения, люди работают по двенадцать часов в сутки. Инженеры и техники более того: их труд не нормирован. Счета времени здесь нет, есть только счет загруженным вагонам.

Когда же план добычи увеличился в четыре раза, у руководства рудника возникли сомнения в реальности выполнения предложенного задания: «Запасы месторождения исчислены в шестьсот тысяч тонн высококачественного сырья. Более половины уже выработано, оставшееся отгрузим в первом же квартале, — рассуждали они. — Затем пойдут мизерные вкрапления руды. Там много не возьмешь. Процесс трудоемкий, малоперспективный...» Вывод следовал сам собой: план 1943 года основан не на реальных, а на желаемых возможностях месторождения, и должен быть незамедлительно скорректирован. Одним из главных аргументов производственников служил и тот факт, что разведанные запасы рудника все еще не были утверждены, хотя вопрос и рассматривался дважды — на заседаниях ТКЗ и ВКЗ. Эксперты дважды отклоняли представленные подсчеты из-за недостатка данных изысканий. Вдобавок

ко всему разведчик Жезды Богданчиков указал теперь восточное направление залегания рудного тела, хотя в прошлом году он назвал основным местом сосредоточения руд противоположное направление. Значит, теперь придется переносить все главные механизмы и оборудование рудника, в том числе большой бункер-эстакаду. Работа предстоит трудоемкая, за месяц не управиться. «А где гарантия того, что через некоторое время геологи вновь не заявят о новом направлении и глубине расположения основного рудного тела?» — спрашивали руководители рудника. Словом, оснований для того, чтобы просить о снижении плана, было достаточно.

В феврале в Москву едет главный геолог рудника С.А. Горланов. В его портфеле документы, подкрепляющие позицию рудоуправления. Мало того, он везет с собой многочисленные пробы с карьеров. Они подобраны с тем, чтобы подтвердить данные об истощении богатых жил Жездинского месторождения.

Возникает конфликт. Руководство Магнитогорского металлургического комбината, заинтересованное в наращивании поставок жездинской руды, обрушивает на геологов Жезказгана обвинения в обмане, и вскоре от них были затребованы объяснения...

В борьбу по жездинскому «делу» незамедлительно включается один из главных его зачинщиков — Каныш Имантайулы Сатпаев. Он не думает уклоняться от ответственности. Приехав в Жезды, директор института садится за первичные материалы. Вновь просматриваются паспорта скважин, данные канав. Десятки часов проводит геолог в рудодобывающих карьерах, наблюдает, делает соответствующие записи. Проверяются и дополнительные данные, полученные отрядом Богданчикова во время интенсивных изысканий прошлого, 1942 года.

И вот вновь прозвучал убежденный голос Сатпаева.

— Теперь я как никогда уверен в том, что за такое месторождение стоит выдержать любое сражение! — скажет он на заседании техсовета геологоразведочной конторы. — Очень важны данные восточного крыла. Мой совет: не снижать интенсивности разведки, смелее, дальше идти в восточном направлении. Запасы руды будут расти по мере роста темпов изысканий...

Но производственников не удовлетворяют оптимистические заверения авторитетного ученого. Они требуют твердых цифр, официально утвержденных комиссией.

15 июня 1943 года в Алматы собирается выездное заседание ВКЗ. Председательствует доктор геолого-минералогических наук, профессор П.М. Татаринов. В нем принимают участие почти все видные исследователи железисто-марганцевых месторождений, всего 34 человека. Только в исключительных случаях ВКЗ приглашала столько специалистов. Обсуждалось два доклада. Первый делал инженер Е.А. Немов, представлявший интересы Казгеологуправления и дирекции рудника Жезды. Со вторым выступил геолог И.Н. Богданчиков. Он говорил от имени жезказганской ГРК треста «Казцветметразведка».

Во время обсуждения эксперты ссылались на одни и те же данные разведки, производственные факты. Но два расчета запасов, произведенные по разным методикам, давали противоположные результаты. В одном случае – большие перспективы на много лет. В другом – мизерные, не заслуживающие внимания запасы марганца. Кому верить, а кому сказать «нет», и этим навсегда определить судьбу спорного месторождения, предстояло решить экспертам. Понятно, что обе стороны не щадили друг друга, оспаривая каждый сомнительный факт и способы подсчета...

Заседание продолжалось два дня и закончилось полной победой точки зрения жезказганских геологов. ВКЗ утвердила, правда, с некоторой поправкой, расчеты Богданчикова. Говорилось в акте и о перспективах роста при дальнейшей разведке.

Но производственники не отказались от своих сомнений и продолжали добиваться снижения плановых заданий теперь уже на 1944 год. Тем более что освобождение пути на Чиатуру и ожидавшееся вскоре очищение юга Украины от немцев облегчал напряженное положение с марганцевым сырьем...

В один из осенних дней 1943 года Сатпаев был вызван в Москву к наркому черной металлургии.

– Как, по-вашему, сможет ли Жезды и в будущем году дать столько сырья, сколько получено нынче? – спросил Тевосян, без предисловий перейдя к интересующему его делу.

– Год назад, чтобы ответить вам, я попросил бы время на размышление. А сейчас, товарищ нарком, отвечу вопросом на вопрос. Сколько жездинского марганца потребуется вам в будущем году? Один, два, три миллиона тонн?.. Вы их получите!

– Ваши слова радуют меня. В таком случае мы подключим к Жезды и Кузнецкий металлургический комбинат! Он также находится у нас на голодном марганцевом пайке...

— Марганец будет, Иван Федорович! Отвечаю за это головой.

— Мы вам доверяем. Но все-таки мне не ясно, почему производственники, да и некоторые ваши коллеги относятся к этому месторождению с сомнением?

— Что касается геологов, скажу вам откровенно, — ответил Сатпаев не без обиды, — у некоторых товарищей не хватает ни профессиональной фантазии, ни решимости пойти на риск. Потому, хватаясь за любую соломинку, эти горе-деятели прикрывают свои слабости, а порой и элементарное незнание всякого рода формулами и теориями.

— Пожалейте! Ведь они тоже люди! — засмеялся нарком.

— В том-то и дело, что они не просто люди, но еще и специалисты с большими полномочиями... Ну а что касается производственников, здесь я не в обиде. Люди впервые приехали в степь, попали в нечеловечески трудные условия. Нехватка рабочей силы, техники, отсутствие многих элементарных бытовых удобств, чрезмерные требования потребителей — все это привело к разного рода сомнениям и отговоркам. Тем более что сейчас жездинский марганец достается нам куда труднее, чем в первые месяцы.

— И что же вы предлагаете?

— По-моему, в Жезды следует направить авторитетную бригаду специалистов, которые сумеют разъяснить суть дела всему горняцкому коллективу. Конечно, легко просто приказать, но иногда требуются и разъяснения. Люди должны поверить в реальность намеченного...

III

Комиссия наркомата, возглавляемая заместителем начальника Главруды С.П. Бирманом, прибыла в Жезды в ноябре того же года. От Казахстана в нее были включены К.И. Сатпаев и В.И. Штифанов.

Комиссия работала на месторождениях несколько дней. Были изучены все материалы, представленные местными геологами. Спускались в забои, обследовали карьеры. Дотошные специалисты занялись и проверкой реальности выполнения планов будущего года. Наконец собрали большой техсовет. Слово предоставили всем желающим. Спорили долго, сказано было много обидных и злых слов, да и жалоб тоже хватало. Архивы сохранили стенограмму этого трудного совещания. Но не станем ворошить старое. Приведем

лишь итоговую часть документа: *«Перспектива Жездинского месторождения не вызывает никакого сомнения — вопрос положительно решен данными геологоразведки последних двух лет; запасы ферромарганца возросли, по ее данным, на десяток миллионов тонн, вопрос лишь в строительстве шахты и обогатительной фабрики; основная масса руды действительно переместилась в северо-восточное крыло месторождения, поэтому рудоуправлению следует срочно перевести туда основные механизмы; план 1944 года вполне реален, подключение Кузнецкого комбината к жездинской руде надо считать решенным — но для этого руднику следует оказать действенную помощь техникой и рабочими кадрами. Последнее: надо особо строго указать руководству рудоуправления (были названы по имени четыре человека, все ведущие инженеры. — М.С.), которое вместо... четкой организации добычи руды занялось подтасовкой мелких фактов, погрязло в бесконечных жалобах в вышестоящие инстанции, добиваясь таким образом уменьшения планов. Поскольку все они признали свои ошибки, считаем, что названные товарищи справятся с порученным делом и сделают все, чтобы добиться выполнения государственных планов. При срыве задания, однако, предупреждаем, что к ним будут применены самые жесткие наказания военного времени...»*

В совещании участвовал молодой инженер-горняк Абдрахман Тохтыбаев, работавший в то время начальником участка Жездинского рудника. В тот же день, несмотря на поздний час, Каныш Имантаулы провел в конторе геологов второе совещание.

— Абе, — по своей давней привычке Сатпаев обратился к гораздо более молодому, чем он сам, Тохтыбаеву в уважительной форме. — Я пригласил вас, горняка, с той целью, чтобы вы все узнали о перспективах родного вам рудника Жезды. Спасибо, что пришли... Но я удивлен вашим сегодняшним поведением. Почему вы не участвовали в дискуссии? Целый день будто воды в рот набрали. Разве вам не дорога судьба родных мест?

По натуре тихий и не очень-то любящий ввязываться в споры Абдрахман Тохтыбаев изменился в лице, покраснел до ушей. Но молчал, не зная, что ответить.

— Сделали какой-нибудь вывод для себя? — вступил в разговор В.И. Штифанов.

— А как же... Только вот... если бы не товарищ Бирман да не профессор Каниболоцкий, трудно было бы переспорить наших руководителей, такие горластые.

— Ну нет, Михайлова особо винить не стоит, да и помощников его тоже, — покачал головой Каныш Имантайулы. — Я вас, Абе, хотел бы послушать. Ведь уже второй год работаете! Что вы вынесли из этой дискуссии?

Тохтыбаев уже понял, к чему клонит Каныш-ага. Он теперь думал не только о сегодняшнем дне Жезды...

Абдрахман был уроженцем Улутауских степей. Окончил в Карсакпае школу ФЗУ, затем работал в шахтах Жезказгана, позднее по совету Сатпаева поехал учиться в Казахский горно-металлургический институт. После его окончания в 1940 году был направлен в Киргизию, на рудник редких металлов. Оттуда его перевели сюда, опять не без вмешательства Каныша Имантайулы. Выходит, не зря он принял участие в судьбе Тохтыбаева, у него был дальний прицел...

— Я понял вас, Канеке, опыта у меня маловато, а подводить вас я не могу. Дело-то очень ответственное!

— Опыта у тебя действительно немного, — задумчиво проговорил Каныш Имантайулы. — Но если учесть то, что ты приобрел здесь, да до этого кое-что повидал, — немало получается. Нет, ты достаточно зрелый человек, к тому же закаленный на производстве. Не хорошо, когда в тридцать лет джигит говорит о себе: я еще зеленый, неопытный. Так что набирайся силы и мужества, Абдрахман! Пригодится, когда криворожцы уедут домой. А тебе до конца дней своих вкалывать здесь, ибо это твоя родина! Некуда тебе отсюда бежать, да и стыдно будет. Таким, как ты, нашим преемникам, предстоит и дальше осваивать богатейшие недра Улутауского края...

* * *

12 июня 1967 года Жездинский рудник отмечал свое двадцатипятилетие. На торжественном собрании выступил ветеран рудника, его директор Абдрахман Тохтыбаев:

«Помню тяжелый сорок второй год. Титаническую работу нашего коллектива, добывавшего драгоценное стратегическое сырье для фронта, для победы! Какие трудности пришлось преодолеть первопроходцам-геологам, нашему замечательному ученому Канышу Имантайулы Сатпаеву, чтобы неизвестное, затерянное в степях Казахстана месторождение превратить в мощный центр добычи марганца. Неоценим вклад Жезды в дело победы! Неоценима заслуга открывших

это замечательное месторождение!.. Что скажут нам теперь вчерашние горс-спецы и скептики? И по сей день выдает тысячи тонн отличной руды Жездинское месторождение. Выдает и будет выдавать! А ведь и Сатпаев, и его коллеги-единомышленники были объявлены тогда карьеристами и фантазерами. Достаточно вспомнить, как высмеивали их прогнозы запасов. Кто прав, показало время! С тех пор мы дали Родине десятки миллионов тонн высококачественного сырья. Сбылись пророческие слова незабвенного Каныша Имантаевича. Он шутя говорил нам, тогда еще молодым инженерам: «Хотя Жезды не полководец, кующий победу в сражении, но он храбрый и славный солдат, делающий эту победу реальной!»

С тех пор прошли десятки лет. На Жездинском руднике теперь работает третье поколение горняков. А сам рабочий поселок стал центром Жездинского района...

НАКАНУНЕ

I

Первыми научными учреждениями в Казахстане, как отмечено в хронике событий прошедших лет, являлись отделы и подотделы Императорского русского географического общества, созданные в 90-х годах XIX столетия, которые были открыты в Омске, Оренбурге, Семипалатинске, Ташкенте (фактически охватывая весь Туркестанский край, куда тогда входили все нынешние южные области Казахстана), и чуть позднее в городе Верном (теперь Алматы). Несмотря на малочисленный штат, сотрудники этих учреждений, люди в основном образованные и жадные до знаний, внесли большой вклад в изучение истории, быта, природы казахских степей. Кстати, изучение обширных пространств Сарыарки, Турланской низменности, заодно и ее обитателей – кочевников-номадов, называвшихся в этих своеобразных научных описаниях искаженно киргиз-кайсаками или просто киргизами, началось гораздо раньше, когда подготавливались предпосылки к окончательному присоединению этих земель к России. Еще интенсивнее продвижение в глубь степи началось с основания русских городов Оренбурга и Омска, бывших в то время дальними окраинами Российской империи, из них ежегодно снаряжались разные экспедиции, ставившие целью изучить все природные богатства, флору и

фауну, климатические особенности, водные источники, лесные угодья и т. п. Со временем эти города стали средоточием научной мысли и административными центрами, откуда шли все указания по управлению и преобразованиям, осуществлявшимся на обширных территориях...

А по-настоящему изучение казахской степи с целью выявления ее разнообразных природных богатств началось в XX веке, в 30-е годы оно велось уже повсеместно. Известно, что именно в то время было создано общество по изучению Киркряя, оно имело физико-медицинские и культурно-педагогические отделы, которые работали в Уральске, Орде, Петропавловске и Кокшетау. Но более конкретно этими вопросами занимался Академический центр при Наркомате просвещения Казахской АССР, находившийся в Оренбурге: в основном он руководил созданием первых учебников для повсеместно открытых казахских школ; внедрением нового алфавита. Архивы этого ведомства свидетельствуют о том, что во главе такого замечательного исторического дела стояли лидеры всеобщего движения за национальное возрождение: Ахмет Байтурсунов, Мир-Якуб Дулатов и их талантливые последователи — Жусупбек Аймауытов, Магжан Жумабаев, Смагул Садвакасов, Алимхан Ермеков и другие...

Ясно, что лишь одно просвещение без экономических и социальных преобразований не могло продвинуть молодую республику вперед. Необходимы были программы скорейшей разработки ее природных богатств, подъем на этой основе промышленности и развитие транспорта, связи. Для всего этого требовались фундаментальные научные исследования. Именно этот вопрос был поставлен на очередной сессии АН СССР, состоявшейся в феврале 1932 года. Ученые мужи отмечали, что *«возрождающемуся Казахскому краю нужен свой организующий академический орган, который занимался бы выработкой научно обоснованных программ развития на будущее»*. Курс на индустриализацию, взятый страной, также нуждался в целевых проектах по всем отраслям народного хозяйства.

И, согласно решению научной сессии, уже 8 марта того же года по инициативе правительства Казахской АССР была создана Казахская база АН СССР. Первоначально она имела лишь два отдела — ботанический и зоологический. Первый из них в том же году заложил Алматинский ботанический сад, существующий поныне. А зоологический начал планомерное изучение животного мира степи. Через три года воз-

ники еще два отдела (они стали называться секторами) — исторический и геологический. В 1936 году база снова расширилась: открылись секторы казахского языка, а также литературы и народного творчества имени Жамбула Жабая; в тот же год их реорганизовали в исследовательский институт по изучению национальной культуры...

От года к году республика набирала силы, креп ее хозяйственно-экономический потенциал. Соответственно усложнялся состав базы, рос штат научных работников. Развивающаяся промышленность требовала все большего размаха исследований. Потому в 1938 году президиум АН СССР преобразовал казахскую базу в филиал, дополнительно организовав еще два сектора — почвоведения и географический.

Все же надо признать очевидное, в республике наука преимущественно развивалась и имела постоянно действующие учреждения в сельскохозяйственной и биологической отраслях: например, Алматинская плодово-ягодная станция действовала с 1919 года, а краевая станция защиты растений с 1924 года, созданный здесь же в 1926 году НИИ удобрений и агропочвоведения имел опытные поля и станции в Уральске, Семипалатинске и в других городах. Следом за ним открылись ботанические сады в Алматы, Балхаше и Риддере. В 1933 году организован институт животноводства, через год — зернового хозяйства, и еще через год — институт земледелия имени Вильямса, а также институты ветеринарии и экономики сельского хозяйства. Одновременно с ними стали вести планомерную научную работу по районированию зерновых культур и введению новых сортов Карабалыкская, Уральская, Шортландинская и Жетысуская опытные станции. Все эти научные учреждения и вновь созданные в разных уголках исследовательские очаги со временем настолько окрепли, что стало возможным в Казахстане уже в 1940 году открытие филиала ВАСХНИЛ.

И по уровню развития медицинской науки Казахстан был не в последних рядах среди союзных республик. Начало этой отрасли науки, бесспорно, положил Алматинский врачебный институт, открытый в 1931 году. Отметим, что с 1932 по 1960 год в республике уже действовали 11 институтов по изучению природы различных заболеваний и предупреждению их. А с 1966 года уже пять казахстанских институтов готовили высококвалифицированных врачей...

Как видим, громадные успехи на научном фронте были налицо. Как бы сегодня ни старались не замечать очевидных сдвигов в духовном развитии казахстанцев в первые два десятилетия советской власти, надо признать, что очень мно-

гое было сделано именно в те годы. Можно сказать, духовная сила начавшего осознать свое историческое предназначение кочевого народа была подобна пробудившемуся от многовекового сна вулкану!.. Тому подтверждение – бурный всплеск науки в те годы. Она достигла бы еще больших высот, если бы вожди нации и государства не загнали бы ее в узкие рамки жестких догм марксизма-ленинизма, не преследовали бы инакомыслящих, время от времени не проводили бы чисток и без того не очень густых рядов первых национальных интеллигентов, в первую очередь научных работников. Во второй части настоящей книги мы уже рассказывали об известных людях, которые по долгу службы или благодаря другим обстоятельствам были связаны с нашим героем, о том, как они необоснованно подвергались репрессиям. До боли в сердце обидно, когда восстанавливаешь в памяти имена этих безвинно погубленных людей. Достаточно назвать лишь некоторые, чтобы стало ясно, какие невосполнимые потери понесла наука: автор казахского алфавита Ахмет Байтурсунов, создатель первого учебника математики и поэт Мир-Якуб Дулатов, мастер художественного слова и автор ряда учебников по психологии Жусупбек Аймауытов, автор «Высшей математики» Алимхан Ермаков, историки Халел Досмухамедов и Санжар Асфендияров, историк и железнодорожник, вложивший немало сил в строительство Турксиба Мухамеджан Тынышпаев, талантливый инженер-поисковик Мергали Кадылбеков и многие-многие другие. Их не десятки и не сотни, а тысячи! И все они погибли в застенках ОГПУ, в лагерях на берегу Белого моря или в Сибири. Всем им не было и пятидесяти лет (кроме А. Байтурсунова), когда они были изолированы от общества, ради блага которого они терпели нужду и лишения, приняли муки и смерть.

Институт геологических наук, куда Каныша Имантайулы пригласили директором, был пока единственным самостоятельным исследовательским учреждением в системе КазФАНа. Вслед за ним в том же 1941 году открылся Институт истории, языка и литературы. (А первый, созданный в 1936 году НИИ по изучению национальной культуры, через два года был упразднен из-за отсутствия научных кадров, так как почти все его сотрудники во главе с профессором-языковедом Кудайбергеном Куанулы Жубановым были репрес-

сированы. Вот вам наглядный пример того, как в республике методично уничтожались видные представители национальной научной интеллигенции.)

Поскольку филиал нацелил всю свою научную деятельность на удовлетворение нужд обороны страны, повысилось практическое значение выполняемых исследований. Вскоре после начала войны на базе соответствующих секторов возникли Химико-металлургический институт и Институт астрономии и физики.

Таким образом, к концу 1941 года в Казахском филиале уже действовало четыре института, шесть секторов самостоятельно вели научно-исследовательские работы. В них работали три доктора (один из них казах), четырнадцать кандидатов наук (трое — местные) и около сотни научных сотрудников. Конечно, при таком явно слабом составе говорить о настоящем академическом научном центре было еще рано...

Свидетельствует академик АН СССР **В.Г. ФЕСЕНКОВ**:

«В первый год Великой Отечественной войны советские астрономы, приехавшие в Алма-Ату для наблюдения полного солнечного затмения 21 сентября 1941 года, оказались на положении эвакуированных, после окончания своей работы мы уже не могли вернуться обратно. Однако не почувствовали тяжести положения, так как встретили активную поддержку со стороны руководства Казфилиала... и особенно со стороны Каныша Имантаевича Сатпаева. Для успешного продолжения научной работы мы предложили создать при Казфилиале АН СССР Институт астрономии и физики. Этот проект активно поддержал К.И. Сатпаев. После его доклада в Совнарком Казахской ССР в октябре 1941 года можно было приступить к организации института, его астрономической обсерватории и созданию для его сотрудников необходимых условий... Несмотря на то, что институт сначала занимал всего лишь одну комнату в здании Казфилиала, в нем началась активная научная работа. Каждую пятницу проводились научные собрания с докладами сотрудников, в которых время от времени принимал участие и Каныш Имантаевич».

А какую лепту внесли в дело обороны страны новые институты, например, астрономии и физики? Архивы свидетельствуют, что в годы войны в лабораториях была налажена такая тонкая и сложная работа, как спектральный радиометрический анализ руд, поступающих от полевых экспедиций. В основном это было делом физиков. Но и астрономы плодотворно трудились для фронта. В творческом содружестве с ботаниками они занялись исследованиями, необходи-

мыми для изготовления светофильтров. И вскоре противовоздушная оборона страны получила эти приборы. А содружество столь несхожих на первый взгляд наук привело в конце концов к неожиданному результату: в Казахстане родилась астроботаника — наука, до тех пор не существовавшая в мире.

Крестным отцом этой новой науки был член-корреспондент АН СССР Г.А. Тихов. Вынужденный военными обстоятельствами остаться в Алматы, Гавриил Адрианович вскоре полюбил своеобразный город-сад, особенно абсолютно прозрачное небо над Алматинской обсерваторией, которая была расположена на достаточно большой высоте, что и позволяло всемирно известному астроному вести постоянные наблюдения за ночным небом. Да и сама научная среда, сложившаяся в те годы в столице солнечного Казахстана, располагала большого ученого к тому, чтобы насовсем остаться в этом городе. Его уважали и всегда шли навстречу его пожеланиям: после войны алматинские астрономы заполучили самый большой в мире телескоп Максутова, изготовленный по их заказу в Ленинграде, который позволял им проникнуть глубже в извечные тайны звезд. Разумеется, чтобы завладеть телескопом-гигантом, нужно было достать некую астрономическую сумму — но Каныш Имантайулы сумел-таки убедить правительство в необходимости выделения нужных средств, и в конечном итоге казахстанские астрономы ответили на это сенсационными открытиями, обогатившими мировую науку о вселенной.

Значительными достижениями начинал свою работу и Химико-металлургический институт. Его ученые помогли специалистам Балхашского медеплавильного завода наладить технологию выплавки металла из богатых жезказганских руд, а до этого предприятие работало только на бедном коныратском сырье; для Чимкентского и Лениногорского свинцовых заводов институт вел исследования по извлечению ценных компонентов из отходов обогатительных фабрик; именно в эти годы впервые сумели использовать отходящие сернистые газы металлургических заводов для создания в республике новой серноокислотной промышленности. В период войны металлурги республики с помощью ученых наладили выпуск нескольких новых остродефицитных редких металлов, а раньше они безвозвратно уходили вместе со шлаками или без пользы лежали в «хвостах» обогатительных фабрик. Основные усилия химиков были также направлены на использование в народном хозяйстве сырьевых запасов Казахстана. В кратчайшие сроки они раз-

работали промышленные способы получения жидкого стекла, карбида кальция, каустической соды, бентонитов и многих других видов продукции, имевших важное значение для обороны страны. Пожалуй, самыми серьезными их достижениями были детальное изучение месторождения фосфоритов и открытие способа получения из них минеральных удобрений.

Такая же напряженная работа шла и в других секторах филиала, в научных институтах, открытых в годы войны. Еще в начале ее ботаники, физиологи, биохимики передали производственникам новую технологию получения дубильных веществ, прочных растительных красок, витаминов, поташа и других ценных продуктов из растительного сырья. Весьма кстати оказалось открытие талантливым казахским ученым Каримом Мынбаевым каучуконосных растений — каратауский таусагыз позволил обеспечить десятки тысяч машин на фронте и в тылу высококачественной резиной. Почвоведы республики также не остались в долгу: в первые месяцы войны они сумели составить агротехническую карту почти всех областей Казахстана, что дало земледельцам возможность увеличить в следующем году посеvy зерновых культур во много раз... Кстати, возглавить почвоведческий сектор филиала был приглашен Умурбек Оспанов, бывший аспирант Всесоюзного института почвоведения имени Докучаева, после аспирантуры заложивший рядом с Жезказганом, в пустынной степи ботанический сад. С приездом этого истинного труженика науки исследования в секторе намного оживились, что и привело затем к созданию специального института. Так было почти во всех секторах, отделах, научных институтах. Всюду кипела работа. Лозунг: «В тылу, как на фронте!» определял все устремления коллектива филиала.

Общий штат филиала к концу 1943 года достиг уже 576 человек, среди которых было 2 академика, 4 члена-корреспондента, 26 докторов наук и профессоров, 76 кандидатов наук и старших научных сотрудников без степеней. Уже 65 человек учились в аспирантуре. За два года войны филиал снарядил 72 научные экспедиции (39 из них — Институт геологических наук), чтобы найти залежи металлосодержащих руд для нужд войны.

Пополнение кадрами постоянно расширяющихся институтов и секторов филиала шло в основном тремя путями: первый из них — приглашение одаренных, способных специалистов с промышленных предприятий, — хотя у них не бы-

ло ни ученых степеней, ни навыков исследовательской работы, но они хорошо знали производство; второй — приглашение на временную или постоянную работу крупных ученых, эвакуировавшихся в Алматы. Впоследствии многие из них остались в столице Казахстана, избрав ее местом постоянного жительства.

Из воспоминаний В.А. УЛЬЯНОВСКОЙ:

«Разразилась война. Стал остро вопрос, куда вывезти из Москвы детей сотрудников Академии наук. Предлагались разные варианты, разные города. Я вспомнила о радушном приеме своих друзей-казахстанцев, которых к этому времени у меня уже появилось немало, вспомнила о словах председателя Казсовнаркома Ондасынова и решила дать телеграмму о возможности вывезти детей в Казахстан.

А через два дня мне позвонили из Казахского представительства.

— Товарищ Ульяновская, сегодня ночью мне звонил по телефону товарищ Ондасынов и просил передать вам, что не только детей сотрудников Академии наук, но и всех академиков правительство Казахстана приглашает приехать в республику. Назовите любое место.

— Можно детей отвезти в Боровое? — задан был мною вопрос. — Куда переводить за содержание детей деньги?

— Повторяю указание товарища Ондасынова, — ответил мне полпред. — Можно везти в любое место, в том числе и в Боровое, а о деньгах... ведь детей повезут в республику Советского Союза, какой же может быть разговор о деньгах?..

...В середине 1941 года не только дети сотрудников Академии наук, но и многие академики с семьями выехали на замечательный курорт Казахской ССР — Боровое, а некоторые институты, в том числе Институт истории, экономики, географии АН СССР — в столицу республики — Алма-Ату».

Почти весь состав Президиума академии, светила советской науки собрались в городе у подножия Алатау. Они приехали не на день или на неделю, им предстояло целый год работать здесь. Вот имена некоторых из них: металлурги А.А. Байков и И.П. Бардин, геолог В.А. Обручев, горняки Л.Д. Шевяков и А.А. Скочинский, химик Э.В. Брицке, агрономы Д.Н. Прянишников и Н.В. Цинин, транспортник В.Н. Образцов, почвовед Л.И. Прасолов, бывший председатель Госплана СССР и ученый-энергетик Г.М. Кржижановский и другие...

Глава Казахского филиала, человек дела, умело воспользовался представившимся случаем для всестороннего развития республиканской науки. Но прежде чем подключить эвакуированных ученых к научной деятельности, надо было ок-

ружить их вниманием и заботой. По причине военного лихолетья они оказались далеко от родного очага, лишенными привычной обстановки. Предстояло сделать так, чтобы эти пожилые люди поменьше думали о бытовых мелочах жизни. С жильем в Алматы туго, пустующих квартир ни у кого нет, но если каждый сотрудник филиала потеснится, то можно предоставить уголок или комнату приезжему специалисту. Академиков устроили с настоящим комфортом: правительство республики выделило им для жилья самый лучший дом отдыха в урочище Медеу.

— Как вы себя чувствуете здесь? Как устроились, не нуждаетесь ли в чем-либо? Не стесняйтесь, говорите, сделаем все, что в наших силах. Уважать гостя, отдавая ему, что имеешь, — традиция казахского народа. Нам будет стыдно, если чем-нибудь вас обидим... Лучше говорите сразу, чтобы потом нам не краснеть!..

После таких искренних слов Каныша Имантайулы ученый гость, пришедший в его кабинет с каким-либо делом, сам начинал предлагать свою помощь в укреплении новых институтов. Порою между делом высказывал и свою просьбу. Обычно она касалась поиска необходимой литературы или бытовых мелочей, обременительных для престарелого человека. Глава филиала тут же вызывал одного из научных сотрудников, поручал ему незамедлительно выполнить просьбу гостя. Случалось, иной слишком гордый работник, выполнив пару таких поручений, выскажет свою обиду: «Канеке, сколько нам еще бегать ради этих ворчливых стариков, искать для них то карандаши, то чернила, доставлять бумаги, книги... Не слуги же мы, не мальчишки на побегушках, в конце концов!» Услышав подобные претензии, Каныш Имантайулы улыбнется, а потом не то всерьез, не то в шутку скажет: «Эх, джигиты, как наивно вы рассуждаете. Слышали когда-нибудь, чтобы кому-то было худо из-за чрезмерного почтения к аксакалам? Нет, разумеется. Ну, тогда кончайте этот детский разговор! Лучше побольше общайтесь с этими поистине благородными людьми. Сделайте так, чтобы они ни в чем не нуждались, а сами приобщайтесь к богатству их знаний, черпайте эти знания полными пригоршнями».

Свидетельствует казахстанский академик **Н.В. ПАВЛОВ**:

«В мае 1942 года в самый разгар весны, когда алматинские сады, точно свадебной фатой, были одеты бело-розовым цветом яблонь, прибыл в Алма-Ату... президент Академии наук СССР В.Л. Комаров

с женой и довольно многочисленным штатом. К.И. Сатпаев встречал его на вокзале, устроил на жительство в лучший дом отдыха за городом и заботился о всех необходимых мелочах жизни нашего дорогого гостя. Он сумел так обставить дело, что за короткое время В.Л. Комаров начал чувствовать себя лучше, чем в Свердловске, и развил энергичную деятельность. Во всех начинаниях он опирался на дружескую помощь, всестороннее содействие, а подчас и творческую инициативу К.И. Сатпаева, с которым он чрезвычайно близко сошелся и которого вскоре очень искренне полюбил. Неоднократно В.Л. Комаров говорил мне: «Я не знаю, что мы стали бы делать, если б в Казахстане не было Каныша Имантаевича. Честь и хвала Казахскому филиалу, что у него такой блестящий и деятельный руководитель». Между В.Л. Комаровым и К.И. Сатпаевым установился прочный деловой контакт, а искренняя приязнь и уважение, которые они питали друг к другу, чрезвычайно содействовали простоте и сердечности отношений...»

Новые научные институты начали свои исследовательские работы под непосредственным руководством маститых ученых, с участием авторитетных специалистов и в соответствии с требованиями военного времени быстро становились на ноги.

Но основным, по нашему счету, третьим источником пополнения штата сотрудников создающихся научных учреждений была аспирантура, открытая при филиале. В нее направлялись способные молодые люди с производства и из вузов. В основном здесь велась подготовка национальных кадров. Кроме того, президиум филиала при поддержке правительства республики добился дополнительных мест для казахстанцев в аспирантурах центральных городов. В них уже учатся 120 сотрудников.

Все эти организационные мероприятия привели к тому, что за 1941—1945 годы КазФАН вырос не только в количественном отношении, но и пополнился опытными исследователями. Рекомендациями филиала пользуются и промышленные предприятия, и сельское хозяйство. Не обходятся без советов институтов КазФАНа и плановые, проектные организации.

Руководитель филиала тоже значительно вырос как организатор науки и как теоретик. Круг его интересов весьма широк и многогранен. Это признают не только в республике. В конце 1942 года президиум филиала провел юбилейную сессию, посвященную десятилетию со дня образования научного центра в Казахстане. Основным докладчиком выступил К.И. Сатпаев.

«За истекшие четверть века в пределах Казахстана были выявлены громадные богатства его недр в таких районах, как Рудный Алтай, Жезказган, Актюбинский комплекс, Караганда, Эмба-Гурьевский регион, представляющие из себя мировые уникалы. За это время созданы мощные индустриальные центры по выплавке цветных металлов, форсированно строится завод черной металлургии, создана третья угольная база Советского Союза — Караганда. Казахстан за это время стал первым в Советском Союзе районом по запасам таких металлов, как медь, свинец, цинк, хром, никель и многих других. За советские годы с немалым размахом шли научные работы по исследованию и других богатейших природных ресурсов Казахстана, таких, как животный и растительный мир, его почвы... Сегодня наши города имеют обширную сеть школ, вузов, втузов и исследовательских организаций. Среди них имеются такие крупные и комплексные научные учреждения, как Казахский филиал АН СССР, филиал Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина, Казахский государственный университет, Казахский горно-металлургический институт... Выросла интеллигенция из коренного населения. Казахстан сегодня имеет своих талантливых писателей, композиторов, художников, артистов. Имеет свои прекрасные театры... У нас многочисленный состав врачей, педагогов, агрономов, ученых-зоотехников, биологов, химиков, инженеров...» В заключительной части доклада Каныш Имантайулы поставил перед слушателями три главные задачи: «Во-первых, продолжать начатые исследовательские работы с прежним размахом; во-вторых, добиться безусловного выполнения тех исследований, которые связаны с нуждами войны; и, наконец, в-третьих, определить те направления, на которых должны сосредоточиться работы ученых и научных организаций, чтобы в ближайшие годы создать в Казахстане свою Академию наук...»

Последние слова председателя президиума филиала потонули в аплодисментах. Но, аплодируя ему, очень многие с сомнением отнеслись к услышанному. В самом деле, как можно, имея лишь четыре института и шесть секторов, говорить о создании академии? Не попахивало ли здесь прожектерством?..

Дадим слово очевидцу этого примечательного собрания, состоявшегося холодной и тревожной осенью 1942 года. Академик Ш.Ч. ЧОКИН в своей мемуарной книге «Четыре времени жизни» вспоминает: «В том не было ничего неожиданно. Ибо кроме будущего президента, никто другой среди ученых и общественных деятелей республики так отчетливо не представлял перспективы казахстанской науки. Размах дарования в сочетании с глубокими знаниями возможностей сынов и дочерей родной земли давали ему в руки убедительные доказательства того, что вносимые им предложения имеют твердую почву...»

После переезда в Алматы Каныш Имантайулы активно занялся научной работой. В основном это были статьи, написанные в целях достижения признания того или иного месторождения или результатов исследовательских работ. Сатпаев считал своей главной задачей обратить внимание производителей на какой-то вопрос. Он не учился в аспирантуре и докторантуре, зато ему довелось пройти практическую «аспирантуру» трудовой жизни. И вот под его руководством работают десятки ученых, среди них несколько докторов наук. Канышу Имантайулы по долгу службы приходилось не только советоваться с ними, а иной раз и указывать им, направлять их деятельность. Поневоле пришлось задуматься о научной степени...

В 1942 году он публикует две монографии. Первая из них — «Медистые песчаники Казахстана и Советского Союза». Материалы для этого труда он собрал еще в годы работы в Жезказгане. Работа написана как итоговое обобщение многолетних наблюдений пытливого разведчика недр. Практическая ценность ее заключалась в обобщающих выводах и рекомендациях геологам-поисковикам по скорейшей разведке и распознаванию меднорудных месторождений, что было особенно важно в годы острого дефицита меди. Вторая монография называлась «О возможностях развития в Казахстане черной металлургии». В ней автор давал геологическое описание всех железорудных месторождений республики, указывал наиболее перспективные из них, которые могли бы стать сырьевой базой промышленности.

Научные изыскания были сразу же поддержаны правительством республики. Кроме того, Каныш Имантайулы доводит результаты своих исследований до сведения комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана, членом которой он также состоял. Мало того, с личным письмом обращается к наркому черной металлургии И.Ф. Тевосяну, заведомо зная, что сей государственный муж не оставит без внимания его предложения. А тут еще правительство во что бы то ни стало решило пополнить мощности, недостающие из-за временной потери Кривого Рога и южноукраинских заводов черной металлургии. Ровно через четыре месяца, в апреле 1942 года Совнарком СССР принимает постановление о строительстве в Казахстане перedelьного завода по производству стального проката, чтобы в будущем на его основе создать комбинат

черной металлургии с полным циклом. Разумеется, зачинатель этой идеи Сатпаев был введен в комиссию по выбору места для нового производства.

Весной того же года комиссия выехала в Караганду. Для того чтобы выплавить железо, нужен коксующийся уголь. В Караганде его предостаточно, но мало воды. А без нее заводу не жить. Что делать? В портфеле Сатпаева было три варианта решения этой проблемы, разработанных учеными КазФАНа. Один из них — использование Самаркандского озера, которое питала самая большая река в этих краях Нура. Там же располагалась КарГРЭС. Взвесив все предложения, комиссия выбрала этот вариант. И название горы, что упиралась в озеро с северной стороны, горы **Темиртау***, автоматически перешло в проект будущего завода.

В дальнейшем члены комиссии должны были проехать по железорудным месторождениям. Но тут случилось непредвиденное. Та самая болезнь, которая все не отпускала Каныша Имантайулы с прошлого года, вновь свалила его на полпути. Пришлось отправить его санитарным самолетом в Алматы. Наскоро собранный врачебный консилиум снова поставил прошлогодний диагноз: кишечный туберкулез... Но на этот раз ему повезло. В Алматы в это время находился один из известных специалистов по кишечным заболеваниям. Осмотрев больного, он поставил совершенно другой диагноз: «Хронический аппендицит, без промедления — на стол!» При операции диагноз подтвердился, и мучениям больного пришел конец.

Еще до войны был завершен большой труд Сатпаева «Рудные месторождения Жезказганского района», начальные главы которого еще в 1927—1928 годах были опубликованы в журналах «Жана мектеп» и «Народное хозяйство Казахстана» и в других изданиях. За пятнадцать лет исследование выросло в крупную монографию. В 1942 году Канышу Имантайулы Сатпаеву присудили за нее Сталинскую премию. В сущности, то была награда за Большой Жезказган, который в самые трудные дни войны давал стране колоссальное количество дешевой меди.

«... Много лет своей жизни К. Сатпаев посвятил Жезказганскому месторождению меди в Центральном Казахстане, — говорилось в газете «Правда» в номере от 17 июля того же года, в статье «Оружие на-

* Жауыртау — дословно: Лысая гора — его заменили на слово, означающее «Железная гора», автором идеи является К.И. Сатпаев.

уки». — Медь в Жезказгане была найдена давно, но существовало убеждение, что ее там совсем немного. Сатпаеву стоило большого труда заново открыть то, что было плохо открыто, — доказать, что Жезказган — крупнейшее месторождение меди. Если бы Сатпаев был только геологом, его бы это удовлетворило. Месторождение очерчено, запасы подсчитаны, происхождение руд выявлено. Чего же еще? Но Сатпаев не только геолог. Сатпаев — государственный деятель. Разыскивая медную руду, он уже видит в степи корпуса заводов, которые будут эту руду превращать в металл. Но чтобы возник завод, мало одной руды. Для постройки печей необходима огнеупорная глина. Для зданий нужны строительные материалы, выплавка металла не может идти без угля, без флюсов. Стране нужна сталь — Сатпаев ищет и находит в Казахстане богатейшие железные месторождения. Он ищет не только железо, но и марганец, который необходим для черной металлургии. Он исследует гидрогеологию района: ведь заводам потребуется вода. Он ищет все, что необходимо для создания в Казахстане мощного металлургического комбината. Медь и железо — две огромные задачи, решенные Сатпаевым. Но он не оставляет без внимания и то, что может казаться мелочью... Эта черта его как ученого и государственного деятеля во всем блеске проявилась в дни войны».

«Берите пример с лауреата Сталинской премии товарища Сатпаева, много сделавшего для развития цветной металлургии Казахстана!» — сказано в первомайском 1942 года обращении ЦК КП(б) Казахстана, СНК и Президиума Верховного Совета Казахской ССР к трудящимся республики.

К этому времени Сатпаев был автором более сорока опубликованных научных трудов. Некоторые из них под стать солидным диссертациям. Поэтому 17 августа 1942 года Высшая аттестационная комиссия по совокупности работ присваивает ему ученую степень доктора геолого-минералогических наук.

Решение ВАК было лишь первым шагом на пути широкого признания заслуг Сатпаева как ученого. Летом 1943 года прошли очередные выборы в Академию наук СССР. Каныш Имантайулы был избран членом-корреспондентом по геолого-географическому отделению. Перед этим его ввели в комиссию академии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны. В 1942 году он становится членом Всесоюзной комиссии по запасам полезных ископаемых Комитета по делам геологии при СНК СССР; он оставался им до конца жизни. В 1943 году Каныш Имантайулы был утвержден председателем президиума Казахского филиала АН СССР, обязанности

которого он выполнял со дня приезда в Алматы. В этой должности он пребывал до организации республиканской Академии наук.

Итак, в сравнительно короткое время на него свалилась масса ответственных обязанностей. Но все поручения он должен выполнить в соответствии с требованиями военного времени. Ответственность связана с постоянным напряжением, вечным беспокойством... Не просто руководить, советовать — вмешиваться в решение всех малых и больших дел. Теперь он полномочен распоряжаться крупными средствами, определять судьбу целой отрасли промышленности и науки. Все эти дела государственной важности. Он член многих комитетов, комиссий, советов. Мнение его может повернуть в желаемое русло любую важную инициативу.

Зимой 1943 года в Алматы состоялась представительная встреча московских и ленинградских кинематографистов с деятелями культуры Казахстана. Обсуждался вопрос о съемках большого фильма, посвященного гостеприимной республике. Заметным явлением на этом совещании писателей и деятелей кино стала речь руководителя казахской науки, в ней отразилось все богатство природы Сатпаева, самобытность его творческой мысли.

Вспоминает член-корреспондент НАН РК Кажым ЖУМАЛИЕВ:

«... Это был разговор России и Казахстана. Устами Эрлера (главный режиссер «Ленфильма». — М.С.) говорила Россия, а Казахстану предстояло ответить тут же, не откладывая, без предварительной подготовки. Кто же будет говорить от имени Казахстана? Мы молчали не потому, что нечего было сказать, нас сковывала небывалая представительность совещания, количество видных деятелей, чуть ли не королей красноречия. Молодые надеялись на старших, старшие — на молодых...

И вдруг Каныш Имантайулы тепло улыбнулся и, как всегда, приметной стала на его подбородке ямочка.

— Позвольте мне как читателю и зрителю сказать два слова.

Мы облегченно вздохнули, а по залу прошелестел шепот удивления: писатели, артисты, кинорежиссеры молчат, а ученый-геолог хочет говорить о литературе и искусстве.

Сатпаев поднялся во весь богатырский рост и заговорил. Надо было слышать эту речь! Ни конспекта, ни тезисов, ни заметок у него не было. Он не применял эффектных ораторских приемов, не повышал голоса, не жестикулировал. Речь его на прекрасном русском языке текла свободно, как большая равнинная река, и были в ней присущие таким рекам широта, глубина и плавность. Пожалуй, больше всего меня поразила простирающаяся из глубокого знания и убежденности

свобода выражения мысли. Это была не речь, а мысли вслух, не выступление, а неторопливая беседа, не слово на ответственном совещании, а доверительный разговор с друзьями. Так маститый профессор читает многолетне проверенный курс перед знакомой студенческой аудиторией. Русские, евреи, казахи — все замерли, как притянутые магнитом... Ни перешептывания, ни кашля, ни движения. Мягкий, густой, музыкальный голос этого изумительного человека покори нас. Он звучал, как родник живой воды, отразивший солнечный луч. Слова Сатпаева были на удивление просты, но в них чувствовалось биение ищущей, беспокойной мысли, мудрость многознающего, богатого опытом человека.

— Нельзя окинуть взором наш Казахстан, — говорил он. — ...Республика наша таит в себе природные сокровища, которые под стать ее безбрежным просторам... Да будет вам ведомо, что девять десятых свинца, который ежедневно обрушивается смертоносным ливнем на головы фашистов, производится у нас. Фронт только что получил танки со сверхпрочной броней. И в этом немалая наша доля. Все же это только начало индустриальной эры завтрашнего Казахстана. Богатейшее будущее промышленного Казахстана заложено в его неисчислимых сокровищах недр. В старину о Бетпакдале — Голодной степи говорили: «Не пройдет конь — копыта сожжет, не пролетит орел — крылья опалит». Но и пустыня, и горы, и вся бескрайняя степь — это кладезь угля и свинца, меди и серебра, вольфрама и золота...

Сатпаев говорил, а мы, все присутствующие, боялись пропустить хотя бы слово. Он красочно, сочными мазками нарисовал картину становления казахстанской индустрии, ее бурный рост и для всех осязаемые достижения, ее вчера, сегодня и завтра. А как хорошо он знал ее творцов и героев — старого шахтера Тусуна Кузембаева, жезказганцев, карагинцев, карсакпайцев. Он свободно, как о близких друзьях, говорил о передовиках индустрии, инженерах-новаторах, ученых.

— В казахском фольклоре и литературе есть давняя оптимистическая идея — идея познания и подчинения сил природы человеку. Она характерна для всей восточной культуры. Вспомните индийский народный эпос «Махабхарата», его главного героя Рамаяну, — он добывает счастье бедному народу тем, что отвоевывает райский остров Цейлон у царства джиннов-дьяволов, желающих заморить человеческий род голодом. Вспомните Батрадза из осетинско-нартского эпоса. Герой его не только уничтожает зло на земле, но и объявляет войну темным силам неба. Возьмите казахского Ер-Тостика, подземного и подводного странника, открывшего там несметные богатства и привезшего на землю золотой котел; вспомните башкирского человеколюбца Уралбатыра — он нашел живую воду, но не воспользовался ею сам, хотя ему очень хотелось стать бессмертным, а оросил тоскующую по воде родную землю...

Все от полноты души зааплодировали оратору. Аудитория загудела, выражая Канышу Имантайулы одобрение, любовь и восхищение. Эйзенштейн благодарно пожал ему руку.

Однажды его пригласил к себе первый секретарь Фрунзенского райкома партии города Алматы. Они были достаточно хорошо знакомы по работе. Канышу Имантайулы по долгу службы и раньше приходилось входить с ним в контакт. Сатпаеву нравились его требовательность, подчеркнута деловая строгость в работе, импонировала его манера обстоятельно, солидно обсуждать любой вопрос.

Входя в кабинет секретаря райкома, Каныш Имантайулы внутренне приготовился к очередному разговору о делах филиала. Но на этот раз секретарь вовсе не спрашивал о заботах ученых. Разговор пошел о другом:

— Каныш Имантаевич, вы занимаете высокие должности и выполняете государственные задания огромной важности, а до сих пор не член партии... Как-то не вяжется это с вашими практическими делами. Давно хотел об этом спросить, извините, что вторгаюсь в вашу личную жизнь...

— Что сказать вам? — неуверенно ответил Каныш Имантайулы. — Хотелось еще поработать как следует. Ведь в Алматы я недавно, и дело, которое доверено мне, тоже новое. Может быть, товарищи меня еще недостаточно знают...

— Скромничаете, дорогой. По-моему, вы сейчас работаете как настоящий коммунист.

— Все же я должен как следует подготовиться. Членом партии быть великая ответственность!

— Извините, но я что-то не понимаю вас.

Нелегко было Канышу Имантайулы отвечать на такие вопросы. Некстати начал этот разговор секретарь райкома, а может быть, специально, с какой-то целью? И разбередил душу. А может, с благими намерениями расспрашивает, не знает той старой истории... Вступить в ряды ВКП(б) он хотел еще в Жезказгане, давно это было. Однажды обратился с такой просьбой к тамошнему секретарю райкома. А тот, человек прямой, сразу стал расспрашивать о его происхождении; узнав, что отец был волостным бием, а некоторые родственники состоятельными людьми, махнув рукой, заявил: «Ничего не выйдет. Не пустят тебя с таким происхождением в ряды партии, не пытайся даже...» С тех пор он ни с кем не возобновлял этот разговор. И даже думать себе запретил об этом. Знал, надо работать целеустремленно, целиком отдавая себя делу. Если бы не сегодняшняя беседа, он ни за что не рассказал бы о том, что камнем лежало на сердце. Теперь пришлось все выложить.

Секретарь райкома долго не отвечал. А потом, глядя в глаза собеседнику, сказал:

— По-моему, прошло то время, когда по недоразумению честным людям отказывали в приеме в партию. Я поговорю с товарищами в Центральном Комитете, посоветуюсь. И сообщу вам...

Очевидно, этот разговор возник неспроста. На то были веские причины.

О некоторых из них подробно рассказывает в своей документальной книге «Путь национальной АН» академик Ш.Ч. Чокин, который в годы войны был избран членом бюро и вторым секретарем парткома КазФАНа: *«В начале 1944 года второй секретарь ЦК Компартии Казахстана Ж. Шаяхметов предложил Сатпаеву вступить в партию. Каныш Имантаевич с радостью принял это предложение. Рекомендации ему дали секретари ЦК Компартии Мухамеджан Абдыкалыков, Тихон Иванович Абабков и один из работников филиала, старый член партии С. Ержанов (знавший его с Баянаула. — М.С.). В то время на руководящую и тем более на такую большую должность, какой являлся председатель филиала АН СССР, не допускался беспартийный. Если же он являлся таковым, то на него смотрели с определенным недоверием, не оказывали должной помощи, чиновники-партийцы относились к нему высокомерно. По-видимому, и отчасти поэтому Каныш Имантаевич вступил в партию в 1944 году. Это развязало ему руки и дало возможность продвигать дела филиала более успешно...»*

ЕСТЬ АКАДЕМИЯ

I

В 1943 году филиал пополнился пятым институтом — почвоведения и ботаники. Через год были образованы еще два — краевой патологии и зоологии. Кроме того, в составе филиала работали уже девять самостоятельных секторов.

«Каныш Имантаевич примерно со второго квартала 1944 года загорелся идеей и упорно занимался преобразованием филиала в республиканскую Академию наук, — пишет Шапык Чокыулы Чокин в своей книге об истории создания НАН. — После долгого раздумья, посоветовавшись с учеными из союзной академии, находившимися тогда в Алматы в эвакуации, он внес предложение об организации 11 новых институтов. Руководство Казахстана эту идею Сатпаева посчитало совершенно нереальной. Каныш Имантаевич долго доказывал свою правоту всем, от кого зависело решение вопроса...»

Однако слишком большой размах предложенного плана, громадьё подготовительных мероприятий, притом осуществляемых в разгар все еще продолжающейся кровопролитной и трудной войны, скорее всего недалёковидность людей, стоявших у руля большой республики, сыграли свою роль. Словом, они с ходу отвергли его идею, тут же сделав замечание, чтобы Сатпаев в этом вопросе не очень-то зарывался и придержал свои чрезмерные фантазии.

Но они не учли неперклонного характера и пробивных способностей Каныша Имантайулы, который всегда доводил свои идеи до конца... Вскоре группа маститых ученых – академиком АН СССР – побывала у руководителей республики, где они убежденно заявили: «Пора ставить этот вопрос, от скорого решения которого зависят надлежащая подготовка и создание полнокровной и зрелой Академии наук Казахстана, достойной своей эпохи и своего талантливомго народа. Для этого мы считали бы уместным и необходимым специальное рассмотрение на бюро ЦК КП(б)К и СНК КазССР этого вопроса...»

Их письмо решительно повлияло на скептическое настроение руководства республики. Мнение людей из центра, на которое они всегда оглядывались, сыграло свою положительную роль. *«Далее необходимо было получить согласие и решение союзной АН и ЦК ВКП(б). С этой целью К.И. Сатпаев направился в Москву и взял меня с собой»*, – вспоминает Ш.Ч. Чокин. Кстати, и в Москве с явным неодобрением отнеслись к предложению казахстанцев. Особенно усердствовал совет филиалов и баз АН СССР, считая, что *«это чистая авантюра, нельзя ставить вопрос об организации сразу 11 новых институтов. Тем более в Алма-Ате сейчас нет ни подходящих помещений, ни кадров, ни материально-технической базы для научных учреждений...»*.

Но Сатпаев, как свидетельствует Чокин, «долго, упорно и настойчиво доказывал, что вопрос назрел». В конце концов ему удалось склонить совет филиалов на свою сторону. Разумеется, он дал согласие с оговоркой на то, что окончательное слово остается за ЦК. Ясно было, они надеялись, что их-то наверняка остановят там, в политических верхах. Так и случилось. Борис Никитич Митрейкин, инструктор ЦК ВКП(б), курировавший науку, упорно не соглашался с доводами казахстанцев. Все же в конце затянувшейся беседы сказал, что надо узнать мнение заведующего отделом Юрия Андреевича Жданова.

Здесь уже Каныш Имантайулы не полагался на свое красноречие, которое всегда действовало на большую аудиторию завораживающе, а нажимал на факты, веские доводы и политические аргументы, доказывая, какое исключительное значение имеет открытие академии для экономики большой, перспективной республики и духовного развития ранее угнетенного казахского народа. Это произвело глубокое впечатление на молодого партийного функционера, который отличался от старших коллег образованностью и интеллектом. Молодой Жданов мило улыбнулся, задал несколько вопросов о научных кадрах, затем, полистав положенные перед ним листки с информацией казахстанцев, сказал К. Сатпаеву и Ш. Чокину четко: «Ну, что же, дорогие товарищи, я в принципе не против затеянного вами дела, если его поддержит Владимир Леонтьевич Комаров. Привезите его письмо с ходатайством, тогда и рассмотрим...»

Этот знаменательный день предельно точно и подробно описан в воспоминаниях Ш. ЧОКИНА «Четыре времени жизни»:

«Ровно через час нас пригласила хозяйка дачи. Комаров вышел к нам, извиняясь, что заставил долго ждать. Шел в ту пору ему восемьдесят пятый год. Выглядел он не особенно хорошо. Супруга предложила чай. Мы с Рутманом (Михаил Маркович, работник Казпостпредства в Москве. — М.С.) больше молчали и слушали беседу Комарова с Сатпаевым. Издалека, исподволь Каныш Имантаевич подвел хозяина дачи к цели нашего визита.

— Но позвольте, — Комаров всполошился, — как можно просить открыть столько институтов? Товарищи из президиума правы, ответив, что, не имея ни кола ни двора... У вас нет необходимого оборудования, контрольно-измерительных приборов, экспериментальных баз. Пусть даже вам предоставят помещения и вы наберете минимум научных кадров высокой квалификации, в чем тоже сильно сомневаюсь...

— Владимир Леонтьевич, — мягко улыбнулся Сатпаев, — давайте так сделаем, чтобы нас рассудил самый беспристрастный и самый умный человек. Такой среди нас есть. Это ваша жена. Вы позволите, — обратился он к хозяйке, — скажите, пожалуйста, нужно ли человеку без жилья обзаводиться мебелью и утварью?

Радушная старушка, подавая чашку с чаем, смеясь, ответила:

— Разумеется, нет. Какой смысл без жилья покупать мебель?

От житейской находчивости Сатпаева президент немного смешался. Помолчав в нерешительности (брать на себя ответственность за одиннадцать институтов приходится не каждый день), Владимир Леонтьевич махнул рукой.

— Давайте проект, — сказал президент и размашисто расписался в верхнем углу документа.

На следующий день утром мы были в отделе науки ЦК партии. Митрейкин Б.Н. сказал Канышу Имантаевичу: «Трудно вас переспорить, умеете любого убедить и добиться своего!.. Надеюсь, теперь дела ваши пойдут быстрее...» Несколько дней спустя санкция ЦК была получена».

II

В августе 1944 года было принято совместное постановление бюро ЦК КП(б)К и СНК КазССР «О подготовительных мероприятиях по организации Академии наук Казахской ССР». Дальнейшая работа Казахского филиала проходила под знаком этого исторического решения. Оживилась переписка между Москвой и Алматы, участились командировки в столицу руководителей КазФАНа. Надо было согласовать структуру будущей академии. Действующим институтам с их возросшими штатами нужны были новые помещения, да и вновь открывающиеся требовали места... Их необходимо было обеспечить оборудованием, специалистами. Пора подыскать административное здание для академии. И все эти вопросы требовали безотлагательного решения.

В постановлении в числе первоочередных ставились задачи подготовки докторов наук из коренного населения. В качестве специального приложения был утвержден персональный список докторантов-казахов. Всего двадцать четыре человека. Им назначили специальные стипендии, так называемый «наркомовский паек», выхлопотали сносное жилье. Большинство докторантов для работы над своими диссертациями были направлены в Москву, где они получали самую квалифицированную помощь крупнейших специалистов, обеспечивались экспериментальной базой. Потом они возвратились в Казахстан, успешно защитив диссертации. Но оказались среди них и такие, которые не сумели воспользоваться предоставленными возможностями... Про них Каныш Имантайулы скажет в сердцах: *«Им не будет прощения. Молодая казахстанская наука должна оградить себя от таких разгильдяев и бездарей...»*

Скрупулезная, всеохватная работа по подготовке научных кадров разворачивалась и в Алматы. Увеличился набор в аспирантуру филиала. Молодым ученым оказывалась постоянная и всесторонняя помощь. И уже в 1944 году несколько диссертаций было подготовлено к защите. Научные советы благожелательно рассматривали любые просьбы. Только одно получало резко отрицательную оценку: попытка исполь-

зовать момент для того, чтобы выйти на защиту с заведомо слабой диссертацией. «Наука — не базар, в нее надо идти с чистыми руками и чистыми помыслами...» — говорил руководитель филиала.

Пожалуй, наиболее трудным был путь к защите для тех, кто пришел в исследовательские институты с производства. Многие из них были по-настоящему талантливыми специалистами. Почти у всех внедрены десятки рацпредложений, у некоторых даже открытия имелись. Но эти люди не всегда хотели браться за перо, чтобы изложить свои мысли на бумаге.

Рассказывает Таисия Алексеевна САТПАЕВА:

«В связи с этим вспоминается такой случай с одним из крупнейших геологов Казахстана — Шлыгиным, всем известным своими исследованиями в Северном Казахстане. Евгений Дмитриевич был сильно нагружен обязанностями, заведя кафедрой общей геологии в горно-металлургическом учебном институте, одновременно выполнял большую работу в геологическом институте филиала и все как-то не мог выбрать времени для оформления своей диссертации, хотя фактически по результатам своих работ был давно уже настоящим доктором наук. Однажды, когда Каныш Имантаевич настойчиво потребовал ускорить завершение диссертации, Евгений Дмитриевич стал ссылаться, помимо перегрузок в работе, на трудности с питанием большой семьи. Канышу Имантаевичу специально для семьи Евгения Дмитриевича удалось достать мешок фасоли. Евгений Дмитриевич был очень растроган таким вниманием. После этого, когда товарищи по работе заводили разговор об окончании его диссертации, он шутя говорил: «Эх, продался Сатпаеву за мешок чечевицы», всеми силами стараясь, однако, ускорить окончание своей работы...»

В ноябре 1944 года Совнарком республики, рассмотрев предложения подготовительной комиссии, утвердил новую структуру и штаты Казахского филиала АН СССР на 1945 год уже в составе шестнадцати институтов. Снова было увеличено количество мест в аспирантуре до 237. Филиал располагал теперь разветвленной сетью стационарных научно-исследовательских баз, расположенных на всех важнейших промышленных предприятиях Казахстана. В них уже трудились около тысячи научных работников. Теперь уж в Казахстане и в Москве никто не сомневался, что «близка та гора, которая маячила на горизонте»...

Наступил 1945 год. Все знали, что час расплаты с ненавистным врагом близок. Война откатилась в Европу, за пределы Советского Союза. Забот у руководителя Казфилиала не

уменьшалось. Он бывал чаще в Москве, чем в Алматы. Приходилось ездить в столицу не только ему, но и ответработникам Совнаркома. Жизнь ставила множество проблем: укомплектование новых институтов кадрами, оборудованием, консультации по текущим делам, устройство аспирантов. Все эти вопросы надо было решать в президиуме АН СССР, в отраслевых институтах академии. К кому бы ни приходили казахстанцы, везде их встречали с радушием, участием, вниманием. Президент Академии наук В.Л. Комаров принимал их вне очереди, часто повторял: *«Мы ваши должники! Воспользовались вашим гостеприимством, а теперь наш черед оказать вам услугу. Говорите, не стесняйтесь, чем можем, тем и поможем!..»*

Весной 1945 года Академия наук СССР праздновала свое 220-летие. В связи с этим большая группа ученых была отмечена правительственными наградами. Среди них пятьдесят научных работников из коллектива КазФАН. А руководитель его второй раз удостоился высокой награды — ордена Ленина. В тот же год за заслуги в деле обеспечения фронта ему вручили также орден Отечественной войны 2-й степени.

Казахский филиал принимал самое активное участие в юбилее. В Москву отправилась группа видных ученых, которую возглавил Сатпаев. Делегация побывала не только в столице, но и в Ленинграде, знакомилась с постановкой исследовательских работ в вузах и научных учреждениях. Присматривались ко всему, что могло пригодиться в будущей работе дома.

Наступил завершающий, самый напряженный этап подготовки. Общие контуры будущей академии уже вырисовывались. Уже были открыты все запланированные институты. Но редко какой из новых институтов имел крышу над головой. Потому директора этих институтов носили всю документацию, деловые бумаги с собой, в своих портфелях, бухгалтеры — гербовые печати — в карманах. Самые настырные и отчаянные порой врываются в кабинет руководителя филиала, некоторые пробивались даже к председателю Совнаркома, требуя незамедлительного выделения давно обещанных помещений. Но их-то и не было, и неоткуда было взять. Для шестнадцати академических институтов, по меньшей мере, требовалось четыре-пять солидных, просторных зданий. А пока они в лучшем случае имели по одному кабинету в здании, где размещалось руководство филиала. Здесь же по утрам или поздно вечером собирались первые штатные сотруд-

ники новых институтов; получив задание, заодно отчитавшись за день или за недельную работу, уходили кто куда — одни к себе домой, другие в библиотеки...

Однако, как в любых тупиковых ситуациях, и здесь нашелся выход. В апреле правительство республики выделило для новых институтов бывшее здание средней школы № 35, находившееся на углу улиц Госпитальной (ныне Жамбыла) и Уйгурской (Ахмета Байтурсунова), где во время войны располагался госпиталь для раненых бойцов. *«Сравнительно новое здание носило следы страшной запущенности. Много хлама во дворе, с южной стороны, где размещалась конюшня. Президиум выдал мне мандат уполномоченного по ремонту, — пишет Шапык Чокыулы в своих воспоминаниях. — Под соусом мероприятий по открытию академии добился выделения 220 отделочников, а общее число работающих довел до 300 человек. Достал краски, шпаклевку, доски, все, чего не хватало на стройке. Работы шли в две смены. Чтобы строительные начальники не забирали рабочих с нашего объекта, круглые сутки находился здесь, еду приносили из дома, спал на объекте, на диване... Каныш Имантаевич почти каждый день бывал у нас. К середине мая ремонт был завершен. В отремонтированное здание въехали шесть институтов. Расположились здесь НИИ ботаники, экспериментальной биологии, зоологии, химии, краевой патологии, сектор микробиологии и мы, энергетика. Наш НИИ занял одно крыло на первом этаже. Тесно было, что и говорить, но мы надеялись, что со временем расселимся по новым местам...»*

Все шло к тому, чтобы открыть АН Казахской республики к осени 1945 года, притом приурочить этот знаменательный день к 4 октября — официальной дате рождения Советского Казахстана. В июне того же года вопрос был рассмотрен в президиуме Совнаркома СССР, где тоже поддержали горячий, патриотический порыв казахстанцев.

Но не суждено было родиться национальному храму науки казахстанцев в том году. Помешала непредвиденная случайность, вернее, тупые бюрократические правила согласования и субординации, которых свято придерживалась тогдашняя административная система: готовое решение союзного правительства должен был подписать первый заместитель председателя Совнаркома СССР В.М. Молотов, но его все лето и осень не было в Москве — как известно, победившие во Второй мировой войне три державы в Потсдаме обсуждали судьбу поверженной фашистской Германии и всей послевоенной Европы, а затем в Лондоне подряд три месяца шло обсуждение устава и структуры ООН, и Вячеслав Михайлович был главой советской делегации. И когда

В.М. Молотов наконец возвратился в Москву и подписал этот документ, год уже закончился. Потому решили отложить все мероприятия по открытию новой Академии наук на лето следующего года.

III

Почетных гостей, приглашенных на торжество по случаю открытия Академии наук, тогдашняя столица Казахстана встречала 24–25 мая.

В делегацию Большой Академии, прибывшую в Казахстан, вошли светила русской науки, самые именитые ученые: академики И.П. Бардин, И.И. Мещанинов, А.Н. Заварицкий, К.И. Скрябин, Л.Д. Шевяков, В.Г. Фесенков, члены-корреспонденты А.М. Панкратова, С.В. Бахрушин, Д.В. Наливкин, ученый секретарь совета баз и филиалов В.А. Ульяновская. Кроме них правительство республики пригласило в качестве почетных гостей группу ученых-академиков, руководителей научных учреждений Москвы и Ленинграда. Это были ученые, так или иначе связанные с Казахстаном.

Предгорья Алатау в праздничном весеннем уборе: куда ни глянешь, везде словно напоказ одетые снежно-розовым цветом яблони. Казалось, сама природа в радостном ожидании предстоящих событий. Гости поселили в домах отдыха у подножий гор. Уже на следующий день по прибытии они начали знакомиться с научными организациями будущей академии. К этому дню в составе филиала уже действовали 17 исследовательских институтов и 11 секторов. В них работало более 1600 человек. Из них 900 — научные сотрудники. Везде подготовлены показательные стенды, выставки, рассказывающие о развитии каждого учреждения, о тематике его исследований. А в Институте геологических наук открыт минералогический музей. По количеству выставленных экспонатов никак не скажешь, что они собраны за пять лет.

Из воспоминаний В.А. УЛЬЯНОВСКОЙ:

«Какая огромная разница по сравнению с моим первым посещением в 1939 году. Вероятно, если бы в то время передо мной кто-нибудь смог нарисовать картину, во что превратится филиал через шесть лет, я, конечно бы, не поверила. Вместо трех — 78 докторов наук, среди которых значительное место занимали казахи. Вместо одного небольшого здания по улице Виноградова, в котором теперь помещается только один Геологический институт, шесть зданий, где расположены различные научные учреждения Казахского филиала. Вместо небольшого

плана научных работ, который в 1939 году был выполнен всего на 50 процентов, — огромные научные достижения по всем отраслям науки...»

Первого июня в просторном, нарядном зале Государственного театра оперы и балета имени Абая собрались представители казахской интеллигенции — ученые и литераторы, деятели искусства, специалисты промышленности и сельского хозяйства — рабочие делегации Караганды и Жезказгана, Эмбы и Рудного Алтая, также и славного Балхаша, преподаватели высших учебных заведений и профессора столицы, гости из Москвы, Ленинграда и соседних братских республик. В президиуме собрания — члены правительства, партийные деятели, известные всему миру академики, члены президиума КазФАНа...

Все присутствующие на этом собрании празднично одеты. Весь зал украшен красочно оформленными транспарантами и цветами. У всех на лицах сияющие улыбки, весь театр будто бы наэлектризован...

— Сегодня мы собрались на торжества по случаю открытия Академии наук Казахской Советской Социалистической Республики. Разрешите поздравить всех вас с этим волнующим, радостным событием, товарищи! — начал свою речь председатель подготовительной комиссии Н.Д. Ондасынов.

Затем он пригласил на трибуну секретаря ЦК КП(б)К Мухамеджана Абдыкалыкова, который зачитал историческое постановление ЦК партии, Совета Министров и Президиума Верховного Совета Казахской ССР об организации Академии наук республики. Под долго не смолкавшие аплодисменты собравшихся огласили имена утвержденных правительством первых академиков и членов-корреспондентов новой Академии наук. Их было 30 человек.

После этих церемоний последовал доклад председателя президиума КазФАНа АН СССР К.И. Сатпаева «О состоянии и основных проблемах науки в Казахстане».

«...В своей многовековой, долгой истории казахский народ пережил много событий. Когда-то он был хранителем расцветающей культуры, жил в замечательных городах, знал множество ремесел, имел прочные торговые связи с Востоком и Западом. Как чудо архитектуры, существовали на его земле города Тараз, Алмалы, Отрар, Сыганак, Туркестан, Шаш... В каждом из них расцветали очаги знаний, науки. Наш народ жил в обширной своей степи, вел кочевой образ жизни, занимался животноводством, и это определило его

место в общечеловеческом развитии. Также не канула в забвение его духовная культура: об этом красноречиво говорят его богатое песенное творчество — прекрасные кюи и напевы, народный эпос, легенды и были, замечательные образцы фольклора, переданные из поколения в поколение и дошедшие до наших дней... О многом говорит вековой опыт казахского народа в познании окружающей природы, животного и растительного мира. В народе известны названия и полезные свойства более тысячи видов растений. О том, что географические названия и термины казахов в большинстве случаев весьма метко подчеркивают геологические и геоморфологические особенности местности, хорошо известно всем полевым исследователям Казахстана. Изучение векового опыта кочевого народа в области животноводства и народной ветеринарии таит в себе также очень много ценных для науки и народного хозяйства открытий. Разве эти факты не говорят о богатом духовном наследии казахов?..

Казахский народ, как и все другие народы Советского Союза, за годы советской власти проделал огромный путь в своем историческом развитии. Из архивосталой колониальной окраины Казахстан превратился теперь в высокоразвитую индустриально-аграрную республику.

Более 180 лет наш народ томился под гнетом царизма. В этот тяжелый период историческая жизнь казахов, колониального народа Российской империи, развивалась под воздействием двух диаметрально противоположных факторов: реакционной военно-колониальной политики царизма и начала прогресса и цивилизации, носителями которых были представители русского народа в лице его трудовых сословий и прогрессивно-демократической интеллигенции...

Успехи Советского Казахстана очевидны. Сегодня у нас снова расцветает культура, на месте развалин бывших очагов знаний, словно из пепла, возрождена наука. Выросла национальная интеллигенция. Казахский народ занял достойное место в дружной семье братских народов Советского Союза...»

Более часа продолжался яркий, насыщенный впечатляющими фактами, выдержанный «по политической линии», как тогда говорили, доклад лидера казахстанской науки Каныша Сатпаева. Кажется, он ему удался, это было видно по бурным и горячим аплодисментам.

Через два дня в зале заседаний Верховного Совета Казахской ССР состоялось первое общее собрание молодой Академии наук. Его участники единогласно избрали почетными

академиками АН Казахской ССР известных русских ученых И.П. Бардина, С.И. Вавилова, И.И. Мещанинова, В.А. Обручева, которые в своей научной и педагогической деятельности долгие годы были связаны с Казахстаном, много сделали для расцвета науки республики.

Затем место председательствующего Н.Д. Ондасынова занял старший по возрасту среди избранных действительных членов новой академии Гавриил Адрианович Тихов.

— Дорогие товарищи, нам надо теперь избрать президента академии, — сказал он. — Кто желает высказаться по этому поводу?

Из стенограммы первой сессии АН КазССР, 3—7 июня 1946 года:

ГАЛУЗО И.Г., академик: *«От имени отделения биологических и медицинских наук я выдвигаю кандидатуру на пост президента АН Казахской ССР действительного члена нашей академии Каныша Имантаевича Сатпаева... Он, как ученый, известен не только за пределами нашей великой страны, не только в узких кругах ученых, он также известен и в широких массах... В лице Каныша Имантаевича мы имеем не только маститого ученого, но и выдающегося организатора науки, авторитетного деятеля — общественного и государственного... Под руководством Каныша Имантаевича, благодаря его упорному труду и умению руководить и развивать науку, за пять лет Казахский филиал вырос в мощную научную организацию, свидетельством чего являются события сегодняшних дней...»*

КАССИН Н.Г., академик: *«...В продолжение десяти лет, при тех небольших тогда еще теоретических запасах, которые он вынес из высшей школы, а также умении разведывать, он весьма хорошо подготовился в смысле теоретическом и проявил исключительные способности организатора-разведчика. В течение десяти лет им разведаны в Жезказгане запасы меди, составляющие половину всех запасов СССР.. Его заинтересовало не только развитие медной промышленности, в чем ему принадлежит бесспорный приоритет в Казахстане, но также и черная металлургия. Разведка, обоснование месторасположения заводов — это дело рук Каныша Имантаевича. В этой области он сыграл огромнейшую роль. В его руках находится вся цветная и черная металлургия Казахстана, собственно говоря, то, на чем должен стоять Казахстан. Я не буду отнимать у вас больше времени, но и этого уже достаточно, чтобы сделать заключение, что Каныш Имантаевич Сатпаев является не только достойным, но и единственным кандидатом на пост президента Казахской АН».*

АУЭЗОВ М.О., академик: *«...Каныш Имантайулы Сатпаев является тем деятелем науки, тем государственным деятелем, который представляет не только одну или несколько групп специальных отраслей знаний, это тот ученый, который в своих общих поисках является многосторонне, глубоко, широко, осведомленным ученым, для него не только область технических наук близка и известна, для него в той*

же мере близки и известны, волнуют и интересуют проблемы и других областей знаний. Это и те, которые представляем мы — гуманитарии — проблемы изучения казахского народа, казахского языка, проблемы искусствоведения в Казахстане... Поддерживая кандидатуру Каныша Имантайулы, как самого популярного казахского ученого в нашем Советском Казахстане, ученого, чье имя составляет поистине гордость казахского народа, я выражаю надежду, что мы все, действительные члены Казахской АН, проголосуем за то, чтобы он стал президентом нашей Академии наук, как самый достойнейший из достойных...»

ПАВЛОВ И.В., академик: «...Группа работников биологического отделения уполномочила меня выступить, они считают эту кандидатуру не только желательной, а абсолютно бесспорной. В самом деле, какими необходимыми свойствами нужно обладать президенту Казахской Академии наук? Прежде всего универсальность, им не должен быть человек, который замыкается в рамки той дисциплины, где он является специалистом. За то долгое время, которое Каныш Имантаевич был председателем филиала АН, мы достаточно убедились, что в его прекрасной и большой голове помещаются и геология, и биология, и гуманитарные науки. Другого представителя со столь универсальным, со столь гибким умом найти в настоящее время невозможно, и мы полагаем, что его кандидатура абсолютно подходящая и бесспорна...»

Поскольку других предложений не поступило, по инициативе академика Г.А. Тихова прекратили дальнейшее обсуждение единственной кандидатуры в президенты. Провели тайное голосование. Первые члены АН дружно и единогласно избрали Каныша Имантайулы Сатпаева президентом Академии наук Казахской ССР.

Весной того же года ему исполнилось 47 лет. Возраст немалый, но для ученого это самая счастливая пора, когда человек еще полон энергии, творческих дерзаний и глубоких мыслей.

В тот год звезда его сияла особенно ярко. В феврале Каныша Имантайулы избрали депутатом Верховного Совета СССР, а 30 ноября, через шесть месяцев после замечательного восхождения на вершину научной славы, К.И. Сатпаев был избран действительным членом Академии наук СССР. Это был настоящий триумф, которого до него не удостоился ни один из ученых — представителей народов Востока.

Но впереди его ждали еще не покоренные вершины...

I

Пробудился он рано, мгла за окном едва начала редеть. Густая, прямо-таки негородская тишина стояла в номере отеля. Но не спалось Канышу Имантайулы. Сколько ни пытался он заснуть вновь, ничего не выходило — стоило ему смежить веки, как вновь перед глазами возникали силуэты далеких родных гор, бесконечные просторы степей. Не выдержав, он наконец поднялся с кровати и подошел к окну.

Столица Англии терялась в густом предутреннем тумане. Только кое-где смутно прорисовывались в этом мареве каменные громады, похожие на борта гигантских дредноутов. Канышу Имантайулы вспомнились белые ночи Ленинграда. Когда попадал на берега Невы в сезон белых ночей, он часами мог сидеть у окна гостиницы — город безмолвно стоял в легкой дымке. Здесь этого ощущения не было — Лондон действовал подавляюще.

Вдруг ему вспомнились затяжные дожди Сарыарки. Те самые, которые не прекращаются целыми сутками. Мерещилось, как будто бы стоит под ливнем, вся одежда стала мокрой — хоть выжимай, и пахнет горькой степной полынью. Каныш Имантайулы уже окончательно проснулся, отчетливо осознал, что находится в Англии, и еще больше овладело им щемящее чувство одиночества.

Советских парламентариев в первый же день их пребывания в Лондоне принял премьер-министр Эттли. Но то был подчеркнуто официальный прием, и гостям трудно было сразу составить представление об англичанах. Они смогли сделать это после встреч с металлургами Шеффилда, Ньюкасла, жителями Эдинбурга. Незабываемое впечатление своей громадностью произвел Лондон: монументальностью жилых домов, дворцов, банков, размахом верфей и доков.

Знакомясь с Лондоном, парламентская делегация Советского Союза побывала в замке Тауэр — резиденции английских королей. Гостям из Страны Советов, естественно, здесь открыли все двери: осмотрели Белую башню, где бережно хранятся оружие и доспехи рыцарей Средневековья; собор святого Павла; им показали бывший Дом парламента, разрушенный до основания в результате бомбежки фашистских стервятников в войну.. Они посетили знаменитый Британский музей, где воочию убедились в том, как свято чтят анг-

личане свои национальные традиции, с какой любовью относятся к историческим памятникам, наследию своих великих сынов, прославивших Англию: здесь бережно хранится полевой дневник капитана Скотта, который в 1912 году достиг Южного полюса и погиб на обратном пути. На последней странице, выставленной в витрине, дрожащей рукой отважного путешественника написано: «Прошу этот дневник передать моей супруге... “вдове”». В порту Портсмута в отличном состоянии сохраняется боевой старый корабль «Виктория», на котором был смертельно ранен легендарный флотоводец вице-адмирал Нельсон, нанесший сокрушительное поражение при Трафальгаре французскому флоту. В память о его победе одна из площадей Лондона названа Трафальгарской.

Группа ученых во главе с Канышем Сатпаевым побывала в университетах Оксфорда и Кембриджа, где все проникнуто благоговейным отношением к прошлому. Например, лаборатория, где проработал много лет великий Исаак Ньютон, сохранена в том виде, в каком оставил ее знаменитый физик и математик 220 лет тому назад...

В запасниках Британского музея Каныш Имантайулы неожиданно для себя обнаружил путевую книгу известного английского путешественника Томаса Аткинсона, изданную в Лондоне в 1858 году. Он знал, что Т. Аткинсон побывал и в казахской степи и все увиденное в экзотической жизни ее обитателей дотошно описал в своем дневнике. Записки его, разумеется, для истории казахов представляют значительный интерес. По просьбе гостей принесли редкую книгу, с удивлением и неподдельным восторгом Каныш Имантайулы рассматривал ее, она сохранилась прекрасно. Президент АН Казахской ССР готов был купить эту книгу, но во всей Англии не нашлось второго экземпляра (позднее его нашли в фонде редких книг Ленинградской библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, пришлось удовлетвориться копией).

Довольно многочисленная делегация советских парламентариев численностью около тридцати человек, приехавшая в Англию в марте 1947 года, фактически была как бы первой весенней ласточкой, прилетевшей на этот остров после тяжелой войны. Советский Союз в то время англичанами воспринимался не только как великая страна, выстоявшая в жестокой борьбе против фашистской Германии, но и как оплот мира. Исключительно теплый, сердечный прием объяснялся этим.

По личной просьбе академика Сатпаева группу ученых-парламентариев свозили в Кардиффские карьеры, в которых

с XVIII века и по сей день добывается каменный уголь. Тогда же ученый-геолог не смог сдержать своего жгучего любопытства и однажды, согласовав свою идею с руководителем делегации, председателем ВЦСПС В.В. Кузнецовым, обратился к чиновнику правительства, курировавшему всю программу их пребывания, с просьбой разрешить хотя бы поверхностно ознакомиться с образцами руд, особенно с Африканского континента.

На следующий день, утром объявили программу, оказалось, что всем предстояла прогулка по Темзе, главной реке острова, но правительственный чиновник, лично обращаясь к Сатпаеву, сказал:

— Мистер Сатпаеф, мы нашли компанию, в которой есть запрашиваемые вами образцы руд. «British South Africa Company»* согласилась принять вас, если желаете там побывать, организуем сегодня же...

Каныш Имантайулы с радостью согласился.

* * *

— Наша первостепенная задача, не скрою от вас, получить прибыль и еще раз прибыль! — сказал, приветствуя советского гостя, один из директоров. — Потому сбор минералов, образцов горных пород для нас второстепенен. И назвать наше хранилище минералогическим музеем я просто стесняюсь. Но все же мы готовы показать вам кое-что. Нам было приятно, что вы, высокий гость из Советского Союза, к тому же известный академик, знаток горного дела, изъявили желание ознакомиться с ними... Мистер Билли, наш ведущий специалист по этой части, вам покажет все. Добро пожаловать, мистер Сатпаеф, мы рады вашему визиту!..

Через минуту служащий компании повел гостя вниз, в подвальное помещение высотного офиса «British South Africa Company». Быстро прошли через стальные, а затем и стеклянные двери. Наконец оказались в просторном длинном помещении. Зал, несмотря на отсутствие окон, был залит ярким, почти солнечным светом. Конечно, директор компании, говоря о скудности коллекции минералогического музея, явно скромничал: весь зал был заставлен застекленными шкафами разной величины, в открытых витринах лежало несметное количество разнообразных минералов, образцов чуждых по красоте горных пород.

* Южно-Африканская компания Британии.

Однако то, что Сатпаев увидел в зале частной компании Великобритании, совершенно ошеломило его, перевернуло все его прежние представления, понятия о коллекциях горных пород и минералов. Чего здесь только не было! Старые, уже не встречающиеся изумруды Колумбии, ослепительно сверкающие алмазы индийской Голконды, мертвенно-бледные алмазы из Южной Африки. Целыми глыбами в человеческий рост, на тяжелых подставках стояли образцы итальянского белого алебастра, прекрасного строительного материала для роскошных дворцов. А сколько видов мрамора от голубого до белого, абсолютно черные — лабрадориты и габбро. В закрытых шкафах гость видел розовые, пестрые агаты с замысловатыми рисунками, зеленую яшму, прозрачный горный хрусталь, нежно-голубой халцедон, причудливых оттенков драгоценные кристаллы розового берилла. Показали гостю редчайший камень — поллукс, соединение металла цезия, а также его разновидность — цеолит. Затаив дыхание, рассматривая через увеличительное стекло, долго любовался он знаменитым турмалином, кристаллики которого играли красными, зелеными, синими цветами. В специальном шкафу стоял целестин, совершенно чистый, небесно-голубого цвета. Был здесь и привлекающий стеклянным блеском лазорево-синий персидский лазурд, по-научному говоря, лазурит, как отделочный камень известный еще в древности. Кстати, им облицованы колонны Исаакиевского собора в Ленинграде, а в Эрмитаже находятся сделанные из лазурита вазы и столы. Все же основную часть коллекции составляли рудные минералы — галениты, сфалериты, пириты с зеркальными поверхностями...

Господин Билл не спеша вел Сатпаева по залу, произносил два-три слова, в основном это были названия месторождений, откуда был привезен тот или иной экспонат. Слишком часто он называл Африку, Азию, Америку. Иной раз звучали и восточные страны, изредка Европа, совсем мало — Россия. Хотя советский академик на полках видел и отчетливо различал десятки ценных минералов с Алтайских и Уральских гор. Но промолчал, соблюдая этикет.

Он понимал, что эти драгоценные и редкостные минералы — мерило славы и богатства британской компании наверняка служат для нее рекламой.

Вот его пригласили в другой зал, где были выставлены, без сомнения, самые дорогие экспонаты. Он назывался залом самородков — золота, серебра, свинца, меди. Вдруг Каныш Имантайулы обратил внимание на глыбу самородной

К. И. Сатпаев — директор Института геологических наук
Казахского филиала АН СССР. 1941 г.

Старое здание Института геологических наук.

К. И. Сатпаев на военном всеобуче. 1941 г.

У президента АН СССР В. Л. Комарова казахстанцы обсуждают вопрос об организации АН Казахской ССР. 1944 г.

На приеме у первого секретаря ЦК КП Таджикистана Б. Г. Гафурова (второй справа). Слева направо: академики Е. Н. Павловский, К. И. Сатпаев, С. Айки и писатель М. Турсун-Заде. Сталинабад (Душанбе). 1951 г.

Встреча индийских гостей из Алматы. Среди встречающих Г. Мусренов, К. Байсентова, М. Ауэзов, К. Сатпаев. 1955 г.

«Геологическая гвардия» Казахстана.

Сидят (слева направо): К. И. Сатпаев, Н. Г. Кассин.
Стоят: М. Брук (директор КазГМИ), Е. Д. Шлыгин, М. П. Русаков,
К. С. Филатов (гл. инж. треста «Казцветметразведка»),
Гушин (нач. Казгеолуправления), Н. Л. Бубличенко,
И. И. Машкара (гл. геолог Казгеолуправления). 1946 г.

Каныш Сагхаев
закладывает
первый камень
в фундамент
будущего здания
НАН РК.

Главное здание
НАН РК.

Делегация членов Верховного Совета СССР
на радиостанции Би-би-си. Лондон, 1947 г.

Беседа с министром геологии КНР. Пекин, 1958 г.

Отдых
в Алматинском
ботаническом саду,
1947 г.

На полевых
работах. 1952 г.

В рабочем кабинете.

С министром геологии СССР П. Я. Антроповым
у геологической карты страны.

Группа ученых-геологов рассматривает металлогеническую карту
Центрального Казахстана.

Канал Иртыш — Караганда имени К. И. Сатпаева.

Обсуждение проекта трассы канала. 1958 г.

Академики К. И. Сатпаев и И. П. Бардин во время посещения предприятий Карагандинского угольного бассейна. 1949 г.

На заседании сессии Верховного Совета Казахской ССР. 1956 г.

С председателем
Госплана СССР
А. Н. Косыгиным
во время посещения
Алматы в 1961 г.

Президент
Демократической
Республики Вьетнам
Хо Ши Мин
в АН Казахской
ССР. 1959 г.

Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев вручает премию имени К. А. Сатпаева внуку ученого, доктору химических наук Еркешу Батырбекову.

В кругу родных и близких. 1959 г.

В здании НАН РК в 1989 г. был создан Мемориальный музей К. И. Сатпасва.

Памятник на могиле.
Скульптор А. П. Антропов.
Алматы.

«...К нему не зарастет
народная тропа».

меди величиной с лошадиную голову. Она лежала на небольшой оцинкованной металлической подставке в середине зала. Что-то знакомое и близкое промелькнуло в его душе, будто бы родным степным воздухом повеяло. Ноги сами понесли гостя к той глыбе.

— А то, что господин Сатпаев внимательно рассматривает сейчас, — глыба самородной меди из Трансваальского месторождения, из Африки, можно сказать, перед нами необыкновенное творение природы!..

Услышав перевод фразы на русский язык, ученый гость резко вскинул большую голову с копной волнистых волос, как бы удивляясь сказанному господином Биллом и не совсем соглашаясь с ним. Очевидно, ему хотелось возразить: «Вы ошибаетесь!» — но снова что-то удержало его от резкости.

— Да, это самородная медь из Трансвааля! — повторил служащий, чувствуя несогласие гостя, не поленился достать этикетку экспоната, которую тут же протянул ученому.

Когда-то Каныш Имантайулы наскаками занимался изучением английского языка, тогда же научился читать техническую литературу, но со временем многое забылось. Однако перед приездом сюда ему снова пришлось месяц-другой поработать с преподавателем английского. Так что понять смысл написанного на этикетке он был в состоянии. Кстати, запись полностью подтверждала сказанное служащим... И все же он попросил лупу. Она оказалась в кармане служащего. Взяв увеличительное стекло, Каныш Имантайулы нагнулся к глыбе, находившейся почти на полу, стал внимательно рассматривать углубления игольчатого слитка природной меди. Вскоре он обнаружил то, что так скрупулезно искал: во всех пустотах, будто бы специально приклеенные, видны были тонкозернистые серые песчаники, на поверхности которых слабо поблескивали мелкие зерна халцедона... Это было характерно для того месторождения, изучению которого он, геолог Сатпаев, посвятил многие годы.

— Мистер Билл, мои сомнения относительно происхождения этого самородка подтвердились, — с достоинством сказал он, возвращая лупу служащему компании. — Он привезен сюда из наших, казахских степей...

Господина Билла будто бы подменили. Лицо его передернулось, прежде приятный, услужливый взгляд стал суровым, в нем промелькнул злобный огонь. Мгновенно превратившись в чопорного, истинного англичанина, отбросив всякие джентльменские условности, он назидательно произнес:

— Мне передали, что уважаемый гость является очень сведущим геологом, мало того, доктором геологических наук и академиком. Потому меня удивляет его странное заявление, ставящее под сомнение компетентность наших специалистов. Я, глубоко извиняясь, должен сказать мистеру Сатпаефу: он не прав! Самородок этот является действительно трансвальским! Поверьте мне, вы ошиблись...

Каныш Имантайулы всегда отличался в научных спорах своим упорством. А тут как быть, чем доказать очевидное? И та тоска по родной земле, которая ни на минуту не покидала его за все дни пребывания в Англии, опять подкатила к самому сердцу. Когда он увидел здесь, в хранилище, слиток самородной меди — кусочек родной земли, тем более такого близкого и любимого жезказганского месторождения, он будто бы встретил далеко от дома давнего друга. Теперь ему холодно и прямо в лицо, с апломбом заявляют, что он ошибся. Такого он уж не мог вынести.

— Мне дорога научная истина! — сказал ученый, обращаясь к переводчику. — Господин Билл, вернее, его компания, в данном случае дали промашку, безапелляционно приписав наше национальное достояние Африке. Эта глыба самородной меди взята из нашей степи. Скажу даже более точный адрес: Dzhezkazgan... «Джезь-Козгань», как именовали и писали английские специалисты в своих научных статьях. Не знаю, какова роль в этом деле вашей компании, но я знаю, что английские бизнесмены в давние времена слишком хорошо знали Жезказганские копи. Например, здесь же, в Лондоне, действовала и процветала так называемая «Atbasar Joint Stock Company of Copper Mine», иначе говоря, «Акционерное общество Атбасарских медных копей». Очевидно, она и доставила этот слиток в Англию...

Мистер Билл или был обескуражен такими вескими аргументами, или решил не продолжать далее этот спор, словом, инцидент был исчерпан заявлением о том, что он дополнительно проверит паспорт этого экспоната. Через минуту они перешли к другим коллекциям. И тут у Каныша Имантайулы разгорелся сугубо профессиональный интерес, он попросил служащего показать несколько видов африканских медных руд, которые были идентичны жезказганским. Тот понял гостя с полуслова, сразу же привел к шкафу, где хранились экспонаты. Это были руды из Северной Родезии, где проходил знаменитый медный пояс Центральной Африки. Ученый с интересом и обстоятельно рассмотрел белый халькопирит с желтоватым оттенком с месторождения Н. Чанга, мелкие

кристаллы халькозина, где были отчетливые следы присутствия меди, тонкозернистый песчаник из Роан-Антелби и еще десяток образцов. Гость объяснил служащему свой повышенный интерес к ним: из зарубежной литературы он знал о них, но, к сожалению своему, видит их впервые. Потом добавил: «Мой визит к вам объясняется только этим, профессиональным любопытством. Как говорят, лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать. Спасибо вам за доставленное удовольствие!..» — закончил он искренне.

II

Вышло так, что буквально через день после прогулки по Темзе советских парламентариев пригласил к себе Уинстон Черчилль, недавно ушедший с поста премьера и теперь возглавлявший оппозицию. Принимая делегацию Страны Советов в своем доме, он вел себя подчеркнуто любезно и всем своим видом говорил: я самый большой друг России в Англии, словно не было его недавней речи в Фултоне, в которой он призывал к непримиримой борьбе с коммунизмом... Черчилль произнес краткий приветственный спич и закончил речь с присущим ему юмором:

— Словом, приглашаю вас броситься на сэндвичи с обычным русским напором!..

Несмотря на старания устроителей приема, оживленной беседы не получалось, за короткими вопросами следовали односложные ответы. Разделившись на группки, гости негромко разговаривали. Каныш Имантайулы стоял в обществе «трех китов поэзии», как он шутя назвал членов делегации, известных поэтов — Константина Симонова, Самеда Вургуня и Миколу Бажана. В это время к ним приблизился Черчилль, и Сатпаев ощутил на себе его цепкий взгляд.

— Мистера Черчилля интересует ваша национальность, — пояснил переводчик.

— Скажите, что я казах.

— Казах?.. Впервые вижу такого казака. Вы меня удивляете.

— Простите, сэръ, — сказал Каныш Имантайулы, мягко улыбнувшись, — вы путаете меня с русскими казаками. Я потомок бывших кочевников, гражданин Казахской Республики...

И он сжато рассказал о своем народе и географическом расположении казахских земель.

— Скажите, все ли казахи такие богатыри, как вы? — спросил Черчилль.

— О нет, мой народ — выше меня!.. — в тон ему ответил академик.

Черчилль благодушно рассмеялся, ответ гостя понравился ему.

— Странно, — сказал он, чуть медля, — англичане меня считают знатоком России, но я о вашем народе никогда не слышал. Да и многие из моих соотечественников ничего не знают о казахах.

— Вынужден поправить господина Черчилля, — мягко сказал Каныш Имантайұлы, повернувшись к переводчику. — Среди ваших соотечественников в недавнем прошлом были люди, которые достаточно хорошо знали о нашем народе...

— Неужели? — снова оживился хозяин дома.

— Да, сэр. Три-четыре десятка лет назад в Лондоне действовало акционерное общество «Atbasar Joint Stock Company of Copper Mine», которое успешно занималось у нас в казахских степях поиском медных руд. — И тут же ученый назвал Жезказган, Караганду, Спасск, Экибастуз, Риддерское и Зырянское месторождения в Рудном Алтае.

— Удивительно! Значит, английский капитал дошел и до ваших степей! Уму непостижимо! Наши предки все же были умнее и действовали проворнее...

Президент Казахской Академии наук хотел ответить опять в тон сэру Черчиллю, что наше поколение, наоборот, сумело самостоятельно, без помощи ваших соотечественников достичь более впечатляющих результатов в освоении собственных недр, но не счел нужным вступать в спор с хозяином гостеприимного дома, тем более Василий Васильевич Кузнецов, руководитель делегации, уже знаками и всем своим видом намекал ему, что пора прекратить затянувшийся диалог. Пришлось подчиниться.

Вечером глава делегации, пригласив нескольких депутатов к себе в номер, сообщил им, что все литераторы из состава парламентариев завтра пойдут в отель «Дорчестер» на пресс-конференцию, организуемую радиокomпанией «Би-би-си», где будет жарко, возможно, зададут и провокационные вопросы, значит, надо быть готовыми ко всяким неожиданностям. Заканчивая свое сообщение, Кузнецов повернулся к Сатпаеву и, улыбнувшись, сказал:

— И, конечно, вас, Каныш Имантаевич, тоже приглашаю на эту ответственную и серьезную конференцию. Поскольку

вы уже сегодня себя достойно показали в полемике со львом мировой дипломатии. Ваши ответы были уместными, я бы сказал, в меру исчерпывающими и точными...

III

Ту пресс-конференцию советские парламентарии провели удачно, разумеется, во многом сдерживая себя в угоду жесткой идеологии того времени, откровенничали в меру. Было шумно и многолюдно. Задиристые журналисты старались вовсю, чтобы заполучить сенсационный материал. Изрядно досталось более эмоциональным поэтам, особенно Константину Симонову. Не пожалели они и неизвестного им «азиата» богатырского телосложения, представителя ученого мира Советского Союза Каныша Сатпаева. Их ответы в разных вариантах на следующий день были опубликованы телеграфными агентствами всего мира, аккредитованными в Лондоне. По ним можно было судить, что члены советской делегации оказались на должной высоте...

Кстати, на следующий день в отель поступило письмо от «British South Africa Company», где выражалась благодарность ученому гостю за уместную и своевременную поправку, оказывается, технический служащий спутал паспорта-этикетки самородков из двух месторождений, господин Сатпаев был абсолютно прав, за что они, мол, великодушно просят извинить нерадивых служащих.

Где тут скрывалась настоящая правда? Возможно ли спутать образцы в такой солидной, всемирно известной компании? Вряд ли! И надо ли было поднимать шум из-за такого пустяка? Конечно, не стоило. Потому неприятный инцидент был исчерпан этим вежливым письмом-извинением. Лично академик Сатпаев был доволен тем, что справедливость торжествовала и кусочек родной земли снова занял свое достойное место в хранилище знаменитой Британской горнодобывающей компании.

Между прочим, первая поездка академика К.И. Сатпаева за рубеж завершилась неожиданным и приятным сюрпризом: через несколько месяцев в столицу Казахстана на имя президента АН пришел по почте объемистый тяжелый ящик с минералами, аккуратно обернутыми ватой. Так коллекция Минералогического музея Института геологических наук пополнилась редкими образцами белого халькопирита, халькозина и других рудных минералов Африки, они и поныне хранятся там...

Из отчета академика К.И. САТПАЕВА о пребывании в Англии:
«...Я хотел бы также особо подчеркнуть ту высокую производительность, которой добились в Шотландии в проходке капитальных тоннелей в гнейсах и др. достаточно крепких породах, при строительстве широко развернутых сейчас здесь гидроэлектростанций. В частности, при диаметре тоннеля в 15 футов (около 5 метров), применяя колонковые перфораторы типа Ингерсол-Ранд, смонтированные на общей раме, получают проходку тоннеля в пределах 80–100 футов в неделю (около 105–130 метров в месяц), при стоимости проходки одного погонного фута около 80 фунтов стерлингов. Указанная производительность получается в тоннелях длиной в 5–6 миль (более 8 км). Вообще, там, видимо, не боятся проходки длинных горизонтальных подземных выработок... Опыт гидроэлектростроительства последних лет в Шотландии также с моей точки зрения был бы интересным для детального изучения со стороны наших гидроэнергетиков и строителей.

13 марта–11 апреля, 1947 год».

«Чтобы знать — надо видеть, а чтобы видеть — надо больше ездить», — иной раз повторял Каныш Имантайулы всем известную поговорку. Но если сказать начистоту, он не очень увлекался заграничными командировками, хотя ему не раз предлагали поехать за рубеж. (Прочитав рукопись настоящей книги, М.К. Сатпаева, дочь ученого, написала мне: «Отец не хотел ездить за границу, так как в Англии за каждым членом делегации следили люди из КГБ. Вернувшись, он об этом говорил нам».) Очевидно, потому академик отклонял подобные приглашения, считая такие вояжи пустой тратой времени. Не терпя праздности ни в чем, Сатпаев и здесь оставался верен себе: за все годы, прошедшие после поездки в Англию, академик побывал один раз в Китае только потому, что его настоятельно приглашали китайские коллеги по геологии; доклад Каныша Имантайулы по металлогеническим прогнозам стал подлинной сенсацией на Всекитайском съезде геологов в Пекине.

ЛАВРЫ

I

Шли годы. Расширялась и мужала молодая Академия наук. Исследования, которые вели ее институты, с каждым годом становились более многоплановыми, углубленными. Заметно окрепли научные кадры республики.

Президент академии пользовался огромным авторитетом среди коллег. С его мнением считались во всех министерств-

вах и учреждениях; одно веское слово Сатпаева иной раз решало судьбу большого дела. И в Москве он был вхож в любую организацию. Как правило, и здесь ему удавалось решать весьма сложные вопросы.

Между тем он оставался для всех доступным, открытым человеком. К нему можно было зайти в любое время. Академик никогда не откажет в приеме, усадит посетителя в кресло перед собой, предложит насыбай. А насыбай у Каныша Имантайулы всегда отменный, он доставал хороший табак, а другую составную жевательной смеси — золу карагана — покупал у знакомого старика на базаре или готовил сам, сжигая ветки в печи. Газовых плит тогда еще не было, и даже еду у него дома готовили на обычной кухонной печке. Он любил посидеть возле топки с кочергой в руке, глядя, как сжигаемый на противне караган постепенно превращается в белый пепел. Позднее он часто сокрушался из-за того, что на новой квартире не было такой привычной с детства печки. Но и тогда Каныш Имантайулы не оставил обыкновения самолично готовить золу и толочь табак в ступке. Теперь он предавался этому занятию на даче, когда приезжал с семьей отдохнуть. Насыбай был его слабостью. Сослуживцы рассказывают, что он всегда радовался, если ему из дальней поездки в подарок привозили насыбай или шакшу. Кстати, это было лучшим средством сделать ему приятное. От шакши и насыбая, привезенного издалека (чаще всего с юга Казахстана или из Ташкента) в подарок, президент никогда не отказывался.

Вернемся в президентский кабинет. Мысленно побываем на приеме. Обычно Сатпаев сам начинал беседу, расспрашивая посетителя о житейских делах. Благодаря этому гость незаметно для себя освобождался от скованности, и, когда разговор переходил на дела, он горячо, с увлечением рассказывал об интересующем его вопросе. Характерно, что никто из сотрудников, коллег не боялся спорить с президентом, защищать свое мнение. Если посетителю удавалось отстоять его, убедить Каныша Имантайулы в собственной правоте, он мог считать, что приобрел верного союзника в лице академика. Однажды поверив в какую-то идею, Сатпаев никогда не забывал ни замысла, ни имени ее автора, даже если это была случайная встреча много лет назад.

Доброта, доступность Каныша Имантайулы были широко известны. К нему подчас приходили совершенно незнакомые люди, обращались с неожиданными просьбами. Обычно настойчиво добивались приема у ученого земляки-

баянаульцы, зачастую приходили жезказганцы, в основном старые горняки и буровики. А бывало и так: входит человек с тяжелым мешком на спине. Антонина Сидоровна Додонова, много лет проработавшая у него секретарем, пропускала таких без промедления: знала, что в мешке минералы... Человек нашел их где-то в степи и привез, зная, что вездесущий геолог Сатпаев по ним сможет определить, есть ли в той местности подземные сокровища. Случалось, что зря самодеятельный рудознатец потрудился — камни окажутся пустой породой или не стоящими внимания минералами. Но Каныш Имантайулы и для таких ходоков находил слова благодарности, чтобы человек уехал довольный собой. И обязательно с каким-нибудь подарком для семьи. А бывало, по следам таких находок выезжали поисковые отряды.

Как-то само собой выходило, что люди со многими своими просьбами, даже бедами обращались лично к нему. Приходили на прием, писали письма как депутату, ученому и как президенту. В архиве академика несколько тысяч подобных писем, рядом копии его ответов.

В архиве хранится переписка, касающаяся карсакпайского кузнеца Баймена Алтыякова. Первое из писем датировано 28 июня 1944 года — Каныш Имантайулы выражает свою признательность и благодарность старому кузнецу за ценный подарок музею — изготовление нескольких образцов вооружения воинов Амангельды Иманова, предводителя повстанцев Тургайской области, боровшихся против царизма. Кузнец сам принимал непосредственное участие в восстании. Подарок мастера приравнен Канышем Имантайулы к исторической реликвии. А в письме, датированном 25 марта 1950 года, он просит министра социального обеспечения республики об увеличении размера пенсии кузнецу Б. Алтыякову как заслуженному ветерану труда.

Среди писем попадают и курьезные по содержанию. Есть прошения, изложенные в стихах по старой восточной традиции. Уже известный читателю Сарымолла Болманов, рабочий из Жезказгана, также прислал Канышу Имантайулы длинное послание в стихах, которое он завершил такими шутивными строками: *«Живу я в достатке, доволен всем, что мне дано, но вот беда — верблюд мой не дает покоя...»* Не жалоба и не просьба, но намеками высказана надежда на содействие, помощь. Так и случилось. Каныш Имантайулы прислал открытку в Жезказганскую ГРЭ: *«Не следовало бы обижать старого рабочего, пенсионера, пусть он спит без забот,*

для этого отправьте ему воз сена с хоздвора геологической экспедиции...»

Казалось бы, совсем ничтожное дело. Стоило ли оно внимания человека, занятого важными государственными делами? Но сам Сатпаев считал: раз человек обращается к нему, нельзя не оправдать его надежды. Делать добро людям! Таков был его девиз. И не было у него разделения: кому помогать, кому отказать. Не умел он считать одно дело малым, другое — большим. Любому частному вопросу президент мог придать общественное звучание. Как-то приехав в Жезказган, он выступил перед городским активом.

— Хочу еще раз напомнить, товарищи, об уважении к старым нашим кадрам и вообще к людям престарелым, — сказал Каныш Имантайулы. — Многие здесь обращались ко мне с жалобами на невнимание к ним, некоторые пишут даже в Алма-Ату. Возможно, что часть из них пользуется знакомством со мной. Но спрошу прямо, не оттого ли случается это, что вы не совсем оправдываете их доверие? Ведь жалуются не попрошайки и не бездельники, а наши первопроходцы, закаленные в труде кадровые рабочие. Задумайтесь, товарищи!..

«О доброте Сатпаева не преминет рассказать каждый, кому довелось хоть раз повстречаться с президентом. Щедр был во всем. Не жалел ни своего времени, ни душевного тепла... — пишет его соратник Шапык ЧОКИН в своей книге «Четыре времени жизни». — Спустя много лет в составе делегации Верховного Совета СССР я прилетел в столицу Канады на сессию Межпарламентского союза... Начались протокольные раскланивания с незнакомыми сенаторами, депутатами, конгрессменами... Как вдруг слышу свою фамилию и еще какие-то слова на ломаном русском языке. Оглядываюсь. Ко мне бросается похожий на казаха человек в безукоризненном смокинге. Улыбающийся сенатор-азиат вдруг обнимает меня: «Вы меня не узнаете, господин Чокин? Я бывший бригадир пленных японцев на строительстве Казахской академии...» Непостижимо! Надо же, здесь, в центре чопорной Оттавы, встретить таким преуспевающим безропотно сносившего почти двадцать лет назад все невзгоды бригадира японцев. Бывший пленный первым делом поинтересовался здоровьем Сатпаева. Узнав, что он умер, сокрушенно запричитал, какой же хороший Сатпаев-сан был человек, на глазах его показались слезы...» А в книге «Путь НАН» Шапык Чокыулы объясняет это так: *«Пленные японцы работали хорошо... значительно ускорили строительство. Каныш Имантайулы часто бывал среди них, оказывал им всяческую помощь, в частности, в лечении больных...»*

Вот еще один случай. 17 ноября 1946 года на имя депутата Верховного Совета СССР К.И. Сатпаева поступило заявление от Е.Ф. Ветцель, проживавшей на станции Жана-Арка Карагандин-

ской области: *«Прошу Вашего вмешательства. Я — из эвакуированных немцев с Украины. У меня на иждивении семеро детей, самой старшей — 17 лет, а младшему — 3 года... Дети все раздеты и разуты, карточек на них не дают, угля нет. Куда только не обращалась, везде получаю отказ. Я мать, но сердце разрывается смотреть на них и слушать, как они просят хлеба и как они будут умирать от голода и холода на моих руках. Ведь дети у меня не виноваты, что муж мой, а их отец, был немец и им в Советском Союзе приходится жить, как щенкам беспризорным... Муж мой работает в трудармии г. Харькова, дети больны, работать, уйти от них нельзя, только переболели тифом. Что мне делать?..»*

Естественно, К.И. Сатпаев вступился за многострадальную женщину. Но, как показывает переписка депутата, из-за бездушия властей ей еще долго пришлось бедствовать. Лишь 7 июня 1947 года МВД Казахской ССР сообщило Канышу Имантайулы, что гражданке Ветцель оказана материальная помощь и оформлены документы на получение, как многодетной, госпособия и ордена «Материнская слава» 3-й степени.

А вот небольшое письмо, крик о помощи, Михаила Оберта, юноши из Жезказгана, который в течение трех лет не мог выехать оттуда, чтобы поступить учиться в Алматинский электротехникум. Причина та самая — он немец, насильно переселенный из Куйбышева в Казахстан, и состоит в списке спецкомендатуры МВД. Вмешательство Каныша Имантайулы помогло юноше выехать в 1950 году в Алматы, и он, увлекавшийся радиотехникой, смог осуществить свою мечту.

Характер писем и просьб, адресованных депутату Сатпаеву, как видим, разный. И во всех, как правило, просьбы вмешаться, надежда, что не откажет в помощи. Поистине до глубины души трогают такие, например, письма: «Разрешите уведомить Вас, что деньги Ваши — сто рублей я получил, за что сердечно благодарим Вас я, мой маленький сынишка и его молодая мама, — писал 4 декабря 1950 года инвалид Отечественной войны 1-й группы В.И. Осин из города Арска Татарстана. — Каныш Имантаевич, на Ваши деньги мы купили сыну Юрику фабричные валенки за 66 руб. и теплый свитер...»

«Не оскудеет рука дающего», — говорили в старину. Что заставило академика Сатпаева выслать личные деньги в далекий Татарстан? Понятно, что это проявление человеческой отзывчивости. Но ведь он отчетливо понимал: не всем может помочь и не всем хватит его зарплаты, хотя она сравнительно высокая. И все же он считал, что раз люди обращаются с такими ничтожными просьбами — то, значит, доведены до крайности и их необходимо выручить. Каныш Имантайулы

всегда говорил своим помощникам и сослуживцам, что за каждым заявлением стоит человек, и он — член нашего общества, значит, на него надо смотреть с государственной точки зрения, а депутат — член правительства, должен уделять просьбам и жалобам трудящихся особое внимание.

Известно, что с 1946 по 1964 год его постоянно выдвигали в депутаты различные регионы: от Рудного Алтая до каспийских берегов.

Из воспоминаний ученого-геолога **Н.А. РОЗЫБАКИЕВОЙ**:

«...Я тогда считалась дочерью врага народа и не имела доступа к секретным геологическим материалам, необходимым для работы. Нас было пять-шесть молодых минералогов, всех приглашали на ученый совет, но у дверей стоял начальник 1-го отдела и пропускал лишь тех, кто был в его списке. Все входили, а я оставалась за дверью. Было больно и обидно до слез, но я продолжала работать, в течение трех лет осваивая методики исследования минералов. Но приходило и горькое понимание того, что путь в геологическую науку для меня закрыт. Посоветовавшись дома, я решила уйти из института и переквалифицироваться... с бьющимся сердцем и заявлением об уходе я переступила порог... кабинета директора института.

Каныш Имантаевич усадил меня в кресло, прочитал заявление и попросил объяснить причину. Выслушав, помрачнел, тут же поднял телефонную трубку и дал указание оформить мне допуск к секретным материалам... Затем пригласил доктора наук И.П. Новохатского и академика И.И. Бока, попросил их обдумать тему моей диссертационной работы, а также решить вопрос о поступлении в аспирантуру. Так в течение получаса Каныш Имантаевич решил мою дальнейшую судьбу...»

II

Хозяйственные дела республики по-прежнему оставались в центре внимания президента. Важнейшей формой работы академии при Сатпаеве стало проведение выездных научных сессий. К таким мероприятиям он готовился долго и основательно. Обычно за год или два до сессии Каныш Имантайулы приезжал в избранную область, знакомился с ее проблемами на месте, подолгу говорил со специалистами, с партийными и советскими руководителями. Затем по его следам отправлялись сотрудники различных институтов. И когда круг тем был со всех сторон рассмотрен и изучен, объявлялись сроки проведения выездной сессии. Как правило, она проходила с участием многочисленных специалистов союзных министерств и НИИ. Таким образом решали острые спорные вопросы, всесторонне обсудив их на месте.

«Основным источником электроэнергии для надлежащего освоения горных богатств Алтая должна явиться строящаяся Усть-Каменогорская гидроэлектростанция. Несмотря на решающее значение этой ГЭС в развитии полиметаллической промышленности Алтая, строительство ее продвигается недопустимо медленными темпами. Оно было начато еще в 1939 году. За прошедшие семь лет выполнено только 20 процентов всего объема работ. Чтобы закончить строительство в срок, установленный пятилетним планом, Министерству электростанций Союза должно в 2–4 раза увеличить объем ассигнований и выделить нужные материальные ресурсы для строительства этой гидроэлектростанции», — говорил Сатпаев, выступая на сессии Верховного Совета СССР в октябре 1946 года.

Это сказано после завершения комплексной экспедиции АН Казахской ССР в пределы Рудного Алтая, которую возглавлял сам президент. По сути, это было началом большого разговора о подземных кладовых Восточного Казахстана, которые разведывались пока бессистемно и некомплексно, а самое главное, медленными темпами. Затем в Усть-Каменогорске состоялась первая выездная сессия академии с участием Министерства цветной металлургии СССР. Каныш Имантайулы выступил с докладом «Природные богатства Большого Алтая и их значение в народном хозяйстве СССР». Полиметаллические руды его давно выявлены. А энергетические ресурсы?.. Сумеет ли мы обуздать могучие горные реки? Одна беда: нет еще к этим самым богатствам ни шоссейных, ни железных дорог. Тщательно обсудив перспективы развития всего региона, сессия выработала четкие предложения планирующим органам: какие производства должны развиваться в первую очередь и в каком темпе, какие отрасли промышленности будут здесь доминирующими, а какие вспомогательными...

Давно назрела необходимость широко обсудить проблемы изучения и освоения Западного Казахстана, развития его производительных сил. Геологи уже много лет вели изыскания в этом обширном крае, куда входили Актюбинская, Гурьевская (ныне Атырауская) и Уральская области. Результаты долгой работы разведчиков недр нуждались в глубоком научном осмыслении. После тщательной подготовки в 1949 году в Гурьеве открылась выездная сессия Академии наук республики. Через несколько месяцев ученые в том же составе собрались на выездную сессию в Караганде, где Сатпаев выступил с докладом «Центральный Казахстан — важнейшая сырьевая база цветной металлопромышленности в СССР».

В последующие годы подобные сессии состоялись в Усть-Каменогорске, Костанае, Жезказгане, снова в Караганде. Перед каждой из них стояли самые актуальные вопросы, которые выдвигала жизнь. Выявить проблему, охватить все ее грани, назвать докладчиков и темы их выступлений, привлечь к дискуссии руководителей заинтересованных министерств и ведомств, от которых зависело в дальнейшем решение проблемы, — все это определял только лишь президент Академии наук.

Он не был любителем заседаний, хотя ему по долгу службы и по роду многочисленных обязанностей довелось на своем веку побывать на сотнях собраний. К тому же ему приходилось сидеть, как правило, не в зале, а в президиуме. Близкие друзья спрашивали академика, как ему удается без признаков утомления выдерживать многочасовые дебаты. Улыбаясь, он отвечал не то всерьез, не то в шутку: *«А я неинтересных докладчиков не слушаю. Просто ухожу в себя, обдумываю свои дела. Потому и не устаю...»* А когда оратор был интересен академику, этого нельзя было не заметить: Каныш Имантайулы поворачивался всем корпусом к говорившему и голову держал при этом как-то необычно, чуть наклонив ее вперед. Фоторепортеры запечатлели несколько таких моментов. Заседания, которые проводил сам президент, были всегда деловыми и отличались лаконичностью. Обычно к нему приглашали самых необходимых людей. От выступающих требовал кратко изложить суть дела. Ценил вносящих деловые, точные предложения. Не любил незначущих, общих фраз, трескотни.

«Давно это было, в начале пятидесятых годов, — рассказывает Далабай Оспанулы **ЕШПАНОВ**. — Однажды нас (тогда я работал главным инженером шахты № 44) с начальником шахты Темешем Садвакасовым вызвали к директору комбината на совещание. В кабинете сидело много инженеров — руководители производственно-технических служб комбината. В одном углу — Каныш Имантайулы в окружении группы жезказганцев. Вскоре сели за стол заседания, директор комбината Виктор Васильевич Гурба предоставил слово академику Сатпаеву.

— Какими способами вы добываете руду Жезказгана? — начал президент. — Сначала работали кайлом, лопатами. А потом появились перфораторы, лопату заменили скреперами. Вместо тачек пришли вагонетки. Не так ли? Вроде бы добились большого прогресса. А на самом деле все тот же дедовский способ.

Послышались шепот, легкие смешки.

— На вашем месте я плакал бы, — сердито заметил Каныш Имантайулы, — ведь такое положение на сегодня совершенно нетерпимо. Долго ли будем держаться за этот дедовский, явно беспомощный и непроизводительный способ добычи? Техническая мысль не стоит на месте. Горнодобывающая промышленность развивается, нельзя ли создать эффективные машины? Можно, говорят нам ученые. Вот он, один из них. — Президент кивнул в сторону Уахита Шарипова, сидевшего у дальнего края длинного стола. Он возглавлял экспериментальную лабораторию Института горного дела АН Казахской ССР. Рядом с ним сидели молодые инженеры Садвакасов и Ешпанов. Каныш Имантайулы стал говорить, почему-то неотрывно глядя на них. Создавалось впечатление, будто бы выступление его предназначено только для них. Во всяком случае, руководители шахты воспринимали его слова именно так.

— И он, Шарипов, самый скромный и молчаливый среди всех нас, вот уже несколько лет без устали продолжает говорить: «Давайте сообща совершим революцию в горном деле. Внедрим совершенно новую технику для добычи руды». Чем вы, производственники, помогли ему? Советом, пожеланиями, людьми?.. Скажите-ка, Уахит Шарипович, сколько лет прошло, как вы побираетесь здесь, в Жезказгане, словно немилый, докучливый проситель?

— Скоро шесть лет, — ответил Шарипов, почему-то виновато покраснев.

— Знаю вас, производственников, — в ироническом тоне продолжал президент, — вам надо первым делом план выполнить, а за то, что не печетесь о техническом прогрессе, вас с работы не снимут. Ведь это удел ученых, научных сотрудников. Вот ваша позиция. Потому и с Шариповым вы сотрудничаете без желания, лишь бы не обвинили вас в ретроградстве. Не поверили в его идею. Не представляете, что в забоях могут работать буровые агрегаты на самоходной установке и экскаваторы, что транспортировать руду могут не электровозы, а автомобили-самосвалы. И, не поверив, объявили Уахита Шариповича Дон Кихотом, безудержным фантазером. А ведь это идея не одного Шарипова, у нас в стране целые коллективы давно работают над этой проблемой. Нам известно, что и заграничные компании давно занимаются этим делом. И у них есть уже определенные успехи! Это я видел в Шотландии собственными глазами. Там работают горнопроходчики в три-четыре раза быстрее ваших... Стыдно, товарищи! Особенно вам, сидящим здесь молодым инженерам.

Руководители 44-й шахты виновато опустили глаза.

— Вам-то, молодым специалистам, и дерзать!.. Здесь есть условия для строительства шахт-гигантов, каждая из которых смогла бы дать столько руды, сколько сегодня весь Жезказган. А для них ваши перфораторы и буровые механизмы не годятся, нужна новая техника. Так что вам, дорогие товарищи, все-таки придется подумать о своем будущем. Как будете жить через десять, двадцать лет, какими методами добывать и транспортировать руду? Если хотите переложить эту заботу на плечи одного лишь Уахита Шариповича и его коллег, то, уверяю, вам придется ждать очень долго, еще десятки лет. Никакой революции в технологии добычи руд не произойдет. Такие дела в одиночку не делаются, ведь требуется много времени, материальных затрат и усилий людей разных профессий, а больше всего простой человеческой выдержки, воли. Словом, нужна ваша заинтересованная поддержка, деловая помощь. Нужны энтузиасты, которые, раз и навсегда поверив в идею, смогли бы целиком посвятить себя ее воплощению. Разумеется, если надо, мы можем через другие каналы в принудительном порядке обязать вас. Но, как видите, мы этого не делаем. Ибо успех решают именно единомышленники-энтузиасты...

В просторном кабинете директора комбината надолго воцарилась гнетущая тишина. Жезказганцы молчали не потому, что не знали, как ответить Канышу Имантайулы, а потому, что, сказав сегодня «сделаем, поможем», нужно было потом держать данное слово. Все знали, что президент умел спрашивать и никогда не забывал ни своих, ни чужих обещаний. Каныш Имантайулы снова посмотрел в сторону молодых инженеров. И они, наконец не выдержав его взгляда, несмело поднялись.

— Мы понимаем, Каныш Имантаевич, что виноваты перед вами, — начал начальник 44-й шахты.

— Не передо мной, а перед Уахитом Шариповичем.

— Короче говоря, мы не возражаем против того, чтобы провести испытания нового агрегата на нашей шахте. Будем работать сообща, — сказал я.

— Это уже другой разговор, — быстро согласился президент, — желаю вам удачи!..»

(Забегая вперед, скажем, что спустя 15 лет (правда, к этому времени уже не было в живых ни Сатпаева, ни Шарипова) почти все участники этого узкого совещания во главе с директором и главным инженером комбината — всего семь человек — стали лауреатами Гос-

премии СССР за разработку и внедрение новой технологии добычи руд. И в Жезказгане ныне успешно работают шахты-гиганты, где, как и в открытых разрезах, слаженно трудятся самоходные буровые каретки, шагающие экскаваторы и мощные самосвалы. И каждая из них ежемесячно выдает столько руды, сколько десятки прежних шахт вместе за год.)

III

В 1949 году Канышу Имантайулы исполнилось 50 лет. Юбилейные торжества прошли в Баянауле, Жезказгане, Алматы. Академика поздравляли десятки научных коллективов, партийные и советские организации почти всех областей Казахстана, учреждения, правления колхозов, отдельные лица, товарищи, старые друзья. В те апрельские дни поступило несколько сот поздравительных телеграмм. Знатного геолога страны поздравили министр металлургической промышленности СССР **И.Ф. Тевосян**, президент АН СССР **С.И. Вавилов**, многие светила советской науки. В «Вестник АН Казахской ССР» прислал специальную статью, посвященную юбиляру, старейшина советских геологов академик **В.А. Обручев**. *«В день празднования пятидесятилетия жизни и свыше двадцати лет столь выдающейся научной и практической деятельности академика Сатпаева мне как основателю сибирской школы геологов, в которой он получил свою подготовку к жизненному пути, особенно приятно приветствовать его как организатора и исследователя богатств нашей Родины»*, — писал 86-летний ученый.

Не только академик Обручев, но и многие другие, в том числе научные учреждения союзных республик, приславшие приветственные адреса и телеграммы, отмечали знаменательный факт: **имя и заслуги академика Сатпаева неразрывно связаны с успехами Казахской Академии наук**. Поздравляя президента с его личным юбилеем, они поздравляли и Академию наук, желали ей новых достижений. Как-то само собой получалось, что имя Сатпаева сделалось чуть ли не однозначным с понятием Академии наук Казахстана.

Были и телеграммы, будившие в памяти пережитое. *«Восхищаюсь Вашими научными заслугами»*, — писал академик **Г.М. Кржижановский**. Как тут было не вспомнить далекий 1930 год, когда никому не известный инженер Сатпаев, отчаявшись от притеснений спецов Геолкома и Главметалла, пришел на прием к председателю Госплана СССР. **Глеб Максимилианович** тогда основательно поддержал его, помог получить крупные ассигнования на разведку Жез-

казгана. Особую радость ему доставило поздравление старого сослуживца К.И. Бронзоса, бывшего председателя правления треста «Атбасцветмет», под руководством которого Каныш Имантайулы начинал свою инженерную деятельность.

14 мая в здании театра имени Абая состоялось чествование академика Каныша Имантаевича Сатпаева. В зале сидели представители партийных, советских и общественных организаций, Академии наук СССР, Министерства геологии СССР, академий наук союзных республик и многих других научных учреждений страны — известные ученые, писатели, инженеры... Старейшина казахстанских геологов академик Н.Г. Кассин выступил с докладом о научной и общественной деятельности юбиляра. Затем Каныша Имантайулы приветствовали гости, специально приехавшие из Москвы, Ташкента, Баку, Минска, Фрунзе, и десятки представителей общественности республики. В заключение юбиляр выступил с ответным словом. И искренне поблагодарил коллег, родственников и друзей.

Слава и почет могли вскружить голову кому угодно, но только не академику Сатпаеву. Более того, он считал все эти торжества излишними, старался убедить товарищей, чтобы не поднимали большого шума. В следующий юбилей, когда ему исполнилось 60, он вовсе отказался участвовать в праздновании этой даты. Такова была его натура — не любил он громких слов, шумихи вокруг своего имени. Он долго досадовал и на столь широкое празднование своего 50-летия. Была бы его воля, без всякой помпы съездил на родину — в Баянаул, в урочище Айрык, повидал бы стариков-аксакалов, земляков, с которыми в детстве играл в асыки. А потом собрал бы самых близких друзей к своему очагу и посидел бы с ними вечер. Вот это были бы настоящие именины!..

В тот год юбиляр все-таки съездил в родные места. Он взял с собой только близких, в том числе старших дочерей — Ханису с мужем и Шамшию. Прилетев в Караганду, они отправились на автомобиле к Аккелинским горам, в Айрык. В Тендике, где раньше жил клан Чормановых, теперь находилась центральная усадьба колхоза. А на зимовках Сатпаевых жили чабаны этого колхоза. Каныш Имантайулы побывал на обеих, правда, старые саманные дома не сохра-

нились, среди зарослей алаботы виднелись лишь их развалины. Заглянул он и в старое здание Аккелинской волостной школы. Этот дом пока еще стоял, но для учебы был уже непригоден. А дети колхозников ходили в новую школу. Каныш Имантайулы съездил и в районный центр Баянаул, побродил по местам летних откочевок своего аула. Правда, и здесь не обошлось без собраний. Земляки тоже наговорили в его адрес много добрых пожеланий и поздравлений, а в день отъезда высказали наказ-просьбу: просили оказать им содействие в разведении новой породы овец — архаромериносов, недавно выведенной учеными-селекционерами Казахстана.

В том же году после завершения Карагандинской выездной сессии Академии наук, на которой Каныш Имантайулы выступил с докладом, он совершил поездку совместно с вице-президентом АН СССР И.П. Бардиным и казахстанским академиком Н.Г. Кассиным на крупнейшие месторождения руд черных металлов республики. Вблизи Караганды, в Темиртау, уже работал металлургический завод, который в дальнейшем должен был превратиться в огромный комбинат. В связи с предстоящей реализацией этого проекта пора было взяться за сырьевую базу будущего гиганта. Мнение авторитетного гостя, крупнейшего специалиста-металлурга Ивана Павловича Бардина много значило для Сатпаева...

Рассказывает Таисия Алексеевна САТПАЕВА:

«...Далее была совершена поездка на Жезказган для ознакомления Ивана Павловича с этим уникальным месторождением меди. Осмотрены Карсаклайский завод и месторождение железистых кварцитов Балбырауын близ завода, марганцевое месторождение Жезды... Буквально на голом месте к этому времени вырос особенно уютный и благоустроенный городок на берегу реки Жезды. Далее была совершена поездка в район Костаная для осмотра вновь открытых в то время железных руд района Аят и Лисаковки — будущей крупнейшей сырьевой базы черной металлургии Северо-Западного Казахстана и Южного Урала. Сюда же подъехал для ознакомления с характером руд этих месторождений директор Магнитогорского комбината и его непосредственный строитель — Н.Г. Носов. После этого Иван Павлович и Н.Г. Носов пригласили Каныша Имантаевича ознакомиться с Магнитогорским комбинатом, в создание которого Иван Павлович вложил много сил. Это предприятие являлось, по существу, его вторым детищем после сооружения Кузнецкого металлургического комбината.

Поездка на Магнитогорский комбинат произвела громадное, неизгладимое впечатление как на Каныша Имантаевича, так и на всех приехавших с ним казахстанцев. Это грандиозное сооружение первых

пятилеток нашей страны, осуществлявшееся под непосредственным руководством Орджоникидзе и Завенягина, поражало всем: и своими домнами, горными разработками, коксохимическими установками, прокатными цехами. И своим красивым городом, раскинувшимся по берегам реки Урал, с чудесным парком, дворцом культуры, библиотеками, гимнастическими залами... Узнав, что Магнитогорский гигант до сих пор работает с применением марганцевых руд Жезды, Каныш Имантаевич чрезвычайно обрадовался вкладу Казахстана, начавшемуся с первых дней войны, в этот гигант черной металлургии страны...

В тот же день в одной из комнат заводской столовой был организован ужин для гостей. Не обошлось без взаимных приветствий.

— Мы ваши должники, дорогие казахстанцы, — отметил директор комбината, опять упоминая заслугу Жезды во время войны.

— Долг платежом красен! — перехватил инициативу Каныш Имантаевич... — В Темиртау мы с помощью Ивана Павловича собираемся развернуть большое строительство предприятия черной металлургии. Вот и возьмите над нами шефство!..

После этой поездки становилась особенно понятной та большая взаимная дружба, которая возникла между Иваном Павловичем и Канышем Имантаевичем еще с первых дней их знакомства...»

А вскоре Каныш Имантаевич с Кассиным совершили вторую поездку в прииртышские степи. Они побывали на ряде месторождений в отрогах Чингисских гор, в конце пути заехали в Экибастуз. Здесь их тоже ожидали серьезные дела — грандиозная кладовая дешевого угля давно нуждалась в настоящем признании...

В 1950 году состоялись очередные выборы в Верховный Совет СССР. Через год — в Верховный Совет Казахской ССР. Оба раза Сатпаев был избран депутатом. Тогда же ВАК утвердила Каныша Имантайулы в профессорском звании по специальности «геология». А Президиум АН СССР назначил его членом оргбюро по подготовке и проведению объединенной сессии АН СССР и АН Узбекской ССР, посвященной вопросам геологии рудных месторождений Средней Азии. Кроме того, он был введен в состав коллегии Государственного комитета содействия строительству гидроэлектростанций и Главного туркменского канала, новых оросительных и обводнительных систем.

IV

Чем больше расправляла плечи, набиралась сил, росла Казахская академия, тем теснее становились для нее помещения, наскоро приспособленные в трудное военное время.

Республиканская наука поработала на Победу и поэтому теперь имела право потребовать для себя достойного дома — красивого и современного, удобного и добротного. Как же иначе? Именно таким он виделся президенту Академии наук республики, мечтавшему собрать цвет науки под одной крышей. Он хотел, чтобы главное здание академии отражало величие человеческой мысли, масштабность дел. Наконец, после неоднократных обсуждений со своими коллегами и местными зодчими, в результате долгих раздумий необходимое решение созрело...

«Ставить академический комплекс задумал Каныш Имантаевич на берегу Весновки, на месте нынешнего КАЗГУграда. Простирающийся до самых гор простор пробудил воображение академика. Много солнца, чистый воздух. При необходимости можно без оглядки на тесноту достроить, расшириться...» — свидетельствует Шапык Чокин в своих мемуарах. По замыслу президента академии, именно там можно создать ансамбль оригинальных зданий — в них должны разместиться, по его идее, все институты главных направлений науки — естественной, технической и гуманитарной. А рядом будут кварталы жилых домов для ученых, общежитие для аспирантов и другие помещения. Здания для научных институтов будут просторными и красивыми, а в жилых кварталах будут созданы прекрасные условия для отдыха, чтобы в них жрецам науки думалось лучше. Там же по берегам горной речки намечалось выстроить улицы с двухэтажными коттеджами для академиков и прогулочные терренкуры, бассейны, спортивные площадки, каскады фонтанов...

Но, увы, руководство республики отвергло предложение президента АН. Для послевоенной столицы Казахстана такая грандиозная идея была нереальной. К этим масштабным замыслам градостроительства, как знаем, правящие государственные мужи пришли лишь в 80-х годах... А тогда мечтательному Канышу Имантайулы сказали, что надо строить в центре города, где в то время вовсе не было приличных зданий. Скрепя сердце Сатпаев вынужден был согласиться и получил разрешение на размещение академических зданий по обе стороны улицы Красина (ныне Ч. Валиханова). И тогда же был огорожен высоким забором целый квартал. Союзное правительство отпустило деньги. Была создана специальная строительная организация «Академстрой»...

Канышу Имантайулы удалось привлечь к созданию проекта этого комплекса зданий академика А.В. Щусева, одного

из прославленных архитекторов того времени, по его проекту были построены Мавзолей В.И. Ленина на Красной площади, Казанский вокзал и гостиница «Москва»; театр оперы и балета имени Абая в Алматы.

За сравнительно короткий срок академик Алексей Викторович Щусев создал необычайной красоты проект храма казахстанской науки. Величественное главное здание будущей академии высилось на фоне убеленных снегом вершин Заилийского Алатау. По упирающейся в главное здание улице Красина спускались корпуса институтов. Зеленый бульвар в центре улицы с каскадом фонтанов и бассейнами, соединенными между собой, украшал весь этот ансамбль.

К сожалению, как ни торопился главный застрельщик этого дела, строительство храма науки началось не в установленные сроки и шло медленно. Общий облик основных зданий, в том числе главного корпуса академии, проектантом был завершён к концу 1948 года. Столица Казахстана в то время вновь застраивалась — поднималось новое здание правительства и ЦК КП(б)К и другие не менее важные объекты. А строительная база была еще слабой, да и рабочих тоже не хватало. Естественно, деятельный Каныш Имантайулы делал все возможное, но и ему не удалось в намеченный срок воплотить в жизнь свой замысел... Шли годы. Хоть и медленно, но все же строительство постепенно продвигалось вперед. Для истории сохранился снимок неизвестного фотографа, где он запечатлел момент рождения храма науки: К.И. Сатпаев закладывает в основание здания первый бетон...

(Но вскоре произошли события, после которых Канышу Имантайулы пришлось не по своей воле на три года отойти от академических дел. Темп строительства главного корпуса и головных НИИ академии значительно замедлился: Москва прекратила свои щедрые субсидии и местная власть намного сократила выделяемые ассигнования; а горисполком при попустительстве высших чинов отобрал несколько кварталов ниже улицы Красина, которые были застроены неказистыми жилыми домами — называемыми в народе «хрущевскими коробками»; новое руководство, более занятое «идеологическим укреплением» научных кадров, не очень волновало такое положение дел, да и беспокоить вышестоящие инстанции никто не хотел... Наверное, судьба: Сатпаеву снова пришлось вплотную и энергично заняться этими жизненно необходимыми для Академии наук делами после своего возвращения на пост президента и завершить главную часть своих больших задумок лишь в 1958 году.)

Из воспоминаний главного архитектора **Н.А. ПРОСТАКОВА:**

«...Он твердо решил, что академия непременно будет самым красивым и монументальным сооружением в Алма-Ате, и, чтобы добиться этой цели, Сатпаев, не считаясь с занятостью, уделяет время для беседы со мной — о проекте, чтобы все было правильно и удобно размещено. Вот он вызвал меня, архитектора, к себе и мы с ним сидим в тиши кабинета, рассматриваем проект... Мечтаем об убранстве интерьера, об отделке, мысленно обходим здание вокруг. Представляя себе фасад так, чтобы здание органически сочеталось с окружающей природой, обсуждаем характер насаждения цветов, чтобы все это освежалось струями каскада фонтанов. Он горел осуществлением своего замысла, своей Казахской Академией наук, первой в истории своего народа...»

— А не пройтись ли нам по стройке, сейчас строители ушли и мы еще раз обсудим и понаблюдаем. Как думаете, Николай Александрович, сможете эту экскурсию провести? — улыбаясь, сказал Каныш Имантаевич.

...Подниматься на высоту, где производились бетонные работы павильона над конференц-залом с его купольным перекрытием, было небезопасно. Лестницы-стремянки зигзагом поднимались вверх, и они были, как всегда у строителей, расшатанные, перила из досок кое-как перевязаны проволокой, а местами отсутствовали совсем. Из-под наших ног сыпались камешки, щебенка, и куски затвердевшего бетона с шумом проваливались и падали вниз. А рядом с нами была пустота — черная дыра будущего конференц-зала. В холодном воздухе сырого помещения пахло свежими сосновыми досками, известкой, цементом...

Я шел и удивлялся ловкости Каныша Имантаевича. С какой проворностью он взбирался по неудобным, низким и узким стремянкам! Вдобавок местами пробирались почти в темноте. Наконец мы у цели, пролезли сквозь узкий люк и вышли наверх.

Перед нами открылась вершина железобетонного купола над конференц-залом. Каныш Имантаевич со вздохом выпрямился и, улыбаясь своей светлой улыбкой, произнес:

— Ну, вот мы и над землей-матушкой, а ведь как высоко! — и, оглянувшись вокруг, добавил: — И красиво!

Действительно, перед нами раскрылась панорама величественных вершин Заилийского Алатау, внизу раскинулись, утопая в зелени, окрестности города, уходя своими границами далеко к горизонту.

Мы молча стояли, боясь нарушить эту величественную картину, и каждый был погружен в свои мысли. Каныш Имантаевич замер на вершине купола. Его загорелое лицо и высокий лоб отливали золотистой бронзой в лучах заходящего солнца, густые вьющиеся пряди волос развеивались на ветру... Вдруг он встrepенулся и сказал:

— Пойдемте дальше, эта экскурсия по стройке поможет мне более подробно информировать коллег о ходе строительства... Мне нужно все видеть самому.

Мы продолжали свой путь, шагая по лесам друг подле друга. Он шел твердой поступью высокого человека, огромная душевная сила чувствовалась в нем. Мне так приятно было идти с ним по стройке и думать: "Вот с таким человеком я мечтал бы пройти всю жизнь..."»

Молодой Академии наук исполнилось пять лет. Это не так уж много. Но если учесть время возмужания казахстанской науки, пришедшееся на годы войны, да еще довоенные годы, когда она набиралась опыта, то можно насчитать и два десятка лет. В 1948 году Президиум АН СССР рассмотрел работу казахстанских ученых. Вот какую оценку дал ей президент, академик С.И. Вавилов: «*Доклад академика Сатпаева о работе этой молодой организации произвел, я бы сказал, сильное впечатление... Достаточно хотя бы сжатых конкретных цифр о научных результатах: более 200 работ, переданных во внедрение, причем это по разделам, особенно важным для республики, в частности, по минеральному сырью. Мне кажется, что совет по координации имеет полное основание отметить очень большой успех в развертывании работы Академии наук Казахской ССР*». Вместе с тем в выступлении президента была отмечена необходимость усиления в Казахстане физико-математической и биологической наук. И чтобы оказать помощь в этом деле, предлагалось содействие кадрами и оборудованием со стороны АН СССР.

Казахская академия пополнилась новыми научными учреждениями, такими, как Институт освоения пустынь, секторами — философии, астроботаники, микробиологии и профессиональных заболеваний. Академия располагала уже сорока семью научно-исследовательскими учреждениями, в том числе двадцатью двумя институтами и двадцатью секторами, где велась разработка важнейших проблем. Она располагала разветвленной сетью стационарных баз в Караганде, Жезказгане, Гурьеве, Риддере.

В начале 1951 года по поручению Президиума АН СССР Каныш Имантайулы принял участие в организационной сессии Академии наук Таджикистана. На этом же собрании ученые братской республики единогласно избрали его почетным членом своей академии. Так высоко были оценены его заслуги в развитии научной мысли среднеазиатских республик. Кстати, этим успехом завершился целый этап в жизни ученого.

Трудно поверить этому, но действительные факты убеждают в том, что гонения с «выкручиванием рук» на президента академии начались в первый же год создания научного учреждения.

Кто-то из обиженных ученых, очевидно, из тех лиц, которых обошли престижными званиями при выборах в храм наук, настроил донос о вопиющих «беспорядках» в Институте языка и литературы, особо упирая на политическую слепоту его директора и членов ученого совета. В качестве неотразимого примера приводилась тематика исследований, где особенно крамольным авторам представлялся уклон в сторону сбора народного фольклора, сказаний, героических дастанов, эпических поэм и других произведений дореволюционных жырау и акынов. В этом доносчики видели намеренный уход от советской действительности в феодальное прошлое. «Бдительному» жалобщику оказали честь: ЦК КП(б) Казахстана в конце четвертого квартала 1946 года направил в академию представительную комиссию, состав которой был усилен воинствующими идеологами из партийных комитетов. Словом, нашли то, что хотели найти. Была развернута кампания по чистке и выкорчевыванию «социально чуждых и случайных элементов» из системы научного учреждения...

Каныш Имантайулы пытался сдержать агрессивный напор комиссии, хотя бы снять с института политическое обвинение. Вступался он и за честь ученых, попавших в опалу. «Эти люди добрый десяток лет занимаются исследованиями, фактически являются костяком и ведущими учеными в казахской филологии и языкознании, — обращался он к членам комиссии. — И почему, с каких пор исследования культурного наследия народа стали политической крамолой? А запрещение изучения стихов Базара и Муруна жырау, Шортанбая, Шангеря или Машхур-Жусупа — разве не является преступным изъятием целой эпохи из духовной истории наших предков?..» Не получив у членов комиссии вразумительного объяснения, он пошел повыше. Но первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана Жумабай Шаяхметов даже не выслушал до конца его доводов и грубо прервал президента АН:

— Не суй свой большой нос куда не следует! Лично тебя не тронем, а вице-президент — Сауранбаев и Исмаилов — ди-

ректор института, горячий поклонник старины, получают по заслугам, заодно и расхваливаемые тобой ученые...

Расстроенный президент академии тотчас зашел в кабинет Мухамеджана Абдыкалыкова, секретаря ЦК, с явным намерением отстоять свою точку зрения. В отличие от первого секретаря Абдыкалыков был образованным человеком и по интеллекту своему стоял гораздо выше (а у Шаяхметова были в активе лишь двухгодичное русско-киргизское училище и долголетняя работа в органах ГПУ). С ним можно было поспорить, притом и на отвлеченные темы.

Но Абдыкалыков, словно угадав настроение Каныша Имантайулы, не захотел вступать с ним в дискуссию. Пригласив сесть, он молча протянул ему несколько тоненьких брошюр, в верхнем углу обложки каждой из которых стоял гриф секретности: «Только для служебного пользования!» Полистав их, а это были известные постановления ЦК ВКП(б), касающиеся идеологических вопросов, президент понял, что секретарь как бы и его вооружает тем же оружием, которым он сам постоянно пользуется: вот разгромный документ «Об идеологической работе Татарского обкома партии», датированный 1944 годом, где подвергались уничтожающей критике героические народные дастаны — «Эдиге батыр» и «Шора батыр» за то, что там слишком воспевался воинственный дух тюркского народа; тут же был доклад члена Политбюро, главного идеолога страны А.А. Жданова «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», на страницах которых печатались художественные произведения А. Ахматовой и М. Зощенко, как тогда казалось многим, справедливо подвергшихся суровой критике — за упаднические и нигилистические настроения, клевету на советскую жизнь; здесь же лежало грозное постановление ЦК о закрытии этих изданий...

Каныш Имантайулы внимательно просмотрел постановления, где было сказано: «Обсудить», «взять за руководство», «привлечь к строгой ответственности за малейшее проявление признаков нигилизма, космополитизма, национализма...» И ему стало понятно, отчего вдруг в Казахстане круто взялись за это дело. Им нужны «мальчишки для битья»... Но почему все-таки для этого выбрали только что созданную академию и «козлом отпущения» сделали маститых литературоведов и языковедов? Где корень зла? И зачем столько трезвона из-за анонимных жалоб?

— Не вижу, Мухамеджан, связи, — сказал он, возвращая секретарю ЦК документы. — Стоило ли затевать все это?..

— Стоило, Канеке, принимая все близко к сердцу и очень переживая, вы не осознаете печальных последствий, а что, если за это возьмутся повыше нас. — Абдыкалыков, вертя указательным пальцем, изобразил нечто за облаками в бездонных глубинах неба. — Тогда уж действительно полетят мудрые головы, так заботливо опекаемые вами. И не только одного Ауэзова или Исмаилова, а еще многих. Сделав показательный разбор их ошибок, мы проведем профилактическую работу среди научной интеллигенции. А попавшие в опалу товарищи получают ощутимый удар, но не очень страдают. Ну, если сказать символически, обреем им лишь волосы наголо, которые вырастут снова...

Каныш Имантайулы не то от досады, не то от волнения невольно покачал головой. Откровенность главного идеолога республики вызывала у него противоречивые чувства: хотелось верить, в то же время его раздражала циничность заявления партийного деятеля.

— Открыв академию, мы с вами одновременно создали некий Олимп, к восхождению на вершину его теперь будут стремиться всякие, в том числе никчемные, мелкие люди. Ведь, заполучив научные степени, они возомнят себя настоящими учеными, — продолжал секретарь свое пространное объяснение, словно чувствуя недоверие уважаемого им Сатпаева. — Для достижения этой цели они не остановятся ни перед чем, их постоянно будет глотать червь зависти к более талантливому коллеге. Вот вам объяснение всего происходящего... Если я, как вы хотели, дам им резкий отпор, пойдут дальше. Время, как видите, для удара они выбрали также удачно. — Абдыкалыков снова указал на стопку брошюр. — Канеке, извините меня, я не собираюсь учить вас уму-разуму, все же хочу сказать, можно ожидать и в будущем таких скрытых ударов из-за угла, будьте всегда готовы отразить их.

— Спасибо, Мухамеджан, за советы, постараюсь учесть в будущем, — сказал Каныш Имантайулы, затем чуть тише заметил: — Но я, честно говоря, не совсем убежден в справедливости того, что ради исполнения этих партийных директив надо обязательно наказывать замечательных исследователей дореволюционных источников старины. История не простит нам такого запрета!..

Абдыкалыков изменился в лице. Помрачнел, светлое его лицо покрылось темными пятнами, ясные глаза будто потускнели. Отведя взгляд, он дрожащим голосом, еле слышно пробубнил:

— Я не все сказал вам, и вы ко мне очень жестки. Я ведь всего лишь стрелочник, и поделом мне! Что заслужил, то и получил! Однако, Канеке, при всем уважении к вам, я не в силах что-либо изменить... Что еще у вас?

— Раз так, то мне нечего больше сказать. Завершайте свое правосудие, как задумали! Но я в этом не буду соучастником! — был ответ президента Академии наук.

Итоги расследования были рассмотрены на бюро ЦК КП Казахстана, состоявшемся 21 января 1947 года. Принятое постановление называлось «О грубых политических ошибках Института языка и литературы АН Казахской ССР», где было отмечено: «...руководство АН и Института языка и литературы нарушило большевистский принцип подбора кадров, в результате чего институт оказался засоренным социально чуждыми и случайными людьми, ничего общего не имеющими с научной работой». Некоторые ученые из числа вышеназванных лиц получили выговоры за политическую близорукость. А главного «виновника» — глубокого знатока поэтического творчества, автора научных трудов о стихотворном наследии акынов прошлых веков Есмаганбета Исмаилова освободили от директорской должности, как было указано в постановлении бюро: «За систематическое протаскивание буржуазно-националистической идеологии в работах института и в своих собственных произведениях». Лишь одно было утешение — не последовали репрессивные меры, по примеру печально известного 37-го года. «Пронесло! — говорили между собой шепотом и облегченно вздыхали: — Сохранили свои головы в целости, а чем загружать их найдем...»

Оказалось, рановато успокоились. Через несколько месяцев грянула кампания всесоюзного масштаба, начали выискивать среди интеллигенции космополитов, западников, контрреволюционеров, «все еще тоскующих по старым временам и мечтающих о реставрации капитализма в СССР». Толчком послужил беспощадный разнос в печати оперы В. Мурадели «Великая дружба» и последовавшее за ним разгромное постановление ЦК ВКП(б). А в Казахстане на это снова отреагировали постановлением — «О состоянии казахской литературы и о ее дальнейшем развитии». Из нового политического акта вытекало, что состояние казахской литературы на сегодня неудовлетворительное, она по-прежнему увлекается восхвалением старого образа жизни казахов, протаскиванием в сознание молодежи давно отжившего духовного наследия прошлого. В кампанию включились композиторы, музыковеды, вузовские преподаватели, литераторы...

Во исполнение решения ЦК, следовательно, для ускоренного «лечения» ставшей хронической болезни, были изъяты все учебники казахской литературы для средних школ и вузов, потому что в них некритически, с националистических позиций преподносится реакционное, антинародное творчество поэтов эпохи «Зар заман» (дословно «Эпоха печали»). Из литературных хрестоматий и учебников изъяли десяток героических дастанов. Все они были объявлены произведениями буржуазно-феодалного толка, воспевающими праздную жизнь богатеев. Редакции газет, журналов, радиовещание, театры, филармонии и все зрелищные учреждения получили длинный перечень (очевидцы говорят, что в нем было более 300 песен) народных мелодий, напевов и кюев, запрещенных для исполнения на сцене. Ясно, инициаторы запретов в них тоже нашли крамолу, напоминание о былых днях свободно жившего кочевого народа...

Новый шабаш не рикошетом, как было в кампанию 1947 года, а уж прямоком коснулся и Каныша Имантайулы. Дело в том, что не кто иной, как он еще в 1927 году в Москве выпустил в свет наиболее полный текст сказания об Едиге, о котором мы подробно говорили в главе «Послание из XIV века». Теперь этот шаг приобретал негативную окраску. Нашлись критики, которые навесили на президента академии ярлык глашатая старины, а его предисловие к сборнику стало настоящим объектом для нападок.

* * *

Не успели в академии отдышаться от этой напасти, сразу же сгустились тучи над биологами. Пожалуй, их трясло сильнее всех, поскольку противодействие сторонников классической школы естествознания было отчаянным и упорным, покровителю новаторов И. Сталину пришлось спустить указание о карательных мерах... Они также понесли ощутимые потери: несколько сотен первоклассных специалистов, среди них были известные в мире биологи — доктора наук, профессора, академики, лишились своих кафедр в главных вузах страны, исследовательской работы в институтах; многих выслали из центральных городов на периферию, а некоторых, конечно, самых непокорных — отправили на каторгу. Как известно, эта кампания по своей грандиозности, разнузданности превзошла все до этого имевшие место в советской истории. Разбег она взяла с августовской сессии ВАСХНИЛ (1948 г.), на которой академик Т.Д. Лы-

сенко выступил с нападками на основы генетики, предложив взамен свою новую теорию, преднамеренно названную именем «великого преобразователя природы» — «мичуринской биологией».

Биолого-медицинское отделение в АН Казахской ССР возглавлял академик **Николай Васильевич ПАВЛОВ**, всецело посвятивший свою долгую жизнь служению науке. Свою докторскую степень и профессорское звание, кстати, он получил, не достигнув даже сорока лет. Им было открыто в Казахстане 130 новых видов растений. Он вдоль и поперек исходил не только казахские горы и долины, но также и монгольские степи, высокогорное плато Тибета, окраины далекой и неизведанной Камчатки. Между прочим, в том же 1948 году казахстанский ботаник был удостоен Сталинской премии за замечательную монографию «Растительное сырье Казахстана», а за три года до этого Н.В. Павлову было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Казахской ССР», его неоднократно награждали правительственными наградами...

Но громкая мировая слава и научные заслуги не спасли Николая Васильевича от оголтелой критики казахстанских лысенковцев. Он был острым на язык человеком, как честный ученый всегда рьяно оберегал науку от мелких посягательств на нее, от ее хулителей. Притом всегда свое возмущение высказывал им прямо в лицо, невзирая на чин и не думая о последствиях. И вот его противники и завистники, прежде молча терпевшие его резкие выходки, почувствовав, что наступил час возмездия, решили свалить раньше неузвимого для них ученого...

Непреклонный, открыто не признававший «мичуринскую биологию» Трофима Лысенко, по сути кощунственные идеи «великого преобразователя природы», академик Павлов не смог молча терпеть и открытые оскорбления провокаторов. Он, как и следовало ожидать, взбунтовался и однажды поздним вечером (история сохранила нам дату этого события: 25 сентября 1948 года) сердитый, с покрасневшими от бессонницы глазами пришел в кабинет президента академии, устало сел на предложенный стул и положил на стол свое заявление: *«Меня обвиняют в том, что я не осудил себя как биолога, допускавшего в своих трудах ошибки вейсманистского порядка... Убеждаясь, таким образом, что в коллективе АН Казахской ССР я не заслужил достаточного доверия, нахожу, что по возрасту я уже вышел из роли «мальчика для порки» из «Принца и нищего». Поэтому настоящим убедительно прошу президиум АН освободить меня от должности председателя отделения биологических и медицинских наук. В настоящее сложное переходное время справедливее, если во главе отделе-*

ния будет стоять опытный партиец, мне же после всех поношений эту должность выполнять невозможно...»

— А чем будете заниматься, покинув нас? — спросил президент, вертя его заявление в руках. — Можете говорить открыто, мы ведь курдасы*. Небось, об этом еще не подумали, а?

— Ошибаетесь, почтенный. Я уже думал об этом и даже согласовал со своими домочадцами. Буду выращивать гладиолусы! Они будут у меня самые красивые в Алма-Ате, может быть, и лучшие в мире, поскольку я пока еще неплохой ботаник. И торговля ими принесет большой доход, чем зарплата академика, тем более получаемая после таких побоев...

— Тогда уж, Николай Васильевич, возьмите и меня в помощники, хотя я ничего не смыслю в этом деле, но к физическому труду еще годен, — ответил в тон президент.

— Я не шучу, уважаемый Каныш Имантаевич.

— Я тоже, — заметил хозяин кабинета, в упор глядя в грустные глаза ботаника. — Если мне не изменяет память, это вы подталкивали меня пять лет тому назад с организацией академии и даже заметно использовали свою близкую дружбу с покойным Владимиром Леонтьевичем Комаровым. И вот храм науки создан. Разве не вы, Николай Васильевич, стояли у его истоков? А теперь, напоровшись на первые трудности, — сразу же в кусты. «Буду выращивать красивые гладиолусы». И не стыдно вам?! Решили спасти свою шкуру, мол, моя хата с краю... Не ожидал я, сознаюсь, от вас такого отступничества, ей-богу, даже не думал...

Президент продолжал говорить в том же духе. Хлесткие его слова еще больше растревожили издерганного ученого-ботаника.

Растерянный Павлов хотел крикнуть с ожесточением: «Подпишите, и я уйду!» — однако вместо этого он сказал:

— А что делать? Не дают же мне защищаться, даже слово не предоставляют.

— И правильно делают, потому что вы с трибуны еще больше наломаете дров. И доведете дело до того, что завтра же вас заберут в другое ведомство, откуда не выйдут живыми... Заткните уши ватой и сидите тихо!

— А я не могу! Когда торжествуют бездари, выбивают почву из-под ног — сидеть и молчать не в моих силах. Странная тактика у вас, извините, Каныш Имантаевич, — сказал

* Ровесники, одногодки.

в сердцах Павлов. — Совершенно не понимаю вашу позицию.

— Понимать-то нечего, что вы, только вчера с Луны свалились — первый раз переживаете эти кампании... Пошумят год, может быть, и два, и все забудется. Главное, спокойно переждать эти перетряски, сохранить голову в целости. Ясно, Николай Васильевич, сумеете сдержать свои страсти? — спросил Каныш Имантайулы, чувствуя, что ему удалось убедить упрямого и непреклонного коллегу.

— Не знаю, не уверен. Если однажды сорвусь — не обесудьте! А сейчас, считайте, уговорили на время, верните заявление...

— Нет, не верну, оставляю себе на память, чтобы однажды достойно ответить на ваши колкие шутки, — смеясь, ответил президент академии. — А сейчас садитесь за тот стол и пишите новое заявление, чтобы я отправил вас хотя бы на полгода в научную командировку на поиск новых видов растений, разумеется, куда-нибудь подальше от любопытных глаз. Мало будет, дадите знать, продлю командировку еще. Ясно? Придумайте веский довод, чтобы толково вышло и всякие там холуи, как сами сказали, неучи, не разобрались что к чему...

— Вы величайший тактик и большой оптимист! — заметил ботаник, беря чистый лист бумаги из рук Каныша Имантайулы...

Все вышло так, как предсказывал президент АН Казахской ССР, хотя культ личности Т.Д. Лысенко и его лжетеория продержались в советской биологии более десятка лет, все же основной костяк казахстанских естествоиспытателей, благодаря умелой и гибкой тактике руководителя академии, был сохранен. Понятно, развитие этой науки в какой-то мере затормозилось на годы, но вскоре ощутимое отставание было преодолено усилиями тех же старых научных кадров и вновь пришедших в науку талантливых их учеников. А что касается их вдохновителя, первого директора института ботаники, академика Н.В. Павлова, то позднее по его инициативе и под его непосредственным руководством был создан и увидел свет девятитомный фундаментальный труд о казахстанской флоре. Стати, седьмой том «Флоры Казахстана», вышедший в 1964 году, был посвящен светлой памяти первого защитника ботаников незабвенного Каныша Имантайулы Сатпаева. А благодарный Николай Васильевич именем своего покровителя назвал один из новых видов гладиолуса, выведенный им. Через годы новое поколение ботаников также дало имя великого ученого самому красивому сорту сирени, полученному путем селекции в Главном ботаническом саду Республики Казахстан.

Кстати, об этом же критическом и тревожном времени в жизни казахстанских биологов вспоминает ботаник **И.К. ФОРТУНАТОВ**: «...Я сообщил Канышу Имантаевичу о своем решении остаться работать в Казахстане и ехать в Гурьев. Он одобрил мое решение... и говорил о том, что перестройка институтов биологического отделения по пути новой мичуринской биологии очень трудна. От академии требуют ощутимых доказательств того, что она быстро пошла по новому пути, но не так легко это сделать. Нужны какие-то печатные работы на эту тему, но пока никто таких работ не представляет. Все это понятно... Вот и Вы говорите, что стоите на позиции мичуринской генетики, но... ведь, я знаю, вы коренной тимиризовец и воспитывались на лекциях крупных ученых-селекционеров, работающих в области классической генетики, она впиталась в ваше сознание. Я вас, Игорь Константинович, не заставляю непременно перестроиться, но все же надо что-то делать...

И тут я сказал, что у меня почти готова рукопись о значении работ **И.В. Мичурина** в интродукции плодовых растений в Казахстане. Президент спросил, в каком состоянии рукопись. Я ответил, что рукопись еще не перепечатана на машинке и не окончен последний ее раздел. **К.И.** попросил меня привезти рукопись не позже 30 декабря, в гостиницу «Москва» (Разговор происходил в Москве, в декабре 1948 г. — **М.С.**)

Я доработал ее и привез в назначенный срок. Каныш Имантаевич просмотрел и одобрил. Сказал, что передаст в издательство АН Казахской ССР. Так вышла в свет моя брошюра «Великий преобразователь природы **И.В. Мичурин**» на русском и казахском языках...»

Приведенный нами пример наглядно показывает, что обеспокоенному главе казахстанской науки, чтобы сохранить старых биологов, пришлось держаться золотой середины. Таким образом, во вверенном ему ведомстве оказались и волки сыты, и овцы целы. Но, скажем прямо, нескончаемые эти кампании по поиску врагов, устраиваемые иной раз по нескольку раз в году, почти довели даже на редкость крепкого и выносливого физически Каныша Имантайулы. Он очень устал от них, у него появились признаки гипертонической болезни, из-за постоянного недосыпания под глазами темнели круги.

* * *

Однако до желанного затишья было далеко, оно оставалось все еще недостижимой мечтой. Вскоре распри начались и у геологов и не меньшие по масштабу, чем у биологов. Они больно задела и **К.И. Сатпасва**...

31 мая 1949 года, во время пребывания в Ленинграде, был арестован известный ученый-геолог Михаил Петрович Русаков. Притом не только он один. Большой группе видных поисковиков, академиков и профессоров-геологов были предъявлены надуманные обвинения во вредительстве в пользу иностранных государств. В их числе были профессор В.М. Крейтер и академик И.Ф. Григорьев, давнишний знакомый и протеже Каныша Имантайулы, проработавший с довоенного времени до 1943 года председателем КазФАНа.

Об аресте своего кумира Каныш Имантайулы узнал из письма 90-летней матери Михаила Петровича, доставленного ему с берегов Невы окольными путями, в котором она с отчаянной мольбой о спасении безвинного сына обратилась к нему, как давнему другу семьи. Кроме прочего, М.П. Русаков был не только членом Казахской академии, но еще ведущим ученым его родного ИГН. Долг президента АН и директора Института геологических наук обязывал Каныша Имантайулы немедленно броситься на защиту коллеги. Но увы! Давно отлаженная и неприступная для ходоков жестокая карательная система все еще действовала отменно: известному государственному деятелю, депутату Верховного Совета СССР, перед которым были открыты все двери высшей власти, на этот раз везде и всюду отвечали: «Повремените, пока же идет следствие, они разберутся что к чему...» Но спецорганы «разбирались» с Русаковым целых 18 месяцев, пока не собрали компрометирующие факты, чтобы осудить попавшего в их руки известного ученого.

Именно тогда они завели негласный надзор и над его заступником, ибо органы всегда жестоко наказывали таких строптивых и непослушных. И конечно, они вспомнили, что Сатпаев долго ходил в друзьях у «уже разоблаченных как вредители Отечества» вышеназванных ученых-геологов. Словом, осенью того же года в Алматы нагрянула представительная комиссия союзного Гостехнадзора...

Из воспоминаний Т.А. САТПАЕВОЙ:

«...Совершенно расстроенный и угнетенный зашел однажды к нам Н.Г. Кассин и сообщил, что он привлечен в качестве эксперта неожиданно приехавшей из Москвы комиссией горного надзора по расследованию деятельности Каныша Имантаевича по разведке месторождений железных руд Карсакая и будто бы в связи с неправильной его оценкой перспектив Атасу... Приехавшая комиссия не сочла нужным побеседовать лично с Канышем Имантаевичем, познакомиться непо-

средственно с материалами и деятельностью геологического института. Все происходило «за закрытой дверью». Николай Григорьевич, зная все детали деятельности Каныша Имантаевича, остро переживал всю несправедливость этого события, глубоко возмущался и на глазах как-то дряхлел. Гипертоническая болезнь, от которой он страдал, разыгралась у него в полной мере, вскоре он слег в больницу, откуда уже не вернулся домой...

Тяжело пережил Каныш Имантаевич эту огромную потерю, как личную утрату, как для себя, так и для геологии Казахстана. Н.Г. Кассин сорок лет своей кипучей деятельностью посвятил изучению разнообразных вопросов геологии Казахстана. Он являлся основоположником и творцом первой геологической карты республики. Под его непосредственным руководством составлялась структурно-тектоническая карта, послужившая в дальнейшем основой для прогнозной металлогенической карты Казахстана. Его по праву называли отцом геологии Казахстана. Не говоря уже о личном обаянии этого замечательного человека и о многолетней дружбе с ним Каныша Имантаевича.

Между тем пресловутая комиссия, таинственно появившаяся в Алма-Ате, так же тихо вскоре скрылась в Москве, оставив в душе Каныша Имантаевича муку и неясность, тревожившие его всю зиму...»

Весной следующего года комиссия Гостехнадзора вернулась снова. Очевидно, ей мало было одной жертвы, гибели замечательного ученого-геолога Н.Г. Кассина. Ревизоры и на сей раз потратили целый месяц на разбор надуманных прегрешений ученого-геолога, были исписаны целые горы бумаги (объяснения самого «виновника» Каныша Имантайулы по вопросу долгой разведки Атасу составили ни много ни мало полных 137 машинописных страниц). Долго и тщетно проверяющие разбирались в каждой мелкой кляузе. Например, в сигнале недоброжелателей о том, что супруга директора ИГН приходит в институт лишь на три-четыре часа, а зарплату получает за полный день. Оказалось, Таисия Алексеевна приходила в институт, чтобы чем-то себя занять и не забыть свою профессию минералога, а зарплату за последние три года совсем не получала. И таких казусов было много, они действовали на нервы.

Сегодняшнему читателю жизнеописания академика К.И. Сатпаева остается лишь с удивлением гадать, как же в этой изматывающей обстановке он еще мог заниматься наукой. Глубоко страдая от каждодневных посягательств на истину, честь и личную свободу, поневоле подчас маскируя свои подлинные намерения, чтобы преодолеть возникшие преграды, он упорно боролся за свои идеи, видя свое высокое

предназначение в том, чтобы проложить национальной науке путь в будущее. В краткие перерывы он всего себя без остатка отдавал науке.

II

Некоторое затишье опять сменилось бурей в среде гуманитариев: на сей раз не только их, но всю академию трясло так, как будто бы случилось землетрясение силой не менее 9–10 баллов по шкале Рихтера, и хотя в те годы землетрясения были частым явлением в Алматы, но никогда стихийные колебания земной коры здесь не достигали такой сокрушительной мощи.

Как ни странно, причиной новых гонений на ученых стало вроде бы благое дело: еще в конце 1941 года эвакуированные в Алматы известные ученые во главе с заместителем директора Института истории АН СССР, членом-корреспондентом (позднее академиком) Союзной академии А.М. Панкратовой, желая ответить добром за проявленное гостеприимство, взялись подготовить «Историю Казахской ССР».

Между прочим, в то время в Казахстане не было ни одного профессионального историка, способного взяться за такой фундаментальный труд. Всех, кто мог это сделать, и тех, кто уже выпустил в свет «Историю Казахстана» (автор профессор Санжар Асфендияров), всех до единого уничтожили в 1937–1938 годах. И «История Казахской ССР» в двух томах, запланированная Наркомпросом еще накануне войны в виде учебника, оставалась лишь в проекте.

И вот после полуторагодичной напряженной работы 670-страничная книга об истории республики была завершена. Издали ее быстро, почти за месяц выпустив в свет десять тысяч экземпляров. Между тем сразу же начались споры о ней. Дело было в том, что создателей «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» выдвинули на соискание Сталинской премии, и это вызвало в среде историков Москвы и Алматы черную зависть, мишенью для их атаки послужила в основном 14-я глава, рассказывающая о национально-освободительном движении под предводительством султана Кенесары Касымова в 1837–1847 годах, автором ее был молодой казахский историк Ермухан Бекмаханов. Они объявили научную концепцию этой главы неверной, требуя пересмотреть трактовку о присоединении Казахстана к России. В итоге им удалось вывести создателей книги из списка претендентов на престижную премию...

Все же Е. Бекмаханов смог успешно защитить докторскую диссертацию осенью 1946 года в том же московском Институте истории. В ту пору ему был всего лишь 31 год. Через год его монография, значительно расширенная по объему и тематике, озаглавленная «Казахстан в 20–40-е годы XIX века», была издана в Алматы. В научных кругах расхваливали молодого доктора истории, говорили, что он, Бекмаханов, смело вошел в ряды известных ученых страны. Его любили и горячо поддерживали московские, ленинградские и прибалтийские историки, за глаза называли «вторым Чоканом, породившимся в XX веке», способным воссоздать многовековую историю своего народа. В родном Казахстане яркий талант Ермухана также оценили должным образом: он заведовал кафедрой в единственном в те годы Казахском госуниверситете, сразу же получил звание профессора. Его пригласили в АН республики, где он стал работать по совместительству заместителем директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии.

Феноменальный успех молодого историка оценивали в среде его коллег по-разному: большинство радовались за него и всемерно поддерживали; а некоторые видели в нем сильного соперника и противника, тем более он стал первым доктором исторических наук в республике, значительно опередив своих более старших по возрасту коллег.

И мишенью для атаки стал труд историка — «Казахстан в 20–40-е годы XIX века». Противникам ученого удалось навязать в 1948 году несколько обсуждений этой книги. Первое состоялось 28 февраля в Москве, в Институте истории АН СССР. Первым представили слово Х. Айдаровой, затем зачитали рецензию Т. Шойынбаева и М. Акынжанова, где подчеркивалась безыдейность книги, написанной будто бы под явным и дурным влиянием буржуазной лжетеории «единого потока». Но в защиту автора книги выступили маститые историки Н.М. Дружинин, С.В. Вахрушин, М.П. Вяткин, А.П. Кучкин и еще несколько московских историков. Резко и поучительно прозвучало заключительное слово академика-секретаря отделения истории и философии АН СССР, ведущего заседание, Б.Д. Грекова, который посоветовал казахским историкам впредь воздерживаться от навешивания друг на друга политических обвинений и работать в содружестве, так как в казахской истории всем хватит научных тем и точек приложения сил. Увы! Добрый совет известного ученого не дошел до сознания завистников. Они вынудили молодого коллегу принять участие в новой дискуссии, которая состоялась в Алматы, в Институте истории, археологии и этнографии АН в июле того же года. Кстати, сей разбор, ставший камнем преткновения, можно поистине назвать марафонским, поскольку он продолжался целых пять дней.

«Стенограмма дискуссии по книге Е. Бекмаханова «Казахстан в 20–40-е годы XIX века» полностью, без сокращений опубликована

в Казахстане в 2000 году. Любители истории и детективных жанров могут с удовольствием, возможно, и отвращением прочитать этот своеобразный объемистый отчет о том, как солидные мужи от науки беспощадно били своего же товарища по работе... Скажем лишь о выводах, вытекающих из этого разбора: открытый диспут ничего не дал противникам Е. Бекмаханова, им не удалось доказать свою концепцию о буржуазно-националистической направленности обсуждаемой книги; и своими выступлениями они только осрамили себя перед обществом как явные интриганы; а слушатели, их было более сотни человек, в основном ученые-гуманитарии, с пониманием восприняли слова Ермухана Бекмаханова, сказанные им в ответ: *«Как ни странно, их выступления были основаны на чувствах, на чувствах грубых и недобрых»*. Замечательную книгу молодого историка не запретили, не уничтожили, как требовал в своем выступлении его коллега Тлеукажы Шойынбаев. Короче говоря, отстояли. Можно сказать, те, кто придумал эту дискуссию, в определенной мере получили щелчок по носу, тем самым вроде бы был дан урок всем любителям жалоб и доносов, что время беспредела отошло в историю, уже нельзя убирать своих соперников «недозволенными ударами ниже пояса»...

Свое заключительное выступление Ермухан Бекмаханов закончил вот такими оптимистическими словами: *«Думаю, обсуждаемая книга не будет моей последней научной работой, и наша научная общественность в недалеком будущем получит историю Казахстана второй половины XIX века, над которой я сейчас работаю»*. Прискорбно, что поделаешь, но это ведь действительно так: злые завистники не дали талантливому историку закончить эту и другие книги, которые он намеревался выпустить в ближайшие десять—двадцать лет...

«Читали ли Вы в «Вопросах истории» рецензию товарища Кима? На мой взгляд, она свидетельствует о том, что среди ряда историков существует неперемное стремление ухудшить историю казахского народа вопреки исторической правде, — писала Анна Михайловна Панкратова в своем письме к новому секретарю ЦК КП(б)К и своему соредактору второго издания «Истории Казахской ССР» Илиясу Омарову, отправленном из Москвы в октябре 1949 года. — Я совершенно не понимаю, почему грузинские цари или узбекские ханы могут считаться при аналогичных исторических условиях прогрессивными деятелями, а казахи должны чернить Аблая или Кенесары Касымова? Я ни в коем случае не могу стать на антиисторический путь оценки этих виднейших деятелей казахской истории...»

Возмущение видного историка того времени понятно, и сегодня можно лишь ею восхищаться! Но увы! Она, как честный человек и исследователь, не понимала своих от-

дельных недобросовестных коллег, которые личные карьеристские цели ставили выше общенациональных интересов...

После победы Советского Союза над фашистской Германией повсеместно стали говорить о главенствующей роли русского народа в этой войне, за который провозгласил первый тост в праздник Победы сам И. Сталин. Это было исторической правдой. Но особо возвеличивая Русь, идеологи, в том числе отдельные историки, старались умалчивать о колониальной политике царизма. В связи с этой концепцией прежде принятый критический взгляд на расширение земель Российской империи отошел на второй план, положительным объявлялся факт «добровольного» присоединения Казахстана к России, соответственно, все национально-освободительные движения народов, особенно под предводительством биев и ханов, также пересматривались и трактовались как восстания против русских. Подверглась острой критике и была пересмотрена оценка личности имама Шамиля на Северном Кавказе, он уже «оказался» не лидером дагестанского, чеченского, ингушского и других народов этого региона, а закоренелым «английским агентом». Настала очередь предводителя казахского движения султана Кенесары Касымова...

III

Поводом к развертыванию новой политической кампании послужила разгромная статья газеты «Правда», опубликованная 26 декабря 1950 года за подписью трех казахстанских историков — Т. Шойынбаева, Х. Айдаровой и А. Якунина, — «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана». Именно с этого дня для расправившейся было плечи национальной казахской интеллигенции, можно сказать, снова наступили трагические времена, повторявшие в точности 37-й год. Большая группа историков, литературоведов, музыковедов и писателей попала в разряд националистов и сразу же в преддверии нового года началась шумная кампания по изобличению идеологических противников советского строя. Из ЦК КП(б) Казахстана последовало четкое указание: статью центрального органа партии обсудить, разобраться в прежних и нынешних заблуждениях во всех опубликованных научных трудах и произведениях литературы на эту тему и вывести виновных на чистую воду; проследить за этими разборками было поручено отделу пропаганды

и агитации ЦК, лично ответственным за это был его заведующий И.П. Храмов.

Разбор, как с главного источника зла, начали с Института истории АН, затем переключились на Институт казахского языка и литературы. Там тоже оказались «грешные» в восхвалении подвигов Кенесары и его отважных батыров, в институте было собрано немало поэм-дастанов, толгау и сказаний (была написана и поставлена на сцене республиканского театра драма «Хан Кене», автор Мухтар Ауэзов), все они были включены в хрестоматии, учебники, научные труды. Теперь следовало немедленно их осудить и изъять. С начала нового года кампания перекинулась, как оспа, на пединституты, техникумы, школы. К весне кампания по обсуждению выступления «Правды» и изощренные по содержанию «разоблачительные» статьи республиканских газет докатились до колхозов, совхозов, мелких промышленных предприятий и сельских учреждений, где в основном работало коренное население. Ясно, что на собраниях первичных организаций рядовые коммунисты — рабочие и колхозники, ничего не понимавшие в этих «ошибках» ученых, по рекомендации инструкторов райкомов партии, секретарей парторганизаций зачастую просто поднимали руки, голосуя за осуждение националистов с требованием строго наказать их как политических преступников. Словом, ряды «прозревших» в тот год многократно увеличались. Дело дошло до того, что рядовой учитель истории или музыкант-барабанщик захудалого оркестра считал себя настолько компетентным в запутанных вопросах прошлого, что выносил приговор преследуемым историкам, призывая пригвоздить несчастных к позорному столбу. Объектом измышательства стали имена и труды Ауэзова, Жубанова, Бекхожина, Жумалиева, Исмаилова, Маргулана, Кенесбаева, Кенжебаева, Мухамедханова, наряду с Бекмахановым беспощадно били и его защитников, которые засветились в дискуссии 1948 года, историков Бержанова, Адилгереева, Дилмухамедова, Аспандиярова, Жиреншина, изрядно досталось также и Беку Сулейменову, который до этого был в числе ярых противников Ермухана, активно участвуя в его избении. Естественно, ни одна газета не поместила контрдоводов тех, кого критиковали. А на собраниях принимались во внимание лишь их «чистосердечные покаяния», если кто-то что-либо говорил в их защиту, тут же поднимался гвалт и свист и оратора сгоняли с трибуны. Такой позор претерпели светила национальной культуры — Ауэзов, Маргулан, а изве-

стному композитору, академику Ахмету Жубанову в день «разоблачения» на партийном собрании и во время рассмотрения его персонального дела в Сталинском райкоме партии Алматы вовсе не дали слова для объяснения. Президента Академии наук К.И. Сатпаева также вынудили покинуть трибуну Алматинского городского собрания партактива, когда он попытался объяснить ситуацию.

В период наибольшего накала кампании президента АН Казахской ССР пригласили к первому секретарю ЦК КП(б)К.

— Тебя все называют Канеке, многие даже Хан-ага*. И ты, наверное, уже возомнил себя вровень с непогрешимым властителем — ханом... Говорят, вовсе перестал прислушиваться к замечаниям наших работников, а они сотрудники Центрального Комитета, так что не забывайся!.. Тебя возвысила Коммунистическая партия, а если захочет, она может и понизить. Даже не заметишь, как однажды скатишься с вершины... Ясно? Я думаю, ты, сын Имантай-бия, не забыл своего байского происхождения. Напомню тебе мудрую притчу об Аяз-бии, который всегда говорил приближенным, что он выходец из нищих, чтобы постоянно напоминать об этом, велел вывесить на видном месте свой весь порванный старый тымак...

Каныш Имантайулы уважал Жумабая Шаяхметова не только из-за его высокой партийной должности, но и за деловые качества, особенно за активную, плодотворную деятельность по поднятию экономики республики. Престиж его среди коллег и в Москве, и на родине был в то время очень высоким. А сейчас он не узнавал прежнего Шаяхметова, должно быть, кто-то из подручных шептунов специально строил первого секретаря против него. Ясно, он сердит. Но Сатпаев знал, что тот быстро отходит. Надо переждать несколько минут, а потом Жумеке успокоится. Однако на сей раз, видно было, он не сдерживал себя, еще наговорил много лишнего, грубого, несуразного, оскорбительного, задевающего честь приглашенного. А ученый терпел, молча глядя в сторону, отрешенно молчал.

* Обычная игра слов, исходящая от первого слога его имени, но со зловещим подтекстом.

— А почему ты молчишь? Я спрашиваю тебя: какое тебе дело до этих пошлых проблем историков и литераторов? Пусть спорят, вечно у них такие склоки. У них это, наверное, в крови, даже специальность их такая — всегда о чем-то разглагольствовать впустую... А тебе как президенту академии заниматься бы более важными делами. Пусть расхлебывает эту кашу твой заместитель, тем более он отвечает за эту отрасль науки...

Первый секретарь еще минут десять распался по поводу академических дразг, все отчитывая Сатпаева за вмешательство в споры гуманитариев. А потом, наверное, его довело до белого каления странное спокойствие Каныша Имантайулы, молча выдержавшего его агрессивный натиск, крикнул:

— А знаешь ли ты, хваленый мудрец, за кого заступаешься?! Нет, не знаешь!..

— Жумеке, они члены нашей академии. А никчемные люди — прохиндеи и интриганы учат их, солидных и известных ученых, чем и как заниматься, отчитывают, как нашкодивших мальчишек, притом самыми последними ругательными словами... Нет, товарищ Шаяхметов, я не глухой и не слепой, все вижу и слышу, потому не могу сидеть молча и не заступаться.

— Ну, ну, сказал бы что-нибудь стоящее! — махнул рукой первый секретарь, давая знать, что не желает слушать.

— Товарищ секретарь ЦК, пора прекратить этот бардак! Лично мне стыдно, не могу открыто глядеть людям в глаза... Кого избрали мишенью для битья? Первого доктора исторических наук, который намного опередил своих коллег? Ругаем Ауэзова, гордость советского народа, лауреата Сталинской премии, чьими произведениями зачитывается весь мир. Чем не угодил казахам академик Жубанов, пока единственный профессиональный знаток нашего музыкального наследия? Или профессор Исмаилов, член-корреспондент Жумалиев? Могу продолжать и дальше, но надо ли? Эти люди — гордость нашей науки, ими гордится весь народ. Ну, бывает, малость ошиблись. Что же? Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. А ошибки в науке — тоже наука!.. В конце концов, они много сделали доброго и полезного для поднятия престижа национальной науки, на их трудах учится весь Казахстан, создана и академия, так что можно было простить...

— Вон куда ты забрался?! Теперь-то понятно, — процедил Шаяхметов.

— Устроив скандал, мы уже наломали много дров. И как бы, Жумеке, нам это не вышло боком!.. Боюсь, история и народ не оправдают нас, простите меня, нужно ли мне такой ценой цепляться за это престижное место на вершине горы, как вы соизволили здесь выразиться, не лучше ли сразу скатиться вниз...

— Вот как? Я тебя считал умником, а ты даже до сих пор не понял, что куда дует ветер, туда и трава клонится. Или играешь в наивного Мыркымбая*. Хватит, довольно меня учить! — крикнул Шаяхметов, раздраженно стукнув кулаком об стол. — Знай свое место!..

И тут неожиданно лопнуло терпение Каныша Имантайулы или он решил более не сдерживать себя:

— И вы, Жумеке, знайте свое место! Я вам не Жиликбаев, не услужливый помощник, которым можно помыкать. И даже по возрасту я намного старше вас!..

К удивлению Каныша Имантайулы его последние слова быстро привели рассерженного секретаря в чувство. Он нервно бросил очки и стал медленно поглаживать заметно дрожащими пальцами стекло на письменном столе. И он, и его собеседник одновременно поняли, что, распаяя себя, зашли в тупик, из которого уже не виделось выхода.

— Ладно, Канеке, спорами и криком до потери голоса мы не решим эту проблему. Вам, наверное, известна притча о скандальной бабе, которая окончательно примирилась со своим положением, когда ее изрядно поколотили, — засмеялся Шаяхметов подчеркнуто громко, но и смеха не получилось. — Я-то вызвал, чтобы сказать вам, Канеке, нужно нам непременно сохранить вас! Это главное, потому советую: не лезьте в эти скандалы, тем более ничего путного вы там не добьетесь... Очистим академию от них, чем скорее, тем лучше! И для вас, и для нас!..

— Но эти ученые, — ответил президент, — составляют золотой фонд нашей науки. Столько лет потрачено на их подготовку...

— Опять ты за свое! — Секретарь повысил голос, но тут же, спохватившись, перешел на «вы». — Канеке, вы еще не совсем понимаете ситуацию, даже по отношению лично к себе... Одумайтесь, лучше переждать тяжелую обстановку!

* Простодушный герой в казахской фольклорной литературе, наподобие русского Ивана-дурака.

Но теперь и Сатпаев заупрямился. Ему в тот миг даже не хотелось думать об увольнении десятков талантливых ученых.

Он верил им, как самому себе, и они тоже верили в своего президента. Ничего дурного даже в мыслях никто из них не держал, он был абсолютно уверен в этом, просто некоторые люди проявляют подозрительное усердие. Но как и кому все это объяснить?..

— Вот мой ответ, — медленно заговорил Сатпаев, словно взвешивая каждое слово, — я не дам согласия на такую безосновательную чистку ни в одном из вверенных мне научных учреждений, во всяком случае, пока я руковожу ими.

— Ну, это мы посмотрим, как бы вам самому, товарищ Сатпаев, не попасть в список «нежелательных». — Секретарь ЦК демонстративно поднялся со стула и, отворачиваясь, еле слышно буркнул: — Не согласитесь, за вас это сделает другой человек!..

Каныш Имантайулы уже понял, что проигрывает сражение, и, будто бы чувствуя, что его визит в этот кабинет последний, решил уж до конца высказать наболевшее, что не давало ему спокойно спать. Его уже прорвало. Теперь он не жалел ни себя, ни Шаяхметова. Стоя, выплеснул в лицо кучу нелицеприятных, горьких слов и, не попрощавшись, быстро направился к двери.

Он не поехал в академию, хотя там ждали неотложные дела. Не мог заставить себя работать ни в тот, ни в последующие дни, словно знал, что его дни в этом учреждении сочтены; о потере должности несколько не горевал; но чувствовал себя виноватым в том, что не все сделал, чтобы спасти коллег от расправы, хотя не знал, что еще делать; жаловаться в Москву, в вышестоящие партийные органы — не хотел, не поймут и там скажут: «За кого заступаешься?!» Было горько и тяжело на душе — что так бесславно приходится оставлять выпестованную своими руками академию, с которой он давно сросся сердцем...

Бессонница, бесконечные думы о своем бессилии и безвыходность доконали его: разладилось давление, как бы железными клещами день и ночь сжимало в висках, постоянно звенело в ушах, пришлось вызвать своего лечащего врача Анну Павловну Владимирову из клиники Совета Министров; она хотела забрать его в больницу, однако Каныш Имантайулы категорически отказался и, считая правильным и нужным в эти критические дни быть на своем месте, наивно полагал, что этим хоть в чем-то поможет коллегам. Доктору пришлось назначить уколы, успокоительные средства.

НАД ПРОПАСТЬЮ

I

Спустя некоторое время президента АН Казахстана снова пригласили в Центральный Комитет партии. Теперь уже ко второму секретарю С.И. Круглову. На сей раз разговор об улучшении морального климата в академии пошел без крика и нажима. Каныш Имантайулы был согласен с такой постановкой вопроса. Но, заявив об этом, почему-то насторожился. И не зря. Секретарь ЦК тут же сделал ему замечание: как коммунист вы должны были активно поддержать инициативу секретаря парткома академии товарища Ефимова по скорейшему выявлению чуждых элементов в научном коллективе. «А вы, — бросил ему упрек Круглов с заметным металлом в голосе, — постоянно вмешиваетесь и препятствуете его кадровой работе. Как это понимать?!..»

— Вот вы о чем? — Сатпаев наконец понял причину вызова. Ясно, Круглову поручено уломать упрямого президента Академии наук. — Мое мнение, уважаемый Сергей Иванович, остается прежним. Я считаю, эта нечистоплотная возня, начатая группой лиц, которые белое называют черным, выгодна только им, но не науке. И она несколько не соответствует известным мне и вам партийным принципам подбора и расстановки кадров... Я уже заявил первому секретарю, скажу также и вам: пока руковожу этим учреждением — не будет там никакой чистки! Да, да, мне известно, что товарищ Ефимов подготовил к увольнению более двухсот человек, многие из них очень ценные специалисты, известные ученые. Так что придется ему проводить это без меня, взяв всю ответственность на себя или, как намекнул мне товарищ Шаяхметов при встрече, с другим президентом...

— Вы, Каныш Имантаевич, напрасно упорствуете, лучше подумайте. И не надо наше терпение испытывать, — было сказано на прощание.

Теперь события стали разворачиваться стремительно. Резкой критике снова, как в прошлые годы, подверглось переиздание дастана «Ер Едиге». Всем стало ясно, на кого нацелена критика. Каныш Имантайулы снова, как и тогда, не признал свою публикацию ошибочной. Вот его доводы, приведенные в письме к И.В. Сталину: *«Едиге, как «народный герой», особо отмечался и в известном «Письме казахского народа к фронтовикам-казахстанцам», подготовленном в отделе пропаганды ЦК КП(б) Казахстана и подписан-*

ном всеми секретарями ЦК КПК(б). Эти данные подтверждают тот факт, что я не являлся и не являюсь первым и тем более последовательным пропагандистом реакционного эпоса об Едиге...»

Дальше — больше. Сатпаева ложно обвинили в принадлежности в юношеские годы к молодежному клубу алашордынцев, давно объявленному националистическим: оказывается, в семипалатинской газете «Сары-Арка» от 9 ноября за 1917 год был указан перечень лиц, являющихся активными агитаторами партии «Алашорда», в числе которых была названа фамилия К. Сатпаева. Канышу Имантайулы снова предложили чистосердечно раскаяться в «грехах» молодости. Но он снова ответил отказом. «Вчера, 11 октября с. г., в отделе науки и вузов ЦК КП(б)К меня ознакомили с письмом неизвестного лица на имя секретаря ЦК ВКП(б) тов. М.А. Сулова и секретаря ЦК КПК(б) тов. Ж. Шаяхметова, где буквально вылиты на меня ушаты самых тяжелых политических обвинений в контрреволюционном национализме, принадлежности к партии Алашорда, в пантюркизме и прочем... Я прежде всего категорически отмечаю все эти обвинения, как грязную клевету и ложь. Членом или агентом партии Алашорда я никогда не состоял. Что написано про меня в указываемой автором письма газете «Сары-Арка» — я не знаю (а в другом объяснении он отмечал, что «этот номер газеты впервые увидел осенью 1951 г. в Алматы». — М.С.)...» — писал академик Сатпаев в своем заявлении на имя вышеназванных партийных деятелей 12 октября 1951 года.

Судьба Сатпаева была уже предрешена. Об этом знали многие. Знали, конечно, в первую очередь противники и завистники. Некоторые из тех, кто вчера еще на каждом шагу возвеличивал его как талантливого ученого, крупного организатора науки, замечательного инженера и человека, стали говорить другое... Как нередко бывает в таких случаях, они вытащили наружу массу мелких «дел». «Изобретались и поощрялись... всяческие клеветнические измышления по моему адресу, всякие упущения подхватывались и раздувались, — отмечал президент АН Казахской ССР в одном из своих заявлений. — Начиная с 1948 по 1951 год большая часть моего времени уходила не на одухотворенную творческую работу... мое «творчество» было сосредоточено на бесчисленных докладных записках в качестве ответов и объяснений по большим и малым инсинуациям, направленным против меня...» Приведем одно из объяснений ученого с небольшими сокращениями...

«Секретарю ЦК КП(б) Казахстана
Тов. Ж. Шаяхметову.

Как узнал из высказываний отдельных товарищей, немногочисленная, но тесно связанная между собой группа клеветников пустила в мой адрес ряд диких и грязных инсинуаций...

1. Измышление о том, что в Академии наук КазССР работало якобы 52 человека, состоявших со мною в родстве, и будто бы, опираясь на них, я насаждал «феодалные» порядки... Фактически в прошлом в отдельных учреждениях академии работало 4–5 человек из моих родственников, но все они были уволены оттуда еще в 1947–1950 годы. Следовательно, количество родственников, во-первых, преувеличено в десятикратном размере, а во-вторых, речь идет о работниках, давно уже отчисленных из системы академии... В этой связи считаю уместным отметить, что и в 1951 году, как и раньше, на партконференции Академии наук, партийный коллектив академии выразил свое доверие мне, поддержав мою кандидатуру в члены партийного комитета, при тайном голосовании, большинством в 198 человек, против 2 голосов. Такое единодушное доверие партийного коллектива, как мне кажется, неопровержимо говорит об отсутствии в моем руководстве академией каких-либо грубых извращений, тем более «насаждения феодальных порядков».

2. Измышления о том, что в Академии наук КазССР работает много уроженцев Баянаульского района, где я родился и провел свое детство и юношеские годы. В этой связи еще в 1950 году управление кадров Академии наук произвело, по моему поручению, специальный учет всех уроженцев Баянаульского района, работающих в АН КазССР. Оказалось, что их количество составляет всего 17 человек. Это — на 1785 человек всех сотрудников и 289 казахов, работавших в то время в системе АН КазССР. Эти цифры, по-моему, настолько выразительны сами по себе, что не нуждаются в каких-либо пояснениях и комментариях.

3. В связи с раскрытием грубых идеологических извращений в работе Института истории АН КазССР распространялось измышление о том, что в этом институте процветают родственные связи среди сотрудников. (В анонимке было написано, что в этом учреждении работают лишь выходцы из Центрального Казахстана, люди из рода аргын Среднего жуза, то есть уроженцы-земляки президента АН и его «любимца» Е. Бекмаханова. — М.С.) Проверка этого вопроса показала, что в Институте истории работало в 1951 году 18 научных сотрудников-казахов, которые являлись уроженцами 14 административных областей Казахстана и РСФСР... Эти цифры, по-моему, также не нуждаются в особых комментариях.

4. Версия о том, что в Академии наук КазССР якобы имели место крупные финансовые растраты и хищения. Подробный анализ этого вопроса, данный нами в письме еще от 25.08.1950 г. ... ясно говорит о том, что недостатки в финансовой деятельности Академии наук КазССР носили только характер перерасхода по одним статьям и недорасхода по другим статьям бюджета, при общем недоиспользовании каждый год отпущенных бюджетных ассигнований...

5. Версия о том, что я будто бы устраивал много банкетов и одаривал некоторых крупных ученых из Москвы. В этой связи могу указать, что всего лишь один раз я действительно устроил для 30 человек обед в гостинице «Москва». Это было семь лет назад, а именно в июне 1945 года в дни празднования 220-летия Академии наук СССР. Участниками этого обеда были некоторые ученые Москвы, бывшие в годы войны в эвакуации в Казахстане, и докторанты тогда еще Казахского филиала АН СССР, а также находившиеся в то время в Москве некоторые руководящие работники Казахской ССР. При этом обед был дан мною с официальной санкции со стороны правительства КазССР.

Никаких подарков кому-либо я никогда, конечно, не делал. За «подарки» мои клеветники, возможно, принимают то, что я два раза, а именно в 1947 и 1948 годах, когда мои поездки в Москву совпали с сезоном сбора алматинских яблок («апорт»), я их действительно привез для вдов академика Усова и академика Комарова, а также для нескольких других лиц, находившихся в годы войны в г. Алматы, по 4—5 кг свежих яблок. Приобрел я эти яблоки в Алматы на свои личные средства. Каких-либо корыстных целей я при этом не мог преследовать, поскольку не находился в служебной зависимости от этих лиц...

6. Версия о том, что я будто бы окружал себя разного рода жуликами и морально нечистоплотными людьми. Я считаю эту версию прежде всего оскорбительной для окружавших меня людей (...).

Таково фактическое существо всех тех инсинуаций, которые созданы небольшой, но активной группой грязных клеветников в мой адрес.

Академик К. И. Сатпаев. 1 марта 1951 года»

Но проверки не прекращались. Наоборот, комиссии все разбухали, обрушиваясь, как снежно-грязевой сель, на Академию наук Казахстана в целом и на отдельные ее институты. Проверке подвергались научная и хозяйственная деятельность этих учреждений. Причем проверяющие тщательно выискивали недостатки и просчеты, гиперболизируя только негативное.

Из воспоминаний лечащего врача **А. П. ВЛАДИМИРОВОЙ**:

«Уже в 1951 году Каныш Имантаевич Сатпаев был серьезно болен, и сегодня я уже не открою никакой врачебной тайны, говоря о его недугах: главным из них в то время была у него гипертоническая болезнь, протекавшая с довольно частыми гипертоническими кризами, артериальное давление было очень высоким...»

Однако Каныш Имантаевич был настроен всегда оптимистически, ему чужды были растерянность и уныние. Недугам он противопоставлял свои великолепные душевные качества, и для нас, медиков, они были самыми верными союзниками в противоборстве с болезнями... Но к концу 1951 года у него кризы участились, и я, как человек, отвечающий за здоровье своего пациента, в категорической форме по-

требовала от него, чтобы он временно покинул Алматы, ибо причины осложнений, рецидивов болезни я видела в напряжении тех дней, выпавших на долю моего подопечного...»

«Дорогая Анна Павловна, нельзя мне пока уезжать из Алма-Аты... Лучше вы продолжайте пичкать меня лекарствами, — говорил он своему врачу, через силу стараясь показать себя в лучшем виде. — А вот через месяц или еще скорее я действительно послушаюсь вас...»

Он говорил правду: вначале ждал выборов в Академию наук, на которых присутствие президента было обязательным; несмотря на шквал оголтелой критики и всяких проверок по анонимным жалобам, Каныша Имантайулы снова единогласно избрали руководителем АН, но потом в ЦК сказали ему: «Погодите малость уходить в отпуск, вот обсудим положение дел в академии, и тогда поедете отдыхать...»

И Сатпаев терпеливо ждал. Но необходимость бесконечно оправдываться мешала работать, до предела изматывала нервы. А разбирательства продолжались.

Однажды Каныша Имантайулы пригласил к себе прокурор республики А.А. Набатов. Оказалось, кто-то из академических коллег просигнализировал главному надзирателю за законами о том, что Сатпаев просрочил командировку в Москву и вместо 20 декабря 1950 года пробыл там до 23-го числа. И Набатов потребовал от него написать объяснительную за этот «прогул».

— Товарищ прокурор, неужели у вас нет более неотложного дела, чем это? Если нужно меня в чем-то уличить, то уж поищите бы что-нибудь поважнее, — заметил Каныш Имантайулы, простодушно улыбаясь хорошо знакомому блюстителю законов.

— Прогулять три дня подряд — и есть самое серьезное преступление, гражданин Сатпаев! За получасовой прогул, опоздание на работу мы токаря присуждаем к трем годам тюрьмы... А для закона все одинаковы: и токарь, и президент Академии наук! Так что пишите объяснение, не оправдайтесь, я вынужден буду отдать распоряжение о возбуждении против вас уголовного дела.

— Каждый день я работаю по четырнадцать часов, вместо положенных восьми, а в годы войны доставалось еще больше, уважаемый прокурор, может быть, за такое нарушение тоже найдете какую-нибудь статью кодекса? Разве не зачтете эти переработки за тот «прогул», — иронизировал Сатпаев.

Однако страж закона не принял шутку Каныша Имантайулы, он был настроен чрезмерно официально. Вытащив чистые листки из стола и подав их академику, прокурор сказал:

— Пишите объяснение по форме! Почему задержались? Не забудьте указать, что возвратите обратно в кассу перерасходованные за те три дня государственные деньги.

И тут ученого буквально затрясло, обычная выдержка ему изменила. К тому же у Каныша Имантайулы уже заломило в висках. Достать же из кармана лекарство и выпить в чужом кабинете на виду у нахохлившегося прокурора он не захотел...

— А если не напишу?! — возразил академик, уже не владея собой.

— Напишите, заставим! И статью подберем!

А давление все поднималось. Звон в голове мешал сосредоточиться и объяснить причину задержки в Москве, а ведь та командировка просрочена на три дня из-за затянувшихся заседаний координационного совета при АН СССР, где отчетный доклад президента Академии наук Казахстана был перенесен на 22 декабря, кроме того, 23 декабря проходило итоговое заседание Президиума АН СССР.. (Что потом было подтверждено телеграммой из Москвы.) Но увы, грубый, развязный, самоуверенный тон прокурора вызвал у Сатпаева протест и давление подскочило так, что он едва владел собой.

— Не желаю писать! Наказывайте, как вам вздумается! — И, порвав чистые листы на мелкие части, бросив их на стол Набатова, он тут же вышел из кабинета.

Кое-как, шатаясь, добрался до ожидавшей его автомашины, перед глазами был сплошной туман, его качало из стороны в сторону, не слыша шоферского вопроса, сказал лишь: «Трогайте быстрее!» У водителя хватило ума напрямик поехать в больницу, благо, она была близко. Возможно, это спасло больного от неминуемого инсульта, вовремя оказанная врачебная помощь позволила быстро снизить давление, но его уже без спроса положили в палату, где Канышу Имантайулы пришлось пробыть более десяти дней.

Могучий организм Каныша Имантайулы выдержал сверхчеловеческие нагрузки и на этот раз. Возможно, помогли закалка, полученная в жизненных невзгодах, и оперативное вмешательство врачей, словом, на вторую неделю он уже почувствовал себя лучше. Стал понемногу спать. Но не ушли в забвение пережитое, судьба тех гонимых, количество которых

изо дня в день все увеличивалось. Врачи запретили пускать к нему посетителей, даже свежие газеты не давали. В общем, и домашние, и персонал больницы бдительно оберегали покой больного. Однако не запретишь же человеку думать. Так что душевного покоя по-прежнему не было...

Однажды к нему после «тихого часа» неожиданно-негаданно нагрянули двое гостей: секретарь ЦК КП(б)К Илияс Омаров и его коллега из отдела пропаганды Болебай Исабеков. Они тут же разложили на столе принесенные гостинцы, стали разливать чай. Быстро исчерпав привычные расспросы о здоровье, все трое вдруг непроизвольно замолчали, беседа почему-то не клеилась. Будто бы встала между ними стена непонимания.

Каныш Имантайулы хорошо знал обоих со времени своего переезда в Алматы: Илияс Омаров в те годы работал заместителем наркома торговли, и председателю филиала АН СССР часто приходилось обращаться к нему с просьбами о помощи тому или иному приезжему академику в снабжении продуктами питания или в разрешении бытовых проблем. Молодой Илияс (ему в то время было всего 30 лет) всегда охотно отзывался на его просьбы; затем он стал заместителем председателя Совнаркома республики — добрые отношения их еще больше укрепились; когда Омарова избрали первым секретарем Восточно-Казахстанского обкома партии и там их пути снова сошлись, они активно поддерживали друг друга в решении народно-хозяйственных программ. А Болебая Исабекова ученый ценил за деловитость, честность, он был весьма знающим свое дело и грамотным человеком в отличие от многих цеховских партийных функционеров.

— Я рад вашему приходу, джигиты, сердечно благодарен за посещение. Мне уже лучше... А теперь давайте ближе к делу! Чем я обязан вашему неожиданному визиту? — спросил ученый, глядя на них в упор. — С нетерпением жду рассмотрения нашего вопроса, чем скорее — тем лучше. Ведь человек страдает больше от неизвестности и ожидания...

— Да вот сидящий перед вами Болебай совместно с отделом науки давно подготовил все нужные документы, но их теперь с пристрастием и долго изучает известный вам Храмов, только не ясно с какой целью... Короче говоря, Канеке, будем ждать вашего выздоровления, не торопите нас, лечитесь спокойно...

Омаров явно недоговаривал, что вовсе не отвечало его открытому характеру, он всегда отличался прямоотой.

— Не как секретарь ЦК, а как младший брат, желающий вам лишь добра и здравия, хотел бы дать один дельный совет, если, конечно, за это не будете ругать меня...

И опять неуверенно замолчал.

Каныша Имантайулы уже раздражало уклончиво-приторное поведение Омарова и он отрезал:

— Валяй, Илеке, не упаду в обморок!

— Болебай, проследите за дверью, чтобы никто сюда не заходил... — Когда пропагандист ушел, секретарь ЦК, подсев поближе к больному, почти шепотом продолжил: — Дела ваши, да и вообще вся обстановка значительно осложнились. Есть, конечно, очень в этом заинтересованные лица. Вы знаете мое отношение ко всей этой вакханалии и особенно к вам, но знайте, нам уже тяжело сдерживать их... И я подумал... Помнится, Канеке, раньше вы часто говорили, что хлопотливая должность президента мало времени оставляет для занятий геологией. Теперь вот заболели, вижу, очень серьезно. А ведь это веский довод, чтобы освободиться от такой тяжелой обузы. Если это приемлемо для вас, я лично взялся бы уговорить членов бюро нашего ЦК...

— Илеке, сознайтесь, это лишь ваша затея?

— Моя, конечно, я от души... — Почему-то не выдержав хмурого взгляда ученого, Омаров виновато опустил глаза. — Поверьте, это пока единственный спасательный круг для вас...

— Хороший ход, отлично при-ду-mano! — проговорил Каныш Имантайулы медленно, с расстановкой. — Значит, я прикрывшись нездоровьем, уйду в сторону, а эти пакостники, вся сволота будут торжествовать победу, начнут повальную чистку в академии, изгонят оттуда не угодных им? А вы, Илеке, предложив сие, подумали о том, как я проживу остаток своих дней? Как я смогу после этого ходить спокойно, будто бы ничего не случилось, а?!

Омаров отрешенно молчал. Ему с самого начала не нравилась эта миссия. Инициатива исходила от первого секретаря, это он заставил Омарова идти в больницу. И вот, кажется, добродушный Илияс попал между двух огней: президент не принял его душевного порыва, а Жумеке, тот и вовсе не поймет, как ему, пользующемуся доверием ученого, не удалось уговорить его подать заявление об уходе по собственному желанию...

— Канеке, я пошел на этот шаг ради вас! Вы не знаете всего, например, какие силы стоят за теми... и как они давят на

нас, — попытался он смягчить ситуацию теперь уже менее уверенно. — Я вас не вынуждаю, но подумайте, если решитесь — дайте знать...

Каныш Имантайулы, поднявшись, достал таблетку из тумбочки, стоявшей у изголовья, и, положив лекарство под язык, спокойно проговорил:

— Нет, дорогой мой Илияс, вы оба — и ты, и Жумеке — придумали этот ход не ради спасения меня, а для того, чтобы сохранить свои высокие должности, отдав на растерзание других... Но вы ошиблись в своей порочной тактике: меня не нужно спасать, как вы здесь соизволили выразиться, бросив мне «спасательный круг», ведь я еще не тону и пока нужен нашему государству, думаю, в Москве меня по-прежнему ценят и не дадут в обиду. И тогда вам всем будет стыдно!..

При других обстоятельствах он, может быть, и принял бы это предложение. Каныш Имантайулы не был честолюбив и не раз выражал желание оставить свои многочисленные должности ради занятий наукой. Но теперь, когда решалась судьба десятков ученых, когда была поставлена под сомнение репутация самой Академии наук, слаженно и плодотворно работающего большого научного коллектива, уйти в тень, без борьбы оставить все на произвол судьбы, в угоду горстке людей — этого он не мог и не хотел сделать. В глубине души он верил, что трудности временные: пройдет время — справедливость восторжествует. Но ведь надо дожить до этих дней, а самое главное — сохранить научные кадры! Поэтому надо сражаться до конца...

— Но я, Илеке, боюсь другого! Все вы в нашем родном ЦК, кажется мне, уже потеряли возможность контролировать ситуацию. Вон видите, какие никчемные холуи, вроде Храмова в соавторстве с нашим Шойынбаевым и иже с ними, уже лезут выше вашей головы и льют помои не только на национальную интеллигенцию, но и на вас. Они уже подмяли под себя Ермухана Бекмаханова, академика Ахмета Жубанова, а теперь взялись за меня. Ясно, следующими будут Ауэзов, Исмаилов, Жумалиев... Земля полнится слухами, знаю, что составлен черный список на полтысячи человек!.. Боже мой, когда-нибудь закончится этот разгул?!

— Кажется, кто-то идет, — заметил Илияс несмело, по-видимому, ему хотелось отвлечь больного от неприятного разговора, тем более он видел волнение ученого, да и ему самому в душе становилось жутко слушать из уст дорогого Канеке суровую правду.

Каныш Имантайулы открыл дверь и, увидев своих домо-
щадцев, сказал вдруг тихо:

— Ладно уж, можно и заканчивать. Я не пророк, но все же
ясно вижу печальный конец сотворенного вами: удалив меня
от дел, возможно, и от общества, эта нечистая сила под конец
возьмется и за вас, Илеке, и за Жумабая Шаяхметова. И хо-
рошо, если отделаетесь лишь вашими постами, как бы хуже
не вышло... Время — вам судья! Я кончил, что еще у вас ко
мне?..

— Я знаю, что своим неуместным предложением вторгся в
ваши сокровенные чувства, простите, Канеке, меня вынуди-
ли к этому, — признался наконец и Омаров. — Выздоровли-
вайте скорее, если позволите, мы пойдем...

— И вы также близко к сердцу не принимайте мои сердитые
слова. Поймите их, как наказ старшего брата. — Прощаясь
с посетителями, Каныш Имантайулы со свойственной
ему обаятельной и добродушной улыбкой заметил: — Джигиты,
у меня к вам обоим настоятельная просьба: вы уж не
очень беспокойтесь обо мне, как-нибудь выберусь сам, а вот
нашего дорогого Мухтара, я говорю об Ауэзове, надо обере-
гать особо, народу нашему он нужнее, чем я, не дай бог, такое
случится все же... потеря его будет трагедией для всей нации.
Надеюсь, этого не случится. Возьмете его под опеку, обещае-
те мне?

— Как вам сказать?.. Будет сделано все, что в наших си-
лах!..

— До встречи в ясный день!

Может быть, визит непрошенных посетителей из ЦК пар-
тии или какие-либо другие более важные обстоятельства вы-
нудили его к этому шагу, словом, именно в эти дни Каныш
Имантайулы направил в Москву две телеграммы, первую —
на имя И. Сталина; другую — в АН СССР, персонально ака-
демику А.Н. Несмеянову, недавно избранному президентом
головного учреждения науки советской страны. Тексты обе-
их почти одинаковы. В них боль и тревога ученого. *«В насто-
ящее время группа лиц, спекулируя на неправильном освещении
некоторых материалов времен моего юношества, подвергает
меня травле, — написано было в первой. — Будучи морально
растерзанным, я обращаюсь к Вам с убедительной просьбой
дать указания о том, чтобы затребовать материалы обо мне
в Москву для рассмотрения их с должной объективностью.
Академик Сатпаев».*

История умалчивает, были ли отклики на этот крик души
известного на всю страну ученого.

Снова состоялось заседание ученого совета Института истории АН СССР, где ученые-историки А.М. Панкратова, Н.М. Дружинин, М.П. Вяткин «чистосердечно признали» свои ошибки в оценке пресловутой монографии Е. Бекмаханова «Казахстан в 20–40-е годы XIX века». В угоду партийной газете отменили свои прежние решения о присвоении казахскому историку кандидатской и докторской степеней, что вовсе было нонсенсом для всей советской науки, кстати, при голосовании за это предложение все подняли руки, кроме академика Н.М. Дружинина.

После такого разгромного разбора в Москве, где Ермухан пользовался прежде признанием, в родном Казахстане уже не нашлось у него заступников. В родном КазГУ после рассмотрения персонального дела и обсуждения статьи также приняли крутые меры: опального историка исключили из партии. Доктор наук, профессор, бывший лектор ЦК, проработавший, кстати, среди избранных партийной элиты немало лет, вдруг в один день стал безработным... Лишь через несколько месяцев он устроился в Ново-Троицкую русскую школу Шуйского района Жамбульской области, где преподавал ребятишкам историю.

Рассказывает Болебай ИСАБЕКОВ, бывший заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) Казахстана:

«Каныш Имантайулы горькую правду говорил, по сути наше руководство потеряло нити правления: после выступления «Правды» Жумабай Шаяхметов, как огня, боялся Храмова и фактически исполнял все его установки, а у него жажда искоренения националистов с каждым днем становилась все более ненасытной; Илияса Омарова винить в слабости в этом деле не стоит. Я был свидетелем множества стычек секретаря ЦК со своим заведующим отделом, но, увы, Иван Петрович тихо, будто бы сквозь зубы, его урезонивал: «Не я, а вы сами пригласили Бекмаханова в авторы редактируемого вами второго издания «Истории Казахской ССР», и Илиясу оставалось только молча проглатывать упрек с горьким ядом...»

Летом 1951 года как бы открылись все шлюзы, и грязный поток разоблачений хлынул во всех направлениях. Известный музыковед, академик Ахмет Жубанов после исключения из рядов партии и снятия с поста директора консерватории тайно уехал в Москву, говорили, что профессор зарабатывает там на жизнь, дирижируя оркестром в ресторанах столицы. Волна оголтелой критики беспощадно охватила литературоведов и языковедов, особенно отличились писатели, чуть ли каждого второго из своей среды объявив буржуазным националистом. А историки, разделившись на несколько группировок, разбивали в пух и прах друг друга. Бог мой, как низко пала наша

интеллигенция, точнее, наиболее образованная верхушка национальных кадров в те годы: это был какой-то хаос, безумие, самоистребление; нашептывание, стукачество, доносительство стали нормой жизни...»

Для Храмовка Бекмаханов был мелкой рыбешкой. Ему, очевидно, нужно было, чтобы в расставленные им сети попался большой кит, тогда вышло бы громкое дело на всю страну. Как свидетельствует его коллега по работе Б. Исабеков: «Ему нужно было событие всесоюзного масштаба, разоблачив глубоко замаскированных казахских националистов в большом количестве, он становился политически зрелым и бдительным большевиком в стране, заслуги его заметили бы в Москве...» И он с помощью местных активистов-белсенди взялся за Сатпаева и ряд других более известных ученых. На подмогу ему Москва прислала комиссию идеологов во главе с Шикиным и Митрейкиным, инспекторами ЦК ВКП(б). Опекал их сам секретарь ЦК М.А. Сулов. Московская комиссия работала целый месяц и, конечно, «выявила» множество недостатков и изъянов в отделе пропаганды, науки и вузов. Главное, на что указала комиссия, — недостаточная строгость, мягкотелость в отношении к антисоветским элементам, отсутствие большевистской боевитости и решительности. Следовал вывод: пересмотреть свою позицию и безжалостно наказать отъявленных врагов социалистического общества!..

В октябре 1951 года состоялся пленум ЦК КП(б) Казахстана, на котором был рассмотрен тот же пресловутый идеологический вопрос. Воинственные ораторы, подготовленные отделом пропаганды и агитации ЦК, теперь уже дружно набросились на самих секретарей, что они сознательно либеральничают и попустительствуют ярым националистам. Например, один из белсенди А. Такежанов с трибуны обратился с таким ехидным вопросом к президиуму: «Почему Центральный Комитет, возглавляемый вами, товарищ Шаяхметов, до сих пор не освобождает Сатпаева от президентской должности? Где ваша хваленая чекистская бдительность?..» По материалам пленума снова выступила газета «Правда», где ее корреспондент А. Черниченко устроил новую политическую головомойку всем тем, кого и до этого нещадно били. Изрядно досталось многим известным казахским литераторам. В этой статье впервые на страницах центрального органа партии огульно обвинили К.И. Сатпаева в покровительстве скрытым националистам в стенах республиканской Академии наук...

23 ноября 1951 года состоялось заседание бюро ЦК КП(б)К, на котором академика К.И. Сатпаева освободили от всех постов, вынесли строгий выговор с занесением в учетную карточку. Его признали виновным по трем пунктам: *«1) сокрытие социального происхождения при вступлении в партию; 2) неосуждение после 1945 года ошибочного выпуска в 1927 году под его редакцией и с предисловием фольклорного сказания об Едиге; 3) засорение кадров Академии наук Казахской ССР чуждыми элементами...»*

Его соратник **Ш.Ч. ЧОКИН** в книге «Путь НАН» пишет: *«Каныш Имантаевич подробно рассказал, что и как было на бюро ЦК партии, с болью вспоминал, как прерывали его окриками и репликами, не давая говорить, не хотели слушать его доводов и объяснений, никто за него не заступился и добрым словом не обмолвился...»* Рассказывая об этом же дне, он в другой книге «Четыре времени жизни» добавляет еще и такие слова: *«Никогда до и после этого я не видел академика столь потеряннным, неуверенным в себе. И в разговоре со мной, казалось, он ищет опору, на которую, если не опереться, то хоть с ее помощью вернуть остатки уверенности в себе можно было бы...»*

Но вернемся к тому злополучному дню, когда Сатпаева грубым окриком заставили покинуть зал заседания бюро ЦК КП(б)К. Удивительно, но это действительно так, мы располагаем воспоминаниями человека, принявшего участие в его судьбе, притом сразу же после произошедшей расправы.

Свидетельствует управляющий делами Академии наук Казахской ССР **Г.В. НЕЧИТАЙЛО**:

«Зашел ко мне в кабинет Каныш Имантаевич, и я увидел, что он бледный и осунувшийся. Сатпаев поздоровался и молча сел в кресло для посетителей, посмотрел на меня пристально и сказал: «Я уже не президент, час тому назад меня сняли с этой должности. Ты человек мудрый, скажи, что мне делать?» У меня тут же появилась идея, и я ему посоветовал: «Завтра же уезжайте в Москву с Таисией Алексеевной. Давайте ваш депутатский мандат, и я сейчас же пошлю человека за билетами на завтрашний поезд». Билеты им вручили через час, а вечером майор КГБ, курировавший нашу академию, сказал мне по секрету, что Сатпаева арестуют, но когда, он не знает, и я почувствовал себя в шоковом состоянии, а утром поехал их провожать на станцию. Сел в машину, подъехал к вокзалу и увидел стоящего в очереди на посадку Каныша Имантаевича с двумя чемоданами и рядом его спутницу Таисию Алексеевну, а провожающих — ни души. Я подошел сзади, взялся за оба чемодана, Сатпаев резко повернулся ко мне, и слезы из его глаз покатались градом, и они уехали в Москву благополучно...»

Когда скорый поезд «Алматы—Москва» подошел к станции Кызылорда, в их мягкий вагон вошел солидный, безукоризненно, даже шегольски одетый мужчина средних лет. Чета Сатпаевых занимала отдельное двухместное купе, шелковые шторы на окне во время остановок они постоянно держали закрытыми, старались не выходить на перрон, чтобы случайно не встретить знакомых. Потому появление незнакомого мужчины насторожило Таисию Алексеевну, она испуганно посмотрела на него, ожидая какого-либо подвоха с проверкой документов или чего-то похуже... Но тут ее муж заулыбался, обрадованно поднимаясь с места:

— Вот и встретились, Наке! Я все волновался, что не успели вам передать мою просьбу. Значит, успели-таки, это уже хорошо! Будем считать, что это тоже добрая примета...

Пришедшим был Натая Азимханулы Кенесарин, известный специалист по водным сооружениям. Он окончил гидротехнический факультет САГУ, учился в аспирантуре в Москве, получив ученую степень еще в 1940 году, Кенесарин остался работать в проектно-изыскательской группе, которая занималась отводом грунтовых вод в подземной трассе Московского метрополитена. И там же талантливый гидротехник снискал себе добрую славу как знающий ученый и инженер. Затем он в Ташкенте занимался проектированием ирригационных сооружений для среднеазиатских республик. Для юга Казахстана это имело жизненно важное значение. Потому председатель КазФАНа, пригласив Натая Азимханулы в Алматы, стал сразу же уговаривать его вернуться на родину, где, мол, ученого ждет интересная научная работа, тем более был близок день открытия национальной Академии наук. «А у нас по вашему делу — настоящая целина, очень мало знающих специалистов, и вам придется начинать с нуля», — говорил Сатпаев. «А как быть с моим знатным происхождением? Я ведь прямой потомок мятежного хана Кенесары, и бедный отец мой, известный гидротехник во всей Средней Азии, в какой-то мере пострадал за это. Взяли его органы в 1937 году в Чимкенте, с тех пор пропал без вести...» — заметил Кенесарин, не отказываясь от предложения уважаемого им человека, но в то же время откровенно раскрыв причину долгого нахождения за пределами родных земель. «Но ведь нынче времена другие, как говорят, сын за отца не отвечает... В анкете лишь надо, не утаивая, открыто указать происхождение, остальное оставьте за мной!..» — настаивал Каныш Имантайулы. Словом, не сразу, но все же Натая Кенесарин стал ведать гидрогеологическим

сектором в Институте геологических наук. Но не повезло не только ему, но и будущему гидрогеологическому институту. Когда началась оголтелая кампания против его славного прадеда, Натаю Кенесарину пришлось по совету Каныша Имантайулы временно покинуть Алматы, он устроился главным инженером водного треста в Кызылорде...

— Вы один, Наке? — спросил Каныш Имантайулы, Кенесарин утвердительно кивнул. — Тогда уж проводите нас до следующей станции, а потом вернетесь с обратным поездом. Есть серьезный разговор...

— Я поступил с тобой, Наке, нехорошо, не надо было вообще тревожить тебя, у тебя в Ташкенте была замечательная работа, главное, там никому не было дела до твоего происхождения. Кто знал, я ошибся, виноват, очень сожалею!..

— Канеке, я вас ни за что не осуждаю, давайте не будем говорить об этом, — заметил гидрогеолог тихо. — Я благодарен вам за то, что именно вы вернули меня в родной Казахстан, заставив блудного сына степи почувствовать себя причастным к судьбе земли предков. И я стал что-то делать, чтобы в ее безводные пустыни пришла драгоценная влага. Так что сейчас, в эти тревожные дни, не будем укорять друг друга...

— Спасибо, Наке, а то я и ночами думаю об этом, чувствуя свою вину... Ладно, теперь по делу. Наке, придется вам и отсюда уехать, чем скорее, тем лучше! Я не так давно договорился с нашими туркменскими друзьями, они хорошо знают вас и с радостью согласились принять. Сначала дадут доцентскую должность в Ашхабадском госуниверситете, а через год и профессорскую. Так что, не мешкая, поезжайте туда, что делать, пока придется тихо отсидеться и ждать улучшения погоды. Вот я тоже еду добиваться справедливости в Москве, посмотрим, чем это кончится, — вздохнул Каныш Имантайулы.

Кенесарин угрюмо молчал. Что слышал о нем через «Узун кулак», о чем недоговаривал звонивший ему верный человек, значит, оказалось правдой. До этой минуты ему не верилось, что такого известного, всеми уважаемого ученого так просто, ни за что выкинут на улицу. Натай был сбит с толку, не знал, что говорить. И даже выпивка, взятая им в дорогу, не помогла, задушевной беседы не получилось, так они и проехали до следующей станции. Лишь перед выходом из купе Кенесарин, должно быть, приняв решение, сказал:

— За заботу великое спасибо, Канеке!.. — и чуть помедлив, продолжил: — Я тоже думал о скором отъезде отсюда и пред-

принял кое-какие шаги... Если вдруг не окажусь у туркменских друзей, то не обессудьте, им я очень благодарен за участие в моей судьбе, я это буду помнить всю жизнь!..

(Вся последующая жизнь и научная деятельность Н.А. Кенесарина прошли на узбекской земле: после поспешного отъезда из родных мест он устроился в Ташкентский сельскохозяйственный институт старшим преподавателем, через год стал профессором, а с 1958 года возглавил вновь созданную в Узбекистане региональную гидрогеологическую лабораторию; позднее приступил к организации на ее основе Института гидрогеологии... Он был одним из авторов проектов Центрального и Северного Ферганских каналов; обводнения Голодной степи и Бухарского региона; использования водных ресурсов Амударьи для орошения хлопковых плантаций и бахчей... Несомненно, крупнейшей заслугой Натая Азимханулы является создание своей гидрогеологической научной школы, которая фактически по сегодняшний день остается одной из самых авторитетных во всей Средней Азии.)

ВСЕГДА ЛИ ПОБЕЖДАЕТ ПРАВДА

I

Скорый поезд «Алматы—Москва» доставил чету Сатпаевых в столицу ранним утром последнего дня ноября 1951 года. Встречающих их казахстанцев, около тридцати человек, они увидели еще из окна вагона. Каныш Имантайулы пришел в восторг: «Тася, посмотри в окно: нас встречают с цветами! Это добрая примета...» И действительно, многие держали в руках алые гвоздики, оберегая их от ветра и холода. И вот они на перроне Казанского вокзала. Радостные объятия знакомых и незнакомых. Проворные джигиты услужливо подхватили их тяжелые чемоданы. Расспросы об Алматы, о близких людях и, конечно, привычные вопросы: «Как доехали? Где будете останавливаться, надолго ли отдых?..» Так, наперебой расспрашивая, толпой дошли до привокзальной площади...

Всегда приветливая Москва, где Каныш Имантайулы неизменно находил поддержку и понимание, на сей раз оказалась к нему неласкова. Сразу же по приезде он попросился на прием к президенту АН СССР А.Н. Несмеянову, но гот почему-то не нашел свободного времени, чтобы поговорить с опальным коллегой. А те влиятельные друзья, академики,

члены президиума АН, к которым он заходил и делился своими горестями, лишь участливо советовали: «По лицу видно: вы больны, съездите на отдых, поправьте свое здоровье. К тому времени мы здесь что-нибудь предпримем, и наш президент также освободится...» Но отдохнуть или спокойно отсыпаться, как советовали эти умные люди, когда тебя гложет обида и угнетает неопределенность, когда не знаешь, чем заниматься завтра?

И он, наконец, решившись на крайность, добрался до помощника И.Ф. Тевосяна, первого заместителя председателя Совмина СССР. Но уввы! И он оказался чрезвычайно занят важными государственными делами. Канышу Имантайулы деликатно передали, чтобы подождал несколько дней. Пришлось смириться и ждать. Однако проходили дни и ночи, а приглашения от Ивана Федоровича все не было.

В конце концов, с такими кислыми настроениями и несколько не скрывая своих тяжелых дум, он однажды зашел к первому вице-президенту АН СССР И.П. Бардину и сразу же откровенно выложил почтенному старцу все, что наболело и томило душу.

— Никто не хочет разговаривать со мной, всем охота меня скорее выпроводить из Москвы... на отдых. И вы, дорогой Иван Павлович, тоже, наверное, скажете, немедленно отправляйтесь в Кисловодск. А я не могу спать, целыми ночами лежу с раскрытыми глазами и все время думаю: «Что же я сделал советской власти, чтобы отлучить меня от любимого дела?» Ведь я для науки еще не потерял, вы это знаете. Что мне делать?..

Иван Павлович с участием внимательно посмотрел в глаза казахстанскому ученому, затем молча поднял трубку правительственного телефона.

— Иван Федорович! — Каныш Имантайулы хорошо знал, что обычно Иван Павлович называл Тевосяна, пользуясь их близкими отношениями, просто Ваня. Теперь же он перешел на сугубо официальный тон, назвав одного из руководителей правительства по имени и отчеству. — У меня в кабинете находится академик Сатпаев... Да, да, уважаемый мною и тобою Каныш Имантаевич!.. Нет, вы не перебивайте, выслушайте сначала меня, я все-таки намного старше вас... Он, Каныш Имантаевич, вот сейчас прямо заявил мне, что «дожил до лучших, мирных времен и оказался никому не нужен...». Ваня, мне уже семьдесят лет, и как на склоне лет выслушивать от старых друзей такие упреки?! Нет, не нужно мне твоих оправданий. Лучше скажи, ког-

да примешь нас? Притом сегодня!.. Спасибо, будем непременно.

Положив трубку на место, Бардин повернулся всем крупным, грузным телом к коллеге, улыбаясь, проворчал:

— Простите, Каныш Имантаевич, в преклонном возрасте становлюсь сварливым. Я мог говорить с Иваном помягче, но решил все-таки его немного приструнить, чтобы не зарывался. Ладно, хватит об этом... Он примет нас сегодня, будьте в его приемной часов в десять вечера, я тоже подъеду.

— Спасибо, Иван Павлович! Может быть, я сам, один?..

— Нет, если я буду присутствовать на встрече, это будет означать, что вас целиком и полностью поддерживает руководство нашей академии... А потом, дружище, это мой долг, прежде всего перед вами, и нельзя лишать человека моего возраста радости поспособствовать своему коллеге, — твердо заключил Иван Павлович. — Так что идите отдыхать, заодно успокойте свою Таисию Алексеевну, небось волнуется, и готовьтесь к беседе...

В назначенный час оба академика оказались в кабинете Тевосяна.

— Прежде всего, Каныш Имантаевич, извините меня за то, что я несколько затянул с приемом. Я вас знаю, слава богу, в течение многих лет. Сколько мы вместе пережили, сколько выдали на-гора руды, открыли рудников, шахт, заводов! Знаю, что в годы испытаний, когда Отечество было в опасности, вы не щадили себя, работали на пределе возможностей. Словом, мне вас представлять не надо... Признаюсь честно, я нашел бы и время для беседы, но затянул нашу встречу, так как до сих пор не понял непростой ситуации, в которой вы оказались, — сказал хозяин, усаживая ученых за длинный стол заседаний в своем просторном кабинете. — Если бы дело касалось проблем геологии или металлургического производства, то это по моей части. А вот как мне быть судьей в возникших у вас местных передрягах — не представляю, дорогой Каныш Имантаевич. Трудно, находясь в Москве, разобраться в ваших местных разногласиях и принять чью-либо сторону, тем более этим занималось уже бюро ЦК Компартии Казахстана...

Каныш Имантайулы сидел, понурившись, не проронив ни слова, хотя был готов к тяжелому объяснению. Откровенное признание Ивана Федоровича как бы лишило его воли к сопротивлению.

— Если нужно вас трудоустроить, пожалуйста, я готов это сделать прямо сейчас. Назовите любое союзное министерст-

во, завтра же будет приказ о назначении вас заместителем министра по геологическим вопросам... Скажу по секрету: мы сейчас в правительстве прорабатываем вопрос о реорганизации Союзного министерства геологии, он будет решен в первой половине следующего года, — заявил зампред Совмина СССР, тут же взяв деловой тон, заметил: — Я готов даже рекомендовать вас, Каныш Имантаевич, как первого кандидата на пост министра. Это вас устроит? Если согласны, то насовсем переезжайте в Москву, я найду, чем вам заняться здесь, пока все утрясется...

— Э нет, дорогой Ваня, перетягивать наших ученых к тебе мы не дадим! — вмешался в беседу академик Бардин. — Я сегодня переговорил с нашим президентом Несмеяновым. У Александра Николаевича позиция твердая: «Если академик Сатпаев не нужен в Казахстане, то мы пригласим его в Москву, и уверен: он будет исключительно полезен для Союзной академии». Он поручил мне подыскать соответствующую его высокому научному рангу должность и внести предложение об этом в президиум Академии наук... Потому, дорогой Иван Федорович, не уводи нас в сторону, мы пришли к тебе не за должностью, а за тем, чтобы ты, как первое лицо в правительстве и кандидат в члены Президиума Центрального Комитета партии, решительно пресек эту явную несправедливость. Словом, и я прошу тебя разобраться и одернуть тех, кто устроил эту пакость! Не мне учить, как это сделать... Ну, скажи-ка, кто из нас не делал ошибок в молодости, а его, как вижу, наказывают за публикацию какого-то исторического эпоса, повторно изданного четверть века тому назад. Чушь какая-то.

Пришлось и Тевосяну задуматься. Вопросы идеологии не входили в сферу его деятельности. Там вершили судьбы другие. В том числе секретарь ЦК М.А. Суслов и сам И.В. Сталин.

— Извините, мне кажется, вы оба не совсем правильно поняли меня, — проговорил Сатпаев, окинув взглядом собеседников. — Я могу, как и раньше, работать в полевых геолого-разведочных экспедициях, так что вопрос о будущей моей работе — для меня дело десятое... Меня больше волнует судьба бывших моих коллег. Вот уже три года подряд у нас, в Казахстане, происходят какие-то уму непостижимые события: идет неприкрытое избиение самых талантливых людей — лучшей части национальной интеллигенции, ученых и деятелей культуры. — Каныш Имантайулы хотел было улыбнуться, но улыбка вышла какой-то вымученной, страдальческой. Видно, что этот разговор ему давался нелегко. — Вы оба меня

знаете давно, более десяти лет, разве когда-нибудь вы замечали за мной националистические выходки или что-то в этом роде?

— Вы что, не надо! — сердито заметил Бардин. — Бог свидетель, мы знаем тебя как доброго человека, который понимает и уважает людей, независимо от их национальности...

Тевосян все еще угрюмо молчал.

— А сколько сил, средств и времени потратили мы на подготовку этих ученых?! Предавая их остракизму, государство несет колоссальный ущерб, кто подсчитает его?.. Ан нет, и самое постыдное заключается в том, что организовано все это жалкой кучкой недоучек, пожелавших нажить на лжи политический капитал. Я не знаю, сколько продлится эта кампания, но знаю: сейчас она приняла угрожающие масштабы, и если ее не остановить, то скоро в Казахстане будет выбита, замордована самая лучшая часть интеллигенции. Тогда придется закрывать республиканскую академию, не только ее, но и вузы, или посылать туда сотни ученых, специалистов из центра, чтобы поддержать дышащие на ладан очаги науки и культуры. Вот так-то, дорогие товарищи, обстоит дело у нас...

— В чем конкретно заключается ваша просьба? — наконец как бы очнулся хозяин кабинета.

— Я уже пишу обстоятельное письмо Иосифу Виссарионовичу, в котором информирую его о себе и преследовании ученых в Казахстане. Вообще я хотел попасть на прием к товарищу Маленкову, чтобы лично передать свое письмо и посвятить в эти дела. Вот в этом я прошу вашего содействия, Иван Федорович.

Заместитель председателя Совмина СССР не сразу ответил. Он сидел, задумчиво глядя в сторону, лишь через некоторое время заметил:

— Ну что же, действия ваши одобряю, за правое дело надо сражаться до конца... Одновременно с письмом к товарищу Сталину напишите и Георгию Максимилиановичу, только коротко, лишь тезисно. Оба письма сами сдайте в отдел ЦК, как полагается... Но учтите, меня не будет в Москве более месяца. Потому предлагаю: съездите пока на отдых!.. Ладно, Каныш Имантаевич, мы уже с вами, кажется, прожили большую часть отведенной нам жизни и не будем омрачать ее осень недопониманием друг друга. Считайте, что я солидарен с вами и все сделаю, что в моих силах, чтобы добиться в этом деле справедливости!..

— Вот это другой разговор, настоящий, мужской! Вижу прежнего своего Ваню! — поддержал Бардин, поднимаясь с места. — Спасибо, дорогой!..

Разошлись быстро, пожелав друг другу спокойной ночи. Время было уже позднее, когда все трое вышли на улицу, кремлевские куранты как раз отбили двенадцать мелодичных ударов...

II

Ночная беседа, состоявшаяся в высоком правительственном доме, хотя и не дала пока ничего конкретного, все-таки в какой-то мере успокоила Каныша Имантайулы. Он понемногу стал спать, возобновил свои занятия с машинисткой. Вскоре пространное письмо на имя И.В. Сталина на 55 страницах было готово, но зато второе, адресованное Г.М. Маленкову, было лишь на пяти страницах. Сдав их в отдел писем трудящихся ЦК ВКП(б), Каныш Имантайулы, уверенный в успехе и несколько воспрявший духом, сразу же стал собираться к отъезду на отдых...

К тому времени в Москву прибыли трое казахстанцев, которых ожидала чета Сатпаевых. Первым прилетел из Алматы Алькей Хаканулы Маргулан, соратник по академическим делам и близкий родич (он был женат на второй дочери Абиkey Зеинулы Сатпаева — Раушан, докторе медицинских наук), затем и супруги Штифановы из Жезказгана — Зоя Ивановна и Василий Иванович. Канышу Имантайулы пришлось заказать и для них путевки в специальный санаторий для ученых, находившийся в ведении хозяйственного управления АН СССР.. И вот все, наконец, в сборе. Далее, уж не задерживаясь в столице, впятером поехали на отдых.

«В Кисловодске у Каныша Имантаевича обнаружили острую форму гипертонии. Всякие попытки отвлечь его внимание на что-то другое вначале были почти безуспешными, — пишет Таисия Алексеевна. — Было одно утешение: мы оказались в обстановке отдыха, в окружении, как всегда, заботливого и внимательного персонала санатория, где бывали много лет подряд и имели много настоящих друзей. Чудесный климат и воздух курорта, знакомые места любимых прогулок в какой-то степени постепенно сглаживали остроту всего переживаемого...»

На другую же неделю дела пошли на поправку. Канышу Имантайулы разрешили прогулки, правда, пока по территории санатория, чем-то помогли беззаветно предан-

ные друзья, постоянно отвлекая от неотвязного вопроса: «Как быть?» — который, как гвоздь, сидел в голове. Василий Иванович был охоч на анекдоты — он знал их в бесчисленном количестве, притом самых свежих, и рассказывал их со вкусом, озорством. Алькей Хаканулы легко увлекал собеседников в путешествия в глубь веков, по странам и континентам, он мог целыми днями с увлечением рассказывать о правителях и иноземцах, когда-то посетивших кипчакские земли, память его по этой части была феноменальной — никогда и ни разу не ошибался он в датах и именах... Так что в санатории они не скучали, прилежно все пятеро принимали курсы лечения, аккуратно ходили на прогулки и отсыпались. И чудо, буквально через десять дней давление у Каныша Имантайулы пришло в норму, и он вместе с Василием Ивановичем уже пускался в поход вначале до знаменитого Красного камня и Синего камня, а потом уж — самого отдаленного от санатория Большого седла. Изредка этот, уже ставший привычным, распорядок дня нарушался визитами знакомых из Казахстана, прибывших отдохнуть в соседний санаторий, находившийся в ведении ЦК ВКП(б). Некоторые из них считали своим долгом зайти, поприветствовать знаменитого академика, зная, что он в опале. Каныш Имантайулы рад был встречам с ними. Естественно, в какой-то момент разговор переходил на «запретную» для него тему. И он случайно узнавал, что на родине все с той же беспощадностью продолжается чистка: того или иного знакомого ученого уволили с работы, а некоторых уже забрали органы... Ясно, после таких разговоров сон его нарушался; посреди ночи академик не раз просыпался, пытаясь уснуть, ворочался с боку на бок, временами охал, во сне ругался с кем-то, бывало, матерился, а наутро поднимался с постели, как побитый.

Пришлось Таисии Алексеевне, да и сопровождавшим его спутникам принимать «меры», чтобы прекратить нежелательные визиты. Иной раз, когда не удавалось предупредить приход посетителей, им просто запрещали вообще касаться больной темы. Но разве запретишь самому Канышу Имантайулы спрашивать того или иного знакомого о том, как поживают коллеги. Так что всем им пришлось в конце концов смириться с тем, что темы этой в разговорах не избежать, от нее нигде нельзя было спрятаться, она постоянно занимала его мысли. А Москва молчала, на звонки Каныша Имантайулы отвечали: «Не волнуйтесь, отдыхайте, сами сообщим».

Так, в нервном напряжении, беспокойстве закончился срок пребывания в санатории. Прожили в Кисловодске почти месяц. А определенности не прибавилось. Посоветовавшись, решили остаться на второй срок. А тем троим казахстанцам пришлось отправиться домой. Оставшись вдвоем, супруги вначале это восприняли как праздник, бывают же дни, часы, минуты, когда хочется человеку побыть наедине с самим собой. Но увы, прошло день-два, они стали скучать: не с кем было поделиться сокровенными мыслями, даже прогулки на природе стали без них невеселыми...

* * *

Они возвратились в Москву к концу третьей декады февраля. Сразу же по приезде узнав, что вопрос их еще затягивается на неопределенный срок, решили еще пожить на лоне природы, под Москвой. Между тем им не надо было ломать голову, выбирая местожительство под столицей. Два года тому назад решением Совета Министров СССР по личной инициативе И.В. Сталина, вознамерившегося обласкать наконец ученых, были построены на государственные средства и предоставлены в дар, в вечную собственность всем академикам АН СССР отдельные благоустроенные дачи под Москвой, в поселке Абрамцево, находящемся в живописном лесу, на берегу небольшой речки. Шестикомнатные дома были превосходны, с мебелью, центральным отоплением... Словом, сервис был на высоте. Один из этих домов-коттеджей был выделен академику К.И. Сатпаеву. Но супруги ни разу не ночевали там, только в один из приездов, получив свои ключи у управляющего домами, посмотрели, изумились и, поблагодарив своих заботливых опекунов, уехали в Москву. С тех пор этот дом пустовал без хозяев. Наконец-то им представилась возможность обжить этот дар «вождя всех народов и всех времен»...

Однако супруги опять почувствовали себя как бы не в своей тарелке: здесь им нечем было заняться, кроме чтения исторических романов; Каныш Имантайулы, живший прежде заботами академии все 24 часа в сутки, нынче не знал, куда себя деть и как скоротать дни. С утра он уходил в конторку управляющего домами, звонил кому-то в Москву, а потом молча отлеживался на диване в гостиной. Помощник Тевосяна знал его местонахождение, в случае чего мог послать за ним машину. Но его шеф, давно вернувшийся на работу из

дальней поездки, как бы забыл о нем. Лишний раз беспокоить вечно занятого государственного деятеля такого масштаба, как Тевосян, Каныш Имантайулы не мог, да временами у него и вообще пропадало желание напоминать кому-либо о себе... Кстати, слово «бывший...» он стал все чаще повторять в эти дни, даже не к месту. Так в мае прошло дней десять, может быть, и больше.

И однажды раздался долгожданный звонок. Это было в первых числах наступившего марта, четвертого месяца, как он оказался на распутье. Его приглашали на беседу с президентом АН СССР А.Н. Несмеяновым.

— Относительно вас, Каныш Имантаевич, мнение членов президиума остается неизменным, несмотря на всякие пересуды, оно очень высокое. Вы это знаете, — заметил президент, усаживая академика Сатпаева за стол перед собой. — У нас два предложения для вас: первое — руководство Уральским отделением, заодно и директорство в Свердловском геологическом институте; думаю, регион древнего Урала, который мы называем опорой Советской державы, вам достаточно знаком, кстати, там накопился ряд проблем по геологической части; вы, надеюсь, сумеете их разрешить, опыта и знаний у вас для этого достаточно — впрочем, так считаю не только я, но и рекомендовавшие вас товарищи... Не буду объяснять вам, Каныш Имантаевич, по уровню и важности эта должность несколько не ниже президентской республиканской академии... Второе, если желаете все-таки остаться в Москве, то можете занять должность заместителя председателя геолого-географического отделения нашей академии. По правде говоря, эту должность придумал знакомый вам председатель этого отделения, академик Щербаков в соавторстве с вице-президентом Бардиным...

Каныш Имантайулы поблагодарил президента за участие в его судьбе, заметив еще, что обе предлагаемые должности пришлись ему по душе, лучшего, мол, и не надо. Но он должен подумать, посоветоваться с семьей.

— Александр Николаевич, я уже подал записку в секретариат ЦК ВКП(б) по поводу оздоровления морального климата в нашей академии, — предупредил академик Сатпаев. — И с нетерпением жду рассмотрения этого вопроса...

— Понятно, мы не торопим вас с ответом. Готовы ждать, — согласился президент АН СССР.

Через день Сатпаевым передали просьбу ректора Московского университета имени М.В. Ломоносова о встрече...

Вспоминает **Шамшибану Капышкызы САТПАЕВА** («Свет очага»): *«Однажды после очередной академической сессии в Москве действительные члены и члены-корреспонденты академии были приглашены в театр оперы и балета. Наши места оказались рядом. Сидевший во втором ряду партнера академик И.Г. Петровский — ректор МГУ, увидев папу, встал и тепло поздоровался с ним. Папа, представляя меня, заметил, что я аспирантка его университета. Тогда Иван Георгиевич, помню, намекнул ему о желательности скорее решить вопрос о переходе отца в МГУ...»*

Ясно, такие встречи заметно улучшали настроение четы Сатпаевых. Они видели, что здесь, в столице, по-прежнему ценят знания и опыт Каныша Имантайулы, что он пользуется в Москве неограниченным доверием. Это радовало и вселяло надежду на лучшее. Но партийные боги сохраняли олимпийскую невозмутимость, словно испытывая терпение безвинного страдальца, все еще ждавшего от них хотя бы слабого мановения руки. А терпение Каныша Имантайулы, скажем прямо, как и у всех людей, имело предел. По-видимому, оно начало иссякать к концу пятого месяца обивания высоких порогов. *«В качестве одного из материалов при рассмотрении моего вопроса я счел уместным привести некоторые итоги своей научной деятельности за последние годы... — начинается восьмистраничная записка академика Сатпаева на имя заведующего отделом науки и вузов ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданова, датированная мартом 1952 года. Перечислив все свои главные труды и заслуги перед Отечеством, Каныш Имантайулы в 12-м пункте этого послания, наверное, не зря напоминает главному партийному функционеру, ведавшему вопросами науки всей страны, известное всем советским людям того времени изречение И.В. Сталина: «Большевики проверяются не по их словам и декларациям, а по их реальным делам...»*

Абрамцево, находящееся всего в шестидесяти километрах от Москвы, вблизи древнего города Загорска, — подлинно райский уголок Подмосковья. И Совмин СССР, разместив здесь академиков в персональных коттеджах, предоставил им идеальные условия для научных трудов в спокойной обстановке, в окружении первозданной природы. Блажен тот, кто мог безмятежно созерцать великолепный парк, широкие поля, тихо струящиеся речки. Не так чувствовал себя здесь тот, кто не по своей воле покинул привычную среду и оказался в Абрамцево как бы на положении домашнего ареста. Потому Каныш Имантайулы не смог долго вынести этой удручаю-

щей изоляции от мира и решил снова возвратиться в Москву, из тиши Абрамцева в шумную гостиницу «Москва».

Однажды, когда они уже по-домашнему расположились в своем привычном номере московской гостиницы, он спросил Таисию Алексеевну:

— Что ты вообще думаешь о предложении Несмеянова? Тася, только без всякой женской дипломатии! Мне важно знать твое мнение. Ведь я не могу долго отмалчиваться, пренебрегать предложением президента Союзной академии, тем более из Кремля до сих пор нет никаких вестей — ни добрых, ни худых. Так что выкладывай, душенька, ты у меня одна осталась советчица.

Каныш Имантайулы знал, всем сердцем понимал, что ее, преданную спутницу жизни, тоже изрядно измотала лихорадка последних лет. Хотя она ни словом, ни одним поступком не выдала своей усталости, которую неизменно должны были вызвать все эти переезды с места на место, томительные ожидания какой-то определенности положения. Таисия переносила все это мужественно, можно сказать, стоически, во всем поддерживая Каныша Имантайулы. Притом на все отвечая: «Как ты считаешь, так и будет. Я согласна!..»

И на этот раз она чисто женским чутьем уловила, что муж не настроен оставаться в Москве и понимает, что она, как женщина и мать, наверняка в душе желала бы на закате дней пожить без забот и тревог в славной столице, можно сказать, в свое удовольствие. Но из-за деликатных, а возможно, чисто женских соображений не высказывает эти мысли вслух. Скорее всего, чтобы лишний раз не огорчать и не волновать и так страдающего супруга. И Таисия Алексеевна, делившая с Канышем более четверти века все его радости и невзгоды, ответила не раздумывая и не откладывая на другое время :

*«Зачем тебе оставаться в Москве? Куда ты без своего родного Казахстана? Ну, пусть тебя не оставят даже в Институте геологии и в Алма-Ате. Ведь прожили же мы более десяти лет в Жезказгане, да еще в какое трудное время. Поедем куда-нибудь на производство. Чего нам бояться? Да ты, наверное, и сам так думаешь...»**

— Ясно, милая, спасибо! Значит, мне предстоит самому решать... Что ж, дорогая, подождем, чем все окончится, — ответил Каныш Имантайулы, улыбаясь, очевидно, в душе обрadowанный ее словами.

* Сатпаева Т.А. К.И. Сатпаев. Воспоминания (рукопись). С. 275.

Об этом же рассказывает Шапык ЧОКЫУЛЫ в своей книге «Четыре времени жизни»: «Изгнанник сообщил, что в АН СССР ему предложили на выбор две должности... Должности в общем-то почетные, но я подбивал его отказаться от обоих предложений. Он у нас — всеобщий любимец. И никакой клевете не замарать его... «Народ не поймет и обидится, а обижать его не надо!» — сказал я. «Это было то единственное, чем по-настоящему дорожил в этой жизни академик. Я посоветовал ему поехать в Жезказган. Там он начинал, там знают и ценят его. Поработайте, продолжал я, а время рассудит и вернет вас науке Казахстана. Сатпаев обрадовался моим словам. Таисия Алексеевна лежала в смежной комнате люкса с приступом мигрени. Каныш Имантаевич поднял супругу: «Есть у нас что-нибудь выпить? Хорошее предложение надо обмыть». Супруга академика тоже повеселела: «А что, давай поедем в Жезказган». Выпили коньяка и крепкого чая...»

Но надо признать и другое: в родной Казахстан, куда супруги Сатпаевы безраздельно, всем сердцем и душой стремились вернуться, пока их никто не звал. Никто из руководства республики даже не поинтересовался: где они, что с ними? Невольно создавалось впечатление, что они насовсем забыты и вычеркнуты там из памяти. И это трудно было вообразить и перенести.

Был конец первой половины марта. Вечером, когда они ужинали в номере, неожиданно позвонил помощник Тевосяна. «Не спите еще? — спросил он, тут же извиняясь за поздний звонок. — Если бодрствуете, подходите к нам...» Сатпаев ждал этого звонка почти три месяца, как же тут отказаться, и через десять минут Каныш Имантайулы уже спускался вниз в лифте.

Иван Федорович Тевосян встретил его с раскрытыми объятиями, настроение у него было заметно бодрым, и сразу же потянул Сатпаева в смежную комнату отдыха. А там уже был накрыт стол с закусками и армянским коньяком. Всем нутром Каныш Имантайулы чувствовал: что-то радостное собирается сообщить ему хозяин кабинета. И невольно в мыслях пронеслось: «Дай бог!»

— Великодушно простите меня, что заставил долго ждать, так сложились обстоятельства, дорогой мой Каныш Имантаевич. — Заместитель главы правительства разлил по рюмкам коньяк, а в фужеры — минеральную воду. — Выпьем, чтоб не было обид друг на друга.

Каныш Имантайулы молча взял предложенную рюмку, чокнулся с Иваном Федоровичем, однако лишь пригубил коньяк, почему-то до конца пить не стал.

— Да, задали вы нам задачку. В названную вами кампанию травли ученых втянуто очень много людей. Чтобы восстановить истину, пришлось бы многих наказывать, то есть крутить пластинку в обратную сторону... Потому в верхах решили не ворошить этих дел. И баста, Каныш Имантаевич! Считайте мои слова ответом на ваше письмо в ЦК. — Сказав это, Тевосян достал из папки его письмо к И. Сталину, где в верхнем левом углу было чьим-то неразборчивым почерком написано: «Тевосяну, разобраться и ответить!» — Вот видите, как я разобрался...

Только теперь Сатпаев заметил, что бодрость Ивана Федоровича была напускной, видно, что он сам недоволен решением, вынесенным в ЦК, но не в силах его изменить. Хозяин кабинета снова налил коньяк в рюмки и как бы застыл, ожидая ответной реакции гостя. А на Каныша Имантайулы снова навалилась гнетущая тоска — все его усилия добиться правды на протяжении долгих месяцев оказались напрасными.

Зампред сразу заметил произошедшую перемену в его настроении и, как бы спохватившись, проговорил:

— Но зато, Каныш Имантаевич, есть просвет в вопросе, касающемся лично вашего трудоустройства... Сегодня у меня был товарищ Шахметов. Говорили довольно долго, не скрою, даже на повышенных тонах, но в конце концов пришли к согласию относительно вашей работы. Думаю, она устроит вас! Впрочем, обо всем он сам скажет вам не позже чем завтра. Потому я и пригласил вас, чтобы были готовы к разговору со своим секретарем. Короче, Каныш Имантаевич, не горюйте, дорогой, мы с вами пережили и не такие времена и выходили победителями. Все образуется. Давайте выпьем хоть за это!

— Давайте, почему же не выпить! — просиял вдруг Каныш Имантайулы, беря рюмку в руку. — За вас, дорогой Иван Федорович! За ваше доброе сердце!..

И оба, не чокнувшись, разом выпили, на сей раз до дна. Потом немного помолчали, думая каждый о своем, сокровенном.

— Я знаю о предложении президента Несмеянова, — нарушил молчание Тевосян. — Знаю, что вы ему не ответили ни «да», ни «нет». Понимаю вас... Все же, думаю, в интересах дела и ваших лично было бы лучше работать в Москве. Если решитесь на это, то скажу: мое прежнее предложение относи-

тельно Министерства геологии остается в силе. Вашу кандидатуру мы уже обсудили в верхах, все должно решиться сразу после завершения XIX съезда партии... Так что окончательный выбор за вами!..

— Спасибо, Иван Федорович! Я постоянно думаю об этом. Но все зависит от того, что мне скажет завтра наш секретарь.

Выпив еще раз по рюмке коньяка, они обнялись по-мужски на прощание.

К.И. САТПАЕВ — З.И. и В.И. ШТИФАНОВЫМ, Москва, 27 марта 1952 года («Жажда познать Жезказган не ослабевает». С. 37—39):

«С тех пор как расстались с вами, я все продолжал оставаться в Москве, так как решение моего вопроса все оттягивалось и только после мартовской сессии Верховного Совета СССР, с приездом тов. Шаяхметова в Москву, он, наконец, решился.

14 марта я имел продолжительную беседу с тов. Шаяхметовым. Он сказал, что после всех бурных событий, в частности статей в центральных газетах, оставить меня сейчас президентом невозможно; он настойчиво приглашал меня вернуться в Казахстан на должность директора Института геологии или на любую должность по моему желанию. Доверие партии и, в частности, руководства ЦК КП(б)К, как он уверяет, сохраняется... Вопрос о снятии выговора рассмотрим, сказал он, а что касается геологии Казахстана, в особенности рудной геологии — то на этом знакомом мне поприще окажут всестороннюю помощь, пойдут навстречу всем моим инициативам и начинаниям.

После этой беседы с тов. Шаяхметовым, имевшей место уже после того, как он побыл (как мне было известно) в соответствующих инстанциях, я воспринял его предложение как директиву партии и твердо решил ехать в Казахстан на старый мой пост директора Института геологии АН КазССР.

С этого же дня приступил к работе. Нужно сказать, что до этого, пока мой вопрос не был так или иначе решен, я, естественно, не ходил никуда, кроме отдела науки ЦК и Президиума АН СССР.. После 14 марта был и бываю в Министерстве геологии у т. Захарова и др., в Министерстве цветной металлургии у т. Архипова и др., в ИГН АН СССР, в фондах Ленинской библиотеки и, нужно сказать, что везде встречаю самый душевный и теплый прием и поддержку... Короче, я вновь весь в работе по дальнейшему развитию Института геологии и всей геологической службы Казахстана. Это, собственно, и было то, к чему стремился и раньше, к чему пришел сейчас, правда, пройдя сквозь горнило подчас тяжелых моральных переживаний последних месяцев.

Не могу не отметить моей вечной и горячей благодарности вам — дорогим жезказганцам, вставшим около меня в тяжелые минуты испытаний и давшим мне этим огромную бодрость духа, когда она была так особенно нужна. Сердечное глубокое спасибо вам за это, мои друзья!..»

Первый секретарь ЦК КП(б)К Жумабай Шаяхметов во время беседы, состоявшейся вечером в гостинице «Москва», продолжавшейся до поздней ночи, вроде бы от чистого сердца извинился за все ранее случившееся, шел почти во всем навстречу опальному ученому, в то же время не без умысла уговаривал принять участие в предстоящем общем собрании академии и выступить с заявлением об освобождении с поста президента, указывая убедительную причину такого поступка. Каныш Имантайулы сразу узрел политическую подоплеку этого глубоко рассчитанного Шаяхметовым маневра: проводя официальный ритуал замены президента согласно уставу Академии наук, он таким образом, задним числом хотел оправдать свой промах в глазах всего народа, возможно, хотел оправдаться и перед историей и будущим, будто бы ушел из академии Сатпаев по собственному заявлению. Конечно, все это было шито белыми нитками. Это понимали все, в том числе и народ. Но такое лицемерие было повседневным явлением в тогдашней жизни. Поэтому Каныш Имантайулы, не желая далее усложнять свои отношения с руководством республики, дал согласие приехать на родину к открытию общего собрания академии, то есть обязательно к 16 апреля.

Однако совершенно точно известно, что он не прибыл к этому дню в Алматы и не присутствовал на собрании ученых. Это было странно и непонятно для многих его знакомых. Тем более Каныш Имантайулы никогда до этого и после не нарушал своего слова, когда-либо данного им любому человеку. А тут он решил проигнорировать просьбу не кого-либо, а первого лица в Казахстане. Значит, были у него основания, чтобы пренебречь своим обещанием... Вот как объясняет ученый свой поступок в письме, отправленном из Ленинграда 9 апреля 1952 года на имя Н. Жандильдина, заведующего отделом науки и вузов ЦК КП(б)К: *«Начиная с 15 марта с. г., после окончательного определения места моей дальнейшей деятельности, я полностью переключился на работу, непосредственно связанную с реализацией решений V съезда КП(б)К относительно завершения в 3-летний срок составления геологических прогнозных карт по месторождениям ряда важнейших металлов в пределах Центрального Казахстана и Рудного Алтая...* — Далее на двух страницах текста следуют объяснения сложности этой новой научной работы, между прочим, философу по образованию Жандильдину едва ли был понятен «язык» геологии... — *Эти дела, — продолжал затем академик, — которые я не могу оставить на полпути, задержат мой*

приезд в Алма-Ату до 20–21 апреля с.г. Поэтому на общем собрании АН КазССР я не смогу участвовать... Мне неясно, в какой форме будет поставлен на предстоящем собрании организационный вопрос, касающийся выборов нового президента. Исходя из имевшего место опыта подобного рода и практики АН СССР, я счел своим долгом послать на Ваше рассмотрение прилагаемое письмо, адресованное общему собранию АН КазССР...»

Отправив свое заявление, Каныш Имантайулы остался на берегах Невы еще на три-четыре дня. Любому здравомыслящему человеку понятно, что за эти дни он не помышлял совершить переворот в науке. И потому напрашивается элементарный вывод: **значит, он не захотел присутствовать на этом собрании...**

Вот что читаем в воспоминаниях Д.А. КУНАЕВА («От Сталина до Горбачева»), человека, избранного в тот же день президентом АН КазССР: *«16–17 апреля 1952 года состоялась сессия общего собрания Академии наук республики. Первый день работы сессии был посвящен рассмотрению вопросов о лишении званий действительных членов Академии М.П. Русакова и А.К. Жубанова и звания члена-корреспондента К.Д. Жумалиева...»* Кроме того, «узун кулак» донес до ушей Каныша Имантайулы еще и черную весть о том, что на этом собрании будет рассмотрен вопрос об исключении из членства и академика М.О. Ауэзова... Понятно, что Каныш Имантайулы не хотел быть свидетелем позора и, зная, что ничем им не поможет, просто проигнорировал приглашение Ж. Шаяхметова, тем более тот в беседе, происходившей в Москве, скрыл от него этот зловещий пункт повестки дня собрания.

В последнюю неделю апреля чета Сатпаевых вернулась в Алматы. Уезжали они в холодную ноябрьскую стужу, а вернулись теплой весной. Яркое светило солнце, воздух был напоен сладким ароматом цветущих яблонь. Самое главное, у них по-прежнему была впереди живая, интересная, целиком захватывающая и любимая работа.

Сатпаевым восхищался весь Казахстан. В своих мемуарах Илья Эренбург писал о Фредерике Жолио-Кюри: «Его не только уважали, его любили, а любовь куда труднее завоевать, чем любое почетное звание, чем любую премию, чем шапку академика или пышный памятник на площади». Эти слова, пожалуй, можно полностью отнести к Сатпаеву. Впос-

ледствии его часто спрашивали, как ему удалось пережить все невзгоды и несправедливости тех лет. Обычно академик отвечал однозначно: «Я верил в правду, считая, что правда всегда победит!» Да, это так. Но все же не лишне рассказать об одном случае, который произошел с ним летом того же 1952 года...

Ученый отправился в поездку по некоторым рудным месторождениям Центрального Казахстана. Он побывал в Саяке, затем приехал в Майкайын. Увидев как-то небольшую группу людей, голосовавших у обочины, Каныш Имантайулы попросил шофера остановиться, чтобы подвезти путников. Седая, изможденная, со сморщенным лицом старушка, поддерживаемая под руки пожилыми мужчинами, спросила сидевших в машине:

— Кто будет среди вас Каныш?

Когда ей представили Каныша Имантайулы, она сердечно поздоровалась с ним и, взяв его за руку, сказала:

— Ты мне и нужен, сынок. Мы знали, что ты сегодня здесь проедешь. И ждем тебя, чтобы пригласить в свой аул.

Каныш Имантайулы поблагодарил ее за приглашение, но попросил старушку, если есть какая-то просьба, высказать ее тут же, а он постарается выполнить ее.

— Мы слышали, что тебя обижают. Вот и пришла я сюда со своими сыновьями, — тут она указала на преклонных лет мужчин, поддерживающих ее, — чтобы сказать: мы тебя любим и верим! Что бы ни случилось, запомни мои слова, сынок; не унывай, ведь джигиту выпадают и более тяжелые испытания.

Слова старой женщины растрогали Каныша Имантайулы. Он поцеловал ее и, тепло попрощавшись, отправился своей дорогой.

А случай этот запомнил на всю жизнь. И говорил позднее, что именно простые слова той старушки, идущие от сердца, помогли ему обрести душевный покой и сосредоточиться на работе...

III

Освобождение академика Сатпаева с поста президента АН Казахской ССР и его спешный отъезд в Москву в определенной степени развязали руки всем тем, кто в Казахстане явно желал ухода слишком заметных личностей с общественной арены. И сразу же начались преследования их. Многие лишились своих кафедр. Некоторые остались без куска хлеба в буквальном смысле этого слова и, чтобы как-то прокормить себя и семью, вынуждены были уехать на периферию, на рядовую преподавательскую работу... Всего в 1948–1953

годах только лишь из академии, по свидетельству Ш.Ч. Чокина, «были уволены более двухсот ученых как политически ненадежных и приближенных к К.И. Сатпаеву. В результате сильно пострадала наука по ряду важнейших ее направлений». Мало того, во всех высших и средних учебных заведениях республики развернулась разнузданная кампания по борьбе с «ересью» или, как называли горемычных, с «чуждыми элементами». Сотни ученых увольнялись и попадали под арест...

Экс-управляющий делами АН КазССР Г.В. НЕЧИТАЙЛО в своих вышеупомянутых воспоминаниях называет семерых наиболее видных ученых Академии наук, которые в 1951–1952 годах были осуждены на 25 лет каждый и сосланы на каторгу. Все они обвинялись в контрреволюционных происках, национализме, всем навешивался пресловутый 2-й пункт 58-й статьи Уголовного кодекса. *«В академию нагрянули толпы ревизоров и проверяльщиков. Они подбадривались новым президентом. Ему это было нужно для того, чтобы показать руководителям республики и Академии наук Союза, что он принял АН КазССР в разваленном состоянии. По распоряжению Совета Министров республики бригада Министерства геологии проверяла одноименный институт академии, где директором был К.И. Сатпаев, а также институт почвоведения, — пишет Нечитайло. — По материалам всех этих бригад состоялся суд. Директора Института почвоведения осудили по закону от 7 августа 1932 года к 10 годам лишения свободы...Осудили к разным срокам тюремного заключения помощника президента, бывшего управляющего делами, его заместителя, главного бухгалтера и других (всего 8 человек). После суда создавалась крайне сложная обстановка. Новый президент долго не мог усвоить формы и методы управления научно-исследовательскими учреждениями, но исподволь поощрял разговоры о том, что те, кто работал до его прихода, — люди “подмоченные...”»*

Наконец карающий меч правосудия опустился и над «главным зачинщиком» бучи — Ермуханом Бекмахановым. 5 сентября 1952 года его арестовали в Ново-Троицке. Три месяца велось изнурительное следствие. *«О методах следствия нельзя вспомнить без отвращения... клеветать на честных людей (К. Сатпаева, М. Ауэзова, ректора КазГУ Т. Тажибаева. — М.С.) я не мог, хотя всеми средствами от меня пытались этого добиться...»* — писал сам Бекмаханов позднее в заявлении к Ж. Шаяхметову. 2 декабря того же года состоялся суд над историком в здании Верховного суда Казахской ССР. Процесс был показательно-открытым. Прокурор Курапов с многозначительным видом просил суд приговорить историка к 25 годам заключения, закончил он свое выступление так:

«...на этом примере будет положительно воспитываться вся казахская национальная интеллигенция». Бекмаханов не спорил с ним, выступая с последним словом, лишь сказал: *«Кому это надо и в чьих интересах создавать из меня искусственного врага?...»* На третий день, 4 декабря огласили приговор, «окончательный, в кассационном порядке обжалованию не подлежащий», по которому ему дали 25 лет заключения в исправительно-трудовом лагере. *«Ермухан смотрел на меня, у него непроизвольно текли слезы из глаз»*, — вспоминает эти трудные минуты жена историка Х.А. Бекмухамедова в своей мемуарной книге. Заметим, в ту пору ему было всего лишь 37 лет. Жизнь его была исковеркана, осиротели его пятеро малолетних детей, что будет с ними без него — ученый-историк ясно представлял, сам рос круглым сиротой...

В октябре состоялся XIX съезд партии, от которого политкаторжане ждали перемен к лучшему. Но не дождалось, наоборот, он принял теоретическую установку «великого вождя всех народов» И. Сталина о том, что по мере продвижения к социализму в СССР будут нарастать классовая борьба и сопротивление идеологических противников нового строя. Ясно, гонения на буржуазно-националистических «выродков» еще более усилились.

В Казахстане, как мы знаем, к этому времени было уже покончено с наиболее сильными, яркими представителями национальной интеллигенции... Но на свободе оставался самый «главный националист» и «вдохновитель молодых казахов» — Мухтар Ауэзов. С начала 1953 года на него повели более тщательно обдуманную и целенаправленную атаку, взяв под прицел всю творческую деятельность писателя и ученого. Он, как и Сатпаев, был любимцем и гордостью народа, последнее его произведение «Путь Абая», удостоенное Сталинской премии в 1948 году, имело широкий успех в Советском Союзе и за рубежом (к 1952 г. эта диалогия была переведена на 22 языка народов СССР и мира!). Конечно, свалить такого гиганта с пьедестала славы и объявить «врагом народа» было не так-то просто. Но большевистская партия и НКВД имели в таких делах колоссальный опыт, им приходилось ломать жизнь личностям покрупнее. Короче говоря, вся республиканская печать и другие средства пропаганды и агитации с помощью по-большевистски настроенных критиков-литературоведов открыли интенсивный огонь

по всем произведениям художника слова. В марте того же года профессора М.О. Ауэзова с треском и шумом изгнали (вместе с ним также и профессора Б. Кенжебаева) с кафедры казахской литературы КазГУ. Нашли криминал в читаемом им курсе по абаеведению: оказывается, в течение долгих лет он сознательно перевозносил ряд поэтов из окружения Абая, которые на самом деле были яркими националистами...

«XIX съезд призвал, неустанно развертывая критику и сатирографию, вести непримиримую борьбу со всякого рода политическими ошибками и извращениями, с протаскиванием чуждых взглядов в советскую науку...» — начиналась разгромная статья литературоведа Сабита Нурышева, напечатанная в «Известиях» АН КазССР в № 4 за 1953 год. Она называлась *«До конца искоренить буржуазно-националистические извращения в изучении творчества Абая»*.

Где-то в первых числах июля в секретариате ЦК рассмотрели персональное дело Ауэзова, при его участии. По свидетельству очевидцев, оттуда Мухтар Омарханулы вышел совершенно растерянным, он шел по улице Абая в прострации, не замечая, что не все пуговицы на костюме застегнуты; ему, вроде бы, повстречался человек и, назвав имя одного из его верных покровителей, сказал лишь одну фразу: *«Мухтар-ага, вам грозит арест, надо немедленно улетать в Москву, билет вам организуют на вечерний рейс...»* Вмешательство анонимного друга-спасителя привело писателя в чувство, и он, даже не заходя домой, прямо с улицы помчался в аэропорт и на следующее утро оказался в Москве.

Кстати, об этом же случае рассказывает **Шапык ЧОКЫУЛЫ** в своей книге **«Нуть НАН»**:

«Я в это время тоже находился в Москве по случаю защиты докторской диссертации и в день приезда Ауэзова случайно встретился с ним около памятника К. Марксу. Вид у Ауэзова, если судить по одежде, был ужасным, но сам он показался мне почему-то довольным и радостным. Я испугался и спросил: «Что с вами?» Он ответил: «Сегодня я родился во второй раз», рассказал все, как было. По приезде в Москву он из аэропорта поехал к министру культуры СССР П.К. Пономаренко, который внимательно выслушал его и сразу же при нем подписал приказ о назначении его профессором МГУ (тогда все вузы находились в ведении Министерства культуры). Мухтар-ага, радостный и воодушевленный, показал мне этот приказ. Пономаренко сказал ему, чтобы он ни о чем не беспокоился, так как с этим документом его никто не тронет. Затем мы с ним пошли в ресторан, что на третьем этаже гостиницы «Москва», и отметили это приятное событие. Вечером сходили в ГУМ, там купили ему приличный костюм...»

Неудержим бег времени, оно движется только вперед. И никто, даже тот, кто считал себя чуть ли заместителем Бога на земле и вершителем судеб миллионов людей, не мог ни на минуту остановить или замедлить его ход. Это было, к счастью, не в его власти. И настал день, всколыхнувший весь «архипелаг ГУЛАГ», — от казахских степей до полярного круга и берегов Тихого океана, где в лагерях, окруженных колючей проволокой, томилась бесчисленные узники совести.

5 марта 1953 года умер И.В. Сталин — главный зодчий социализма и этих лагерей. Президиум Верховного Совета СССР почти сразу же объявил амнистию многим миллионам осужденных, в первую очередь сидевшим за незначительные проступки — прогулы, растраты, хищения, на свободу были выпущены даже десятки тысяч отъявленных головорезов, как якобы вставшие на правильный путь. А политическим, к которым была применена зловещая 58-я статья, пришлось ждать освобождения от оков еще долгие месяцы. Но вот на плаху попал некогда всемогущий, кровавый Берия. И тысячи невинных страдальцев, наконец, обрели свободу.

«Отбываю свой срок в далеких сибирских сугробах. Остается еще 23 с лишним года до конца срока. Какое бы тяжелое страдание ни испытывал и как бы жестоко ни был наказан, я до конца остаюсь честным гражданином своего Отечества... — писал в своем заявлении на имя Ж. Шаяхметова из лагеря Бодайбо (Якутская АССР) осужденный Ермухан Бекмаханов. — Суровое испытание научило меня многому. Поумнел... Еще раз прошу помочь мне добиться свободы». Дата отправления этого заявления — 4 октября 1953 года. А до этого, еще находясь в Петропавловской пересыльной тюрьме, 15 июля он направил пространное письмо-заявление на 16 страницах первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву. Однако ни в Алматы, ни в Москве пока не реагировали на них. И отвергнутый властью невольник снова слал и слал письма и жалобы во все высшие инстанции.

Не дремали и его друзья-коллеги в Москве. Лично к Н.С. Хрущеву обратились член Центрального Комитета КПСС, академик А.М. Панкратова, академики Б.Д. Греков, Н.М. Дружинин и еще несколько видных русских историков Москвы и Ленинграда с просьбой пересмотреть уголовное дело казахского ученого, как они писали: **«Мы, советские историки, ручаемся за честность Бекмаханова, он жертва местных завистников...»** Наконец их заручительство возымело действие: Бекмаханова на самолете привезли из далекого Бодайбо в Москву, и 16 февраля 1954 года в Бутырской тюрьме ему вручили постановление Военной коллегии Верховного суда СССР о

том, что он полностью оправдан и с этой минуты свободен. На выходе из тюрьмы его ждали сотрудники Института истории АН СССР с автомашиной...

Хотя суд снял с него судимость, но все же ученые степени и звания ему не вернули. Возвратился из Сибири он тяжело больным, но надо было, несмотря на недомогание, браться за подготовку новой диссертации. И он, все преодолев, вторично стал доктором исторических наук, поэтому документальный фильм казахстанских кинематографистов, созданный после его смерти, назвали «Дважды доктор». Талантливый историк, профессор, член-корреспондент АН Казахской ССР Ермухан Бекмаханов умер в расцвете сил, когда ему исполнился всего 51 год, так и не успев стать «вторым Чоканом» в казахской историографии...

* * *

В начале 1954 года сменилось руководство ЦК КП Казахстана. Секретарями ЦК Компартии республики были избраны П.К. Пономаренко и Л.И. Брежнев. Надо откровенно сказать, что с их приходом климат в казахстанском ЦК круто изменился в лучшую сторону, партийные деятели повернулись к людям.

«Однажды отца пригласили в Дом правительства, — вспоминает дочь академика Сатпаева Меиз Канышкызы. — Его принял первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко... Поначалу папа чувствовал себя скованно, он давно уже не был в этом учреждении, ему совсем не хотелось при первой же встрече рассказывать о пережитом за эти годы. И, отвечая на вопросы секретаря, он коротко рассказал о той работе, которой последние три года жил весь коллектив Института геологических наук. И она того стоила. Рассказ явно заинтересовал П.К. Пономаренко. Он внимательно слушал ученого, задал несколько вопросов, уточняя перспективы работы, а затем неожиданно спросил о деле, о котором папа избегал вспоминать. Пришлось все выложить начистоту и подробно. Как-то само собой получалось, может быть, сыграла роль задушевная атмосфера беседы, но все же он искренне поделился всем, о чем думал и что пережил за эти годы...»

— По-видимому, мы пересмотрим ваше персональное дело, — сказал секретарь ЦК.

— Дело не во мне. Прошу вас, Пантелеймон Кондратьевич, вернуть к активной деятельности и многих других ученых.

— Об этом тоже подумаем.

И действительно, вскоре бюро ЦК КП Казахстана, рассмотрев персональное дело коммуниста К.И. Сатпаева, сняло с него все обвинения как необоснованные.

Оптимизмом и верой в справедливость веет от заявления заключенного М.П. Русакова на имя председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова, написанного в поднадзорном особом техническом бюро (ОТБ-1, почтовый ящик ЛК-126) 14 мая 1953 года: «...В текущем году исполняется 25 лет со времени открытия мною Конаратского медно-молибденового месторождения, на базе которого работает уже давно крупнейший сейчас в Европе и Азии наш, советский, Балхашский медеплавильный завод. Годом раньше мною было открыто и начато эксплуатацией уникальное корундовое месторождение Семиз-Бугу, в течение 20 лет снабжавшее абразивную промышленность Союза первоклассным сырьем. За открытие и выявление целого ряда новых месторождений черных, цветных и редких металлов, корунда, барита и пр. я был в 1944–1945 годы удостоен высоких правительственных наград – орденов Трудового Красного Знамени и Отечественной войны 1-й степени. За 30-летний период моих геологических исследований и поисков мною было открыто и выявлено в недрах СССР, преимущественно в Казахстане, свыше 50 месторождений... в 1947 году вновь открыл крупное медное месторождение «Юбилейное» в урочище Кос-Чоку. Хотелось бы знать, что же имеет большую доказательность на чаше весов моей научной и гражданской жизни – эти мои открытия и многолетние труды на благо Родины или же фальшивые, клеветнические, бездоказательные обвинения во вредительстве, возведенные на меня и санкционированные постановлением особого совещания бывшего Министерства государственной безопасности...

Я прошу проверить мое «дело» и реабилитировать меня. Вы позволите мне взять на себя и реализовать с помощью Правительства СССР научное социалистическое обязательство: открыть и в 3–4 года выявить разведкой в Центральном Казахстане один миллион тонн меди, причем не далее 75–100 км от имеющихся железных дорог...»

Группа ученых геологов во главе с академиком Д.В. Наливкиным направила на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР ходатайство о пересмотре уголовного дела М.П. Русакова, все еще находившегося в неволе в Красноярском крае. К ним присоединился и академик Сатпаев.

...Была весна 1954 года. В поздний час ночи кто-то позвонил в сатпаевскую квартиру. Открывшая дверь Меиз удивилась странному посетителю: в коридоре стоял сгорбленный старик, с длинной седой бородой, с вещмешком за спиной; вроде бы пришел милостыню просить, и, точно подтверждая эту догадку, он тихим голосом произнес: «Странников на ночлег не берете?» – при этом в его лучистых, по-молодому

живых глазах промелькнула лукавая смешинка. И только тогда Меиз Канышкызы узнала позднего просителя. Вместо того чтобы проводить странника в квартиру, она бросилась в дальнюю комнату с радостным криком: «Папа, Русаков вернулся!» *«Они обнялись. Папа сказал: “Вовремя ты вернулся, Михаил. Производственники хотят закрывать твой Коньрат, мол, запасы руды истощились. Я в это не верю. Надо отстоять Коньрат!”* — вспоминает Меиз Канышкызы этот вечер встречи старых друзей (В. Могильницкий “Это было великое чистое чувство”. “Казахстанская правда”, 25 апреля 1992 г.). — *И сразу же Русаков прямо на глазах у нас помолодел, радостно шепнул: “Конечно, отстоим!”»*

И таких горячих встреч близких и старых друзей было много в том и в последующие годы. Что касается непосредственно Казахстана, то здесь следует признать очевидное: избрание первым секретарем опытного государственного деятеля, прошедшего суровую закалку в грозные годы войны в Белоруссии, почти десять лет возглавлявшего партийную организацию этой республики, Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко сыграло явно положительную роль. Он был человеком действия, к счастью, отличался от многих своих партийных коллег, фактически самоучек, но возомнивших себя наместниками Бога на земле, — гуманностью, широким, разносторонним кругозором, трезвым взглядом на жизнь. Секретарь был в курсе происходящих в Казахстане в те годы печальных событий и не одобрял их. Не случайно потому, выступая перед интеллигенцией города Алматы (август, 1954 г.), Пантелеймон Кондратьевич твердо сказал: *«Ауэзов, Сатпаев, Жубанов — бесспорно крупные и самые видные личности, выдвинувшиеся из среды казахской национальной интеллигенции. Вместо того чтобы окружить их вниманием и заботой, создавая им надлежащие условия для творческой работы и использовать этих выдающихся деятелей национальной культуры для воспитания трудящихся, вы, прежние руководители республики, занялись никчемным избиением и изгнанием их из родного Казахстана. Мне трудно понять ваши в корне пагубные действия...»*

«Новое руководство республики решило восстановить справедливость. Летом пятьдесят пятого года Сатпаев, Павлов, Пальгов, Ауэзов, Т. Тажибаев и я были приглашены в ЦК КП Казахстана. В просторном кабинете первого секретаря ЦК нас встретили Пономаренко и Брежнев... — свидетельствует Ш.Ч. Чокин в своей книге «Четыре времени жизни». — Пономаренко объявил нам, что в связи с

назначением Д.А. Кунаева председателем Совмина республики они хотели посоветоваться с нами насчет кандидатуры президента Академии наук. «Кого бы вы хотели видеть руководителем академии?» — спросил первый секретарь... Все в один голос стали предлагать Каныша Имантаевича. Академик Сатпаев стал напрочь отказываться, ссылаясь на болезнь и занятость в геологическом институте. В конце беседы Пономаренко сказал, что они с Брежневым посоветуются с врачами, а потом примут решение...»

В июне 1955 года, ровно через три года и семь месяцев, академик К.И. Сатпаев вернулся в прежний свой кабинет. Обязанности президента Академии наук Казахской ССР он исполнял до конца жизни.

РАЗВЕДКА ПО ПРОГНОЗУ

I

Документы свидетельствуют, что ученые Института геологических наук начали эту работу в 1952 году. Однако эти данные не совсем точны. Тема исследования, посвященная разведке по заранее составленному прогнозу, стояла в научном плане института в течение ряда лет.

Об этом, кстати, четко сказано в главном научном труде академика К.И. Сатпаева «Комплексные металлогенические прогнозные карты Центрального Казахстана», увидевшем свет в 1958 году: «Идея составления металлогенических прогнозных карт для Центрального Казахстана возникла в стенах Института геологических наук АН КазССР еще в 1942 году, когда впервые здесь началось составление геолого-структурной карты Центрального Казахстана. Последняя рассматривалась нами в качестве геологической основы для металлогенических и прогнозных карт...»

Как видим, идея составления прогнозных карт и в стенах Института геологических наук АН Казахской ССР возникла не вдруг и не случайно. А начавшаяся в 1952 году работа фактически была заключительным этапом в развитии этой идеи. Скажем еще точнее: работа началась с лета, когда Каныш Имантайулы вновь вернулся в свой институт; можно сказать, освобождение ученого от всех государственных постов и вслед за этим, в соответствии с негласным указанием, — от многочисленных общественных обязанностей сыграло для него, и особенно для науки, сугубо положительную роль...

Созданием подобных карт в то время с увлечением занимались многие геологические институты страны. Ведь вооружить прогнозными картами геологическую службу страны — значило обеспечить по меньшей мере наполовину успех поисковых работ разведочных партий. Сколько средств можно сэкономить — десятки, сотни миллионов рублей. А выигрыш во времени! Идти на поиск, имея в руках верные научные прогнозы, знать, куда ехать и что найдешь, — разве это не заманчиво?..

«В этой области у К.И. Сатпаева не было предшественников и не было примеров, которые можно было бы взять за исходные и далее творчески развивать и совершенствовать. Здесь он был пионером и новатором в полном смысле этих слов», — сказано в одном из редакционных предисловий к его знаменитой монографии. Справедливости ради следует заметить, что у него были и предшественники, и примеры. Об этом сам ученый пишет в своей монографии. Однако его заслуга состоит в том, что он, досконально изучив все прежние работы, разобравшись в их ошибках и упущениях, даже позаимствовав из некоторых «несомненное рациональное зерно», по его собственному выражению, нашел к решению этой проблемы совершенно иной и верный путь.

Вернемся к лету 1952 года. В Институте геологических наук создана группа из восьми человек: это своеобразный научный штаб, «мозговой центр», как его в то время шутя называли коллеги. Его задача — направлять деятельность всех геологических служб республики, сотен специалистов-геологов, призванных участвовать в работе над составлением прогнозной карты. Вот имена этих первопроходцев: К.И. Сатпаев, Р.А. Борукаев, И.И. Бок, Г.Ц. Медоев, Г.Н. Щерба, Д.Н. Казанли, И.П. Новохатский и Г.Б. Жилинский. Все они в прошлом отлично зарекомендовавшие себя геологи, открывшие немало крупных месторождений, люди, закаленные на полевых работах; некоторые из названных ученых являлись членами-корреспондентами и действительными членами республиканской академии. Опытным регионом для первых металлогенических исследований Сатпаев выбрал Центральный Казахстан. Геологическое строение, структура и история развития этого обширного района были достаточно хорошо известны; кроме того, в его пользу говорила насыщенность разнообразными месторождениями полезных ископаемых.

Между прочим, годом раньше один из старейших институтов страны — ВСЕГЕИ (Всесоюзный геологический

институт) — в Ленинграде тоже начал работу по составлению металлогенической прогнозной карты Центрального Казахстана.

Итак, не говоря уже о других научных коллективах, два крупных института почти в одно и то же время вплотную взялись за разработку одной из самых сложных отраслей геологии. И те и другие одновременно трудились над составлением прогнозных карт одного и того же региона. Естественно, напрашивается вопрос: неужели на обширной территории нашей страны нельзя было выбрать для этого эксперимента два разных района? Может быть, лучше было бы объединить научные силы двух коллективов и вести работу сообща?

Но что представляют собой эти прогнозные карты? Почему проблема прогноза в геологии не была решена до сих пор? Как объяснить отсутствие методологически верной теории для составления подобных карт? И наконец, еще несколько вопросов. Сведем их вместе: **ОТКУДА, ЧТО, КАК И ГДЕ?** Последние четыре вопроса, надо сказать, сформулированы самим академиком Сатпаевым. В его известной монографии они выделены курсивом и повторены неоднократно. Для чего это сделано и что они означают?..

II

Прежде всего: как работают геологи? Всем известны романтические рассказы о скитальцах, в холод и зной странствующих в поисках рудных проявлений по горам и безводным пустыням. Так было в прошлом, почти то же мы можем наблюдать и сегодня. Иной раз разведчик недр возвращается из такого трудного путешествия с удачей, обнаружив в одном или нескольких местах рудные проявления. Но бывает и другое. Несколько месяцев геолого-разведочный отряд вел поисковые работы на разных маршрутах, исколесил сотни километров, истратил десятки тысяч рублей и ничего не нашел. И это случалось не в один сезон, а иногда несколько лет подряд. Что поделаешь, невезение...

Потому-то предприимчивые дельцы прошлого, вроде Поповых и Дерových, дабы не тратить время и деньги на такие рискованные поиски, придумывали разные хитрости. Они сулили премию тому, кто первым сообщит им о рудных проявлениях в той или иной местности. Обычно находилось немало охотников сорвать куш за дармовые «божеские камни». Отправлялись на поиски многие джиги-

ты, любители приключений. Забирались в труднодоступные ущелья, разрывали сурковые норы, чтобы найти новую Караганду или Экибастуз. Некоторым из них везло. Они привозили целые корзины «цветных камней» — куски руды.

И тогда на места находок отправлялся геолог-специалист. Если рудопроявление стоило внимания, начиналась его разведка. Так были найдены в казахской степи многие известные месторождения.

По сути дела, этот способ поиска оставался основным вплоть до середины XX века. Менялось лишь оснащение разведки. В десятки, в сотни раз увеличилось мощностные и скорость проходки буровых станков. Теперь с их помощью можно добраться до таких глубин, о которых раньше геологи и не помышляли. Ручные буры, кирки и другие примитивные орудия разведки ушли в прошлое. Появилась геофизическая разведка — электрические волны прощупывают толщи земли на сотни метров. С помощью такой разведки можно установить очертания рудного района площадью в десятки квадратных километров. На вооружении сегодняшних геологов есть и вертолеты, и самолеты. Появилась возможность вести поиски рудных поясов из космоса.

Но все эти данные о техническом оснащении геологоразведочных работ, а не о способе самого поиска. На земной поверхности осталось мало так называемых «белых пятен», где вовсе не ступала нога изыскателя. Ныне трудно открыть месторождение по случайному обнажению руд или минералов. Потому сегодня у геологов чаще в ходу термины «скрытое» и «закрытое» месторождение, то есть недоступные взгляду подземные залежи полезных ископаемых, которые не обнаружишь обычными маршрутными отрядами. На поиски надо снаряжать специальную экспедицию, применять комплексные методы поисков и новейшие достижения науки, ведя исследования по много месяцев, иногда годы.

Однако сразу встают вопросы: куда эту экспедицию направить и что там искать? И тут поневоле приходится признать, что и сегодняшней геолог идет на разведку месторождения хотя и не вслепую, как в XIX веке, но все-таки не зная достаточно точно, ЧТО и ГДЕ искать, надеясь в большей мере на опыт и удачу.

— Сколько же мы можем терпеть такое! — сокрушался на всесоюзном совещании геологов академик Сатпаев. — Далеко продвинулась геологическая наука. У нас работают десятки первоклассных институтов и тысячи замечательных специалистов. И все же, что скрывать, мы по-прежнему работа-

ем на ощупь, почти вслепую. Чаще всего успех решает интуиция геолога, а не гарантированный прогноз науки. Не пора ли нам задуматься об этом?! Не пора ли вооружить наших геологов прогнозными картами будущих месторождений?!

Это не было дежурным призывом, брошенным ради красного словца на большом совещании. Подобное вообще не водилось за Канышем Имантайулы. Да и не он один говорил о разведке по прогнозам. Если проследить историю этой идеи, то мысль о возможности прогнозирования месторождений полезных ископаемых, в частности о применении для этой цели металлогенических обобщений, впервые в мировой науке была высказана академиком В.А. Обручевым. *«Изучение геологического строения и состава какой-либо страны, выясняя историю ее развития и современного состояния, позволяет нам судить о том, какие месторождения полезных ископаемых могут быть найдены в ее пределах»*, — писал Владимир Афанасьевич еще в 1932 году. В дальнейшем идею геологического прогнозирования развивали и другие светила советской геологии: академики А.Д. Архангельский, Д.И. Щербаков, С.С. Смирнов, член-корреспондент Ю.А. Билибин и другие. Как видим, мысль ученых-геологов постоянно работала в этом направлении. С каждым годом проблема все сильнее привлекала лучшие силы геологической науки.

Систематически и постоянно вопросами прогнозирования занимался коллектив ВСЕГЕИ, составляя прогнозные карты для нескольких регионов страны. Кстати, там эти исследования выполняла сильная группа специалистов. Именно эта группа впервые в Советском Союзе приступила к составлению обширной прогнозной карты Центрального Казахстана...

Ленинградские геологи в своей работе руководствовались теорией профессора Ю.А. Билибина о стадийности развития геосинклиналей и о месте в них рудных месторождений. В чем состоит суть геосинклинальной теории? Объяснить весь процесс возникновения геосинклиналей и в деталях проследить ход рудообразования в них — задача весьма сложная, к тому же неспециалистам нет особой необходимости в него очень вникать.

Вот как объясняет эту теорию доктор геолого-минералогических наук **Н.А. ФОГЕЛЬМАН**: *«...Ранний палеозой, 0,6 миллиарда лет назад. На месте Центрального Казахстана плещется неглубокое море. Лишь дугообразные цепочки островов, обращенные выпуклостью к се-*

веро-западу, возвышаются над водой... По еще неясным причинам время от времени вдоль краев континентов поднимаются эти цепочки, извергающие дым, пепел, лаву. Между ними и континентом — прогиб, море, быстро мелеющее, заполняющееся осадками и вулканическими породами, — собственно геосинклиналь. Заполнившись доверху, геосинклиналь вдруг распрямляется, породы сминаются в складки, бывший прогиб вздымается к облакам, прорезается долинами: образуется горная область. Давно нет больших гор в Центральном Казахстане, они выростали здесь не один раз, но каждый раз их почти полностью срезала эрозия. Зато обнаружили насытившиеся металлами глубинные слои.

Геосинклинальная теория — великое достижение науки, связанное с именами выдающихся ученых. Но, как это часто бывает, разрабатывая эту теорию, отдельные детали геосинклинального процесса, геологи увлеклись. Проявления месторождений тех или иных металлов стали привязывать только к определенным этапам развития геосинклиналей, закрывая глаза на частые несовпадения теории с практикой: металлов не оказывалось там, где они должны быть по схеме. И наоборот: там, где их не должно быть, «незаконно» появились месторождения металлов».

(журнал «Знание — сила». 1973. № 2)

Группа ВСЕГЕИ, опираясь на учение своего покойного руководителя, известного геолога, члена-корреспондента АН СССР Ю.А. Билибина, считала, что рудные скопления полиметаллов должны быть лишь в геосинклиналях, и свой прогноз основывала только на них. Казахстанцы хорошо знали о геосинклинальной теории и о работах, проводимых ленинградскими учеными. Но ведь существовали и другие теории, методические указания и рекомендации.

«Одни исследователи (А.Н. Заварицкий и др.) рекомендовали класть в основу прогнозирования геологическую карту данной территории и карту ее полезных ископаемых, другие (А.Д. Архангельский и др.) предлагали руководствоваться для этой цели главным образом палеогеографическими построениями и картами, третьи (Д.И. Щербатов и др.) — геологической картой с нанесенными на нее месторождениями, расчлененными на генетические типы, четвертые (Ю.А. Билибин и др.) — анализом изменений состава интрузивного магматизма в условиях историко-геологического развития мобильных геосинклинальных зон, пятые (Н.С. Шатский и др.) рекомендовали для целей прогнозирования «формационный» метод, не раскрывая, впрочем, достаточно ясно конкретного содержания этого метода...» — писал Каныш Имантайулы в своей монографии.

Итак, предложений было более чем достаточно. И каждое из них заключало в себе что-то верное и полезное для прогнозирования. Ни одно из этих методологических указаний,

взятое в отдельности, не могло помочь представить полную картину района. Наоборот, приняв одну из рекомендаций к руководству, составители карты невольно «загоняли» природу в условную схему. Казахстанские ученые понимали это. *«Следовательно, нужно было попытаться создать именно такие металлогенические прогнозные карты, которые, являясь объективным синтезом всех фактически накопленных знаний о геологии и металлогении Центрального Казахстана, могли бы с максимально возможной полнотой отображать действительное положение вещей в природе»*, — отмечал глава казахстанских металлогенистов.

Была и еще одна причина, почему группа Сатпаева не приняла теорию Билибина, не стала применять ее в своей практической работе по составлению прогнозных карт. Каныш Имантайулы, как мы знаем, был учеником академика М.А. Усова. А Михаил Антонович еще в тридцатых годах предостерегал своих воспитанников от «геосинклинального мистицизма»...

«Всю историю планеты представлял он себе в виде ритмов, пульсаций, волн различной частоты, — писала о Сатпаеве ученый-геолог Н.А. Фогельман. — Только самые крупные из этих волн управляют медленным геосинклинальным процессом. Рябь помельче накладывает на эту крупную зыбь более мелкие волны-этапы. Каждый из этих этапов начинался с некоторого расширения планеты. Огромные подвижные пояса земного шара пересекались целой сеткой трещин, разломов — и старых, и частично новых, и сквозных, через всю кору, и «тупиковых». Горячие, расплавленные, жидкие, летучие вещества глубин получали путь наверх. Эти проводящие пути были как бесчисленные колонны-реакторы некоего химического завода: на этом пути под действием силы тяжести и меняющейся температуры сплошной поток глубинных веществ разделялся на отдельные составные части-элементы, образуя разные новые месторождения полезных ископаемых, подновляя старые, всю кору в целом пропитывая «гранитной кашей» — расплавом пополам с водой. Так появлялся на свет гранитный слой земной коры, характерный только для континентов, формировались руды металлов, которые тоже связаны с континентами и их геосинклинальными или шельфовыми окраинами... После периода растяжения наступала фаза сжатия. Складки горных пород смыкались еще больше, месторождения частично перерождались, формировались окончательно».

У академика Сатпаева был собственный взгляд на процесс рудообразования и существо геосинклиналей, совершенно отличный от упомянутых «универсальных» схем и направлений. В основу своих металлогенических исследований он

брал всесторонний анализ реальных фактических данных о составе, строении, распределении и геологических условиях залегания в недрах рудных месторождений, и, говоря языком геологии, разработал «комплексный метод формационного металлогенического анализа и прогноза месторождений». Все значительные месторождения, рудные поля, согласно сатпаевской концепции, возникали не сразу и не вдруг, а в «непрерывно-прерывистом» процессе, постадийно, в несколько фаз. В рудообразовании участвовали не только химическая среда, но и физические силы, особенно в последующем развитии. Следовательно, месторождения полезных ископаемых одновременно могут быть найдены и в геосинклинальных зонах, и в разломных структурах.

Таков был главный вывод сатпаевского учения о прогнозировании. Фактически родилась новая теория в металлогении. Через годы признанные авторитеты геологической науки назовут К.И. Сатпаева одним из основоположников металлогении, главой казахстанской школы. Но все это еще впереди. Речь же идет пока о событиях 1952 года.

Обосновывая первые принципы своей теории, Сатпаев по интуиции, не зная еще, прав он или ошибается, прогнозировал будущие месторождения Центрального Казахстана не только в геосинклиналях, но и в геотектонических разломах, на которых до той поры вообще ставили крест как на бесперспективных. Составленная по его принципам карта показывала руду в таких местах, где ей вовсе не полагалось быть. Каковы же окажутся практические результаты, должно было показать будущее...

Центральный Казахстан является в геологическом отношении районом весьма древней структуры. Территориально он охватывает обширные области республики. Архаичные структуры северных дуг Тянь-Шаня, изгибаясь на северо-запад, образуют структуру Пракаратая, дальше они простираются на север до излучины реки Есиль, отсюда начинается структура Праулутау. В середине региона находятся горы Кокчетавы, Баянаула, Каркаралинские, а на востоке — Чингис-Тарбагатайские. Северо-восточные границы окаймлены Прииртышской впадиной.

Понятно, что в геологическом отношении этот район представляет огромный научный интерес. Во-первых, обширное однородное пространство для такого важного эксперимента. Во-вторых, и в практическом смысле игра стоила свеч — здесь сосредоточены значительные запасы разнообразных полезных ископаемых. В-третьих, это был наиболее изученный район казахской степи, следовательно, лучше других оснащенный разнообразной геологической документацией.

Вот одна причина того, почему два главных геологических института страны одновременно выбрали Центральный Казахстан первым объектом для составления прогнозной карты. Они шли к решению задачи разными путями, хотя конечная цель была одна для всех...

Над осуществлением этой задачи в Казахстане трудились более двух тысяч специалистов — ученые, геологи, техники... Они служили в различных трестах и ведомствах, жили в разных городах и поселках республики. Им предстояло выполнить программу, которая, по существу, не имела прецедентов в мировой геологической науке. Кроме узкого круга ученых из научного института, никто из исполнителей не имел полного представления о предстоящей работе. Поэтому главный штаб, а официально он назывался «Межведомственным главным редакционным советом по составлению комплексных прогнозных металлогенических карт Центрального Казахстана», начал свою работу с составления методологических указаний, различных инструкций и пояснительных записок к ним. А многие вопросы, которые требовали совместного обсуждения, решались на расширенных заседаниях ученого совета института.

Каныш Имантайулы, истосковавшийся по любимой работе, задавал своим коллегам такой темп, предъявлял такие требования, что удивлялись даже люди, знавшие его много лет. Сколько энергии, практицизма и организаторского таланта проявил он! Ученый не знал покоя, и это упорство лидера передавалось его коллегам — участникам работ... Без конца шли телефонные разговоры, уезжали в командировки специалисты института, приезжали геологи с мест.

Из воспоминаний техника-геолога Жезказганской ГРЭ Федора ПАСТУХОВА:

«Летом 1953 года в Жезказган приехал Каныш Имантаевич Сатпаев... Он пригласил меня в кабинет Штифанова и стал говорить: «Я готовлюсь к далеким и длительным поездкам. Первый маршрут будет на север в сторону Атбасара и дальше. Второй — на юг, в пески Каракумов. На это потребуется около двух месяцев. Хочу, чтобы ты поехал вместе со мной. Как ты на это смотришь?» Я сказал, что с Вами поеду куда угодно и на сколько угодно месяцев! Через день в путь была подготовлена крытая брезентом грузовая автомашина. В низ кузова положили десяток хороших досок, на всякий случай, если где

придется застрячь. Взяли палатку, теплую постель, сетку, ружья, необходимые продукты, достаточный запас горючего.

Основная цель этой поездки заключалась, как объяснял Каныш Имантаевич, в поиске и исследовании горно-разведочных выработок, которые кем-то и когда-то были произведены. У нас была обзорная карта, на которую были нанесены названия населенных пунктов, а также приблизительное местонахождение заброшенных шурфов и карьеров.

В районный центр Улутау мы приехали к вечеру. По-видимому, там о приезде Каныша Имантаевича знали и ему был оказан теплый прием. На месте остановки нашей машины было много людей. Канышу Имантаевичу был преподнесен букет цветов. Затем нас пригласили в довольно просторную комнату, где мы пили чай, а затем подали бешбармак*... Утром выехали довольно рано. Каныш Имантаевич, видимо, плохо выспался. Сидя в машине, он больше молчал и дремал. От Улутау проехали километров восемьдесят. Встречный, ехавший на верблюде, указал нам проселочную дорогу, которая привела нас к старым выработкам...

Закусили, попили чаю и принялись за дело. Мне было поручено прозвести глазомерную съемку площадки. Шофер Володя лопатой очищал стенки выработок, а Каныш Имантаевич с молотком в руках осматривал образцы породы, некоторые отбирал в ящик. Время подходило к вечеру. Каныш Имантаевич распорядился, чтобы ставили палатку и устраивались на ночлег.

Утром принялись за привычное дело... Исследования этих выработок мы закончили близко к вечеру. Ехать дальше по незнакомым дорогам не решились. Направились на отдых к речке. Река небольшая, густо заросшая кустарником и камышом, но кое-где светлели плесы. Каныш Имантаевич пошел купаться, а мы с Володей, тоже искупавшись, поставили три сети. Попались в них десятка два мелких карасей.

...Рано утром мы с Канышем Имантаевичем неподалеку услышали выстрелы. Сначала не поняли, кто это может стрелять. Когда посмотрели, Володи нет. Вскоре он, однако, объявился, как нельзя больше довольный, с двумя кряквами в руках. В тот день мы проехали не более двадцати километров... Выработки были недалеко, нашли несколько шурфов. При обследовании их ничего неожиданного не встретилось.

Через несколько десятков километров у скалистых горных выступов мы поставили палатку. Тут Каныш Имантаевич намеревался задержаться надолго. За ужином я спросил Каныша Имантаевича: что, наверное, отвыкли от полевой работы?.. Он ответил, что отвыкнуть от того, к чему так сильно тянешься душой, невозможно. В Алма-Ате... чувствуешь себя постоянно напряженно, там приходится решать немало сложных вопросов. А здесь — одно удовольствие: простор степи и манящие тайны гор, которые нам предстоит разгадать. Здесь чувствуешь себя увереннее и бодрее. Вот видите, я с вами уже

* Мясо по-казахски.

много дней в пути. И ни разу у меня не повысилось давление, а в Алма-Ате не так, постоянные головные боли...

Штифанов нас предупредил, чтобы мы не очень-то любопытствовали насчет его освобождения от президентской должности. Пришлось подчиниться, хотя я постоянно думал, за что же такого большого ученого и государственного человека обидели...

На третий день после отъезда из Атбасара мы прибыли в довольно крупную полевую геолого-разведочную экспедицию. Там работали люди разных национальностей. Было много юношей и девушек. Встретили они Каныша Имантаевича необыкновенно радушно, радостно. У них был свой самолет. Два дня подряд Каныш Имантаевич облетал на самолете местность. Пилот оказался простым, внимательным человеком. Во время полета он показывал по карте, где они находятся, и спрашивал, куда нужно следовать. Над разведочными канавами низко кружил, если было надо, шел на посадку...

В Жезказган приехали поздно вечером, — завершает Федор Пастухов первую часть своего дневника. — ...На следующий день Каныш Имантаевич сказал, что нам надо поскорее составить схему расположения всех обследованных горных выработок согласно произведенным съемкам... и готовиться к следующей поездке на юг. Ехать придется по сыпучим пескам, так называемым барханам, поэтому технику следует готовить основательно... Через трое суток, во второй половине дня мы выехали в южном направлении».

Здесь мы пропустим десяток страниц достаточно подробного рассказа очевидца и спутника Каныша Имантайулы в этой довольно продолжительной поездке, хотя они очень интересны, приведем в сокращенном виде лишь два эпизода, раскрывающих пытлившую натуру и неукротимый дух геолога-первопроходца.

«За целый день мы проехали не более пятидесяти верст. Часто приходилось выручать машину, застрявшую в песках. В некоторых местах под колеса стелили взятые с собой доски, и по ним проходила машина. Работали втроем. Мы, молодые, видели, что Канышу Имантаевичу было тяжело, он очень уставал. Но он не подавал виду, все время вместе с нами перетаскивая толстые и тяжелые доски, подбадривал нас... В минуты передышек мы с Канышем Имантаевичем прогуливались среди зарослей саксаула. Он при этом обращал мое внимание на такую закономерность: где нет природных богатств на поверхности земли, там они обычно кроются глубоко в недрах. О них мы еще очень мало знаем, но в будущем здесь предстоят большие геолого-разведочные работы...

...Однажды Каныш Имантаевич возвратился из очередного обхода окрестностей очень поздно, но довольный. Открыв свой дорожный мешок, он показал мне некоторые образцы: «Это урановая руда, с высоким содержанием редкого радиоактивного элемента». ...На этом участке мы работали двое суток. Я занимался съемкой местности, а Ка-

ныш Имантаевич с Володей Паниным раскапывали старые заброшенные выработки. Каныш Имантаевич отобрал много образцов и сделал подробные записи в своем полевом блокноте... Тогда же он поделился со мной своими мыслями, как бы заглянув на много лет вперед: "Если здесь, под толщей песков обнаружится крупное месторождение урановой руды, той, что мы нашли в канавах, тогда эти пустынные земли так же оживятся, как и наш Жезказган, потому что уран — источник невиданной доселе мощной энергии, использование ее в мирных целях преобразит эти места..."»

Благодаря умелому руководству директора института и хорошо организованному взаимодействию привлеченных специалистов уже к концу первого года работы удалось собрать весь необходимый материал. Это были данные шлиховых, металлогенических, поисково-геофизических исследований, выполненных в разные годы в Центральном Казахстане. Крупномасштабные геологические карты, отчеты и пояснительные материалы к ним. Обобщенные результаты всех видов геофизических наблюдений и съемок. Сведения о гидрохимии, природе и динамике подземных вод региона. Наконец, была собрана информация о всех известных к тому времени проявлениях полезных ископаемых, будь то крупное месторождение или просто небольшие поверхностные признаки их. Группа исследователей, выполнявшая эту часть работы, добралась даже до секретного архива Министерства внутренних дел республики. Исследователи нашли там около 600 дореволюционных заявок на разработку полезных ископаемых на территории Центрального Казахстана. А всего составители карты имели на руках более пяти тысяч таких заявок. Каждая из них была научно обработана, записана в специальные кадастры.

Весь этот громадный материал поступил в распоряжение главного редакционного совета. Теперь предстояло освоить его — анализировать, обобщать, отсеивать... К началу следующего, 1953 года, казахстанские металлогенисты успешно справились с этой задачей и приступили к завершающему этапу — составлению рабочих макетов прогнозной карты.

За основу решено было взять уже созданную к тому времени в институте геолого-структурную карту Центрального Казахстана, которая отражала геологическую историю региона от докембрия до сегодняшних дней. Карта зафиксировала шесть отдельных этапов развития на этом отрезке времени. Каныш Имантайулы, основываясь на своей концепции о стадильности развития региона, идет дальше авторов структурной карты. Он решает детально проанализировать каж-

дый из этих шести геолого-тектонических этапов, ибо, по его теории, на одном или нескольких из них могло иметь место развитие рудовмещающих комплексов.

Когда работа подойдет к концу, в пояснительной записке к уже готовой прогнозной карте Центрального Казахстана появятся следующие уверенные рекомендации: *«Допалеозойская эпоха не оставила в недрах Центрального Казахстана ни одного промышленно ценного медного месторождения... В эту эпоху созданы крупные осадочно-метаморфические концентрации железа, редкие и мелкие месторождения золота...»* Или такая решительная запись: *«Не рекомендуются дальнейшие затраты на изучение и разведку осадочных формаций цветных металлов в среднем и верхнем палеозое Центрального Казахстана»*. Не обязательно быть геологом, чтобы по достоинству оценить, скажем, вот эту фразу: *«На ранне- и поздневарисскую металлогенические эпохи падает до 91 процента всех учтенных общих запасов меди...»* Таким образом, геологу-поисковику давался четкий и конкретный ориентир, на каком именно этапе тектонического развития данного региона искать тот или иной металл.

Работа по составлению рабочих макетов состояла из нескольких этапов. После тщательного анализа обобщенный материал заносился в определенные листы, разделы. Одновременно составлялись единые кадастры по всем известным проявлениям металлов и других полезных ископаемых в данном регионе. Подготавливались пояснительные записки, расчерчивались уже готовые листы...

Вся эта черновая работа шла весь 1953 год, а уже в январе следующего года казахстанские металлогенисты имели готовую карту. За сравнительно короткий срок — всего за два года — была выполнена огромная работа. Вот некоторые данные, характеризующие масштаб исследований института по этой теме. Сама прогнозная карта Центрального Казахстана состояла из 280 геологических и геолого-металлогенических отдельных листов. По каждому из них составлены пояснительные записки. Их объем 36 томов. Каждый лист и записка к нему заключали в себе следующие вопросы: название и координаты месторождения, если они умещались в данном листе; данные о полезных компонентах в руде; генетический тип месторождения; степень его изученности и современная оценка запасов; литературные источники приоритетного и основного значения. И еще много таких сведений, которые помогли бы геологу быстро разобраться в карте.

Закончив рабочий макет, ученые не торопились отдать его производственникам. С января до лета они занимались ревизией карты — корректировкой, доводкой отдельных листов. Понимая научную и практическую значимость этого первого опыта, коллектив института не только не боялся критики со стороны коллег, но, наоборот, считал любые предварительные обсуждения полезными для дела.

В продолжение двух лет по инициативе Сатпаева ученые-геологи дважды собирались в Алматы на научные конференции. В них участвовали лучшие силы республики, представители геологических учреждений Москвы и других научных центров страны. Были и противники, и сторонники новой концепции академика Сатпаева в металлогенической науке. На конференциях происходил широкий творческий обмен мнениями, слышалась и жесткая критика. Разумеется, ценные мысли и предложения учитывались, однако в главном вопросе — о принципах прогноза — Каныш Имантайулы непреклонно отстаивал свою позицию.

Последняя из двух конференций состоялась в июле 1954 года. Обсудив уже готовую прогнозную карту, она рекомендовала проверку ее в производственных условиях.

III

К этому времени и ленинградские металлогенисты завершили свою работу. Была создана вторая «Прогнозная металлогеническая карта Центрального Казахстана».

У разведчиков геологических экспедиций Центрального Казахстана теперь имелись две карты. Обе созданы авторитетными коллективами, имеющими на своем счету большие научные заслуги. Под каждой из них стояли подписи знаменитых ученых, известнейших геологов. Обе утверждены на представительных совещаниях и рекомендованы для практического использования. Так что выбирай из них ту, которая тебе по душе, и работай.

Но одно немаловажное обстоятельство приводило геологов в замешательство: по логике вещей эти карты должны были показать одинаковые прогнозы, ведь рудопроявления нарочно не придумаете, но они давали совершенно разные сведения, порой противоречащие друг другу. Словом, если ориентироваться на эти прогнозы, одно и то же предсказанное месторождение пришлось бы искать в разных местах. Разумеется, геолога, непосредственно занятого поисками

ми рудных залежей, подобные рекомендации могли только запутать. Ему нужен точный прогноз. Какой карте верить? Какая из них надежная помощница разведчика недр?..

На научных конференциях, состоявшихся в Алматы и в Ленинграде, а затем на специально посвященной проблемам металлогенической науки московской конференции 1956 года ученые много говорили о преимуществах и недостатках итоговых работ ВСЕГЕИ и казахстанского ИГН. Каждая сторона настаивала на своей правоте, и у каждой школы нашлось много сторонников... В итоге обе карты были рекомендованы к испытанию на самой территории Центрального Казахстана. Спорящим сторонам оставалось согласиться и терпеливо ждать.

Работу казахстанских металлогенистов отличал ряд практически выгодных моментов. Например, на их карте были выделены и оконтурены по степени перспективности три категории площадей: **явно промышленные**, требующие производства первоочередных геолого-поисковых работ; площади с **благоприятными геологическими признаками**, требующие планомерных исследований; и, наконец, площади **со слабыми и неясными рудными признаками**, требующие пока планомерной геологической съемки.

И вот геологи — люди, отличающиеся чисто практическим подходом к делу, без долгих раздумий взяли на прицел первую категорию — площади явно промышленные. В первый же год разведки поисковики обнаружили новые месторождения. Они нашли более сорока крупных металлоносных массивов гранитоидов. Этот факт имел в дальнейшем огромное теоретическое и практическое значение... Карта, созданная в стенах Института геологических наук АН КазССР, отличалась и конкретной детализацией прогнозов. Она определенно говорила, в каком районе, в слое какой эпохи развития структуры искать тот или иной металл. Указывались промышленные оруднения железа и марганца, меди и свинца, молибдена, вольфрама, олова.

Итак, сатпаевская карта точно и подробно отвечала на жизненно важные, вечные вопросы геологов: **ЧТО и ГДЕ** надо искать? *«Нетрудно видеть, — писал Каныш Имантайулы, — что комплексность, полнота в сборе всех первичных наблюдений и фактов, конкретность в их анализе, объективность в обобщениях и, наконец, коллективность в творчестве — вот методологические принципы нашей работы... Метод этот вкратце можно определить как метод комплексной структурно-региональной металлогении».*

Окончательные итоги этого долгого научного спора были подведены в Алматы в декабре 1958 года. На первое Всесоюзное совещание металлогенистов собрались более 800 специалистов из 120 научных и производственных коллективов. В обсуждениях приняли участие все главные руководители геологической службы страны и геолого-географического отделения АН СССР. Прибыли гости из-за рубежа. На рассмотрение ученым было предложено около двадцати прогнозных металлогенических карт, составленных многими коллективами для различных районов страны. Казахские геологи, помимо апробированной карты, представили на обсуждение семь докладов (два из них принадлежали академику К.И. Сатпаеву). Коллектив ВСЕГЕИ выступил на совещании с четырьмя докладами. Форум геологов страны длился целых пять дней.

Сам факт проведения такого представительного совещания в столице Казахстана говорил о главенствующей роли сатпаевской школы геологов в решении проблем металлогении. Как и ожидалось, участники совещания обсуждали в основном результаты деятельности алматинских и ленинградских ученых. Обе работы по своему масштабу и значимости представляли наибольший практический интерес. Первое объединенное совещание по металлогеническим и прогнозным картам, отмечая отставание отдельных исследователей от практических задач поисковых работ, в своем решении отметило, что *«...возникает опасность чрезмерной унификации представлений об общих закономерностях размещения месторождений полезных ископаемых, а также опасность излишней схематизации таких представлений»*. В выступлениях, которые были солидарны с идеями казахстанской школы геологов, звучала еще одна ценная и немаловажная для Сатпаева мысль...

Четче, чем другие, ее сформулировал председатель геолого-географического отделения АН СССР академик Д.И. ЩЕРБАКОВ. *«Хотелось здесь остановиться еще на одной особенности развития геологической науки, — говорил академик. — В поездках по Союзу мне в последние годы приходилось не однажды замечать перемещение передовой научной мысли из центра в самые отдаленные края... Особенно за последние десять лет сильно вырос уровень научных и практических учреждений на местах... Нам следует учесть эти обстоятельства, иначе не долго ошибиться. Прошли времена, когда можно было ехать из центра в командировку и выдавать простые азбучные истины за новость... Пора нашим центральным научно-исследовательским институтам сделать соответствующие выводы из этой приятной правды жизни...»*

В том же 1958 году группе геологов во главе с К.И. Сатпаевым была присуждена Ленинская премия за металлогеническую прогнозную карту Центрального Казахстана. В сущности, прогнозная карта стала венцом, итогом долгой работы, начатой Сатпаевым за 30 лет до этого в окрестностях Жезказгана. Главенствующая роль Каныша Имантайулы в этом деле была бесспорной.

* * *

Институт геологических наук после первого большого успеха продолжал разработку металлогенических проблем и на материале других районов республики. В 1958 году начались исследования по теме «Геология и металлогения Успенской тектонической зоны», а еще раньше работы по составлению металлогенических прогнозных карт Восточного Казахстана. Руководителем исследований по обеим темам был утвержден академик Сатпаев.

Для многих это были обыкновенные плановые научные работы, тем более что успешный опыт составления таких карт уже имелся. Но сам Каныш Имантайулы понимал эти темы куда глубже. По его убеждению, составление прогнозных карт было лишь первым этапом исследований. Он считал, что в будущем предстоит заниматься крупномасштабными прогнозными картами — классифицируя их по месторождениям полезных ископаемых, вести углубленные металлогенические исследования. В конце концов, по мнению Сатпаева, это должно было привести к познанию закономерностей рудоотложения в земной коре. А потом уже можно было бы замахнуться и на общую теорию рудообразования. Ученый полагал, что для этого потребуется десять—пятнадцать лет.

Но увы, судьба не дала ученому завершить задуманное. Еще в 1957 году академик Сатпаев был введен в состав Международной комиссии по составлению металлогенической карты Земли. Тезисы доклада по этим проблемам для Делийского мирового конгресса геологов, а также план лекций для Принстонского и Кембриджского университетов остались незавершенными на его рабочем столе.

Между прочим, имя академика К.И. Сатпаева, благодаря выдающемуся успеху в развитии металлогенической науки, хорошо знали не только в Советском Союзе, но и за рубежом.

Вот красноречивый эпизод, приведенный в воспоминаниях управляющего делами АН КазССР Г.В. НЕЧИТАЙЛО:

«В один из своих приездов в Алматы Никита Сергеевич Хрущев пригласил К.И. Сатпаева и рассказал ему о том, что в прошлом году (очевидно, это было во время поездки руководителей Советского Союза в Англию в 1957 г. — М.С.) он и Николай Александрович Булганин были у премьер-министра Великобритании Энтони Идена, и там зашел разговор о национальных кадрах. Премьер горевал, что в Великобритании нет заметных личностей среди националов, а вот в Советском Союзе есть деятели мировой величины, и Иден назвал Каныша Сатпаева. “А вот мы с Н.А. Булганиным, — говорил Хрущев Сатпаеву, — ничего о вас не знали, и когда Иден спросил нас, где и кем вы работаете, мы с Булганиным стали бекать и мекать и разговор о вас замяли. ...А вот теперь, — добавил Хрущев простодушно, — я пригласил вас, чтобы познакомиться, пожелать вам здоровья и успехов в работе”».

Из воспоминаний доцента Китайского геологического университета **Чжоу ЧАОФАНЬ:**

«Осенью 1957 года Каныш Имантаевич Сатпаев принимал участие в работе 1-й геологической конференции Китая, проходившей в Пекине. Он сделал доклад о геологическом картировании в Казахстане, что вызвало жгучий интерес китайских специалистов. В Китае в то время была издана лишь одна геологическая карта масштаба 1:3 000 000. После конференции Министерство геологии Китая стало усиленно консультироваться с поисковиками Советского Союза, особенно Казахстана, о методике проведения широкомасштабных работ по разведке полезных ископаемых на всей территории Китая.

Я была личной переводчицей Сатпаева и не могла не восхищаться им. В быту он был непривередлив, в общении — скромнен, не высокомерен, мягок и тактичен. Я бесконечно задавала ему вопросы, а он терпеливо отвечал на них, интересуясь при этом моей работой, учебой, условиями жизни. По традиции молодые люди в Китае помогают старшим по возрасту носить их вещи. Я тоже предложила Сатпаеву нести его чемодан. Он был категорически против. В Казахстане, сказал он, не принято, чтобы женщины носили тяжелые вещи. Его человечность, высокий ум и обаяние произвели на меня неизгладимое впечатление на всю жизнь...»

(«Наука Казахстана». 1999. 16–31 марта)

Благодаря научным трудам академика К.И. Сатпаева Казахстан стал подлинной родиной металлогенической науки.

НОВЫЕ ВЫСОТЫ

I

С тех пор как Каныш Имантайулы вновь был избран президентом Академии наук республики, забот у него прибавилось. Снова, как и прежде, много времени уходило на много-

численные заседания, на решение неотложных текущих дел. Научный центр Казахстана стал теперь широко разветвленным, многоотраслевым коллективом. Одних исследовательских институтов было около тридцати. В них трудились более десяти тысяч сотрудников, которые разрабатывали множество проблем различных отраслей науки. Президенту необходимо быть в курсе всех этих разработок или знать хотя бы основные из них. Ведь в их числе есть и такие, которые нельзя решить без его личного вмешательства. Да и сам Каныш Имантайулы, понимая важность того или иного исследования, постоянно справлялся о его ходе. То вызовет к себе научного работника, то неожиданно сам появится в лаборатории. Его интересует все, вплоть до самочувствия исследователя. И всегда окажет необходимую помощь.

Тем не менее Сатпаев выбирал часы для самозабвенных занятий геологией. Он хорошо знал, над чем работает в данный момент любой сотрудник руководимого им Института геологических наук. С самого начала директорства в институте у него сложилось правило: один раз в году совершать обход всех лабораторий для беседы с каждым из работников. Для академика было истинным удовольствием поговорить и с геологами, которые приезжали к нему из экспедиций. Когда Сатпаев по какой-то причине был сильно расстроен, он всегда шел в институт. Побудет в родных стенах часок-другой и, приметно для всех, успокоится.

Вот еще одна «слабость» ученого: не выпуская из поля зрения свое детище — Жезказган, он постоянно был в курсе всех вопросов, не только связанных с планами разведки, с ее масштабами и результатами по каждому рудному участку, но и с направлением новых поисковых работ в его окрестностях. Почти ежегодно ученый выезжал в Жезказган, охотно оказывал практическую помощь. Когда же съездить никак не удавалось, академик очень скучал по нему. Если становилось совсем невмоготу, Каныш Имантайулы спускался в минералогический музей и подолгу стоял там у витрины с жезказганскими минералами. Успокоившись, он возвращался в свой кабинет и говорил: *«Посмотришь на образцы руд и в себя придешь — освежает это после всяких административных дел. Как будто сам побывал в Жезказгане!..»*

После нашумевших дискуссий по прогнозным картам школа казахстанских металлогенистов, основанная и руководимая Канышем Имантайулы, завоевала авторитет и симпатии научной общественности страны. Алматы превратилась в своеобразную Мекку геологов — со всех концов стра-

ны сюда приезжали специалисты, чтобы ознакомиться с методикой составления прогнозных карт. С той же целью прибывали ученые из Чехословакии, Польши, Болгарии, КНР, Индии, Албании.

Глава школы и его коллеги получили немало приглашений посетить дружественные институты или выступить с докладами на различных конференциях, посвященных проблемам металлогенической науки. Сатпаева избрали заместителем председателя бюро Национального комитета геологов Советского Союза, он стал членом редколлегии журнала «Советская геология».

Но слава и известность мало волновали всегда скромного Каныша Имантайулы — ему ли не знать, как все это преходяще. Зато он хорошо понимал, что главное в жизни — труд, честный, кропотливый труд на благо Родины. Академик по-прежнему совершал частые геологические поездки по родной степи.

II

В феврале 1956 года состоялся XX съезд КПСС. Он стал знаменательной вехой в жизни Каныша Имантайулы: академик представлял на партийном форуме многотысячный отряд казахстанских ученых. Следует заметить, что избрание делегатом на всесоюзный партийный съезд само по себе в то время являлось проявлением особого доверия и почета; разумеется, ученый прекрасно это понимал и ценил... Конечно, необычный по своему духу и содержанию, в корне отличавшийся от предыдущих форумов, партийный съезд оставил глубокие впечатления в душе ученого. В дальнейшем это отразилось на его взглядах и научных делах, сыграло огромную роль в осознании и в переоценке всего пережитого в прошлом...

Рассказывает доктор медицинских наук, профессор Ханияс Канышкызы САТПАЕВА:

«В начале февраля 1956 года мы вчетвером в одном купе, поезде отправились в Москву: папа, Таисия Алексеевна, я и муж моей сестры — Меизки; отцу как делегату XX съезда партии предоставили двухкомнатный люкс в гостинице "Москва", а для меня по просьбе папы в передней комнате поставили дополнительную кровать; таким образом, по воле случая я оказалась очевидцем, как говорили тогда, исторических событий в жизни страны...»

Однажды, помню, это случилось в последние дни работы съезда, папа пришел с заседания съезда чем-то сильно потрясенный... Я замерила

давление, оно было очень высокое, пришлось дать лекарство. Он прошел в спальню, полегал в кровати, стал читать какие-то брошюры, но успокоиться все равно не мог. Обеспокоенная Таисия Алексеевна вызвала врача, благо, "скорая помощь" постоянно дежурила у гостиницы. Осмотрев больного, доктор велела сопровождавшей сестричке сделать укол. Мы с ней, как коллеги, разговорились, и она с досадой поделилась со мной: "Сегодня нам нет ни минуты покоя, что-то ужасное случилось там у них на съезде, почти у всех делегатов поднялось давление, некоторых пришлось отправить в больницу..."

Это заметно было по переживанию папы. Но мы дома привыкли не спрашивать друг у друга о служебных делах, потому с зятем молча наблюдали его необычное волнение. А он угрюмо молчал, только вздыхал, временами покачивал головой. Ужинали поздно, в номере. Папа, попил лишь чаю, снова ушел в спальню. Нас, конечно, любопытство съедало. Поняли, что от него ничего не услышим, иногда он делился с нами впечатлениями о съезде, а сегодня отца словно подменили... Пришлось оставить старших наедине. Молча выкатились в коридор. Побродили вокруг гостиницы. Между прочим, в тот вечер прежде шумная гостиница будто бы погрузилась в глубокий сон, даже в коридорах и просторных фойе была какая-то угнетающая тишина. Не было вечно бегających туда-сюда людей, создавалось впечатление, что они куда-то уехали или рано легли спать.

Причину странного поведения отца и беспокойства других делегатов я узнала на следующий день, в том учреждении, куда я ходила по своим делам. Оказывается, вчера у них состоялось закрытое заседание съезда, где Н.С. Хрущев выступил с разоблачением "культы личности И. Сталина".

Отец наш, надо признать очевидное без поправок на сегодняшнюю психологию людей, был верным приверженцем коммунистической идеологии и считал, что советская власть и компартия сделали много хорошего, доброго для расцвета ранее угнетенного казахского народа. Разве это не так? Как и все, он видел в этом заслугу вождей партии. А некоторых из них, скажем, тех же Орджоникидзе, Кагановича, Косыгина, Хрущева, Брежнева и еще многих других он знал лично, и они также его знали, ценили как большого ученого и новатора производства, науки. Несмотря на то, что в годы повальных репрессий он потерял троих братьев, да и сам немало пострадал, наивно считал, что в случившейся трагедии виноваты не вожди, а злые люди, вроде Ежова, Берии, казахстанского Фитина и тому подобных. Кстати, не только он один, но и многие старшие его современники долгие годы считали так. Наверное, потому отец иной раз нам, в узком семейном кругу говорил, что "у Сталина добрых дел больше, чем злых..." Однако со временем его консервативные взгляды претерпели изменения. Позднее папа развяснял нам, детям своим: "Как можно было верить тому, что в одном лишь Казахстане завелось до ста тысяч иностранных шпионов? Мои братья Абиkey-ага, Бокеш или Абдикарим Сатпаевы не только людей, ближних, но и муху не могли обидеть со своей добротой. Их уничтожили свои же, рядом работающие завистливые люди... Но, однако, если хорошенько поду-

мать, мог же тот же гениальный Сталин раскусить своих ближайших помощников и уличить во лжи и недобрых намерениях? Где была его гениальная прозорливость?.. Нет, все-таки был у него замысел: уничтожить своих соратников, расчистить от соперников путь к неограниченной власти, находясь на вершине ее, держать многомиллионный народ в покорности и страхе, подвергая десятки, сотни тысяч инакомыслящих репрессиям. Да, все это правда, горькая и страшная, — говорил он в минуты откровения. — Теперь-то понятно, почему за меня не заступились в Центральном Комитете ВКП(б) в тот злополучный год. Какие-то второстепенные люди, инструктора ЦК, вроде Шикина, Митрейкина создавали ажиотаж вокруг национального вопроса, поддерживая доносчиков и жалобщиков, упорно и систематически раздувая угрозу капиталистического окружения и в связи с этим появление якобы социально чуждых элементов среди нас. По сути, это была “теория” И. Сталина, придуманная им и выгодная лишь ему. И потому и президент Союзной Академии наук А.Н. Несмеянов, и даже всесильный его заместитель И.Ф. Тевосян не смогли заступиться за меня, лишь заботливо оберегая от опрометчивых действий. Что теперь горевать, оплакивать беспричинно погибших? Время было такое. А сейчас оно другое... Вот сидим в кругу семьи, спокойно обсуждаем политику, критикуем действия наших руководителей, если что-то не нравится, и, главное — никого не боимся. А ведь это счастье! Счастье выпало вам, молодым, жить и творить, никого не боясь, ни на кого не оглядываясь! Хорошо бы так было всегда!..»

Впечатления от съезда, выводы на будущее четко отразились в докладе президента, с которым он выступил на собрании работников научно-исследовательских учреждений и вузов Алматы. Страна приступила к осуществлению шестого пятилетнего плана, и Казахстану, этой богатейшей кладовой подземных богатств, предстояло играть в будущем все возрастающую роль. К тому же на целинных землях республики уже третий год шла великая преобразовательная работа: к этому времени было освоено 18 миллионов гектаров новых земель, а валовой сбор зерна намечено было увеличить ни много ни мало в пять раз!

«Осуществление громадных задач, поставленных перед Казахской республикой в шестом пятилетии, требует интенсивного развития науки... Учеными республики в творческом содружестве с работниками производства должен быть выполнен обширный объем научных исследований по изучению природных ресурсов республики и разработке эффективных методов их использования», — говорил академик Сатпас в своем докладе. Далее он конкретизировал планы работ по наиболее важным отраслям науки. Ученый разделил территорию республики на одиннадцать региональных комплексов, выделив их по

признаку технико-экономических направлений. Соответственно предложенному делению перед отраслевыми институтами ставились задачи комплексного исследования регионов. Для координации и контроля за выполнением этих крупных научных задач был создан единый научно-организационный центр — Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Академии наук Казахской ССР.

И на этот раз глава казахстанской науки остался верен себе: он не увлекался отдаленными туманными перспективами, предпочитая заботу о реальных нуждах. Из общих задач и планов он выделяет самые главные, самые существенные. В энергетике — это освоение ресурсов Иртыша (строительство Бухтарминской и Шульбинской ГЭС), нефтяных залежей Урало-Эмбинского района, дальнейшее развитие добычи угля в Карагандинском бассейне, Экибастузе и Тургайской впадине. В промышленности — строительство Соколово-Сарбайского горно-обогатительного комбината и металлургического завода в Темиртау, производство местных удобрений на основе громадных залежей каратауских фосфоритов...

В те дни у президента Казахской академии и его коллег была еще одна забота. Нужно было найти плодородные земли и определить, какие из них пригодны под зерновые, какие под пастбища. Для изучения и оценки земель Академия наук КазССР создала и отправила в степи 69 комплексных экспедиций: почвоведы академии в сравнительно короткий срок составили почвенные карты территории всех областей Казахстана; это способствовало правильному размещению вновь организуемых целинных совхозов; микробиологи проводили исследования по распространению азотобактера в почвах северных и центральных областей; один за другим в бескрайние степи отправлялись отряды поисковиков — гидротехники, биологи, ботаники, зоологи...

В 1957 году Сатпаев был награжден третьим орденом Ленина за мобилизацию АН Казахстана на освоение целинных земель.

На следующем, XXI съезде КПСС глава казахстанских ученых принял участие в прениях по отчетному докладу. Текст его речи опубликован в «Правде». *«Три основные магистральные железнодорожные линии, имеющиеся в Казахстане, совершенно не связаны между собой в средней, наиболее промышленной части республики. Это приводит к нерациональным и дальним перевозкам, — говорил Сатпаев. — Необходимо построить железнодорожную линию Жезказган—Аральское море, которая даст кратчайший выход продукции из Жезказгана, Темиртау и Караганды и позволит освоить Кияктинское месторождение углей и крупный Приуральский железорудный бассейн.*

Требуется также построить линию Караганда—Актогай через Каркаралинск, где находятся крупные минеральные богатства центрального промышленного района республики...»

Между тем жизнь выдвигала перед президентом новые задачи. Одной из проблем, которую ему удалось удачно решить, было строительство вблизи Алматы Института ядерной физики. В один из приездов в Москву Каныш Имантаевич вынужден был обратиться за поддержкой к первому заместителю председателя Совета Министров СССР, председателю Госплана СССР.

А.Н. Косыгин очень высоко ценил созидательную деятельность казахского ученого и знал его с военных лет. Наверное, потому Каныш Имантайулы, когда не было другого выхода, прямо обращался к председателю планового ведомства, у кого в руках были сосредоточены все государственные ресурсы. И однажды, было это в те годы опалы, когда его не только нигде не принимали по служебным вопросам, но и даже не приглашали на официальные торжества в дни праздников, пришлось ему снова обратиться к Алексею Николаевичу. К чести высокого государственного деятеля, он не отказался и приготовился выслушать горькую исповедь... Но, однако, визитер ни словом не обмолвился о своих личных мытарствах, даже не пожаловался на местных руководителей, которые были обязаны ему выделить нужные средства. Подробно рассказав о проводимой важной научной работе, Каныш Имантайулы попросил председателя Госплана СССР оказать Институту геологии единовременную целевую помощь, заметив, что эти многомиллионные затраты окупятся сторицей. Разумеется, нужные средства были выделены...

Кстати, об этом факте Косыгин рассказывал сам, когда приезжал в Казахстан: «Это пример того, когда человек ставит государственный интерес выше своего личного. А Каныша Имантаевича я знаю именно с этой стороны, потому постоянно прислушиваюсь к его предложениям со всем вниманием...»

И вот глава казахстанской науки опять же пришел к нему. Тогда председателем Совмина СССР был Н.С. Хрущев, а А.Н. Косыгин, являясь его первым заместителем, фактически решал все практические вопросы. Косыгин терпеливо выслушал все доводы президента АН КазССР, который считал, что без ядерной физики наука республики останется ущербной, неполноценной и что атомного реактора, действующего в Ташкенте, недостаточно для всей Средней Азии...

— Я верю вам, Каныш Имантаевич. Теперь мне ясно значение этого института для Казахстана, его надо достраивать... — Хозяин кабинета позвонил министру Е.П. Славскому, который с производственной стороны имел возможности помочь в этом деле. Поговорив с ним, Алексей Николаевич неожиданно улыбнулся, поднявшись с места, подошел к Сатпаеву и, крепко пожав ему руку, сказал: — Снова вижу вашу деловую хватку — вы уже заранее уговорили Ефима Павловича стать на свою сторону... В общем, считайте вопрос решенным. Необходимые деньги на завершение строительства ядерного института мы выделим нынче же, а оборудование найдет и установит ведомство Славского...

Так в течение получаса был положительно решен сложный вопрос, который до этого никак не удавалось пробить в бюрократических дебрях тогдашней советской администрации. В результате под Алматы, вблизи города Талгара, у живописного подножия Алатауских гор возник поселок Алмалы с двухэтажными коттеджами для жилья сотрудников и внушительным корпусом Казахского института ядерной физики со своим экспериментальным реактором (ныне он известен как Институт высоких энергий ИАН РК).

Тогда же по инициативе Каныша Имантайулы начали набирать, точнее, готовить кадры для этого необычного для республики научного учреждения закрытого типа. Нужен был для него и серьезный руководитель. Благо, у президента Академии наук Казахстана была подходящая кандидатура: в Москве, под руководством выдающихся отечественных физиков — лауреата Нобелевской премии, академика И.Е. Тамма и академика М.А. Маркова уже вел исследования молодой физик **Жабага Сулейменулы Такибаев**. Канышу Имантайулы удалось уговорить самого физика и договориться с его шефами: Такибаев вернулся в родной Казахстан и занял пост первого директора этого научного учреждения; уже в 1958 году он был избран действительным членом АН КазССР; а через четыре года Жабага Сулейменулы был приглашен К.И. Сатпаевым на должность вице-президента академии.

Академик Такибаев по сей день работает в своем коллективе в качестве научного руководителя. За более чем полвека непрерывной созидательной работы школа казахстанских физиков-ядерщиков, возглавляемая им, заняла одно из лидирующих мест среди подобных мировых исследовательских центров...

Так что и в этом деле опять же проявилось научное предвидение Каныша Имантайулы, еще в 50-е годы заложившего фундамент нового института.

В шестом томе собрания трудов К.И. Сатпаева впервые опубликован его доклад на заседании Госкомитета Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ, сделанный 23 августа 1962 года в Москве, где он всесторонне осветил важнейшие направления исследовательской работы АН Казахской ССР. К своему докладу Каныш Имантайулы приложил небольшую по объему записку, названную «Перспективный план расширения сети научных учреждений».

«Казахстан совершенно четко расчленяется сейчас на пять крупных естественно-исторических районов: Центральный Казахстан с центром в Караганде; Целинный край с центром в Целинограде (ныне г. Астана); Западный Казахстан с центром в г. Актюбинске; Восточный Казахстан или Рудный Алтай с центром в Усть-Каменогорске; Южный Казахстан с центром в Алматы». — Затем ученый конкретно называл научно-исследовательские институты и тематику их научных работ, максимально приближенную к местным условиям. Таким образом, в пяти научных центрах намечалось создать 43 новых НИИ, из которых 13 — в текущем семилетии (1959—1965 гг.), а 30 — в течение последующих лет...

Это был, по сути, грандиозный перспективный план создания и расширения научной сети, охватывающей громадную территорию республики. Следует заметить, что по своему размаху он и сегодня иному читателю, возможно, покажется утопическим. Однако, надо признать очевидное, план был вполне реальным, мало того, в первом десятилетии, после его принятия, стал воплощаться в жизнь: доказательство тому — ныне действующие академические институты в Караганде, Усть-Каменогорске, Атырау и в других крупных центрах республики... Он был реален еще и потому, что в то время, то есть в 1962 году, в 25 НИИ Казахской академии работали два действительных члена АН СССР, 52 академика и 49 членов-корреспондентов АН КазССР, 110 докторов и 625 кандидатов наук. Всего в академии насчитывалось более 6500 научных сотрудников. И этот научный потенциал был создан всего лишь за четверть века!.. Но, к сожалению, не всем запланированным научным учреждениям в отдаленных от Алматы районах суждено было родиться...

III

XXI съезд КПСС принял развернутые планы по дальнейшему развитию народного хозяйства. В связи с этим перед геологами ставилась задача в ближайшее время отыскать

и разведать новые сырьевые ресурсы для возрастающих мощностей химической и металлургической промышленности.

А это, в свою очередь, повысило значение и роль прогнозных карт. Именно в эти годы почти все геологические коллективы страны занялись прогнозными исследованиями. Теперь проблему предсказаний пытались решить не только ученые, но и сами геологи. Естественно, подобные увлечения внесли в проблему много путаницы, противоречий. Многим начинало казаться, что за сравнительно короткий срок можно, подобно казахстанским геологам, добиться успеха, они забывали, что тем трем годам, за которые сатпаевская группа сделала первую карту, предшествовали многие годы систематической работы. В центральной научной печати стали появляться переводы научных трудов немецкого ученого Г. Шнейдерхена, когда-то объявленного отцом европейских металлогенистов.

Первыми против ошибочного направления в металлогении выступили академик К.И. Сатпаев и его единомышленники.

«Известно, что модные теории появляются и исчезают, большей частью не оставляя каких-либо заметных следов, а реальные факты продолжают существовать, — писали в журнале «Советская геология» (1960, № 9) К.И. Сатпаев, И.И. Бок и Г.Б. Жилинский. — Достаточно напомнить недавнюю историю с концепцией осадочного происхождения некоторых рудных месторождений, чтобы понять ошибочность самого принципа абстрактного теоретизирования в таких конкретных делах, какими являются металлогенические исследования и прогнозы месторождений полезных ископаемых. Поэтому не пора ли вообще перестать склонять достойное имя Ю.А. Билибина в связи с данной дискуссией... Его постулированные выводы уже не находят признания и поддержки со стороны широкой геологической общественности и опровергаются многочисленными фактами, — отмечали авторы в своей статье, озаглавленной «О некоторых проблемах развития геологической металлогенической науки». — Однако коллектив геологов ВСЕГЕИ и небольшая группа друзей и учеников Ю.А. Билибина все еще продолжают с упорством, достойным лучшего применения, защищать, по сути дела, ошибочные идеи. Мы думаем, что даже сам Ю.А. Билибин — человек, несомненно, талантливый — не стал бы с таким упорством и настойчивостью игнорировать неоспоримые факты, как это делают сейчас некоторые его ученики...»

В этой же статье Каныш Имантайулы и его соратники с полной научной объективностью доказали несостоятель-

ность попыток некоторых известных ученых популяризировать ошибочные концепции немецкого «отца металлогении».

«Основной... идеей Шнейдерхена, которую он и его отдельные единомышленники настойчиво пропагандируют и пытаются внедрить в геологическую теорию и практику, является утверждение, что для каждого крупного рудного региона якобы имел место только один этап эндогенного рудообразования — этап металлогенного орогенеза. Вся остальная история геологического развития данного рудоносного региона была будто бы совершенно бесплодной... На примере явно многоэтапной металлогении почти всех основных рудных районов СССР становится очевидной надуманность основного тезиса Г. Шнейдерхена о единичности металлогенических этапов в рудных регионах. — Далее, разбирая прочие тезисы немецкого ученого, казахстанские ученые писали: — ...Во всяком случае, никакого практического значения в прогнозно-поисковом и оценочном отношении этот вопрос, конечно, иметь не может, да и вообще, что для рудогеологической теории и практики могут дать подобные голые утверждения, кроме бесконечных дискуссий, уводящих геологов в туманные дебри надуманных теорий, которым можно только верить или не верить, так как они находятся вне области науки... Поэтому пропаганду этих и подобных им схоластических модных «теорий» у нас в СССР оправдать нельзя».

Здесь академик Сатпаев и его соратники делают одно существенное уточнение: *«...Эта строгая и стройная геолого-генетическая классификация эндогенных рудных месторождений сейчас также является общепринятой в геологической науке, но с той лишь, мягко говоря, досадной оговоркой, что основу этой классификации, не указывая имя ее подлинного автора — М.А. Усова, опубликовал много лет после него немецкий геолог Г. Шнейдерхен. Сейчас она во многих учебных руководствах и научных работах, в том числе и у нас, совершенно незаконно фигурирует под названием «Классификация Г. Шнейдерхена». Если учесть, что классификация М.А. Усова была опубликована на страницах открытой и широкой научной печати еще в 1933—1935 гг., а классификация Г. Шнейдерхена значительно позже, то нельзя не удивляться странной терпимости к подобным вещам со стороны авторов «Курсов рудных месторождений» и тех наших геологов, которые переводят труды Г. Шнейдерхена на русский язык...»*

Во всем этом потрясает тот факт, что превозносимый до небес некоторыми учеными Г. Шнейдерхен являлся одним из научных советников кровавого диктатора, духовного отца фашизма Адольфа Гитлера. Притом одним из активных пропагандистов немецкого ученого был известный геолог, бывший заместитель министра геологии СССР, заведующий кафедрой

полезных ископаемых МГУ, профессор, академик АН СССР В.И. Смирнов, кстати, именно он являлся научным редактором издания трудов Г. Шнейдерхена на русском языке. *«Оправдывание В.И. Смирновым надуманных и недоказуемых положений Г. Шнейдерхена является для всех нас удивительным еще и потому, что этот ученый на страницах своих монографий стоял до последнего времени на совершенно иных позициях. Ошибкой В.И. Смирнова, с нашей точки зрения, было опубликование им целого ряда статей в советских печатных органах, отдельных изданиях без надлежащей критики метафизических представлений Г. Шнейдерхена и без указаний на их бесплодность для рудогеологической теории и геолого-разведочной практики в СССР...»* — отмечали авторы статьи в журнале «Советская геология».

Итоги этих продолжительных по времени и ожесточенных споров двух геологических школ были подведены на Втором металлогеническом совещании, прошедшем летом 1960 года в Киеве. Ученые из института ВСЕГЕИ вновь пришли туда с обзорной металлогенической картой СССР масштаба 1:5 000 000, составленной по тем же унифицированным данным покойного своего наставника Билибина и его учеников. Вновь была сделана попытка навязать свои методические принципы всем коллективам, занимающимся металлогенией отдельных регионов страны. Как записано в протоколах совещания, с резкой критикой представленной на обсуждение новой карты выступили казахстанские металлогенисты И.И. Бок, Г.Б. Жилинский (К.И. Сатпаев не смог участвовать в этом совещании), их поддержали академик Н.П. Семенов (Украина), московские ученые Е.А. Радкевич, Н.А. Фогельман, узбекский ученый-геолог Х.М. Абдуллаев, И.Н. Томсон (Дальний Восток) и все металлогенисты, представляющие Сибирский регион. Единодушное осуждение схоластической модной «теории», претендующей на универсальное применение ее во всех регионах, было налицо. Об этом говорил в своем выступлении министр геологии и охраны недр СССР П.Я. Антропов, он во всеуслышание официально заявил еще и о том, что *«представленная карта ленинградцев практически для разведки не годна, она является и с теоретической точки зрения также неверной...»*.

Таким образом, и Второе совещание металлогенистов приняло сторону казахстанской школы, снова заявив о правоте и жизненности методологических принципов составления прогнозных карт, предложенных академиком Сатпаевым.

Одной из наиболее значительных проблем, волновавших Сатпаева, в решении которых он принимал живейшее участие, была реорганизация геологической службы страны. С каждым годом растущие потребности производства, увеличивающиеся мощности индустрии требовали соответствующего расширения добычи сырья, а это, в свою очередь, вызывало усиление разведочных работ. Многие министерства значительно умножили штаты своих геолого-разведочных отделов. И под сомнение было поставлено само существование специального Министерства геологии. В итоге главное ведомство геологии ликвидировали, а его функции передали нескольким министерствам добывающей промышленности и совнархозам на местах. Налицо был явный хрущевский перегиб, следствие его волюнтаристического подхода ко многим делам... Прошло немного времени. Отсутствие единого руководящего центра отрицательно сказалось на геолого-разведочном обеспечении нужд народного хозяйства. Жизнь властно требовала пересмотра ошибочного решения.

«Когда же будет положен конец такому положению, когда по одним и тем же маршрутам куролесят геологические экспедиции самых различных ведомств? Одни ищут уголь, другие — нефть, третьи — железные руды и цветные металлы, нельзя ли все это сконцентрировать в одних руках и недра изучать комплексно?» — вопрошал академик Сатпаев на одном из совещаний руководителей народного хозяйства.

И действительно, разведка минерально-сырьевых баз велась разобщенно. Порой происходили весьма курьезные случаи: у одного рудника месяцами жили две-три, а то и четыре экспедиции — каждая из них, разумеется, искала строго определенное месторождение. Бывало и так, что одна партия уезжала, и в тот же день на ее место «вселялись» геологи другого ведомства. И это был не просто забавный парадокс. Впустую тратились огромные деньги.

Ненормальное положение волновало многих известных геологов. Но одно дело горячиться, высказывать свое возмущение в узком кругу специалистов, друзей, совсем другое — идти на открытый бой. Решительным был Каныш Сатпаев. Он лично обратился в Совет Министров СССР с заявлением, в котором поставил вопрос *«об объединении всех крайне распыленных геологических сил страны вокруг единого*

общесоюзного геологического центра...». И предлагал сделать принципом работы этого центра комплексное исследование каждого разведываемого района, искать все виды полезных ископаемых, а не только те, что нужны на данном этапе.

Не только геологическая служба, но и вся система научных учреждений требовали в то время коренной реорганизации. *«Теперь нельзя довольствоваться такими геологическими исследованиями, которые ориентируются только на открытие месторождений полезных ископаемых, руды которых выходят на земную поверхность. Фонд таких месторождений из года в год сокращается, и важнейшее значение приобретает проблема поисков скрытых месторождений, осуществление которых должно опираться на достижения передовой теории»,* — говорил министр геологии и охраны недр СССР **П.Я. АНТРОПОВ**, выступая на Первом металлогеническом совещании в Алматы.

А по поводу состояния геологической науки **П.Я АНТРОПОВ** писал впоследствии: *«Был такой случай. Я договорился с академиком А.Н. Несмеяновым в бытность его президентом Академии наук СССР, чтобы он принял группу ученых-геологов для беседы о положении геологической науки. Тогда с геологической наукой дело обстояло следующим образом. Институт геохимии и аналитической химии имени В.И. Вернадского был в отделении химических, а не геолого-географических наук; геофизические методы поисков полезных ископаемых находились в отделении физико-математических наук, палеонтология — в отделении биологических наук. Короче говоря, наиболее передовые методы поисков минерального сырья были изъяты из отделения геолого-географических наук, и тем самым геологическая наука лишилась возможности не только ими пользоваться в процессе своих исследований, но и в какой-то мере направлять их и совершенствовать. При этой беседе присутствовали академики К.И. Сатпаев, Н.С. Шатский, Н.М. Страхов и Д.И. Щербаков. В вопросе геологических наук К.И. Сатпаев занимал совершенно четкую и последовательную позицию. Он решительно отстаивал положение, при котором все геологические науки были бы сконцентрированы в одном отделении Академии наук СССР, то есть чтобы комплексность в изучении минерального сырья соблюдалась не только в геологической практике, но и в геологической науке».*

Требовали преобразования и взаимоотношения научных учреждений АН СССР с отраслевыми институтами Министерства геологии и охраны недр. Деятельность тех и других, тематика исследований, хотя они и старались объединить усилия для решения ряда проблем, все же оставались изоли-

рованными или же, наоборот, разные коллективы повторяли друг друга в разработке общих проблем геологии.

Каныш Имантайулы всегда остро и конструктивно выступал по этому вопросу.

— Продолжая идти в таком направлении, недолго и в тупик зайти. Вся геологию потопим в наших межведомственных спорах, — сказал он в беседе с президентом АН СССР. — Нужны срочные организационные мероприятия...

«Около года учеными в Академии наук СССР обсуждался вопрос о взаимодействии наук, занимающихся изучением земли и явлениями, протекающими в ее оболочках. Высказывались разные точки зрения... К. И. Сатпаев, опираясь на опыт проводимых им крупных комплексных исследований, последовательно и упорно доказывал необходимость создания нового отделения наук о Земле. Его мнение сыграло большую роль в принятом Президиумом Академии наук СССР решении о создании отделения наук о Земле», — вспоминал академик Д. И. ЩЕРБАКОВ в книге «Академик К. И. Сатпаев».

Между тем эти изменения в структуре АН Казахской ССР были осуществлены намного раньше, чем в Москве. *«В последние годы благодаря большим достижениям в исследовании космического пространства зародились и крепнут научно-теоретические связи между астрофизикой и геологией, благотворно влияющие на обе науки. Уже появилась новая отрасль геологической науки — планетарная геология, — говорил Сатпаев в своем докладе на общем собрании Академии наук республики, состоявшемся в июле 1963 года. — Творческие связи между астрофизикой и геологией оказывают существенную помощь геологам в понимании основных закономерностей в расположении зон крупных разломов и складчатых сооружений в земной коре, с которыми, как известно, тесно связаны проявления всех видов и комплексов магматических пород, являющихся первопричиной образования многих важнейших видов рудных месторождений. Благотворные связи между астрофизикой и геологией должны обязательно развиваться и в дальнейшем. Этому, бесспорно, будет помогать совместное нахождение обеих наук в составе одного отделения Академии наук, которое можно назвать отделением наук о ВСЕЛЕННОЙ и ЗЕМЛЕ (выделено мной. — М.С.)».*

Кстати, через пять лет это название с небольшим изменением приняла и Академия наук СССР, снова реорганизовав свое отделение. Теперь оно именуется подразделением наук о Земле. Термин, вошедший в нашу жизнь благодаря усилиям

Сатпаева, кажется нам сегодня обыденным и простым. Трудно поверить, что в свое время он вызывал горячие споры ученых.

Мы уже рассказывали, что в свое время Каныш Имантайулы был избран почетным академиком Таджикской Академии наук. Его считали учителем не только таджикские, но также и узбекские, киргизские, туркменские геологи. Разумеется, не без причин. Приведем в этой связи один из эпизодов научной биографии Сатпаева.

Узбекский геолог Хабиб Мухамедович Абдуллаев был на 13 лет моложе казахского академика. Занявшись геологией только в 1935 году, он считал Каныша Имантайулы старшим братом, при встречах именовал «Каныш-ака». И это была не просто дань восточной традиции — величать так старшего по возрасту. Это было и признание его заслуг.

В архиве казахского ученого сохранилось несколько писем Х.М. АБДУЛЛАЕВА к нему. *«Каныш-ака, только что опубликована моя книга, о которой я вам в свое время писал. Насколько я справился с поставленной задачей, не мне судить, со стороны виднее. Однако могу сказать одно, что я старался изложить все, что я думал, при этом учтите, что эту работу мне пришлось писать без серьезной поддержки как со стороны старших, так и младших товарищей, если не принять во внимание небольшую мою группу ташкентских геологов, которые мне помогли фактическим материалом, — писал Х.М. Абдуллаев в письме от 22 августа 1950 года. — Я намерен дальше работать над этой проблемой, поэтому для меня очень важны замечания моих старших товарищей. С этой целью я обращаюсь и к Вам, чтобы Вы сообщили свои замечания по моей книге. Вопрос, который я затронул в своей работе, как Вам известно, является исключительно сложным и принципиальным в теории рудообразования и заслуживает, как мне кажется, специальной дискуссии...»*

Направляя свою новую книгу «Генетическая связь оруднения с гранитоидными интрузиями» академику Сатпаеву, тогда еще не очень известный в ученом мире узбекский геолог предвидел кое-какие сложности, которые его ожидали. Но тем не менее он не испугался дискуссии. Наоборот, хотел ее. Но последствия оказались полной неожиданностью для Абдуллаева. Его обвинили... в космополитизме. Дело в том, что молодой ученый в своей работе ссылался на ряд публикаций зарубежных авторов, в том числе американских геологов Зи-

монса и Линдгрена. Этого было достаточно, чтобы в пылу полемики объявить работу молодого ученого несостоятельной. Что оставалось делать? За помощью узбекский геолог обратился к московским коллегам...

В марте следующего года книга Х.М. Абдуллаева была обсуждена в одном из столичных научно-исследовательских институтов. В этом обсуждении принял участие и Сатпаев.

— Товарищи, я не понимаю одного, — говорил Каныш Имантайулы. — Кто и когда доказал нам, что труды ученых остального мира являются лишь реакционными? Разве истинная наука — удел избранных народов и стран? Разве для нее существуют границы? Если мы станем с порога отвергать все заграничное и объявлять зарубежных коллег реакционными, то как мы будем двигаться вперед, как нам расти дальше? Если опровергать все иноземное, то давайте заодно откажемся от учений Ньютона, Дарвина, Пастера, Эйнштейна. Какое будущее ждет нашу науку? Это одно... Второе, узбекский коллега сегодня объявил нам свою новую концепцию о рудообразовании во всем Среднеазиатском регионе, при этом он начисто опровергает существовавшие до него теории рудообразования для этого района. Смелый шаг для молодого ученого, может быть, слишком рискованный! Но учтите, он же здесь не просто объявляет старые концепции неприемлемыми, но выдвигает свою, новую. Вот почему его идеи не нашли поддержки в Ташкенте. Скажите, пожалуйста, кому охота вдруг отказаться от прежних идей, тем более они служили десятки лет и согласно им открыто множество месторождений. Можно ли ожидать, что дорогу абдуллаевской концепции уступят без боя? Так не бывает. Думаю, товарищи, самое разумное решение с нашей стороны — дать ход и новой концепции. Пусть часть геологов возьмет ее на вооружение и ведет поиск согласно ей. Состоятельность или неприемлемость ее докажет сама жизнь. Если наш молодой коллега окажется прав, не стыдно ли будет нам впоследствии глядеть ему в глаза? Я решительно против того, чтобы отрицать выдвигаемую новую теорию только потому, что автор ее в своей работе использует опыт американских коллег. Я за то, чтобы поддержать молодого ученого и дать ему время проверить свою концепцию. Пусть нас рассудит геологическая практика...

Но увы! В тот раз верх взяла все-таки противоположная сторона. Не удалось академику Сатпаеву отстоять свою точку зрения. Наоборот, посыпались обвинения в его собственный

адрес: Абдуллаева он защищает потому, что тот тоже, мол, разделяет сатпаевское мнение о гидротермальном происхождении месторождений цветных металлов.

Однако, несмотря на такие наскоки, отнюдь не безобидные в те годы, Сатпаев все-таки не отказался от поддержки своего узбекского коллеги. Через три месяца после описанной дискуссии он направил такую записку в ЦК КПСС: *«По Вашему предложению сообщаю перечень геологов, которые по своей научной эрудиции и выдающемуся вкладу в развитие ведущих отраслей геологии являются достойными кандидатами в состав членов Академии наук СССР... — Четвертым в этом списке Сатпаев назвал узбекского ученого. — Абдуллаев Хабиб Мухамедович — доктор геолого-минералогических наук, действительный член АН Узбекской ССР, крупный специалист по петрографии и геологии месторождений цветных металлов Средней Азии...»*

(Через три года концепция Х.М. Абдуллаева полностью победила. Его труд был переиздан в Москве. Узбекские геологи, принявшие его идеи, сделали множество крупных открытий. Несколькоими годами позднее (1959) труд ученого был удостоен Ленинской премии, а его автора избрали членом-корреспондентом АН СССР. Последние четыре года своей жизни Х.М. Абдуллаев работал президентом АН Узбекской ССР. Но, не дожив до пятидесяти лет, талантливый ученый скоропостижно скончался.)

КАНАЛ ИРТЫШ—КАРАГАНДА

I

Угольные копи Экибастуза были открыты баянаульским рудознатцем Косумом Пшенбаевым в 1867 году, их огромные запасы исследованы инженером А.К. Мейстером в 1895—1898 годах. Захватывающие перспективы простой транспортировки дешевого топлива по Иртышу, возможности неограниченного снабжения качественным углем Сибирской магистрали с ее строящимися разветвлениями делали это месторождение особенно ценным. Разработка его дала бы толчок в развитии захудалому Павлодару. Недаром в газете «Степной край» в номере за 14 ноября 1897 года с иронией писалось о мечтах павлодарцев: *«Мудрено ли, что павлодарские обыватели только и толкуют... что перед ними и во сне и наяву будущее величие города: заводы, пароходы, железные дороги, электричество, трамваи и рубли, рубли, рубли...»*

«Громаднейшие залежи и правильное напластование угля, легкость в добыче ставят Экибастузский бассейн в наивыгоднейшие условия по сбыту угля и кокса. С экибастузским углем не может конкурировать на уральском рынке ни кольчугинский, ни судженский уголь... — написано в рекламной книжке «Экибастузский угольный регион», изданной в 1899 году в Екатеринбурге. — Экибастузский уголь произведет громадный переворот в горно-добывающей промышленности Урала и послужит скорейшему развитию металлургического дела вообще...» Однако судьба долго не благоприятствовала Экибастузу. Тяжелый кризис, охвативший в начале века всю Россию, в 1903 году привел к банкротству и Воскресенскую компанию, основанную четыре года тому назад павлодарским промышленником А. Деровым совместно с киевским капиталистом Л. Бродским. Ее пытались оживить в 1914—1917 годах английские концессионеры, арендовавшие это месторождение, но им помешала начавшаяся революция. В 1925 году рельсы железной дороги Воскресеновка—Экибастуз были разобраны и уложены в строящуюся колею Усть-Каменогорск—Риддер. Теперь уже копи были заброшены надолго.

Лишь летом 1948 года, ровно через 80 лет после обнаружения залежей угля, на месте давно заброшенных нежилых бараков и шахтных колодцев начались восстановительные работы. Через год сюда пришел первый паровоз из Павлодара. Экскаваторы начали вскрывать толщу угольных пластов, закипела работа на шахтах, строительных площадках, железнодорожных путях. Стали расти этажи нынешнего Экибастуза... В конце 1954 года первый карьер выдал дешевый и высококалорийный уголь, а 24 декабря первый состав с ценным топливом был отправлен на уральские заводы. Через десять лет, когда были задействованы второй и третий карьеры, мощность новой угольной кочегарки страны возросла до 10,5 миллиона тонн в год. Между тем экибастузские копи с разрезом «Богатырь» и другими карьерами могли бы ежегодно выдавать 50, 100 и более миллионов тонн угля. И запасы его в ближайшие сотни лет практически неисчерпаемы! Сумей только добраться до них и грузи в вагоны прямо с карьеров, сколько потребуется...

Но существовала одна загвоздка. Природа, создав когда-то в здешних недрах мощные, доходящие местами до нескольких сотен метров пласты угля протяженностью от пяти до тринадцати верст, явно поскупилась на воду. Строители пробурили здесь десятки скважин на разную глубину, из них

в первые месяцы была вроде бы сносная вода, а потом начали идти сплошные соляные растворы. Наконец в местечке Калкаман вблизи Экибастуза гидрогеологи после многолетних, изнурительных поисков наткнулись на подземные пресные воды. Быстро провели водопровод, и шахтеры облегченно вздохнули, утолив многолетнюю жажду, — ведь до этого приходилось пользоваться привозной водой из вагонных цистерн и специальных водовозов. Теперь воды на время стало хватать.

Но карьеры-гиганты росли с каждым годом, добыча угля уже измерялась десятками миллионов тонн, вода опять стала дефицитом. И тогда решено было протянуть с берегов Иртыша новый водопровод с большой пропускной способностью, на диком берегу Иртыша развернулась подготовка к строительству, уже был заложен фундамент насосной станции.

Но тут вмешался его величество случай. Решение проблемы повернулось в совершенно другое русло, о котором никто на местах не думал и не мечтал...

Вариант с водопроводом с Иртыша был очень хорош только для одного Экибастуза, но не более. Его предложили узкие специалисты, решавшие локальную задачу, поставленную перед ними заказчиком — Экибастузским объединением, ведущим добычу и отгрузку топлива, за спиной его стояло могучее и богатое Министерство угольной промышленности СССР.

II

Проблема водоснабжения промышленных объектов начала занимать Сатпаева с тех времен, когда он начал работать инженером. Масштабы производства в 30-е годы позволяли обходиться местными ресурсами: Карсакпайский медеплавильный завод обеспечивала водой речка Кумола, а шахты и обогатительные фабрики Жезказгана питало Кенгирское водохранилище; первые десять—пятнадцать лет искусственные водоемы полностью удовлетворяли нужды населения и промышленности. Но в 50-е годы, когда Жезказган начал бурно строиться, потребность в воде резко увеличилась. Стало ясно, что одним стоком Кенгира не обойтись. Гидрогеологи нашли недалеко от города, в Жанайских сопках, подземные воды. Читатель, очевидно, помнит спор Каныша Сатпаева со специалистами «Водоканалпроекта» о наличии грунтовых вод в этом крае. И вот много лет спустя

на большой глубине все-таки нашли столь необходимую для Улутауской степи влагу. Ее стали качать из скважин и подавать по трубопроводу в Жезказган. На ближайшие десять—пятнадцать лет город и комбинат были обеспечены водой. Но никто не мог предсказать, что будет дальше. Жезказган рос. Он уже теперь был центром крупного индустриального района, его добывающая промышленность — это шахты-гиганты, две большие обогатительные фабрики, строился крупный медеплавильный завод. И население города постоянно возрастало. Потребность в воде измерялась десятками миллионов кубических метров. Ясно, что собственные ресурсы не могли решить проблему водоснабжения в будущем.

Делом водообеспечения Карагандинского угольного бассейна К.И. Сатпаеву пришлось заниматься еще в 1942 году, когда ему было поручено выбрать строительную площадку для сооружения Казахского металлургического передельного завода. Его требовали пустить быстро, по законам военного времени. Из предложенных трех вариантов комиссия избрала местом строительства берег нынешнего Самаркандского водохранилища в окрестностях Темиртау — вблизи от запасов угля и воды. Через десять лет население Карагандинского бассейна (а он включал в себя такие города-спутники, как Сарань, Шерубай-Нура, Абай, Шахан, Актас, Топар, Шахтинск, Темиртау) перевалило за миллион, а в перспективе обещало увеличиться еще больше. Местные реки и задержанная в весеннее время паводковая вода могли теперь обеспечить население и промышленность только на одну треть.

Кроме того, Карагандинский промышленный узел в то время включал в себя кроме Караганды, Экибастуза и Жезказгана еще и такие крупные индустриальные очаги, как Каражал, Жайрем, Балхаш, крупные рудники в Шетском и Каркаралинском районах. Из них один лишь Балхаш хорошо обеспечен водой — построен он на берегу одноименного озера, в западной части которого вода пресная. Когда гидрогеологи подсчитали, сколько воды потребуется этому гигантскому комплексу в 1970—1980-е годы, оказалось, что Центральный Казахстан, если его будут питать только скудные местные ресурсы, станет в будущем ежегодно недополучать около двух миллиардов кубометров воды. Таким образом, без решения проблемы водоснабжения колоссальные минеральные богатства этого региона невозможно было использовать. Где же выход?

Заслуга академика Сатпаева состояла в том, что он намного раньше других, яснее и шире видел проблему в целом и хотел разрешить глобальный вопрос об обеспечении водой рудников, заводов, городов и многочисленных населенных пунктов Сарыарки, которым катастрофически ее не хватало.

Впрочем, эту идею он вынашивал много лет. Ради исторической справедливости отметим, что по его заданию к разработке проекта доставки иртышской воды в Караганду Институт энергетики АН КазССР приступил после войны. В ходе многолетних исследований специалисты рассчитали десять вариантов водоподъема. К тому времени в институте выделилась группа ученых-энергетиков во главе с директором Ш.Ч. Чокиным, сосредоточившихся на проекте канала. В ее состав входили В. Киктенко, С. Майзель, З. Беркалиев, П. Калачев. Они и представили окончательный вариант. А московский институт «Гидропроект» имени С.Я. Жука выполнил проектные работы.

Длина канала по этому проекту составляла 514 километров. 23 мощные насосные станции, построенные по всей его трассе, должны были со ступени на ступень подавать воду к высшей точке подъема в 475 метров. Русло канала намечалось проложить по территории Павлодарской области, вблизи Экибастуза до реки Шидерты. До Караганды вода должна была подниматься по руслу этой реки. Если раньше она текла на северо-восток, то теперь ей, под действием насосных станций, предстояло катиться вспять. Впоследствии предполагалось иртышскую воду по гигантским трубопроводам провести через месторождения Жайрема, Атасу, а конечным пунктом должен был стать Жезказган...

Окончательный вариант проекта канала представили на рассмотрение выездной сессии АН КазССР, состоявшейся в Караганде в ноябре 1958 года. Сессия казахстанских ученых с участием многих видных и авторитетных специалистов из Союзного центра положительно отозвалась об идее канала. Осенью того же года проект канала был одобрен и правительством республики.

Были противники этого варианта подачи воды, которые предлагали использовать для нужд производства и сельского хозяйства подземные воды Центрального Казахстана, широко рекламируя их как «подземные моря». Не дремали и разработчики проекта подачи иртышской воды трубопроводом

к Экибастузу. По подсчетам экономистов, строительство канала должно было обойтись очень дорого. Поэтому многие специалисты склонялись к другому варианту – использовать грунтовые воды. Были приложены огромные усилия для их поиска. В десятках мест обнаружались подземные источники воды.

Специалистам предстояло выбрать оптимальный вариант. Что выгоднее? Канал или подземные воды? Нужно подготовить рекомендации союзному правительству для принятия решения. И тут разгорелся ожесточенный спор. Те, кто поддержал идею использования подземных вод, доказывали преимущества своего взгляда: не будет энергоемких насосных станций, нет необходимости в рытье дорогостоящего канала. А те, кто стоял за строительство рукотворной реки, говорили о дороговизне разветвленной сети трубопроводов, энергоемкости скважин («Как будете качать грунтовые воды без насосов?»); некоторые ставили под сомнение разведанные запасы подземных вод. Словом, предстояло еще во всех деталях все обсудить в научных, а затем в плановых учреждениях... А в стране уже обсуждался семилетний план развития, обнародованный первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым...

Московский институт «Водоканалпроект» возражал против строительства канала, доказывая, что главный путь решения проблемы – эксплуатация источников подземных вод. Ссылались на зарубежный опыт: 80 процентов всех городов США для своих нужд используют только подземные источники; этой же водой обеспечиваются 27 процентов всей площади поливного земледелия в стране; Новая Зеландия, в десять раз меньшая по территории, чем Казахстан, ежедневно выкачивает из-под земли до 270 тысяч кубических метров пресной воды; потребление подземных вод стало системой даже в такой технически малооснащенной стране, как Индия. Сам собой напрашивался вывод: поскольку под поверхностью пустынь и степей, как показывали расчеты, лежат целые моря пресной воды, бессмысленно тянуть канал за тысячу километров, стоит только копнуть...

Каныш Имантайулы с самого начала обсуждения этой проблемы был против широкой эксплуатации подземных вод, он говорил:

«Я хотел заострить ваше внимание на другом, более важном моменте. Надо ли вообще поднимать эти воды из недр Сарыарки? Подобрать впечатляющие примеры всегда можно, но не всегда они приемлемы. Структура и клима-

тические условия Центрального Казахстана совершенно отличаются от Америки, Новой Зеландии, Индии. Например, сколько выпадает осадков у них и у нас, в Центральном Казахстане?.. Подсчитайте и сравните эти цифры. Если начнем выкачивать подземные источники, да еще в таком объеме, какой требуется нашим промышленным комплексам, то сможет ли суровая, засушливая природа степи ежегодно пополнять потребляемую воду в виде осадков? В тех странах, где идет систематическое потребление подземных источников, расход их ежегодно восполняется. А у нас это вряд ли возможно. Артезианские бассейны возобновляются очень медленно — за десятки лет, а массовая разработка пресных линз, их верхней части ускорит процесс поднятия к поверхности горько-соленых нижних горизонтов грунтовых вод. Следовательно, этим самым, хотим этого или нет, мы дадим толчок к началу необратимого вредного процесса — засоления верхнего слоя земли. А это для нашей степи рана неизлечимая на тысячи лет.. И проблему водоснабжения промышленности не решим — у меня есть определенные сомнения насчет запасов этих подземных «морей». Мы обязаны не только разрабатывать наши кладовые подземных ископаемых, но и беречь их! Охрана нашей природы, охрана недр — дело святое, и в связи с этим на первый план выступает задача сохранить в первозданной чистоте подземные воды Центрального Казахстана. Они больше нужны нашим скотоводам, земледельцам, животному миру. Поэтому я глубоко убежден в необходимости канала. Других путей удовлетворить потребности промышленных предприятий и решить проблему водоснабжения больших городов края не вижу. Канал нужен здесь, как воздух, как хлеб!..»

Несмотря на эти основательные аргументы, дискуссия продолжалась. Позицию ученых «Водоканалпроекта» поддержали некоторые местные гидрогеологи. По поручению Каныша Имантайулы группа сотрудников Института энергетики АН КазССР под руководством его директора Ш.Ч. Чокина провела ревизию проекта института «Водоканалпроект». Оказалось, что полезная отдача подземных вод с учетом запаса всех рек и озер Центрального Казахстана составляет 18 кубических метров в секунду, а это удовлетворило бы потребность промышленного комплекса в воде лишь на одну четверть. Таким образом, предложение об использовании подземных источников оказывалось несостоятельным.

26 июня 1959 года ученый совет Института геологических наук снова рассмотрел вопрос о выборе оптимального варианта обеспечения Центрального Казахстана водой:

«Сатпаев К.И.»: ...Большие мероприятия намечаются в связи со строительством канала Иртыш—Караганда. Однако «Водоканалпроект» против сооружения канала... Выступления в печати наших гидрогеологов, отстаивающих использование «подземных морей» в пределах Казахстана, также несколько повлияли на ход положительного решения этого вопроса в кратчайший срок. Поэтому нам необходимо иметь одно конкретное представление по этому принципиальному и важному вопросу.

Ахмедсафин У.М.: В результате анализа гидрогеологических материалов, накопленных различными учреждениями, выявляются большие возможности для решения вопросов водоснабжения Казахстана за счет подземных вод. Значительные запасы вод подземных, а также при зарегулировании поверхностных возможно использовать для водоснабжения Карагандинского промышленного узла. В связи с этим необходимо расширить гидрогеологические исследования и максимально использовать подземные воды, которые к 1965 году могут извлекаться в объеме 3,5—4 кубических метра в секунду.

Айталиев Ж.А.: ...За семилетку мы не сумеем дать артезианской воды столько, сколько дает канал. Это даже в том случае, если гидрогеологов завалят и станками, и трубами, и всем другим необходимым...

Сатпаев К.И.: Потребности Карагандинского промышленного узла в 1965 году не менее 25 кубических метров в секунду.

Авров П.Я.: Единственным источником, способным обеспечить такой мощный промышленный узел, как Караганда, может служить иртышский канал... Возможно ли в Центральном Казахстане получить большое количество подземных вод? При моем участии... в Актюбинской, Акмолинской, Карагандинской, Кокчетавской областях были пробурены около 100 скважин. Если в Актюбинской области были подземные воды найдены и совхозы обеспечены, то в остальных районах этого не произошло.

Новохатский И.П.: Противопоставлять использование подземных вод строительству канала нельзя. У меня предложение, чтобы У. М. Ахмедсафин выступил в печати со статьей, разъясняющей значение канала и возможности использования подземных вод.

Калугин С.К.: Вопрос о канале поднят давно и правильно. Идеи строительства канала и использования подземных вод не исключают друг друга...

Русаков М.П.: Ни одно открытие ни в науке, ни в практике не обходилось без оппозиции. Поэтому вполне логично то, что «Водоканалпроект» выступил против строительства канала. Ошибка У.М. Ахмедсафина в том, что он назвал площади распространения подземных вод «морями», а это не совсем так...

Флеров А.А.: Вывести четыре кубических метра воды в секунду на поверхность земли и подать все это в одну точку представляет собой дорогую и очень сложную инженерную задачу..

Калугин С.К.: Для вывода этих вод, очевидно, необходимо 150–200 скважин.

Колотилин Н.Ф.: Канал, безусловно, нужен – экономически он полностью оправдывает себя.

Медоев Г.Ц.: Я за период своей деятельности в Центральном Казахстане узнал, что вода везде и всюду лимитировала развитие и промышленности, и сельского хозяйства. Название «подземные моря» неточно, и нельзя позволять так исказить смысл понятия о подземных водах. Строительство канала Иртыш–Караганда, безусловно, не может быть взято под какое-либо сомнение...

Ахмедсафин У.М.: ...Безусловно, если Караганде нужны 25 кубических метров в секунду, то подземные воды такие потребности обеспечить не могут. В этом случае канал нужен...»

III

Наступило лето 1959 года. Чтобы увидеть свою мечту осуществленной, Канышу Имантайулы надо было во что бы то ни стало добиться включения строительства канала в семилетний план. Склонив коллег к поддержке своей идеи, 11 июля того же года К.И. Сатпаев обратился с письмом к первому заместителю председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгину, в котором он аргументированно доказывал пользу строительства канала и просил включить его в новый план. С этой же целью он направил академика Ш.Ч. Чокина в Москву – «пробивать» идею в высоких инстанциях. Но не вытерпев, поехал в Москву сам.

Настроенный решительно, К. Сатпаев позвонил по прямому телефону и попросил Алексея Николаевича принять его лично в связи со строительством канала Иртыш–Караганда. Председатель Госплана ответил, что он знаком с этим вопросом, но вряд ли сможет помочь чем-либо, так как слишком много авторитетных лиц против такого дорогостоящего строительства. Каныш Имантайулы снова, как и в прошлые годы, настоятельно просил уделить ему полчаса времени.

– Хорошо, подходите, – был ответ первого заместителя главы Советского правительства.

По воспоминаниям Т.А. Сатпаевой, знавшей все нюансы этой памятной беседы, Косыгин обратился при встрече к нему так: *«Расскажите, пожалуйста, нужен ли этот канал для Казахстана? Одни пишут, что он совсем не нужен и что под-*

земные воды с лихвой обеспечивают все нужды сельского хозяйства и промышленности. Другие доказывают, что канал нужен. Трудно понять, кто прав...»

Каныш Имантайулы кратко охарактеризовал скудные водные ресурсы Центрального Казахстана и подчеркнул острую необходимость в проектируемом канале. Он рассказал о громадных расходах воды, особенно при обогащении руд, и необходимых для этого гарантированных запасов ее в водохранилищах. Растрачивание для этой цели подземных вод, предполагаемые запасы которых пока сомнительны, приведет при постоянном их выкачивании к подъему солей с нижних горизонтов, так как эти природные линзы вообще медленно восстанавливаются из-за недостаточного прихода извне. В этом случае мы надолго, если не навечно, превратим наши степи, где расположены крупные предприятия, в настоящие пустыни, чего нам не простят будущие поколения...

Убедительные аргументы, приведенные казахским ученым, очевидно, заставили председателя Госплана задуматься.

Каныш Имантайулы тут же привел и другие доводы.

— Алексей Николаевич, вы меня знаете довольно продолжительное время, мы с вами всегда открыто говорили о трудностях и преодолевали их по мере возможности, — сказал он, переходя на доверительный, товарищеский тон. — И сейчас я был предельно откровенен. Если вы считаете меня специалистом, знающим хоть немного свой родной Казахстан и сделавшим все, чтобы его подземные богатства стали достоянием народа, то скажу вам, дорогой Алексей Николаевич, мы пока взяли одну лишь десятую часть того, что разведали наши геологи. Вся беда в том, что без обильной воды мы там ничего не сделаем. И известный вам Экибастуз, и Караганда, и Темиртау, и Жезказган постоянно будут испытывать нехватку воды. Канал нужен, если сказать честно, как когда-то была необходима для этого пустынного и безводного края железная дорога, словом, он преобразит этот огромный, перспективный край!..

После этих слов немногословный, серьезный и неулыбчивый А.Н. Косыгин вызвал своего референта, занимавшегося этим вопросом, указал ему на толстые папки с материалами и твердо сказал: *«Заберите все эти бумаги, сдайте в архив, подготовьте решение: канал Иртыш—Караганда будем строить!..»*

Разумеется, мнение авторитетного государственного деятеля, фактически главы правительства, значило много, с ним считался и Н.С. Хрушев. Но для ускорения соору-

жения канала академику Сатпаеву пришлось еще говорить об этой проблеме с трибуны внеочередного XXI съезда КПСС. В 1961 году Совет Министров СССР принял специальное постановление о строительстве канала Иртыш—Караганда...

Более десяти лет продолжалось строительство этого поистине грандиозного объекта. 5 декабря 1967 года в 16 часов 20 минут гигантские насосы на берегу великой реки начали подачу воды в готовое русло первой очереди канала, ровно через шесть суток, как передано в сообщениях ТАСС, она дошла до Экибастуза, и с этой минуты все проблемы шахтерского города и его производственных объектов с водой были сняты навсегда. Вода пришла в Караганду и Темиртау. Через громадные трубопроводы она тогда же была доведена до некоторых намеченных по проекту промышленных рабочих поселков; но, увы, не дошла до Жезказгана, пользующегося до сих пор местной водой из Кенгирского водохранилища... По всей трассе канала тогда же возникли новые поселки, животноводческие, зерновые и овощеводческие хозяйства. В десяти искусственных водоемах канала стали выращивать рыбу, чего в этих местах никогда не бывало. Летом на их берегах шумят настоящие птичьи базары.

Теперь можно заявить, что мечта ученого воплотилась в жизнь. Жаль, конечно, что сам Каныш Имантайулы не дожил до этих дней... Отрадно отметить, что не забыты великие заслуги академика К.И. Сатпаева, столько сделавшего, чтобы открыть путь живительной влаге в засушливые степи Сарыарки. В год празднования 100-летия со дня рождения ученого каналу присвоено имя его творца!..

* * *

Сказочно быстрыми темпами развивался Экибастуз. Госплан СССР запланировал для него такие объемы добычи, чтобы вся европейская и азиатская часть Союза, включая и Сибирь, снабжалась лишь его калорийным и дешевым углем...

Например, в 90-е годы его карьеры — «Богатырь», «Северный», «Восточный» и «Майкубен» — ежегодно загружали в железнодорожные составы более семидесяти миллионов тонн угля. Союзное правительство в 1977 году приняло постановление, в соответствии с которым в Экибастузе планировалось создать гигантский топливно-энергетический комплекс с последующей прокладкой высоковольтной линии Экибастуз—Центр России напряжением 1500 ки-

ловольт и протяженностью 2415 километров. Предусматривалось увеличение добычи угля до 170 миллионов тонн ежегодно, строительство пяти тепловых станций с суммарной отдачей 20 миллионов киловатт-часов электроэнергии. Этот проект отчасти был осуществлен. Построили первую ГРЭС, начали возводить стены и второй. Через всю Сарыарку на север Казахстана, далее Курган и Урал протянули запроектированную линию электропередачи. Европейская часть России и ее индустриальные центры стали подпитываться энергией Экибастуза. Ясно, решение этой грандиозной задачи было невозможно без обильной иртышской воды.

Важен еще один аспект, связанный с использованием канала для нужд северных областей Казахстана. В сегодняшней столице республики Астане проживают более трехсот тысяч человек. Естественно, что через десять лет население заново отстраивающегося города увеличится и воды Есиля не станет хватать. Неизбежно возникнет вопрос: где взять недостающую воду? К.И. Сатпаев, добываясь строительства этого канала много лет тому назад, предугадал решение и этой проблемы...

Вот что пишет академик Ш. Чокин в своей мемуарной книге: *«Техническая схема и целесообразность осуществления Акмолинской ветви мне представляется в виде забора воды в районе Шидертинского водохранилища, прохождения трассы вдоль железной дороги Павлодар—Экибастуз—Акмола и впадения в русло Есиля. Общая длина 270 километров, подъем воды на высоту 120 метров. Далее подразумевалось, что вода, пройдя по Есилю около 400 километров, выйдет к створу будущего Есильского водохранилища. А из Есиля воду можно подавать в верховья реки Тургай и в Кушмурун. Насыщение водой северных районов привело бы к коренному улучшению инфраструктуры региона. У водной магистрали Иртыш — Караганда лучшие дни еще впереди...»*

Кстати, эта идея отчасти уже реализована. В 2001 году иртышская вода по новому гигантскому трубопроводу с Шидертинского водохранилища стала поступать в Астану.

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН

I

В последнее время академика тянуло в родные края. Его постоянно снедало ощущение неоплаченного долга. Но, как всегда, одолевали неотложные заботы и было недосуг вы-

браться в степь. Только собравшись в Караганду по делам вновь организованного там Химико-металлургического института, он решил совместить эту командировку с давно задуманной поездкой. Вызвав своего помощника, ученый обратился к нему с такими словами:

— Боке, есть у меня к тебе товарищеская просьба...

Объяснив, что в Айрыке, на старой зимовке, без присмотра находятся запущенные могилы его родителей, Каныш Имантайулы попросил привести их в порядок. Вручил помощнику деньги на расходы, подробно рассказал о местонахождении зимовки, начертил на миллиметровке полную схему предстоящих работ...

Однако по прибытии в шахтерский город его снова подхватил круговорот дел. Ему и на этот раз не удалось выкроить ни одного свободного дня.

Возвращаясь с одной из шахт, расположенных на окраине Караганды, ученый обронил с горечью в голосе:

— Боке, Айрык по-прежнему нам не по пути?

Аяпбергенов воспринял эти слова как строгое напоминание и решил незамедлительно приняться за дело. На следующий день он чуть свет разбудил Каныша Имантайулы и сообщил:

— Грузовая машина с памятниками уже в дороге. Вчера в сумерках отправил. Нас с вами внизу ждет «Волга». До завтрашнего заседания можно обернуться, вволю степным воздухом надышаться. Вот благодать была бы! Как на это смотрите, Канеке?

Каныш Имантайулы разом сбросил с себя сон:

— Успеем ли? Апырай!..*

— Еще как успеем! До Айрыка — всего четыре часа езды. Ну, там пробудем от силы столько же... Если сейчас же выедем, то к вечерним сумеркам, как пить дать, возвратимся...

Поначалу все складывалось так, как предполагал Аяпбергенов: по ровному шоссе «Волга» помчалась, словно на крыльях, уже позади были села Кокпектинское, Ульяновское; когда добрались до аула Умиткер, до центральной усадьбы совхоза «Шадыра», на территории которого расположены родные места академика, было уже рукой подать. В отрогах невысоких гор «Волга» догнала грузовую машину с памятниками. И это Бокежан отнес к удаче. Теперь он не сомневался в том, что все будет сделано вовремя.

* Возглас огорчения.

Степные просторы очаровывали путников своими красотами: куда ни помотришь — всюду зелень, сочные травы, цветы; то справа, то слева безмолвными часовыми вставали одинокие круглые сопки; из редких ущелий вдоль островков тальника и зарослей чилика текли со звонким журчанием светлые родники. Наконец узкая дорога поднялась на возвышенность, извиваясь по полынной степи. Казалось, бескрайняя долина распахивала свои объятия перед долгожданными гостями. И небосвод стал как будто выше, и солнце светило как никогда приветливо.

«Как же сильно я соскучился по степи! Все это — джайляу для моей измученной души. — Ученый опустил стекло дверцы — ласковый ветер взъерошил волосы, освежил лицо и наполнил грудь ароматами трав. — Вольный ветер Сарыарки, и по тебе я истосковался. Как хорошо, словно мать прикоснулась к моему лицу своими ладонями». Не об этом ли часе мечталось ему все эти годы?..

*Взойди на гору, посмотри на широкую степь!
Радость без меры, как у младенца.
Когда несешься из края в край,
Успеешь ли, насытишься ли вдоволь?**

Удобно устроившись на заднем сиденье машины, сладко дремал Бокежан. Когда раздался звучный голос президента, он встрепенулся и стал оглядываться вокруг: вершина дальней горы, недавно еще возвышавшаяся на горизонте, оказалась уже прямо над ними. Густой тальник, зеленевший у подножия, стремительно приближался. Зимовка, где находились могилы родителей Сатпаева, лежала на противоположной стороне горы Алабас.

*Желанная, родная земля — золотая колыбель,
Прости меня, если я не всегда дорожил тобой...*

Голубоглазый, редковолосый пожилой водитель «Волги» то и дело удивленно оглядывался. Многое пришлось повидать в жизни, но таких занятных начальников он еще не видел. Славный ученый, а поет, как заправский певец — ладно и задушевно!..

*Я влюблен в тебя, родная степь,
Когда я вдалеке, ты моя желанная мечта.*

* Из стихотворения известного поэта Касыма Аманжолова «Родная земля». Здесь и далее подстрочный перевод автора книги.

Через некоторое время Каныш Имантайулы оборвал песню и воскликнул:

— Вот и отвел душу! В стихах нашего Касыма даже степные камни говорят...

Наезженная дорога тем временем обогнула подножие Алабаса и начала спускаться к аулу Тендик.

— Берите правее, выедем прямо к зимовке.

Каныш Имантайулы промолчал. «Волга» взяла правее, выехала на дорогу, указанную помощником президента.

II

Старые могильные курганы были подновлены. Каныш Имантайулы остался доволен тем, что всё сооружение выглядело довольно крепким, а главное, простым и строгим, без аляповатости. Квадратная каменная изгородь ничем не выделялась среди других подобных памятников, которые встречались им в степи по пути сюда. Академик опустил на колени возле курганов, возвышающихся в самом центре изгороди. Погладил ладонью ошетилившийся дерн на могилах.

Он прочитал молитву, одну из сур Корана, выученную в годы детства здесь же, в Большом ауле. Думал, даже опасался, что некоторые строки священных стихов забыты, так как давно не повторял их — ведь приходилось скрывать, что он знает немало сур Корана, оказалось, ни одного слова не затерялось в дебрях памяти.

Водители обеих машин и Бокежан принялись споро рыть ямки в изголовьях двух могил для установки привезенных гранитных плит. Когда памятники были установлены и зацементированы, ученый был уже далеко от кладбища.

Скотные дворы совсем развалились. От приземистых саманных хижин остались одни основания. В какую бы сторону ни шел ученый, взору открывалось одно и то же — пустыри на месте прежних жилищ. Когда-то здесь стоял большой, шумный аул, в котором без приглашения мог найти приют любой путник. А вот и то место, где была гостиная... Казалось, руины едва слышно жалуются: «Кончились наши деньки, веселье давно отзвенело. Когда-то мы давали пристанище людям. Теперь и прах наш развеян по миру...»

Встреча с памятными местами детства всколыхнула в груди ученого давно забытые чувства: «Все мы подобны зернам, упавшим в землю. Подрастая, уходим прочь от своих корней. А когда наступает зима и степь покрывается инеем,

вновь возвращаемся в питавшую нас землю. Извечный закон жизни... Были годы радости. Были и мрачные дни, когда пригибали тебя к земле свинцовые тучи. Чего не бывает в жизни? Что ни говори, сладость торжества полнее после горького привкуса беды... Потом после зимней стужи приходит весна. И тогда посеянное тобой зерно прорастет. Притом не одним, а многими стебельками. Только необходимо, чтобы то зерно было здоровым и чтоб оно попало в благодатную почву».

Отдавшись воспоминаниям, он даже не заметил, как поднялся на вершину холма, расположенного напротив сопки Бузаутобе. Отсюда степь была видна, как на ладони, до самого горизонта. С юга тянулась долина Дин, покрытая сочной травой. Как ни старайся, не скоро доскачешь до ее края. Справа высилась гора Тотия, похожая на казахский зимний головной убор — тымак. За ней холм, прозванный Керегетасом Аужана. Там же жила родная сестра Газиза, погибшая в 1932 году. Рядом с ним едва маячит возвышенность Далба. Каныша она всегда влекла тем, что у ее подножия располагалась зимовка Жаяу Мусы. Сколько раз бывал мальчик Каныш у знаменитого певца — соловья степи. Навсегда запомнил он его волшебные песни.

Повернув на север, ученый оказался на небольшой луговине, по весне заливавшейся водами речки Айрык. Здесь в иные годы трава поднималась так высоко, что даже всаднику нелегко было пробираться сквозь нее. А нынче? Ни одного стога скошенного сена не видно. Хотя уже пора начинать сенокос. Да и трава выросла жидкая. Значит, и эта благодатная земля обнищала, скудеет природа своими дарами. «Это мы виноваты, не бережем ее...» — подумал Каныш...

Впереди виднелась горка. Это та самая Обалы, где собирались и устраивали игры дети двух аулов, населенных потомками деда Сатпая. Наперебой рассказывали друг другу сказки и загадывали загадки. Тогда эти забавы детства доставляли им бесконечное наслаждение. А это что за туча пыли поднимается вдаль? Не иначе как группа всадников спускается в долину во весь опор. Мчатся, словно в прежние времена на скачках... Наверное, кто-то успел известить аульчан о его приезде... Каныш спускался с холма твердой, размашистой поступью — никуда от земляков не спрячешься! Сейчас начнется суматоха, как и в предыдущие приезды.

Приближающуюся группу всадников заметил и Аяпберганов. Когда встретился глазами с молодым водителем, который привез надгробные памятники, тот виновато отвел гла-

за. Выяснилось, что он забыл захватить с собой лопату и лом, поэтому ему пришлось заехать в аул. Но какой же степняк даст что-нибудь, не спросив зачем? Конечно, хозяин лопаты успел вывести у простодушного, не знающего местных обычаев горожанина цель приезда гостей.

III

После горячих объятий и расспросов гости вместе с аулчанами на двух машинах прибыли в аул Тендик, который в то время был одним из крупных отделений совхоза «Шадыра» (после кончины ученого названного его именем).

Родственник ученого Камаш Исакулы в честь радостной встречи заколол своего саврасого жеребенка. Седобородые аксакалы ели аппетитно пахнущее нежное мясо жеребенка и вели бесконечную беседу с дорогим гостем. Земляки настолько соскучились по нему, что не только сами оказывали Канышу Имантайулы свое внимание, но и от него ждали такого же интереса к делам близких. Эта ночь оказалась коротка и для академика, и для принимавших его аульчан: словно бы их далекая юность вернулась на эти недолгие часы...

Когда появились первые проблески рассвета, Каныш обратился к хозяевам:

— А теперь мы просим разрешения на отъезд. Пора нам в путь.

Земляки понимали, что нельзя насильно удерживать гостей, которые остались ради соблюдения обычая, и все обратили взоры в сторону аксакалов, сидевших на почетных местах рядом с дорогим гостем. Они молчали, не произнося ни «да», ни «нет».

Никто не решался нарушить тишину. Бокежан поспешил прийти на выручку президенту:

— Шоферы отдохнули, Канеке, будет правильно, если мы отправимся по утренней прохладе.

Стоило прозвучать этим словам, как из глубины комнаты раздался басовитый голос широкогрудого аксакала:

— Эй, Каныш, у нашего люда есть одна просьба, которую он хочет тебе высказать, да никак не может осмелиться. Если ты ответишь «да», то поедешь, если не согласишься — не отпустим!..

Каныш Имантайулы, собравшийся было встать, остался на своем месте. У порога замер Бокежан, явно сожалея о том, что они не вышли из дома сразу, как только президент объявил об отъезде. Не раз случалось на его памяти, когда учено-

го озадачивали неуместными просьбами и пожеланиями. Как бы и этот старик не ляпнул нечто подобное...

Тем временем Каныш Имантайулы спокойно сказал:

— Говорите, Муке! Чего хочет просить мой аул вашими устами?

— Скажу. Но прежде ты сядешь на место, — повелительно сказал старец Мукуш, свидетель его юных лет. Затем невозмутимо продолжал: — Каким бы большим деятелем ни был, для нас ты останешься прежним Канышем. И посему все твои земляки-аульчане, особенно старики, обращаются к тебе с такими словами: «Сколько нам еще осталось ходить по земле? Хотим услышать твой голос. Мы очень соскучились по твоим песням, дорогой наш Каныш...»

— Песню? — растерянно переспросил ученый.

— Правильно сказал Мукуш-ага! Все мы хотим песню! — аульчане загудели все разом.

То ли от удивления, то ли от волнения академик застыл с растерянной улыбкой на лице. Мало-помалу легкий румянец выступил на щеках, глаза молодо засияли. Преобразился и Бокежан, который только что смотрел на Мукуша с недоверием — степной мудрец и на этот раз оказался на высоте.

— Какую песню вам спеть?.. Назовите только одну, — обратился Каныш к землякам.

— Спойте нам «Канапию».

— Лучше «Ыргакты», давно не слушали.

— Нет, пусть исполнит знаменитого «Буркутбая». Только эту песню!

Последнее слово осталось за Мукушем. Он сказал:

— Исполни «Буркутбая». Мы все просим эту песню.

Именно ее думал спеть и сам Каныш Имантайулы. В далекие 20-е годы, когда он исполнял здесь обязанности народного судьи, все праздники, игры и вечеринки венчала песня «Буркутбай». С тех пор она и полюбилась аульчанам, особенно в виртуозном исполнении Каныша.

Из рук в руки передавали старую домбру для гостя. Вначале он прошелся по ладам, настроил струны. Затем с минуту играл без слов всем знакомую мелодию, подготавливая слушателей и настраиваясь сам. И только после этого на высокой ноте, как бы пробуя себя, чтобы утвердиться в силе своего голоса, издал традиционный степной возглас: «А-а!» — и без промедления запел:

Буркутбай — имя отца, брата — Омар.

Аул мой раскинулся у большого озера...

О певческом таланте ученого Бокежан был осведомлен достаточно. Не раз слушал его и за широким дастарханом, и в пути, как вчера. Знал, что Каныш-ага не принимал манеру исполнения некоторых певцов, которые искажали плавное течение народных мелодий, стремясь по-своему «улучшить» их. При этом они нарочито вставляли отсебятину, дабы «облагородить» песню. Бывали случаи, когда Каныш Имантайулы настолько выходил из себя, что останавливал певца, приговаривая: «Хватит, хватит, милый мой. Прекрати, достаточно!..»

Но как сам он пел под настроение! Его голос передавал переливы мелодии и тончайшие нюансы песни, и слушатели прямо-таки млели от восторга. В такие минуты Бокежану иной раз приходило в голову: «Если бы Каныш Имантайулы не был ученым, то стал бы поэтом; а если бы вдруг не пожелал этого, то из него наверняка получился бы превосходный певец!» Вот и сейчас, когда первый робкий проблеск утренней зари заалел на востоке, голос Каныша-ага летит над степью, изливая светлые и чистые чувства. Большой дом забит до отказа, яблоку негде упасть: стар и млад слушают, затаив дыхание.

Каныш пел размеренно. Не бил пальцами, как иные, по деке домбры, не надрывал голос. Мелодия и голос певца сливались воедино, наполняя сердца слушателей.

Голос его зазвучал во всю свою мощь, ему стало тесно в замкнутом пространстве, казалось, что он рвется на волю и летит уже где-то в поднебесной выси. Собравшиеся чувствовали состояние певца, который вложил в свое необыкновенное исполнение всю печаль-тоску по землякам, по родному краю. В песне звучали и бесконечная любовь, и радость встречи после долгой разлуки с родным аулом.

Певец умолк. Долго еще молчали потрясенные слушатели. Кто-то горько вздыхал, кто-то даже утирал слезы.

— Есть у вас еще просьбы?

— Теперь нам хочется сказать только одно, — заговорил аксакал Мукуш. — Каныш-жан, хоть тебе и не занимать ума, не посчитай наше напутствие излишним. Твои аульчаны поручили мне сказать об этом на прощание. Но это не просьба, а наказ! Так и понимай мои слова... Голос твой уже не тот, что прежде, ослабел немного. Мы это заметили, можно было бы сказать, чтоб ты берег свой прекрасный голос, но ты — не певец, живущий за счет этого дара. Я скажу о другом: силы твои будут только убывать, а не прибавляться. Поэтому береги себя. У тебя за спиной — целый народ, который всегда следит за

твоими деяниями и гордится твоей славой; твое имя мы проносим всегда с почтением!.. Помни об этом. Больше мы тебя не держим. В добрый путь, дорогой наш Каныш!..

* * *

Утренняя прохлада успокоительно подействовала на путников. Не надышаться свежим воздухом степи! Не радость владела ученым, а чувство горечи — ведь он прощался с едва приметными в ранних лучах солнца знакомыми силуэтами гор и холмов, со всем зеленым миром родной Сарыарки. В душе у него вновь звучал обжигающий сердце вопрос: «Увижу ли тебя вновь, родная земля?!..»

Он уже знал, что неизлечимо болен, потому остро предчувствовал, что видит свой отчий край в последний раз...

КОГДА ОСТАНОВИЛИСЬ ЧАСЫ

I

Первые признаки недуга появились в начале 1962 года. У Каныша Имантайулы пропал аппетит. Неведомая ранее тяжесть разливалась по всему телу после еды, и он подолгу не мог избавиться от неприятного ощущения. Вначале академик относил это к последствиям недавно перенесенного гриппа и не придавал серьезного значения своему состоянию, надеялся, что в скором времени все пройдет. Но шли дни, а перемены к лучшему не было. Больной обратился к старому другу-врачу, академику Сызганову. Пройдя обычные процедуры обследования, Каныш Имантайулы понял, что Александр Николаевич встревожен. Сызганов стал настойчиво уговаривать академика проконсультироваться у известного ученого-онколога, профессора Сайыма Балуанулы Балмуханова.

— Ничего серьезного, Канеке. Какой-то воспалительный процесс в кишечнике... Может быть, потребуется небольшой курс лечения... — заметил онколог после осмотра.

— А что, Сайым, если до весны я съезжу на отдых? Источники Кисловодска никогда не были мне противопоказаны.

— Тогда уезжайте немедленно.

— Считайте, что я уже на курорте.

Этот разговор произошел в начале марта. Через неделю президент отправился на Кавказ. Проведя там месяц, он по-

чувствовал себя так, словно никакой хвори и не бывало. Каныш Имантайулы решил вернуться домой через Москву, чтобы мимоходом обсудить в столице неотложные дела. Однажды после ужина в гостинице он почувствовал режущую боль в желудке. Всю ночь академик не мог уснуть. На следующий день вновь пришлось обратиться к врачу. В больнице, куда его положили на обследование, через несколько дней состоялся консилиум, который постановил: необходима срочная операция.

— Дайте подумать, посоветоваться с семьей.

Вернувшись в гостиницу, он позвонил в Алматы на квартиру младшей дочери:

— Меиз-жан, без тебя мне сейчас, видно, не обойтись. Отпросись с работы и побыстрее приезжай в Москву.

— Что случилось, папа?

— Ничего серьезного, балам*... Что я слышу — ты хнычешь? Я считал тебя взрослым, самостоятельным человеком! Мама не должна знать, что я тебя вызываю...

В столице Каныш Имантайулы постоянно останавливался в гостинице «Москва». В первое время он занимал трехкомнатный люкс на третьем этаже. Меиз в те годы еще училась в школе, иногда во время каникул отец брал ее с собой. Однажды, когда она уже была студенткой геолого-разведочного факультета, они с отцом в очередной раз приехали в Москву. Обжитый ими люкс оказался занят. Знакомый администратор гостиницы предложил им день-два пожить на десятом этаже в однокомнатном номере. Им нравилось здесь — просторно, светло, уютно, а самое главное, тихо, сюда не доносился уличный шум, как на нижних этажах. А вид какой! Вся Москва как на ладони: Манежная площадь, Кремль, университет, Мавзолей... Им так пришелся по душе этот номер, что и в следующие приезды Каныш Имантайулы стал останавливаться только в нем, даже звонил заранее, чтобы заполучить его. Вот и в этот приезд академик поселился в привычном 1052-м.

При входе в гостиницу Меиз встретила знакомых алматинских докторов — хирурга и онколога; это еще больше встревожило ее. Может, и они вызваны отцом? Значит, дело слишком серьезное...

— Папа, что это значит? — с дрожью в голосе проговорила она, едва войдя в номер.

* Дитя мос.

С Меиз отец всегда бывал откровенен. Делился иной раз такими мыслями, в которые не посвящал даже жену. Они оберегали легкоранимую Таисию Алексеевну от волнений. Вот и теперь он вызвал из своего многочисленного семейства одну Меиз.

— Я сам ничего толком не знаю, балам, — начал академик, глядя прямо в глаза дочери. — Завтра поедем на прием к знаменитому хирургу Александру Александровичу Вишневскому. Он собирает из-за меня консилиум, будут все здешние светила медицины. А я пригласил туда алматинцев — Сызганова и Балмуханова, которые давно уже лечат меня... И ты должна быть там.

Меиз отвернулась, чтобы отец не увидел выступившие слезы.

Мнения врачей на консилиуме разделились: одни настаивали на немедленном хирургическом вмешательстве; другие, сославшись на высокое артериальное давление больного, возражали против операции и предлагали облучение. Только в одном они были едины — прогрессирующая опухоль...

Чтобы лишней раз не мучить больного поездками взад-вперед, его оставили в госпитале Вишневского. Утром следующего дня Каныш Имантайулы позвонил в гостиницу:

— Меиз-жан, вызови машину из гаража Верховного Совета и увези меня скорее отсюда. Всю ночь глаз не сомкнул, давление поднялось.

Вернувшись в свой номер, он заказал билет на поезд.

В Алматы прибыли второго мая. Родственники, близкие друзья, которые все-таки узнали о неожиданной болезни президента, большой группой приехали встречать его на вокзал. А состояние академика тем временем улучшилось. Дорогой давление нормализовалось. Чем ближе подъезжали к дому, тем заметнее повышалось его настроение.

Встречавшие, увидев по-прежнему веселого и жизнерадостного Каныша Имантайулы, терялись в догадках. Всей гурьбой проводили его до дома.

II

В тот год Академия наук СССР приняла постановление о проведении 12–17 мая в Алматы XI сессии Всесоюзной геохронологической комиссии. Руководить ее работой было поручено Канышу Имантайулы как члену Президиума Союзной академии.

Объясни он свое состояние, его немедленно освободили бы от новой обязанности. Но академик и не думал делать этого. О его болезни пока не знал никто из официальных лиц ни в Алматы, ни в Москве. Таково было желание самого президента — не хотел будоражить людей. Поскольку на последнем консилиуме приняли решение начать сеансы радиоактивного облучения, договорились проводить лечение в местном онкологическом институте под наблюдением профессора С.Б. Балмуханова. Но лечиться в больницу академик не стал. Условились, что он будет приезжать на процедуры. В семье никто не знал обо всем этом, кроме Ханисы и Меиз. Такова была воля отца. «Не надо всех мучить, поделим с вами это бремя. Будем высоко держать голову, детки!..»

К работе президент стал относиться с еще большим, чем прежде, рвением. Он часами не отрывался от письменного стола. В конце мая 1962 года было объявлено о новых выборах в Академию наук республики. Каныш Имантайулы решил сам провести и это ответственное и трудное дело. Выборы состоялись 29 мая. В составе академии прибавилось четырнадцать новых академиков и двадцать один член-корреспондент. Самого Сатпаева общее собрание вновь единогласно избрало президентом.

Лечение продолжалось весь июнь, захватив и начало июля. Наконец, закончив назначенную консилиумом дозу облучения, врачи провели новое обследование. Они убедились в том, что рост опухоли приостановлен, болезнь не прогрессирует.

— Словно воспалительного процесса в кишечнике (этой версии врачи оставались верны до конца) не было. Можно надеяться, что вам скоро станет легче. Поздравляем, Канеке!

Он и сам чувствовал улучшение. Пища усваивалась легче, и боли уменьшились...

Он давно задумал привести в порядок свои домашние бумаги. Но никак не мог выбрать время для этого. Архив не приводился в порядок с приезда в Алматы, а после переезда в новую квартиру — в нем вовсе стало трудно разобратся...

Года четыре тому назад Сатпаевы наконец получили пятикомнатную квартиру улучшенной планировки в большом доме, построенном на углу Коммунистического проспекта (ныне Аблайхана) и улицы Виноградова. Квартира была довольно просторная: старшие дочери со своими семьями жили отдельно; так что в новой квартире они были лишь втроем, и потому младшая Ма-

риям и Каныш Имантайулы занимали персональную комнату для занятий.

Между прочим, стоит рассказать, как досталась ученому эта квартира.

Это было в конце 60-х годов. Один из конгрессменов США, совершивший ознакомительное турне по среднеазиатским республикам, по приезду на родину написал книгу обо всем увиденном, где было отмечено, что *«все эти среднеазиатские республики остались по-прежнему отсталыми, по сути колониями Российской империи...»*. Сидящие наверху решили дать опровержение, притом не сами, а устами другого американца. Был приглашен американский писатель (разумеется, симпатизирующий нашей стране). Словом, тот совершил турне по тем же местам, что и конгрессмен. И когда он приехал в Алматы, руководители республики надумали познакомиться его с академиком Сатпаевым, притом устроить это дело так, чтобы потом Каныш Имантайулы, как бы ненароком, пригласил зарубежного гостя домой на чашку чая.

Поручили эту миссию Ибраиму Тажиеву, секретарю ЦК КП Казахстана, ведавшему вопросами промышленности. Очевидно, учли то обстоятельство, что ученый его знал давно, с довоенных лет, они были почти ровесниками. Поэтому Тажиев без церемоний предложил ученому принять американского гостя в домашней обстановке. Однако Каныш Имантайулы, к удивлению Тажиева, в категорической форме отказался от его предложения и вообще от встречи с американцем...

Через некоторое время, как рассказывали мне очевидцы, Тажиев во время встречи, при людях, вроде бы в шутовой форме сказал: «Канеке, удивлен вашим отказом, я был наслышан, что в вашем гостеприимном доме часто, мол, ночуют и жезказганские буровики, и баянаульские чабаны. А вот американскому писателю у вас не нашлось чашки чая или Таисия Алексеевна ваша постарела?!» — «Ты бы, Ибеке, поинтересовался сначала, в каких условиях я живу», — ответил с досадой Каныш Имантайулы. Теперь удивился секретарь: «В чем дело? Почему вы так говорите?» — «Я живу в старой трехкомнатной квартире, построенной еще в довоенное время, там даже нет ванны, как во всех приличных домах... Так что благодарите меня за то, что я не сорвал вашу отлично придуманную показательную операцию», — ответил президент АН КазССР. «А почему мы не знаем об этом? Значит, сами виноваты», — хотел было оправдаться секретарь ЦК. Но его прервал сам Каныш Имантайулы: «Ладно, хватит об этом. Никогда я не просил ни у кого особых апартаментов и не буду. Живу, как все. — И благодушно закончил: — Меня это устраивает...»

У Тажиева, видно, заговорила совесть, не спрашивая ни у кого совета, не требуя даже всегда обязательного в таких случаях заявления просителя, он нажал на нужные кнопки, и через месяц после того неприятного разговора Таисии Алексеевне принесли и вручили ордер на новую пятикомнатную квартиру; мало того, тогда же, уже по ее просьбе, выделили в том же доме и подъезде напротив их двери еще двухкомнатную квартиру для семьи Меиз...

Конечно, после прежних неудобств это все показалось чете Сатпаевых царской роскошью. Теперь надо было размещаться. А за годы совместной жизни у них разного добра накопилось немало. Только книг — более четырнадцати тысяч, сотни связок рукописей. А сколько разнообразной корреспонденции! Надо было привести все это в какую-то систему. Сомнения ли, закравшиеся в душу в связи с тяжелой болезнью, или другие побуждения двигали, но как бы то ни было, с осени 1962 года Каныш Имантайулы начал регулярно заниматься своим домашним архивом. (Этот архив и книги впоследствии были переданы в дар по завещанию ученого библиотеке Института геологических наук.)

В тот год академик К.И. Сатпаев в четвертый раз баллотировался на выборах в Верховный Совет СССР по Жезказганскому избирательному округу. С радостью ехал академик в места своей молодости на встречу со старыми друзьями.

Вспоминает Алдаяр ТАЛКЕНОВ, бывший председатель Карсакапского райисполкома:

«В шахтерском городке Жезказгане состоялась встреча с кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Собралось много народу. Дворец горняков не мог вместить всех желающих. Люди стояли в коридоре, запрудили улицу. Многие приглашали его в гости: как-никак все старые знакомые, друзья, сподвижники в многолетнем сражении за Большой Жезказган. В некоторых домах он побывал сам, просто заходил проведать старожилы. Многие из них были уже на пенсии. Когда выяснилось, что невозможно посетить всех пригласивших, Канеке предложил: «Не смогу я побывать у всех. Соберитесь где-нибудь все, пообедаем один вечер вместе...»

Раз другого выхода не было, пришлось уважить его просьбу. Закупили ресторан, приготовили ужин. Народу тьма. Никто из старых геологоразведчиков, шахтеров не пожелал остаться дома. В тот вечер Канеке был в особо приподнятом настроении. Увидев меня, подошел к себе и спросил:

— Где ваша жена, почему она не пришла?

Попробовал было придумать причину, а он говорит: «Брось, Алдеке. Пойди пригласи Гульжан. Соскучился я по ее песням». Ничего не оставалось делать, позвал жену, которую оставил дома, думая, что неприлично будет ее присутствие здесь, в ресторане. Гульжан спела для него в тот вечер много народных песен. Не удержался и Канеке, взял домбру, да как запоет! Эх, как он пел! Какой у него был приятный голос!

Знал я ученого еще с Карсакапая, многое у нас с ним пережито. Хотя знал его давно, но таким на редкость веселым, бодрым он был, кажется, только в тот вечер. Оказывается, он был тогда серьезно болен. Кто знал?.. Какой могучий дух, какая щедрая душа у этого чело-

века! Знать, что проводит с друзьями последний вечер, и так его провести...

Утром следующего дня мы проводили его на поезд. Опять было многолюдно на вокзале: пришли руководители города, партийные работники, горняки. Стоя у двери салон-вагона, Канеке обратился ко всем провожающим:

— Друзья мои, жезказганцы! Старые добрые друзья! Помните те трудные дни, когда оказалось под сомнением богатство Жезказгана, когда было прекращено финансирование разведки? Помните мои слова, что в недалеком будущем здесь вырастет большой город?.. Теперь вот он, перед вами, Большой Жезказган! Настоящий гигант! Вот руда его. Каждый час отправляются эшелоны. А город! Молодой, красивый, со своим морем. Очень прошу вас, друзья, берегите наш Жезказган как зеницу ока. Хотя и велики наши богатства, но не беспредельны. Это земля, которая сторицей вознаградит за уважение и любовь к ней! — сказал и, помахав рукой, быстро скрылся в вагоне. Разволновался, видно, последние слова произнес с трудом.

Мы стояли зачарованные. У всех на глазах слезы. Это была, оказывается, последняя наша встреча с ним. Больше он не приезжал в Жезказган. Сердце его, наверное, чувствовало тогда, что он прощается с нами, со своим любимым детищем — Жезказганом. И слова его прозвучали как завещание...*

В том же году на первой сессии шестого созыва народного парламента страны Каныш Имантайулы был избран заместителем председателя Совета Союза Верховного Совета СССР. И это тоже было выражением доверия к его высокому авторитету ученого и государственного деятеля.

* * *

В тот последний приезд академик сделал серьезное замечание своему преемнику Василию Ивановичу Штифанову, начальнику Жезказганской геолого-разведочной экспедиции.

— Вася, ты, видать, уже привык к спокойной, благоустроенной жизни, что-то в последние годы стал равнодушен к работе.

Штифанов, никогда ранее ничего подобного не слышавший от своего наставника, оторопел.

— Ты что, решил только сливки снимать? — продолжал Сатпаев. — При твоём попустительстве горняки здесь делают, что хотят. Рудой со сравнительно низким содержанием меди они не желают заниматься. Что за хищничество? А тебя волнует лишь ежегодный рост запасов. Нельзя так, Вася. Если ты в скором времени не узаконишь добычу руды и с малым

содержанием меди, то считай, что в скором будущем положение Жезказгана осложнится...

Между прочим, об этом Каныш Имантайулы говорил и раньше — здесь же, в городе, на научной сессии по Большому Жезказгану, состоявшейся в 1961 году.

Из заключительной речи академика К.И. САТПАЕВА:

«Говоря о дальнейшем росте запасов меди в районе Жезказгана, мы не можем мириться с теми огромными потерями, которые допускаются сейчас в условиях разработки Жезказганского месторождения. Подобных потерь нельзя допускать, и геологи Жезказгана обязаны всемерно бороться с такими фактами. Между тем, к глубокому нашему сожалению, один из рудничных геологов И... красноречиво ратовал здесь в защиту выборочной отработки богатых руд Жезказгана. Это очень прискорбная, я бы сказал, даже тяжелая роль для геолога, в особенности для рудничного геолога, если иметь в виду, что ресурсы меди в стране сравнительно ограничены.

В Жезказгане в последние годы с легкой руки Гипроцветмета почему-то стали считать бедным такое содержание меди в руде, которое в настоящее время, по рекомендациям того же Гипроцветмета, на целом ряде месторождений, например, на Конырате и Бозшакуле, принимается не только в качестве минимального, но и даже среднего содержания меди в балансовой руде. В Болгарии, по проекту того же Гипроцветмета, сейчас эксплуатируются медные месторождения со средним содержанием меди всего в 0,4—0,5 процента. Как видите, в этом вопросе наблюдается пока что полная путаница. На Жезказгане почему-то считаются сейчас допустимыми большие безвозвратные потери меди при разработке. «Обосновывают» это лозунгом: «Стране нужна медь». Мы тоже хорошо знаем этот лозунг, но считаем, что эту потребность надо обеспечивать путем правильного планирования необходимого объема добычи руды, исходя из реального среднего содержания меди в месторождении и применения прогрессивных методов технологии переработки руды, а не путем «планового» омертвления огромного тоннажа меди в виде безвозвратных потерь в недрах месторождения. Сейчас в погоне за выборочной добычей богатой руды мы теряем в Жезказгане более одной пятой части его медных запасов».

Теперь, через год, он вновь возвратился к этому вопросу. Значит, не забыл о нем. Был, видимо, особый смысл в том, что он обратился со словами предостережения именно к Штифанову. Хотя он и выговаривал своему преемнику, но называл его по-прежнему коротко Васей, зная, что тот после разговора спокойно спать не станет.

Так оно и было. Через несколько месяцев, весной 1963 года, Штифанов без вызова сам прилетел в Алматы. Пришел к президенту академии и горестно поведал:

— Каныш Имантаевич, после нашей беседы семь раз ездил в Москву. Чьи только пороги не обивал. Однако добиться ни-

чего не смог. Никто не хочет узаконить низкий предел содержания меди для Жезказгана. Что теперь делать, ума не приложу.

Академик задумался.

— В ближайшее время поехать в Москву не смогу. Есть неотложные дела, — проговорил он. — А месяца через полтора жди от меня вестей. Подготовь все документы и жди. Как только получишь известие отсюда или из Москвы, немедленно вылетай.

— Рахмет*, Канеке, — улыбнулся Штифанов и протянул раскрытую ладонь.

— Что обрадовался, кончил дело, так сразу защекотало в носу?

— Ваш насыбай ведь особый, давно не нюхал.

— Радоваться еще рано, — сказал Каныш Имантайулы, насыпая щепотку насыбая в его подставленную ладонь, — тщательно готовь документы, чтобы московские чиновники там не смогли ни к чему придраться.

Вспоминает **В.И. ШТИФАНОВ**, Герой Социалистического Труда:

«Однажды, если память не изменяет, через месяц после моей поездки в Алматы, я получил условленную телеграмму из канцелярии президента. Быстро собрался и вылетел в Москву. Позвонил в известный номер гостиницы. Он сразу узнал меня по голосу.

— А, Вася? Уже прилетел?! — услышал я его радостно-возбужденный голос. — Я уже разведal кое-что... Сегодня хорошенько отдохни. Завтра вечером зайдешь ко мне, поедem в гости к одному богу...

На следующий день мы встретились с ним и поехали за город. Только тогда я догадался, что мы едем на дачу к знаменитому геологу Малышеву, который в годы войны имел большие полномочия в геологической службе страны. Как известный государственный деятель, он пользовался огромным влиянием и авторитетом среди геологов страны. Одно его слово в иные годы решало судьбу многих рудников и шахт. А в ту пору он являлся председателем Всесоюзной комиссии по запасам. Словом, едем к тому богу, который держал в руках судьбу будущего Жезказгана...»

Несколько минут ушло на взаимные приветствия, расспросы. Вспомнили геологов, ушедших из жизни. Через некоторое время хозяин дома спросил:

— Каныш Имантаевич, скажи-ка, милый, какая нужда заставила вас приехать ко мне? Чем я обязан твоему визиту?

* Спасибо.

— Илья Ильич, вам больше, чем кому-либо, известно, как нуждалась в меди наша промышленность в годы войны. Вы один из тех, кто стоял над нашими душами, требуя все больше этого добра. И отказа не было. Я сам указал на самые богатые залежи Жезказгана, чтобы обеспечить Балхашский завод высококачественной рудой. Таково было требование времени. Слава богу, сейчас мирное время. Но потребности народного хозяйства в меди не уменьшились. Они постоянно растут. Открыты новые месторождения. Теперь надо кончать со спешкой, соблюдать технологию добычи, брать руду подряд, не разделяя на богатые и бедные пласты. Это понятно сейчас всем, даже горнякам. Но когда доходит до дела, никто не хочет считаться с этими элементарными требованиями. Руководству рудников прежде всего надо справиться с планом добычи руды. И оно стремится достичь этого наилегчайшим способом, без всяких затрат. Не будем скрывать — разве мало их, поступающих так и получающих награды, ордена, окруженных почетом и славой? Именно таково сегодняшнее состояние Жезказгана, дорогой Илья Ильич. Горняки уже привыкли брать богатые руды, а бедные бросать в отвалы. Об этом я говорю на каждом совещании. Однако мое мнение для них не закон. На словах они соглашаются со мной, а на деле по-прежнему продолжают свое дело. Вот товарищ Штифанов провел почти полгода в Москве и не смог ничего сделать. Гипроцветмет сначала обещал проверить его заявление, однако, не желая возиться, положил его в дальний ящик.

— По-моему, твое беспокойство необоснованно. Мне известны запасы Жезказгана, на наш век хватит.

— Вынуждаете на откровенность, Илья Ильич, — неожиданно опечалившись, сказал Каныш Имантайулы. — Не хочу, чтобы через десяток-другой лет какой-нибудь умник бросил в мой адрес: «Вот посмотрите, что наделал этот Сатпаев — расславил на весь свет Жезказган, а запасов его руды не хватило и на сто лет». Мое желание: разведанные запасы руды должны быть полностью добыты! По-моему, самым подходящим, рентабельным будет брать руду со средним содержанием меди, указанным в нашей записке. Ни меньше и ни больше! Помогите нам, Илья Ильич.

— Разве можно тебе отказать, Каныш Имантаевич? Сколько дел своротили вместе, и каких дел!.. А ты, жезказганец, все хорошенько продумай и приходи со своими данными ко мне на службу. Там уж посмотрим, что получится...

Из очерка **Н.А. ФОГЕЛЬМАН** «Академик»:

«Еще до войны, когда вопросы экономики горного дела были плохо разработаны, он сам установил оптимальное содержание меди в массе добываемой в Жезказгане руды — 0,4 процента. Меньшее содержание становилось убыточным, большее — оставляло в отвале недопустимо много металла... Интересно, что только в 1963 году Гипроцветмет произвел сложные расчеты по определению оптимального содержания меди в руде, идущей на обогатительную фабрику, и дал ту же цифру: 0,4 процента. Поразительны интуиция Сатпаева, знание дела, забота о далеком будущем».

Весной 1963 года группа ведущих специалистов Лениногорского полиметаллического комбината за внедрение в производство новых эффективных методов добычи руды была удостоена Ленинской премии. Комитет по Ленинским премиям поручил Сатпаеву, как члену своего президиума, вручить лауреатам дипломы. И в начале октября он отправляется на Алтай. Исполнив свою миссию, президент академии не стал сразу возвращаться в Алматы. Он побывал на свинцово-цинковом и титаномагниевом комбинатах Усть-Каменогорска. Посетил Бухтарминскую гидроэлектростанцию, проехал по рудникам Зыряновска, Лениногорска, Тишинки, спускался в шахты.

Сказалась ли усталость многодневного путешествия, но притаившаяся болезнь вновь заявила о себе... Вечером после посещения Лениногорского ботанического сада он снова почувствовал боли в желудке, тошноту. Но не стал прерывать командировку. Лишь приехав в Алматы, Каныш Имантайулы обратился к своим врачам и по совету их в течение ряда дней принял несколько сеансов радиоактивного облучения. И снова ему полегчало.

В те дни ЦК КПСС готовил специальный пленум по вопросу развития химической промышленности в стране. Планировалось провести его в декабре. Каныш Имантайулы, как признанный знаток минерально-сырьевых баз, был приглашен в Москву для участия в заседаниях подготовительной комиссии АН СССР. Из Алматы они выехали втроем: Каныш Имантайулы, помощник президента Бокежан Аяпбергенев и племянник Кемел Акышев. Его спутникам на всю жизнь запомнилась дата отъезда: это было 19 ноября 1963 года... Запомнилась потому, что более нога Каныша Имантайулы не ступила на родную землю.

Выехав заранее, академик хотел заняться неотложными делами академии, да еще раз пройти врачебный осмотр. Но за делами заботы о здоровье отошли на второй план. Сатпае-

ву по целым дням приходилось заниматься материалами предстоящего обсуждения. Наконец, состоялся декабрьский пленум ЦК КПСС, а чуть позже началась сессия Верховного Совета СССР, на которой Канышу Имантайулы также необходимо было присутствовать.

В Москву приехала и Таисия Алексеевна. Они договорились, что на следующий день после завершения работы сессии уедут вдвоем на отдых в Кисловодск.

III

За окнами искрился декабрьский полдень. Ученый обедал в столовой академии и вдруг ощутил неприятные рези в желудке. Он покинул зал и отправился в гостиницу. Вскоре у него резко поднялось давление. Состояние продолжало ухудшаться с каждым часом. Ночью больной был доставлен в больницу.

В следующие несколько дней в Москву прилетели некоторые близкие и друзья академика. Среди них старшая дочь Ханиса, племянница Райхан Абикиевна, обе доктора медицинских наук, а также дочь Меиз.

Консилиумы созывались один за другим. Последний раз онкологи совещались во второй половине января по личному указанию министра здравоохранения СССР. В консилиуме приняли участие известнейшие академики и профессора. Их приговор гласил: «Медицина теперь бессильна, и при нынешнем состоянии больной не перенесет даже транспортировки...» Оставалось вести счет дням и часам. Когда остановится их бег?

Узнав о болезни Сатпаева, верные друзья один за другим ехали в Москву из далекого Казахстана. Люди приходили в палату к президенту, объясняя ему, что прибыли в командировку. Побыв с ним, возвращались домой удрученные. Часто навещали академика московские ученые, особенно много было среди них геологов.

Несколько раз в эти дни академик вспоминал о договорах Института геологических наук с предприятиями, составление которых в тот год задерживалось.

Из письма заместителя директора ИГН АН КазССР Г.Б. ЖИЛИНСКОГО автору этой книги, 12 сентября 1981 года, г. Магадан:

«Каныш Имантаевич в это время уже был обречен — он лежал в больнице в Москве, но не знал об этой диверсии — мы не сообщили ему, чтобы не волновать перед кончиной. Однако К.И. чувствовал нелад-

ное, так как часто спрашивал меня, как идут дела по оформлению договоров. Ведь на договорные средства содержалась половина всех сотрудников института, свыше 500 человек! Я уклонялся от прямых ответов, но он знал, что договоры еще не заключены. Писал, что его в больнице навещали руководители республики, министр геологии и что они его заверили: «Договоры будут подписаны, как только вернемся домой». А дело не двигалось. К.И. так и не дождался бы приятной для себя новости, если бы я сознательно не обманул его, сообщив телеграммой, что договоры подписаны. Это было за 2–3 дня до смерти Каныша Имантаевича. А дальше события развивались таким образом, что в день похорон К.И., отстояв в почетном карауле у гроба покойного, председатель Совета Министров КазССР Д.А. Кунаев подписал постановление, запрещавшее проводить нам работы по договорам. Оспаривать это ошибочное решение пришлось уже мне...»

Каныш Имантайулы еще спрашивал, кто занимается микрозондом, предназначенным для распознавания редких элементов и определения их содержания в рудных шлихах, прибор был закуплен в Японии за валюту усилиями самого президента. Он очень беспокоился о том, чтобы дорогостоящий и так нужный для дела прибор был освоен в родном институте надлежащим образом, и советовал своим помощникам не отпускать японского специалиста до тех пор, пока наши сотрудники не научатся работать на нем...

Очевидно, так угодно было судьбе, что последняя в жизни его тревога опять же оказалась связана с жезказганским месторождением: медленно строился комбинат, а медеплавильный завод, запроектированный еще в довоенное время, пока существовал лишь на бумаге. По обоюдному согласию из Жезказгана приехал директор горно-обогатительного комбината В.В. Гурба, и они вдвоем после завершения сессии Верховного Совета СССР должны были встретиться с А.Н. Косыгиным. Но, увы, не суждено было состояться этой последней встрече старых приятелей, уважавших друг друга...

Каныш Имантайулы оказался в больнице. Однако патриот Жезказгана, когда немного отпустила боль, успел-таки рассказать об этом деле старым друзьям П.Я. Антропову и Е.П. Славскому, чтобы от его имени они передали настоятельную просьбу А.Н. Косыгину: принять все еще терпеливо ожидавшего его выздоровления Виктора Васильевича Гурбу, выслушать и по мере возможности положительно решить вопросы развития Большого Жезказгана. Можно подумать: какое дело тяжелобольному человеку, которому осталось жить считанные дни, до какого-то производственного комбината; нынешний сугубо прагматичный человек наверняка скажет с иронией и сарказмом: «Лучше бы позаботился о себе или о своих близ-

ких...» Но натура Сатпаева была другая: он меньше всего думал о личном.

Так вышло и на сей раз: первый заместитель председателя Совета Министров СССР без промедления принял Гурбу. И все наболевшие жизненные вопросы по Жезказгану получили поддержку Союзного правительства: комбинату отпустили необходимые средства и фонды, он стал расти форсированно; кроме шахт-гигантов чуть позже, в 1973 году, был запущен и крупный медеплавильный завод; на берегу Кенгирского водохранилища строился новый город... Так что теперь, с высоты нынешнего времени, можно говорить о том, что навсегда уснувший патриот улутауской земли как бы благословил свое любимое детище на долгую жизнь не только в том, но и в наступившем XXI веке...

День 30 января выдался на редкость хорошим. Академик чувствовал себя значительно лучше. Он с аппетитом позавтракал. Посмотрев в зеркало, попросил пригласить больничного парикмахера. Ближе к обеду, когда Таисия Алексеевна и Ханиса поехали отдохнуть в гостиницу, обратился к оставшейся дежурить Меиз:

— Сядь-ка ближе, балам... Рассказать тебе сон, который я сегодня видел? Очень занимательный.

— Если хороший, расскажи.

— Снилось, будто брожу в горах. В руках у меня молоток — видно, искал руду. Кругом утесы, обрывы, осыпи. А мне почему-то все время хочется выбраться куда-то наверх, на простор. Но я постоянно оказываюсь в каких-то расселинах. И вот забрел я в темное сырое ущелье; чем дальше иду, тем все уже ущелье, отвеснее и выше становятся его стены. Я начинаю карабкаться, но каждый раз обрываюсь, сползаю опять на дно. Исцарапался, руки покрыты синяками. Но вдруг словно какая-то сила подхватывает меня, и я начинаю взбираться по скалистой круче с неведомой легкостью. И вот уже гребень, я поднимаюсь во весь рост и вижу: вместо острокопечной вершины передо мной равнина, бескрайняя степь. Сарыарка наша! Вдохнул полной грудью и почувствовал себя вольно, свободно. И что-то крикнул от радости... Ну что скажешь, дочка?

— По-моему, папочка, добрый сон. Но ты ведь, кажется, не придаешь значения снам?

— А сейчас почему-то легко стало на душе после того восхождения. Наверное, скоро домой поедем.

— И вправду, папочка! Не зря ты родную степь видел!

Весь день он был весел. Особенно когда пришли его давние друзья, союзные министры — Е.П. Славский и П.Я. Ант-

ропов. Они подарили больному альбом с фотографиями административного центра Мангышлака. Полистав альбом, Каныш Имантайулы тут же обратился к друзьям с просьбой ускорить строительство атомного реактора для опреснения морской воды, ибо живительная влага в этом крае — самая большая ценность. Друзья обещали ему, что сделают все от них зависящее.

Вспоминает доктор геолого-минералогических наук Меиз Канышкызы САТТАЕВА:

«Еще до обеда в тот последний день пришел в кремлевскую больницу геолог-поисковик Сакен Ержанович Чакабаев, занимавшийся разведкой жидкого топлива на Мангыстауском полуострове, в то время директор академического Института нефти, расположенного в Гурьеве (ныне Атырау). Медперсонал больницы не пропустил его к больному. Однако Сакен Ержанович не уходил, долго сидел в холле больницы, прося разрешения «хоть часок побыть под крышей, где находился его особо уважаемый учитель по геологии...» После ухода москвичей я сказала о нем папе. Отец тут же поручил мне немедленно привести нефтяника в палату. Сакен Ержанович, зайдя в палату, как-то замялся, по-видимому, его привел в растерянность болезненный вид любимого наставника, прежде жизнерадостного и никогда не терявшего оптимизма. Понурившегося посетителя выручил сам больной, сказав: «Ну, Сакен-жан, с чем пришел, как дела твои?..» Чакабаев встепенулся и с готовностью сообщил папе, что только вчера здесь, в Москве, в комиссии ВКЗ, успешно защитили все разведанные нефтяные и газовые запасы полуострова Мангыстау, что отныне этот край становится одним из богатейших мест не только Советской страны, но и во всем мире, конечно, мол, это открывает широкие перспективы на будущее. Отец очень обрадовался этому сообщению, он весь сиял, видно было, что это действует на него как сильное лекарство. Приподнявшись, он обнял Сакена, притом долго не выпускал его из объятий, приговаривая, что «он герой, настоящий джигит, совершил великое дело. И теперь этот пустынный край непременно преобразится!..»

Потом пришли алматинские врачи А.Н. Сызганов и С.Б. Балмуханов. Оказалось, что они, лечившие его в последние годы, специально прилетели из Алматы, чтобы еще раз проведать своего, как сами говорили, «замечательного пациента, показавшего своим примерным поведением стойкость и веру в исцеление». Они также приободрили его, сказав, что уже идет улучшение и скоро, наверное, на днях он сможет поехать домой, а там уже они сами его окончательно поставят на ноги. Почему-то папа сразу поверил им: с гордостью показал им подарок московских друзей — альбом с видами Форты-Шевченко, поделился мыслями о том, что хочет пригласить академика А.П. Виноградова, непревзойденного специалиста по редким металлам, и лично показать ему месторождения Кобырата, Рудного Алтая, Жезказгана и Мангыстау, затем провести в Алматы с его участием специ-

альную сессию Академии наук по вопросам разработки полиметаллических руд. Мало того, заставил меня записать фамилии известных ученых страны, которых надо будет пригласить на эту сессию...

Весь день почти прошел так. Он был в каком-то приподнятом настроении, хотя был очень слаб, все же говорил много, особенно был приветлив со всеми пришедшими к нему посетителями. Я уже подумала, что болезнь снова отступила, что ему помогли новые сильнодействующие лекарственные препараты, доставленные друзьями-министрами специально из ФРГ. Казалось, папе становится уже легче.

Поздно вечером того же дня, 30 января, когда я собиралась уходить на отдых в гостиницу, он, подождав меня к себе, сказал:

— Меизка, не знаю отчего, очень захотелось поесть ягод. Что, если завтра ты по пути сюда съездишь на рынок? Может быть, что-нибудь найдешь, а?

Я обещала, что обязательно съезжу на несколько рынков Москвы».

Но, проснувшись следующим утром, дочь почему-то не поехала выполнять просьбу отца, а, повинувшись какому-то предчувствию, сразу же отправилась в Кунцево. Войдя в больницу, Меиз узнала, что отец уже несколько часов лежит без сознания.

*«От Президиума Верховного Совета СССР.
Москва. Кремль, 1 февраля 1964 года.*

Президиум Верховного Совета СССР с глубоким прискорбием сообщает, что 31 января 1964 после тяжелой и продолжительной болезни на 65-м году жизни скончался видный советский ученый, президент Академии наук Казахской ССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, депутат Верховного Совета СССР, заместитель Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР, академик Каныш Имантаевич Сатпаев».

IV

Родной Казахстан прощался с ученым 3 февраля.

Гроб с телом покойного был установлен в фойе Государственного академического театра оперы и балета имени Абая. Вереница людей протянулась на несколько кварталов: русские, украинцы, казахи, киргизы, узбеки, уйгуры... Шахтеры Караганды, геологи Рудного Алтая, рабочие Алматы, чабаны из Баянаула... Ученые и писатели, государственные деятели, люди искусства... Соратники и ученики, товарищи... Шли без конца, несли цветы и венки. В почетном карауле друг друга сменяли старые друзья, делегации всех областей Казахстана, Москвы и многих союзных республик...

«Было утро. Я еще сидел за дастарханом, пил чай. Вдруг радио сообщило: «Умер Каныш Сатпаев...» Меня словно обухом по голове хватили — упал в обморок... — годы спустя рассказывал автору этой книги буровик-пенсионер Халык Темирбаев. — Вызвали врача. Он велел мне не вставать с постели, а я рвусь бежать. Как оставаться дома, когда самый дорогой тебе человек ушел из жизни?! Да ведь я потом не прошу себе, если, оберегая свое здоровье, не увижу в последний раз своего Кан-ага... Приехал в аэропорт. Оказывается, все старики из геологоразведки собрались здесь. А билетов в Алматы нет. Нашли Штифанова, говорим: «Иди заказывай специальный самолет, иначе и тебя не пустим на похороны». Таким вот образом все, кто еще оставался жив в ту пору из старой гвардии жезказганских буровиков, отправились провожать в последний путь незабвенного Кан-ага...»

За три года перед тем, выступая на похоронах великого своего современника, Сатпаев говорил:

— С этого часа имя Мухтара Ауэзова переходит в историю, отныне это имя мы будем произносить рядом с дорогами именами великих сынов казахского народа Абая Кунанбаева, Чокана Валиханова... Пройдут годы, и незабвенный образ дорогого Мухтара Омарханулы останется в наших сердцах и как легенда, сказ, песня будет передаваться из поколения в поколение. Чем дальше и отдаленнее будет время, тем краше будет звучать эта песня, легенда. И тогда бессмертное творение Мухтара Ауэзова вместе с его легендарным обликом будет сиять нашим людям, как яркая звезда на небесах...

И вот спустя три года такие же скорбные слова звучали на том же самом месте. Всю жизнь шли бок о бок два великана казахской культуры, и теперь могилы их оказались рядом...

ПЛАНЕТА САТПАЕВА

Известно, что каждая выдающаяся личность оставляет после себя след в истории. Огромен вклад академика Каныша Имантайулы Сатпаева в отечественную науку. Велики его заслуги перед страной. Зная и оценивая это, современники-коллеги в первые годы после его кончины называли три великие заслуги. Мы к ним прибавляем еще четыре.

ПЕРВАЯ из них — «выявление подлинной ценности Жезказганского рудного района, что, по существу, является подвигом

всей жизни К. И. Сатпаева, — писал в 1965 году профессор геологии В. С. Коптев-Дворников. — Благодаря поискам геолога Сатпаева Улутан-Жезказганский регион с 40-х годов был признан одной из трех уникальных медных мировых провинций, с тех пор этот край стал притягательным для десятков тысяч людей, сюда пришла современная индустрия». На горно-металлургическом комбинате, за создание которого так упорно и мужественно сражался академик, открыт музей истории предприятия. Один из залов музея посвящен жизни и деятельности замечательного ученого. А дом в Карсакпае, в котором Сатпаевы прожили более десяти лет, превращен в мемориальный музей академика.

Его имя носит Институт геологических наук НАН Республики Казахстан. Оно не только увековечено на мемориальной доске, установленной на фасаде института, — имя Сатпаева живет в делах, разносторонних исследованиях многочисленного коллектива, в его научных открытиях, в практическом воплощении их. Ведет здесь поныне работает созданная академиком школа казахстанских геологов. Возглавив вновь созданный Институт геологических наук, Каныш Имантайулы за короткий срок превратил его в подлинный научный центр геологической мысли, куда приезжали не только из Москвы, Киева, Еревана, Тбилиси, Новосибирска и других городов Советского Союза, но и из разных стран мира за советами и новыми идеями... Потому создание этого научного учреждения его современники считали **ВТОРЫМ** великим делом, которое он совершил в своей сравнительно короткой, но необычайно созидательной творческой жизни.

К ТРЕТЬЕМУ делу современники ученого отнесли рождение Казахской Академии наук. Совершенно бесспорен и не вызывает никакого сомнения факт, что академик Сатпаев был инициатором, основателем и создателем Национальной Академии наук. Казахстанскими учеными в те годы был сделан ряд выдающихся открытий — и в этих успехах опять же громадная заслуга неумолимого К. И. Сатпаева. В главном корпусе НАН РК, в фойе второго этажа установлена мраморная скульптура — Каныш Имантайулы сидит в раздумье, как бы испытующе вглядываясь в каждого, поднимающегося по ступеням этого величественного храма науки. И у посетителя невольно возникает жгучий вопрос: «С чем я иду сюда?..»

ЧЕТВЕРТАЯ — это его неоценимый личный вклад в Победу в годы Великой Отечественной войны. Являясь членом Всесоюзной комиссии по использованию ресурсов Сибири и Казахстана, он все сделал, чтобы оборонная промышленность страны была обеспечена в достаточном объеме стратегическим сырьем, в том числе и ферромарганцем для отливки крепкой брони. Триллионы пуль и снарядов, выпущенных по врагу, были немислимы без жезказганской руды, которая под личным контролем К.И. Сатпаева ежедневно отгружалась на Балхашский медеплавильный завод-гигант.

ПЯТАЯ заслуга состоит в исполнении вековой мечты казахского народа о живительной влаге в знойной Сарыарке. Проложенный в соответствии с замыслом К.И. Сатпаева канал Иртыш—Караганда дал жизнь комбинатам-гигантам, большим и малым городам, десяткам населенных пунктов, позволил многократно увеличить энергетическую мощь Экибастуза. И эти свершения его будут жить вечно!

ШЕСТАЯ заслуга САТПАЕВА пока известна небольшому кругу специалистов, и то лишь бывших очевидцами тех дней...

Осенью 1981 года оказавшись в Москве, я попросился на прием к министру среднего тяжелого машиностроения, трижды Герою Труда Е.П. СЛАВСКОМУ. Министр взял мою книгу с автографом, медленно полистал, поблагодарил за подарок, попутно заметив, что уже читал ее и признателен за упоминание о нем. А потом, пристально взглядываясь в портрет Сатпаева на обложке, спросил:

— Вы не торопитесь? Хотел бы кое-что вам рассказать. Молодой человек, запомните мои слова, когда-нибудь это пригодится, думаю, еще не раз будете писать о своем славном земляке...

Разумеется, мое внимание было полностью сосредоточено на хозяине кабинета, явно расположенном в те минуты ко мне. А он, будто бы о чем-то раздумывая, наконец произнес чуть простуженным голосом:

— Не обижайтесь на мои резкие слова, дорогой писатель, но скажу откровенно: вы, казахстанцы, до сих пор не поняли, какого необыкновенного человека имели в лице Каныша Имантаевича, великие заслуги его ведь еще не оценены во всей полноте не только в Казахстане, но и в союзном масштабе. В нашем веке вряд ли это произойдет. Скорее всего, вы это поймете лишь в XXI веке. И тогда наступит время Сатпаева, непременно наступит, запомните! — Славский тяжело вздохнул, ему тогда было уже под восемьдесят, и продолжил: — Он лучше всех нас, в том числе и многих своих коллег — ученых-геологов понимал тайны земных недр. Во всяком случае, Каныш Имантаевич

заранее знал, как и где найти предполагаемые месторождения полезных ископаемых, его научные предвидения всегда были верны. Производственники уверенно шли туда, куда он направлял. Не было случая, чтобы специалисты обманулись или разочаровались. Разумеется, я говорю о геологах нашего ведомства...

Ефим Павлович неожиданно улыбнулся, наверное, вспомнил какой-то неординарный случай.

— Конечно, многим это неведомо, но скажу для вас: вот эта — одна из трех высших моих наград, — сказал он, пальцем указав на ряд Золотых звезд на груди. — Одна не моя, она по праву принадлежит Канышу Имантаевичу. Ее я получил за создание большого производства на полуострове Мангышлак. А заставил меня идти туда академик Сатпаев! Да, да, это истинно так! Геологи там нашли для нашего производства дефицитное месторождение (я понимал, что речь идет об урановой руде, хотя министр конкретно не называл вид сырья. — М.С.). Мы могли подойти к месторождению со стороны моря, перебросив для производства все нужное оборудование, а готовую продукцию вывезти на самолетах... Но Каныш Имантаевич убедил меня в другом: нужно обязательно строить железную дорогу, заявив многозначительно: «История вознаградит вас, люди этого региона скажут спасибо, что заложили базу для новой жизни!..» — «Во имя чего?» — спросил я. «Мангыстау, да и весь обширный Атырауский регион богат не только этим сырьем. Там есть колоссальные запасы нефти, полиметаллов, марганцевых руд и еще много чего, о чем мы пока не знаем, но уже прогнозируем, — ответил тогда Каныш Имантаевич. — Идите туда смелее, ваши расходы оправдаются!..» Для того чтобы начать прокладку железной дороги через безводную глушь, где даже не растет трава, где нет ни одного деревца — под тенью которого можно было спрятаться от палящего солнца, надо было иметь веские основания. А их в то время еще не было, одни лишь предположения... о будущих открытиях. И мы, опять поверив дальновидности Сатпаева, начали строить эту «дорогу жизни» длиной более девятьсот километров. Через пять лет к порту Актау пришел первый поезд! Были затрачены огромные средства, от моих недоброжелателей в высшие инстанции посыпались жалобы. На меня завели персональное дело, предстояло в Комитете народного контроля оправдываться за миллиардные расходы государственных денег... Но мне, как видите, повезло, родился, так сказать, в рубашке: в 1961 году, когда вокруг меня стали сгущаться тучи, ударил первый фонтан нефти, а за ним последовали другие...

Словом, вместо вынесения выговора или снятия с поста меня наградили еще одной Золотой звездой, — усмехнулся хозяин кабинета, продолжая свой рассказ-исповедь. — Я тогда говорил откровенно, что это не моя заслуга, просил наградить заодно и академика Сатпаева, что, мол, так будет справедливее. Мы с министром геологии СССР А.В. Сидоренко тогда же внесли в Советное правительство официальное ходатайство об этом. Увы, из родного Казахстана, не могу и не хочу обвинить ваш народ, он добрый, трудолюбивый и талантливый... но оттуда поступили, вместо положительных характеристик,

всякие грязные доносы на Сатпаева... И он, великий сын своего Отечества, выдающийся ученый нашего времени ушел из жизни, не получив ни одной из этих заслуженных Золотых звезд... Конечно, заслуги человека в истории не оцениваются количеством полученных орденов и медалей, они нужны только нам, живым. Для народа и для истории эти почести ничего не значат. Самая высшая награда — это любовь и признание народа, а этим Бог не обидел моего покойного друга, я уверен, что имя и дела академика Сатпаева бессмертны!..

Кстати, то предвидение Каныша Имантайулы несколько не связано с наитием или волшебством, оно было строго научным и основывалось на действительных фактах геологической разведки. Документы свидетельствуют, что еще в 1949 году академик К.И. Сатпаев, руководя выездной научной сессией АН КазССР, проходившей в Гурьеве, обратил внимание участников форума на возможные запасы жидкого топлива и газа на полуострове Мангыстау. И позднее он неоднократно организовывал, помогал оснащать необходимой техникой, укреплять средствами и кадрами геологические экспедиции, работавшие в этом крае, не один раз выезжал туда сам. Так что все новейшие и перспективные данные разведки «полуострова сокровищ» были ученому хорошо известны. Поэтому он, как опытный поисковик, был уверен и научная интуиция ему подсказывала, что недалек день большого открытия! **И оно было сделано!**

Академик Сатпаев положил начало развитию металлогенической науки в Казахстане. Поистине выдающимся достижением, плодом многолетней напряженной работы многочисленных научных и производственных коллективов стала разработка и подготовка под его руководством «Комплексных прогнозных металлогенических карт Центрального Казахстана». Попытки составления подобных карт в Советском Союзе и за рубежом позднее неоднократно были повторены. Но все же сатпаевские карты по сей день по точности прогнозируемых месторождений остаются непревзойденными! О выдающейся роли Сатпаева в развитии металлогенической науки говорили все выступавшие ученые-геологи, участники торжественного заседания, состоявшегося в Москве весной 1999 года, посвященного 100-летию со дня рождения академика.

Именно в этом заключается **СЕДЬМАЯ** заслуга великого казахского ученого.

К чести К.И. Сатпаева, он не остановился на достигнутом. Открытие закономерностей рудоотложений в раннем палеозое (600 миллионов лет тому назад) воодушевило его на новые исследования. Он замахнулся на более древние эпохи, желая выявить закономерности рудообразований в докембрийский период земли (1,52 миллиарда лет тому назад)...

Судя по материалам, включенным в сборник «Академик К.И. Сатпаев и наука Казахстана», Каныш Имантайулы был близок к решению этой сложнейшей научной задачи, намного опередив в этом направлении всех своих коллег. По свидетельству специалистов, в некоторых своих теоретических предположениях казахский ученый вплотную подошел к выводам о происхождении земли и космоса, аналогичным гипотезам великого русского ученого, академика В.И. Вернадского. К сожалению, судьба не дала ученому завершить задуманное...

* * *

Сатпаев как ученый был необъятен, поразительна широта и глубина его мысли, и с полным основанием современники говорили, что он человек энциклопедических знаний. Да, это так. Сатпаев был выдающимся естествоиспытателем природы, потому его славные дела перешагнули национальные границы, органически стали частью мировой науки. «Он внес большой вклад в развитие науки и культуры Казахстана, обогатив тем самым мировую науку, потому мы с большим уважением относимся к памяти гениального казахского ученого К.И. Сатпаева», — заявил в дни торжественного празднования 100-летнего юбилея ученого в Алматы заместитель генерального директора ЮНЕСКО доктор Патрисιο Берналь.

Многие годы ученый был в центре всеобщего внимания. Он неоднократно избирался депутатом в Верховные Советы страны и республики, удостоивался высоких наград. Ему присуждались Государственная и Ленинская премии, он избирался действительным членом Союзной и Казахской Академий наук, почетным академиком Таджикской АН, членом многих общественных организаций Советского Союза и мира. Его жизненный путь не всегда был усыпан розами, были и годы несправедливых гонений. Но К.И. Сатпаев всегда был убежденным оптимистом, никогда не терял веры в себя, стойко и до конца боролся за правду!

Он был великим и одновременно простым, всегда доступным и скромным человеком. Природа наделила его высоким ростом, статью, красотой. Он был благороден, интеллигентен и красноречив. Каныш Имантайулы выделялся в любой толпе, его всегда замечали и запоминали...

Не скудеет с годами память о Сатпаеве. Люди хотят знать больше о народном академике. В Алматы, в том величественном здании Национальной Академии наук, в основание которой он закладывал первый камень и через годы с завидным упорством довел ее до завершения, в настоящее время действует мемориальный музей ученого. В Баянауле и Карсакапae открыты мемориальные экспозиции... Отрадно отметить, что в Москве накануне празднования 100-летнего юбилея ученого был обновлен стенд в Музее Новейшей истории (бывшем Музее Октябрьской революции), рассказывающий о жизни и деятельности казахского ученого, академика РАН, где, между прочим, выставлены все его награды, дипломы, свидетельствующие о присуждении научных степеней, престижных премий, удостоверения, вплоть до постоянного пропуска в Кремль и правительственные учреждения, и некоторые личные вещи.

По реке Или плавает пароход «Академик Сатпаев». В Джунгарском Алатау его именем названы ледник и вершина, которую альпинисты покорили в год его смерти. Геологи назвали минерал, открытый ими в рудах Каратауского ванадиевого месторождения, сатпаевитом. Почти в каждом городе родного Казахстана накануне празднования 100-летнего юбилея ученого его именем названы школы, центральные улицы. По постановлению правительства в 1987 году бывший рабочий поселок Никольск переименован в г. Сатпаев, возведены монументальные памятники в Жезказгане и Алматы (в 1999 г. установлены бюсты ученого в Семипалатинске, Экибастузе, Атырау, Кызылорде, Павлодаре, Караганде, открыт памятник и в Баянауле)...

Как видим, восторжествовала справедливость. Теперь можно было уже говорить, что звездное время Сатпаева наступило. Этому во многом способствовал 100-летний юбилей ученого, который праздновался в 1999 году. В числе намеченных главных мероприятий были: переиздание собрания трудов ученого в восьми томах; выпуск энциклопедии «Сатпаев»; создание художественно-документальных фильмов и сборников воспоминаний и других произведений (в итоге увидели свет около 30 малых и больших книг о нем!); был намечен и проведен еще ряд значительных мероприятий... Отрадно от-

метить, что юбилей нашего славного современника, названного «великой личностью казахского народа в XX веке», вылился в настоящий всенародный праздник.

«К.И. Сатпаев — один из великих людей не только бывшего Советского Союза, но и уходящего века, который своим гением, своим трудом практически создал новую научную школу. На такой уровень из Казахстана еще никто не поднимался. Жизненный путь его был нелегким, как мы знаем, талантливых всегда преследуют, мудрому всегда не верят, таково было общество, в котором мы жили, — всякие перипетии были в его жизни, он испытывал преследования, унижения и не был как следует оценен, — говорил президент РК Н.А. НАЗАРБАЕВ в дни празднования юбилея ученого. — Через Сатпаева мы еще раз миру через ЮНЕСКО пропагандируем великого сына нашего народа, через его биографию, его труды, его гений мы пропагандируем казахский народ, нашу республику и то, каких сыновей родила эта земля...»

По сути, это был год настоящего триумфа Сатпаева — гордости земли казахской! Торжественно, достойно его славы отметили эту дату в Москве, Томске, Баке, Новосибирске, Ташкенте, Бишкеке, Ашгабаде, Душанбе. Тысячи людей собрались отметить сатпаевские дни в Баянауле, Павлодаре, Аксу, Атырау, Экибастузе, Жезказгане, во многих областных центрах Казахстана. А Алматы стала главным городом, где в весенние апрельские дни прошли торжественные собрания, митинги, научные конференции, международный симпозиум с участием делегаций Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска, Китая и всех государств ближнего зарубежья. 12 апреля, в полдень был открыт величественный памятник ученому на площади, находящейся на пересечении улиц его имени и А. Байтурсунова, перед зданием главного корпуса Казахского технического университета, носящего с этого года также имя академика К.И. Сатпаева.

Целых девять дней с 13 по 22 апреля находилась в Париже делегация казахстанских ученых и представителей творческой интеллигенции, знакомившая международное сообщество с достижениями республики в различных отраслях знаний и культуры. Запали в душу и запомнились слова, произнесенные на открытии выставки «Академик Сатпаев и наука Казахстана» госпожой Франсин Фурнье, заместителем генерального директора ЮНЕСКО: *«Вглядитесь в жизненные вехи гениального сына казахского народа: мы видим ветхое здание старой школы, юрты, караваны верблюдов, и в этой, характерной для кочевников-номадов, привычной обстановке ярко выделяется одаренная натура будущего великого ученого...»*

А его подкупающе выразительная и жизнерадостная улыбка? Мне кажется, что это также характеризует академика Сатпаева как большого оптимиста и гуманиста, нацеленного на служение истинно человеческим идеалам!..»

И действительно, стенды с фотографиями и редчайшими этнографическими экспонатами, стеллажи с трудами ученого, книги о нем, образцы чудесных минералов из недр далекой казахской земли и венчающий выставку огромный портрет Каныша Сатпаева — все это наглядно показывало иностранному посетителю ту среду, эпоху, общество, где он рос, воспитывался и, наконец, был признан как лидер науки. Словом, человек, не знакомый с его именем и трудами, здесь открывал для себя нашу страну, историю, науку и культуру.

Огромный успех выставки был налицо, создателям ее удалось показать, что труды талантливого творца науки академика К.И. Сатпаева не пропали даром, что они дали добрые всходы и могут и в будущем служить всему человечеству!

Положа руку на сердце, скажу откровенно: горжусь, что я лично, как один из биографов К.И. Сатпаева, был участником главных юбилейных мероприятий — в Павлодаре, Жезказгане, Алматы, также и других городах, областных центрах нашей республики. А в Париже мне довелось выступить с трибуны ЮНЕСКО, когда в штаб-квартире этой организации 16 апреля 1999 года проходила научная конференция «Наука Казахстана: от прошлого к будущему», посвященная памяти славного сына нашего народа...

Наконец, отметим и то, что есть планета во Вселенной, носящая имя великого человека, родившегося на казахской земле!

...Малая планета 2402 была открыта 31 июля 1979 года крымским астрономом Н.С. Черных, как объект 16,5-звездной величины в созвездии Водолея. Из циркуляра, выпущенного Межпланетным центром (США, Смитсоновский институт), научный мир узнал, что по желанию ее первооткрывателя новая планета названа именем академика К.И. Сатпаева. Что же собой представляет это небесное тело, ставшее нерукотворным памятником славному сыну казахского народа? По расчетным данным, диаметр астероида «2402, Сатпаев» около одиннадцати километров. Он обращается вокруг Солнца по эллиптической орбите со следующими параметрами: большая полуось (среднее расстояние от Солнца) — 2,223 астрономической единицы, или 332 миллиона километров, эксцентриситет 0,130, наклон орбиты к эклиптике 5,169 градуса. Полный оборот вокруг Солнца малая планета Сатпаев описывает за три года и 3,7 месяца. Через каждый год и пять месяцев Земля в своем орбитальном движении догоняет малую

планету и проходит мимо нее. «Малая планета Сатпаев» постоянно находится в созвездии Тельца, выше известного звездного скопления Плеяды, видна как звездочка малой величины.

Отныне мы вправе говорить, что имя казахского ученого увековечено не только на его родной земле, но и в космосе, где в безбрежных просторах Вселенной на расстоянии сотен миллионов километров от Земли свершает свой вечный ход малая планета Сатпаев.

* * *

XX век подарил казахскому народу не только Каныша Сатпаева. **АХМЕТ БАЙТУРСУНОВ, АЛИХАН БОКЕЙХАНОВ, МИРЖАКУП ДУЛАТОВ, ЖУСУПБЕК АЙМАУЫТОВ** и другие возглавили движение казахского народа по пути прогресса. Судьба предначертала им быть первыми — в просвещении, в борьбе за национальную независимость. Их жизнь оборвалась в самом расцвете лет — мало кто из них дожил до пятидесяти. Каныш Имантайулы хорошо знал всех этих людей, с некоторыми из них был близок и дружил, многие опекали и поддерживали его в юности.

К сожалению, рано сложили головы его учителя, в том числе и три брата, с которых он брал пример, но судьба была милостива к **КАНЫШУ САТПАЕВУ** и **МУХТАРУ АУЭЗОВУ**, оставив их в живых. Один из них прославился в науке, другой — на литературном поприще. Они вместе с **АБАЕМ КУНАНБАЕВЫМ**, несмотря на чинимые преграды и преследования, стали гордостью и славой казахского народа.

Семипалатинск, Республика Казахстан.
1963—1979, 1988—2003 годы

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К.И. САТПАЕВА

- 1899, 12 апреля (31 марта) – Родился в ауле № 1 Аккелинской волости (Баянаульский район Павлодарской области Республики Казахстан).
- 1909–1911 – Учеба в Аккелинской волостной школе.
- 1911 – Поступление в двухгодичное училище Павлодара.
- 1914–1918 – Учащийся Семипалатинской учительской семинарии.
- 1918–1919 – Учитель естествознания двухгодичных курсов в Семипалатинске.
- 1920–1921 – Народный судья десятого участка Баянаульского района.
- 1921–1926 – Студент Томского технологического института.
- 1926–1941 – Работа в геолого-разведочной службе Карсакапского медеплавильного комбината.
- 1940 – Награжден орденом Ленина в связи с 20-летием Казахской ССР.
- 1941–1964 – Директор Института геологических наук АН Казахской ССР.
- 1941 – Заместитель председателя президиума Казфилиала АН СССР.
- 1942 – Присуждение ВАК ученой степени доктора геолого-минералогических наук. Присуждена Государственная премия СССР.
- 1943 – Избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.
- 1944 – Присвоено звание «Заслуженный деятель науки Казахской ССР».
- 1945 – Награжден орденом Ленина в связи с 220-летием АН СССР. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.
- 1946 – Избран президентом АН КазССР. Избран действительным членом АН СССР. Избран депутатом Верховного Совета СССР.
- 1947 – Избран депутатом Верховного Совета Казахской ССР.
- 1947–1964 – Член Президиума комитета по Ленинским и Госпремиям.
- 1950 – Утвержден в ученном звании профессора по специальности «геология». Избран депутатом Верховного Совета СССР.
- 1951 – Избран депутатом Верховного Совета Казахской ССР. Избран почетным членом Академии наук Таджикской ССР. Освобожден от должности президента АН Казахской ССР.
- 1955 – Избран депутатом Верховного Совета Казахской ССР.
- 1955–1964 – Президент Академии наук Казахской ССР.
- 1957 – Награжден третьим орденом Ленина.
- 1957–1964 – Заместитель председателя бюро Национального комитета геологов СССР. Член комиссии по металлогенической карте мира.
- 1958 – Присуждена Ленинская премия СССР. Избран депутатом Верховного Совета СССР.
- 1961–1964 – Член президиума и отделения геолого-географических наук АН СССР.
- 1962 – Избран депутатом и заместителем председателя Совета Союза Верховного Совета СССР.
- 1963 – Награжден четвертым орденом Ленина.
- 1964, 31 января – Скончался в Москве. Похоронен 3 февраля в Алматы.

Сатпаев К.И. Избранные труды. Т. 1–5. Алматы: Наука, 1967–1970; Собрание трудов. Т. 1–8. Алматы: Гылым, 1998–2002; Из писем и заметок. Алматы: Атамұра, 1998; Жажда познать Жезказган не ослабевае! Жезказган, 1990; Каныш Имантаевич Сатпаев. Материалы к биобиблиографии. М.: Наука, 1982.

Большой Жезказган. Сборник докладов и статей научной сессии АН СССР, М.; Л., 1935; Большой Жезказган. Геология и металлогения. Труды объединенной научной сессии. Алматы: Наука, 1961; Вестник АН КазССР. 1949. № 4/49; *Чокин Ш.Ч.* Путь Национальной Академии наук. Алматы: Гылым, 1996; Четыре времени жизни. Алматы: Билим, 1998.

История Казахской ССР. Алматы: КазОГИЗ – 1943, 1957. Павлодарский уезд. Издание экспедиции Ф.А. Щербины. Т. 4. Воронеж: 1903. Статистический отчет переселенческого правления. Семипалатинск: Типография Плещеева, 1912.

Воспоминания и статьи: Академик К.И. Сатпаев. Алматы: Наука, 1965; Академик К.И. Сатпаев и наука Казахстана. Алматы: Гылым, 1999; Яркая звезда. Алматы: Гылым, 2000; Мир Сатпаева. Алматы: Шартарап-С, 1999; *Сатпаева Ш.К.* Свет очага. Алматы: Казахстан, 1999; Абиkey Сатпаев. Алматы: Жибек жолы, 2000; *Батырбеков Г.О.* Академик К.И. Сатпаев и его современники. Алматы: Рауан, 1999; *Жумалиев К.* Жайсан жандар. Алматы: Жазушы, 1969; *Ораз Т.* Бала Каныш. Алматы: Жазушы, 1971; *Брагин А.И.* Первый академик. Алматы: Казахстан, 1989; *Мозильницкий В.* Медь Жезказгана. Караганда, 1996; На земле Сатпаева. Караганда, 1992.

Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргизкайсацкой степи, 1771 год. СПб., Изд. при Императорской АН, 1772.

Затаевич А.В. 500 казахских песен и кюев. Алматы, 1931; Исследования, воспоминания, письма и документы. Алматы: Казгосиздат худож. лит., 1958.

Весин-Харченко А. На берегу Кенгира. Алматы, 1950.

Пинегина Л., Федюкин С. Жезказган – город меди. Алматы: Наука, 1966.

Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. В 5 т. Алматы: Наука, 1961.

Исабаев К. На стыке судеб. Алматы: Казахстан, 1971.

Малышева М.П. Национально-территориальное размежевание Сибири и Казахстана 1919–1922. Семипалатинск, 1999.

В работе над книгой автор использовал материалы архивов Москвы и Санкт-Петербурга, Жезказганской ГРЭС, краеведческих музеев Жезказгана, Павлодара, Семипалатинска, Томского политехнического института, а также документы домашнего и персонального архива академика К.И. Сатпаева, Госархива РК. Кроме того, мной использованы публикации периодических изданий бывшего СССР и Республики Казахстан.

СОДЕРЖАНИЕ

Через тернии к Сатпаеву	5
-------------------------------	---

Часть первая. Истоки

Младший сын	15
Почему жеребенка не съел волк?	24
Мальчик учится танцевать	40
Крылья крепнут в полете	52
В годы бурные и тревожные	65
Член ревкома	79
Судья и профессор	103
В сибирских Афинах	117

Часть вторая. Большой Жезказган

Первые тропы	141
За подземными кладами	154
Турлан или Жезказган?	178
С верблюда на машину	197
Новые испытания	219
Перед судом корифеев	230
У наркома	246
Послание из XIV века	258
Будут и город, и море	267
И снова в бой	286
Проводы	306

Часть третья. Вершины

Все для фронта	319
Жездинская быль	330
Накануне	352
Есть Академия	369
Дары туманного Альбиона	381
Лавры	390
Тернии	408
Над пропастью	428
Всегда ли побеждает правда	443
Разведка по прогнозу	467
Новые высоты	484
Канал Иртыш—Караганда	501
Последний поклон	512
Когда остановились часы	520
Планета Сатпаева	536
Основные даты жизни и деятельности К.И. Сатпаева	546
Краткая библиография	547

Сарсеке М.

С 20 Сатпаев / Пер. с каз. С. Плеханова и авт. — 2-е изд., доп. —
М.: Мол. гвардия, 2003. — 548[12] с.: ил. — (Жизнь замечат.
людей: Сер. биогр.; Вып. 867).
ISBN 5-235-02625-X

Более сорока лет известный казахский писатель М. Сарсеке посвятил изучению жизненного пути славного сына казахского народа К.И. Сатпаева. Настоящая книга — не просто жизнеописание выдающегося ученого, фиксация фактов его биографии. Это эмоциональный рассказ о государственном человеке, ученом с мировым именем, первом президенте Академии наук Казахстана, отмеченном высшими наградами Родины за вклад в развитие геологической науки.

Вновь открытые архивные документы, письма, воспоминания современников, рассказы друзей и родственников академика легли в основу второго, дополненного издания книги.

УДК 82-94
ББК 72.3г

**Сарсеке Медеу
САТПАЕВ**

Главный редактор **А.В. Петров**

Редактор **Л.В. Еременко**

Художественный редактор **Н.А. Тихонова**

Корректоры **Т.И. Малиаренко, Г.В. Платова, Т.В. Рахманина, Е.В. Феохтистова**

Лицензия № ЛР 040224 от 02. 06.97 г.

Сдано в набор 12.08.2003. Подписано в печать 23.10.2003. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Уч. изд. л. 35,0+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 34141.

Издательство АО «Молодая гвардия». 127030 Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru.

Типография АО «Молодая гвардия». 127030 Москва, Сушевская ул., 21

ISBN 5-235-02625-X

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутинной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неудержимее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

Ги Шоссинан-Ногаре

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЖЕН И ВОЗЛЮБЛЕННЫХ
ФРАНЦУЗСКИХ КОРОЛЕЙ»**

П. Монте

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН
ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКИХ ФАРАОНОВ»**

В. Марочкин

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО РОК-МУЗЫКАНТА»**

Ж. Ленотр

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕРСАЛЯ ПРИ КОРОЛЯХ»**

М. Дефурно

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИСПАНИИ В ЗОЛОТУЮ ЭПОХУ»**

Ж. Брюнель-Лобришон, К. Дюамель-Амадо

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВО ВРЕМЕНА ТРУБАДУРОВ. XII—XIII ВЕКА»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87

<http://mg.gvardiya.ru> dset@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

А.-Г. Аман

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПЕРВЫХ ХРИСТИАН. 95—197»**

Э. Драйтова

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
А. ДЮМА И ЕГО ГЕРОЕВ»**

П. Фор

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ
ВО ВРЕМЕНА ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ»**

И. Клауас

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
В ЗАМКАХ ЛУАРЫ
В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ»**

М. Брион

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА МОЦАРТА И ШУБЕРТА»**

Ф. Декрузет

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА К. ГОЛЬДОНИ»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

в самое ближайшее время
представит на суд читателей следующие издания:

Ю. Лошиц
«ГОНЧАРОВ»

В. Томсинов
«АРАКЧЕЕВ»

Ю. Селезнев
«ДОСТОЕВСКИЙ»

Н. Старосельская
«СУХОВО-КОБЫЛИН»

Л. Выскочков
«НИКОЛАЙ I»

В. Андриянов
«КОСЫГИН»

А. Варламов
«ПРИШВИН»

П. Декс
«ГОГЕН»

А. Бегунова
«НАДЕЖДА ДУРОВА»

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:
787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87
<http://mg.gvardiya.ru>, dse1@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

в самое ближайшее время
представит на суд читателей следующие издания:

М. Бувье-Ажан
«АТТИЛА»

Н. Черкашин
«АДМИРАЛ КОЛЧАК»

М. Вострышев
«МОСКОВСКИЕ ОБЫВАТЕЛИ»

К. Жиль
«МАКИАВЕЛЛИ»

С. Федякин
«СКРЯБИН»

М. Брион
«МОЦАРТ»

Ж.-П. Ру
«ТАМЕРЛАН»

Р. де Кастр
«БОМАРШЕ»

И. Клулас
«ИАНА ПУАТЬЕ»

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87

<http://mg.gvardiya.ru>. dset@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

**В. А. Лопатников
ГОРЧАКОВ**

Среди лицейских товарищей Пушкин недаром особенно ценил юного князя Александра Горчакова. Поэт сумел каким-то образом предугадать его блестящее будущее. Министр иностранных дел, а затем канцлер, Горчаков блестящим умом и поразительной работоспособностью выделялся как среди российских министров, так и среди европейских политиков.

Осуществление либеральной реформаторской политики Александра II стало для Горчакова смыслом жизни и целью государственного служения. Задуманное давалось в сложной борьбе: накал общественных страстей, противостояние политических группировок, провокационные выступления печати, нападки радикалов, сделавших ставку на терроризм... У читателя сами собой возникают сопоставления с современной Россией, неожиданные и весьма любопытные, что придает книге особую актуальность.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dse1@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Л. В. Выскочков

НИКОЛАЙ I

«Николай Палкин», «коронованный барабанщик», «жандарм Европы» — эти и подобные им эпитеты в отношении «несимпатичного монарха», по выражению одного из историков, прочно закрепились как в массовом сознании, так и в исторической науке. Между тем император Николай Павлович был далеко не ограниченным человеком и незаурядным государственным деятелем, любящим, по его словам, «нашу матушку Россию». Да, он с гордостью называл себя «государем-консерватором», но не был реакционером, каким его часто изображают. Настоящая книга представляет собой по существу первую попытку дать взвешенную и объективную характеристику императору Николаю I как государственному деятелю и человеку.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Суцевская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dse1@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Е. Н. Цимбаева
ГРИБОЕДОВ

Это первая в России научно-художественная биография гениального автора комедии «Горе от ума» Александра Сергеевича Грибоедова, блестящего музыканта, дипломата, записного остролова и любимца женщин. Книга, написанная на основе архивных документов, представляет собой достоверное описание жизни героя на широком фоне быта и нравов его эпохи, а также общественно-политической обстановки в России и на меж-дународной арене в первой трети XIX века.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Суцеская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dse1@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Н. Д. Старосельская СУХОВО-КОБЫЛИН

Книга известного литературного и театрального критика Натальи Старосельской рассказывает о жизненном и творческом пути замечательного русского драматурга Александра Васильевича Сухова-Кобылина (1817—1903). Его трилогия — «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина» — более века не сходит со сцены русских и зарубежных театров. А. В. Сухово-Кобылин был не только драматургом, но и выдающимся мыслителем и философом. Его дневники, записные книжки и философские труды, в частности сохранившиеся фрагменты «Учения Всемир», позволяют установить связь различных явлений и их отражение в творчестве писателя, проследить эволюцию его взглядов на политические и экономические события в России XIX века, а также на отечественную культуру не только XIX, но и XX века. Трагические перипетии в судьбе Сухова-Кобылина могли бы послужить сюжетом для детективного романа.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сущевская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

В. Ежов

АДЕНАУЭР

Книга «Конрад Аденауэр — немец четырех эпох» — первое в России солидное исследование жизненного пути и деятельности выдающегося немецкого политика. В основу книги легли документальные и мемуарные материалы, не в последнюю очередь воспоминания самого Аденауэра, высказывания и оценки того времени. Представляются интересными личные впечатления автора, доктора исторических наук, профессора В. Д. Ежова, который во второй половине 50-х — начале 60-х годов был вторым секретарем посольства СССР в Бонне, неоднократно присутствовал на выступлениях К. Аденауэра в бундстаге, на его пресс-конференциях, мог наблюдать канцлера на приемах и других мероприятиях.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dse1@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Ф. Бедарида

ЧЕРЧИЛЬ

(перевод с французского)

Политическая карьера этого выдающегося британского государственного деятеля протекала на фоне двух крупнейших событий XX века — Первой и Второй мировых войн, которые и предопределили его судьбу, всю его жизнь. Три четверти столетия длилась политическая деятельность Черчилля, познавшего и блистательные взлеты, и катастрофические падения. Но его звездный час приходится на труднейший период человеческой истории — Вторую мировую войну, когда, получив пост премьер-министра, он призвал свою нацию сплотиться на борьбу с гитлеровской Германией и стал инициатором союзнической коалиции — Великобритания — СССР — США, завершившуюся Великой Победой.

Автор книги Франсуа Бедарида — французский историк, специалист по английской истории, основатель Института современной истории. На обширной документальной основе он описывает биографию Черчилля, привлекая читателя ясным, доступным языком и несомненным стремлением к объективности изложения.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Суховская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru.dsel@gvardiya.ru>

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОВОДА

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

www://mg.gvardiya.ru ☉ book@gvardiya.ru

ISBN5-235-02625-X

9 785235 026254 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я